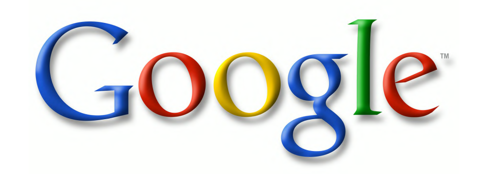

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

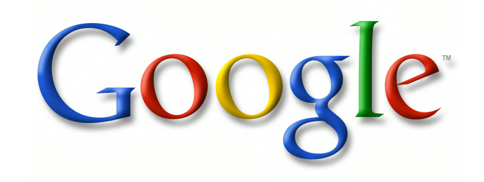
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

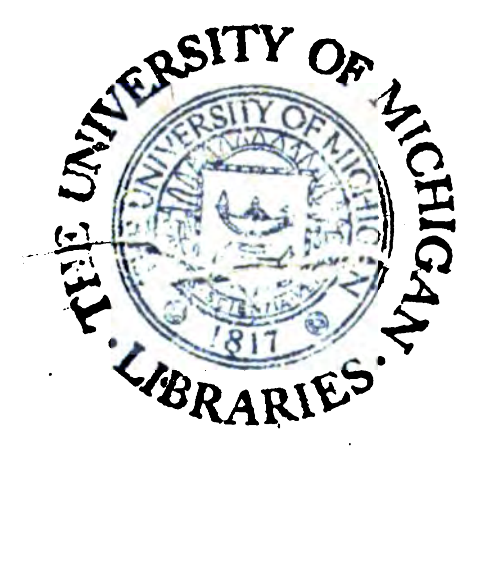
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

B 861,372

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

3561п/69

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. Плещеева

Pleshcheev, Aleksei Nikolaevich.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

(1844—1891)

ЧЕТВЕРТОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора, снимкомъ съ памятника на его могилѣ, біографическимъ очеркомъ, факсимиле и библіографіей стихотвореній

Подъ редакціей П. В. БЫКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА
1905

891.78
P726
1905

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

* * *

Вскоре тают снега, зажурчали ручьи,
И теплом небеса засияли...
Вот из леса опять — прилетевших соловьи
Зазвучали их всепобедные трели.
Как-то, ~~[illegible]~~ тебя встречу, не дождусь ли, весна!
Жду и я наболевшей душою,
Чтобы мне воскреснуть, пробуждённой от сна,
[illegible] [illegible] [illegible].
Сколько раз твоих [illegible], или [illegible] в [illegible],
Но [illegible] [illegible] примиренья
Я [illegible] [illegible], я [illegible] прощенья.
[illegible] в груди примиренье.
И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]: [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] очи,
Хорошо умереть в эти вешние дни
Въ эти теплые, тихие ночи.
Жаль и [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] от [illegible]
Когда всё вокруг тебя расцветает,
Что [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
С примиреньем в груди угасать.

А. Плещеев

× ×

ч из Вейсберга)

о царство мое не досталось...

и в душу запало.

утро хочется [illegible];

[illegible] желаний: [illegible]!

[illegible] [illegible] мучений,

[illegible] без конца.

[illegible] из несчастного сердца

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]..

×

[illegible] [illegible], что не держалась

один запас духовных сил,

[illegible] я со многим чего не стало

[illegible], гордый и свободный.

×

! Злоба [illegible] [illegible]

[illegible] на всё иное [illegible].

одно сознанье, что прошла

но теперь я уйду в могилу....

А. Плещеев

Мы чтим тебя приветствием [illegible]
[illegible],
И дорог нам Твой образ благородный.
Ты рано смолк; но в памяти народной
Ты не умрешь, вдохновенный поэт!

* *

Бессмертен тот, кто смело до конца
Добру и красоте не изменяет:
Кто возвышал умы и сладостью сердца,
И в жизни будет стремиться к идеалу.

* *

Из сердца песни, — средь пошлости стяжаний,
Средь лжи — кто вечно правде оставался,
И его образ [illegible] [illegible] сияет,
Когда [illegible] мiра [illegible] [illegible] стремился.

* *

И всё ещё теперь [illegible] свобод [illegible],
Во имя Твоё [illegible] [illegible] [illegible],
Чтобы душою мы [illegible] [illegible] средь [illegible]
О красоте и правде [illegible] [illegible].

* *

Всегда [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] ты [illegible] [illegible] [illegible];
Из праведной [illegible], — в [illegible] сердце и [illegible]
[illegible] добру и истине [illegible].

Вот почему, [illegible] царь,
[illegible] [illegible] [illegible] Твой образ [illegible];
Вот почему, [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] в каждом [illegible]!

А. [illegible]

Памятникъ на могилѣ А. Н. Плещеева въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя предыдущее, *третье*, изданіе стихотвореній Алексѣя Николаевича Плещеева, кстати сказать, разошедшееся очень скоро, и можно было назвать сравнительно полнымъ, тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ изданіи сдѣланы дополненія. Прибавлено семь новыхъ стихотвореній, изъ которыхъ одно впервые появляется въ печати. Не включенъ въ это четвертое изданіе только переводъ «Магдалины» Фридриха Геббеля, сдѣланный А. Н. Плещеевымъ въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ,—такъ какъ до сихъ поръ не удалось вполнѣ установить, какія именно мѣста переведены нашимъ поэтомъ—прозаическія или стихотворныя.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

При великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ въ числѣ бояръ былъ Ѳедоръ Акинфіевичъ Бяконтъ, сынъ боярина черниговскаго, переселившагося изъ Чернигова въ Москву около 1300 года. Одинъ изъ сыновей этого Бяконта, Александръ, имѣлъ прозвище *Плещей*. Отъ него и пошелъ старинный дворянскій родъ Плещеевыхъ, занесенный въ бархатную книгу и давшій цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей, получившихъ извѣстность на различныхъ поприщахъ и въ особенности на литературномъ. Такъ, во второмъ колѣнѣ этого рода замѣчателенъ Елевѳерій-Симеонъ Ѳедоровичъ, старшій сынъ Бяконта, впослѣдствіи святой Алексій, митрополитъ московскій, мощи котораго почиваютъ въ Москвѣ, въ кремлевскомъ Чудовомъ монастырѣ, имъ же построенномъ. Митрополитъ Алексій, помимо блаженной и святой жизни своей, былъ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ мужей своего вѣка. Тайный совѣтникъ Алексѣй Львовичъ Плещеевъ служилъ при Петрѣ I президентомъ каммеръ-коллегіи и при Петрѣ II—губернаторомъ московскимъ, а дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Ивановичъ († 1802), пользовавшійся, вмѣстѣ съ женой своей Натальей Ѳедоровной, урожденной Веригиной, особенною благосклонностью императора Павла Петровича и супруги его Маріи Ѳеодоровны, былъ извѣстный масонъ, видный писатель конца XVIII-го вѣка по географіи и статистикѣ и переводчикъ, между прочимъ составившій «Обозрѣніе Россійской имперіи», «Начертаніе путешествія великаго князя Павла Петровича», «Дневныя записки путешествія на островъ Паросъ, въ Сирію и Іерусалимъ» и др. Извѣстны также Михаилъ Ивановичъ Плещеевъ, воспитывавшійся въ Англіи и долго жившій за границей, помѣщавшій статьи въ «Опытѣ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», подъ псевдонимомъ «Англомана», и писательница Анастасія Ива-

новна Плещеева, урожденная Протасова, которая, между прочимъ, издала переведенную ею книгу г-жи Ле-Пренсъ де-Бомонтъ: «Училище бѣдныхъ, работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ нижняго класса людей». Она была замужемъ за Алексѣемъ Александровичемъ Плещеевымъ. У брата его, лейбъ-гвардіи прапорщика, Сергѣя Александровича, было трое сыновей—Павелъ, Александръ и Николай. Послѣдній, Николай Сергѣевичъ, коллежскій ассесоръ въ отставкѣ, женатый на дочери костромского помѣщика Еленѣ Александровнѣ Горскиной, и былъ отцомъ нашего поэта.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ родился 22 ноября 1825 года въ Костромѣ, гдѣ въ то время проѣздомъ находилась его мать. Спустя два года Николай Сергѣевичъ, служившій передъ тѣмъ при архангельскомъ, вологодскомъ и олонецкомъ генералъ-губернаторѣ, перевелся на службу, губернскимъ лѣсничимъ казенной палаты, въ Нижній-Новгородъ, куда переѣхала и его семья, и здѣсь протекли дѣтскіе годы будущаго поэта, который былъ ребенкомъ нервнымъ и впечатлительнымъ, страстно любившимъ свою мать и выказывавшимъ прекрасныя способности. До тринадцатилѣтняго возраста Алексѣй Николаевичъ учился дома, получивъ прекрасное первоначальное образованіе и хорошо усвоивъ три иностранныхъ языка, и затѣмъ, въ 1838 г., отвезенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ два года, по желанію матери, готовившей ему военную карьеру, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище). Это были памятные сороковые года, сыгравшіе столь видную роль въ исторіи умственнаго движенія русскаго общества, когда каждый сколько-нибудь развитой юноша жаждалъ серьезныхъ знаній и умственныхъ интересовъ, изучалъ западно-европейскихъ мыслителей, экономистовъ и писателей либеральнаго направленія, знакомился съ программами соціализма, и когда среди молодежи, подъ вліяніемъ событій на Западѣ и чтенія запретныхъ сочиненій, начиналось уже броженіе. Какъ ни былъ юнъ Плещеевъ, но вѣяніе того времени коснулось и его. Онъ усиленно пополнялъ пробѣлы своего образованія усерднымъ чтеніемъ произведеній европейскихъ мыслителей и начиналъ тяготѣть къ литературѣ, подъ вліяніемъ встрѣчъ и знакомствъ съ писателями. Учебное заведеніе, въ которое онъ поступилъ, совсѣмъ не отвѣчало его наклонностямъ и вкусамъ. По складу своего характера, онъ вовсе не чувствовалъ влеченія къ военной службѣ, его захватывали все болѣе и болѣе совсѣмъ иные идеалы, такъ что, въ концѣ-концовъ, Алексѣй Николаевичъ очень скоро вышелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и въ 1843 году поступилъ въ университетъ. Ему было тогда около восемнадцати лѣтъ, и поэтическая жилка сильно давала себя чувствовать. Усердно изучая европейскія литературы, увлекаясь театромъ, вращаясь въ кружкахъ молодежи и имѣя уже многія литературныя знакомства, между прочимъ посѣщая званые вечера А. А. Краевскаго,—юный Плещеевъ не могъ устоять противъ искушенія—повѣрить свои впечатлѣ-

нія, мысли и чувства бумагѣ, и сталъ писать стихи. Нѣсколько пьесъ онъ послалъ П. А. Плетневу, тогдашнему ректору С.-Петербургскаго университета, покровителю трудящейся молодежи, другу поэзіи, извѣстному литератору и журналисту, продолжавшему, по смерти Пушкина, изданіе «Современника». Стихи понравились Плетневу, который и помѣстилъ ихъ въ своемъ журналѣ. Это были «Ночныя думы», состоявшія изъ трехъ стихотвореній: «Дездемонѣ» (Віардо-Гарсіи), «Безотчетная грусть», «Дачи» и маленькая переводная пьеска изъ Рюккерта—«Пѣсня странника», напечатанная съ неполною подписью автора *А. П—въ* въ XXXIII томѣ «Современника» 1844 года (а не XXXI т. 1843 г., какъ значится во всѣхъ біографіяхъ Плещеева). Какъ ни слабы были эти первенцы молодой симпатичной музы, но въ нихъ уже чувствовались несомнѣнный поэтическій талантъ, вкусъ, извѣстное настроеніе, мысль, умѣнье владѣть стихомъ и искренность неподдѣльнаго чувства. Помѣстивъ четыре названныя пьесы, вотъ что писалъ Плетневъ Я. К. Гроту въ письмѣ отъ 18-го марта 1844 г.: «Видѣлъ ты въ «Современникѣ» стихи съ подписью *А. П—въ?* Я узналъ, что это нашъ студентъ еще I-го курса, Плещеевъ. У него виденъ талантъ. Я его призывалъ къ себѣ и обласкалъ его. Онъ идетъ по восточному отдѣленію, живетъ съ матерью, у которой онъ единственный сынъ, и въ университетъ перешелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, не чувствуя расположенія къ ратной жизни». Смутное ли сознаніе своего настоящаго призванія, простительное юношѣ честолюбіе и грезы о будущей славѣ, или семейныя обстоятельства, какъ говорится въ одной біографической замѣткѣ о поэтѣ,—но молодой литературный дебютантъ нашелъ нужнымъ бросить университетъ, чтобы со всѣмъ увлеченіемъ молодости отдаться литературѣ, даже дававшей ему нѣкоторый заработокъ. Тогда началась самая горячая пора журнальной дѣятельности А. Н. Плещеева. Въ журналѣ Плетнева и другихъ изданіяхъ онъ помѣщалъ переводы научныхъ статей и компилятивныя работы, а стихотворенія его довольно часто стали появляться въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Иллюстраціи» Н. В. Кукольника, «Репертуарѣ и Пантеонѣ» В. С. Межевича, «Литературной Газетѣ» А. А. Краевскаго и въ нѣсколькихъ альманахахъ. Изъ этихъ пьесъ и изъ новыхъ, не появившихся ранѣе въ печати, молодой поэтъ составилъ небольшую книжку стихотвореній. Она вышла въ 1846 г. съ эпиграфомъ «Homo sum, et nihil humani a me alienum puto» (Я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо) и была встрѣчена очень сочувственно почти всѣми тогдашними критиками и притомъ разныхъ лагерей. Отзывы о ней появились въ «Библіотекѣ для чтенія», «Современникѣ», «Литературной Газетѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Финскомъ Вѣстникѣ», «Иллюстраціи» и «Отечественныхъ Запискахъ». Въ послѣднемъ журналѣ Валеріанъ Николаевичъ Майковъ—критикъ, заступившій мѣсто Бѣлинскаго, далъ чрезвычайно удачную характеристику музы Плещеева, проявившаго

уже и тогда свою самобытность и занявшаго сразу особое мѣсто въ русской поэзіи. Сказавъ, что теперь настала иная эпоха, когда въ ходу сомнѣніе и безконечныя муки сомнѣнія, страданіе общечеловѣческими вопросами, стремленіе къ вѣчному идеалу, къ истинѣ, критикъ «Отечественныхъ Записокъ» замѣчаетъ, что такое направленіе исключительно въ русской поэзіи выразилось въ лицѣ Плещеева. «Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, г. Плещеевъ,— говоритъ онъ,—безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время... Онъ, какъ видно изъ его стихотвореній, взялся за дѣло поэта по призванію; онъ сильно сочувствуетъ вопросамъ своего времени, страдаетъ всѣми недугами вѣка, болѣзненно мучится несовершенствами общества и сгораетъ не тщетно жаждою споспѣшествовать его совершенствованію и торжеству на землѣ истины, любви и братства. Долю въ великомъ и благородномъ трудѣ совершенствованія человѣчества взялъ онъ на себя не по прихоти, не ради моды, но, какъ мы уже сказали, по призванію... Плещеевъ нерѣдко говоритъ въ своихъ стихахъ о самомъ себѣ; но это не плаксивыя жалобы на судьбу, не стоны разочарованія, не тоска по утраченномъ личномъ счастьи,— нѣтъ! это—вопли души, раздираемой сомнѣніемъ, глухая и упорная битва съ дѣйствительностью, безобразіе которой глубоко постигнуто поэтомъ и среди которой ему душно и тѣсно, какъ въ смрадной темницѣ. Онъ хотѣлъ бы выломать желѣзныя рѣшетки, отворить двери и окна, чтобы пропустить въ это жилище мрака и зловонія живительный лучъ солнца, благоуханную струю свѣжаго воздуха, дать отогрѣться и вздохнуть вольною грудью страдающимъ, изнеможеннымъ и безсильнымъ братьямъ, — но онъ одинъ... одинъ посреди этого хаоса личныхъ интересовъ и эгоизмовъ, сталкивающихся и путающихся между собою и гуломъ борьбы своей заглушающихъ его голосъ... Но голосъ его не слабѣетъ; изнемогая въ борьбѣ, но далекій отъ того, чтобы уступить, безславно бѣжать съ поля битвы, онъ восклицаетъ къ своимъ друзьямъ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!..
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать;
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!..
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ безумнымъ палачамъ!..»

Не менѣе сочувственный отзывъ объ этой книжкѣ стихотвореній А. Н. Плещеева, хотя и совершенно въ другомъ родѣ, былъ данъ въ «Современникѣ» Плетнева. «Каждый разъ,—говоритъ рецензентъ,—когда, отдѣляясь отъ толпы, выходитъ передъ вами человѣкъ съ дарованіемъ, не чувствуете ли вы, что собственная судьба ваша будто улучшается, что на поприще жизни ва-

шей кто-то будто бросилъ ароматный цвѣтокъ, что въ ваши занятія внесено что-то живительное—и вы безмолвно радуетесь будто встрѣчѣ съ другомъ? Въ нынѣшнюю эпоху охлажденія къ совершенствованію изящныхъ искусствъ вообще и въ особенности поэзіи, еще радостнѣе намъ было встрѣтить появленіе стихотвореній А. Плещеева, котораго дарованіе такъ видимо, такъ счастливо отдѣлилось отъ нашихъ современныхъ стихотворцевъ, погнавшихся за вычурнымъ слогомъ и уродливо эффектными картинами. Поэтъ напечаталъ пока только 46 небольшихъ стихотвореній. Изъ нихъ многія переведены имъ изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Всего любопытнѣе и замѣчательнѣе отдѣлъ пьесъ, переведенныхъ имъ изъ Гейне, котораго у насъ вообще знаютъ мало. «Переводя стихотворенія Гейне,—говоритъ г. Плещевъ,—я старался сдѣлать изъ него выборъ по возможности *разнообразный*, чтобы показать со всѣхъ сторонъ прихотливый и своенравный талантъ нѣмецкаго поэта. Гуморъ и мечтательность, грусть и насмѣшка, романтизмъ и дѣйствительность идутъ здѣсь рука объ руку. Въ Германіи пѣсни Гейне сдѣлались народными; отзывы французской критики доставили имъ прочную извѣстность во Франціи. И у насъ переведены нѣкоторыя пьесы Гейне, правда, весьма немногія, однообразныя и оттого, можетъ быть, не возбудившія сочувствія къ поэту. Оцѣнить предлагаемые переводы есть дѣло критики; но я осмѣливаюсь взять на себя отвѣтственность только за вѣрность ихъ подлиннику». Въ этихъ немногихъ словахъ мы находимъ гораздо болѣе такта, ума и вкуса, нежели въ иной длинной критикѣ. Видно, что поэтъ полюбилъ свое искусство не случайно и не изъ расчета. Онъ пріютился съ нимъ, какъ со своею судьбою, подъ сѣнь того забытаго нынѣ убѣжища, гдѣ нѣкогда обитала муза нашихъ истинныхъ поэтовъ. Уединеніе, трудъ и любовь къ простотѣ и природѣ—вотъ жребій подобныхъ людей. Въ стихахъ г. Плещеева находишь столько искренности чувства, столько безыскусственности и точности выраженій, столько мягкости и въ то же время упругости звуковъ, столько сердечной мечтательности, меланхоліи и въ то же время естественности образовъ, дѣйствій и положеній, что вѣришь каждому изъ его поэтическихъ сказаній, сочувствуешь его признаніямъ, любишь его надежды и братски дѣлишь его судьбу. Удивительнѣе всего, что при общемъ, какъ бы равномъ тонѣ его поэзіи, которой очеркъ мы набросали выше, перечитывая книжку, переходишь съ каждой новой пьесой къ новымъ ощущеніямъ, какъ это случается во время прогулки въ сельскихъ поляхъ и рощахъ». И въ «Библіотекѣ для чтенія» капризнаго и насмѣшливаго барона Брамбеуса (Сенковскаго) стихотворенія А. Н. Плещеева встрѣчены были очень снисходительно. Прежде всего рецензентъ похвалилъ переводы молодого поэта изъ Гейне, находя, что переводчикъ сдѣлалъ хорошій выборъ. «Переводы господина Плещеева,—говоритъ рецензентъ,—отличаются вѣрностью, гладкимъ стихомъ и простотой. Они почти вездѣ очень удачно передаютъ впе-

чатлѣнія подлинника, въ чемъ и заключаются условія хорошаго перевода. Въ собственныхъ произведеніяхъ господина Плещеева мѣстами замѣтно вліяніе его любимаго поэта и тогда они составляютъ какъ-будто продолженіе его переводовъ... Въ другихъ стихотвореніяхъ господина Плещеева, которыя вездѣ отличаются теплымъ чувствомъ и хорошимъ плавнымъ стихомъ, видно самостоятельное направленіе, еще молодое и невыработанное, но обѣщающее современемъ, при развитіи лѣтъ и таланта, много прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній».

«Литературная Газета» въ 1846 г. пріостановилась около того времени, когда появилась въ свѣтъ книжка стихотвореній А. Н. Плещеева, но, по возобновленіи своемъ въ слѣдующемъ году, подъ редакціей, В. Р. Зотова, она все-таки помѣстила большую критическую замѣтку (Д. П. Протопопова) объ этой книжкѣ; редакція предпослала замѣткѣ слѣдующее примѣчаніе: «Хотя стихотворенія г. Плещеева появились въ прошломъ году, но мы помѣщаемъ разборъ ихъ, присланный въ редакцію потому, что критикъ разбираетъ эти стихотворенія совершенно съ особой точки зрѣнія. Книга г. Плещеева была весьма замѣчательнымъ явленіемъ, и хотя мы не вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе критика о степени значенія стихотвореній, но тѣмъ не менѣе помѣщаемъ статью его съ удовольствіемъ». А вотъ что говорится въ самой замѣткѣ. «Мы стали читать стихотворенія г. Плещеева съ чувствомъ нѣкотораго предубѣжденія... Мы думали было встрѣтить также и въ стихотвореніяхъ г. Плещеева стихъ въ разладѣ съ мыслью, вычурную и прихотливую отдѣлку внѣшности безъ содержанія,—словомъ всѣ тѣ недостатки, которыхъ не чужды почти всѣ современныя произведенія нашихъ поэтовъ, но самый фактъ, т. е. самыя эти стихотворенія (съ которыми мы желаемъ, чтобы наши читатели покороче познакомились) были сильнѣе нашего предубѣжденія. Прочитавъ ихъ, мы принуждены были сознаться, что стихотворенія, собственно принадлежащія г. Плещееву, вовсе не принадлежатъ къ разряду тѣхъ поэтическихъ произведеній, которыя пишутся такъ, Богъ вѣсть для чего, безъ цѣли и причины, но большею частью оттого, что у поэтовъ есть бумага, чернила и другія стихотворенія, которымъ можно подражать. Яснымъ доказательствомъ того, что г. Плещеевъ понялъ свое назначеніе, какъ поэтъ, лучше многихъ его собратьевъ по ремеслу, пользующихся даже нѣкоторой знаменитостью, можетъ служить его стихотвореніе «Къ поэту», въ которомъ онъ развиваетъ эту многознаменательную мысль Бэрбье: «Le poète doit être un protestant sublime du droit et de l'humanité!», «Кто не страдалъ святымъ страданьемъ» и проч. Эти стихи убѣждаютъ насъ въ томъ, что сфера сочувствій г. Плещеева, какъ поэта, довольно обширна, что онъ умѣлъ сбросить съ себя тяжелыя узы старинныхъ привычекъ, увернуться изъ-подъ вреднаго вліянія общественной косности, возвысить свои идеи до того, что ему стало возможно сочувствовать интересамъ общечеловѣческимъ и слѣдить за разви-

тіемъ идей. Что такое направленіе поэзіи г. Плещеева не было случайностью, вынужденной надобностью разнообразить риѳмическое содержаніе его стихотвореній, но результатомъ опредѣленнаго сознанія, въ томъ убѣждаютъ насъ многія другія его стихотворенія, которыя, выражая его личность, могутъ быть порукой неподдѣльныхъ его сочувствій». Выписавъ затѣмъ пьесу «Страдалъ онъ въ жизни много, много», критикъ продолжаетъ: «Впрочемъ, не всегда муза г. Плещеева представляетъ лирическія картины въ будущемъ; иногда она сулитъ ему участіе въ сердцахъ человѣческихъ; тогда онъ, становясь Тиртеемъ истины, взываетъ ко всѣмъ, въ комъ можно предполагать сочувствіе къ истинѣ и справедливости: «Впередъ! безъ страха и сомнѣнья» и проч. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ Плещеева ясно обнаруживается благородное стремленіе души молодой расторгнуть путы мелкихъ общежитейскихъ интересовъ, признающихъ только разумность, въ ея чистѣйшемъ проявленіи, законодательницею общественной... Вообще, важность содержанія его стихотвореній (мы говоримъ о стихотвореніяхъ собственно принадлежащихъ г. Плещееву), указывая на глубокость чувствъ и многосторонность воззрѣнія поэта на міръ и жизнь, обѣщаетъ намъ въ будущемъ, что талантъ его не ограничится тѣсной сферой лирическихъ изліяній, а выступитъ на поприще болѣе обширное...» Слова страстнаго, благороднаго призыва въ стихотвореніи «Впередъ» легли въ основаніе всей литературной дѣятельности поэта; они нашли отголосокъ въ лучшей части образованнаго русскаго общества и сдѣлались какъ бы лозунгомъ нашего молодого поколѣнія, которое такъ горячо любилъ и въ которое всегда такъ твердо вѣрилъ Алексѣй Николаевичъ. Добролюбовъ справедливо говоритъ, что стихотвореніе «Впередъ» дышитъ «вѣрой въ себя, вѣрой въ людей, вѣрой въ лучшую будущность». Въ этой пьесѣ,—по замѣчанію другого, современнаго намъ, критика, — «ея господствующая нота никогда не исчезаетъ вполнѣ въ позднѣйшимъ творчествѣ А. Н. Плещеева; сквозь уныніе и усталость у него постоянно прорывается одушевленіе, внушившее юношескія его пѣсни—и этому одушевленію онъ обязанъ значительною частью своей силы».

Послѣ появленія перваго сборника его стихотвореній, которыя затѣмъ начали появляться въ разныхъ изданіяхъ очень рѣдко, А. Н. Плещеевъ сталъ пробовать свои силы и въ прозѣ. Онъ помѣстилъ нѣсколько переводовъ изъ Огюстьена Тьерри, Шеллинга и другихъ ученыхъ въ «Современникѣ» Плетнева, дѣлалъ компиляціи, былъ фельетонистомъ, писалъ рецензіи, изъ которыхъ нельзя не указать на его прекрасный разборъ книги А. Н. Майкова «Очерки Рима», напечатанный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» при редакціи А. Н. Очкина (1847 г. № 95). Съ 1847 по 1849 годъ включительно появились его повѣсти и разсказы: «Енотовая шуба», «Шалость» и «Дружескіе совѣты»—въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Папироска»—въ «Современникѣ» и «Протекція»—въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Эти прозаическіе скромные опыты его были замѣчены всѣми любителями легкаго чтенія и вызвали нѣсколько маленькихъ, лестныхъ для автора, отзывовъ въ печати, въ томъ числѣ и замѣтку М. М. Достоевскаго въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони (1848, кн. V). «Прежде всего намъ нравится въ этихъ разсказахъ,—говоритъ авторъ замѣтки,—легкость и непринужденность разсказа, простота вымысла и нѣсколько насмѣшливый, вскользь брошенный, но отнюдь не злобливый взглядъ на солидную жизнь, которую ведемъ мы съ вами, почтенный читатель. Правда, его взглядъ не проникаетъ въ самую глубь этой жизни въ разрозненныхъ ея явленіяхъ, не стремится отыскивать одной полной, потрясающей своимъ паѳосомъ картины, но тѣмъ легче для насъ съ вами, читатель. Потому-то, можетъ быть, намъ такъ и нравится этотъ насмѣшливый взглядъ на нашу солидность и наши солидныя слабости... Мы рады появленію въ нашей литературѣ такого легкаго дарованія, до того рады, что намъ было бы жаль, еслибъ авторъ, измѣнивъ своему невзыскательному роду, захотѣлъ попробовать свои силы въ болѣе серьезномъ родѣ. Послѣ такого прекраснаго начала и солидные и несолидные читатели въ правѣ ожидать отъ г. Плещеева труда болѣе обширнаго, но въ такой же легкой и занимательной формѣ».

Въ разгаръ своей литературной дѣятельности Алексѣй Николаевичъ вращался въ самыхъ передовыхъ кружкахъ того времени и поддерживалъ дружественныя отношенія съ молодыми писателями М. М. и Ѳ. М. Достоевскими, С. Ѳ. Дуровымъ, А. И. Пальмомъ, Ф. Г. Толлемъ, Ѳ. Н. Львовымъ и другими; эти лица составляли тѣсную литературную семью, которую связывала пламенная любовь къ литературѣ, высшіе интересы и почти одинаковый образъ мыслей. Одинъ изъ такихъ кружковъ собирался въ квартирѣ А. И. Пальма, С. Ѳ. Дурова и А. Д. Щелкова, жившихъ вмѣстѣ. Здѣсь бывала исключительно «штатская» молодежь. Поэзія, музыка, живопись были, по словамъ Пальма, культомъ этого небольшого кружка, зато на вечера Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго, «помимо эстетики, по инціативѣ хозяина и по какой-то стихійной силѣ, неизбѣжнымъ образомъ вторгались всѣ общественныя вѣянія того времени. Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабе, Père Enfantin, потомъ Ламне, Луи Бланъ и, наконецъ, Прудонъ захватили общее вниманіе, читались, перечитывались, комментировались и разбирались, какъ интересныя явленія движенія европейской мысли, съ ихъ чисто теоретической стороны, какъ исканія идеальнаго будущаго, и безъ малѣйшей попытки къ ихъ практическому примѣненію въ настоящемъ...» Мы, сами того не замѣчая,—говоритъ А. И. Пальмъ,—становились на весьма скользкую покатость... Замѣчательнѣе всего, что юные сенъ-симонисты, фурьеристы и коммунисты отлично мирились со своимъ настоящимъ общественнымъ положеніемъ... Если въ частныхъ бесѣдахъ, преимущественно въ спорахъ, было много рѣзкости и юношеской запальчивости, то положительно можно сказать, что конкретныхъ, твердо намѣченныхъ цѣлей ни у кого не было...

Это отчасти подтверждаетъ и А. П. Милюковъ въ своей книгѣ «Литературныя встрѣчи и знакомства», въ очеркѣ, посвященномъ Ѳ. М. Достоевскому. Не лишнимъ будетъ привести разсказъ его о нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи, тѣмъ болѣе, что онъ касается и А. Н. Плещеева. «Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи,—говоритъ А. П. Милюковъ. Съ первыхъ дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отозвались возстаніями въ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ, взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой; наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабанднымъ путемъ масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, несмотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя статьи; а между тѣмъ у насъ, больше чѣмъ когда-нибудь, стѣснялась научная и литературная дѣятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на молодыхъ людей... Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ, волей или неволей, народамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнитъ то время, тотъ знаетъ—какъ все это отзывалось на умахъ интелигентной молодежи. И вотъ, въ Петербургѣ начали мало-по-малу образовываться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаще всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса. Обычными посѣтителями тамъ были В. В. Дерикеръ—литераторъ и впослѣдствіи докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ институтѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили большею частью о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣ же молодые люди бывали и у меня. Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и, между прочимъ, спросилъ, не хочу ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я только-что прочелъ небольшую книжку

его стихотвореній, и мнѣ понравились въ ней, съ одной стороны, неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой—свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: «Поэту» и «Впередъ». И могли ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такія строфы, какъ напримѣръ:

Впередъ! Безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

«Разумѣется, я отвѣтилъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомить. И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры: Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ, и братья Достоевскіе—Михаилъ Михайловичъ и Ѳедоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ московскихъ казармахъ, и у него сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть болѣе обширный кружокъ—М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многолюдныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціальнаго характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень симпатичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому. Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной... Здѣсь, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постоянно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филипповъ, оба люди очень образованные и милые. Могу сказать положительно, что въ кружкѣ Дурова не было чисто революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя

было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры большею частью обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться». По складу своего характера, добраго, незлобиваго, по своимъ наклонностямъ и при особенной любви къ мирнымъ литературнымъ занятіямъ, по своимъ симпатіямъ, молодой Плещеевъ больше всего тяготѣлъ къ кружку С. Ѳ. Дурова, такого же, какъ и онъ, вдохновеннаго поэта, цѣнителя красоты въ жизни и искусствѣ и любителя и знатока западно-европейской изящной словесности. Это ему не мѣшало, однако, быть ревностнымъ посѣтителемъ и вечеровъ Буташевичъ-Петрашевскаго. Какъ бы то ни было, но въ апрѣлѣ 1849 года въ Петербургѣ происходили многочисленные аресты по дѣлу петрашевцевъ и тогда же былъ арестованъ въ Москвѣ и Алексѣй Николаевичъ, ѣздившій туда по домашнимъ дѣламъ. Его привезли въ Петербургъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ девять мѣсяцевъ. Окончательный приговоръ генералъ-аудиторіата относительно нашего поэта былъ мотивированъ такимъ образомъ: «Плещеева за распространеніе письма Бѣлинскаго (къ Гоголю) лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на четыре года». По другимъ свидѣтельствамъ, всѣ безъ исключенія петрашевцы были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, но судъ, въ виду разныхъ смягчающихъ обстоятельствъ и раскаянія подсудимыхъ, нашелъ возможнымъ ходатайствовать объ уменьшеніи имъ наказанія. Тѣмъ не менѣе подсудимые не знали о послѣдовавшемъ помилованіи. 22-го декабря 1849 г. ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и Плещеева, привели на Семеновскій плацъ и прочли имъ смертный приговоръ, а затѣмъ уже объявили о помилованіи, дарованномъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Въ формулярномъ спискѣ о службѣ, причисленнаго къ государственному контролю, титулярнаго совѣтника Алексѣя Плещеева сказано: «По Высочайшей конфирмаціи 19-го декабря 1849 года, за участіе въ преступныхъ замыслахъ, происходившихъ на собраніяхъ у Буташевича-Петрашевскаго, и другіе противозаконные проступки и во вниманіе къ его молодымъ лѣтамъ (А. Н. Плещееву тогда было 24 года), лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и отданъ на службу въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ». Сперва поэтъ былъ сосланъ въ Уральскъ и 6-го января 1850 г. зачисленъ въ оренбургскій линейный № 1 батальонъ, затѣмъ, 25-го марта 1852 г., его перевели въ Оренбургъ, въ таковой же батальонъ № 3, а спустя годъ, 2-го марта 1853 г., изъ этого батальона перевели въ батальонъ № 1. Злая доля бросила поэта не только въ чуждый край, но и въ несродную ему, ненавистную казарменную обстановку которая въ тѣ тяжелыя времена была очень сурова. При такихъ обстоя-

тельствахъ оживленная литературная дѣятельность молодого писателя прервалась на нѣсколько лѣтъ. Въ Уральскѣ поэту жилось сравнительно сносно, но въ Оренбургѣ на первыхъ порахъ мѣстная quasi-интелигенція относилась къ нему довольно враждебно. По словамъ П. Л. Юдина, А. Н. Плещеевъ въ батальонѣ № 3 «былъ отданъ подъ надзоръ особаго дядьки—унтеръ-офицера изъ тѣхъ закаленныхъ дядекъ-усачей, для которыхъ «воинскіе артикулы» со строгой субординаціей составляли всю цѣль жизни. Поэту въ первое время пришлось особенно много перенести горя и лишеній въ чуждой его характеру суровой обстановкѣ. Наравнѣ съ другими онъ долженъ былъ отбывать всѣ обязанности солдата, какъ-то: хожденіе въ караулъ, на дневальство, наряды на казарменныя работы, посылку на «вѣсти» (вѣстовымъ) къ ротному и батальонному командиру и т. п. Но особенно тягостно для него было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ душныхъ казармъ: не съ кѣмъ было поговорить, обмѣняться мыслями». Въ отпуски ему было запрещено ходить, да у него и не было ни души знакомыхъ, а офицеры избѣгали бесѣдъ съ «поднадзорнымъ». Долго крѣпился поэтъ, но наконецъ написалъ обо всемъ матери, которая тотчасъ же пріѣхала къ нему, побывала у многихъ вліятельныхъ лицъ и, главное, у графа В. А. Перовскаго,—съ которымъ, кажется, была знакома еще въ Петербургѣ,--и жизнь А. Н. Плещеева измѣнилась къ лучшему. Графъ Перовскій взялъ поэта подъ свое покровительство, облегчилъ ему тягость службы, едва ли не каждый день приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ, даже порою посылалъ за нимъ карету. Теперь начальство «рядового» Плещеева безпрепятственно дозволяло ему оставлять казармы; большую часть времени онъ сталъ проводить за чтеніемъ и посѣщалъ пять-шесть знакомыхъ домовъ, гдѣ его уже ласково и дружески принимали. Желая доставить Плещееву случай выйти изъ его тяжелаго положенія путемъ отличія на полѣ брани, графъ Перовскій зачислилъ его въ свой отрядъ, съ которымъ отправился въ степной походъ для взятія коканской крѣпости Акъ-мечеть (нынѣ г. Перовскъ, Сыръ-Дарьинской области). По взятіи этой крѣпости, въ штурмѣ которой Плещеевъ принималъ участіе, онъ за отличіе произведенъ былъ 27-го декабря 1854 года въ унтеръ-офицеры и оставленъ на службѣ въ крѣпостномъ гарнизонѣ. Проживая въ фортѣ Перовскомъ, Алексѣй Николаевичъ велъ оживленную переписку со своими друзьями, оставшимися въ Оренбургѣ. «Эта безбрежная степная даль, ширь, черствая растительность, мертвая тишина и одиночество — ужасны!» — говоритъ Плещеевъ въ концѣ одного изъ своихъ писемъ. «Только надежда на безграничную доброту В. А. (Перовскаго) и любовь къ матери убаюкиваютъ мою разбитую жизнь и охраняютъ отъ полнаго отчаянія». Пробывъ годъ въ Перовскѣ, отдаленномъ и оторванномъ отъ остальной Россіи захолустьѣ, гдѣ поэтъ провелъ около трехъ лѣтъ въ очень мрачной обстановкѣ, онъ возвратился въ Оренбургъ. Съ кончиною въ 1855 г. императора Николая I времена перемѣни-

лись. Въ воздухѣ уже чувствовалось вѣяніе освободительныхъ реформъ. Графъ Перовскій ходатайствовалъ передъ молодымъ императоромъ о смягченіи участи поэта,—и Высочайшимъ приказомъ отъ 11-го мая 1856 г. А. Н. Плещеевъ былъ произведенъ въ прапорщики, а 17-го ноября тогоже года Всемилостивѣйше уволенъ отъ военной службы, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы. Проживъ безъ занятій всю зиму 1856—1857 г., онъ въ апрѣлѣ поступилъ въ оренбургскую пограничную коммиссію (нынѣ тургайское областное правленіе). На службѣ нашему поэту повезло. Онъ пріобрѣлъ себѣ новаго покровителя въ лицѣ Василія Васильевича Григорьева, предсѣдателя пограничной коммиссіи, нашего знаменитаго оріенталиста, образованнѣйшаго, просвѣщеннаго и весьма гуманнаго человѣка. «Вырвавшись послѣ шестилѣтняго заточенія въ душныхъ стѣнахъ батальонныхъ казармъ на свѣтъ Божій, тридцатидвухлѣтній поэтъ, — говоритъ г. Юдинъ въ своей статьѣ «А. Н. Плещеевъ въ ссылкѣ»,—конечно, не прочь былъ веселиться и пользоваться тѣми удовольствіями, какія могъ дать тогда Оренбургъ, тѣмъ болѣе, что Плещеевъ былъ недуренъ собой, хорошо воспитанъ и образованъ. Всюду его принимали, какъ желаннаго гостя. Мнѣнія круто перемѣнились, и даже тѣ, которые прежде недовѣрчиво смотрѣли на «политическаго ссыльнаго», открыли ему свои двери и радушно принимали его. Случайно, на какомъ-то вечерѣ, онъ познакомился со своей будущей женой. Еликонидѣ Александровнѣ Рудневой въ то время было только семнадцать лѣтъ. Стройная, миловидная брюнетка, считавшаяся красавицей по всему Оренбургу, отъ которой, казалось, вѣяло счастьемъ и здоровьемъ, произвела такое впечатлѣніе на Алексѣя Николаевича, что онъ рѣшилъ связать свою судьбу съ ея судьбой. Не мѣшаетъ добавить, что отецъ ея, титулярный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Рудневъ, служившій надзирателемъ при Илецкомъ соляномъ промыслѣ, въ 62-хъ верстахъ отъ города Оренбурга, въ Илецкой защитѣ, и мать, Татьяна Евграфовна, прекраснѣйшіе люди, типа старосвѣтскихъ помѣщиковъ, воспитали единственную дочь свою въ духѣ патріархальности и строгой религіозности». Въ концѣ октября 1857 г. Алексѣй Николаевичъ женился; свадьба его была въ Илецкой защитѣ, при чемъ посаженнымъ отцомъ у него былъ В. В. Григорьевъ. Въ слѣдующемъ году, 9-го сентября, А. Н. Плещеевъ былъ перемѣщенъ въ штатъ канцеляріи оренбургскаго гражданскаго губернатора. 17-го апрѣля 1857 года нашему поэту были, наконецъ, возвращены права потомственнаго дворянства, а въ маѣ слѣдующаго года ему разрѣшили четырехмѣсячный отпускъ въ обѣ столицы. 29-го мая онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ женой изъ Оренбурга, куда уже болѣе не возвращался, и пробылъ короткое время въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Москву и, выйдя въ отставку, которую получилъ 13-го августа 1859 г., поселился здѣсь на жительство, существуя на небольшія крохи, доставшіяся ему отъ матери, и частью литературой, дававшей ему, конечно, очень немного...

Грустная, а нѣкоторое время и совсѣмъ безотрадная жизнь въ ссылкѣ заставляла молчать глубоко симпатичную музу поэта-изгнанника. Писалъ онъ очень мало и лишь изрѣдка, ничего не отдавая въ печать. Но едва только улучшилось его положеніе, «душа поэта встрепенулась, какъ пробудившійся орелъ». Уже съ 1856 года А. Н. Плещеевъ возобновилъ прерванную литературную дѣятельность, появившись въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и, какъ выразился Добролюбовъ, «съ робостью новичка печатая свои стихотворенія подъ неполною фамиліей А. П—ва. Многіе читатели узнали знакомый голосъ и радушно приняли «Старыя пѣсни на новый ладъ», какъ назвалъ Плещеевъ свои стихи. Да и какъ было не узнать этотъ милый, чуткій голосъ, эту плавную, пѣвучую рѣчь, вызванную искреннимъ, глубокимъ чувствомъ и полную задушевности, чарующей мягкости и нѣжной грусти. Годы изгнанія и одиночества среди непривлекательной природы пустыннаго края и не покидавшія поэта горькія думы хотя и наложили на душу его печать нѣкоторой усталости, унынія, какого-то страха за будущее и довольно сильнаго разочарованія, но поэтъ остался неизмѣнно вѣренъ чистымъ помысламъ, святымъ идеаламъ, благородному стремленію честно служить обществу, если бы даже для этого пришлось идти знакомымъ путемъ—«путемъ заботъ, печалей и лишенья»... Въ стихотвореніи «Молитва» поэтъ говоритъ:

О, Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый!
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы...
Въ изнеможенья скорбный часъ
Простри спасительныя руки,
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки...
Услышь, о, Боже, голосъ мой!
Да, возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тьмѣ затерянной тропой
Пойду я вновь—и безъ возврата!..

Порою поэтъ скорбитъ за свою слабость, малодушіе, его терзаютъ мучительные укоры совѣсти, ему припоминаются долгіе годы, «что шли средь волненій безплодныхъ и мукъ, безъ счастья, любви и свободы»... Обращаясь къ друзьямъ своей юности, онъ словно кается передъ ними:

Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый;
Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
Зарылъ я въ землю самъ,—зарылъ, какъ рабъ лѣнивый...
Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ,
И пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О, больно, больно мнѣ!.. Скорбитъ душа моя,
Казнитъ меня палачъ неумолимый—совѣсть,
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда, безплодной жизни повѣсть...

Злополучный, изстрадавшійся поэтъ жалуется, что жизнь сыграла съ нимъ «много злыхъ и глупыхъ шутокъ»:

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И въ бою томъ я потратилъ
Много страсти и огня.
Только людямъ на потѣху
Скоро выбился изъ силъ;
И осталось мнѣ сознанье,
Что я немощенъ и хилъ...

И все же, несмотря на всю скорбь наболѣвшей души, онъ не можетъ отрѣшиться отъ старыхъ, юношескихъ воззрѣній на задачи жизни, отъ тѣхъ убѣжденій, съ которыми онъ столь смѣло, съ такимъ восторженнымъ подъемомъ духа, выступалъ на литературное поприще. Привѣтствуя одного изъ своихъ друзей, передъ которымъ лежалъ широкій новый путь, поэтъ напутствуетъ его такими словами:

Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной...
Да не утратишь ты, въ борьбѣ со зломъ упорной,
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры, и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.
Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою,
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ...

До переселенія своего въ Москву, А. Н. Плещеевъ напечаталъ цѣлый рядъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, а также и нѣсколько повѣстей и разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и другихъ изданіяхъ: «Наслѣдство», «Житейскія сцены. Отецъ и дочь», «Будневъ», «Ломбардный билетъ». Въ отсутствіе поэта вышла, весной 1858 года, и книжка его стихотвореній, изданная А. А. Смирдинымъ (сыномъ) въ крошечномъ форматѣ и встрѣченная очень сочувственно и въ публикѣ, и въ печати. На заглавномъ листѣ ея помѣщенъ эпиграфъ изъ Гейне, любимаго поэта Алексѣя Николаевича,—

Gesanglos war ich und beklommen
So lange Zeit; nun dicht'ich wieder.
Wie Thränen die uns plötzlich kommen,
So kommen plötzlich auch die Lieder...

Книжка начинается стихотвореніемъ въ видѣ посвященія:

Домчатся ль къ вамъ знакомыхъ пѣсенъ звуки,
Друзья моихъ погибшихъ юныхъ лѣтъ?
И братскій вашъ услышу ль я привѣтъ?
Все тѣ же ль вы, что были до разлуки?
Быть-можетъ, мнѣ иныхъ не досчитаться!..
А тѣ—въ чужой, далекой сторонѣ,
Уже давно забыли обо мнѣ...
И некому на пѣсни отозваться!..
Но я—средь бурь, въ дни горя и печали,
Былъ вѣренъ вамъ, весны моей друзья,
И снова къ вамъ несется пѣснь моя,
Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали.

Добролюбовъ посвятилъ этому сборничку стихотвореній очень теплый отзывъ, мѣтко и правдиво охарактеризовавъ безхитростную, но глубоко искреннюю, скорбную музу нашего поэта. «Какое-то внутреннее, тяжелое горе, грустное утомленіе жизнью, печаль о несбывшихся надеждахъ—вотъ характеръ большей части изданныхъ нынѣ стихотвореній г. Плещеева,— говоритъ Добролюбовъ.— Съ перваго взгляда тутъ не представляется ничего необыкновеннаго: кто не былъ разочарованъ горькимъ опытомъ жизни, кто не сожалѣлъ о пылкихъ мечтахъ юности?.. Но, присматриваясь ближе къ содержанію стихотвореній г. Плещеева, мы найдемъ, что характеръ его сожалѣній не совсѣмъ одинаковъ съ жалобными стонами плаксивыхъ піитъ прежняго времени... Со стороны, разумѣется, смѣшно и скучно было слушать ихъ... Нельзя сказать того же о сожалѣніяхъ, которымъ предается г. Плещеевъ. Его надежды также были, можетъ-быть, безразсудны, но все-таки онѣ относились уже не къ розѣ, дѣвѣ и лунѣ,—онѣ касались жизни общества и имѣли право на его вниманіе. Поэтому и грусть поэта о неисполненіи его надеждъ не лишена, по нашему мнѣнію, общаго значенія и даетъ стихотвореніямъ г. Плещеева право на упоминаніе въ будущей исторіи русской литературы, даже совершенно независимо отъ степени таланта, съ которымъ въ нихъ выражается эта грусть и эти надежды... Въ этой книжкѣ уже нѣтъ тѣхъ мощныхъ призывовъ, тѣхъ гордыхъ увлеченій, тѣхъ отчасти безразсудныхъ надеждъ, съ которыми такъ смѣло выступалъ онъ на свое литературное поприще». Выписавъ нѣсколько строкъ изъ пьесы «Раздумье», критикъ продолжаетъ: «Въ этихъ стихахъ читатель можетъ видѣть выраженіе того настроенія, которое господствуетъ во всей книжкѣ стихотвореній г. Плещеева. Оно проявляется въ разныхъ видахъ: то въ горькомъ укорѣ враждебному року, то въ грустномъ воспоминаніи о прошедшемъ, то въ глухомъ стонѣ настоящаго, внутренняго горя, то, наконецъ, въ печальной ироніи надъ своими погибшими мечтами. Изъ сорока стихотвореній, напечатанныхъ въ книжкѣ, въ тридцати навѣрное найдется скорбь больной души, усталой и убитой тревогами жизни, желаніе пріобрѣсти новыя силы, чтобы освободиться отъ

гнета судьбы и отъ мрака, покрывавшаго умъ поэта... Воспоминанія прошлаго служать для автора постояннымъ источникомъ грустныхъ сожалѣній. Сравненіе прежней свѣжести и энергіи, прежняго огня и самоувѣренности съ наступившимъ потомъ равнодушіемъ и покорнымъ отчаяніемъ—служитъ для г. Плещеева мотивомъ многихъ грустныхъ стихотвореній... Нельзя не пожалѣть о томъ, что сила обстоятельствъ не дала развиться въ г. Плещеевѣ убѣжденіямъ вполнѣ опредѣленнымъ и ровнымъ, «цѣльнымъ», какъ говорятъ. Со вниманіемъ перечитывая его стихотворенія, нельзя въ нихъ не замѣтить слѣдовъ какого-то раздумья, какой-то внутренней борьбы, слѣдствія потрясенной и еще не успѣвшей снова установиться мысли. Поэтъ постоянно жалуется на то, что его надежды разбиты, мечты обмануты, что онъ самъ сталъ немощенъ и хилъ. Но въ то же время онъ не можетъ уберечь себя отъ новыхъ обольщеній, и все какъ будто предается мечтѣ, что для него настанетъ вторая юность, а для человѣчества—новый золотой вѣкъ. Эти странныя мечты и надежды парализуютъ ту сторону таланта, которая у г. Плещеева наиболѣе сильна, потому что наиболѣе искренна. Въ своемъ прошедшемъ г. Плещеевъ можетъ найти много страстныхъ и мощныхъ мотивовъ, способныхъ увлечь человѣка съ душою. Въ своихъ воспоминаніяхъ, въ своей тоскѣ, въ самой боли раздраженнаго сердца, поэтъ найдетъ предметы для многихъ пѣсенъ. И если къ этимъ пѣснямъ не примѣшается фальшивый звукъ ребяческихъ смѣшныхъ надеждъ и увлеченій, то пѣсни его польются звонкимъ, стремительнымъ, широкимъ потокомъ. Мы говоримъ это въ полномъ убѣжденіи, что г. Плещеевъ не утратилъ той силы мысли и стиха, какая проявлялась въ нѣкоторыхъ изъ его первыхъ стихотвореній, между тѣмъ какъ безпечность золотыхъ сновъ юности онъ ужъ потерялъ невозвратно...»

Алексѣй Николаевичъ стоялъ на рубежѣ тридцатипятилѣтняго возраста, когда переѣхалъ въ Москву; тѣмъ не менѣе онъ съ чисто-юношеской энергіей весь отдался литературной дѣятельности. Поэтъ работалъ неутомимо. Кромѣ множества оригинальныхъ стихотвореній и переводныхъ изъ лучшихъ иностранныхъ поэтовъ, изъ произведеній которыхъ онъ всегда дѣлалъ такой прекрасный выборъ, повѣстей, разсказовъ и драматическихъ произведеній, которыя печатались въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ, онъ издавалъ около двухъ лѣтъ (1859—1860) политическую и литературную газету «Московскій Вѣстникъ», редижировавшуюся имъ очень талантливо, съ большимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла, а также издалъ «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева» и семь выпусковъ полезнаго пособія для учащихся и для самообразованія подъ заглавіемъ «Географическіе очерки и картины, составленные по Грубе и другимъ источникамъ» (1861—1866) и, наконецъ, собралъ свои прозаическія произведенія, помѣщенныя въ концѣ сороковыхъ годовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ журналахъ, а въ 1857—1859 гг. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Би-

бліотекѣ для чтенія» и «Московскомъ Вѣстникѣ» и составившія двѣ части «Повѣстей и разсказовъ» (М. 1860). Сюда вошли: «Шалость», «Будневъ», «Енотовая шуба», «Благодѣяніе», «Наслѣдство», «Житейскія сцены. Отецъ и дочь», «Ломбардный билетъ» и «Чиновница». Эти повѣсти и разсказы своего любимаго поэта избранная публика встрѣтила съ такимъ же сочувствіемъ, какъ и его стихотворенія, которыя имѣютъ много общаго съ прозаическими произведеніями А. Н. Плещеева. Послѣднія запечатлѣны той же тихой грустью, печалью и убѣжденіемъ, «что ни одно правдивое стремленіе ждать не должно себѣ пощады у судьбы», и очень вѣрно и рельефно отражаютъ въ себѣ настроеніе общественной мысли той эпохи. Какъ ни мелки съ виду дѣйствующія лица разсказовъ Плещеева, эти маленькіе люди изъ чиновничьяго міра и дворянской среды, но они—настоящіе герои, честные, полные добра, симпатичные, глубоко страдающіе и кончающіе почти всегда трагически: они падаютъ подъ ударами мачехи-судьбы и житейской неправды, будучи не въ силахъ съ ними бороться. Ихъ страданія, ихъ горькая доля достойны сожалѣнія и «волнуютъ мягкія сердца». Плещеевъ всегда съ любовью рисуетъ своихъ героевъ, превосходно изображая всѣ типическія черты того мірка, изъ котораго онъ беретъ всѣ мельчайшія детали ихъ обстановки съ сохраненіемъ особенныхъ, своеобразныхъ признаковъ и колорита того времени, въ какое они дѣйствуютъ. Необыкновенная теплота, задушевность и простота разсказовъ нашего поэта, его «неугасимый и непобѣдимый идеализмъ» прежде всего сильно подкупаютъ въ свою пользу читателя, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ не увлекать и манера разсказчика, живость, мастерство повѣствованія и прекрасный языкъ, такой языкъ, какимъ писали лучшіе представители нашей литературы добраго стараго времени, столь непохожей на теперешнюю. Насколько незатѣйливы герои Плещеева, настолько всегда простъ и незатѣйливъ и планъ повѣстей и разсказовъ его. Первыя прозаическія произведенія нашего поэта, отличающіяся веселостью и безобиднымъ юморомъ, носятъ нѣсколько анекдотическій. легкій характеръ; зато вещи, написанныя по возобновленіи его литературной дѣятельности, дышатъ драматизмомъ, подчасъ очень глубокимъ. Но разсказы Плещеева, написанные даже и въ легкомъ жанрѣ, вполнѣ оригинальны и всегда интересны. Одинъ изъ критиковъ довольно удачно сравнилъ ихъ съ альбомомъ, составленнымъ изъ хорошенькихъ пейзажей, миленькихъ женскихъ головокъ и сценъ изъ домашней жизни, набросанныхъ красками, карандашомъ и тушью, просматривая который — то полюбуешься свѣженькимъ личикомъ, то улыбнешься при видѣ какой-нибудь сценки или карикатуры. Въ этихъ легкихъ разсказахъ авторъ рисуетъ преимущественно скромныя петербургскія квартирки небогатыхъ жильцовъ, живущихъ бѣдновато, но не по-нищенски, терпящихъ порою нужду, но зато умѣющихъ веселиться и отказывающихъ себѣ во многомъ, чтобы сходить въ театръ или въ маскарадъ.

Сообразно обстановкѣ, здѣсь и герои — люди мелкотравчатые и безъ всякихъ затѣй; это—либо мелкіе чиновники, либо учителя, крайне впечатлительные, гуманные, съ самыми идеальными воззрѣніями на жизнь, очень мягкіе и очень наивные; героини—по большей части простенькія дѣвочки, веселыя, разбитныя, кокетливыя, граціозныя, любящія — насколько полюбится, или зрѣлыя барышни, старающіяся сдѣлать выгодную партію; молоденькія жены, безъ большихъ тонкостей обманывающія своихъ простоватыхъ мужей, или, наконецъ, женщины полусвѣта, доводящія своихъ ухаживателей до какой-нибудь легонькой подлости. Это — мелкій міръ, но, тѣмъ не менѣе, истинный, занимательный, не лишенный поэзіи. «И Плещеевъ, — по вѣрному заключенію одного критика, — любитъ свой незатѣйливый міръ, знаетъ хорошо своихъ дюжинныхъ героевъ и умѣетъ вѣрно и живо рисовать ихъ, никогда не выходя изъ круга, свойственнаго его дарованію. Онъ смотритъ на этотъ міръ не съ желчью сатирика, обличителя пороковъ и неправды, а спокойнымъ взглядомъ незлобиваго художника... Если иногда, увлеченный духомъ щедринской школы, онъ и вставляетъ въ повѣсть какой-нибудь эпизодецъ обличительнаго свойства, то онъ выходитъ у него мягкимъ и теряетъ всю свою ѣдкость». Прекрасный наблюдатель жизни, Плещеевъ и въ первыхъ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, и въ позднѣйшихъ, написанныхъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, удивительно правдиво изображаетъ жизнь, преимущественно мелкую, будничную, но изобилующую тяжелыми и нерѣдко потрясающими драмами. Здѣсь скажемъ мимоходомъ, что жизнь А. Н. Плещеева въ ссылкѣ дала ему очень богатый матеріалъ для его беллетристическихъ произведеній. Достаточно прочесть такія повѣсти его, какъ «Пашинцевъ», «Отецъ и дочь», «Призваніе», «Ловкая барыня», «Литературный вечеръ», «Благодѣяніе», «Неудавшаяся афера» и друг., чтобы убѣдиться, что множество выведенныхъ въ нихъ лицъ взято прямо съ натуры и представляетъ собою очень разнообразную галлерею провинціальныхъ портретовъ. Въ своей статьѣ «А. Н. Плещеевъ въ ссылкѣ», П. Л. Юдинъ свидѣтельствуетъ, что въ повѣсти «Пашинцевъ» авторъ прямо описалъ свои оренбургскія впечатлѣнія. Въ ней имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ, хотя вымышленныя, поставлены были настолько прозрачно, что, даже черезъ 30 лѣтъ послѣ описываемаго событія, по архивнымъ источникамъ, не трудно угадать нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей административнаго управленія, названной Плещеевымъ, «ухабинской губерніи».

Предоставляя другимъ изображать грандіозные образы, титаническіе типы людей, ищущихъ исполинскаго дѣла, фигуры, долженствующія выражать собою ходячія идеи той или другой эпохи, Плещеевъ для своихъ произведеній выбираетъ болѣе скромныхъ и, такъ-сказать, невидныхъ героевъ, людей обыкновенныхъ, типы, встрѣчающіеся на каждомъ шагу. У него нѣтъ глубокаго психологическаго анализа, но его герои все-таки живыя

лица, облеченныя въ плоть и кровь, заставляющія читателя задуматься надъ ихъ жизнью, проникнуться ихъ страданіями, муками, безысходнымъ горемъ. Тихіе и добрые труженики, безъ устали работающіе за самое скудное вознагражденіе, дѣлящіе съ близкими этотъ ничтожный заработокъ и принужденные подавлять въ себѣ требованія сердца и ума; молодые мечтатели съ прекраснымъ образованіемъ, увлекаемые мечтами въ столицу и здѣсь гибнущіе отъ нужды при нежеланіи отдаться канцелярской дѣятельности; честные, провинціальные дѣятели изъ молодыхъ, жаждущіе служить роднѣ, приходящіе въ трепетъ отъ произведеній Бѣлинскаго и своихъ любимыхъ авторовъ, безплодно борющіеся въ океанѣ губернской грязи, мошенничествъ и чиновничьихъ продѣлокъ и вынужденные отступить передъ сплошною бездною зла, которая, въ концѣ-концовъ, ихъ раздавливаетъ; пасынки судьбы, гибнущіе роковымъ образомъ; жертвы обстоятельствъ и родительскаго деспотизма, при отсутствіи сильной воли, кончающіе преступленіемъ и проч.—вотъ какихъ людей рисуетъ, со свойственнымъ ему мастерствомъ, Плещеевъ. Ему особенно удаются эти слабые волею и духомъ люди, жалующіеся и негодующіе на грубую, печальную среду, въ которую втолкнула ихъ слѣпая судьба, и лишенные силъ сладить съ жизнью, больныя дѣти вѣка, которыхъ выростила нездоровая общественная почва,—личности, случайно свертывавшія съ торнаго пути и попадавшія въ противорѣчіе со всѣмъ ихъ окружающимъ, которыхъ губитъ общественное неустройство, энтузіасты сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Какимъ-то необыкновеннымъ благородствомъ, чистотою, чѣмъ-то свѣтлымъ, совершенно чуждымъ современныхъ пошлостей, вѣетъ отъ повѣстей и разсказовъ Плещеева, несмотря на то, что онъ рисуетъ самую будничную, сѣренькую, непригляднyю жизнь. Читатель сердцемъ глубоко чувствуетъ—какъ дороги автору тѣ хорошіе люди, которые у него изображены, тѣ прекрасныя побужденія, во имя которыхъ они дѣйствуютъ, эти безвѣстные труженики, эти бѣдные, тихіе страдальцы, умирающіе безъ эффектовъ, незамѣтно уходящіе изъ той жизни, которая исторгнула у Плещеева, въ минуты горя и отчаянія, такія скорбныя строки: «Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта; повсюду ночь, да ночь, куда ни бросишь взоръ»... Главное достоинство разсказовъ Плещеева, по мнѣнію Добролюбова, въ томъ, что «элементъ общественный проникаетъ ихъ постоянно и этимъ отличаетъ ихъ отъ множества безцвѣтныхъ разсказовъ тридцатыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Тогдашніе разсказы, какъ извѣстно, отличались тѣмъ, что въ нихъ человѣкъ представлялся животнымъ не общественнымъ, а изолированнымъ. Нужно было автору два-три-четыре лица для развитія сюжета,—такъ эти два-три-четыре лица и являлись въ повѣсти безъ всякаго отношенія къ остальному міру, какъ будто бы они жили на необитаемомъ островѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ герои, заброшенные на необитаемый островъ, сами начинали чувствовать разочарованіе и уѣзжали съ острова, оставляя героинь плакать и сокрушаться; тѣмъ дѣло и конча-

лось... Всѣ эти продѣлки мало коснулись г. Плещеева, такъ какъ начало его литературной дѣятельности относится къ сороковымъ годамъ,—когда была въ ходу литература «Горемыкъ», «Бѣдныхъ людей», «Петербургскихъ вершинъ и угловъ»—и возобновилась она только въ послѣдніе годы, когда во всей силѣ процвѣтало обличительное направленіе. Во все время жалкой безцвѣтности пятидесятыхъ годовъ, г. Плещеевъ не появлялся въ печати и такимъ образомъ спасся отъ необходимости бѣжать со своими героями на необитаемый островъ и поэтому остался въ дѣйствительномъ мірѣ мелкихъ чиновниковъ, учителей, художниковъ, небольшихъ помѣщиковъ, полусвѣтскихъ барынь и барышень и т. п. Мірокъ этотъ знакомъ ему, какъ видно, довольно хорошо и изображается имъ съ полною откровенностью. Въ исторіи каждаго героя повѣстей г. Плещеева вы видите, какъ онъ связанъ съ своею средой, какъ этотъ мірокъ тяготѣетъ надъ нимъ своими требованіями и отношеніями, словомъ—вы видите въ героѣ животное табунное, а не уединенное. Элементъ общественности присутствуетъ въ каждой повѣсти»... Добролюбовъ довольно долго останавливается на повѣсти «Пашинцевъ», лучшемъ произведеніи Плещеева, не вошедшемъ въ первое собраніе его «Повѣстей и разсказовъ», и ставитъ въ большую заслугу Плещееву то, что самъ авторъ возвышается надъ поклоненіемъ благонамѣренности своихъ героевъ, относится къ нимъ просто и правильно, обнаруживая требованіе дѣла, а не однихъ желаній и надеждъ. Во многихъ повѣстяхъ Плещеева критикъ замѣчаетъ ироническое отношеніе его къ такъ-называемымъ «лишнимъ» людямъ, которымъ не мало симпатизировали прежде. «Перечитывая повѣсти г. Плещеева,—говоритъ въ заключеніе Добролюбовъ,—мы всего болѣе рады были въ нихъ вѣянію этого духа сострадательной насмѣшки надъ платоническимъ благородствомъ людей, которыхъ такъ возносили иные авторы. Начальные типы пустыхъ либеральчиковъ, безъ всякаго уже сочувствія къ нимъ, набросаны уже были въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ г. Тургенева. Но у г. Тургенева эти господа были постоянно второстепенными лицами и какъ бы оттѣняли собою главныхъ героевъ, которые уже истинно проникнуты благонамѣренностью и дѣйствительно «заѣдены средою»... У г. Плещеева эти лица — главныя, они составляютъ часто основу и цѣль повѣсти и изъ ихъ изображеній все болѣе выясняется требованіе дѣла и дѣла, вмѣсто громкихъ словъ, младенческихъ мечтаній, несбыточныхъ надеждъ и вѣрованій»...

Около двѣнадцати лѣтъ прожилъ Алексѣй Николаевичъ въ Москвѣ, гдѣ, еще въ годъ его переѣзда, Общество Любителей Россійской Словесности избрало поэта, 19-го декабря 1859 года, въ свои дѣйствительные члены. Но здѣсь, въ 1864 году его постигло и горе,—для него самое страшное: у него умерла, имъ горячо любимая, жена, его другъ, вдохновительница его музы, чудная женщина, памяти которой онъ посвятилъ нѣсколько глубоко прочувствованныхъ стихотвореній, а позднѣе и цѣлый сборникъ сти-

ховъ — единственное при его жизни полное собраніе, вышедшее въ 1887 году. До послѣднихъ минутъ не забывалъ онъ ее, «любящую, чистую, скромную, безупречную». Московскій періодъ времени можно назвать самымъ блестящимъ въ литературной дѣятельности Алексѣя Николаевича. Когда направленіе «Рускаго Вѣстника» рѣзко обозначилось, и изъ журнала ушли Салтыковъ-Щедринъ, Тургеневъ, графиня Сальясъ - де - Турнемиръ (Евгенія Туръ) и другія лица, въ немъ пересталъ сотрудничать и А. Н. Плещеевъ и перенесъ свою дѣятельность въ другіе журналы, преимущественно петербургскіе. Въ «Современникѣ», «Русскомъ Словѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Свѣточѣ», «Времени», «Эпохѣ», «Вѣкѣ», «Искрѣ», «Днѣ» Аксакова, «Народномъ чтеніи», «Модномъ магазинѣ», «Дѣлѣ», «Бесѣдѣ» и друг. помѣщались его глубоко-прочувствованныя стихотворенія, изъ которыхъ многія отличаются большою силой и выразительностью. Въ стихотвореніяхъ и этого періода, оставаясь вѣренъ своимъ идеаламъ, поэтъ старался будить силы молодыя, звать ихъ на честное дѣло, возбудить въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ народу, къ его нуждамъ, къ безотрадной участи униженныхъ и оскорбленныхъ, или изливалъ свою душу въ лирическихъ пьесахъ, скорбныхъ элегіяхъ, чисто субъективнаго характера:

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученнаго сына,
Чтобы хотя на мигъ единый
Сошла мнѣ въ душу благодать!
Чтобы съ себя я могъ стряхнуть
И лжи, и лѣности оковы,
И съ сердцемъ чистымъ, съ силой новой
Опять пуститься въ бодрый путь...
Да окрылитъ духъ падшій мой
Восторгъ могучими крылами!
Да буду мыслью и дѣлами
Я вѣренъ истинѣ одной!

восклицалъ нашъ поэтъ, порою грустя о бренности всего земного, о томъ —

Что черви примутся точить
Твое покинутое тѣло—
Точить то сердце, что умѣло
И ненавидѣть, и любить...

или вспоминая свою юность съ ея пылкою отвагой и вдохновенными мечтами, съ ея готовностью, во имя блага, все покинуть — и домъ, и семью, и идти на битву съ мощнымъ зломъ. Юность миновала, и нѣтъ силъ на подвигъ трудный и суровый!... «Я духомъ слабъ, я изнемогъ... Сломилъ меня желѣзный рокъ!» — скорбитъ поэтъ, въ душѣ котораго, однако, ничто не могло убить любви къ отважной юности, вѣры въ дружную семью честной молодежи, надежды увидѣть радостный день разсвѣта. «И до конца я вѣры не утрачу, что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ...» — восклицаетъ онъ съ прежнею молодою энергіей. «Опустѣвшій домъ», «Лунной ночью»,

«Отчизна», «Нѣтъ, лучше гибель безъ возврата», «Люблю я подъ вечеръ тропинкою лѣсною», «Двѣ дороги», «Въ лѣсу», «Всю-то, всю мою дорожку», «Ночью», «Природа-мать! Къ тебѣ иду», «Памяти Е. А. Плещеевой», «Старики»,—всѣ эти стихотворенія, эти тихіе стоны, эти несдержанные вопли наболѣвшей души—ясно, какъ въ зеркалѣ, отражаютъ тогдашнее настроеніе поэта и могутъ служить лучшею характеристикой его широкаго міросозерцанія вообще.

Это міросозерцаніе не было сложно. Высокую цѣль призванія поэта онъ видѣлъ въ томъ, чтобы быть непоколебимо вѣрнымъ «и въ пѣсняхъ и на дѣлѣ», идти, «послушнымъ до конца призывамъ истины могучимъ», идти «по терніямъ колючимъ, безъ одобренья и вѣнца» и, главное, быть «безтрепетнымъ бойцомъ, бойцомъ за право человѣка». Поэтъ никогда не долженъ забывать, что онъ и всѣ мы должники

Того, кто сиръ и нагъ, и бѣденъ,
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ...

Его святой долгъ проповѣдывать любовь къ высшимъ идеаламъ, ко всему благородному и прекрасному, къ человѣчеству вообще и къ молодежи въ частности, звать общество на борьбу съ пошлостью жизни, съ эгоизмомъ, равнодушіемъ къ пороку, на борьбу съ темными силами, съ толпой, погруженной въ сонъ, въ мелочные расчеты. Будить отъ позорнаго сна, призывать людей къ труду, самосовершенствованію во имя правды и добра, ободрять слабыхъ духомъ, падающихъ подъ гнетомъ судьбы и обстоятельствъ, или отъ людской злобы—такова задача поэта истиннаго, поэта общественной и личной совѣсти, какимъ и былъ Плещеевъ съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности и до конца дней своихъ, который, по чьему-то счастливому выраженію, подобно древнему Тиртею, звалъ къ борьбѣ и подавалъ руку слабому и изнемогающему. Высокой идеей беззавѣтнаго, осмысленнаго служенія родинѣ, проповѣдью равенства, братства проникнута бо̀льшая часть стихотвореній Плещеева. У него преобладаютъ два мотива,—говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ,—грустное раздумье надъ самимъ собой, такъ сказать, провѣрка своего нравственнаго *я* и энергическій призывъ къ бодрости и упорной устойчивости передъ соблазнами... Чаще заглядывай въ самого себя, чтобы не зачерствѣть, не смириться передъ пошлостью и зломъ, никогда не забывай вынесенные изъ юности идеалы, оставайся до старости бодръ духомъ и чистъ сердцемъ—вотъ нравственные принципы, которые привлекаютъ къ себѣ поэта... Если къ этимъ мотивамъ присоединить еще любовь къ природѣ, въ высшей степени трогательное задушевное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ существу, согрѣвающему человѣка, - ко всему, что молодо душой, начиная съ ребенка, юноши и кончая старикомъ, сохранившимъ до сѣдыхъ волосъ добрыя стремленія, любовь къ жизни, вѣру въ добро и надежду на то, что

человѣчество будетъ идти все дальше и дальше впередъ подъ знаменемъ науки къ счастію,—то получится полное представленіе о поэтическомъ обликѣ поэта, произведенія котораго имѣютъ, въ силу сказаннаго, глубокое воспитательное значеніе.

Всѣ произведенія Плещеева повиты какою-то тихой, нѣжной грустью, то о себѣ самомъ, о своей юности, о годахъ, прожитыхъ даромъ, то надъ приниженіемъ общества, все болѣе возрастающимъ. Эта меланхолическая нотка звучитъ у него необыкновенно искренно, задушевно и сообщаетъ его поэзіи элегическое настроеніе. Оно не имѣетъ, однако, ничего общаго съ безпредметной тоской, безпричиннымъ нытьемъ о томъ, о чемъ не вѣдаетъ никто. Нѣтъ, тоска поэта не безпричинная и ему есть о чемъ скорбѣть: у него были хорошіе друзья, и ихъ взяла могила,—и поэтъ, съ благодарностью вспоминая о нихъ, не можетъ не грустить; у него были свѣтлыя надежды въ юные годы, но ранніе морозы умертвили эти надежды, и поэтъ скорбитъ о несбывшихся прекрасныхъ мечтахъ и грезахъ. Скорбь внушаютъ ему и опасенія въ томъ, чтобы непріязненныя внѣшнія обстоятельства, пошлость сѣрыхъ будней и окружающая его жалкая, безпринципная толпа не побудили его потерять свое нравственное достоинство и привыкнуть смотрѣть равнодушно на грязную, отвратительную дѣйствительность, которая, какъ топкая трясина, можетъ засосать человѣка. «Грусть А. Н. Плещеева—говоритъ одинъ изъ его біографовъ—грусть настоящая, идущая изъ глубины сердца и нравственной требовательности, почему и дышитъ здоровымъ духомъ, не разслабляя человѣка и не повергая его въ безплодное отчаяніе. Несмотря на все пережитое, на весь мракъ окружающаго, поэтъ все же вѣритъ въ жизнь, если не въ настоящую, то въ лучшую нравственную личную и общественную, которая непремѣнно, рано или поздно, все же наступить должна... Задушевностью, трогательной простотой незлобиваго сердца, чутко отзывающагося на чужія страданія, вѣетъ отъ всей этой поэзіи, не только оригинальной, но и переводной, ибо поэтъ всегда выбиралъ изъ иностранной литературы только то, что наиболѣе подходило къ его собственному характеру».

Какъ ни велика порою грусть поэта, но она нисколько не мѣшала ему бодро смотрѣть впередъ. И каковы бы ни были настроенія неустойчиваго, шаткаго въ своихъ вѣрованіяхъ общества, поэтъ до сѣдыхъ волосъ не измѣнилъ своему «Credo» и не потерялъ вѣры въ жизнь, въ людей, въ старые и вѣчно юные идеалы. Самая старость въ его пѣсняхъ сохраняетъ все доброе, давшее прекрасные всходы въ юные, вешніе дни и лишена даже малѣйшаго намека на дряблость, озлобленіе, нравственное безсиліе, холодное равнодушіе. Бодрая, энергическая нота, смѣлый, благородный призывъ къ честному дѣлу на пользу меньшихъ братьевъ и общества звучатъ въ поэзіи Плещеева, и притомъ очень нерѣдко дивной силой, столь дѣйствующей на отзывчивую молодежь. Этотъ мотивъ, звучащій такимъ полнымъ, уди-

вительно задушевнымъ аккордомъ встрѣчается рѣдко у кого изъ нашихъ поэтовъ и дѣйствуетъ въ высшей степени благотворно, въ особенности на молодое поколѣніе. Уже ради одного этого, ради того, что поэтъ въ современномъ ему обществѣ «сѣялъ разумное, доброе, вѣчное», поэзія Плещеева имѣетъ значеніе не только въ наши дни, но сохранитъ свою силу и въ будущихъ поколѣніяхъ, какъ поэзія не только весьма содержательная, идейная, но и довольно образная, мелодичная, изящная. Вотъ почему она и не должна забыться въ литературѣ, какъ сама по себѣ и какъ память о человѣкѣ, котораго благородный голосъ, почти одиноко, смѣло звучалъ «среди ликующаго зла», оплакивая падшихъ, ободряя ослабѣвающихъ, напоминалъ забываемое, или забытое, звалъ впередъ, хотя бы и по тернистому пути, къ свѣту, поддерживая отчаявшихся твердою вѣрою въ наступленіе лучшаго будущаго, укрѣпляя въ людахъ сознаніе въ томъ, что истинное счастіе только въ любви къ людямъ, въ прощеніи обидъ, въ помощи слабымъ и несчастнымъ, въ служеніи обществу и роднѣ, служеніи, вооруженномъ духовной энергіей и наукой». Поэтъ, обладавшій удивительно яснымъ, опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, Плещеевъ ради идеи никогда не переступалъ границъ искусства и строго соблюдалъ чувство мѣры. Въ самыхъ яркихъ идейныхъ стихотвореніяхъ его нѣтъ прозаичности, сухости. Глубокая скорбь или тихая грусть сочетаются у него съ мягкостью красокъ и отчетливостью рисунка; фантазія нерѣдко окрыляетъ стихъ, и стихотворенія, въ особенности описательныя, почти всегда очень картинны, музыкальны и порою приближаются къ пѣснѣ. Родная, хотя и младшая сестра «музы мести и печали», муза Плещеева, правда, не блещетъ пышнымъ нарядомъ, эффектами, часто она даже слишкомъ скромна, но зато необыкновенно выдержана, выразительна и никогда не звучала ни единымъ диссонансомъ. Словомъ, и притомъ чуждымъ всему не родному, Плещеевъ владѣлъ прекрасно. «Нельзя достаточно оцѣнить—говоритъ Д. С. Мережковскій—безукоризненную *чистоту* истинно русскаго языка въ произведеніяхъ Плещеева. Онъ безсознательно и непогрѣшимо хранилъ святыню народной рѣчи... Отъ народнаго склада плещеевскаго стиха такъ и вѣетъ иногда хорошей, благородной стариной. Негромкая и унылая пѣснь его исходитъ изъ той же родной глубины, изъ которой изливаются и пѣсни его старшихъ, болѣе могущественныхъ его братьевъ. Я, можетъ быть, предпочту каплю этой родниковой воды, *«чистой, какъ слеза»*, цѣлымъ бурнымъ и мутнымъ потокамъ. Намъ, молодымъ писателямъ болѣе сложнаго и страстнаго вѣка, можно поучиться у Плещеева этой благородной простотѣ языка». Плещеевъ весь отразился въ своей поэзіи, весь со своей чистой, какъ кристаллъ, совѣстью, пламенной вѣрой въ добро и людей и духовной и внѣшней красотой, со своей цѣльной личностью, неотразимо привлекавшей къ себѣ сердце всякаго, кто хотя мелькомъ встрѣчался съ поэтомъ, глубоко симпатичной, незлобивой, мягкой. Человѣкъ сороковыхъ годовъ, въ лучшемъ значеніи

этого понятія, неисправимый идеалистъ, онъ вложилъ свою живую душу, свое кроткое сердце въ свои пѣсни, и оттого-то онѣ такъ прекрасны.

Какъ-то легко запоминаются простыя, но полныя неоспоримой правды слова поэта,—слова любви, свободы, благородства, призыва къ труду, знанію, къ неустанной борьбѣ за честныя убѣжденія, на пользу родины и нерѣдко громовыя рѣчи противъ человѣческой алчности, продажности, неустойчивости, ренегатства, узкаго эгоизма и равнодушія къ общественнымъ задачамъ. Кто сколько-нибудь близко зналъ золотое сердце поэта, его глубоко вѣровавшую въ торжество свѣта душу, тотъ понималъ, что не фраза, не лицемѣріе эти скорбныя строки поэта:

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я.
Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
Чтожъ обрѣла, взамѣнъ всѣхъ грезъ, душа моя?
Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы...

Это, конечно, выстраданныя строки, и немудрено, что отъ нихъ вѣетъ уныніемъ, разочарованіемъ, даже нѣкоторой долей отчаянія. И все-таки поэтъ кончаетъ свою жалобу строфою, въ которой пробивается бодрящая нотка:

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разстаться былобъ жаль,
И, хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль...

Печаль, которою повиты пѣсни Плещеева, не та безпредметная тоска, что наши доморощенные Чайльдъ-Гарольды часто отъ праздности напускали на себя въ сороковыхъ годахъ. Нѣтъ, она глубоко осмысленна и тѣсно связана съ печалью лучшихъ русскихъ дѣятелей той эпохи. Плещеевъ до боли тосковалъ о томъ, что всюду «ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ», что пошлость, малодушіе, безразличное отношеніе къ добру и злу царятъ въ обществѣ, что попраны и преданы забвенію лучшіе идеалы, святые завѣты честныхъ, самоотверженныхъ бойцовъ...

А. Н. Плещеевъ въ данный, московскій, періодъ напечаталъ много переводныхъ пьесъ изъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, выборъ которыхъ, какъ уже сказано раньше, онъ дѣлалъ всегда мастерски, со вкусомъ. Онъ прекрасно владѣлъ языками, былъ большимъ знатокомъ иностранныхъ литературъ, понималъ и умѣлъ передать духъ переводимыхъ имъ поэтовъ и потому долженъ быть признанъ однимъ изъ видныхъ и талантливѣйшихъ нашихъ переводчиковъ. Особенно много переводилъ онъ изъ Гейне—поэта, по таланту во многихъ отношеніяхъ ему родственнаго, и эти переводы его, вмѣстѣ съ переводами М. Л. Михайлова, можно назвать по-истинѣ блестящими. По мнѣнію одного изъ нашихъ критиковъ и

серьезнаго цѣнителя поэзіи, К. К. Арсеньева, Плещеевъ «недаромъ съ такою любовью останавливается на Гейне; между ихъ натурами есть кое-что общее, не исключающее, конечно, многихъ и очень глубокихъ различій. Обоимъ поэтамъ удается уловить едва уловимое сердечное настроеніе, нарисовать мимолетную борьбу свѣта съ тѣнью, радости съ печалью («Что за дѣтская головка», «Вотъ и гроза прошла», «Тучи», «Смотрю на нее и любуюсь»). Въ обоихъ поэтахъ звучитъ меланхолическая струна, обоимъ дороги воспоминанія, даже грустныя, даже мучительныя. Отсюда внутреннее родство, замѣтное иногда и при полномъ несходствѣ мотивовъ; такъ, напримѣръ, въ основной темѣ стихотворенія: «Я тихо шелъ по улицѣ безлюдной» — нѣтъ ничего гейневскаго, но въ началѣ его и въ концѣ слышится что-то напоминающее нѣмецкаго поэта. Само собою разумѣется, что о подражаніи, вольномъ или невольномъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи...» Изъ крупныхъ переводныхъ вещей Плещеева лучшими единогласно признаны: «Вильямъ Ратклиффъ» драматическая баллада Гейне, «Магдалина» драма Фридриха Геббеля, «Струэнзе» трагедія Михаила Бэра, отрывокъ изъ байроновскаго «Сарданапала», сцена изъ трагедіи Альфьери «Семейство Пацци», «Работница» поэма Шевченка. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Плещеевъ, благодаря знанію языковъ, большой начитанности и литературности, былъ также превосходнымъ компиляторомъ; онъ напечаталъ интересные этюды: «Поль-Луи Курье, его жизнь и сочиненія», «Жизнь Диккенса», «Жизнь и переписка Прудона», «Анри Бейль (Стендаль)», «Публика и писатели въ Англіи въ XVIII в.» и другія. Такія работы, вмѣстѣ съ переводами беллетристическихъ и научныхъ произведеній, нерѣдко служили нашему поэту большимъ подспорьемъ при добываніи средствъ къ жизни. Помимо стихотвореній и переводовъ, во время жизни своей въ Москвѣ (1859 — 1872), Плещеевъ напечаталъ еще рядъ повѣстей и разсказовъ — «Пашинцевъ», «Двѣ карьеры», «Призваніе», «Неудавшаяся афера», «Ловкая барыня», «Лотерея», «Литературный вечеръ», «Чему посмѣешься, тому и послужишь» и друг., и наконецъ нѣсколько драматическихъ пьесъ или «житейскихъ сценъ», какъ ихъ называлъ самъ авторъ, а именно: «Счастливая чета», «Услуга», «Нѣтъ худа безъ добра», «Крестница», «Свиданіе», «Командирша», «Попутчики» и проч.

Въ 1872 г. Алексѣй Николаевичъ переселился въ Петербургъ, гдѣ числился на службѣ въ государственномъ контролѣ, съ 8-го октября 1865 г. по 1-е января 1875 г. Здѣсь, въ столицѣ, несмотря на свои очень почтенные годы, поэтъ продолжалъ съ прежнимъ рвеніемъ подвизаться на литературномъ поприщѣ и чуть ли не въ первый годъ пріѣзда вошелъ въ составъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ до самаго закрытія этого журнала былъ его ближайшимъ сотрудникомъ, секретаремъ редакціи и завѣдывалъ стихотворнымъ отдѣломъ; позднѣе нѣкоторое время онъ завѣдывалъ, на правахъ редактора, литературнымъ отдѣломъ «Сѣвернаго Вѣст-

ника», когда онъ издавался докторомъ правъ А. М. Евреиновой; здѣсь также помѣщено нѣсколько его статей, переводовъ и стихотвореній. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Словѣ», «Русской Мысли», «Молвѣ» В. А. Полетики, «Устояхъ», «Изящной Литературѣ» П. И. Вейнберга, «Заграничномъ Вѣстникѣ» В. Ѳ. Корша, «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Пчелѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Театральномъ Мірке» А. А. Плещеева, въ лучшихъ дѣтскихъ журналахъ и другихъ изданіяхъ. Стихотворенія Плещеева, написанныя для дѣтскаго возраста,—замѣтимъ кстати,—пользуются огромною популярностью, и такія пьесы, безыскусственныя, согрѣтыя нѣжною трогательною любовью къ дѣтямъ, каковы, напримѣръ: «Былое», «Ненастье», «Зимній вечеръ», «Ожиданія», «Бабушка и внучекъ», «Елка», «Мой садикъ», «Легенда« («Былъ у Христа младенца садъ»), «Въ бурю», «Огни погасли въ домѣ», — представляютъ собою настоящіе шедевры въ дѣтской литературѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ попали чуть ли не во всѣ хрестоматіи, легко, съ увлеченіемъ заучиваются дѣтьми и потомъ не забываются уже во всю жизнь. По мнѣнію одного изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, стихотворенія А. Н. Плещеева для дѣтскаго и юношескаго возраста «вполнѣ достигаютъ своей цѣли, предлагая дѣтямъ хорошую поэтическую пищу, вмѣсто тяжелыхъ, безвкусныхъ кушаній, которыя обыкновенно считаются самыми подходящими для дѣтской». Маленькому народу Плещеевъ также послужилъ много своимъ талантливымъ перомъ, и воспитательное значеніе его, какъ писателя для дѣтей, признано всѣми выдающимися педагогами. «Истинный другъ юности,—говоритъ одинъ изъ нихъ—къ которой онъ такъ часто обращался въ своихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеніяхъ, онъ сознаетъ это значеніе и самъ. Въ то время, когда всѣ другіе лучшіе наши поэты остаются совершенно равнодушны къ дѣтской литературѣ, предоставляя бездарнымъ піитамъ... сочинять для дѣтей громкія вирши, въ родѣ Степки-растрепки, портящія дѣтскій вкусъ, чувства и умъ, Плещеевъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ, когда по прекращеніи «Журнала для дѣтей» Чистякова, явилось «Дѣтское Чтеніе», а за нимъ и другіе дѣтскіе журналы, очень часто помѣщалъ въ лучшихъ изъ нихъ свои произведенія, составившія въ концѣ семидесятыхъ годовъ даже цѣлую, въ своемъ родѣ единственную, книжку «Подснѣжникъ». Почти всѣ эти стихотворенія можно смѣло рекомендовать, какъ прекрасный эстетическій матеріалъ, вполнѣ доступный дѣтскому пониманію, могущій возбудить въ дѣтяхъ самыя теплыя, гуманныя чувства... заставить рѣзваго ребенка и призадуматься, пожалуй, вызвать и «добрую слезу»... Стихотвореніе «Былъ у Христа младенца садъ» и еще нѣсколькко дѣтскихъ стихотвореній Алексѣя Николаевича положены на музыку П. И. Чайковскимъ, его большимъ пріятелемъ; вообще, наши композиторы—Чайковскій, А. Г. Рубинштейнъ, Мусоргскій, Арендсъ, Тарновская, Дервизъ и друг.,—нерѣдко клали на музыку произведенія Плещеева, особенно его

переводы изъ Гейне. Всѣ пьесы поэта для дѣтей и юношества собраны въ небольшую книжку подъ заглавіемъ «Подснѣжникъ», которая выдержала три изданія. Самъ поэтъ, въ бытность свою въ Москвѣ, издалъ, составленную имъ въ сотрудничествѣ съ Ѳ. Н. Бергомъ, «Дѣтскую книжку» (М. 1861), а позднѣе, вмѣстѣ съ Н. А. Александровымъ, —литературный сборникъ для дѣтей «На праздникъ».

Жизнь Алексѣя Николаевича въ Петербургѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи вторично женился на вдовѣ отставного губернскаго секретаря Екатеринѣ Михайловнѣ Даниловой, урожденной Успенской, проходила среди непрерывнаго труда, далеко не такъ вознаграждавшагося, какъ этого заслуживалъ убѣленный сѣдинами, заслуженный писатель, столько переиспытавшій на своемъ вѣку и выпившій чашу страданій до дна. Подчасъ тяжело и жутко приходилось поэту, и единственнымъ утѣшеніемъ его невеселой, труженической жизни была общая любовь къ нему, которою онъ вполнѣ заслуженно пользовался и въ обществѣ, и въ литературномъ мірѣ, во всѣхъ кружкахъ, безъ различія партій, и среди молодежи, которую онъ самъ любилъ такъ горячо, и которая постоянно окружала его и въ обществѣ, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ скромной его квартирѣ, гдѣ Алексѣй Николаевичъ, всегда доступный, со свойственною ему ласковостью, обходительностью и привѣтливостью, принималъ много посѣтителей, своихъ молодыхъ друзей, любившихъ его бесѣду, простую и задушевную. Чрезвычайно чуткій и отзывчивый, умѣвшій съ удивительной прозорливостью отличать чистое золото отъ мишуры, поэтъ отлично угадывалъ настоящее дарованіе въ молодомъ, начинающемъ писателѣ, особенно если дѣло касалось поэзіи,—и всегда старался помочь такому новичку въ литературѣ и дѣломъ, и совѣтомъ, хлопоталъ о томъ, чтобы по возможности выдвинуть его. Такъ, еще въ бытность въ Москвѣ онъ, насколько могъ, обласкалъ даровитаго поэта-крестьянина И. З. Сурикова и былъ его литературнымъ крестнымъ отцомъ. Еще свѣжо у всѣхъ въ памяти, какъ тепло онъ отнесся къ другому талантливому поэту, С. Я. Надсону, всецѣло обязанному значительною долей своей извѣстности А. Н. Плещееву, котораго въ одномъ изъ тѣсныхъ литературныхъ кружковъ молодежь называла «padre»; имя, данное поэту въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ однимъ, тогда молодымъ, беллетристомъ, такъ и закрѣпилось за нимъ навсегда, до конца дней. И онъ, дѣйствительно, былъ «padre»—истиннымъ, любвеобильнымъ и попечительнымъ «отцомъ» для всякаго начинающаго поэта, беллетриста, драматурга, для всякаго мало-мальски даровитаго, вступающаго въ жизнь юноши. Зато какъ всѣ его уважали, цѣнили, завидовали его наружному спокойствію, юношеской свѣжести его чувствъ, чуткости и отзывчивости его добраго сердца! Глубокія симпатіи къ прекраснодушному поэту, къ его незлобивой, искренней и оздоровляющей музѣ особенно ярко сказались въ памятный день 15-го января 1886 г., когда огромный кругъ его почитате-

III*

лей и друзей чествовалъ сорокалѣтіе литературной дѣятельности Алексѣя Николаевича и когда маститый поэтъ получилъ столько привѣтствій, поздравленій, пожеланій, и устныхъ, и письменныхъ. На склонѣ дней судьба совершенно неожиданно улыбнулась поэту. Его матеріальныя обстоятельства—разумѣется, только не при помощи литературы—сложились настолько благопріятно, что, наконецъ, дали ему возможность отдохнуть и физически, и нравственно, избавиться отъ безконечныхъ тревогъ, выйти изъ-подъ гнета суровой нужды. Чувствуя упадокъ силъ, порядкомъ истощенныхъ тяжелою, особенно въ его годы, работой, поэтъ, по совѣту доктора Л. Б. Бертенсона, уѣхалъ за границу и проводилъ время частью въ Ниццѣ и Парижѣ, частью въ Россіи, навѣдываясь лѣтомъ въ Петергофъ и Ораніенбаумъ. Давно страдая болѣзнью сердца, онъ, совершенно неожиданно для друзей и близкихъ его, скончался въ Парижѣ, въ ночь на 26-е сентября 1893 года отъ апоплексическаго удара. О поѣздкѣ маститаго поэта за границу, его болѣзни и послѣднихъ дняхъ и часахъ приводимъ разсказъ Александра Алексѣевича Плещеева, родного сына его, напечатанный черезъ полгода по кончинѣ поэта въ одной изъ большихъ газетъ.

«Докторъ Л. Б. Бертенсонъ, пользовавшій отца нѣсколько лѣтъ, осмотрѣлъ его послѣдній разъ въ августѣ прошлаго (1893) года; за недѣлю до того, я лично былъ у д-ра Бертенсона, который нашелъ меня больнымъ и велѣлъ ѣхать скорѣе на воды. Но я не поѣхалъ, написавъ д-ру Бертенсону, что замѣчаю упадокъ силъ у моего отца и, вообще, боюсь за него. Въ тотъ же день Л. Б. мнѣ сообщилъ слѣдующее: «Хотѣлъ самъ быть у васъ и сказать, чтобы вы не отлучались отъ отца,—состояніе его здоровья нахожу опаснымъ... Везите его въ Висбаденъ или Баденъ-Баденъ, а потомъ видно будетъ... Надо ѣхать отъ скверной погоды». Пораженный такимъ извѣстіемъ, я сталъ уговаривать отца бѣжать отъ петербургской осени, которая подорветъ его окончательно. Отецъ согласился со мной, но предварительно пожелалъ заѣхать къ сыну Николаю въ Смоленскую губернію. У брата онъ хотѣлъ прожить недѣлю и проститься съ нимъ, такъ какъ предчувствовалъ, что, можетъ-быть, больше съ нимъ не увидится. Братъ пріѣхалъ за отцомъ и увезъ его въ деревню, куда черезъ нѣсколько дней вызвали и меня... Въ деревнѣ отцу стало хуже: нѣсколько вѣтреныхъ свѣжихъ дней окончательно расшатали его здоровье. «Пора ѣхать, мнѣ очень нездоровится», — сказалъ онъ. Нѣсколько ночей онъ не могъ заснуть совсѣмъ, начались страшныя сердцебіенія и удушья. Была ночь, когда припадки достигли наибольшей силы, и мы съ братомъ совсѣмъ растерялись, предвидя роковую развязку, но Богъ помогъ, и утромъ наступило улучшеніе. Я подробно телеграфировалъ Л. Б. Бертенсону, и онъ отвѣчалъ, указавъ на нѣкоторыя мѣры, которыя, по его рекомендаціи, слѣдуетъ испробовать подъ наблюденіемъ мѣстнаго врача. «Когда станетъ лучше,—заканчивалась депеша Л. Б. Бертенсона,—везите его въ Ниццу,

гдѣ находится и докторъ Н. А. Бѣлоголовый». Отецъ не пожелалъ совѣтоваться съ мѣстнымъ докторомъ; онъ, вообще, лечиться не любилъ. Послѣдовавшее затѣмъ улучшеніе его здоровья позволило намъ вскорѣ выѣхать на Варшаву, а затѣмъ въ Вѣну и въ Парижъ. Предчувствіе, что вернуться въ Россію ему, можетъ-быть, не придется, не покидало отца; онъ подтвердилъ это, прощаясь въ Смоленскѣ съ братомъ моимъ Николаемъ, при чемъ плакалъ, чего съ нимъ прежде не бывало. Отецъ зналъ, что въ случаѣ наступленія опасности я буду около него; кромѣ того, въ Ниццѣ будетъ жить старшая дочь съ мужемъ, а въ Парижъ должна была пріѣхать жена съ младшею дочерью. Братъ же, покинувъ военную службу, долженъ былъ остаться безвыѣздно въ деревнѣ. И дѣйствительно, предчувствіе отца сбылось: они больше не видались. Проживъ нѣсколько дней въ Варшавѣ, гдѣ мы застали прекрасную погоду, а также и въ Вѣнѣ, я благополучно довезъ отца въ Парижъ, откуда уговаривалъ его выѣхать чрезъ день въ Ниццу. Отецъ, однако, пожелалъ дождаться жены съ младшею дочерью и пробыть съ ними еще нѣсколько дней въ Парижѣ. Вскорѣ онѣ пріѣхали. Отецъ очень любилъ Парижъ и, когда пріѣзжалъ сюда, дѣлался гораздо веселѣе, оживленнѣе. Несмотря на то, что посѣщеніе театровъ ему воспрещали абсолютно, онъ изрѣдка все-таки бывалъ въ нихъ. Противорѣчить ему въ данномъ случаѣ было трудно, онъ раздражался, что было для него вредно. Сильное волненіе и раздраженіе могли вызвать моментально печальную развязку. Склерозный процессъ и признаки діабета, обнаружившіеся за послѣдніе годы его жизни, требовали строжайшаго режима. Въ Ниццѣ отецъ всегда чувствовалъ себя лучше, но, къ нашему горю, послѣдній переѣздъ туда сдѣлать было не суждено. Въ субботу, 25-го сентября 1893 г., отецъ жаловался мнѣ на головную боль, чувствовавшуюся особенно въ затылкѣ около праваго уха. Въ этотъ день онъ волновался съ самаго утра, его раздражали всякія мелочи. Въ третьемъ часу дня отецъ ушелъ гулять одинъ и сидѣлъ на бульварѣ въ café de la Paix, гдѣ его встрѣтилъ и бесѣдовалъ съ нимъ скульпторъ г. Берепштамъ. Возвратясь обратно домой пѣшкомъ, отецъ сѣлъ писать письма въ Ниццу, вице-консулу Ментоны Н. И. Юрасову, котораго онъ любилъ и съ которымъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я зашелъ въ это время къ нему и спросилъ, кому онъ пишетъ. «Юрасову, Николаю Ивановичу, прошу его рѣшить съ виллой для меня... Вилла № 29, Promenade des Anglais». Говоря это, отецъ раза два провелъ рукой по головѣ, именно по тому мѣсту, на боли въ которомъ онъ жаловался. Находясь въ нѣсколько раздражительномъ состояніи съ утра, онъ измѣнилъ свое желаніе еще остаться въ Парижѣ и хотѣлъ теперь скорѣе перебраться въ Ниццу. «Ты самъ очень хотѣлъ въ Ниццу,— замѣтилъ мнѣ отецъ,—а теперь какъ будто не радъ!.. Я желалъ бы выѣхать съ тобой послѣзавтра, а наши пріѣдутъ нѣсколькими днями позже... Мы все устроимъ къ ихъ пріѣзду». Я былъ чрезвычайно радъ поскорѣе

увезти его въ Ниццу. «У меня сегодня головная боль»,—пожаловался онъ мнѣ. Мое предложеніе прогуляться отецъ отклонилъ, сказавъ, что и такъ много былъ на воздухѣ. Я ушелъ въ свою комнату и прилегъ на четверть часа, какъ вдругъ слышу голосъ отца у моей двери:—«Саша... мнѣ, братъ, что-то дурно... и голова...» Хотя отецъ стоялъ твердо на ногахъ, но я сразу замѣтилъ, что онъ поблѣднѣлъ и не совсѣмъ ясно говоритъ... Ему какъ-будто было трудно произносить слова. Я моментально посадилъ его въ кресло, поспѣшилъ растворить дверь на балконъ, обмакнулъ въ воду полотенце и приложилъ къ головѣ компрессъ. Затѣмъ взялъ лекарство, которое онъ принималъ при сердцебіеніи, и далъ ему для успокоенія. Я слѣдилъ за пріемами отцомъ этого лекарства и потому оно всегда находилось у меня. Отецъ произнесъ еще двѣ-три отрывистыя фразы, и я тотчасъ обратилъ вниманіе, что губы его, какъ-будто, нѣсколько искривились, что въ немъ происходила какая-то необъяснимая перемѣна, понятная лишь для близкихъ, привыкшихъ къ нему лицъ. Я позвонилъ и приказалъ немедленно пригласить доктора. Видя, что отцу неудобно въ креслѣ, я сначала положилъ его на кушетку, которая, однако, оказалась короткой. Тогда я снова поставилъ его на ноги, взялъ сзади подмышки и повелъ въ гостиную. Отецъ шелъ очень твердо, почти не нуждаясь въ моей помощи; здѣсь онъ прилегъ на диванѣ и сказалъ, протяжно, съ замѣтнымъ трудомъ: «Не надо, не надо, Саша, доктора!..» Затѣмъ онъ взялъ меня за руку и, смотря мнѣ въ глаза, спросилъ: «Развѣ опасно?..» Послѣ этихъ словъ голова его, какъ-будто, склонилась на сторону. Со времени прихода его ко мнѣ въ комнату и до этого момента прошло не болѣе десяти минутъ. Въ это время пріѣхала младшая сестра съ матерью, которыя, встрѣтивъ меня растерявшимся, сначала не поняли, въ чемъ дѣло, и предположили, что отцу, по обыкновенію, нездоровится съ утра. Увидя ихъ, отецъ довольно ясно произнесъ: «Взяли билеты въ оперу... идите... я не могу...» Докторъ явился скоро, мы сообща раздѣли отца, который замѣтно слабѣлъ, положили на кровать и прибѣгли къ первымъ медицинскимъ средствамъ... Отецъ страшно потѣлъ, конвульсивно двигалъ правою рукой, показывая то на голову, то на грудь... Наконецъ, онъ снова сказалъ женѣ и дочери: «Идите въ оперу, билеты пропадутъ». Это были послѣднія его слова, больше онъ ничего не произнесъ и постепенно впадалъ въ полное безпамятство. Что дѣлать, къ чему и къ кому прибѣгнуть въ такую минуту, у кого искать спасенія—я не могъ сообразить. Я написалъ записку жившимъ по близости въ Hôtel Continental А. П. Коломнину и Н. Л. Владимірову, у которыхъ отецъ просидѣлъ нѣсколько часовъ наканунѣ, въ пятницу, и просилъ ихъ поспѣшить къ намъ. Владиміровъ, узнавъ, что отцу худо, отправился немедленно къ знаменитому доктору, нынѣ академику Потэну, котораго уговорилъ пріѣхать съ помощникомъ четверть часа спустя. Потэнъ, на вопросъ—телеграфировать ли дочери и сыну о томъ,

насколько опасно положеніе отца, отвѣтилъ:—«Да, положеніе безнадежное». Однако, былъ еще какой-то лучъ надежды. Потэнъ предписалъ много средствъ, велѣлъ прибѣгнуть къ вдыханію кислорода и послалъ за фельдшеромъ. Помощникъ Потэна пріѣхалъ во второй разъ въ двѣнадцатомъ часу ночи и, отведя меня въ сторону, объявилъ: «Отецъ вашъ долженъ скоро умереть, онъ не проживетъ до утра...» Послѣ ухода доктора, въ спальнѣ, гдѣ лежалъ отецъ, слышался лишь хрипъ умирающаго; ничто, рѣшительно ничто не облегчало ему дыханія; наступила агонія. «Безъ всякой перемѣны, никакого улучшенія!»—произнесъ фельдшеръ, смотря на насъ съ участіемъ. «Не ждите, все кончено»,—какъ-будто хотѣлъ онъ сказать, но, вѣроятно, пожалѣлъ насъ. Въ третьемъ часу ночи отецъ открылъ глаза, какъ будто пришелъ въ себя, оглянулъ насъ и спокойно заснулъ... навсегда. Можетъ-быть, смерть моего отца была и непреждевременная, если принять во вниманіе все пережитое имъ, а также безпрерывную литературную работу до старческаго возраста, съ которой онъ могъ покончить лишь за нѣсколько лѣтъ до своей смерти. Этотъ его трудъ давалъ ему право на болѣе продолжительный отдыхъ, но судьба распорядилась иначе...» Прахъ поэта былъ перевезенъ въ Москву, и, по завѣщанію, погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, рядомъ съ могилой первой его жены, Еликониды Александровны. Густая толпа молодежи провожала прахъ своего горячо любимаго поэта, неся гробъ на рукахъ. На похоронахъ было произнесено много теплыхъ рѣчей.

Если судьба не была особенно благосклонна къ поэту и даже наносила ему удары, то природа щедро одарила его, соединивъ въ немъ красивую, представительную наружность съ душевными качествами въ высшей степени замѣчательными, симпатичными, и съ большимъ талантомъ. Красивый въ молодые годы, онъ и въ старости сохранилъ полное благообразіе, благородную осанку, величавую простоту, что такъ шло къ его высокому росту. Въ его прелестныхъ, свѣтлыхъ, мягкихъ глазахъ горѣлъ умъ и тотъ священный огонь, которымъ была всегда озарена его душа, даже въ самыя горькія минуты жизни. Но вмѣстѣ въ нихъ свѣтилась и безграничная доброта и привѣтливость. Высокое чело обрамляли длинные, слегка вьющіеся, прекрасно сохранившіеся волосы. Пріятный, ласкающій голосъ—баритонъ,—простая, задушевная, всегда остроумная, рѣчь довершали очарованіе, которое чувствовалъ каждый, встрѣчавшійся съ поэтомъ, а тѣмъ болѣе ощущали его друзья и всѣ, близко знавшіе его. «Безконечно добрый,—справедливо свидѣтельствуетъ одинъ изъ нихъ—всегда готовый подѣлиться послѣднимъ съ нуждающимся, мягкій и снисходительный къ другимъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло объ измѣнѣ честнымъ убѣжденіямъ или продажѣ совѣсти,—это былъ настоящій джентльменъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова—и въ манерахъ, и въ разговорѣ, и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, которымъ онъ никогда не давалъ почувствовать

своего превосходства, всякаго привлекая къ себѣ простотой обращенія и привѣтливостью. Кроткій и незлобивый, можетъ быть, иногда даже немножко слабохарактерный, онъ, несмотря на все пережитое, не потерялъ ни вѣры въ людей, ни младенческой ясности любвеобильной души. Многіе пользовались этими качествами и обманывали его, платя зломъ за добро и довѣріе, но это не исправляло стараго идеалиста: онъ первый же посмѣивался надъ своею наивною довѣрчивостью.» Онъ любилъ людей, не смотря на эти и иныя разочарованія. «Разъ почувствовавъ симпатію къ человѣку—говоритъ другой изъ его друзей—онъ уже не отходилъ отъ него и не щадилъ для его блага—ни своего досуга, ни своей старости... Такъ относился онъ къ Антону Павловичу Чехову, для котораго былъ, такъ сказать, крестнымъ отцомъ при переходѣ его изъ газетныхъ низинъ на высоты толстыхъ журналовъ... Быть признательнымъ за каждую малость, хлопотать и заступаться за другихъ—при полнѣйшей неспособности устраивать свои личныя дѣла—это были наихарактернѣйшія черты Плещеева, черты кровнаго идеалиста шестидесятыхъ годовъ... Онъ служилъ примирительною связью въ разрозненной средѣ петербургскихъ писателей, былъ тѣмъ притягательнымъ комелькомъ, около котораго, безъ всякихъ партійныхъ церемоній, отогрѣвались люди самыхъ противоположныхъ интересовъ...»

Произведенія Плещеева, и поэтическія, и въ большинствѣ случаевъ прозаическія, какъ яркое отраженіе его свѣтлой личности, проникнутыя благородствомъ чувствъ и мыслей, необыкновенно чистыя по направленію, невольно располагаютъ каждаго къ ихъ автору и всегда будутъ дороги всякому образованному человѣку, имѣющему «душу живую». «Кто молодъ самъ или не забылъ своей молодости,—говоритъ одинъ критикъ,—кто испыталъ притягательную силу мечты, заглядывающей далеко впередъ и точно приближающей будущее, тотъ найдетъ въ поэзіи Плещеева много родственнаго, тому не можетъ не быть дорога ея несокрушимая свѣжесть». У Плещеева, по справедливому замѣчанію другого критика, есть «стихотворенія, въ которыхъ онъ не только вторитъ общему настроенію всѣхъ своихъ современниковъ, но высоко паритъ надъ ними, возбуждая въ нихъ священныя чувства любви, гуманности и братства, составляющія высшіе идеалы человѣческаго совершенства и залогъ будущаго земного счастья,—идеалы, въ которыхъ заключалась нѣкогда вся суть молодыхъ упованій поэта». То же самое можно отнести и почти ко всѣмъ прозаическимъ произведеніямъ его, черезъ которыя красною нитью проходитъ «гражданская скорбь», въ истинномъ и самомъ возвышенномъ значеніи этого понятія, святая скорбь, которою была отъ юныхъ дней и до конца жизни проникнута душа поэта—одного изъ лучшихъ русскихъ людей нашей эпохи.

Петръ Быковъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ЖЕНЫ МОЕЙ

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ
ЮНОШЕСКАГО ПЕРІОДА
(1844—1846)

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...

Пушкинъ.

*
* *

Впередъ — безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!..

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ,
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ, — и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

СОНЪ.

(Отрывокъ изъ неоконченной поэмы).

«La terre est triste et desséchée: mais elle reverdira. L'haleine du méchant ne passera pas éternellement sur elle, comme un souffle qui brûle».

Paroles d'un croyant.

. . . .

Истерзанный тоской, усталостью томимъ,
Я отдохнуть прилегъ подъ яворомъ густымъ.

Двурогая луна, какъ серпъ жнеца кривой,
Въ лазурной вышинѣ сіяла надо мной.

Молчало все кругомъ... Прозрачна и ясна,
Лишь о скалу порой дробилася волна.

Въ раздумьи слушалъ я унылый моря гулъ,
Но скоро сонъ глаза усталые сомкнулъ.

И вдругъ явилась мнѣ, прекрасна и свѣтла,
Богиня, что меня пророкомъ избрала.

Чело зеленый миртъ вѣнчалъ листами ей,
И падалъ по плечамъ златистый шелкъ кудрей.

Огнемъ любви святой былъ взоръ ея согрѣтъ
И разливалъ на все онъ теплоту и свѣтъ.

Благоговѣнья полнъ, лежалъ недвижимъ я
И ждалъ священныхъ словъ, дыханье притая.

Но, вотъ, она ко мнѣ склонилась и рукой
Коснулася слегка груди моей больной.

И, наконецъ, уста разверзлися ея,
И вотъ что̀ услыхалъ тогда я отъ нея:

«Страданьемъ и тоской твоя томится грудь,
А предъ тобой лежитъ еще далекій путь.

«Скажу ль я, что̀ тебя въ твоей отчизнѣ ждетъ?
Подыметъ на тебя каменья твой народъ

«За то, что обвинишь могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты!

«За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ,

«Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ отцовъ его законъ!

«Но не страшися ихъ — и знай, что я съ тобой,
И камни пролетятъ надъ гордой головой.

«Въ цѣпяхъ ли будешь ты, — не унывай и вѣрь,
Я отопру сама темницы мрачной дверь.

«И снова ты пойдешь, избранный мной левитъ,
И въ мірѣ голосъ твой не даромъ прозвучитъ.

«Зерно любви въ сердца глубоко западетъ:
Придетъ пора—и дастъ оно роскошный плодъ.

«И человѣку той поры недолго ждать,
Недолго будетъ онъ томиться и страдать.

«Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ
Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за тучъ!

«Иди же, вѣры полнъ... И на груди моей
Ты скоро отдохнешь отъ муки и скорбей».

Сказала... И потомъ сокрылася она,
И пробудился я, взволнованный, отъ сна.

И Истинѣ святой, исполненъ новыхъ силъ,
Я далъ обѣтъ служить, какъ прежде ей служилъ.

Мой падшій духъ возсталъ... и утѣсненнымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь...

ПОЭТУ.

«Le poète doit être un protestant sublime
Du droit et de l'humanité».

A. Barbier.

Кто не страдалъ святымъ страданьемъ,
Кто горькихъ слезъ не проливалъ,
Томимый тщетнымъ ожиданьемъ
Увидѣть вѣчный идеалъ;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги промѣнялъ;
Въ пророковъ истины каменья
Въ угодность черни кто бросалъ;
Кто равнодушно видѣлъ муки,
Стонъ слышалъ брата своего,
И въ комъ цѣпей тяжелыхъ звуки
Не пробуждали ничего;

Кто, самъ преданья рабъ послушный,
Готовъ оковы былъ носить
И вопли сердца малодушно
Въ забавахъ свѣта заглушить,—
Тотъ не пойметъ твоихъ созданій,
Любовью дышащихъ святой,
И въ жизнь иную упованій
Не раздѣлить ему съ тобой!
И много ихъ въ толпѣ найдется,
Злыхъ фарисеевъ и глупцовъ,
Живущихъ мыслями отцовъ,
Въ комъ рѣчь твоя не отзовется.
Но ты иди прямой дорогой
Привычной, смѣлою стопой!
Когда въ душѣ сокровищъ много,
Не расточай ихъ предъ толпой!
Но будь гонимыхъ утѣшитель,
Врагамъ озлобленнымъ прости,
И вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаситель,
Учениковъ ты на пути.

Но будетъ время... Пронесутся
Дни бѣдствій, горя и тревогъ;
Жрецы Ваала ужаснутся,
Когда возстанетъ правды Богъ!
Навѣки въ мірѣ водворится
Священной истины законъ —
И гордыхъ власть предъ нимъ смирится,
И смолкнетъ ненависть племенъ.
. . . .
. . . .
Да, вѣрь: любви и примиренья
Пора желанная придетъ,
И міръ, прозрѣвъ, твое ученье
Тогда великимъ назоветъ.

— — —

СТРАННИКЪ.

«Oh, quand viendra-t-il donc ce jour que je revais,
Tardif réparateur de tant de jours mauvais?..
Jamais, dit la raison...»

H. Moreau.

Все тихо... Тополи надъ спящими водами,
Какъ призраки, стоятъ, луной озарены;
Усѣянъ сводъ небесъ дрожащими звѣздами,
Въ глубокій сонъ поля и лѣсъ погружены:

Воздушныя струи полны ночной прохладой,
Повѣялъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ...
Ужъ берегъ виденъ сталъ... и дышитъ грудь отрадой—
Быстрѣй же мчи меня, о, легкій мой челнокъ!

Я вижу: огонекъ мелькнулъ между кустами
И яркой полосой ложится на рѣкѣ...
Скитальца ль ждешь къ себѣ, съ томленьемъ и слезами,
Ты, добрый другъ, въ своемъ уютномъ уголкѣ?

Съ молитвой ли стоишь предъ чистою Мадонной,
И слышенъ шопотъ твой въ полночной тишинѣ,
Иль, можетъ, рвешь листки ты розы благовонной,
Какъ Гретхенъ Фауста, гадая обо мнѣ?

Услышавъ плескъ волны, съ улыбкой молодою,
Ты другу выйдешь ли навстрѣчу въ темный гротъ,
Гдѣ, къ моему плечу приникнувъ головою,
Ты говорила мнѣ, бывало: «День придетъ,

И близокъ онъ, когда ни горя, ни страданій
Не будетъ на землѣ!» — Нѣтъ, онъ далекъ, дитя!
И если бъ знала ты, какъ много упованій,
Прекрасныхъ и святыхъ, съ тѣхъ поръ утратилъ я!

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою разставались?
Какъ былъ я духомъ бодръ, какъ полонъ юныхъ силъ!
Но, вотъ, разлуки дни, какъ грёзы, миновались...
Отчизну и тебя я снова посѣтилъ.

И что жъ? Утомлена безплодною борьбою
Уже душа моя. Потухъ огонь въ глазахъ,
И впала грудь моя, истерзана тоскою,
И не пылаетъ кровь румянцемъ на щекахъ.

Я слышалъ ближнихъ вопль, я видѣлъ ихъ мученья,
Я предразсудка власть повсюду находилъ;
И страшно стало мнѣ, и мрачный духъ сомнѣнья —
Ужасный духъ меня впервые посѣтилъ!

Безсилие мое гнететъ меня всечасно;
Ужъ холодъ въ сердце мнѣ, я чувствую, проникъ,
И я спѣшу къ тебѣ, спѣшу, мой другъ прекрасный,
Въ объятіяхъ твоихъ забыться хоть на мигъ!

Сгустилась ночи тьма надъ спящими водами,
Повѣялъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ,
Усыпанъ сводъ небесъ дрожащими звѣздами...
Быстрѣй же къ берегамъ неси меня, челнокъ!

НАПѢВЪ.

О, отчего полна томленья
И странныхъ грёзъ душа моя,
Когда въ тиши уединенья
Напѣвъ знакомый слышу я?

Не будятъ въ сердцѣ эти звуки
Печали, смолкнувшей давно;
Ни мукъ любви, ни слезъ разлуки
Имъ воскресить не суждено.

Но я люблю твой гласъ призывный,
Напѣвъ далекой стороны,
Какъ ропотъ моря заунывный
Въ часы вечерней тишины...

ОТВѢТЪ.

Мы близки другъ другу,— я знаю,—
Но чужды по духу.... Любви
Давно я къ тебѣ не питаю —
И холодны рѣчи мои...

Не въ силахъ я лгать предъ тобою,
А правда страшна для тебя...
Къ чему же безплодной борьбою
Всечасно терзать намъ себя?

Въ кумирахъ мнѣ Бога не видѣть,
Предъ ними чела не склонить!
Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Что рабски привыкла ты чтить!

Кто истинѣ, вѣрный призванью,
Себя безвозвратно обрекъ,—
И домъ, и семью, безъ роптанья,
Оставитъ,—сказалъ намъ Пророкъ...

О, вѣрь мнѣ, напрасны упреки:
Разстаться намъ должно съ тобой...
Любви мы другъ къ другу далеки,
Другъ другу мы чужды душой!..

— — —

*
* *

Страдалъ онъ въ жизни много, много,
Но сожалѣнья не просилъ
У ближнихъ, такъ же, какъ у Бога,
И гордо зло переносилъ.

А было время — и сомнѣнья
Свои другимъ онъ повѣрялъ;
Но тщетно... бѣдный не слыхалъ
Отъ брата слова утѣшенья!

Ему сказали: «Молодъ ты,
Остынетъ жаръ въ крови съ лѣтами,
Исчезнутъ пылкія мечты...
Такъ точно было прежде съ нами!»

Но простодушно вѣрилъ онъ,
Что не напрасны тѣ стремленья,
И прозрѣвалъ онъ въ отдаленьи
Священной истины законъ.

Ему твердили съ укоризной,
Что не любилъ онъ край родной:
Онъ міръ считалъ своей отчизной
И человѣчество — семьей!

И ту семью любилъ онъ страстно,
И для ея грядущихъ благъ
Истратить былъ готовъ всечасно
Избытокъ юныхъ силъ въ трудахъ.

Но онъ любимымъ упованьямъ
Предѣлы всюду находилъ
Въ странѣ рабовъ слѣпыхъ преданья,
И жажды дѣлъ не утолилъ!

И умеръ онъ въ борьбѣ безплодной...
Никто его не разгадалъ,
Никто порывовъ не узналъ
Души любящей, благородной...

Считали всѣ его пустымъ
И только юность пожалѣли;
Когда жъ холодный трупъ отпѣли,
Рыданья не было надъ нимъ.

Надъ свѣжей юноши могилой
Теперь березы лишь шумятъ,
Да утромъ пасмурнымъ звучатъ
Напѣвы иволги унылой...

ПРОСТИ!

Прости, прости! настало время,—
Разстаться должно намъ съ тобой!
Бѣлѣетъ парусъ мой, и звѣзды
Зажглися въ тверди голубой.

О, дай усталой головою
Еще на грудь твою прилечь,
Въ послѣдній разъ облить слезами
И шелкъ волосъ, и мраморъ плечъ!

А тамъ разстанемся надолго...
Когда же мы сойдемся вновь,
Дитя, въ сердцахъ, быть-можетъ, холодъ
Замѣнитъ прежнюю любовь!

Быть-можетъ, дерзко все былое
Тогда мы вмѣстѣ осмѣемъ,
Хотя украдкой другъ отъ друга
Слезу невольную прольемъ...

Прости же, другъ! Полна печали
Душа моя... Но часъ насталъ,
И въ путь, нетерпѣливымъ плескомъ,
Зоветъ меня сребристый валъ.

ЗВУКИ.

Не умолкай, не умолкай!
Отрадны сердцу эти звуки;
Хоть на единый мигъ пускай
Въ груди больной задремлютъ муки.

Волненья прошлыхъ, давнихъ дней
Мнѣ пѣснь твоя напоминаетъ;
И льются слезы изъ очей,
И сладко сердце замираетъ...

И мнится мнѣ, что слышу я
Знакомый голосъ, сердцу милый;
Бывало, онъ влечетъ меня
Къ себѣ какой-то чудной силой;

И, будто, снова предо мной
Спокойный, тихій взоръ сіяетъ
И душу сладостной тоской,
Тоской блаженства наполняетъ...

Такъ пой же! Легче дышитъ грудь,
И стихли въ ней сомнѣнья муки...
О, если бъ могъ когда-нибудь
Я умереть подъ эти звуки!

ДВѢ ПѢСНИ.

1.

Снова я, раздумья полный,
Въ книгу прошлаго гляжу,
Но страницъ, отрадныхъ сердцу,
Въ ней немного нахожу!...

Здѣсь—напрасныя стремленья,
Тамъ—напрасная любовь;
И сильнѣе годъ-отъ-года
Холодѣетъ въ сердцѣ кровь!

А порой и мнѣ казалось:
Счастье было найдено!
То же горе, только счастьемъ
Притворялося оно!

Съ каждымъ днемъ дорога жизни
Все становится скучнѣй...
И, послушный волѣ рока,
Вяло я бреду по ней!

Безъ надежды, безъ желанья,
Какъ волна, катится вдаль;
Впереди не вижу цѣли,
И былого мнѣ не жаль.

2.

«Доброй ночи!»—ты сказала,
Подавая руку мнѣ,
И желала много счастья,
Много радостей во снѣ.

«Пусть до самаго разсвѣта
Снятся милыя черты!»—
Улыбаяся лукаво,
Говорила другу ты.

И сбылись твои желанья,
И тебя увидѣлъ я!
Все твои мнѣ снились взоры,—
Взоры, полные огня!

Снилось: въ комнаткѣ уютной
Мы сидимъ съ тобой вдвоемъ;

На полу чертитъ узоры
Мѣсяцъ палевымъ лучомъ.

Ты меня лилейной ручкой
Привлекла на грудь свою,
Нѣжно въ очи цѣловала
И шептала мнѣ: «люблю!»

И еще такъ много снилось...
Что за дивный, сладкій сонъ!
Пожелай, чтобы со мною
Наяву случился онъ!

---

* * *

1.

Случайно мы сошлися съ вами,
И, вотъ, разстанемся опять.
Вы подъ чужими небесами
Красою будете плѣнять
То итальянцевъ смуглолицыхъ,
То жизни полныхъ парижанъ,
Холодной сѣверной столицы
Забывъ и скуку, и туманъ!
Какъ не забыть, когда предъ вами,
Блестя лазурными волнами,
Заливъ широкій зашумитъ,
И кипарисъ васъ осѣнитъ
Своими темными вѣтвями...
Въ сіяньи лунномъ Колизей,
Свидѣтель Рима славныхъ дней,
Предстанетъ гордый, величавый...
Польются Тассовы октавы,
Засвищетъ южный соловей...
Иль подъ окномъ вамъ серенаду
Влюбленный юноша споетъ,—
Все незнакомую отраду,

2*

Блаженство въ душу вамъ прольетъ!
И заживете вы привольно
Вдали отъ русской стороны!
А я?.. досадно мнѣ и больно!
И жаль мнѣ, жаль васъ, какъ весны...
Да! какъ весна, вы согрѣвали,
Живили сердце мнѣ порой...
Сомнѣнья прочь вы отгоняли,
Вы путеводною звѣздой
Въ пустынѣ жизни мнѣ сіяли...
И былъ я счастливъ... Пустота
Меня, какъ прежде, не томила,
И прихотливая мечта
Въ грядущемъ что-то мнѣ сулила...

2.

Но знаютъ всѣ, и съ давнихъ поръ,
Что у судьбы обыкновенье —
Завѣтнымъ нашимъ помышленьямъ
Идти всегда наперекоръ.
И вотъ, ужъ близкій часъ разлуки
Вы мнѣ пророчите, и васъ
Молю я: дайте ваши руки
Къ губамъ прижать въ послѣдній разъ!
Еще на мигъ до разставанья
У вашихъ ногъ забудусь я,
А тамъ, отъ муки и рыданья,
Пусть разорвется грудь моя!

3.

Но все не вѣрю я... Скажите,
Ужель разстаться должно намъ?
А если должно—обманите:
Повѣрю вашимъ я словамъ.
И оживу я, обольщенный
Надеждой ложной... Такъ порой,
Путемъ далекимъ утомленный,
Въ степи широкой и пустой,

Съ ея зыбучими песками,
Находитъ пальму пилигримъ,
И подъ тѣнистыми вѣтвями
Ложится онъ, и передъ нимъ
Встаютъ знакомыя картины:
Онъ видитъ пестрыя равнины,
Онъ видитъ горы и лѣса,
Луга, покрытые стадами,
И, отраженныя водами,
Его родныя небеса!
Онъ веселъ, счастливъ, сердце бьется,
Струятся слезы по щекамъ;
Но громъ въ пустынѣ раздается...
Очнулся путникъ... и глазамъ
Предстала та же степь нѣмая
И тотъ же ровный длинный путь,
И смотритъ онъ кругомъ, вздыхая..
Тоска ему сжимаетъ грудь...
А пальма стройная листами,
Надъ нимъ качаясь, шумитъ,
И онъ дрожащими устами
Ее за сонъ благодаритъ.

ПѢВИЦѢ.

«Fille de la douleur, harmonie, harmonie,—
Langue que pour l'amour inventa le génie,
Qui nous vint d'Italie et qui lui vint des cieux».

Alfred Musset.

Нѣтъ! не забыть мнѣ васъ, плѣнительные звуки,
Какъ первыхъ сладкихъ слезъ любви мнѣ не забыть!
Когда внималъ я вамъ, въ груди смирялись муки,
И снова былъ готовъ я вѣрить и любить!
Мнѣ не забыть *ее*... То жрицей вдохновенной,
Широколиственнымъ покрытая вѣнкомъ,
Она являлась мнѣ... и пѣла гимнъ священный,
А взоръ ея горѣлъ божественнымъ огнемъ...

То блѣдный образъ въ ней я видѣлъ Дездемоны,
Когда она, склонясь надъ арфой золотой,
Объ ивѣ пѣла пѣснь... и прерывали стоны
Унылый переливъ старинной пѣсни той.
Какъ глубоко она постигла, изучила
Того, кто зналъ людей и тайны ихъ сердецъ!
И если бы возсталъ великій изъ могилы,
Онъ на чело ея надѣлъ бы свой вѣнецъ.
Порой являлась мнѣ Розина молодая
И страстная, какъ ночь страны ея родной...
И, голосу ея волшебному внимая,
Въ тотъ благодатный край стремился я душой,
Гдѣ все чаруетъ слухъ, все восхищаетъ взоры,
Гдѣ вѣчной синевой блистаетъ неба сводъ,
Гдѣ свищутъ соловьи на вѣтвяхъ сикоморы,
И кипариса тѣнь дрожитъ на глади водъ!
И грудь моя, полна святого наслажденья,
Восторга чистаго, вздымалась высоко,
И отлетали прочь тревожныя сомнѣнья,
И было на душѣ спокойно и легко.
Какъ друга, послѣ дней томительной разлуки,
Готовъ я былъ весь міръ въ объятья заключить...
О, не забыть мнѣ васъ, плѣнительные звуки,
Какъ первыхъ сладкихъ слезъ любви мнѣ не забыть!

---

*
* *

Послѣ грома, послѣ бури,
Послѣ тяжкихъ, мрачныхъ дней
Прояснился сводъ лазури,
Сердцу стало веселѣй.

Но на долго ль?.. Вотъ надъ моремъ
Тучки новыя бѣгутъ...
Солнце съ тучей, радость съ горемъ
Неразлучно, знать, живутъ!

ЭЛЕГІЯ.

(НА МОТИВЪ ОДНОГО ФРАНЦУЗСКАГО ПОЭТА).

Да, я люблю тебя, прелестное созданье,
Какъ блѣдную звѣзду въ вечернихъ облакахъ,
Какъ розы ароматъ, какъ вѣтерка дыханье,
Какъ грустной пѣсни звукъ на дремлющихъ водахъ;

Какъ грёзы я люблю, какъ сладкое забвенье
Подъ шопотъ тростника на берегѣ морскомъ —
Безъ ревности, безъ слезъ, безъ жажды упоенья.
Любовь моя къ тебѣ—мечтанье о быломъ...

Гляжу ль я на тебя — прошедшія волненья
Приходятъ мнѣ на умъ, забытая любовь,
И все, что такъ давно осмѣяно сомнѣньемъ,
Что имъ замѣнено, что не вернется вновь.

Мнѣ не дано въ удѣлъ безпечно наслаждаться:
Передо мной лежитъ далекій, скорбный путь,
И я спѣшу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на мигъ душой отъ скорби отдохнуть.

БАЛЪ.

(ОТРЫВОКЪ).

Я помню балъ. Горѣли ярко свѣчи,
И группы пестрыя мелькали предо мной.
Я слышалъ то отрывистыя рѣчи,
То Ланнеровскій вальсъ, унылый и простой.
Но слушалъ ихъ небрежно и зѣвая,
А взорами ее—одну ее искалъ.
Гдѣ ты, всегда нарядная, живая,
Какъ мотылекъ? Тебя давно я не видалъ,
Но все къ тебѣ мои неслися думы,
Тобой и въ этотъ мигъ онѣ еще полны;

И жду тебя, усталый и угрюмый,
Я,—какъ природа ждетъ дыханія весны!
И длился скучный балъ до поздней ночи,
Я покидалъ его съ досадою нѣмой,
Но вдругъ *ея* лазуревыя очи,
Какъ будто двѣ звѣзды, зажглися предо мной.
И увидалъ я вновь, отрады полный,
И плечи бѣлыя, какъ первый снѣгъ полей,
И смоляныхъ волосъ густыя волны,
И легкій стройный станъ красавицы моей;
Но на щекахъ нѣтъ прежняго румянца,
Ты улыбаешься сквозь слезы? ты грустна?
Устала ль ты, кружася въ вихрѣ танца,
Иль скорбь на днѣ души твоей затаена?

Ужель и ты обманута мечтами,
И на страданія судьбой обречена?..
Вотъ, руку мнѣ дрожащими руками
Схвативъ: «я замужемъ»—произнесла она;
А грудь ея высоко волновалась,
И томный взоръ горѣлъ болѣзненнымъ огнемъ;
И мука въ этомъ взорѣ отражалась,
Какъ отражалось въ дни былые счастье въ немъ.
И я поникъ въ раздумьѣ головою...
Сначала рѣчь завесть о прошломъ былъ готовъ,
Но, удрученъ тяжелою тоскою,
Остался, будто тѣнь, и мраченъ, и безъ словъ.

Я помню балъ. Горѣли ярко свѣчи...
За пестрою толпой слѣдилъ я въ сторонѣ,
Но не искалъ мой взоръ отрадной встрѣчи,—
Я никого не ждалъ, и скучно было мнѣ.
Вдругъ Ланнера послышались мнѣ звуки.
Унылый вальсъ! знакомъ онъ сердцу съ давнихъ дней,
И вспомнилъ я любви тревожной муки,
Я вспомнилъ блескъ давно угаснувшихъ очей!
Да! Какъ листокъ весною пожелтѣлый,
На утрѣ дней и ты увяла, ангелъ мой;
И видѣлъ я, какъ ты въ одеждѣ бѣлой,

Въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ лежала подъ парчей...

. . . .

Я вспомнилъ все... А музыка гремѣла,
И пестрая толпа кружилась предо мной!

ЕЕ МНѢ ЖАЛЬ...

Дай руку мнѣ... Я понимаю
Твою зловѣщую печаль
И, полонъ тайныхъ мукъ, внимаю
Твоимъ словамъ: «ее мнѣ жаль».

Какъ иногда въ рѣкѣ широкой
Грозой оторванный листокъ
Несется блѣдный, одинокій,
Куда влечетъ его потокъ,—

Такъ и она, велѣнью рока
Всегда покорная, пойдетъ
Безъ слезъ, безъ жалобъ и упрека,
Куда ее онъ поведетъ.

Въ ея груди таится нынѣ
Любви такъ много. Боже мой,
Не дай растратить ей въ пустынѣ
Огня, зажженнаго тобой!

Но этотъ взоръ, спокойный, ясный,
Да будетъ вѣчно имъ согрѣтъ,
И пусть на зовъ души прекрасной
Душа другая дастъ отвѣтъ!

Да! Вѣрь мнѣ, другъ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль
И, полонъ грусти, повторяю
Съ тобою самъ: «ее мнѣ жаль»...

---

* * *

Когда я въ залѣ многолюдномъ,
Тоской тревожною томимъ,
Внимаю вальса звукамъ чуднымъ,
То грусти полнымъ, то живымъ;
Когда пестрѣетъ предо мною
Толпа при свѣтѣ яркихъ свѣчъ,
И, вотъ, улыбкой молодою
И бѣлизной прозрачныхъ плечъ
Блистая, ты ко мнѣ подходишь,
Въ меня вперяешь длинный взоръ,
И разговоръ со мной заводишь,
Летучій бальный разговоръ,—
О, отчего такъ грустно, больно
Мнѣ станетъ вдругъ?.. тебѣ едва
Я отвѣчаю, и невольно
На грудь поникнетъ голова.
И все мнѣ кажется—судьбою
На муки ты обречена;
Что будетъ тяжкою борьбою
И эта грудь изнурена;
Что взоръ горитъ огнемъ страданья,
Слезу напрасно затая;
Что безотрадное рыданье
За смѣхомъ звонкимъ слышу я!
И жаль мнѣ, жаль тебя, и слезы
Готовы кануть изъ очей.
Но это все больныя грёзы
Души разстроенной моей.
Прости мнѣ, другъ! Не зная скуки,
Забывъ пророческую рѣчь,
Кружись, порхай подъ эти звуки
При яркомъ свѣтѣ бальныхъ свѣчъ!

———

ДУМА.

Какъ дѣти иль рабы, преданію послушны,
Какъ часто въ жизни мы бываемъ равнодушны
Къ тому, что сердце намъ должно бы разрывать,
Что слезы изъ очей должно бы исторгать.
Мы плакать не хотимъ, мы не хотимъ терзаться
И предразсудкамъ казнь въ сомнѣніяхъ искать;
Не лучше ль слѣпо имъ во всемъ повиноваться,
А въ бѣдствіяхъ судьбу спокойно обвинять,
И, мимо жертвъ идя шумящею толпою,
Вздыхать и говорить: такъ велѣно судьбою!
Когда же совѣсть вдругъ, проснувшись, скажетъ намъ:
«Виновникъ бѣдъ своихъ—ты, жалкій смертный, самъ. .
Ты глухъ, какъ истуканъ, на гласъ мой оставался,
И, призракъ свой создавъ, ему повиновался!»—
Вопль сердца заглушить мы поспѣшимъ скорѣй,
Чтобы не отравить покоя нашихъ дней!
Когда жъ среди толпы является порою
Пророкъ, съ могучею великою душою,
Съ глаголомъ истины священной на устахъ,—
Увы! отверженъ онъ! толпа въ его словахъ
Ученія любви и правды не находитъ...
Ей кажется стыдомъ рѣчамъ его внимать,
И, вдохновенный, онъ когда начнетъ вѣщать,—
Съ насмѣшкой каждый прочь, махнувъ рукой, отходитъ.
. . . .

ВСТРѢЧА.

Я встрѣтилъ васъ, и пробудилось
Воспоминанье прошлыхъ дней
Въ душѣ безрадостной моей,
И сердце сильно такъ забилось,

И вновь огнемъ зажегся взоръ.
О, вѣрьте, вѣрьте мнѣ: съ тѣхъ поръ,
Какъ разлучился съ вами я,
Тянулась глупо жизнь моя,
Однообразна, безъ волненій!
Мой ровный путь меня томилъ,
Искалъ я всюду наслажденій,
И всюду скуку находилъ.
Но, вотъ, явились вы—и снова
Любить и вѣровать готова
Душа воскресшая моя!

Но странно вамъ, какъ взоръ суровый,
Какъ гордый вашъ полупоклонъ,
Какъ будто ласковое слово—
Отрадны мнѣ... я вамъ смѣшонъ?
О, нѣтъ! признайтесь: видъ надменный
Врагу прощеніе таилъ!
Я все прочелъ, когда, смиренный,
Вамъ въ очи взоры устремилъ.
Гнѣвъ не присталъ,—всѣ скажутъ это,—
Прекраснымъ ангела чертамъ,
Какъ лавры нынѣшнимъ поэтамъ,
Какъ желтый листъ къ березѣ лѣтомъ,
Какъ туча южнымъ небесамъ!
Подайте жъ руку примиренья!
Самъ Богъ велѣлъ прощать врагамъ,
А вы съ такимъ благоговѣньемъ
Такъ часто ходите во храмъ!

Иль приговора вы страшитесь
Васъ окружающихъ людей?
Иль разорвать вы не рѣшитесь
Приличья свѣтскаго цѣпей?
Носите ихъ, пока сомнѣнье
Не взволновало вашу грудь!
Минуетъ время ослѣпленья,
Захочетъ сердце отдохнуть.—

Тогда, съ невольною тоскою
На дни былые бросивъ взглядъ,
Вы друга вспомните порою...
Или врага—я виноватъ!

---

* * *

1.

«Къ чему мечтать о томъ, что послѣ будетъ съ нами,
О томъ, чего уму постигнуть не дано?..
Хоть часто терніи здѣсь смѣшаны съ цвѣтами,
Но все жъ земную жизнь безславить вамъ грѣшно.
Отраднаго и въ ней, повѣрьте, много, много...
Смотрите: громъ затихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
И тучки прочь бѣгутъ лазурною дорогой,
И шепчетъ имъ вослѣдъ привѣтъ прощальный лѣсъ...
Смотрите, какъ луга вокругъ благоухаютъ,
Упитана дождемъ зеленая трава,
И легкій вѣтерокъ съ волной рѣки играетъ,
И рожь златистая колышется едва...
Прекрасенъ этотъ міръ! Возможно наслажденье!
Къ чему жъ о гробѣ намъ всечасно говорить?..
Здѣсь ласки женъ и дѣвъ, и страсти упоенья,
Здѣсь сердце можетъ все, что хочетъ, полюбить!..»

2.

Да, этотъ міръ хорошъ! но право наслаждаться
Даровано ли всѣмъ могучею судьбой?..
Здѣсь узники вдали отъ родины томятся,
Тамъ въ рубищѣ бѣднякъ съ протянутой рукой.
Тотъ солнечныхъ лучей напрасно ищетъ взоромъ—
Не заглянутъ они въ окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядитъ съ нѣмымъ укоромъ,—
Отъ зноя отдохнуть нѣтъ крова у него!
Не для него красы улыбка молодая,
Его трудовъ другимъ всегда назначенъ плодъ,—

Подъ тяжкимъ бременемъ нужды изнемогая,
Прекраснымъ этотъ міръ бѣднякъ не назоветъ!..
Но предъ лицомъ Творца равны Его созданья,
И тамъ найдетъ бѣднякъ за муки воздаянья!

3.

«Да, вѣрю, вѣрю я, что всѣ предъ Нимъ равны...
Но люди не для мукъ,—для счастья рождены!
И сами создали себѣ они мученья,
Забывъ, что на крестѣ Господь имъ завѣщалъ...
. . . .
. . . .
. . . .

МОГИЛА.

Листья шумѣли уныло
Ночью осенней сырой;
Гробъ опускали въ могилу,—
Гробъ, озаренный луной.

Тихо, безъ плача, зарыли
И удалились всѣ прочь,
Только луна на могилу
Грустно смотрѣла всю ночь.

NOTTURNO.

Ночь тиха... Едва колышетъ
Вѣтеръ желтые листы.
Грудь моя томленьемъ дышитъ,
И тоской полны мечты...

Звуки дивные несутся,
Слышу я, въ тиши ночной:
То замрутъ, то вновь польются
Гармонической волной.

Вотъ, вдали, между кустами,
Свѣтъ въ окнѣ ея мелькнулъ...

Какъ бы жаркими устами
Я къ устамъ ея прильнулъ!

Ночь бы цѣлую въ забвеньи
Все лобзалъ ее, лобзалъ,
И слезами упоенья
Грудь младую бъ обливалъ...

Но одинъ я... Грустно, скучно!
Огонекъ въ окнѣ погасъ...
Глухо колоколъ докучный
Прогудѣлъ въ полночный часъ...

НА ПАМЯТЬ.

Когда на зло моимъ желаньямъ
Насъ воля рока разлучитъ,
Пускай мой стихъ воспоминанье
Въ васъ о минувшемъ пробудитъ;

Напомнитъ вамъ о томъ, кто счастье
Лишь съ вами въ жизни находилъ,
Кто вамъ за дружбу и участье
Любовью искренней платилъ;

Кто никогда передъ толпою
Вамъ льстивыхъ словъ не расточалъ,
Но, вдохновенный красотою,
Вамъ тайно стихъ свой посвящалъ...

Напомнитъ все—и, на досугѣ
Прочтя завѣтный вашъ альбомъ,
Вы пожалѣете о другѣ,
Вздохнете, можетъ-быть, о немъ...

Такъ намъ порой напоминаетъ
Цвѣтокъ засохшій о веснѣ,
Звукъ пѣсни грустной исторгаетъ
Изъ глазъ слезу о старинѣ.

NOTTURNO.

Я слышу: знакомые звуки
Несутся въ ночной тишинѣ.
Былыя заснувшія муки
Они пробудили во мнѣ.

Я слышу знакомые звуки.
Я жадно имъ прежде внималъ
И молча на бѣлыя руки,
На свѣтлыя очи взиралъ.

Я слышу знакомые звуки,
И сердце стѣснилось мое.
Я помню: въ минуту разлуки,
Рыдая, я слушалъ ее.

Я слышу знакомые звуки,
И вижу: опять предо мной
По клавишамъ бѣлыя руки
Скользятъ, серебримы луной...

СОСѢДЪ.

Скучно, грустно мнѣ. Въ окошко
Небо сѣрое глядитъ;
За стѣной сосѣда пѣсня
Вѣчно грустная звучитъ.

Кто сосѣдъ мой одинокій,
И о чемъ тоскуетъ онъ?
Иль судьбою прихотливой
Онъ съ подругой разлученъ?

Объ отчизнѣ ли далекой,
Объ отвагѣ ль прошлыхъ дней

Вспоминаетъ онъ, унылый,
Въ тѣсной комнаткѣ своей?

Утомилъ его, быть-можетъ,
Жизни долгій, скучный путь,
И, какъ я, скорѣй хотѣлъ бы
Странникъ бѣдный отдохнуть?

Кто бъ ты ни былъ,— эти звуки
Въ душу мнѣ отраду льютъ.
Пой, сосѣдъ!.. но, видно, слезы
Кончить пѣсни не даютъ.

Вотъ затихъ онъ, и, какъ прежде,
Все вокругъ меня молчитъ,
И въ окно мое печально
Небо сѣрое глядитъ.

ПѢСНЯ.

Выйдемъ на берегъ — тамъ волны
Ноги намъ будутъ лобзать,
Звѣзды съ таинственной грустью
Будутъ надъ нами сіять;

Тамъ вѣтерокъ ароматный
Кудри твои разовьетъ.
Выйдемъ!.. Уныло качаясь,
Тополь къ себѣ насъ зоветъ.

Въ долгомъ и сладкомъ забвеньи,
Шуму внимая вѣтвей,
Мы отдохнемъ отъ печали,
Мы позабудемъ людей.

Много они насъ терзали,
Мучили много, другъ мой:

Тѣ — своей глупой любовью,
Тѣ — безконечной враждой.

Все мы забудемъ, какъ мѣсяцъ
Въ темной лазури блеснетъ,
Все — какъ природѣ и Богу
Гимнъ соловей запоетъ.

ГИДАЛЬГО.

Полночь. Улицы Мадрида
И безлюдны, и темны,—
Не звучатъ шаги о плиты,
И балконы не облиты
Свѣтомъ палевымъ луны.

Ароматомъ вѣтеръ дышетъ,
Зелень темную вѣтвей
Онъ едва-едва колышетъ...
И никто насъ не услышитъ,
О, сестра души моей!

Завернись въ свой плащъ атласный
И въ аллею выходи.
Мужъ заснулъ... Боязнь напрасна,—
Отдохнешь ты безопасно
У гидальго на груди.

Иль, какъ червь, до утра гложетъ
Ревность сердце старика?..
Если сны его встревожатъ,
Шпага острая поможетъ,—
Не дрожитъ моя рука!

Поклялся твоей красою
Мстить я мужу твоему...
Не владѣть ему тобою!
Знаю я: ты злой семьею
Продана была ему!

3*

Выходи же на свиданье,
Донья чудная моя!
Ночь полна благоуханья,
И давно твои лобзанья
Жду подъ сѣнью миртовъ я!..

---

* * *

Люблю стремиться я мечтою
Въ ту благодатную страну,
Гдѣ миртъ, поникнувъ головою,
Лобзаетъ свѣтлую волну;

Гдѣ кипарисы величаво
Къ лазури неба вознеслись,
Гдѣ сладко звучныя октавы
Изъ устъ Торкватовыхъ лились;

Гдѣ Дантъ, угрюмый и суровый,
Изъ ада тѣни вызывалъ, —
Къ стопамъ Лауры свой лавровый
Вѣнецъ Петрарка повергалъ;

Гдѣ Рафаэль, благоговѣя,
Изображалъ Мадонны ликъ, —
Изъ массы мрамора Психею
Кановы мощный перстъ воздвигъ;

Гдѣ въ часъ, когда луны сіяньемъ
Заливъ широкій осребренъ,
И ароматное дыханье
Льютъ всюду роза и лимонъ, —

Скользитъ таинственно гондола
По влагѣ зыбкой и нѣмой,
И замираетъ баркаролла,
Какъ поцѣлуй, въ тиши ночной!..

Гдѣ жили вы... Гдѣ расцвѣтали
Роскошно-гордою красой:
О, разскажите жъ, какъ мечтали
Вы въ сторонѣ волшебной той!

Я васъ заслушаюсь... И въ очи
Вамъ устремлю я тихій взглядъ, —
И небо южной, дивной ночи
Они поэту замѣнятъ!..

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗДАННЫЯ ВЪ 1858 Г.

Gesanglos war.ich und beklommen
So lange Zeit; nun dicht' ich wieder.
Wie Thrännen die uns plötzlich kommen,
So kommen plötzlich auch die Lieder.

Heine.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Домчатся ль къ вамъ знакомыхъ пѣсенъ звуки,
Друзья моихъ погибшихъ юныхъ лѣтъ?
И братскій вашъ услышу ль я привѣтъ?
Все тѣ же ль вы, что̀ были до разлуки?

Быть-можетъ, мнѣ иныхъ не досчитаться!
А тѣ, въ чужой, далекой сторонѣ,
Уже давно забыли обо мнѣ...
И некому на пѣсни отозваться!

Но я, средь бурь, въ дни горя и печали,
Былъ вѣренъ вамъ, весны моей друзья,
И снова къ вамъ несется пѣснь моя,
Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали.

РАЗДУМЬЕ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ,
Когда жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта:
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.

Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты!
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
Что̀ жъ обрѣла взамѣнъ всѣхъ грёзъ душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разстаться было бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ вдаль.

МОЛИТВА.

О, Боже мой! возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый!
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я,
И въ немъ я ощупью блуждаю;

Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но, гдѣ обрѣсть его, не знаю.

Въ изнеможенья скорбный часъ
Простри спасительныя руки,
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки!

Внезапнымъ свѣтомъ озаренъ,
Отъ лжи мой умъ да отрѣшится,
И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

Услышь, о, Боже! голосъ мой!
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тьмѣ затерянной тропой
Пойду я вновь — и безъ возврата!

---

*
* *

О, нѣтъ! не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья —
И безполезно и смѣшно
На міръ его ожесточенье.

Но если праведная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,—
Она разитъ, какъ Божій мечъ;
Дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Чтò скупъ на рѣчи, щедръ на дѣло,
Чтò, заглушивъ страстей языкъ,

Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой?

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока!
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко!

ВЕСНА.

«Und Freud und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd, o Sonne!
O Glück, o Lust!»
Göthe.

Въ старый садъ выхожу я. Росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ,
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.

Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.

Какъ ярка эта зелень деревьевъ!
Куполъ неба какъ чистъ и глубокъ!
И брожу я, восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ зрачокъ.

За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Поднимаются къ небу вдали.

Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,

И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!

Снова крѣпнутъ дремавшія силы,
Новой жизни приходитъ пора,
И становится все такъ возможнымъ,
Что мечтою казалось вчера!

Какъ прекрасна весна! Милліоны
Ей навстрѣчу звучатъ голосовъ,
И въ моемъ воскресающемъ сердцѣ
Ей привѣтъ вдохновенный готовъ!

ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ ГАЗЕТЪ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко, и желаю
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,—
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь,
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь;

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорныя Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

БЫЛОЕ.

(С. Н. ѲЕДОРОВУ).

Ночи блѣдное свѣтило
Кроткимъ свѣтомъ озарило
Комнатку мою.

Снова слышу за стѣною,
Надъ малюткою больною,
Баюшки-баю.

Голосокъ такъ чистъ и звонокъ,
Что подъ звукъ его ребенокъ
Затихаетъ вдругъ.

Спой еще! Тебѣ внимая,
И моя душа больная
Отдохнетъ отъ мукъ.

Помню я иное время,—
Легче жизни было бремя,
Веселѣй жилось!

Шли такъ быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы свѣтлыхъ грёзъ!

Сколько вызвано мечтою
Лицъ знакомыхъ предо мною
И знакомыхъ мѣстъ!

Помню лѣсъ... деревьевъ шопотъ,
И волны стемнѣвшей ропотъ,
И мерцанье звѣздъ,

Садъ запущенный и мрачный,
Надъ водой пруда прозрачной
Деревенскій домъ,

Рѣчи нѣжныя и ласки,
Въ уголкѣ уютномъ сказки
Зимнимъ вечеркомъ...

Сердце вѣрило, любило,
Все ему такъ было мило,
Что теперь смѣшно!

Но все тихо за стѣною...
Надъ малюткою больною
Голосъ смолкъ давно...

Ахъ! зачѣмъ былые годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнилъ васъ?

На душѣ тоска сильнѣе,
И до утра, видно, съ нею
Не сомкну я глазъ!

ВЪ СТЕПИ.

Такъ скоро, можетъ-быть, покинуть долженъ я,
О, степь унылая, просторъ твой необъятный;
Но, вмѣсто радости, зачѣмъ душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалѣю ль я чего? Или въ краю иномъ
Грядущее сулитъ мнѣ мало утѣшенья?
И побреду я вновь знакомымъ мнѣ путемъ,
Путемъ заботъ, печалей и лишенья.

Какъ часто у судьбы я допросить хотѣлъ,
Какую пристань мнѣ она готовитъ?
Зачѣмъ неравный бой достался мнѣ въ удѣлъ?
Зачѣмъ она моимъ надеждамъ прекословитъ?

Отвѣта не было... Напрасно я искалъ,
Куда бъ усталою приникнуть головою.
Не видно пристани... и счастья идеалъ
Ужъ я давно зову ребяческой мечтою!

Но пусть безъ радостей мои проходятъ дни...
Когда бъ осталось мнѣ отрадное сознанье,
Что къ благу ближняго направлены они,
Я бъ заглушилъ въ себѣ безумное роптанье.

Но, нѣтъ! еще ничьихъ не утиралъ я слезъ,
И сердца голосу былъ часто непослушенъ;
Я утѣшенія несчастнымъ не принесъ,
И слабъ я былъ, и гордъ, и малодушенъ.

И жаль мнѣ, что я жизнь покину безъ слѣда,
Какъ покидаю край печальнаго изгнанья,—
Что ни единый другъ отъ сердца никогда
Не сжалъ руки моей въ минуту разставанья.

ЗИМНЕЕ КАТАНЬЕ.

«Зимней ночью при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все, что ясно будетъ мнѣ».
Фетъ.

Посмотри, на небѣ звѣзды,
Снѣгъ блистаетъ серебромъ...
Ѣдемъ, другъ мой... ночью зимней
Мчаться весело вдвоемъ.

Полетитъ, какъ птица, тройка,
Колокольчикъ зазвенитъ,
И раскинется предъ нами
Безконечной степи видъ.

Все, что сердце днемъ тревожитъ:
И заботъ докучныхъ рой,

И судьбы насмѣшки злыя,—
Все забудемъ мы съ тобой.

И пускай перенесемся,
Обаянія полны,
Въ міръ волшебныхъ пестрыхъ сказокъ
Нашей доброй старины.

Будемъ думать, что въ хрустальный
Ты дворецъ заключена,
Что тебя я похищаю
Отъ сѣдого колдуна;

Что мечомъ моимъ булатнымъ
Сторожъ твой—косматый звѣрь—
Пораженъ, и мы съ тобой
Птицы вольныя теперь.

Право, этотъ міръ чудесный
Лучше нашего въ стократъ:
Лучше козни чародѣевъ,
Чѣмъ житейскій нашъ разладъ.

Ѣдемъ! Ждутъ за воротами
Сани, крытыя ковромъ;
Въ небѣ мѣсяцъ, въ небѣ звѣзды—
Снѣгъ блистаетъ серебромъ!

---

* * *

Онъ шелъ безропотно тернистою дорогой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель, и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.

Онъ шелъ безропотно и, на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщалъ и братство, и любовь;

За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго лилась Его святая кровь.

О, дѣти слабыя скептическаго вѣка!
Иль вамъ не говоритъ могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка,
И волю спящую на подвигъ не зоветъ?

О, нѣтъ! не вѣрю я! Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета:
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь, и силу
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа!

---

* * *

Ты хочешь пѣсенъ, — не пою
Веселыхъ пѣсенъ я давно,
А душу ясную твою
Встревожить было бы грѣшно.

О, нѣтъ! Пусть ни единый звукъ
Не обнаружитъ предъ тобой
Ни затаенныхъ въ сердцѣ мукъ,
Ни думъ, навѣянныхъ борьбой.

Пусть не узнаешь дольше ты,
Какъ безпощадно губитъ свѣтъ
Всѣ наши лучшія мечты,
Святыя грёзы юныхъ лѣтъ!

Когда жъ пора твоя придетъ —
И съ жизнью выйдешь ты на бой;
Когда въ тебѣ житейскій гнетъ
Оставитъ слѣдъ глубокій свой,

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участья словъ, —
Тогда — зови! и пѣснь моя
На грустный твой отвѣтитъ зовъ.

СЕРДЦУ.

Скажи мнѣ, долго ль заблуждаться
Тебѣ, о, сердце, суждено?
Пора бы съ грёзами разстаться...
Мы старики съ тобой давно.

А ты, на зло годамъ и року,
Тревожнѣй бьешься и сильнѣй, —
Хоть мало видишь въ этомъ проку, —
Чѣмъ билось въ дни весны своей.

Когда среди волненій свѣта,
Въ толпѣ шумящей и пустой,
Слова любимаго поэта
Произнесутъ передъ тобой;

Или науки голосъ строгій
О правдѣ вѣчной говоритъ, —
Какую ты забьешь тревогу,
Какой огонь въ тебѣ горитъ!

Красой стыдливою блистая,
Мелькнутъ ли женскія черты, —
Въ восторгѣ чистомъ замирая,
Навстрѣчу имъ какъ рвешься ты!

О, перестань! Понять бы можно
Давнымъ-давно въ твои лѣта,
Что бредъ поэзія ничтожный,
Что правда вѣчная — мечта!

Что какъ-то странно поклоненье,
Въ нашъ вѣкъ полезный, красотѣ;
Что ужъ теперь должны стремленья
У человѣка быть не тѣ...

4*

Пойми, что правда тамъ, гдѣ сила,
Гдѣ достиженье благъ земныхъ,
И, все забывъ, что ты любило,
Живи и бейся лишь для нихъ!

ЦВѢТОКЪ.

Надъ пустыней, въ полдень знойный,
Горделиво и спокойно
Тучка легкая плыветъ.
А въ пустынѣ, жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Къ ней цвѣтокъ моленье шлетъ:
«Посмотри, въ степи унылой,
Я цвѣту больной и хилый,
И безъ силъ и безъ красы...
Мнѣ цвѣсти такъ безотрадно:
Нѣтъ ни тѣни здѣсь прохладной,
Ни свѣжительной росы!
Я горю, томлюсь отъ зною
И поблекшей головою
Я къ землѣ сухой приникъ.
Каждый день съ надеждой тайной
Я все ждалъ, что хоть случайно
Залетишь ты къ намъ на мигъ.
Вотъ пришла ты... И взываю
Я съ мольбой къ тебѣ—и знаю,
Что къ мольбѣ склонишься ты:
Что прольется дождь обильный,
И, покровъ стряхнувши пыльный,
Оживутъ мои листы;
И, подъ влагой неба чистой,
И роскошный, и душистый,
Заблистаетъ мой нарядъ;
И потомъ, въ степи суровой,
Долго, долго къ жизни новой
Буду помнить я возвратъ...»

Но горда, неумолима,
Пронеслася тучка мимо
Надъ поникнувшимъ цвѣткомъ.
Далеко, надъ сжатой нивой,
Безполезно, прихотливо
Пролилась она дождемъ...
А въ пустынѣ, жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Увядалъ цвѣтокъ больной...
И все ждалъ онъ, увядая—
Тучка, вотъ, придетъ другая...
Но ужъ не было другой.

ПѢСНЯ.

Тихо все. Глядится мѣсяцъ
Въ воды зыбкія рѣки;
За рѣкою слышны пѣсни,
И мелькаютъ огоньки.

Отчего такъ сердцу больно?
Дней ли прошлыхъ стало жаль,
Иль грядущаго пугаетъ
Неразгаданная даль?

Отчего въ груди томленье,
И туманитъ взоръ слеза;
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вотъ сокрылся мѣсяцъ въ тучи,
Огоньковъ ужъ не видать...
Стихли пѣсни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

---

* * *

Много злыхъ и глупыхъ шутокъ,
Жизнь, играла ты со мной,
И стою на перепутьи
Я съ поникшей головой.

Сердца лучшіе порывы
И любимыя мечты
Осмѣяла безпощадно,
Въ пухъ и прахъ разбила ты.

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И въ бою томъ я потратилъ
Много страсти и огня.

Только людямъ на потѣху,
Скоро выбился изъ силъ,
И осталось мнѣ сознанье,
Что я немощенъ и хилъ.

Что жъ! Пойду дорогой торной,
Думалъ я, толпѣ во-слѣдъ,
Скроменъ, тихъ, благонамѣренъ,
Бросивъ юношескій бредъ.

Что за гладкая дорога:
Камни здѣсь не рѣжутъ ногъ!
Если бъ шелъ по ней я прежде,
Я бы такъ не изнемогъ.

Да и цѣль гораздо ближе:
Пристань мирная въ виду...
Сколько тамъ я наслажденій
Неизвѣданныхъ найду!

Но, увы! пришлось недолго
Къ этой цѣли мнѣ идти,
И опять я очутился
На проселочномъ пути.

А виной все эти грёзы,
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука съ рукой,

И манили все куда-то,
И шептали что-то мнѣ,
Милыхъ образовъ такъ много
Показали въ сторонѣ!

Имъ навстрѣчу устремился
Я, исполненъ новыхъ силъ:
Шелъ по терніямъ колючимъ,
Въ бездны мрачныя сходилъ.

И ужъ думалъ: подхожу я
Къ милымъ призракамъ моимъ...
Но напрасно, утомленный,
Простиралъ я руки къ нимъ.

Отдалялись, улетали
Дорогіе отъ меня...
И внезапно, на распутьи,
Ночью былъ застигнутъ я.

Долго ль ночь моя продлится,
И что̀ ждетъ меня за ней —
Я не знаю; знаю только,
Что тоска въ душѣ моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждаетъ сожалѣнье
Въ этотъ мигъ въ душѣ больной.

Жаль мнѣ призраковъ любимыхъ,
Жаль роскошныхъ яркихъ грёзъ,
Что такъ рано день, сокрывшись,
На лучахъ своихъ унесъ!

---

* * *

Дѣти вѣка все больные, —
Мнѣ повсюду говорятъ: —
Ходятъ блѣдные, худые,
Съ жизнью все у нихъ разладъ.

Нѣтъ! Напрасно стариками
Оклеветанъ бѣдный вѣкъ.
Посмотрите: передъ вами
Современный человѣкъ.

Щеки, словно какъ съ морозу,
Такъ румянцемъ и горятъ;
Какъ прилична эта поза,
Какъ спокоенъ этотъ взглядъ!

Вы порывовъ увлеченья
Не замѣтите за нимъ;
Но какъ полонъ уваженья
Онъ къ достоинствамъ своимъ!

Всѣ вопросы разрѣшаетъ
Онъ легко, безъ дальнихъ думъ;
Не тревожитъ, не смущаетъ
Никогда сомнѣнье умъ.

И насмѣшкой острой, милой
Какъ умѣетъ онъ кольнуть
Недовольныхъ, что уныло
На житейскій смотрятъ путь;

Предразсудки ненавидятъ,
Все твердятъ про идеалъ
И лишь зло и гибель видятъ
Въ томъ, что благомъ міръ призналъ!

Свѣтъ пріятнымъ разговоромъ
И умомъ его плѣненъ, —
Восклицаютъ дамы хоромъ:
«Какъ онъ милъ! какъ онъ уменъ!»

Нѣтъ! Напрасно старость взводитъ
Клевету на бѣдный вѣкъ:
Жизнь, блаженствуя, проводитъ
Современный человѣкъ!

---

* * *

Когда твой кроткій, ясный взоръ
Ты остановишь вдругъ на мнѣ,
Иль задушевный разговоръ
Съ тобой веду я въ тишинѣ;

Когда подашь мнѣ руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышатъ женскія черты
Неизъяснимой добротой, —

О, вѣрь! — не зависть, не вражда
Къ тому, съ кѣмъ ты на путь земной
Соединила жребій свой,
Грудь наполняетъ мнѣ тогда.

Я лишь молю, чтобъ надъ тобой
Была Господня благодать;
Чтобъ свѣтъ тщеславный и пустой
Тебя не могъ пересоздать;

Чтобъ сердце свято сберегло
Свои завѣтныя мечты;
Чтобы спокойно и свѣтло
На Божій міръ глядѣла ты;

Чтобъ клеветы и злобы ядъ
Не отравилъ весны твоей;
Чтобъ ты не вѣдала утратъ
И омраченныхъ скорбью дней.

Еще молю я, чтобы насъ
Не разлучалъ враждебный рокъ, —
Чтобъ кроткимъ свѣтомъ этихъ глазъ
Я дольше любоваться могъ.

---

* * *

Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбою,
Подъ гнетомъ опыта поникшій человѣкъ;
И рѣчью горькой онъ, насмѣшливой и злою,
Позору предаетъ во лжи погрязшій вѣкъ;

И вѣра въ родъ людской въ груди его угасла,
И духъ, что̀ нѣкогда былъ полонъ мощныхъ силъ,
Подобно ночнику, потухшему безъ масла,
Безъ вѣры и любви сталъ немощенъ и хилъ;

И правды лучъ, сверкающій за далью
Грядущихъ дней, очамъ его незримъ, —
Какъ больно мнѣ! Глубокою печалью
При встрѣчѣ той бываю я томимъ.

И говорю тогда: явись, явись къ намъ снова,
Господь, въ нашъ бѣдный міръ, гдѣ горе и разладъ!
Да прозвучитъ еще Божественное слово
И къ жизни воззоветъ Твоихъ отпадшихъ чадъ!

МОЙ ЗНАКОМЫЙ.

Онъ бѣдный былъ. Его отецъ
Въ гусарахъ вѣкъ служилъ,
Любилъ танцовщицъ — и въ конецъ
Имѣнье разорилъ.

И ярый былъ онъ либералъ:
Всѣ слабости людей
Онъ энергически каралъ,
Хоть не писалъ статей.

Не могъ терпѣть онъ спину гнуть,
Любилъ онъ бѣдный классъ,
Любилъ помѣщиковъ кольнуть
Сатирой злой подчасъ.

И Жоржемъ Зандомъ и Леру
Былъ страстно увлеченъ,
Мужей онъ поучалъ добру,
Развить старался женъ.

Когда же друга моего
Толкнула въ глушь судьба,
Онъ думалъ: закалитъ его
Съ невѣжествомъ борьба.

Всѣхъ лихоимцевъ, подлецовъ
Мечталъ онъ быть грозой,
И за права сиротъ и вдовъ
Клялся стоять горой.

Но, ахъ! грядущее отъ насъ
Густой скрываетъ мракъ:
Не думалъ онъ, что близокъ часъ
Вступить въ законный бракъ.

Хоть предавалъ проклятью онъ
Пустой, бездушный свѣтъ,
Но былъ въ губерніи плѣненъ
Дѣвицей въ тридцать лѣтъ.

Она была иныхъ идей:
Ей не былъ Зандъ знакомъ,
Но дали триста душъ за ней
И трехъэтажный домъ.

Женился онъ, ему пришлась
По сердцу жизнь самъ-другъ..
Жена ввела его тотчасъ
Въ губернскій высшій кругъ.

И сталъ обѣды онъ давать,
И почиталъ за честь,
Когда къ нему съѣзжалась знать,
Чтобъ хорошо поѣсть.

И если въ домъ къ нему порой
Являлся генералъ,
Его, отъ счастья самъ не свой,
Онъ на крыльцѣ встрѣчалъ.

Жена крутой имѣла нравъ,
А домъ и триста душъ
Давали ей такъ много правъ.
И покорился мужъ.

Хоть иногда еще каралъ
Онъ зло въ кругу друзей,
Но снисходительнѣй взиралъ
На слабости людей.

Хоть не утратилъ онъ вполнѣ
Могучій слова даръ,
Но какъ-то стынулъ при женѣ
Его душевный жаръ.

Бывало, только заведетъ
О крѣпостныхъ онъ споръ,
Глядишь — и зажимаетъ ротъ
Ему супруги взоръ.

И встрѣтилъ я его потомъ
Въ губерніи другой;
Онъ былъ съ порядочнымъ брюшкомъ,
И чинъ имѣлъ большой.

Предъ нимъ чиновный весь народъ
И трепеталъ, и млѣлъ;
И ужъ не триста душъ — пятьсотъ
Онъ собственныхъ имѣлъ.

О добродѣтели судилъ
Онъ за колодой картъ...
Когда же юноша входилъ
Порой предъ нимъ въ азартъ,

Онъ непокорность порицалъ,
Какъ истый бюрократъ...
И на виновнаго бросалъ
Молніеносный взглядъ...

---

* * *

Ты мнѣ мила, пора заката!
Какой-то кроткой тишиной
Въ тотъ мигъ душа моя объята;
Какъ исцѣлившійся больной,
Что къ жизни ждать не могъ возврата, —
Любви, спокоенъ и счастливъ,
Я къ сердцу чувствую приливъ.

Земныя битвы, скорбь земную,
Все бремя будничныхъ заботъ
Я забываю; въ грудь больную

Отраду вечеръ ясный льетъ,
И я молю, чтобъ жизнь такую,
Какъ этотъ часъ, Господь послалъ
Тому, кто въ битвѣ духомъ палъ.

---

*
* *

О, если бъ знали вы, друзья моей весны,
Прекрасныхъ грёзъ моихъ, порывовъ благородныхъ,
Какой мучительной тоской отравлены,
Проходятъ дни мои въ волненіяхъ безплодныхъ!

Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
Зарылъ я въ землю самъ,—зарылъ, какъ рабъ лѣнивый.

Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добро отъ зла умѣнье...
На что же тратилъ я священный сердца жаръ?
Упорно ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденья?

Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ,
И пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О, больно, больно мнѣ!.. Скорбитъ душа моя,
Казнитъ меня палачъ неумолимый—совѣсть,
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда, безплодной жизни повѣсть.

---

*
* *

Чтò за дѣтская головка,
Чтò за тонкія черты!
И въ улыбкѣ, и въ движеньяхъ
Сколько дѣтской простоты!

Лишь во взглядѣ, полномъ думы,
Я читаю иногда,
Что исчезли безвозвратно
Дѣтской рѣзвости года.

То огнемъ, то нѣгой дышатъ
Эти каріе глаза,—
Знать, для сердца наступаетъ
Страсти первая гроза...

И боюсь я, и невольно
Грудь сжимается тоской:
Не степной былинкѣ слабой
Съ ураганомъ вынесть бой!

СТРАННИКЪ.

Томитъ меня мой страннический путь...
Хотѣлось бы подъ вечеръ на покой,
Хотѣлось бы на дружескую грудь
Усталою приникнуть головой.

Была пора — и въ сердцѣ молодомъ
Кипѣла страсть, не знавшая преградъ;
На каждый бой съ безтрепетнымъ челомъ
Я гордо шелъ, весеннимъ грозамъ радъ.

Была пора, — огонь горѣлъ въ крови;
И думалъ я, что пѣснь моя сильна,
Что правды лучъ, что лучъ святой любви
Зажжетъ въ сердцахъ озлобленныхъ она.

Гдѣ жъ силы тѣ, гдѣ бодрость прежнихъ лѣтъ?
Сгубила ихъ неравная борьба;
И пустота, безплодной жизни слѣдъ,
Ждетъ неизбѣжная, какъ древняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мнѣ!
Не заперты ль ворота на запоръ?

И огонекъ мерцаетъ ли въ окнѣ,
Маня къ себѣ усталый, грустный взоръ?

Отворятъ ли съ улыбкою мнѣ дверь?
Услышу ли я ласковый привѣтъ:
«Не одинокъ, не странникъ ты теперь,—
Ты отдохнешь, любовію согрѣтъ!..»

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

«Elle était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses —
L'espace d'un matin».

Средь жизни будничной, ея тревогъ докучныхъ,
Незримыхъ, тайныхъ битвъ, съ той жизнью неразлучныхъ,
Воспоминаніе лелѣю я одно,
И сладко такъ душѣ, и горестно оно.

* * *

Я помню: въ дальній край гнала меня неволя.
Судьбы игрушкой быть куда плохая доля!
Такъ мудрено ль, что злость мнѣ волновала грудь
И что казался мнѣ невыносимъ мой путь?
Хоть городъ тотъ, что̀ мнѣ покинуть предстояло,
Для сердца моего и не былъ милъ нимало,
Но привыкаетъ скоро русскій человѣкъ:
Гдѣ мѣсяцъ проживетъ, — какъ будто прожилъ вѣкъ.
Притомъ же иногда межъ чопорныхъ педантовъ,
Межъ сплетницъ набожныхъ, самодовольныхъ франтовъ,
Заброшено судьбой, какъ перлъ въ пескѣ морскомъ,
Найдется существо и съ чувствомъ, и съ умомъ;
Согрѣетъ васъ его привѣтливое слово,
И вы на остальныхъ махнуть рукой готовы.
Такъ было и со мной: я помню ясный взоръ,
Улыбку добрую, веселый разговоръ,
Что отъ меня вражду, сомнѣнье и печали,
Какъ духовъ тьмы разсвѣтъ, внезапно отгоняли.

Съ кудрявымъ мальчикомъ, съ нарядным мотылькомъ
Я не сравню ее плохимъ своимъ стихомъ;
Но жаль мнѣ, что она не встрѣтила поэта:
Не подарилъ бы онъ другой сравненье это.
Красавицей она назваться не могла,
Но дѣтской рѣзвостью, но ясностью чела
Она влекла къ себѣ съ неодолимой силой;
И тотъ, кого она привѣтомъ вскользь дарила,
Хотя бъ подъ бурями житейскими поникъ, —
Душою воскресалъ и веселъ былъ на мигъ.
Любуясь милою головкою, бывало,
Я радъ былъ, что судьба ее такъ баловала,
Что жаль ее судьбѣ, что отъ тревогъ и зла
Она щадитъ ее: печаль бы къ ней не шла...

Итакъ, я уѣзжалъ. На долгую разлуку
Еще пришелъ я разъ пожать ей братски руку;
Хотѣлъ ей высказать, что тамъ, въ глуши степей,
Съ любовью буду я воспоминать о ней,
Что днями свѣтлыми я ей одной обязанъ,
Что къ ней останусь я душой навѣкъ привязанъ...
И много кой-чего сказать еще хотѣлъ,
Но словъ не находилъ и, какъ нѣмой, сидѣлъ.
И лучше, можетъ-быть! Мой вздоръ сантиментальный
Могъ разсмѣшить ее, пожалуй, въ часъ прощальный!
—«Мы съ вами свидимся, я знаю, черезъ годъ;
Васъ участь лучшая въ краю далекомъ ждетъ», —
Она сказала мнѣ съ своей улыбкой ясной.
Какъ солнечнымъ лучамъ въ осенній день ненастный,
Я радъ улыбкѣ былъ; словамъ повѣрилъ я,
И дальній путь ужъ былъ не страшенъ для меня.
Прощаясь, я просилъ ее, чтобъ «Серенаду»
Она сыграла мнѣ: я въ Шубертѣ отраду
Неизъяснимую для сердца нахожу...
Вотъ къ клавишамъ она подходитъ... Я гляжу
На свѣтлое чело, на маленькія руки...
И въ душу полились мечтательные звуки...

Два года протекло, какъ прежде много лѣтъ,
Еще въ душѣ моей оставивъ горькій слѣдъ.
Все такъ же ратовалъ я съ донъ-кихотскимъ жаромъ
За призраки свои и чувства тратилъ даромъ...
И возвратился вновь я въ городъ свой —
И встрѣтился съ давно знакомою толпой.
Все тѣхъ же увидалъ я чопорныхъ педантовъ,
Нелѣпыхъ остряковъ, честолюбивыхъ франтовъ;
Прибавилось еще немного новыхъ лицъ;
Предъ золотымъ тельцомъ лежатъ, какъ прежде, ницъ;
Всѣ тѣ же ссоры, сплетни и интриги,
Въ почетѣ карты все, и все въ опалѣ книги!
Но не нашелъ я той, къ кому въ былые дни
Я смѣло несъ и грусть, и радости свои,
И часто такъ къ кому душа моя больная
Рвалась, подъ жизненнымъ ярмомъ изнемогая!..
И вѣсть услышалъ я: ея ужъ больше нѣтъ!
Суровымъ косаремъ сраженъ прекрасный цвѣтъ, —
Суровымъ косаремъ, что̀ безъ разбора коситъ
И тѣхъ, кто жизнь клянетъ, и тѣхъ, кто жизни проситъ!
Какъ больно было мнѣ!.. Но, если свѣтъ о ней
При мнѣ судилъ, — еще мнѣ дѣлалось больнѣй!
Ему не жаль, казалось, вовсе, что могила
И юность, и красу навѣки поглотила...
Клеветниковъ, завистниковъ бездушныхъ толкъ
И у дверей могилы даже не замолкъ.

———

Я снова посѣтилъ давно знакомый домъ; —
Теперь семья другая поселилась въ немъ.
Вотъ уголокъ уютный, гдѣ она, бывало,
Вокругъ себя друзей немногихъ собирала.
Отрадныхъ много я припомнилъ вечеровъ;
Войдя въ ту комнату, я плакать былъ готовъ!
Какъ оживить она домашній кругъ умѣла!
Какъ быстро время съ ней, какъ весело летѣло!
Невольно лица прояснялися у всѣхъ,
Когда звучалъ ея безпечный, дѣтскій смѣхъ.
Теперь не то я встрѣтилъ. Чопорно и чинно

Здѣсь разговоръ вели, и въ ералашъ въ гостиной
Съ тремя почтенными старушками игралъ
Отъ старости едва ходившій генералъ.
Изящно въ комнатахъ, роскошно даже было,
Но все тоску и грусть на сердце наводило...
Но, вотъ, хозяйка сѣла за рояль... Она,
Всѣ говорятъ, артисткой быть великой рождена.
Вотъ Шуберта опять я слышу «Серенаду»...
И точно: болѣе, казалось бы, не надо
Искусства и желать. Но отчего же мнѣ
Досадно стало такъ? Въ душевной глубинѣ
Какъ будто злоба вдругъ къ игравшей шевельнулась,
За то, что струнъ души больныхъ она коснулась.
Казалось мнѣ, звучитъ въ игрѣ той мастерской
Насмѣшка надъ моей завѣтною мечтой.

Оставилъ вечеръ я... Но все мотивъ знакомый
Преслѣдовалъ меня на улицѣ и дома...
Все образъ предо мной любимый возникалъ,
И до разсвѣта глазъ въ ту ночь я не смыкалъ.
1856 г.

---

* * *

Есть дни: ни злоба, ни любовь,
Ни жажда дѣлъ, ни къ истинѣ стремленье,
Ничто мнѣ не волнуетъ кровь;
И сердце спитъ, и умъ въ оцѣпенѣньи.

Я остаюсь къ призывамъ жизни глухъ;
Такъ холодно взираю, такъ безстрастно
На все, что нѣкогда мой духъ
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мнѣ
Въ тѣ дни отвѣта даже не находитъ;
Въ бездѣйствіи, въ позорномъ снѣ
Душевныхъ силъ, за часомъ часъ проходитъ.

Мнѣ страшно, страшно за себя:
Боюсь, чтобъ сердце вовсе не остыло,
Чтобъ не утратилъ чувства я,
Пока въ крови огонь и въ тѣлѣ сила.

Годами я еще не старъ...
О, Боже всѣхъ, кто жаждетъ искупленья,
Не дай, чтобъ пепломъ сердца жаръ
Засыпало мертвящее сомнѣнье!

---

*
* *

Не говорите, что напрасно,
Что для безплодной лишь борьбы
Стремленій чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.

Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ,
Подавитъ жизни тяжкій гнетъ;
Что все растратится въ пустынѣ,
Чтò дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

Къ чему напрасныя сомнѣнья:
Идите смѣлою стопой!
Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ —
И изъ горнила испытанья
И чистъ, и крѣпокъ выйдетъ онъ.

Храните жъ чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

---

*
* *

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вамъ силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшія муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки...
Вамъ все воскресить суждено.

Знакомыя тѣни являются снова,
Проходятъ одна за другой...
И сердце повѣрить обману готово,
И жаждетъ, и молитъ всей жизни былога,
Согрѣтое страстью былой.

И все, что убито безплодной борьбою,
Опять шевельнулось въ груди...
На доблестный подвигъ, на битву съ судьбою
Иду я отважно, и яркой звѣздою
Надежда горитъ впереди.

Въ возлюбленномъ взорѣ, въ улыбкѣ участья
Прочелъ я давно, что любимъ;
Не страшны мнѣ грозы, не страшно ненастье,—
Я знаю: любви безконечное счастье
Меня ожидаетъ за нимъ!

Довольно, довольно!.. Замолкните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшія муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О, сердце, навѣки забудь!..

———

С. Ѳ. ДУРОВУ.

Уѣдешь ты на теплый югъ!
И гдѣ лазурью блещетъ море,—
Покинетъ тѣло злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.

Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа, извѣдавшая муки,
И пѣсенъ, выстраданныхъ ей,
Къ намъ долетятъ святые звуки...

И все, что рокъ во дни невзгодъ
Давилъ желѣзною рукою,
Вдругъ встрепенется, оживетъ,
Какъ цвѣтъ подъ влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковымъ участьемъ!

И если радостные дни
Придутъ, послушные желанью,—
Меня, собрата по изгнанью,
Ты добрымъ словомъ помяни!

18-го іюля 1857 г.

---

*
* *

Ты помнишь: поникшія ивы
Качались надъ спящимъ прудомъ,
Томимы тоской, молчаливы,
Съ тобой мы сидѣли вдвоемъ.

Въ открытыя окна глядѣли
Къ намъ звѣзды съ высокихъ небесъ;

Вдали соловьиныя трели
Поля оглашали и лѣсъ.

Ты помнишь — тебѣ я сказала:
«Мы много любили съ тобой,
Но свѣтлыхъ часовъ было мало
Дано намъ суровой судьбой.

«Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейскихъ цѣпей,
Изныло въ насъ сердце отъ боли —
Но скрыли мы боль отъ людей.

«Въ святилище нашихъ страданій
Не дали вломиться толпѣ
И, молча, безъ слезъ и рыданій,
Мы шли по тернистой тропѣ».

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто изъ насъ думалъ тогда,
Что сердца забудутся муки,
Что рану излѣчатъ года,

Что страсти былыя тревоги,
Всѣ бури поры прожитой,
Мы, встрѣтясь на новой дорогѣ,
Помянемъ насмѣшкою злой!

ПТИЧКА.

Для чего, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?

Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли,
И тростникъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ, словно изъ ведра.
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!

— «Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и желтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.

«Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

«Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ, грустный, на солому, —
Пѣсню я ему спою.

«Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей;
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

«Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни нужды, ни горя нѣтъ.

«Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ».

---

* * *

Еще одинъ великій голосъ смолкъ —
Правдивый голосъ обличенья!
Но гдѣ же слезы сожалѣнья?
Лишь дѣти лжи, поднявши буйный толкъ,
Глумятся надъ великой тѣнью.

Давно ль онъ словомъ пламеннымъ каралъ
Тебя, изнѣженное племя?
Давно ль любви и правды сѣмя
Въ сердца людей такъ щедро онъ бросалъ?..
Иль позабыто это время?

Недолго волновала васъ
Тѣхъ словъ пророческая сила!
Дымятся снова злу кадила,
И все, о чемъ вѣщалъ пророка гласъ,
Корысть и пошлость поглотила!

Но день придетъ — и стихнетъ клевета,
И вмѣсто криковъ озлобленья,
Въ тотъ день великій возрожденья,
Услышитъ духъ поборника Христа
Толпы людской благословенья!

С . . . . У.

Передъ тобой лежитъ широкій новый путь,
Прими же мой привѣтъ не громкій, но сердечный:
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной;

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры, и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою,
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: «въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный», —
Ты будешь счастливъ, другъ: иного счастья нѣтъ!

---

* * *

Когда возвратился я въ городъ родной
И тамъ, надъ отцовской могилой,
Колѣна склонилъ и поникъ головой, —
О, какъ мое сердце заныло!

Мнѣ все прожитое припомнилось вдругъ,
Припомнились долгіе годы,
Что шли средь волненій безплодныхъ и мукъ,
Безъ счастья, любви и свободы.

И мнилось мнѣ, будто отецъ мой глядитъ
На сына съ тоской и любовью,
Скорбя, что суровымъ онъ горемъ убитъ,
Что сердце исходитъ въ немъ кровью.

Мнѣ слышался говоръ зеленыхъ вѣтвей:
«Усталъ ты — и ищешь покою!
Усни здѣсь — и мы надъ могилой твоей
Раскинемся тѣнью густою»...

---

* * *

Трудились, бѣдные, вы, отдыха не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь
И думали: знать, доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена — и горю не помочь!

Смочивъ поля кровавымъ, скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ;
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ! вы несли свой крестъ, какъ праведникъ несетъ.

И Тотъ, Кто міръ Своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы, страдалъ,
Кому молились вы смиренно и съ любовью —
Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.

И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье
И раны вѣковой да уврачуетъ слѣдъ!

---

*
* *

«Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни»...
Пушкинъ.

Была пора. Своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ —
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ,
И, отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы... какъ встарину —
Въ иную славную войну.

И, вотъ, опять она зоветъ
Своихъ сыновъ на бой упорный.
Но этотъ бой уже не тотъ...

Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной,
Она зоветъ теперь на бой,
Во имя истины святой!

Не страшенъ намъ и новый врагъ,
И съ нимъ отчизна совладаетъ...
Смотрите! Ужъ рѣдѣетъ мракъ,
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ,
И, содрогаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

---

* * *

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты ихъ любовью озарила —
И духа дремлющая сила
На зовъ откликнулась любви!

О, если бъ я, отъ дней тревогъ
Переходя къ надеждѣ новой,
Страницу мрачную былого
Изъ книги жизни вырвать могъ!

О, если бъ могъ я заглушить
Укоръ, что часто шепчетъ совѣсть!
Но, нѣтъ! безплодной жизни повѣсть
Слезами горькими не смыть.

Молю Того, Кто весь — любовь;
Онъ приметъ скорбное моленье
И, ниспославъ мнѣ искупленье,
Къ добру меня направитъ вновь, —

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтобъ сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Октябрь 1857 г.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Я здоровъ, румянъ и веселъ,
Сытно ѣмъ и славно пью, —
Никогда нужда и голодъ
Не стучатся въ дверь мою.

Мнѣ наслѣдственный оставилъ
Мой родитель капиталъ...
Онъ его на службѣ царской
Понемножку собиралъ.

Я одѣтъ всегда по модѣ
Англичаниномъ портнымъ;
За пріятныя манеры
Очень дамами любимъ.

Не якшаюсь съ разной дрянью, —
Только съ знатными знакомъ,
И владѣю превосходно
Я французскимъ языкомъ.

Хоть не дѣлалъ зла я людямъ,
Хоть душой и сердцемъ чистъ,
Но не скрылся отъ злословья:
Говорятъ, я — эгоистъ.

Клевета! Богоугодныхъ
Разныхъ обществъ членъ и я...
Филантропы пять цѣлковыхъ
Каждый годъ берутъ съ меня!

Всѣ толкуютъ: погибаетъ
Отъ неправды родъ людской...
Тотъ объѣлся на обѣдѣ,
Умеръ съ голоду другой!

Развѣ я тому причиной?
Видно, такъ ужъ суждено.

Разсуждать объ этомъ, право,
И напрасно, и смѣшно!

Жизнь дана, чтобъ наслаждаться, —
Мой на это взглядъ такой.
Пусть мечтатели вздыхаютъ —
Я на нихъ махнулъ рукой.

Я здоровъ, румянъ и веселъ,
Сытно ѣмъ и славно пью, —
Никогда нужда и голодъ
Не стучатся въ дверь мою.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

(1859—1869)

ОБЛАКА.

Вотъ и гроза прошла, и небо просвѣтлѣло;
Привѣтно солнышко на Божій міръ глядитъ,
Вся степь, какъ раннею весной, зазеленѣла,
И воздухъ свѣжъ и чистъ, и птичка въ немъ звенитъ.

И на сердцѣ давно такъ ясно не бывало...
Въ немъ тихой радостью смѣнилася тоска:
Все, чѣмъ оно томилось и страдало,
Какъ будто унесли съ собою облака.

Но отчего жъ порой, боязнью тайной мучимъ,
Все устремляю вдаль я свой несмѣлый взглядъ
И думаю, слѣдя за облакомъ летучимъ,
Что старую печаль несетъ оно назадъ?

НА УЛИЦѢ.

Вотъ бѣжитъ по тротуару
Моего сосѣда дочь.
Стройный станъ, коса густая,
Глазки черные, какъ ночь.

Въ платьѣ старенькомъ, въ дырявой
Кацавейкѣ на плечахъ;

Знать, съ лѣкарствомъ изъ аптеки
Пузырекъ у ней въ рукахъ.

Ужъ давно недугомъ тяжкимъ
Бѣдный мой сосѣдъ томимъ,
И давно столяръ-хозяинъ
Замѣнилъ его другимъ.

Дочь бѣжитъ, дрожа отъ стужи...
А на плиты яркій свѣтъ
Бьетъ волной изъ магазиновъ...
И чего-чего въ нихъ нѣтъ!

Серебро, хрусталь и бронза,
Ленты, бархатъ и атласъ...
И прохожіе отъ оконъ
Отвести не могутъ глазъ.

Хоть и стужа погоняетъ,
И домой пора давно,
А съ толпой остановилась
Поглядѣть она въ окно.

Перетянута въ корсетѣ,
Иностранка за столомъ
Что-то пишетъ... Чай, тепло ей,
Хорошо въ житьѣ такомъ!

Вотъ двѣ барыни приходятъ.
Разодѣты въ пухъ онѣ!
Смотрятъ вещи дорогія,
Отложили къ сторонѣ.

Можетъ, ихъ онѣ надѣнутъ
Нынче вечеромъ на балъ...
Славно жить богатымъ людямъ:
Чтѡ по вкусу, то и взялъ!

И невольно защемила
Сердце дѣвичье тоска:

Видно, вспомнила бѣдняжка
Про больного старика.

И пошла въ свой уголъ темный,
Въ свой сырой могильный склепъ,
Гдѣ слезами обливаютъ
Ребятишки черствый хлѣбъ;

Мать сидитъ и дни и ночи
Надъ работой заказной,
Чуткій слухъ свой напрягая —
Не застонетъ ли больной;

Гдѣ, лохмотьями прикрытый,
На полу лежитъ отецъ
Съ неподвижнымъ, тусклымъ взоромъ,
Желтый, словно какъ мертвецъ.

Вотъ она ужъ близко дому,
Но, при свѣтѣ фонарей,
Видитъ вдругъ — красивый баринъ
Очутился передъ ней.

Онъ глядитъ ей смѣло въ очи,
И глядитъ не въ первый разъ:
Гдѣ бъ она ни проходила,
Съ ней встрѣчается тотчасъ.

И не разъ она слыхала
Отъ него такую рѣчь:
«Полюби! Тебя я стану
Холить, нѣжить и беречь.

«Будешь ѣздить ты въ каретѣ,
Будешь въ бархатѣ ходить.
Какъ пойдетъ къ твоей головкѣ
Жемчуга большого нить!

«Знатной барыней ты будешь,
И семью твою тогда

6*

Перестанетъ въ жесткихъ лапахъ
Мять сердитая нужда».

Хоть и прочь она бѣжала
Отъ лукавыхъ тѣхъ рѣчей,
Но потомъ онѣ звучали
Ей порой, въ тиши ночей.

И теперь, домой вернувшись,
Молчалива и грустна,
Долго думала о чемъ-то
И вздыхала все она...

СТАРИКЪ.

Забывши прыгать и кружиться
Подъ звуки бальнаго смычка,
Вотъ юность пылкая тѣснится
Вокругъ сѣдого старика.
Съ нимъ въ разговоръ она вступаетъ,
И отзывъ онъ даетъ на все,
Что такъ волнуетъ, увлекаетъ
Всегда тревожную ее.
Хоть на челѣ его угрюмомъ
Лежитъ страданій долгій слѣдъ,
Но взоръ его еще согрѣтъ
Живой, не старческою думой.
Къ ученью правды и добра
Не знаетъ онъ вражды суровой:
Онъ знаетъ самъ, что жизни новой
Придетъ желанная пора.

Поражены его рѣчами,
Любуясь старца сѣдиной,
Твердили юноши: «Лѣтами
Онъ только старъ, но не душой!»
Блаженъ, кто въ старческіе годы

Всю свѣжесть чувства сохранилъ,
Въ комъ испытанья и невзгоды
Не умертвили духа силъ,
Кто другъ не рабства, а свободы,
Въ комъ вѣра въ истину жива,
И кто безстрастно не взираетъ,
Какъ человѣчества права
Надменно сильный попираетъ.

---

*
* *

Передъ ветхою избенкой
Старичокъ сидитъ сѣдой
И кудряваго ребенка
Онъ морщинистой рукой
Охватилъ. Въ свой полушубокъ
Завернулъ его теплѣй;
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ губокъ
Не спускаетъ онъ очей.
«Охъ! не долго, внучекъ милый,
Мнѣ понянчится съ тобой, —
Говоритъ старикъ:—въ могилу
Мнѣ пора ужъ на покой.
Долго маялся я, много
Вынесъ горя на плечахъ,—
Не легка была дорога,
Да Господь помогъ: Онъ благъ.
Хоть во многомъ былъ я грѣшенъ
И хоть часто я роптлалъ,
Но подъ старость Имъ утѣшенъ:
Мнѣ Онъ радость ниспослалъ.
Знаю я, мой свѣтикъ, Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
Доля ждетъ тебя не наша —
Будешь вольный человѣкъ!

ОПУСТѢВШІЙ ДОМЪ.

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой.
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибаритъ.

Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ,
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренныхъ гостей.

Теперь заброшены огромныя палаты,
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто, и темно:
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ тароватый,
Въ чужихъ краяхъ живутъ наслѣдники давно.

Стоитъ уныло домъ... А на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилегъ
И думаетъ: «Когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!»

ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей:
Такъ много грёзъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки, —
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски.

И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,

Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.

Прошли неясныя стремленья
И поэтическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно,
Съ недосягаемыхъ высотъ,
Глядитъ она на міръ несчастный,
Гдѣ лжи и зла повсюду гнетъ;

Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ,
Гдѣ льется столько слезъ незримыхъ,
И скорбныхъ слышится молитвъ!

ПРИЗРАКИ.

Старинные, знакомые мотивы
Порой вечернею откуда-то звучатъ:
Въ нихъ юности могучіе призывы,
Въ нихъ съ пошлостью людской надеждъ ея разладъ.

И призраки знакомые толпою
На звуки тѣ встаютъ... Съ насмѣшкой на устахъ,
Идутъ они медлительной стопою,
И будто говорятъ: «Ужъ мы давно въ гробахъ

«Лежимъ, забывъ стремленія земныя,
Признавъ, что жизнь—безплодная борьба,
Что на землѣ блаженны только злые,
А праведныхъ разитъ безсмысленно судьба.

«Спокойно мы въ могилахъ нашихъ тлѣемъ, —
Намъ не возстать изъ нихъ на голосъ суеты,

И о тебѣ мы, бѣдный, сожалѣемъ:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты?

«Ты все еще отъ жизни ждешь чего-то,
Все грёзы юности живутъ въ душѣ твоей...
Ты думаешь: упорная работа
Вѣковъ готовитъ рай въ грядущемъ для людей.

«Послѣдуй въ край ничтожества за нами,
Стряхни съ себя скорѣй оковы бытія,
Пока еще съ младенческими снами
Не навсегда душа разсталася твоя!

«Въ гробъ низойти съ надеждами отрадно!
Намъ не было дано узнать отрады той:
Сомнѣнья духъ разбилъ ихъ безпощадно
Задолго до поры прощанья роковой!»

Исчезните, зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашъ печальный зовъ, —
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!

И до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ...
Пускай я здѣсь, какъ въ морѣ капля, значу,
Но каждый честный бой оставитъ долженъ слѣдъ.

Исчезните! А вы, святые звуки,
Вы силу новую въ мою вдохните грудь!
Хотя бы жизнь однѣ сулила муки,
Я бодро встрѣчу ихъ, благословивъ свой путь!

---

*
* *

О, не забудь, что ты — должникъ
Того, кто сиръ, и нагъ, и бѣденъ,
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ;

Что отъ небесъ ему одни
Съ тобой даны права святыя
На все, чѣмъ ясны наши дни —
На наши радости земныя!

И тѣхъ страдальцевъ не забудь,
Чтò обрѣли вѣнецъ терновый,
Толпѣ указывая путь, —
Путь къ возрожденью, къ жизни новой!

И пусть въ дому твоемъ найдутъ,
Борьбой измученные, братья
Забвенье мукъ, отъ бурь пріютъ
И брата вѣрныя объятья!

---

*
* *

Нѣтъ отдыха, мой другъ, на жизненномъ пути.
Кто разъ пошелъ тернистою дорогой,
Тому на ней луговъ цвѣтущихъ не найти.
Душѣ больной, измученной тревогой,
Успокоенье смерть одна лишь можетъ дать:
И глупо, и смѣшно его отъ жизни ждать.
Въ борьбѣ съ людьми, въ борьбѣ съ самимъ собою
Пройдетъ твой грустный вѣкъ. И если изъ-за тучъ,
Хотя на мигъ—на краткій мигъ — порою,
Тебѣ живительный проглянетъ солнца лучъ,—
Забывъ, что ждетъ за нимъ опять ненастье,
Что горе новое готово впереди,
Благодари судьбу! но болѣе не жди:
Нѣтъ продолжительнаго счастья!

---

*
* *

Я у матушки выросла въ холѣ
И кручины не вѣдала злой,
Да счастливой дѣвической долѣ
Позавидовалъ недругъ людской.

Рѣчи сладкія сталъ онъ, лукавый,
Мнѣ нашептывать ночью и днемъ;
И наскучили смѣхъ и забавы,
И наскучилъ мнѣ матери домъ.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась подъ тонкой рубашкой
Высоко моя бѣлая грудь.

Я вставала съ постели босая
И, бывало, всю ночь на пролетъ
Подъ окошкомъ кого-то ждала я —
Все казалось мнѣ, кто-то идетъ...

Я ждала и дождалась милòва,
И ужъ какъ полюбился онъ мнѣ!
Молодца не видала такова
Прежде я никогда и во снѣ.

Очи карія бойко глядѣли
На меня изъ-подъ черныхъ бровей:
Допытать они, видно, хотѣли,
Что въ душѣ затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для нихъ я была...
И за милымъ изъ дома роднòва
Я, какъ малый ребенокъ, пошла.

Былъ онъ баринъ богатый, и гдѣ-то
Все въ далекихъ краяхъ проживалъ;
Слышь, лѣчился — и только на лѣто
Онъ въ помѣстья свои наѣзжалъ.

Только лаской его и жила я,
Бѣлый свѣтъ съ нимъ казался милѣй;
Ни почемъ было мнѣ, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конецъ:
Вдругъ постыла милòму я стала —
И съ другой онъ пошелъ подъ вѣнецъ.

Не пригожимъ лицомъ, не красою
Приманила дворянка его,—
Приманила богатой казною,
Много взялъ онъ за нею всего.

Съ той поры будто солнышка нѣту,
Все глухая, осенняя ночь;
Какъ ни жди, не дождешься разсвѣту,
Какъ ни плачь, а бѣдѣ не помочь.

И съ красой я своей распрощалась!
Не узнала бъ теперь меня мать:
Ни кровинки въ лицѣ не осталось,
Словно зелья мнѣ дали принять.

Ахъ! измѣной своей — не отравой —
Онъ съ лица мнѣ румянецъ согналъ...
Буду помнить я долго, лукавый,
Чтò ты ночью мнѣ лѣтней шепталъ!

---

* * *

Если въ часъ, когда зажгутся звѣзды
Надъ заснувшею, усталою землей,
Молча ты къ открытому окошку
Подойдешь, о, другъ мой, съ тайною тоской, —

Слушая задумчиво шептанье
Серебристымъ свѣтомъ облитыхъ листовъ,
Обо мнѣ ты вспомни, и душою,
Гдѣ бы ни былъ, я на твой откликнусь зовъ.

Вспомни, что тревоги и сомнѣнья
Мнѣ ниспосланы на долю отъ судьбы, —
Что во мнѣ такъ часто гаснетъ вѣра,
А твои доступны небесамъ мольбы.

Вспомни, другъ! И помолись, чтобъ въ душу
Низошла ко мнѣ святая тишина, —
Тишина, какою вся природа
Въ этотъ часъ успокоенія полна...

Помолись, чтобъ ангелъ Божій съ неба
Низлетѣлъ ко мнѣ въ часъ смерти роковой, —
Чтобъ, на кроткія черты его взирая,
Думалъ я, что ты стоишь передо мной!

* * *

Скучная картина!
Тучи безъ конца,
Дождикъ такъ и льется,
Лужи у крыльца;
Чахлая рябина
Мокнетъ подъ окномъ;
Смотритъ деревушка
Сѣренькимъ пятномъ.
Что ты рано въ гости,
Осень, къ намъ пришла?
Еще проситъ сердце
Свѣта и тепла!

Всѣ тебѣ не рады!
Твой унылый видъ
Горе да невзгоды
Бѣдному сулитъ.
Слышитъ онъ заранѣ
Крикъ и плачъ ребятъ;
Видитъ, какъ отъ стужи
Ночь они не спятъ;

Нѣтъ одежды теплой,
Нѣту въ печкѣ дровъ...
Ты на чей же, осень,
Поспѣшила зовъ?

Вотъ, и худъ, и блѣденъ,
Сгорбился больной...
Какъ онъ радъ былъ солнцу,
Какъ былъ бодръ весной!
А теперь — наводитъ
Желтыхъ листьевъ шумъ
На душу больную
Рой зловѣщихъ думъ!
Рано, рано, осень,
Въ гости къ намъ пришла...
Многимъ — не дождаться
Свѣта и тепла!

ОТЧИЗНА.

Природа скудная родимой стороны,
Ты дорога душѣ моей печальной!
Когда-то, въ дни моей умчавшейся весны,
Манилъ меня чужбины берегъ дальный...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ все блестящія картины:
Я вижу сводъ небесъ, прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатыя вершины...

Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось, миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей,
И розы мнѣ киваютъ молчаливо...

То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній,

Еще не помышлялъ... И, легкомысленъ, я
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.

Но быстро та пора исчезла безъ слѣда, —
И скорбь меня нежданно посѣтила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого, и мило.

Покинулъ я тогда завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далекой...
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока...

Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
Просторъ степей, безмолвно величавый,
Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно шумящія дубравы,

Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошелъ — великій день свободы, —

Васъ понялъ я тогда! И сердцу такъ близка
Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой —
Звучала ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
Иль слышался разгулъ неудержимый.

Отчизна! Не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы...

—— ——

МОЛЬБА.

И, къ небу взоръ поднявши свой,
Они, исполнены печали,
Изъ глубины души больной,
Души измученной, взывали:

«У насъ на подвигъ нѣту силъ!
Исходитъ сердце наше кровью,
Неравный бой насъ истомилъ;
Взгляни, взгляни на насъ съ любовью!

«Съ глаголомъ мира на устахъ
Мы шли навстрѣчу нашихъ братій;
Откуда жъ ихъ внезапный страхъ,
Откуда этотъ вопль проклятій?
Услышавъ нашу рѣчь, они
Мечи хватали и каменья,
И судьямъ, въ дикомъ озлобленьи,
Кричали бѣшено: «распни!»

«Ужель вражду и злобу мы
Въ сердцахъ людей воспламенили
Лишь тѣмъ, что больше зла и тьмы
Добро и свѣтъ мы возлюбили?
Что призывали богачей,
И сильныхъ міра, и свободныхъ
Не гнать отъ трапезы своей
Нагихъ, и сирыхъ, и голодныхъ?

«И, вотъ, отвержены людьми,
Изнемогли мы въ долгой битвѣ.
О, Боже Истины! Вонми
Гонимыхъ чадъ Твоихъ молитвѣ!
Сердца озлобленныхъ смягчи,
Открой слѣпымъ и спящимъ очи,—
И пусть хоть блѣдные лучи
Блеснутъ въ глубокомъ мракѣ ночи!»

---

*
* *

Нѣтъ! лучше гибель безъ возврата,
Чѣмъ миръ постыдный съ тьмой и зломъ.
Чѣмъ самому на гибель брата
Смотрѣть съ злораднымъ торжествомъ!

Нѣтъ! лучше въ темную могилу
Унесть безвременно съ собой
И сердца пылъ, и духа силу,
И грёзъ безумныхъ, страстныхъ рой —

Чѣмъ промѣнять на сонъ отрадный
И честный трудъ, и честный бой,
И незамѣтно въ тинѣ смрадной,
Въ грязи увязнуть съ головой!

ЛѢТНІЯ ПѢСНИ.

1.

Запахъ розы и жасмина,
Трепетъ листьевъ, блескъ луны...
Изъ открытыхъ оконъ льется
Пѣсня южной стороны...

И томятъ, и нѣжатъ душу
Эта ночь и пѣсня мнѣ:
Чтò затихло, чтò заснуло,
Снова будятъ въ ней онѣ.

И нежданно встрепенулась
Вереница давнихъ грёзъ...
А казалось, что навѣки
Эти грёзы рокъ унесъ,

И что все, чѣмъ въ молодые
Дни душа была полна,
Поглотила невозвратно
Жизни мутная волна!

Но опять потухшій пламень
Загорается въ крови,
И опять раскрылось сердце
Для восторга и любви!

Пахнутъ розы и жасмины,
Серебримые луной,
И поетъ, поетъ о счастьи
Чей-то голосъ молодой!..

2.

И, вотъ, шатеръ свой голубой
Опять раскинула весна,
Окроплены луга росой,
И серебристой полосой
Бросаетъ свѣтъ на нихъ луна.

Свѣтла, какъ дѣтскій взоръ, рѣка,
И вѣтви ивъ склонились къ ней
Подъ гнетомъ легкимъ вѣтерка,
И прилетѣлъ издалека
Съ звенящей трелью соловей...

Прекрасны вы, дары весны!
И горе бѣднымъ и больнымъ,
Чьи очи горькихъ слезъ полны:
Такія ночи созданы
Для тѣхъ, кто счастливъ и любимъ!

3.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!
Вонъ, вдали соломой крытыя избушки,
И бѣгутъ надъ ними тучи вперегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги — грустныя картины!
Не пройдешь безъ думы, безъ тяжелой, мимо.
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,

Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи...
Что̀ же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,
И какая ма̀нитъ тайная къ нимъ сила?

4.

Люблю я по̀дъ-вечеръ, тропинкою лѣсною,
Спуститься къ берегу зеленому рѣки
И тамъ, расположась подъ ивою густою,
Смотрѣть, какъ неводъ свой закинутъ рыбаки;
Какъ солнце золотитъ прощальными лучами
И избы за рѣкой, и пашни, и лѣса...
А теплый вѣтерокъ, межъ тѣмъ, шумя листами,
Едва-едва мои взвѣваетъ волоса,
И ласково лицо мое цѣлуетъ ива,
Нагнувъ ко мнѣ свои сребристые листы...
О, какъ мнѣ хорошо! Довольный и счастливый,
Лежу я вдалекѣ отъ скучной суеты;
Мнѣ въ уши не жужжатъ заученныя фразы
Витій, что̀ ратуютъ за «медленный прогрессъ»,
И отъ кого бы прочь бѣжалъ, какъ отъ заразы,
Въ пустыни дикія, въ непроходимый лѣсъ.
Порою въ разговоръ рыбакъ со мной вступаетъ
О томъ, какой ему на долю выпалъ ловъ,
Какъ сына онъ къ дьячку учиться посылаетъ...
И я внимать ему хоть цѣлый день готовъ:
Мнѣ по душѣ его безхитростное слово,
Какъ по душѣ мнѣ жизнь средь вспаханныхъ полей!
Здѣсь, пошлости и лжи стряхнувъ съ себя оковы,
Свободнѣй я дышу и чувствую полнѣй.

5.

Солнце горы золотило,
    Золотило облака,
Воды свѣтлыя катила,
    Въ яркой зелени, рѣка.

И, казалось, эти воды
    Унесли съ собою вдаль
И недавнія невзгоды,
    И недавнюю печаль.

И какъ будто воротилась
    Снова дней моихъ весна!
Сердце весело такъ билось,
    Такъ душа была ясна!

Все, чего душа просила
    Такъ напрасно, съ давнихъ поръ, —
Все природа ей дарила:
    И свободу, и просторъ!

6.

Ночь пролетала надъ міромъ,
    Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазоревой ризы
    Сыпались звѣзды, сверкая;

Старые, мощные дубы,
    Вѣчно-зеленыя ели,
Грустныя ивы листвою
    Ночи навстрѣчу шумѣли;

Радостно волны журчали,
    Образъ ея отражая;
Рожь наклонялась; сильнѣе
    Пахла трава луговая;

Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
    И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
    Въ воздухѣ тихомъ звенѣли;

7*

И улыбалася кротко
Ночь, надъ землей пролетая,
Съ темно-лазоревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая...

7.

Блѣдный лучъ луны пробился
Сквозь таинственной листвы,
И приноситъ вѣтеръ теплый
Запахъ скошенной травы.

Все бы только здѣсь лежалъ я,
Подъ навѣсомъ этихъ ивъ,
Въ даль нѣмую, въ куполъ звѣздный
Взоръ безцѣльно устремивъ;

Все бы слушалъ, какъ вершина
Ивы дремлющей шумитъ,
Какъ на темномъ днѣ оврага
По камнямъ родникъ журчитъ.

Это тихое журчанье,
Шелестъ листьевъ, свѣтъ луны —
На меня все навѣваетъ
Примиряющіе сны...

Ночь! Съ твоимъ сіяньемъ кроткимъ
Для усталаго меня
Ты дороже и милѣе
Ярко-блещущаго дня...

8.

Чтò ты поникла, зеленая ивушка?
Чтò такъ уныло шумишь?
Или о горѣ моемъ ты провѣдала,
Вмѣстѣ со мною грустишь?

Шепчутся листья твои серебристые,
Шепчутся съ чистой волной...
Не обо мнѣ ли тотъ шопотъ таинственный
Вы завели межъ собой?

Знать, не укрылася дума гнетущая,
Черная дума, отъ васъ!
Вы разгадали — о чемъ эти жгучія
Слезы лилися изъ глазъ.

Въ шопотѣ вашемъ я слышу участіе:
Мнѣ вамъ отрадно внимать...
Только природѣ страданья незримыя
Духа дано врачевать!

---

* * *

Завидно мнѣ смотрѣть на мудрецовъ,
Что знаютъ жизнь такъ хорошо по книгамъ:
Все разрѣшать они привыкли мигомъ,
Въ ихъ головахъ на все отвѣтъ готовъ.

То, что другихъ болѣзненно тревожитъ, —
Презрѣнье въ нихъ рождаетъ, или смѣхъ;
Сомнѣнья червь у нихъ сердецъ не гложетъ:
Непогрѣшимъ мужей ученыхъ цехъ!

Но одного лишь я боюсь немножко:
Что, если жизнь, какъ дерзкій ученикъ,
Вдругъ стащитъ съ нихъ всевѣдѣнья парикъ
И книжки ихъ всѣ вышвырнетъ въ окошко?

И родъ людской, сознавъ, что онъ идетъ
Окольною и вязкою дорогой,
На зло иной теоріи убогой,
Вдругъ сдѣлаетъ нежданный поворотъ?

О, что тогда?.. Но, впрочемъ, не придутъ
Ни отчего они, я думаю, въ смущенье
И, прежняго исполнены презрѣнья,
Весь родъ людской — безумнымъ назовутъ!

ДВѢ ДОРОГИ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. С. АКСАКОВУ).

1.

Двѣ легли дороги, братья, передъ нами,
А какая лучше, — разсудите сами.
Первая дорога — широка, привольна,
Всякаго народу ходитъ тутъ довольно,
Глаже, веселѣе не сыскать дороги:
Не изрѣжутъ камни пѣшеходу ноги,
По бокамъ все рощи съ темною листвою, —
Есть гдѣ пріютиться отъ дождя и зною.
И въ садахъ роскошныхъ недостатка нѣту,
И гулять въ нихъ можетъ всякій безъ запрету.
Тамъ плоды на солнцѣ, наливаясь, зрѣютъ;
Тамъ цвѣты въ зеленой муравѣ пестрѣютъ,
Какъ богатой ткани яркіе узоры:
Любоваться ими не устанутъ взоры.
И ведетъ не къ горю, не къ нуждѣ гнетущей,
А къ счастливой долѣ этотъ путь цвѣтущій.
Въ роскоши да въ нѣгѣ, весело, богато
Заживетъ счастливецъ въ расписныхъ палатахъ;
Передъ нимъ холопы будутъ изгибаться,
Отъ него подачки жадно добиваться...
Золотомъ пресыщенъ и пресыщенъ властью,
Попривыкнувъ къ лести и къ подобострастью,
Онъ совсѣмъ забудетъ, что на бѣломъ свѣтѣ
Есть нужды и горя страждущія дѣти;
Что они не знаютъ счастья до могилы,
А чела не клонятъ рабски передъ силой.
Славная дорога! Хоть кого заманитъ,
Околдуетъ сердце — разумъ отуманитъ!

2.

Но другой есть путь — кремнистый,
По горамъ крутымъ идетъ;
Не шумитъ здѣсь садъ тѣнистый,
И не зрѣетъ сочный плодъ.
Только острые каменья
Чья-то щедрая рука
Разбросала на мученье
Пѣшехода-бѣдняка.
Тернъ колючій, то-и-дѣло,
Вырастаетъ изъ земли
И ему вонзаетъ въ тѣло
Иглы острыя свои.
И идущимъ по такому
Безотрадному пути —
Въ золоченыя хоромы,
Къ наслажденью не пройти!
И не ждутъ они веселья, —
На пирахъ имъ мѣста нѣтъ;
Въ путь они пустились съ цѣлью
Проложить въ пустынѣ слѣдъ.
Хоть угрюма та дорога
И не къ радостямъ ведетъ,
Но по ней за ними много
Новыхъ путниковъ пойдетъ —
Съ упованьемъ, что желанный
Часъ придетъ когда-нибудь,
Что на край обѣтованный
Будетъ имъ дано взглянуть;
И съ душою умиленной,
Въ этотъ часъ, съ крутыхъ высотъ,
Солнца-правды надъ вселенной
Встрѣтятъ путники восходъ!..
Такъ-то, братья! Передъ нами
Пролегаютъ два пути...
Разсудите же вы сами,
По какому намъ идти!

ЛЖЕУЧИТЕЛЯМЪ.

Жрецы грѣха, пророки тьмы,
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду Божью,
Сердца опутать и умы!
Безсильны злобы ухищренья,
Безсильно жало клеветы:
Свободны пылкія мечты,—
Ко благу честныя стремленья
Вамъ не убить! Года пройдутъ,
И лжи замретъ безслѣдно голосъ:
Зерно добра дастъ пышный колосъ,
А ваши плевелы сгніютъ!

—

Иль ослѣпленнымъ вашимъ взорамъ
Заря иная не ясна?
Вамъ дѣла нѣтъ, что племена,
Покончивъ съ вѣковымъ раздоромъ,
Другъ другу руку подаютъ;
Что столько свергнуто кумировъ,
И что сильнѣй всѣхъ сильныхъ міра
Сталъ мысли животворный трудъ!
Вамъ дѣла нѣтъ! Но часъ настанетъ,
Жрецы грѣха, пророки тьмы,
И человѣкъ, какъ отъ чумы,
Отъ васъ съ проклятіемъ отпрянетъ!
И вы, съ позоромъ на челѣ,
Пойдете, ужасомъ объяты,
Какъ древле братъ, убившій брата,
Искать пріюта на землѣ!

НИЩІЕ.

1.

Въ удушливый зной по дорогѣ
Оборванный мальчикъ идетъ;
Изрѣзаны камнями ноги,
Струится съ лица его потъ.

Въ походкѣ, въ движеньяхъ, во взорѣ
Нѣтъ рѣзвости дѣтской слѣда, —
Сквозитъ въ нихъ тяжелое горе,
Какъ въ рубищѣ ветхомъ нужда.

Онъ въ городъ ходилъ наниматься
Къ богатымъ купцамъ въ батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батракъ не съ руки.

Одинъ онъ... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать...
Съ сумою подъ окнами пищу
Приходится, видно, сбирать...

2.

Карета шестеркой несется;
За нею пустился онъ вслѣдъ,
Но голосъ внутри раздается:
«Вотъ я тебѣ дамъ, дармоѣдъ!»

Сурово лакейскія лица
Взглянули при возгласѣ томъ,
И жирный господскій возница
Стегнулъ попрошайку кнутомъ.

И прочь отскочилъ онъ безъ крика,
Лишь сладить не могъ со слезой...

И дальше пошелъ горемыка,
Поникнувъ на грудь головой.

Усталый и зноемъ томимый,
Онъ въ рощѣ дубовой прилегъ
И видитъ: съ котомкою мимо
Плетется сѣдой старичекъ.

— «Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся? Хворенькій, знать?»
— «Изъ города, дѣдушка. Худо
Мнѣ, больно». — «Не хлѣбца ли дать?

«Немного набралъ я сегодня,
Да надо тебя пожалѣть.
Мнѣ съ голоду милость Господня
Не дастъ, словно псу, околѣть...»

И съ братомъ голоднымъ, что было
Въ котомкѣ, онъ все раздѣлилъ;
Собравъ свои дряхлыя силы,
На ключъ за водицей сходилъ.

И горе пока позабыто,
И дружно бесѣда идетъ...
Голоднаго, видно, не сытый,
А только голодный пойметъ!

ВЪ ЛѢСУ.

Шумѣли листья подъ ногами, —
Мы шли опушкою лѣсной, —
Роса надъ спящими лугами
Ложилась бѣлой пеленой.

Мы шли. Онъ молодъ былъ, звучала
Отвагой пламенная рѣчь.

Онъ говорилъ: «Пора настала,
И стыдно намъ себя беречь.

«Дружнѣй приняться за работу
Должны всѣ честные умы:
И лжи, и зла двойному гнету
Довольно подчинялись мы.

«Довольно трусости и лѣни,
Къ намъ перешедшей отъ отцовъ,
И безполезныхъ сожалѣній,
И краснорѣчія цвѣтовъ.

«Пускай толпа за подвигъ смѣлый
Намъ шлетъ безсмысленный укоръ —
Не бросимъ мы святого дѣла!
Мы встрѣтимъ радостно позоръ!...»

Рѣчамъ восторженнымъ внимая,
Я думалъ: «дай-то, дай-то Богъ,
Чтобъ, на неправду возставая,
Ты въ битвѣ той не изнемогъ!»

Онъ замолчалъ... А лѣсъ сосновый,
Кивая, вѣтви простиралъ,
Какъ бы его на трудъ суровый,
На путь святой благословлялъ...

---

*
* *

Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!
Было время золотое,
Да, какъ сонъ, оно прошло.
Было время — и блистало
Солнце въ яркой синевѣ,
И цвѣтовъ пестрѣло много
Въ зеленѣющей травѣ;

Шумомъ радостнымъ шумѣли
Безконечные лѣса,
И звенѣли въ темной чащѣ
Вольныхъ птичекъ голоса;
И рѣка спокойно въ море
Волны чистыя несла,
И, дрожащимъ въ этихъ волнахъ.
Звѣздамъ не было числа!

Но разнесъ осенній вѣтеръ
Пожелтѣвшіе листы,
И подъ холодомъ поникли
Запоздалые цвѣты...
Улетѣли въ край далекій,
Подъ иныя небеса,
Птички вольныя, покинувъ
Обнаженные лѣса!
И въ волнахъ рѣки шумящихъ
Не лазурный чистый сводъ,
Не безчисленныя звѣзды —
Тучи смотрятся съ высотъ...

Было время — молодое
Сердце билося въ груди:
Жизнь и счастье, и свободу
Обѣщала впереди!
Божій міръ казался тѣсенъ
Для могучихъ юныхъ силъ;
Какъ орелъ ширококрылый,
Въ безпредѣльность духъ парилъ!
Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ — кипучихъ думъ!
Жизнь! Зачѣмъ же обѣщаній
Не сдержала ты своихъ
И зачѣмъ не пощадила
Упованій молодыхъ?
Сгибло все: надежды, силы,

Какъ ненастною порой
Зеленѣющіе всходы
Подъ дыханьемъ бури злой!
Было время золотое,
Да, какъ сонъ, оно прошло.
Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!

ОСЕНЬ.

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткіе, блѣдные дни,
Долгія ночи, дождливыя, темныя,
И разрушенье, куда ни взгляни.
Сыплются съ дерева листья поблекшіе,
Въ полѣ, желтѣя, поникли кусты;
Пò небу тучи плывутъ безконечныя...
Осень докучная!.. Да, это ты!

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелыхъ и горькихъ заботъ:
Сердце, когда-то такъ страстно любившее,
Давитъ мертвящій сомнѣнія гнетъ;
Гаснутъ въ немъ тихо, одна за другою,
Юности гордой святыя мечты,
И въ волосахъ сѣдина пробивается...
Старость докучная!.. Да, это ты!

ДѢТИ.

Люблю я васъ, курчавыя головки!
Вашъ звонкій смѣхъ, и ваша бѣготня,
И хитрости ребяческой уловки,—
Все веселитъ, все радуетъ меня!

Гляжу на васъ въ сердечномъ умиленьѣ,
Житейскихъ нуждъ забывъ тяжелый гнетъ...

Но коротко отрадное забвенье,
И вновь ему на смѣну скорбь идетъ.

И въ глубинѣ души, помимо воли,
Мучительный рождается вопросъ:
Ужель и вамъ не видѣть лучшей доли,
И вамъ идти путемъ безплодныхъ грёзъ?

Ужель и вы въ борьбѣ со зломъ могучимъ
Духовныхъ силъ растратите запасъ,
И правды свѣтъ, пронзивъ густыя тучи,
Вамъ не блеснетъ и не пригрѣетъ васъ?

Страдали мы... и вѣрили такъ страстно,
Что день иной придетъ... О, неужель
Онъ и отъ васъ далекъ—тотъ день прекрасный,
И далека стремленій нашихъ цѣль?..

Отвѣта нѣтъ на мой вопросъ унылый...
О, дай-то Богъ, чтобъ эта чаша зла,
Которая всю жизнь намъ отравила,
До вашихъ устъ, малютки, не дошла!

---

* * *

На сердцѣ злоба накипѣла
Отъ заучёныхъ этихъ фразъ!
Слова! Слова! А чуть до дѣла,
Ни силъ, ни воли нѣту въ насъ!

Какъ мы сочувствуемъ народу,
Какъ объ его скорбимъ нуждахъ!
За правду мы въ огонь и въ воду
Идти готовы... на словахъ.

Развить логически и здраво
Умѣемъ мы, что гибнетъ міръ,

Что богачей и нищихъ право
Одно на свѣтлый жизни пиръ.

И поучаемъ мы охотно,
Что лѣнь постыдна и вредна,
Что не затѣмъ, чтобъ кушать плотно
Да праздисловить, жизнь дана.

А между тѣмъ, борьбы упорной
Или суроваго труда
Бѣжимъ мы съ трусостью позорной
И не краснѣемъ отъ стыда!

И кто, неправдою гонимый,
Себѣ нашелъ защиту въ насъ?
Безстрастно мы проходимъ мимо
Людского горя каждый часъ.

И фразы намъ всего дороже!
Насъ убаюкали онѣ...
Когда жъ сознаемъ мы, о, Боже,
Что нѣтъ спасенья въ болтовнѣ?

СОВѢТЫ МУДРЕЦОВЪ.

1.

Нѣтъ! вы къ дѣлу не годитесь,
Въ васъ «умѣренности» нѣтъ!
Лучше съ жизнью примиритесь,
Бросьте юношескій бредъ!
Ненавидѣть слишкомъ страстно,
Слишкомъ искренно любить —
Это въ книгахъ все прекрасно,
Но иначе нужно жить.
Въ идеалахъ мало проку,
Въ нихъ, напротивъ, вся бѣда:
Съ идеалами далёко
Не уйти вамъ никогда!

2.

Вашъ языкъ острѣе бритвы,
Желчь въ рѣчахъ у васъ слышна;
Жизнь, по-вашему, для битвы
Для какой-то создана.
Злымъ началомъ отрицанья
Духъ вашъ слишкомъ зараженъ:
Все вамъ видятся страданья,
Все вамъ слышенъ чей-то стонъ.
Отрицайте осторожно
И карьеры не губя:
Иногда ругнуть и можно,
Но не громко... про себя!

3.

«Или бѣлый, или черный —
Что-нибудь изъ двухъ одно!» —
Вами, съ пылкостью задорной,
Очень быстро рѣшено.
Это крайности! Ни мѣры,
Ни границъ въ васъ чувства нѣтъ!
Лучшій цвѣтъ, повѣрьте, сѣрый:
Онъ «умѣренности» цвѣтъ.
А она земныя блага
И спокойствіе даетъ, —
Вы жъ безумною отвагой
Только тѣшите народъ!

4.

Но придете вы къ тому же:
Посѣдѣетъ голова, —
И стремленья станутъ уже,
Осторожнѣе слова...
Если жъ въ сердцѣ сохранится
Пламень юношескихъ лѣтъ, —
Лучше бъ вамъ и не родиться:

Не уйдете вы отъ бѣдъ!
Бросьте ваши увлеченья,
Изберите путь иной --
Путь единственный спасенья:
Середины золотой!

ПОЭТУ.

Пускай заманчивъ гладкій путь,
Но ты своей высокой цѣли,
Поэтъ, и въ пѣсняхъ и на дѣлѣ,
Неколебимо вѣренъ будь.

Иди, послушный до конца
Призывамъ истины могучимъ!
Иди по терніямъ колючимъ,
Безъ ободренья и вѣнца!

И будь безтрепетнымъ бойцомъ,
Бойцомъ за право человѣка;
Не дай заснуть въ порокахъ вѣка
Твоей душѣ постыднымъ сномъ!

И будетъ пѣснь твоя сильна,
Какъ Божій мечъ, какъ громъ небесный;
И не умретъ въ сердцахъ она,
Хотя бы смолкъ твой голосъ честный!

РОДНОЕ.

Свѣсилась уныло
        Надъ оврагомъ ива,
И все дно оврага
        Поросло крапивой.

Въ сторонѣ могила
Сиротѣетъ въ полѣ:
Кто-то самъ покончилъ
Съ горемычной долей!

Вонъ вдали чернѣютъ,
Словно пни, избушки.
Не изъ той ли былъ онъ
Бѣдной деревушки?

Тамъ, чай, трудъ да горе,
Горе безъ исхода...
И кругомъ такая
Скудная природа!

Рытвины да кочки,
Даль полей нѣмая;
И летитъ надъ ними
Съ крикомъ галокъ стая...

Надрываетъ сердце
Этотъ видъ знакомый...
Грустно на чужбинѣ,
Тяжело и дома!

---

*
* *

Зачѣмъ при звукахъ этихъ пѣсенъ,
Знакомыхъ пѣсенъ старины,
Ты, сердце, сильно такъ забилось,
Какъ будто въ дни своей весны?

Ужель восторги и печали,
Всѣ бури юношескихъ лѣтъ,
Въ тебѣ оставили навѣки
Ничѣмъ неизгладимый слѣдъ?

Ты жарко вѣрило, любило,
Но жизнь разбила всѣ мечты, —
Жизнь ничего не пощадила,
Предъ чѣмъ благоговѣло ты!

И холоднѣе годъ-отъ-году
Въ тебѣ струиться стала кровь...
Что жъ встрепенулось ты? Иль пламень,
Давно угасшій, вспыхнулъ вновь?

Иль просто жаль тебѣ былого:
Тревогъ и чувствъ пережитыхъ?
Но, какъ волну, что̀ вдаль умчалась,
Не воротить намъ больше ихъ!

Оставь напрасные порывы,
Тревоги старыя забудь...
О, лучше бъ намъ подъ эти звуки
Съ тобой послѣднимъ сномъ заснуть!

---

*
* *

Нѣтъ мнѣ отъ лютаго горя покоя!
Знать, никуда не уйду отъ него я.

Взялся бы я за свѣжительный трудъ,
Жилъ бы, какъ добрые люди живутъ.

Только гдѣ сила, гдѣ воля на это?
Нѣту въ душѣ на вопросъ мой отвѣта.

Были когда-то и сила, и воля, —
Все доконала суровая доля.

Нѣтъ! не встряхнуть мнѣ кудрями опять,
Гордо чела предъ бѣдой не поднять.

8*

Съ юностью честною, бодро и смѣло,
Мнѣ ли идти на полезное дѣло!

Бурею смятый, кой-какъ я бреду,
Смотришь — и темная яма въ виду.

Лютое горе! о, если бъ ты въ ней
Сномъ беспробуднымъ заснуло скорѣй!

---

* * *

Гдѣ ты, пора веселыхъ встрѣчъ —
Въ саду при яркомъ свѣтѣ дня,
И дѣтски ласковая рѣчь.
Любить учившая меня?

Гдѣ незабвенная пора,
Когда житейскою тропой —
Чиста, правдива и добра,
Она шла объ-руку со мной?

Гдѣ кроткій свѣтъ прекрасныхъ глазъ,
Что примиренье въ душу лилъ?
На мигъ блеснулъ онъ — и погасъ,
На мигъ онъ путь мой озарилъ!

И снова мракомъ я объятъ.
И только блѣдные лучи —
Воспоминанія дрожатъ
Еще порой въ моей ночи.

Ихъ свѣтъ не грѣетъ, не живитъ;
Но жизнь безъ нихъ еще мрачнѣй, —
Больное сердце дорожитъ
И призракомъ счастливыхъ дней...

НОЧЬЮ.

Непривѣтна, молчалива,
Ночь глядитъ въ мое окно.
Время тянется тоскливо;
Спятъ домашніе давно.

Одному лишь мнѣ не спится:
Только дня замолкнетъ шумъ,
Въ головѣ моей гнѣздится
Рой зловѣщихъ, мрачныхъ думъ.

Все испуганному взору
Призракъ смерти предстаетъ,
И сдается мнѣ, что скоро
Съ жизнью кончится расчетъ.

Страсти! Жизнь! Хоть васъ порою
Проклиналъ я, — жаль мнѣ васъ!
Пусть гнетущею тоскою
Грудь полна и въ этотъ часъ,

Оттого, что тьма густая
Надъ землей еще виситъ,
И повсюду сила злая
Торжествуетъ и казнитъ,—

Но я вѣрю... и разстаться
Жаль мнѣ съ вѣрою моей:
Все хотѣлось бы дождаться
Первыхъ истины лучей!

Жаль покинуть сердцу милыхъ,
Кто и лаской, и слезой,
Въ дни, когда слабѣлъ я въ силахъ,
Врачевалъ мой духъ больной;

Кто словами укоризны
Сердце мнѣ не уязвилъ,
Но кому немало въ жизни
Я мгновеній отравилъ!

Жаль мнѣ ненависти честной.
Дорогихъ любви заботъ...
Неужель въ могилѣ тѣсной
Скоро, скоро все заснетъ?

НОВЫЙ ГОДЪ.

(Н. А. НЕКРАСОВУ).

I.

Всѣмъ, застигнутымъ ненастьемъ.—
Всѣмъ, кого межъ нами нѣтъ,
«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»
Шлю сердечный я привѣтъ.
Пусть его умчитъ съ собою
Вѣтеръ въ дальніе края —
Къ вамъ, житейскою волною
Унесенные, друзья!

Всѣмъ врагамъ неправды черной,
Возстающимъ противъ зла,
Не склоняющимъ покорно
Передъ пошлостью чела,—
Всѣмъ привѣтъ и всѣмъ желанье,
Чтобъ и новый этотъ годъ
Далъ вамъ силу на страданье,
Бодрый духъ среди невзгодъ!

II.

Пестрота, и блескъ, и говоръ...
Вся горитъ огнями зала.

«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»
Отовсюду зазвучало.

Сколько здѣсь приличья, такта
И владѣть собой умѣнья!
Что̀ за тонкіе оттѣнки
Въ рукожатьяхъ, въ поздравленьи!

Что̀ изящнѣй, благороднѣй
Ихъ манеръ и разговора:
Ни движеній рѣзкихъ нѣту,
Ни заносчиваго спора!..

Вотъ оркестръ внезапно грянулъ,
Заглушая говоръ шумный.
Какъ досадно! Насладиться
Не дастъ бесѣдой умной.

Вплоть до утра все бы слушалъ
Я въ сердечномъ умиленьи
Эти толки — о порокахъ
Молодого поколѣнья.

Какъ правдиво негодуетъ
Убѣленный сѣдинами
Мужъ, что юноши смѣются
Нынче даже... надъ чинами;

Что прекрасное, святое
Все пятнать они готовы,
И что главнаго въ нихъ нѣту —
Нѣту нравственной основы.

Лѣзутъ въ Гракхи, разсуждаютъ
Про аграрные законы;
Небывалые повсюду
Меньшихъ братій слышатъ стоны.

Что̀ за рѣчи золотыя!
Сердце радостно забьется,

Какъ подумаю, что слушать
Цѣлый годъ мнѣ ихъ придется!

---

* * *

Блаженъ не вѣдавшій труда,
Но щедро взысканный отъ Неба!
Блаженъ не ѣвшій никогда,
Слезами смоченнаго, хлѣба!
Вольнѣй и легче дышитъ онъ,
Здоровъ и тѣломъ, и душою,
И не поникнетъ головою,
Сомнѣньемъ раннимъ удрученъ.
Свѣтло, разумно и прекрасно
Все въ мірѣ кажется ему;
Онъ волноваться понапрасну
Не дастъ ни сердцу, ни уму.
Онъ не растратитъ духа силы
Средь мелкихъ, будничныхъ заботъ
И безмятежно до могилы,
Не спотыкаясь, добредетъ.
Но сколько бѣдныхъ и голодныхъ
Свой черствый хлѣбъ, свой тяжкій трудъ
За эту жизнь безъ скалъ подводныхъ,
За этотъ рай не отдадутъ!

---

* * *

Природа-мать! Къ тебѣ иду
Съ своей глубокою тоскою,
Къ тебѣ усталой головою
На лоно съ плачемъ припаду.

Твоихъ лѣсовъ немолчный шумъ
И нивъ златистыхъ колыханье,
Лазурь небесъ и водъ журчанье
Разгонятъ мракъ гнетущихъ думъ.

Пусть говорятъ, что ты къ людской
Тоскѣ и скорби безучастна,
Что исцѣленія напрасно
Ждать отъ тебя душѣ больной.

Нѣтъ, я не вѣрю! Съ нами ты
Живешь одною жизнью полной.
Или зачѣмъ же ропщутъ волны
И грустно шепчутся листы?

Зачѣмъ же съ неба хоръ свѣтилъ
Землѣ такъ ласково сіяетъ,
И слезы чистыя роняетъ
Роса на свѣжій дернъ могилъ?

На все отвѣтъ въ тебѣ найдетъ
Тотъ, кто съ любовью безконечной
Къ тебѣ и гнетъ тоски сердечной,
И радость свѣтлую несетъ.

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученнаго, сына,
Чтобы хотя на мигъ единый
Сошла мнѣ въ душу благодать!

Чтобы съ себя я могъ стряхнуть
И лжи, и лѣности оковы
И съ сердцемъ чистымъ, съ силой новой
Опять пуститься бодро въ путь...

Да окрылитъ духъ падшій мой
Восторгъ могучими крылами!
Да буду мыслью и дѣлами
Я вѣренъ истинѣ одной!

———

БОЛЬНОЙ.

Томимъ недугомъ, одинокій,
Онъ въ душной комнатѣ лежалъ..
Сурово ночь въ окно глядѣла,
И вѣтеръ въ трубахъ завывалъ.

Онъ молодъ былъ... Сгубила рано
Его всесильная нужда...
Лицо его слѣды носило
Ночей безсонныхъ и труда.

Лежалъ онъ, блѣдный, неподвижный;
Огонь въ глазахъ его потухъ;
Онъ видѣлъ смерть, и къ ней съ мольбою
Взывалъ его скорбящій духъ:

«Помедли, смерть! Не дай въ могилу
Во мракѣ ночи мнѣ сойти.
При блескѣ дня хочу я міру
Сказать послѣднее «прости!»

«Я вижу: призраковъ ужасныхъ
Толпа кружится предо мной;
Ихъ царство — тьма... и торжествуютъ
Они надъ спящею землей...

«Какъ отвратительны ихъ лики!
Порока, зла на нихъ печать!
Но это буйное веселье
Должно съ зарею миновать...

«Она разгонитъ ихъ... И люди
Пошлютъ ей радостный привѣтъ!..
Помедли, смерть! Пускай увижу
Я утра новаго разсвѣтъ!»

Онъ говорилъ, но жизни пламень
Въ груди больного догоралъ...
И ночь все хмурилась, и вѣтеръ
Сердито въ трубахъ завывалъ.

ИПОХОНДРІЯ.

Подумать страшно, что такой
Конецъ сужденъ житейской драмѣ:
Что будешь въ узкой, темной ямѣ
Лежать, недвижный и нѣмой;

Что черви примутся точить
Твое покинутое тѣло —
Точить то сердце, что умѣло
И ненавидѣть, и любить.

И послѣ многихъ, многихъ лѣтъ
Какой-нибудь мечтатель праздный
Найдетъ твой черепъ безобразный
И унесетъ въ свой кабинетъ,

Чтобъ вмѣсто мрамора лежалъ
Онъ на листахъ бумаги пыльной,
Или дѣтей — жилецъ могильный —
Какъ зашалятъ они, пугалъ.

ОНА И ОНЪ.

«Das ist eine alte Geschichte»...
Heine.

Ему все мило было въ ней:
И смѣхъ ребяческій, и ласки,
Ея голубенькіе глазки,
И пряди свѣтлыя кудрей.

Мирился онъ съ своей судьбой,
Когда къ плечу его, бывало,
Ласкаясь, тихо припадала
Она головкой молодой.

Цѣлуя чистое чело
И гибкій станъ обнявъ рукою,
Онъ говорилъ: «На міръ, съ тобою,
Смотрю я честно и свѣтло.

«Ты духъ мой слабый извлекла
Изъ бездны страшнаго паденья, —
Звѣздою яркою спасенья
Ты въ небесахъ моихъ взошла!

«Отнынѣ были бъ безъ тебя
Мнѣ дни мои невыносимы;
Тоской безвыходной томимый,
Сошелъ бы въ землю я, любя!»

На рѣчи нѣжныя она
Могла отвѣтить лишь слезами
И не «клялася небесами»
Навѣки быть ему вѣрна.

Она, безъ клятвъ, безъ громкихъ словъ,
Всю жизнь любить его умѣла;
Она пошла за милымъ смѣло,
Покинувъ свой родимый кровъ.

Онъ былъ хорошъ. Лицо его
Слѣды носило жизни бурной.
Сначала свѣта блескъ мишурный
Любилъ онъ болѣе всего;

Хоть, можетъ-быть, и не блисталъ
Онъ тамъ звѣздой первостепенной,
И обращался съ нимъ надменно
Иной сіятельный нахалъ,

Но сердце женское не разъ
Умѣлъ плѣнить онъ рѣчью страстной,
И были всѣ мужья согласны,
Что онъ опасенъ, какъ ловласъ.

Въ любви онъ видѣлъ жизни цѣль,
Бросалъ, потомъ опять влюблялся;
Съ однимъ соперникомъ стрѣлялся
И сосланъ былъ онъ за дуэль.

Развратомъ, картами, виномъ
Онъ услаждалъ тоску изгнанья
И, небольшое состоянье
Убивъ, остался голякомъ.

Тогда-то онъ сошелся съ ней.
Его ума она сначала
Боялась все: не понимала
Его возвышенныхъ рѣчей.

Какъ дикій цвѣтъ въ поляхъ, цвѣла
Она, цѣны себѣ не зная;
Ей странно было, какъ такая
Степнячка нравиться могла!

Да и кому еще притомъ?
Ему, который тамъ, въ столицѣ,
Конечно, не съ одною львицей
Великосвѣтской былъ знакомъ.

Онъ побѣдить въ ней этотъ страхъ
Старался нѣжностью покорной:
Большую опытность, безспорно,
Имѣлъ въ сердечныхъ онъ дѣлахъ.

И говорилъ онъ такъ умно!
А отличить въ нашъ вѣкъ, и сразу.
Отъ чувства искренняго фразу
Сердцамъ наивнымъ мудрено!

И въ Петербургъ съ собой увезъ
Ее онъ изъ глуши печальной:
Съ нимъ въ путь она пустилась дальній
Безъ горькихъ жалобъ и безъ слезъ.

Онъ представлялъ друзьямъ своимъ
Ее съ торжествовавшимъ взоромъ;
Друзья всѣ поздравляли хоромъ
Его съ сокровищемъ такимъ.

Какъ былъ доволенъ онъ и радъ,
Когда знакомые артисты,
Бывало, этотъ обликъ чистый
Съ головкой Грёзовской сравнятъ!

Одна бѣда! Своимъ трудомъ
Обоимъ жить имъ приходилось.
Она безъ устали трудилась,
Сидѣла ночи за шитьемъ;

А онъ... онъ мѣста все искалъ,
Но, получивъ отвѣтъ повсюду
Одинъ: «имѣть въ виду васъ буду», —
Пока, сложивши руки, ждалъ.

Хоть онъ на связи прошлыхъ лѣтъ
Считать имѣлъ бы основанье,
Но въ этотъ разъ ему вниманья
Не оказалъ холодный свѣтъ.

Увѣренъ я, извѣстно вамъ,
Читатель мой, что очень трудно
Въ столицѣ нашей многолюдной
Себя пристроить бѣднякамъ.

Себѣ отказывать во всемъ
Онъ не привыкъ. Среди лишеній,
Грошовыхъ счетовъ, огорченій,
Нерѣдко желчь кипѣла въ немъ.

Купить хотѣлъ бы онъ своей
Подругѣ пышные наряды,
Чтобы завистливые взгляды
Привлечь, когда идетъ онъ съ ней.

Ему хотѣлось побывать
Въ любимой оперѣ, въ балетѣ;
Порой хотѣлось даже въ свѣтѣ
Блеснуть любезностью опять.

Во снѣ онъ часто видѣлъ балъ:
Гремѣлъ оркестръ, блистали свѣчи,
И кто-то пламенныя рѣчи
Ему подъ музыку шепталъ...

Но что̀ же дѣлала она?
Ей не мечтался говоръ бальный...
Зажжетъ себѣ огарокъ сальный
И шьетъ-сидитъ, не зная сна,

Чтобъ только *онъ* доволенъ былъ,
Клясть пересталъ судьбы нападки, —
Чтобъ завтра свѣжія перчатки
Себѣ къ гулянью онъ купилъ.

Она была такъ весела,
Какъ бы нужды не знала гнета...
Лишь красота, казалось, что-то
Немного блекнуть начала̀.

Но, наконецъ — хвала судьбѣ! —
(Я отношу сей случай къ чуднымъ)
Мѣстечко съ жалованьемъ скуднымъ
Нашелъ пріятель нашъ себѣ.

И сталъ онъ въ должность каждый день
Ходить и тамъ строчить бумаги.
Но не надолго въ немъ отваги
Хватило: не осилилъ лѣнь!

И, тяготясь своимъ трудомъ,
Онъ сталъ твердить: «Нѣтъ, право, мочи
Приказнымъ быть чернорабочимъ,
Какимъ-то упряжнымъ воломъ.

«Не снился мнѣ такой удѣлъ!
Доволенъ будетъ имъ не каждый...
Моя душа томится жаждой
Иныхъ, полезныхъ міру дѣлъ!»

Но, если правду говорить,
Онъ дѣлу годенъ былъ не слишкомъ,
И не такимъ, какъ онъ, умишкамъ
Дѣла великія творить!

И становились все тошнѣй
Ему служебныя занятья;
Все чаще сыпалъ онъ проклятья
И на судьбу, и на людей!

И даже той онъ не щадилъ —
Когда домой къ себѣ, бывало,
Придетъ сердитый и усталый —
Кому милѣе жизни былъ!

Не разъ бросалъ въ лицо упрекъ
Онъ ей въ минуту озлобленья,
Хотя потомъ просилъ прощенья
И у ея валялся ногъ.

То, чѣмъ душа была больна,
У ней не изливалось въ пеняхъ,
И по ночамъ лишь на колѣняхъ
Молилась пламенно она.

А онъ все думалъ объ одномъ:
«Когда жъ мнѣ счастье улыбнется,
Иль въ должность цѣлый вѣкъ придется
Мнѣ шляться пò-грязи пѣшкомъ?

«Ужели буду поглощенъ
Я весь чиновничества тиной,
И въ мѣсяцъ двадцать два съ полтиной
Брать цѣлый вѣкъ я обреченъ!»

Желанье благъ пережитыхъ
Въ груди его все возрастало,
И онъ, во что бы то ни стало,
Поклялся вновь добиться ихъ.

Давно извѣстно намъ изъ книгъ,
Что человѣку съ силой воли
Возможно все. Такъ мудрено ли,
Что цѣли скоро онъ достигъ?

Достигъ... но не путемъ труда.
Вѣдь по привычкамъ былъ онъ баринъ,
А этотъ путь неблагодаренъ
Въ отчизнѣ нашей, господа!

Онъ часто льстилъ себя мечтой,
Что, говорить умѣя плавно,
Онъ вѣрно бъ былъ ораторъ славный,
Иль адвокатъ въ странѣ иной.

Увы! не то ему судилъ —
И бѣдъ, и радостей виновникъ —
Капризный рокъ... Одинъ сановникъ
Тогда въ столицѣ нашей жилъ.

Хотя у старца голова
Была сѣдинами покрыта,
Но называла волокитой
Его стоустая молва.

И точно: отъ семьи тайкомъ —
Имѣлъ дѣтей онъ и супругу —
Завелъ онъ нѣжную подругу
И ей купилъ въ Коломнѣ домъ.

Связь эта длилась много лѣтъ,
И дочь была плодомъ ихъ страсти,—
Хоть, признаюсь, темно отчасти,
Кто произвелъ ее на свѣтъ...

Ее любилъ онъ, исполнялъ
Онъ дочки каждую затѣю
И обѣщался дать за нею
Довольно крупный капиталъ.

Охота страшная была
У ней отвѣдать жизни брачной,
Но, къ сожалѣнію, невзрачной
Ее природа создала.

Хотя подчасъ пускала въ ходъ
Она румяна и бѣлила,
Но жениховъ не находила...
А ей ужъ шелъ двадцатый годъ.

Она училась кой-чему,
Но не могла прочесть безъ скуки
Двухъ словъ,— не нравились науки
Ея небойкому уму.

Боялась мать, чтобы грѣха
Какого съ дочкой не случилось,—
И къ старцу съ просьбой обратилась:
Скорѣй найти ей жениха.

Примѣрнымъ старецъ былъ отцомъ
И, много времени не тратя,
Искать усердно началъ зятя
Въ обширномъ вѣдомствѣ своемъ.

И нашъ пріятель тамъ служилъ.
Фигурой стройной, смѣлымъ взоромъ,
Изящнымъ свѣтскимъ разговоромъ
Онъ тотчасъ старца поразилъ.

И старецъ былъ ужасно радъ,
Что сей чиновникъ интересный
Живетъ себѣ въ каморкѣ тѣсной,
Что бѣденъ онъ и не женатъ.

Къ себѣ онъ на домъ звалъ его
И тамъ однажды, въ кабинетѣ,
Открылъ ему, что на примѣтѣ
Имѣлъ невѣсту для него;

Что не красавица она,
Но обладаетъ состояньемъ;
Притомъ — съ отличнымъ воспитаньемъ,
И будетъ добрая жена.

Отвѣсилъ нашъ герой поклонъ
И съ восхищеннымъ старцемъ вмѣстѣ
На смотръ къ назначенной невѣстѣ
Поѣхать согласился онъ.

Невѣста юная гостей
Ждала съ тоской нетерпѣливой;
Женихъ, изящный и красивый,
Давно во снѣ являлся ей.

Когда жъ предсталъ ей наяву,—
Ее онъ просто озадачилъ:
Ей стало жаль, что не назначилъ
Онъ гдѣ-нибудь ей рандеву;

Что не сошлись они тайкомъ
Въ саду, въ аллеѣ темной, длинной,
А здѣсь, въ гостиной этой, чинно
Сидятъ и — даже не вдвоемъ!..

Сбылся ея завѣтный сонъ,
Его мечты сбывались тоже;
Такъ дожидаться имъ чего же?
Вопросъ о бракѣ былъ рѣшенъ.

9*

Но въ душу страхъ ему проникъ:
Какъ объяснить подругѣ прежней?
А объясненье неизбѣжнѣй
Все становилось каждый мигъ.

И, этотъ страхъ преодолѣть
Не въ силахъ будучи, изъ дома
Онъ скрылся разъ... Она къ знакомой
Пошла въ тотъ вечеръ посидѣть.

Когда жъ назадъ она пришла
И, побѣдивъ свою дремоту,
Хотѣла взяться за работу,—
Письмо на столикѣ нашла.

Рукой дрожащею печать
Она въ испугѣ надломила,
Прочла... Слезы не проронила
И тихо сѣла на кровать...

И просидѣла такъ она
Вплоть до утра, храня молчанье,
Какъ будто скорби изваянье,
И недвижима, и блѣдна...

Онъ ей повѣдалъ коротко,
Что въ немъ ужъ нѣту прежней страсти,
Что чувства всѣ не въ нашей власти,
И съ сердцемъ сладить нелегко...

Ну, словомъ, онъ сумѣлъ мотивъ
Найти достаточный измѣнѣ
И кончилъ нѣжно, въ нотабене
Подругѣ помощь предложивъ.

Но, вотъ, ужъ розовымъ лучомъ
Къ ней утро въ комнатку блеснуло..
Она очнулась и взглянула
Глазами мутными кругомъ.

У ней, казалось, на лицѣ
Ужъ нѣтъ отчаянья и тѣни...
Привстала... Дверь толкнула въ сѣни
И очутилась на крыльцѣ.

Все спало. Даже въ мелочной
Лавчонкѣ не было продажи,
И не гремѣли экипажи
Еще по пыльной мостовой.

Съ крыльца сошла она и, вотъ,
Куда-то, улицей пустою,
Идетъ поспѣшною стопою,—
Не озираясь идетъ.

Дома и церкви передъ ней
Громадно высились... Но скоро
Пошли лачуги да заборы,
А тамъ застава, даль полей...

Минуя фабрикъ длинныхъ рядъ,
Кладбища тѣсныя могилы,
Она идетъ, идетъ... и силы
Ей измѣнить уже хотятъ.

Ей темя жжетъ полдневный зной,
Томятъ ее усталость, голодъ...
А сердце, словно тяжкій молотъ,
Стучитъ у ней въ груди больной.

Переступать она съ трудомъ
Могла: подкашивались ноги...
И вдругъ упала средь дороги,
Какъ колосъ, срѣзанный серпомъ...

Купцомъ проѣзжимъ найдена̀,
Она въ ближайшій станъ попалась,
И при допросѣ оказалось,
Что сумасшедшая она...

А нашъ пріятель получилъ
Довольно выгодное мѣсто
И съ некрасивою невѣстой,
Спустя недѣлю, въ бракъ вступилъ.

Я видѣлъ разъ, какъ ихъ несла
Въ коляскѣ модной сѣрыхъ пара,—
И пожалѣлъ лишенныхъ дара
Свои обдѣлывать дѣла!..

---

*
* *

О, юность, юность, гдѣ же ты?
Гдѣ эта пылкая отвага
И вдохновенныя мечты?
Готовность гдѣ—во имя блага,
Покинувъ все, семью и домъ,
Идти на битву съ мощнымъ зломъ?

Ихъ нѣтъ давно!.. И нѣту силъ
На подвигъ трудный и суровый!
Какъ рабъ, что много лѣтъ носилъ
Неволи тяжкія оковы,
Я духомъ слабъ, я изнемогъ:
Сломилъ меня желѣзный рокъ!

Лишь одного житейскій гнетъ
Убить въ душѣ моей не въ силахъ,—
Одно въ ней только не умретъ,
Хотя и будетъ въ этихъ жилахъ
Струиться старческая кровь:
Къ отважной юности любовь!..

Когда, толпясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье,—
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленьи

И говорю съ восторгомъ я:
«Богъ помочь, братья и друзья!

«Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать каменьями готовой
Въ того, кто сонъ ея смутитъ,
Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, разитъ!

«Богъ помочь, братья и друзья!..
Когда жъ желанный день настанетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ добромъ помянетъ,—
Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!»

ВЕСНА.

Опять весной въ окно мое пахнуло,
И дышится отраднѣй и вольнѣй...
Въ груди тоска гнетущая заснула,
Рой свѣтлыхъ думъ идетъ на смѣну ей.

Сошли снѣга... Оковы ледяныя
Не тяготятъ сверкающей волны...
И плуга ждутъ далекія, нѣмыя
Поля моей родимой стороны.

О, какъ бы мнѣ изъ этихъ комнатъ душныхъ
Скорѣй туда хотѣлось, на просторъ,
Гдѣ нѣту фразъ трескучихъ и бездушныхъ,
Гдѣ не гремитъ витій продажныхъ хоръ.

Въ поля! въ поля! Знакомая природа
Къ себѣ красой стыдливою манитъ...
Въ поля! Тамъ пѣснь воскресшаго народа
Свободная и мощная звучитъ.

---

* * *

Быстро таютъ снѣга, побѣжали ручьи,
И теплѣй небеса засинѣли...
Вотъ, недолго еще: прилетятъ соловьи,
Зазвучатъ ихъ влюбленныя трели.

Всѣ-то, всѣ тебя ждутъ, не дождутся, весна!
Жду и я наболѣвшей душою,
Чтобы лѣсъ зашумѣлъ, пробужденный отъ сна,
Разукрашенный яркой листвою!

Сколько разъ этотъ шумъ, какъ ему я внималъ,
На меня навѣвалъ примиренье!
Я сильнѣе любилъ, я полнѣе прощалъ,
Затихало въ груди озлобленье...

И какъ будто шепталъ чей-то голосъ: «Сомкни
Здѣсь навѣки усталыя очи!...»
Хорошо умереть въ эти ясные дни,
Въ эти теплыя, тихія ночи!

Хоть и жаль, можетъ быть, разставаться съ землей,
Когда все вкругъ тебя расцвѣтаетъ,
Но блаженъ, кто, пройдя путь нерадостный свой,
Съ примиреньемъ въ груди угасаетъ!

ТУЧИ.

Отвори, мой другъ, окошко!
Воздухъ тепелъ и душистъ,
Ни одинъ не колыхнется
На березкахъ бѣлыхъ листъ.

Отвори, мой другъ, окошко
И не бойся: стороной
Туча грозная промчалась,
Насъ пугавшая съ тобой.

Но, я вижу, ты за нею
Робкимъ взоромъ все слѣдишь,
И грозу — тебѣ сдается —
Предвѣщаетъ эта тишь.

Посмотри! Блеснуло солнце...
Въ блѣдно-розовыхъ лучахъ
Тонетъ даль полей нѣмая...
Отгони свой дѣтскій страхъ!

Посмотри, какъ чистъ и ясенъ
Солнца лѣтняго закатъ,
И на завтра безмятежный
Небеса намъ день сулятъ.

Но я знаю, что̀ за дума
На челѣ твоемъ легла:
Ты забыть не можешь тучи,
Что̀ далёко уплыла.

И, невольно подымая
Къ небу грустные глаза,
Говоришь себѣ: «Надъ кѣмъ-то
Грянетъ страшная гроза!

«Дай-то Богъ, чтобъ не застигла
Бѣдныхъ странниковъ она —
Бѣдныхъ странниковъ, бредущихъ
Въ ночь безъ отдыха и сна;

«Не застигла бъ тѣхъ, кто бросилъ
Близкихъ, родину и домъ
И пошелъ къ далекой цѣли
Неизвѣданнымъ путемъ!»

Іюль 1863 г.

---

*
* *

Честные люди дорогой тернистою
Къ свѣту идущіе твердой стопой,
Волей желѣзною, совѣстью чистою
Страшны вы злобѣ людской!

Пусть не сплетаетъ вѣнки вамъ побѣдные
Горемъ задавленный, спящій народъ,—
Ваши труды не погибнутъ безслѣдные:
Доброе сѣмя дастъ плодъ.

Сбудутся ваши святыя желанія,
Хоть не дождаться поры этой вамъ
И не видать, какъ всѣ ваши страданія
Здѣсь отольются врагамъ.

Вѣстники правды, бойцы благородные,
Будете жить вы въ правдивыхъ сердцахъ,
Пѣсню могучую люди свободные
Сложатъ о вашихъ дѣлахъ...

1863.

НА СМЕРТЬ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Что годъ, то новая утрата,—
И гибнутъ силы безъ конца!
Еще межъ нами нѣтъ собрата,
За правду честнаго бойца!

Подумать страшно, сколькихъ мы
Не досчитались въ эти годы!
Ихъ всѣхъ, враговъ отважныхъ тьмы,
Сломили раннія невзгоды.

И вотъ, надъ свѣжею могилой
Насъ дума тяжкая гнететъ:
Ужели та же участь ждетъ
Всѣ возникающія силы?..

9 октября 1863 г.

УМИРАЮЩІЙ.

Оставь, душа, сомнѣнья и надежды:
Конецъ борьбы съ мірскимъ всесильнымъ зломъ!
Я чувствую: сомкнутся скоро вѣжды,—
Близка пора заснуть послѣднимъ сномъ!

Истощены безплодно наши силы:
Мы, не щадя, ихъ тратили въ борьбѣ;
Но у дверей темнѣющей могилы
Мы не пошлемъ проклятія судьбѣ.

И отъ нея не ждемъ мы воздаянья
За все, чѣмъ жизнь была отравлена̀...
Страдали мы, но были тѣ страданья
Дороже намъ бездѣйствія и сна.

Покинемъ міръ спокойно, безъ упрека:
Пусть не для насъ побѣдные вѣнцы,
Пусть цѣль отъ насъ была еще далёко,
Но пали мы, какъ честные борцы!

---

*
* *

Если хочешь ты, чтобъ мирно,
Ясно дни твои летѣли,—
Брось тревожные вопросы
И возвышенныя цѣли.

Пусть орлы парятъ высоко
Гдѣ-то тамъ, подъ облаками,—
Что̀ тебѣ до нихъ! По-волчьи
Вой себѣ, живя съ волками.

Вѣрь: гораздо ближе къ дѣлу,—
Отложивъ пустыя бредни
О воздушныхъ этихъ зàмкахъ,—
Постоять часокъ въ передней,

Чаще льстить тому, кто силенъ—
Но не грубо льстить—съ умѣньемъ,—
Чѣмъ безъ проку на неправду
Нападать съ ожесточеньемъ.

Не гнушайся дураками:
Это—сила въ наше время!
Ты насмѣшкой не убавишь
Ихъ плодящееся племя.

Слушай вздоръ ихъ терпѣливо:
Въ люди выскочить поможетъ
Кто-нибудь изъ нихъ, пожалуй,—
Насолить же всякій можетъ.

Общепринятой морали
Ты придерживайся строго
И иди, не уклоняясь,
Торной, битою дорогой.

Въ тѣхъ же, кто съ нея своротитъ,—
Полонъ рьянаго усердья,
И каменьями, и грязью
Ты швыряй безъ милосердья.

Чтобъ бѣды какой не вышло,
Дипломата изреченью
Вѣренъ будь: «не поддавайся
Сердца первому движенью!»

Брось мечты о благѣ ближнихъ,
Семьяниномъ будь примѣрнымъ
И жену, и ребятишекъ
Обезпечь доходомъ вѣрнымъ.

И твой вѣкъ пройдетъ счастливо!
А покинешь міръ нашъ бренный —
Скажутъ всѣ, идя за гробомъ:
«Вотъ скончался мужъ почтенный!

«Слишкомъ былъ хорошъ для міра,
Потому и взятъ онъ Богомъ»...
И почтитъ тебя, быть-можетъ,
Даже пресса некрологомъ.

ПАМЯТИ Е. А. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

1.

Какъ ей, почившей вѣчнымъ сномъ,
Въ гробу изъ дому унесенной,
Ужъ не вернуться въ этотъ домъ
Къ семьѣ, печалью удрученной, —

Такъ въ сердце бѣдное мое
И радость больше не вернется;
Въ немъ скорбь на долгое житье
Незванной гостьей остается!

Не озаритъ души моей
Былого счастья лучъ отрадный,
И жизнь, что̀ ждетъ меня, мрачнѣй
Осенней ночи безпроглядной...

2.

Ты не любила этотъ свѣтъ,
Гдѣ вѣчно добрые страдали, —
И отошла въ тотъ край, гдѣ нѣтъ
Ни воздыханья, ни печали.
И что̀, какъ перлъ въ волнахъ морей,
Таилось въ любящей и честной,

Не знавшей лжи, душѣ твоей,—
Осталось людямъ неизвѣстно.

Какъ мало ихъ, кто понималъ
Высокій подвигъ жизни темной,
Отъ чьихъ очей не заслонялъ
Мишурный блескъ твой образъ скромный,
Кому не чуждъ былъ міръ твоихъ
Завѣтныхъ думъ, надеждъ любимыхъ!..
Ихъ мало, но тобою въ нихъ
Оставленъ слѣдъ неизгладимый!

3.

Вотъ она, твоя могила,
Снѣгомъ вся занесена.
Все, чѣмъ сердце дорожило,
Все, чѣмъ жизнь была ясна,—
Все-то, все навѣкъ сокрыла
Отъ очей моихъ она!

И стою надъ ней, рыдая,
Съ головой поникшей я.
О, явись мнѣ, дорогая,
Безупречная моя!
О, покинь хоть на мгновенье
Тѣсный, мрачный свой пріютъ,
И уста твои прощенье
Мнѣ пускай произнесутъ!

Все прости, что̀ омрачало
Дни недолгіе твои,
И съ улыбкой, какъ бывало,
На меня опять взгляни!

Тщетенъ зовъ мой!.. И не взглянетъ
На меня твой кроткій взглядъ,
Образъ милый не предстанетъ,
И уста твои молчатъ!

Что̀ земли добычей станетъ, —
Не вернетъ она назадъ!

Одинокъ стою, взывая
Къ незабвенной тѣни я,
И скорбящая, больная,
Рвется къ ней душа моя!

---

* * *

Когда тебѣ молчаніемъ суровымъ
За ласки я платилъ, мое дитя,
Иль оскорблялъ тебя ревнивымъ словомъ, —
Стихала ты, поникнувъ и грустя.
Въ глазахъ твоихъ напрасно я старался
Подмѣтить гнѣвъ: лишь скорбь я видѣть могъ;
И никогда въ тотъ мигъ не вырывался
Изъ устъ твоихъ язвительный упрекъ.

Когда жъ потомъ, съ рыданьемъ и мольбою
Къ ногамъ твоимъ припавъ, я говорилъ:
«Судьба велитъ разстаться намъ съ тобою:
Тебѣ одно лишь горе я дарилъ!
Оставь меня! Моя душа больная
Былыхъ невзгодъ съ себя не сброситъ гнетъ!
Ты рвешься жить, и сила молодая
Въ тебѣ ключомъ неудержимымъ бьетъ!

«Оставь меня! Усѣянный цвѣтами,
Быть-можетъ, ждетъ тебя веселый путь,
И страсть еще горячими лучами —
Иная страсть — твою согрѣетъ грудь!» —
Твой взоръ тогда огнемъ негодованья
Сверкалъ, уста шептали мнѣ упрекъ...
И вѣрилъ я легко, что разставанья
Тяжелый часъ отъ насъ еще далекъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПИСЕМЪ.

Давно, давно мнѣ пересталъ
Звучать твой голосъ милый,—
Бывало, въ сердцѣ пробуждалъ
Онъ дремлющія силы.

Дышалось легче мнѣ тогда
И краше жизнь казалась:
Мнѣ счастья новаго звѣзда
Какъ будто загоралась...

Когда твоихъ прекрасныхъ глазъ
Лучи меня ласкали,—
Какъ ночи мгла въ разсвѣта часъ,
Летѣли прочь печали.

Подъ кроткимъ свѣтомъ тѣхъ лучей,
Ихъ вызванная властью,
Слагалась пѣснь въ душѣ моей
Веснѣ, любви и счастью!

Но навсегда померкъ тотъ свѣтъ,
И смолкъ тотъ голосъ милый:
Ни радостей, ни пѣсенъ нѣтъ
Съ тѣхъ поръ въ душѣ унылой...

---

*
* *

Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила
Подъ гнетущимъ игомъ зла;
Жаль мнѣ тѣхъ, кого могила
Преждевременно взяла;
Тѣхъ бойцовъ съ душою чистой,—
Мысли доблестныхъ вождей,
Что̀ дорогою тернистой
Бодро къ цѣли шли своей

Съ словомъ пламеннымъ пророка,
Пробуждающимъ отъ сна!
Я скорблю о нихъ глубоко,
Свято чту ихъ имена.

Но и васъ мнѣ жаль порою,
Изнемогшихъ на пути!
Не хотѣли вы съ толпою
Ослѣпленною брести,
Но не въ силахъ были благу
Ближнихъ жертвовать собой:
Духъ вашъ гордость и отвагу, —
Все утратилъ предъ бѣдой.
Жаль мнѣ васъ! Я знаю, совѣсть
Часто шепчетъ вамъ укоръ;
Вашей молодости повѣсть
Вамъ слезой туманитъ взоръ;
Въ вашемъ сердцѣ боязливомъ
Не угасли стыдъ и честь;
Знаю я, благимъ порывамъ
И теперь къ вамъ доступъ есть.
Но надъ вами полной власти
Не имѣть имъ никогда,
Потому что сила страсти
Сердцу вашему чужда, —
И идете вы, склоняя
Грустно голову свою,
Но въ душѣ благословляя
Честно гибнущихъ въ бою...
Жаль мнѣ васъ!.. Но есть иные —
И безчисленны они, —
Что̀ на подвиги благіе
Тоже шли въ былые дни,
Но высокія стремленья
Въ жертву пошлости людской
Принесли безъ сожалѣнья,
Преклонившись предъ толпой;
Честной мысли измѣнили,
Братьевъ продали своихъ,

И позоромъ ихъ клеймили,
И швыряли грязью въ нихъ,
Эта, дышащая злобой
И предательская, рать
Будетъ ненависть до гроба
Въ честныхъ душахъ пробуждать!

---

*
* *

Смотрю на нее и любуюсь:
Какъ птичка, порхаетъ она,
И устъ ея дѣтскихъ улыбка,
Какъ майское утро, ясна.

Смотрю и любуюсь, а сердце
Привычная дума гнететъ:
Быть можетъ, и эту головку
Судьба невеселая ждетъ!

И скоро, быть можетъ, поникнетъ
Подъ бурей житейской чело,
Слезой отуманятся глазки,
Что̀ смотрятъ на міръ такъ свѣтло!

Настанетъ тяжелое время
Тоски и душевныхъ тревогъ...
Но все же пусть лучше страданъ
Въ удѣлъ посылаетъ ей рокъ,

Чѣмъ пошлости омутъ бездонный,
Что̀ много такъ жертвъ поглотилъ,
Гдѣ много такъ гибнетъ безслѣдно
И честныхъ стремленій, и силъ!

ОБЛАКА.

(посвящается Г. А. Ларошу).

Я лежалъ на травѣ и глядѣлъ,
Какъ по небу плывутъ облака.
Вѣтеръ листьями клена шумѣлъ,
Ихъ ко мнѣ нагибая слегка.

И неслись облака надо мной,
Исчезая и тая вдали...
Они солнце ревниво собой
Заслоняли порой отъ земли,

Будто солнцу хотѣли сказать:
«Не дари ты ей теплыхъ лучей!
Перестань, перестань согрѣвать
Эту землю любовью своей!

«Гдѣ сгустилась вечерняя мгла,
Гдѣ твой пламенный лучъ догорѣлъ,
Сколько тамъ совершается зла,
Сколько темныхъ, неправедныхъ дѣлъ!

«Развѣ ласкъ она стоитъ твоихъ?
Развѣ, грѣшная, любитъ тебя?
Намъ однимъ ты сіяй, насъ одпихъ,
Непорочныхъ и чистыхъ, любя!»

И неслись по степямъ голубымъ
Облака въ безконечную даль,
Исчезая одно за другимъ...
Но, казалось, ихъ солнцу не жаль:

Не хотѣло оно чистоты
Ихъ холодной на землю мѣнять —
И горячимъ лучомъ съ высоты
Стало грѣшную землю лобзать...

НОВЫЙ ГОДЪ.

ГОЛОСЪ.

Слышны клики поздравленья,
Хрусталя заздравный звонъ.
Ближе часъ освобожденья,
Ближе истины законъ!

ХОРЪ.

Годъ еще мы отстрадали,
Изнуренные борьбой;
Тщетно руки простирали
Къ небу съ теплою мольбой.

Тщетны, тщетны всѣ моленья, —
Правды Богъ не возстаетъ!
Тяжко намъ! Зерно сомнѣнья
Каждый день въ груди растетъ.

ГОЛОСЪ.

О, къ чему, къ чему роптанье?
Искупленья близокъ часъ, —
Духъ лукавый отрицанья
Да отыдетъ прочь отъ васъ!

Дни тревогъ и горя, братья,
Пролетятъ, какъ смутный сонъ.
Ужъ гремятъ врагамъ проклятья,
Слышу я, со всѣхъ сторонъ.

Близокъ часъ послѣдней битвы!
Смѣло двинемся впередъ,
И услышитъ Богъ молитвы —
И оковы разобьетъ.

APOSTATEN-MARSCH.

(мотивъ одного нѣмецкаго поэта).

Пресмыкаться въ грязи, ноги сильнымъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье, —
Вотъ оно, призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!
Горе пылкимъ сердцамъ, что мечты юныхъ дней,
Словно кладъ, берегутъ и, по старой привычкѣ,
Все о правдѣ кричатъ да о благѣ людей!
Мы дадимъ имъ опасныя клички.
Горе тѣмъ, кто въ лицо намъ бросаетъ укоръ,
Кто позоромъ клеймитъ наше дѣло и слово!
Мы толпѣ закричимъ: «Онъ — разбойникъ и воръ,
Подавайте скорѣе оковы!»
Было время, когда мы, подъявши чело,
Тоже рвались къ борьбѣ и немало шумѣли.
Слава Богу, теперь опьянѣнье прошло —
Мы другія преслѣдуемъ цѣли.
Мы сознали, что всѣ эти грёзы смѣшны,
Что къ почету ведетъ насъ дорога иная
И что старый свой грѣхъ искупить мы должны,
Честь и совѣсть въ грязи попирая!
Пресмыкаться въ грязи, ноги сильнымъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье, —
Вотъ теперь призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!

Октябрь 1865 г.

*
* *

Тяжелая, мучительная дума
Гнететъ меня. Вездѣ она со мной, —
Въ толпѣ ли я, средь говора и шума,
Иль одинокъ брожу въ тиши лѣсной.
И шепчетъ все невѣдомый мнѣ голосъ:
«Жизнь прожитà! Смотри: въ твоихъ кудряхъ
Ужъ не одинъ сѣдой пробился волосъ,
Въ морщинахъ лобъ, огонь потухъ въ глазахъ.
Прошедшее окинь духовнымъ взоромъ —
И совѣсти правдиваго суда
Не избѣгай! Предъ страшнымъ приговоромъ,
Раскаянья исполненъ и стыда,
Склонись во прахъ челомъ когда-то гордымъ;
Сознай, что жизнь напрасно тратилъ ты,
Что не служилъ добру оплотомъ твердымъ,
Но былъ рабомъ безсильнымъ суеты;
Что больше слезъ, чѣмъ радости и счастья,
Ты преданнымъ и добрымъ тѣмъ дарилъ,
Кто въ дни невзгодъ, въ дни бурнаго ненастья
Любовью путь твой мрачный озарилъ, —
И что ни въ чьей душѣ существованье
Твое слѣда оставить не могло...»

Безплодное и горькое сознанье!
Зачѣмъ ко мнѣ теперь лишь ты пришло,
Когда въ кудряхъ сѣдой пробился волосъ,
Когда для битвъ житейскихъ нѣту силъ?
Зачѣмъ мой духъ укоромъ этотъ голосъ
Въ былые дни отъ сна не пробудилъ?
Жизнь прожитá!.. и скоро съ ней проститься
Придетъ пора... Но думать тяжело,
Что надъ тобой съ любовью не склонится
Ничье, въ тотъ мигъ, печальное чело...

СЕРГѢЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ВАСИЛЬЕВУ.

(11-го января 1861 года).

Друзья свободнаго искусства
Тебѣ, артистъ нашъ дорогой,
Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ грустнымъ чувствомъ
Несутъ привѣтъ прощальный свой.
Ты честно шелъ — прямой дорогой,
Искусству честно ты служилъ,
И твой юмòръ правдивый много
Мгновеній свѣтлыхъ намъ дарилъ.
Не въ мишурѣ, не въ ложныхъ блёсткахъ
Являлся ты передъ толпой, —
Ты на сценическихъ подмосткахъ
Былъ человѣкъ, а не герой!
Осмыслить пошлыя явленья
Вседневной жизни ты умѣлъ
И чистый пламень вдохновенья
Въ душѣ художника горѣлъ.
Смѣялись мы, когда предъ нами
Лгалъ съ увлеченьемъ Хлестаковъ...
Глубоко трогалъ насъ слезами
Своими — Тихонъ Кабанòвъ.
Но, вотъ, недугъ неумолимый
День отъ очей твоихъ сокрылъ, —
И разстаешься ты съ любимой
Тобою сценой въ цвѣтѣ силъ.
И грусть намъ въ сердце западаетъ,
И слышу я со всѣхъ сторонъ:
«Васильевъ сцену покидаетъ,
Но позабытъ не будетъ онъ!»

СЛАВЯНСКИМЪ ГОСТЯМЪ.

Примите, славяне, нашъ братскій привѣтъ,
Любовью онъ къ вамъ непритворной согрѣтъ.
Примите желанье: да крѣпнетъ духовный межъ нами союзъ,
Чтобъ козни враговъ не расторгли насъ нынѣ связующихъ узъ—
Да крѣпнетъ на долгія, долгія лѣта
Подъ знаменемъ правды, науки и свѣта!
Мы вѣримъ, что къ цѣли великой Господня ведетъ насъ рука.
Мы вѣримъ: желанная вами пора возрожденья близка,
И мощнымъ бойцамъ за народность и право
Воскликнетъ весь міръ съ изумленіемъ: «Слава!»

Москва, 23-го мая 1867 г.

---

*
* *

(слова для музыки).

Я помню все: и голосъ милый,
И ласки, ласки безъ конца;
Я буду помнить до могилы
Черты любимаго лица.

И садъ я помню надъ рѣкою,
Гдѣ мы, въ вечерній, поздній часъ,
Бродили тихою стопою,
Гдѣ мы сошлись въ послѣдній разъ.

Какой глубокой, страшной муки
Была душа моя полна,
Когда, мои сжимая руки,
«Прости!» сказала мнѣ она...

Прошли года... Но образъ милый
Еще живетъ въ душѣ моей,—
И буду помнить до могилы
Я кроткій свѣтъ ея очей...

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОСЛѢДНЯГО ПЕРІОДА

(1870—1891).

СТАРИКИ.

Вотъ и опять мы, какъ въ прежніе годы,
Старый товарищъ, бесѣду ведемъ, —
И, прожитыя когда-то, невзгоды
Смутнымъ какимъ-то намъ кажутся сномъ.

Сколько мы лѣтъ не видались съ тобою!
Сколько воды съ той поры утекло!..
Старость, подкравшись къ намъ тихой стопою,
Избороздила обоимъ чело.

Пламень, горѣвшій въ глазахъ, потушила,
Снѣгомъ обсыпала волосы намъ.
Гдѣ наша бодрость, отвага и сила?
Видно, онѣ не подъ-стать сѣдинамъ!

Помнишь, товарищъ, минуту разлуки?
Весело вдаль мы глядѣли тогда,
Жали другъ другу съ улыбкой мы руки,
Грозная насъ не страшила бѣда.

Мы говорили другъ другу, прощаясь:
«Скоро желанное время придетъ:
Сбудется все, что толпа, издѣваясь,
Бредомъ, мечтаньемъ нелѣпымъ зоветъ».

Что же ты вдругъ покачалъ головою?
Что улыбнулись такъ горько уста?..
Молодость насъ обманула съ тобою, —
Совѣсть зато у обоихъ чиста.

Бѣдны мы оба, въ потертой одеждѣ;
Много отъ насъ отшатнулось друзей...
Пусть ихъ! Но сердце въ насъ бьется, какъ прежде
Вѣрой горячей въ добро и людей.

Пылъ нетерпѣнья въ душѣ охладили,
Свергли немало кумировъ года!
Но и кумирамъ толпы не кадили
Въ чаяньи благъ мы земныхъ никогда.

Съ пѣной у рта не бросали каменья
Въ юность кипучую, если, полна
Гордой отваги, въ пылу увлеченья,
Насъ за ошибки корила она.

Знаемъ мы оба: какъ время настанетъ
Намъ отъ житейскихъ трудовъ отдохнуть,
Лихомъ она стариковъ не помянетъ,
Скажетъ: они пролагали намъ путь.

Такъ-то, товарищъ! Разбитымъ и хилымъ,
Намъ остается глядѣть въ сторонѣ,
Какъ нарождаются новыя силы,
Какъ на борьбу выступаютъ онѣ;

Да, вспоминая прожитые годы,
Въ сердцѣ суровое небо молить,
Чтобъ миновали всѣ наши невзгоды
Тѣхъ, кто пришелъ насъ, отжившихъ, смѣнить.

---

*
* *

Иль тѣ дни еще далёки,
Далека еще пора,
Вами зримая, пророки,
Провозвѣстники добра?

Скоро ль смѣнится любовью
Эта ненависть племенъ,
И не будетъ братской кровью
Мечъ народовъ обагренъ?

Скоро ль мысль, въ порывѣ смѣломъ,
Лжи оковы разобьетъ?
Скоро ль слово станетъ дѣломъ,
Дѣло дастъ обильный плодъ?

Скоро ль разума надъ силой
Міръ увидитъ торжество,
Или мы сойдемъ въ могилы
Только съ вѣрою въ него?

Засвѣтись, о, день счастливый!
Разгони густой туманъ,
Что̀ лежитъ еще на нивахъ
Столькихъ, сномъ объятыхъ, странъ!

ТОСТЫ.

Первый тостъ нашъ — за науку
И за юношей — второй!
Пусть горитъ имъ свѣточъ знанья
Путеводною звѣздой!

Пусть отчизна дорогая
И великій нашъ народъ
Въ нихъ борцовъ неколебимыхъ,
За добро и свѣтъ, найдетъ!

Третій тостъ нашъ — въ честь искусства:
Воздадимъ хвалу тому,
Кто обрекъ себя всецѣло
На служеніе ему.

Всѣмъ, кто будитъ въ людяхъ словомъ,
Кистью, звуками, рѣзцомъ
Красоты и правды чувства,—
Мы привѣтъ горячій шлемъ.

Не забудьте также, братья,
Добрымъ словомъ помянуть
Тѣхъ, навѣкъ отъ насъ ушедшихъ,
Что, свершивъ свой трудный путь

И до гроба сохранивши
Въ сердцѣ преданность добру,
Произнесть могли съ поэтомъ:
«Знаю, весь я не умру!»

Пожелаемъ, чтобъ являлось
На Руси побольше ихъ,
Чистыхъ, доблестныхъ, живущихъ
Лишь для подвиговъ благихъ.

Пожелаемъ, чтобъ не меркло
Надъ родимой стороной
Солнце разума и знанья, —
Солнце истины святой!

---

* * *

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны!..
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навѣкъ они унесены;

Казалось мнѣ, что нѣтъ ужъ къ нимъ возврата...
Смирился я предъ силой роковой:
За что страдалъ, боролся я когда-то, —
Все я призналъ несбыточной мечтой.

Казалось, впрокъ пошли мнѣ наставленья
Тѣхъ мудрецовъ, что̀ мнѣ, бѣдой грозя,
Твердили: «Брось безумныя стремленья:
Порочный міръ пересоздать нельзя!

«Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью, —
Не твой картонный мечъ ее прорветъ:
Перешибить нельзя обуха плетью...
Живи же такъ, какъ большинство живетъ!»

И годы шли. И въ жилахъ кровь все стыла.
Въ душѣ все гасла вѣра въ идеалъ,
И афоризмъ: «солому ломитъ сила» —
Порывы думъ кипучихъ охлаждалъ...

Но отчего жъ, когда порою снова,
Средь мудрецовъ съ остывшею душой,
Изъ юныхъ устъ восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тѣхъ забытыхъ
Безумныхъ грёзъ, — о, отчего тогда
Вдругъ на моихъ поблёкнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнетъ жгучаго стыда?

И отчего такъ сильно сердце бьется,
Какъ билось въ дни весны моей оно,
И къ жизни вновь все просится и рвется,
Что̀ въ глубинѣ его погребено?

Или когда о球 нагломъ ликованьѣ,
О торжествѣ неправды слышу я, —
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ негодованье,
И злобы такъ полна душа моя?

И кажется мнѣ пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытныхъ людей,
Которой я принесъ, какъ рабъ послушный,
Васъ въ жертву, грёзы юности моей!

---

* * *

Теплый день весенній.
Солнышко блеститъ,
Птичка, заливаясь,
Въ поле всѣхъ манитъ.

Улицы, бульвары
Запрудилъ народъ:
Пестрыми толпами
За̀-городъ идетъ.

Праздничныя лица
Радостно глядятъ;
Рѣдко, рѣдко встрѣтишь
Невеселый взглядъ.

Словно всѣмъ живется
Такъ легко, что нѣтъ
У толпы нарядной
Ни заботъ, ни бѣдъ.

Только мнѣ съ тоскою
Справиться не въ мочь,
Какъ ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Гдѣ бъ я ни былъ, — всюду
Шепчетъ мнѣ она:
«А твоя навѣки
Отцвѣла весна!»

Зашумитъ ли въ рощѣ
Яркая листва,

Мнѣ и въ этомъ шумѣ
Слышатся слова:

«Нечего отъ жизни
Ждать тебѣ... Твой путь
Пройденъ, — не пора ли
Навсегда уснуть?

«И когда сойдешь ты
Въ землю, — надъ тобой
Зеленѣть мы будемъ
Каждою весной!»

МОГИЛА ТРУЖЕНИКА.

Спи, бѣднякъ! Ты честно бился,
До утраты силъ, съ нуждою;
Умеръ ты, но не склонился
Предъ неправдою людскою, —
Потому-то надъ тобою
Рѣчь людская не слышна.

Заросла тропа, что̀ къ дому,
Гдѣ нашелъ ты отдыхъ, вьется,
И шаговъ на ней знакомыхъ
Никогда не раздается.
Лишь природа остается
Другу старому вѣрна.

Все, что ты любилъ когда-то,
Здѣсь она соединила,
И безъ мрамора богато
Убрана̀ твоя могила.

Надъ тобой цвѣтутъ сирени,
И шумятъ листы березы;
Каплетъ съ нихъ роса, какъ слезы,
На могильныя ступени,

Въ часъ, когда ночныя тѣни
Отъ лучей дневныхъ бѣгутъ.

Макъ въ травѣ пестрѣетъ яркій,
Льетъ жасминъ благоуханья;
Раздается въ полдень жаркій
Вкругъ цвѣтовъ пчелы жужжанье;
Ночью мѣсяца сіянье
Озаряетъ твой пріютъ.

Спи, бѣднякъ! Безъ сожалѣнья
Ты разстался съ этимъ міромъ,
Что̀ бросалъ въ тебя каменья,
Оттого, что на служенье
Лжи его — его кумирамъ
Ты себя не обрекалъ.

Въ бѣдной долѣ неизвѣстный, —
Вѣкъ трудясь неутомимо, —
Совершилъ ты подвигъ честный
И въ пріютъ свой мрачный, тѣсный
Ты сошелъ съ несокрушимой,
Страстной вѣрой въ идеалъ!

ВОСПОМИНАНІЕ.

Посреди людского шума
И томящей суеты,
Часто вижу предъ собою
Вдругъ я мертвыя черты...

Очи впалыя закрыты,
Плотно сомкнуты уста,
Но еще не отлетѣла
Отъ почившей красота...

Пламя свѣчъ, вокругъ горящихъ,
На лицѣ у ней дрожитъ,

Словно все еще румянецъ
Не сошелъ съ ея ланитъ.

Я отвесть не въ силахъ взгляда
Отъ спокойнаго лица,
И тоскѣ, гнетущей сердце,
Мѣры нѣтъ и нѣтъ конца...

Помню я, когда сокрыли
Навсегда ее отъ глазъ, —
О, какъ мнѣ взглянуть хотѣлось
На нее еще хоть разъ!

Помню я, какъ промелькнула
Быстро въ памяти моей
Вереница безмятежно
Прожитыхъ счастливыхъ дней...

И понятнѣй съ каждымъ годомъ
Становилось мнѣ потомъ
Слово, сказанное міру
«Ада» сумрачнымъ пѣвцомъ:

«Что тяжелѣ мукъ для сердца,
Что тяжелѣ пытки нѣтъ, —
Какъ о дняхъ былого счастья
Вспоминать въ годины бѣдъ!»...

ДѢТСТВО.

Мнѣ вспомнились дѣтства далекіе годы
И тотъ городокъ, гдѣ я росъ, —
Приходскаго храма угрюмые своды,
Вокругъ него зелень березъ.

Бывало, едва лишь вечерней прохладой
Повѣетъ съ сосѣднихъ полей,

11*

У этихъ березъ, за церковной оградой,
Сойдется насъ много дѣтей.

И самъ я не знаю, за что облюбили
Мы это мѣстечко, но намъ
Такъ милы дорожки заглохшія были,
Сирень, окружавшая храмъ!

Тамъ долго веселый нашъ крикъ раздавался,
И не было играмъ конца;
Тамъ матери нѣжный упрекъ забывался,
И выговоръ строгій отца.

Мы птичекъ къ себѣ приручали проворныхъ,
И поняли скоро онѣ,
Что дѣтской рукой разсыпаются зерна
Для нихъ на церковномъ окнѣ.

Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ...
Куда вы дѣвались, друзья?
Иные—далёко, а тѣ—ужъ въ могилахъ...
Разсѣялась наша семья!

Одинъ мнѣ всѣхъ памятнѣй. Кротко свѣтились
Глаза его; былъ онъ не смѣлъ:
Когда мы, бывало, шумѣли, рѣзвились,
Онъ молча въ сторонкѣ сидѣлъ

И лишь улыбался, но добраго взора
Съ игравшей толпы не спускалъ.
Забитый, больной, онъ дружился не скоро,
Зато ужъ друзей не мѣнялъ.

Двухъ лѣтъ сиротой онъ остался. Призрѣла
Чужая семья бѣдняка;
Попреки, толчки онъ терпѣлъ, то-и-дѣло,
Безъ слезъ не ѣдалъ онъ куска.

Плохой онъ работникъ былъ въ домѣ, но жадно
Читалъ все и ночью, и днемъ,

И чтò бы ни вычиталъ въ книжкахъ,—такъ складно,
Бывало, разскажетъ потомъ;

Разскажетъ—какія на свѣтѣ есть страны,
Какіе тамъ звѣри въ лѣсахъ,
Какъ тянутся въ знойной степи караваны,
Какъ ловятъ акулу въ моряхъ.

Любили мы слушать его, и казался
Другимъ въ тѣ минуты онъ намъ:
Нежданно огнемъ его взоръ загорался,
И кровь приливала къ щекамъ.

Онъ, добрый, голодному нищему брату
Отдать былъ послѣднее радъ
И часто дивился: зачѣмъ тѣ—богаты,
А эти—безъ хлѣба сидятъ?...

Чтò сталось съ тобою? Свела ли въ могилу
Бѣднягу болѣзнь и нужда?
Иль ихъ одолѣлъ ты, нашелъ въ себѣ силу
Для честной борьбы и труда?

Быть-можетъ, пустился ты въ дальнія страны
Свободы и счастья искать,
И все ты увидѣлъ, чтò стало такъ рано
Ребяческій умъ твой плѣнять?..

Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ...
Всѣ, всѣ разбрелись вы, друзья:
Иные—далёко, а тѣ—ужъ въ могилахъ...
Разсѣялась наша семья!

А тамъ, за оградой, все также сирени
Цвѣтутъ, и опять вечеркомъ
Малютки на старой церковной ступени
Болтаютъ, усѣвшись рядкомъ.

Тамъ долго ихъ говоръ и смѣхъ раздаются,
И звонкіе ихъ голоски
Тогда лишь начнутъ затихать, какъ зажгутся
Въ домахъ городскихъ огоньки...

---

* * *

Я тихо шелъ по улицѣ безлюдной
И, погруженъ въ раздумье о быломъ,
Среди домовъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ,
Узнать хотѣлъ давно знакомый домъ.

Онъ неуклюжъ былъ, ветхъ и съ мезониномъ.
Я помню, мнѣ казалось все, что онъ
Изъ городка уѣзднаго въ столицу
Какимъ-то чудомъ былъ перенесенъ.

Куда исчезъ тотъ домъ? Иль духъ стяжанья
Бѣднягу стеръ съ лица земли,
И, гдѣ стоялъ онъ, сѣренькій и скромный,
Высокія хоромы возвели?

Нѣтъ, нѣтъ! Вонъ онъ! Сейчасъ узналъ я друга!
Онъ — тотъ же все, какимъ былъ и тогда,
И лишь чуть-чуть, какъ будто, покривился...
Немудрено! Берутъ свое года!

Привѣтъ тебѣ! Въ стѣнахъ твоихъ нерѣдко
Я поздній часъ въ бесѣдѣ забывалъ...
То были дни, когда стопой несмѣлой
Впервые въ жизнь я, юноша, вступалъ.

Привѣтъ тебѣ! Подъ этой старой крышей
Жилъ труженикъ съ высокою душой,
Любви къ добру и вѣры въ человѣка
Въ немъ до конца не гасъ огонь святой.

Училъ онъ насъ мириться съ темной долей,
Храня въ душѣ свой чистый идеалъ;
Училъ идти путемъ тернистымъ правды
И не искать за подвиги похвалъ;

Училъ любить страну свою родную,
Отдать ей весь запасъ духовныхъ силъ,
Чтить имена борцовъ за свѣтъ и знанье—
Тѣхъ, кто одной лишь истинѣ служилъ.

Читая намъ созданія поэтовъ,
Воспламенялъ онъ юныя сердца;
И мы клялись идти къ высокой цѣли,
Не измѣнять клялись ей до конца.

Ужъ нѣтъ его: давно онъ спитъ въ могилѣ!
Но кто изъ тѣхъ, въ чью грудь онъ заронилъ
Зерно благихъ, возвышенныхъ стремленій,—
Кто памяти о немъ не сохранилъ?

И предо мной тотъ скромный образъ часто
Встаетъ, хотя десятки лѣтъ прошли!
Все помню я: бесѣды эти, споры,
Что̀ въ уголкѣ убогомъ мы вели.

О, какъ бы мнѣ хотѣлось въ домъ проникнуть
Иль заглянуть хотя на мигъ въ окно!
Кто здѣсь живетъ? Что здѣсь сердца волнуетъ?..
Безмолвенъ домъ; какъ въ гробѣ, въ немъ темно.

И дальше я по улицѣ пустынной
Иду... Но все мнѣ кажется, что, вотъ,
За мной знакомый голосъ раздается
И въ старый домъ опять меня зоветъ...

---

*
* *

Онъ въ бѣломъ гробикѣ своемъ
Лежалъ, усыпанный цвѣтами.
Деревья тихо подъ окномъ
Качали темными вѣтвями.

На крѣпко сомкнутыхъ устахъ
Улыбка кроткая застыла,
И что-то радостное было
Въ его младенческихъ чертахъ.

Казалось, спалъ онъ,—и видѣній
Къ нему нисходитъ свѣтлый рой,
А не сразилъ своей косой
Ребенка мрачный смерти геній.

Съ глазами красными отъ слезъ,
Блѣдна, исполнена печали,
Склонилась мать надъ нимъ. Вопросъ
Уста дрожащія шептали:

«Зачѣмъ родился ты на свѣтъ,
Когда лишь ранняя могила
Тебя ждала? Какая сила
Въ ночь превратила твой разсвѣтъ?»

Напрасно! На вопросы наши
Не дастъ отвѣта рокъ: онъ нѣмъ.
Но лучше, вѣрь мнѣ, лучше тѣмъ,
Кто лишь коснулся жизни чаши.

Счастливъ, заснувшій безпробудно,
Младенецъ твой! Не спроситъ онъ,
Изнемогая въ битвѣ трудной,
Путемъ тернистымъ изъязвленъ:
«Зачѣмъ на свѣтъ я былъ рожденъ?»

---

*
* *

Блаженны вы, кому дано
Посѣять въ юныя сердца
Любви и истины зерно!
Свершайте жъ честно до конца
Свой подвигъ трудный и благой—
И нѣтъ награды выше той,
Что̀ васъ за этотъ подвигъ ждетъ!
Роскошный цвѣтъ, обильный плодъ
При жизни вашей принесетъ
Добро, посѣянное вами.
Когда жъ пробьетъ прощальный часъ,
Съ благоговѣньемъ и слезами
Опустятъ въ землю юность васъ.

Но горе вамъ, коль захотите
Умы вы ложью омрачить!
Позора вы не избѣжите,
Пятна вамъ съ совѣсти не смыть!
Кто жаждетъ знанья, жаждетъ свѣта,
Тѣмъ не ужиться долго съ тьмой.
Придетъ пора, спадетъ долой
Съ ихъ глазъ повязка, что́ надѣта
Была предательской рукой!
Оковы рабства, бездну зла,
Къ которой ваша ложь вела,
Увидѣвъ, юность содрогнется,
Полна и скорби, и стыда;
Отъ лжеучителей тогда
Она съ проклятьемъ отшатнется,
И имена ихъ презирать
Своихъ дѣтей научитъ мать!

Мнѣ одному, этой поздней порою,
Сонъ не смежаетъ тяжелыхъ рѣсницъ.
Прошлаго тѣни встаютъ предо мною,
Много знакомыхъ мнѣ вспомнилось лицъ.

Вспомнились тѣ, что когда-то такъ смѣло
Вышли на битву съ неправдой и зломъ,
Дѣлу благому отдавшись всецѣло,
Передъ толпой не склоняясь челомъ;

Тѣ, что, отвергнувъ всѣ блага мірскія,
Честную имъ нищету предпочли;
Въ комъ ни обманъ, ни гоненья людскія
Вѣры въ добро умертвить не могли.

Гдѣ-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Намъ прозвучитъ въ эту темную ночь...
Пусть оно силу на подвигъ суровый
Дастъ намъ, готовымъ въ борьбѣ изнемочь.

Зовъ нашъ услышьте средь тьмы безпроглядной!
Нуженъ усталымъ вашъ братскій привѣтъ...
Гаснетъ ихъ вѣра... Увидѣть отрадный
Взоры не чаютъ разсвѣтъ!

27-го СЕНТЯБРЯ 1883 г.

(НА СМЕРТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА)

«Вотъ благородное угасло сердце...»
Гамлетъ.

Своей мы гордостью и славой
Тебя недаромъ признаемъ:
За человѣческое право
Являлся честнымъ ты бойцомъ.

Когда, исполненный смиренья,
Народъ нашъ въ рабствѣ изнывалъ,—

Великій день освобожденья
Къ нему ты страстно призывалъ.

Корыстныхъ, суетныхъ, безпечныхъ
Твой голосъ смѣлый устыдилъ...
Любить — въ глубоко-человѣчныхъ
Своихъ созданьяхъ ты училъ.

На скорбь людскую и страданья
Ты находилъ въ душѣ отвѣтъ;
Ты мысль будить, будить сознанье
Не уставалъ на склонѣ лѣтъ.

На склонѣ лѣтъ огонь священный
Въ груди ты все еще таилъ
И насъ, художникъ вдохновенный,
Красою образовъ дивилъ!

И нѣтъ тебя!.. Недуга злого
Ты жертвой гасъ въ странѣ чужой...
Но до прощанья рокового
Все сердцемъ рвался въ край родной.

Его любилъ ты безконечно,
Какъ тотъ—другъ юныхъ дней твоихъ—
Знаменоносецъ правды вѣчной
И мыслей сѣятель благихъ,

Кого такъ рано смерть сразила,
Но чья пророческая рѣчь
Ужъ славы лучъ тебѣ сулила,
И съ кѣмъ желалъ ты рядомъ лечь.

И, вотъ, со всѣхъ концовъ прощальный
Тебѣ привѣтъ отчизна шлетъ,
И много въ этотъ день печальный
Слезъ о тебѣ она прольетъ...

«Да, человѣкъ онъ былъ!»—словами
Поэта скажетъ край родной,
Съ благоговѣніемъ цвѣтами
Вѣнчая холмъ могильный твой.

1-е ЯНВАРЯ 1884 г.

Всѣмъ, трудящимся на благо
Стороны своей родной;
Всѣмъ, ее ведущимъ къ свѣту,
И безтрепетной рукой
Высоко несущимъ знамя
Правды вѣчной и святой;
Всѣмъ, кто избралъ подвигъ трудный
И не ждетъ себѣ вѣнца,
Пожелаемъ нынче, братья,
Чтобъ остались до конца
Вѣрны чистымъ идеаламъ,
Въ битвѣ жизни, ихъ сердца!
Пожелаемъ, чтобъ не меркнулъ
Правды лучъ въ краю родномъ,
Чтобъ волной широкой знанье
Разлилось повсюду въ немъ,
И чтобъ мира кроткій геній
Осѣнилъ его крыломъ!

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА.

«Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей размыкать наше горе,
Разсѣять русскую печаль!»
Некрасовъ.

«Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ»
Некрасовъ.

Подъ небомъ южной стороны
Онъ вспоминалъ свой Сѣверъ дальній,
И яркій блескъ ея весны
Души не радовалъ печальной.

Въ тотъ часъ, какъ лучъ вечерній гасъ
Въ волнахъ лазурнаго залива,
Бродилъ, быть-можетъ, онъ не разъ
Одинъ, угрюмый, молчаливый.

Онъ слушалъ, въ думу погруженъ,
Густыхъ и темныхъ миртовъ шопотъ,
Вечерній колокола звонъ,
Волны сверкавшей плескъ и ропотъ.

И край иной предъ нимъ вставалъ,
Съ его просторомъ и снѣгами...
Тамъ буйный вѣтеръ тучи гналъ
Надъ безконечными степями...

И средь пустыни снѣговой
Лачужки темныя мелькали,
Гдѣ трудъ боролся съ нищетой,
Гдѣ люди радостей не знали...

Тогда странѣ своей родной,
Тоски исполненъ безысходной,
Слагалъ онъ пѣснь — и въ пѣснѣ той
Поэтъ о скорби пѣлъ народной,

Пѣлъ о желанныхъ, лучшихъ дняхъ.
Народа прозрѣвая силы...
И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ
Къ неправдѣ ненависть будила...

Онъ смолкъ... Его не слышать намъ...
Но въ пѣсняхъ, полныхъ вдохновенья,
Онъ юнымъ завѣщалъ пѣвцамъ
Народу честное служенье!

---

* * *

Ты жаждалъ правды, жаждалъ свѣта,
Любовью къ ближнему согрѣта
Всегда была душа твоя.

Не суету и наслажденье—
Добру высокое служенье
Считалъ ты цѣлью бытія.

И, провозвѣстникъ жизни новой,
На подвигъ трудный и суровый
Ты съ юныхъ дней себя обрекъ...

Съ горячей вѣрой, съ сердцемъ чистымъ,
Ты бодро шелъ путемъ тернистымъ,
Тщеславныхъ помысловъ далекъ.

Давно ужъ нѣтъ тебя межъ нами,
Но надъ правдивыми сердцами
Еще ты властвуешь досель.

И, духомъ падшихъ ободряя,
Горитъ звѣздой въ ночи—благая,
Тобой указанная цѣль!

---

* * *

Безъ надеждъ и ожиданій
Мы встрѣчали новый годъ.
Знаемъ мы: людскихъ страданій
Онъ, какъ прежде, не уйметъ,
И не лучше будетъ житься
Людямъ съ честною душой,—
Всѣмъ, кто съ ложью не мирится,
Не мирится съ зломъ и тьмой;
Знаемъ мы: толпа Ваалу

Будетъ также все кадить,
Также будетъ рокъ къ нахалу
И глупцу благоволить!
Хоть и вѣримъ мы глубоко
Въ силу мощную добра,
Но, увы: еще далёко
Торжества его пора!

Безъ надеждъ и ликованій
Мы встрѣчали новый годъ:
Человѣческихъ страданій
Онъ, какъ прежде, не уйметъ.
Но, поднявъ свои бокалы,
Пожелаемъ лишь, чтобъ тотъ,
Кто стремленье къ идеалу
Въ сердцѣ чистомъ бережетъ,
Не утратилъ духа силы
Средь житейскихъ бурь и грозъ;
Свѣточъ свой чтобъ до могилы
Не угаснувшій донесъ,
И чтобъ онъ съ своей суровой
Долей тѣмъ былъ примиренъ,
Что, страдая, жизни новой
Воздвигаетъ зданье онъ.

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»
Пушкинъ.

«Пока надеждою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы».
Пушкинъ.

Мы чтить тебя привыкли съ дѣтскихъ лѣтъ,
И дорогъ намъ твой образъ благородный.
Ты рано смолкъ, но въ памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэтъ!

Безсмертенъ тотъ, чья муза до конца
Добру и красотѣ не измѣняла;
Кто волновать умѣлъ людей сердца
И въ нихъ будить стремленье къ идеалу;

Кто сердцемъ чистъ, средь пошлости людской,
Средь лжи, кто вѣренъ правдѣ оставался,
И кто берегъ ревниво свѣточъ свой,
Когда на міръ унылый мракъ спускался.

И все еще горитъ намъ свѣточъ тотъ,
Все геній твой пути намъ освѣщаетъ;
Чтобъ духомъ мы не пали средь невзгодъ,—
О красотѣ и правдѣ онъ вѣщаетъ.

Всѣ лучшіе порывы посвятить
Отчизнѣ ты зовешь насъ изъ могилы;
Въ продажный вѣкъ, вѣкъ лжи и грубой силы
Зовешь добру и истинѣ служить.

Вотъ почему, возлюбленный поэтъ,
Такъ дорогъ намъ твой образъ благородный,
Вотъ почему неизгладимый слѣдъ
Тобой оставленъ въ памяти народной!

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

(посвящается п. н. о—му).

Намъ звѣзды кроткія сіяли,
Чуть вѣялъ теплый вѣтерокъ,
Кругомъ цвѣты благоухали,
И волны ласково журчали
У нашихъ ногъ.

Мы были юны, мы любили,
И съ вѣрой вдаль смотрѣли мы;

Въ насъ грёзы радужныя жили,
И намъ не страшны вьюги были
Сѣдой зимы.

Гдѣжъ эти ночи съ ихъ сіяньемъ,
Съ благоухающей красой
И волнъ таинственнымъ роптаньемъ?
Надеждъ, восторженныхъ мечтаній
Гдѣ свѣтлый рой?

Померкли звѣзды, и уныло
Поникли блёклые цвѣты...
Когда жъ, о, сердце, все, что было,
Что намъ весна съ тобой дарила—
Забудешь ты?

КЪ ПОРТРЕТУ ПѢВИЦЫ.

(экспромтъ).

Своей чарующей улыбкой
И серебристымъ голоскомъ
Ты заставляешь биться шибко
Сердецъ немало. Все кругомъ
Тебѣ съ восторгомъ рукоплещетъ...
И яркой звѣздочкою блещетъ
Въ столицѣ Невской твой талантъ.
Цѣнитель музыки серьезной,
Художникъ, критикъ, диллетантъ—
Всѣ безъ ума отъ граціозной,
Отъ поэтической Ванъ-Зандтъ!

1885 г.

УПРЕКЪ.

(романсъ).

Томимый горемъ и тоскою,
Изнемогающій въ борьбѣ,
Послать хотѣлъ бы я порою
Упрекъ язвительный тебѣ

За то, что жизнь мнѣ отравила,
Что вѣру въ счастье и людей
Ты, безпощадная, убила
Въ душѣ измученной моей;

За то, что сгибли дорогія,
Восторга полныя, мечты
И всѣ надежды молодыя,—
Какъ бурей смятые цвѣты.

Но, нѣтъ! Хоть горько мнѣ и больно,
Лишь вспомню я твой свѣтлый взоръ, —
И на устахъ замретъ невольно
Готовый вырваться укоръ!

Стихотвореніе это передано сыну поэта, Александру Алексѣевичу Плещееву, покойнымъ артистомъ Н. Ѳ. Сазоновымъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Г. РУБИНШТЕЙНУ.

Могучіе, чарующіе звуки!
Блаженъ, внимавшій имъ: онъ сохранитъ
Въ душѣ своей навѣкъ воспоминанье
О тѣхъ часахъ священнаго восторга,
Которые художникъ вдохновенный
Ему дарилъ. Блаженъ, блаженъ стократъ!
Но и твоя завидна также доля:
Людскихъ сердецъ ты—мощный властелинъ;
Тебѣ дано отъ Неба въ даръ будить

Высокія и чистыя стремленья,
Усталыхъ душъ печали врачевать
И съ жизнью примирять ожесточенныхъ...
Вотъ почему всѣ шлютъ тебѣ привѣтъ,
И слышатся со всѣхъ сторонъ желанья,
Чтобъ геній твой еще плѣнялъ насъ долго,
Перенося въ міръ идеальныхъ грёзъ,
И чаще бъ намъ давалъ извѣдать сладость
Святыхъ восторга слезъ!

1886.

---

* * *

За васъ, правдивыя и чистыя сердца,
Чья жизнь — упорный бой во имя идеала,
Въ комъ голосъ истины корысть не заглушала,
Златого никогда не чтившіе тельца;
За васъ, кто, возлюбивъ всѣмъ сердцемъ свой народъ
И родину свою, себя имъ на служенье
Обрекъ и, радости исполненный, идетъ
Путемъ суроваго труда и отреченья,
Провозглашаю тостъ я въ этотъ новый годъ!

И въ память тѣхъ борцовъ, похищенныхъ могилой,
Кто насъ служить добру и правдѣ призывалъ,
Чье слово мысль въ умахъ, въ сердцахъ любовь будило,—
Я подымаю свой наполненный бокалъ.
Миръ праху ихъ! Они здѣсь жили не безплодно,
И свѣточъ, что зажгли ихъ честные умы,
Насъ ободрялъ не разъ, среди глубокой тьмы
Сіяя намъ звѣздою путеводной...

НА ЗАКАТѢ.

(посвящается Серафимѣ Александровнѣ Пагануцци).

Среди гнетущихъ умъ сомнѣній,
Порой въ безмолвіи ночей,
Передо мною ваши тѣни
Встаютъ, друзья весны моей,—
Друзья, дѣлившіе со мною
Восторговъ юношескихъ пылъ,
Борцы съ отважною душою,
Которыхъ рокъ не пощадилъ!
И на меня, полны печали,
Глядятъ, кивая головой,
И будто молвятъ: «Не пора ли,
Товарищъ старый на покой?
Чего ты ждешь? Твои кумиры
Лежатъ повержены во прахъ;
На звукъ твоей забытой лиры
Отвѣта нѣтъ въ людскихъ сердцахъ!
Взгляни вокругъ себя: служенье
Инымъ свершается богамъ;
Иныя слышны пѣснопѣнья,
И опустѣлъ нашъ старый храмъ.
Все, что для насъ такъ было свято,
Толпа глумленью предаетъ;
Ты ей смѣшонъ, какъ былъ когда-то
Смѣшонъ несчастный Донъ-Кихотъ.
Не вѣрятъ въ наши идеалы
Тѣ, что тельца златого чтутъ...
Сойди жъ, ненужный и усталый,
Скорѣй въ безмолвный нашъ пріютъ!
Тебя забвенья тихій геній
Своимъ крыломъ тамъ осѣнитъ,
Тамъ вѣчный сонъ, безъ сновидѣній,
Глаза усталому смежитъ!»

---

* * *

Какъ часто образъ дорогой
Встаетъ въ ночи передо мною,
Съ своей улыбкой молодой,
Съ своей задумчивой красою.
И вновь я вижу этотъ взоръ,—
Взоръ полный ласки и привѣта...
Больное сердце съ давнихъ поръ
Его лучами не согрѣто!
Но тщетно къ призраку съ мольбой
Свои я простираю руки,
Взываю тщетно я: «Постой!
Изныла грудь моя отъ муки...»
Безмолвно онъ уходитъ прочь,
И остаюсь одинъ я снова,
Съ своей тоской... и только ночь
Глядитъ въ окно мое сурово...

НА ПОХОРОНАХЪ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

Чиста, какъ снѣгъ на горныхъ высотàхъ,
И кротости исполнена безмѣрной
Была душа твоя, почившій братъ.
Незлòбивъ былъ, какъ голубь, ты; вражды
И зависти твое не знало сердце.
Любви и всепрощенія родникъ,
Неизсякаемый, въ груди твоей таился.
Любовью всѣ твои созданья дышатъ,
Глубокою любовью къ человѣку...
Не отвергалъ съ презрѣньемъ падшихъ ты,
Но пробуждалъ къ нимъ въ ближнихъ состраданье;
Вотъ почему всѣ честныя сердца
Ты влекъ къ себѣ съ неотразимой силой!
Немного тѣхъ, кто чистоту души
Умѣлъ сберечь средь мутныхъ волнъ житейскихъ,

Какъ ты сберегъ,—и въ комъ не въ силахъ были
Онѣ любви свѣтильникъ потушить...
Спи мирно, братъ нашъ милый!.. Долго будетъ
Въ сердцахъ людскихъ жить свѣтлый образъ твой...
О, если бы могли, хотя на мигъ,
Твои открыться вѣжды!.. Въ нашихъ взорахъ
Прочелъ бы ты, какою безпредѣльной,
Великой скорбью душу наполняетъ
Намъ мысль, что ты навѣкъ отъ насъ ушелъ!

26-го марта 1888 года.

АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ.

Цвѣтущій, мирный уголокъ,
Гдѣ отдыхалъ я отъ тревогъ
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь въ нее опять,
Судьбы велѣніямъ послушный.
Отрадно будетъ мнѣ мечтой
Перенестись сюда порой,—
Перенестись къ семьѣ радушной,
Гдѣ теплый дружескій привѣтъ
Нежданно встрѣтилъ я, гдѣ нѣтъ
Ни свѣтской чопорности скучной,
Ни картъ, ни пошлой болтовни,
Съ пустою жизнью неразлучной;
Но гдѣ въ трудахъ проходятъ дни,
И чистый, безкорыстный трудъ,
На благо края своего,
Цѣнить умѣетъ темный людъ,
Платя любовью за него...
Не разъ мечта перенесетъ
Меня въ уютный домикъ тотъ,
Гдѣ вечеромъ, подъ звукъ рояли,
Въ душѣ усталой оживали
Волненья давнихъ, прошлыхъ дней
Весны умчавшейся моей—

Ея восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привѣтъ,
Которымъ былъ я здѣсь согрѣтъ!
Спасибо вамъ! И если снова
Не встрѣчусь съ вами въ жизни я,
То помяните добрымъ словомъ
Въ бесѣдѣ дружеской меня.

Усадьба «Лука» 1888 г., 6-го іюня.

Стихотвореніе это, не бывшее въ печати, найдено въ бумагахъ поэта.

---

* * *

(ПОСВЯЩАЕТСЯ П. И. ВЕЙНБЕРГУ)

Такъ тяжело, такъ горько мнѣ и больно,
Такъ много мукъ въ душѣ затаено,
Что мнѣ сказать ужъ хочется давно
Всему, что жизнью мы зовемъ: «Довольно!»

Грядущее сулитъ лишь рядъ мученій,
Нужду, недугъ, заботы безъ конца;
Не сгонитъ тѣнь съ печальнаго лица
Своимъ крыломъ надежды свѣтлый геній!

О, если бы хоть мысль, что не безплодно
Растраченъ былъ запасъ духовныхъ силъ,—
Что никогда я съ тѣмъ, чего не чтилъ,
Не примирялся, гордый и свободный!

Но, нѣтъ! Раба безсилье наложило
Свою печать на всѣ мои дѣла,
И лишь одно сознанье, что прошла
Безслѣдно жизнь, я унесу въ могилу...

---

* * *

Это пламенное солнце,
Солнце южной стороны;
Это море голубое,
Вѣчный шумъ его волны;
Эти пальмы, эти розы,
Этихъ виллъ красивыхъ рядъ,

Чтò съ высотъ своихъ на море
Такъ привѣтливо глядятъ,—
Все-то здѣсь чаруетъ взоры
Безконечной красотой,
И царитъ она всевластно
Надъ изнѣженной толпой...

Но ликующей природѣ
Не разсѣять мрачныхъ думъ,
Отравляющихъ печалью
Сердце мнѣ, гнетущихъ умъ:
Въ плескѣ волнъ и въ шумѣ листьевъ,
Въ пѣснѣ вѣтра въ часъ ночной
Слышу плачъ я о невзгодѣ
Стороны моей родной!..

Ницца. Ноябрь, 1891 г.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНIЕ

Какъ въ дни ненастья солнца лучъ,
Блеснувъ внезапно изъ-за тучъ,
Все оживляетъ на мгновенье,—
Такъ милый, добрый вашъ привѣтъ
И мнѣ суровыхъ жизни бѣдъ
Даетъ минутное забвенье.

На этотъ образъ молодой,
Съ его блистающей красой,
Любуюсь я. И въ сердцѣ снова
Воскресли грёзы прежнихъ дней
Погибшей юности моей,
Волненья счастья прожитòва...

Внимая ласковымъ словамъ,
Я говорю спасибо вамъ
За этотъ лучъ среди ненастья.
Онъ дорогъ мнѣ...

(Стихотвореніе осталось неоконченнымъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Подъ окномъ чулокъ старушка
Вяжетъ въ комнаткѣ уютной
И въ очки свои большія
Смотритъ въ уголъ поминутно.

А въ углу кудрявый мальчикъ
Молча къ стѣнкѣ прислонился:
На лицѣ его забота,
Взглядъ на что-то устремился.

«Что сидишь все дома, внучекъ?
Шелъ бы въ садъ, копалъ бы грядки,
Или кликнулъ бы сестренку,
Поигралъ бы съ ней въ лошадки.

«Кабы силы да здоровье,
И сама бы съ вами, дѣтки,
Побрела я на лужайку;
Дни такіе стали рѣдки.

«Ужъ трава желтѣетъ въ полѣ,
Листья падаютъ сухіе;
Скоро птички-щебетуньи
Улетятъ въ края чужіе!

«Присмирѣлъ ты что-то, Ваня,
Все стоишь, сложивши ручки...
Посмотри, какъ свѣтитъ солнце:
Ни одной на небѣ тучки!

«Что за тишь! Не клонитъ вѣтеръ
Ни былинки, ни цвѣточка.
Не дождешься ты такого
Благодатнаго денечка!»

Подошелъ къ старушкѣ внучекъ
И головкою курчавой
Къ ней припалъ; глаза большіе
На нее глядятъ лукаво...

«Знать, гостинцу захотѣлось?
Винныхъ ягодъ, винограда?
Ну, поди, возьми въ комодѣ».
— «Нѣтъ, гостинца мнѣ не надо!»

«Ужъ чего-нибудь да хочешь...
Или, можетъ, напроказилъ?
Можетъ, самъ, когда спала я,
Ты въ комодъ безъ спросу лазилъ?

Можетъ, вытащилъ закладку
Ты изъ святцевъ для потѣхи?
Ну, постой же... За проказы
Будетъ внучку на орѣхи!»

— «Нѣтъ, въ комодъ я твой не лазилъ,
Не таскалъ твоей закладки».
«Такъ, пожалуй, не задулъ ли
Передъ образомъ лампадки?»

— «Нѣтъ, бабуся, не шалилъ я;
А вчера, меня цѣлуя,
Ты сказала: «Будешь умникъ—
Все тогда тебѣ куплю я...»

«Ишь вѣдь память-то какая!
Что жъ купить тебѣ? лошадку,
Оловянную посуду,
Или грабли да лопатку?»

— «Нѣтъ! Ужъ ты мнѣ покупала
И лошадку, и посуду.
Сумку мнѣ купи, бабуся:
Въ школу съ ней ходить я буду».

«Ай-да Ваня! Хочетъ въ школу,
За букварь да за указку!
Гдѣ тебѣ! Садись-ка лучше,
Разскажу тебѣ я сказку...»

— «Ужъ и такъ мнѣ сказокъ много
Ты, бабуся, говорила!
Если знаешь, разскажи мнѣ
Лучше то, что̀ вправду было.

«Шелъ вчера я мимо школы.
Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ разсказывалъ учитель,
Долго слушалъ у окна я.

«Слушалъ я — какія земли
Есть за дальними морями;
Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣрями...

«Онъ разсказывалъ: гдѣ жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бываютъ грозы;

«И еще — какъ люди жили
Прежде насъ и чѣмъ питались;
Какъ они не знали Бога
И болванамъ поклонялись.

«Рисовали тоже дѣти;
Много я глядѣлъ тетрадокъ.
Кто глаза, кто носъ выводитъ,
А кто домикъ да лошадокъ.

«А какъ кончилось ученье,
Стали хоромъ пѣть. Въ окошко
И меня втащилъ учитель,
Говоритъ: «Пой съ нами, крошка!

«Да проси, чтобъ присылали
Въ школу къ намъ тебя родные.
Всѣ вы скажете спасибо
Ей, какъ будете большіе!»

«Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцѣлую
И какихъ тебѣ картинокъ
Распрекрасныхъ нарисую!»

И впились въ лицо старушки
Глазки бойкіе ребенка,
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.

На глазахъ старушки слезы:
«Это—Божіе внушенье!
Будь по-твоему, голубчикъ;
Знаю я, что свѣтъ—ученье.

«Бѣгай въ школу, Ваня; только
Спеси тамъ не набирайся;
Какъ обучишься наукамъ,
Темнымъ людомъ не гнушайся!»

Чуть со стула рѣзвый мальчикъ
Не стащилъ ее. Пустился
Вонъ изъ комнаты и мигомъ
Ужъ въ саду онъ очутился.

И ужъ русая головка
Въ темной зелени мелькаетъ...
А старушка то смѣется,
То слезинку утираетъ.

ЗАВТРА.

СЦЕНКА ИЗЪ ВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ ЛАРІОНОВУ).

Подъ окошкомъ смуглый мальчикъ,
Пригорюнившись, сидитъ;
Передъ нимъ раскрыта книжка,
Но въ нее онъ не глядитъ.

Тихо въ комнаткѣ... Лишь слышенъ
Ровный маятника стукъ,
Да мурлычитъ разжирѣвшій
Котъ, взобравшись на сундукъ.

Мать пошла къ сосѣдкѣ въ гости
Посидѣть часокъ-другой;
Прикурнула няня, къ печкѣ
Прислонившись головой.

И упалъ съ колѣнъ старушки
Недовязанный чулокъ...
Вотъ закрылъ букварь малютка:
Знать, нейдетъ на умъ урокъ.

Что̀ мудренаго! Въ окошко
Смотритъ солнышко съ небесъ;
Манитъ вдаль, въ поля и рощи,
Ихъ лазоревый навѣсъ!

Славно въ полѣ! Тамъ бумажный
Вьется змѣй подъ небеса,

13*

И товарищей веселыхъ
Раздаются голоса.

Ужъ какое тутъ ученье!
Развѣ тутъ до букварей?
Въ головѣ одна забота —
Какъ бы въ поле поскорѣй!

И не выдержало сердце
Грамотея моего!
Онъ вскочилъ... Блестятъ глазенки
Нетерпѣньемъ у него.

Подойдя съ боязнью къ нянѣ,
Заглянулъ онъ ей въ лицо:
«Спитъ!» — сказалъ и осторожно,
Тихо вышелъ на крыльцо.

На дворѣ собаку Жучку
Отъ конурки отвязавъ,
За ворота шалунишка
Съ нею бросился стремглавъ.

Миновалъ онъ огороды
И сосѣдніе сады...
Вотъ и поле! Мальчикъ думалъ:
«Завтра выучу склады!»

Няня старая проснулась;
Изъ гостей вернулась мать.
«Гдѣ же Вася? Ахъ, лѣнивецъ!
Ужъ опять успѣлъ удрать!

«Погоди же — на орѣхи
Я задамъ тебѣ потомъ:
Съ утра до ночи ты завтра
Просидишь за букваремъ!»

Няня старая вступилась
За любимца своего,

Хоть и знала, что не будетъ
Мальчугану ничего,—

Что тогда лишь, какъ ребенка
Нѣту здѣсь, сурова мать...
«Посмотри-ка—на дворѣ-то
Нынче что̀ за благодать!

«Пусть побѣгаетъ на волѣ:
Малъ, глупенекъ паренекъ;
Подрастетъ—тогда не станетъ
Докучать ему урокъ;

«Въ толкъ возьметъ, небось, что нынче
Людямъ грамота нужна;
А теперь пока милѣе
Букварей ему весна!»

Поздно вечеромъ вернулись
Вася съ Жучкой. На крыльцѣ
Мать сидѣла, сокрушаясь
О пропавшемъ бѣглецѣ.

Вотъ вбѣжалъ онъ, запыха̀вшись,
На колѣни къ ней вскочилъ,
«Посмотри,—вскричалъ онъ,—мама,
Что̀ жуковъ я наловилъ!»

Глазки радостью свѣтились,
И пунцовый, какъ піонъ,
Хохоча, жуковъ на волю
Выпускалъ изъ шапки онъ.

Разноцвѣтный на головкѣ
У него вѣнокъ пестрѣлъ;
Тотъ вѣнокъ схватилъ онъ быстро
И на мать свою надѣлъ.

Замеръ выговоръ невольно
На устахъ ея. Она

Говоритъ себѣ: «Ужъ завтра
Распеку я шалуна!

«А сегодня расцѣлую...»
И цѣлуетъ безъ конца,
И свести не можетъ взора
Съ загорѣлаго лица...

А старушка-няня смотритъ
Въ дверь, съ сіяющимъ лицомъ,
И грозитъ, смѣясь лукаво,
Мальчугану букваремъ!

СТАРИКЪ.

У лѣсной опушки домикъ небольшой
Посѣщалъ я часто прошлою весной.

Въ томъ домишкѣ бѣдномъ жилъ сѣдой лѣсникъ.
Памятенъ мнѣ долго будешь ты, старикъ.

Какъ приходу гостя радовался ты!
Вижу, какъ теперь, я добрыя черты;

Вижу я улыбку на лицѣ твоемъ—
И морщинкамъ мелкимъ нѣтъ числа на немъ!

Вижу армячишко рваный на плечахъ,
Шапку на затылкѣ, трубочку въ зубахъ;

Помню смѣхъ твой тихій, взглядъ потухшихъ глазъ,
О житьѣ минувшемъ сбивчивый разсказъ...

По лѣсу бродили часто мы вдвоемъ;
Старику тамъ каждый кустикъ былъ знакомъ.

Зналъ онъ, гдѣ какая птичка гнѣзда вьетъ,
Просѣки, тропинки зналъ наперечетъ.

А какой охотникъ былъ до соловьевъ!
Всю-то ночь, казалось, слушать онъ готовъ,

Какъ въ зеленой чащѣ пѣсни ихъ звучатъ. .
И еще любилъ онъ маленькихъ ребятъ.

На своемъ крылечкѣ сидя, каждый день
Ждетъ, бывало, дѣтокъ онъ изъ деревень.

Много ихъ сбѣгалось къ дѣду вечеркомъ;
Щебетали, словно птички передъ сномъ:

«Дѣдушка, голубчикъ, сдѣлай мнѣ свистокъ!»
«Дѣдушка, найди мнѣ бѣленькій грибокъ!»

«Ты хотѣлъ мнѣ нынче сказку разсказать!»
«Посулилъ ты бѣлку, дѣдушка, поймать!»

— «Ладно, ладно, дѣтки, дайте только срокъ,
Будетъ вамъ и бѣлка, будетъ и свистокъ!»

И, смѣясь, рукою дряхлой гладилъ онъ
Дѣтскія головки, бѣлыя, какъ ленъ...

Ждалъ поры весенней съ нетерпѣньемъ я,—
Думалъ: вотъ пріѣду снова въ тѣ края

И отправлюсь къ другу старому скорѣй.
Онъ навстрѣчу выйдетъ съ трубочкой своей

И начнетъ о сельскихъ новостяхъ болтать.
По лѣсу бродить съ нимъ будемъ мы опять,

Слушая, какъ въ чащѣ свищутъ соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Какъ съ деревьевъ падать началъ листъ сухой,
Смерть подкралась къ дѣду тихою стопой.

Одинокъ, угасъ онъ въ домикѣ своемъ,
И горюютъ дѣтки больше всѣхъ по немъ.

Кто поймаетъ бѣлку, сдѣлаетъ свистокъ?..
Долго будетъ милъ имъ добрый старичокъ.

И гдѣ спитъ теперь онъ непробуднымъ сномъ.
Часто голоса ихъ слышны вечеркомъ...

БЫЛОЕ.

1.

Картины далекаго дѣтства
Порой предо мною встаютъ—
И вижу опять я знакомый,
Весь въ бѣлыхъ кувшинчикахъ, прудъ.
Вокругъ него темная чаща,
Гдѣ сотни звучатъ голосовъ;
И узкая вьется тропинка
Къ нему между цѣпкихъ кустовъ...
То былъ уголокъ мой любимый
Въ запущенномъ старомъ саду.
Сюда съ своей дѣтскою думой,
Бывало, всегда я иду.
Подъ сѣнь этихъ дубовъ могучихъ
И трепетныхъ бѣлыхъ березъ
Я дѣтскую радость и слезы,
Въ груди накипѣвшія, несъ;
И ласково такъ ихъ вершины,
Казалось, въ отвѣтъ мнѣ шумятъ,
Что, слушая ихъ, я какимъ-то
Былъ сладостнымъ чувствомъ объятъ...

2.

И «дѣтскую» нашу я вижу...
Въ углу съ образами кіотъ,
Лампада предъ ними; сіянье
Вокругъ она тихое льетъ...

Давно меня спать уложили,
Но я все не сплю--и очей
Свести не могу любопытныхъ
Съ молящейся няни моей.
Крестясь и вздыхая, старушка
Кладетъ за поклономъ поклонъ...
И много она называла
Мнѣ близкихъ и милыхъ именъ.
Вотъ, стала она на колѣни;
Лицо ея мокро отъ слезъ.
«О чемъ она плачетъ?»—невольно
Во мнѣ шевелится вопросъ.
«Прости мнѣ мои прегрѣшенья!»—
Дрожащія шепчутъ уста...
А я себѣ думаю: «чѣмъ же
Она прогнѣвила Христа?»

3.

А вотъ и другая картина:
Морозная ночь и луна;
Равнина, покрытая снѣгомъ;
Нѣмая вокругъ тишина...
По гладкой, какъ скатерть, дорогѣ
Мы ѣдемъ въ кибиткѣ съ отцомъ:
Надолго, быть можетъ навѣки,
Съ роднымъ разстаюсь я гнѣздомъ...
Звенитъ подъ дугой колокольчикъ,
Полозья кибитки скрипятъ,
И ноетъ, болитъ мое сердце,
И слезы туманятъ мой взглядъ
При мысли, что здѣсь ужъ не встрѣчу
Поры я любимой своей,—
Поры, когда выступитъ травка,
Журча, засверкаетъ ручей;
Что я не услышу ни шума
Знакомыхъ березъ и дубовъ,
Ни дышащихъ теплой любовью
И ласкою нянинныхъ словъ...

НЕНАСТЬЕ.

(КАРТИНКА).

Пріуныли дѣтки; молча
На окнѣ они сидятъ...
Обѣщала накануне
Отпустить ихъ мама въ садъ.

Разбудить себя просили
Няню всѣ они чѣмъ свѣтъ:
Тачку, грабли и лопату
Подарилъ имъ старый дѣдъ —

И съ внучатами хотѣлъ онъ
Грядки самъ прійти копать.
Дѣтокъ счастливыхъ насилу
Уложила няня спать.

И всю ночь малюткамъ снились
Солнце, зелень и цвѣты
И, копающаго грядки,
Дѣда добрыя черты...

Что же дѣтки пріуныли,
Не слыхать ихъ голосовъ?
Отчего печально въ окна
Всѣ глядятъ они безъ словъ?

Оттого, что небо тучи
Обложили все кругомъ;
Скрылось солнышко, деревья
Грустно мокнутъ подъ дождемъ;

Оттого, что смолкли птички
И отъ бури, въ свой пріютъ —
Въ чащу темную, забившись,
Не щебечутъ, не поютъ.

Вотъ и старый дѣдъ явился —
И къ любимцу своему
Дѣти бросились, желая
Горе высказать ему:

«Ну, какъ дождикъ вплоть до ночи
Будетъ, дѣдушка, идти?
Ну, какъ цѣлый день придется
Просидѣть намъ взаперти?»

— «Что вы! Мигомъ перестанетъ! —
Утѣшаетъ старичокъ, —
А пока садитесь, дѣтки,
Вотъ сюда, ко мнѣ, въ кружокъ,

«Да послушайте, какую
Разскажу я сказку вамъ...»
И обрадовались дѣтки,
И усѣлись по мѣстамъ.

Долго сказывалъ онъ сказки
Про лису, про колобокъ,
Да про квакушку-лягушку,
Да про мышкинъ теремокъ.

Жадно слушали малютки,
О ненастьѣ позабывъ;
Лишь одну онъ сказку кончитъ,
Всѣ кричатъ наперерывъ:

«Разскажи другую!» Дѣду
Становилось тяжело...
Но тогда ему на смѣну,
Къ счастью, солнышко пришло.

И негаданно-нежданно
Яркій блескъ его лучей
Озарилъ сѣдины дѣда,
Кудри мягкіе дѣтей.

Дѣдъ вскочилъ и, настежъ окна
Растворивъ, вскричалъ: «Ну, вотъ,
Говорилъ я вамъ, что мигомъ
Тучки вѣтеръ разнесетъ!

«Посмотрите-ка, какъ славно
Вспрыснулъ дождичекъ листву
И алмазами усыпалъ
Посвѣжѣвшую траву!

«Птички звонко распѣваютъ,
Рады солнечнымъ лучамъ,
И цвѣты свои головки
Поднимаютъ къ небесамъ.

«Ну, теперь лопатки, тачку
Забирайте, да и въ садъ!»
Нѣтъ предѣловъ восхищенью,
Крику, хохоту ребятъ...

Вотъ ужъ скачутъ, словно птички,
На сыромъ пескѣ аллей,
И летятъ въ лицо имъ брызги
Съ яркой зелени вѣтвей!

Вотъ ужъ пѣсенка ихъ въ чащѣ
Беззаботная слышна...
Какъ и птичкамъ, дѣтямъ нужны
Только солнце да весна!

«Дай-то Богъ, чтобь въ вашей жизни, —
Тихо молвилъ старичокъ,
Долгой радостью смѣнялись
Дни недолгіе тревогъ!

«Чтобъ вы такъ же незамѣтно
Пережить тѣ дни могли,
Какъ сегодня дождь и бурю,
Сказки слушая мои!»

МОЙ САДИКЪ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень,
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ,—

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ тѣнью правильныхъ аллей.

И весь день, въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.

НА БЕРЕГУ.

(картинка).

Домикъ надъ рѣкою,
Въ окнахъ огонекъ,—
Свѣтлой полосою
На̀ воду онъ легъ.

Въ домѣ не дождутся
Съ ловли рыбака:
Обѣщалъ вернуться
Черезъ два денька;

Но прошелъ и третій,—
А его все нѣтъ!
Ждутъ напрасно дѣти,
Ждетъ и старый дѣдъ.

Всѣхъ нетерпѣливѣй
Ждетъ его жена,
Ночи молчаливѣй
И, какъ холстъ, блѣдна...

Вотъ за ужинъ сѣли.
Ей не до ѣды:
«Какъ бы въ самомъ дѣлѣ
Не было бѣды!...»

Вдоль рѣки несется
Лодочка; на ней
Пѣсня раздается
Все слышнѣй, слышнѣй.

Звуки той знакомой
Пѣсни услыхавъ,
Дѣти вонъ изъ дому
Бросились стремглавъ.

Весело вскочила
Изъ-за прялки мать,
И у дѣда сила
Вдругъ нашлась бѣжать.

Пѣсню заглушаетъ
Звонкій крикъ ребятъ;
Тщетно унимаетъ
Старый дѣдъ внучатъ.

Вотъ и воротился,
Веселъ и здоровъ!..
Въ розсказни пустился
Тотчасъ про уловъ:

Въ мôрды онъ и въ сѣти
Наловилъ всего.
Съ любопытствомъ дѣти
Слушаютъ его.

Смотритъ дѣдъ на щуку:
«Больно велика!»
Мать сынишкѣ въ руку
Суетъ окунька.

Дѣвочка присѣла
Около сѣтей
И взяла несмѣло
Парочку ершей.

Прыгаютъ, смѣются
Дѣтки, если вдругъ
Рыбки встрепенутся,
Выскользнутъ изъ рукъ.

Долго раздавался
Смѣхъ ихъ надъ рѣкой;
Ими любовался
Мѣсяцъ золотой.

Ласково мерцали
Звѣзды съ вышины, —
Дѣтямъ обѣщали
Радостные сны.

———

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Хорошо вамъ, дѣтки,
Зимнимъ вечеркомъ:
Въ комнаткѣ уютной
Сѣли вы рядкомъ;

Пламя отъ камина
Освѣщаетъ васъ;
Слушаете жадно
Мамы вы разсказъ.

Радость, любопытство
На лицѣ у всѣхъ;
Часто прерываетъ
Маму звонкій смѣхъ.

Вотъ разсказъ оконченъ,
Всѣ пустились въ залъ...
«Поиграй намъ, мама», —
Кто-то пропищалъ.

— «Хоть ужъ девять било,
Отказать вамъ жаль...»
И послушно сѣла
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, пѣсни, хохотъ,
Визгъ и бѣготня!

Пусть гудитъ сердито
Вьюга подъ окномъ —
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздышкѣ своемъ!

Но не всѣмъ такое
Счастье Богъ даетъ:
Есть на свѣтѣ много
Бѣдныхъ и сиротъ.

У однихъ — могила
Рано мать взяла;
У другихъ — нѣтъ въ зиму
Теплаго угла.

Если приведется
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приголубьте ихъ.

ВЕСНА.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора мятелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно такъ въ груди
Стучитъ, какъ будто ждетъ чего-то, —
Какъ будто счастье впереди,
И унесла зима заботы!

Всѣ лица весело глядятъ.
«Весна!» — читаешь въ каждомъ взорѣ,
И тотъ, какъ празднику, ей радъ,
Чья жизнь — лишь тяжкій трудъ и горе.

Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье
Мнѣ говорятъ — кто больше всѣхъ
Природы любитъ обновленье!

ВЪ БУРЮ.

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, надъ колыбелью
Наклонясь, стояла.

А въ саду сердито
Выла буря злая,
Надъ окномъ деревья
Темныя качая.

И колючей вѣткой
Ель въ стекло стучала,
Какъ стучитъ порою
Путникъ запоздалый.

Дождь шумѣлъ; раскаты
Слышалися грома,
И гремѣлъ, казалось,
Онъ надъ крышей дома.

На малютку сына
Нѣжно мать глядѣла;
Колыбель качая,
Тихо пѣсню пѣла:

«Да уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлетъ
Сладко въ колыбели.

«Ты, гроза Господня,
Не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи
Черныя, сторонкой!

«Бурь еще немало
Впереди, быть-может,
И не разъ забота
Сонъ его встревожитъ.

«Спи, дитя, спокойно!..
Вотъ гроза стихаетъ...
Матери молитва
Сонъ твой охраняетъ.

«Завтра, какъ проснешься
И откроешь глазки,
Снова встрѣтишь солнце,
И любовь, и ласки!»

ИЗЪ ЖИЗНИ.

1.

Изъ школы дѣтки воротились.
Какъ разрумянилъ ихъ морозъ!
Вотъ, у крыльца, хвостомъ виляя,
Встрѣчаетъ ихъ лохматый песъ.

Они погладили Барбоску,
Онъ нѣжно ихъ лизнулъ въ лицо,
И съ звонкимъ хохотомъ взбѣжали
Малютки живо на крыльцо.

Стучатся въ двери; отворяетъ,
Съ улыбкой доброй, няня имъ:
«Пришли! Небось, ужъ захотѣлось
Покушать птенчикамъ моимъ!»

14*

Снимаетъ съ мальчика тулупчикъ
И шубку съ дѣвочки она.
Черты старушки просвѣтлѣли,
Любовь въ глазахъ ея видна.

И, чмокнувъ няню, ребятишки
Пустились въ комнаты бѣгомъ;
Трясется полъ подъ ихъ ногами,
Весь ожилъ старый, тихій домъ!

Отецъ угрюмъ; онъ въ кабинетѣ
Все что-то пишетъ. Въ спальнѣ мать
Лежитъ больная; мигомъ дѣти
Къ ней забралися на кровать.

Вотъ мальчикъ съ гордостью тетрадку,
Изъ сумки вынувъ, показалъ.
«Смотри-ка, мама, двѣ странички
Я безъ ошибокъ написалъ!»

— «А я сегодня рисовала, —
Сказала дѣвочка, — взгляни,
Какая сосенка густая,
А возлѣ кустики и пни!

«Вѣдь все сама я, право, мама:
Не поправлялъ учитель мнѣ...»
И мать недугъ свой забываетъ,
Внимаетъ дѣтской болтовнѣ.

Всталъ и отецъ изъ-за работы,
Звенящій слыша голосокъ.
— «Ну, что вы, крошки, хорошо ли
Сегодня знали свой урокъ?»

Спрыгнувъ съ кровати, въ перегонку
Бѣгутъ они обнять отца...
И грусть мгновенно исчезаетъ
Съ его усталаго лица.

И даже солнышко, казалось,
Въ окно смотрѣло веселѣй
И блескомъ яркимъ осыпало
Головки русыя дѣтей!

И птичка въ клѣткѣ тѣсной, вторя
Веселымъ дѣтскимъ голосамъ,
Не умолкая, заливалась,
Какъ бы навстрѣчу вешнимъ днямъ!

2.

Дѣдъ, поднявшись спозаранку,
Къ внучкамъ въ комнату спѣшитъ.
«Доброй вѣсточкой утѣшить
Васъ пришелъ я, — говоритъ.

«Все зимы вы ждали, дѣтки!
Надоѣла вамъ давно
Осень хмурая съ дождями;
Посмотрите же въ окно!

«За̀ ночь выпалъ снѣгъ глубокій,
И морозъ, какъ въ декабрѣ;
Ужъ впрягли въ салазки Жучку
Ребятишки на дворѣ».

И тормо̀шитъ дѣдъ, раскрывшихъ
Глазки сонные, внучатъ!
Но на стараго плутишки
Недовѣрчиво глядятъ.

«Это, — думаютъ, — нарочно
Все онъ выдумалъ, чтобъ мы
Поскорѣй съ постели встали.
Никакой тамъ нѣтъ зимы!»

— «Полно, дѣдушка! Ты хочешь
Засадить насъ за урокъ, —

Отвѣчаетъ младшій внучекъ: —
Дай поспать еще часокъ!»

Разсмѣялся дѣдъ... Любимецъ
Старика былъ этотъ внукъ;
Хоть проказничалъ онъ часто, —
Все ему сходило съ рукъ.

— «Ахъ, лѣнтяй! Еще не вѣрить
Смѣешь ты моимъ словамъ...
Маршъ! сейчасъ съ кровати, соня,
И смотри въ окошко самъ!

«Или нѣтъ... Вѣдь полъ холодный —
Босикомъ нельзя ходить;
Донесу тебя къ окошку
На себѣ я, такъ и быть!»

Вмигъ вскарабкался на плечи
Мальчуганъ ему — и радъ:
Пышутъ розовыя щечки,
И смѣется дѣтскій взглядъ.

Поднялъ штору дѣдъ, — и точно:
Снѣгъ подъ солнечнымъ лучомъ
Бриллiантами сверкаетъ,
Отливаетъ серебромъ.

«Слава Богу! слава Богу!» —
Дѣтки весело кричатъ,
И въ умѣ ихъ возникаетъ
Ужъ картинъ знакомыхъ рядъ:

На салазкахъ съ горъ катанье,
И катанье на конькахъ,
И рождественская елка,
Сверху донизу въ огняхъ!

«Ну, вставайте же, лѣнтяи!
Я ужъ кучеру сказалъ,

Чтобъ ковромъ покрылъ онъ сани
И Савраску запрягалъ.

«Гостью-зимушку покатимъ
Мы встрѣчать на хуторокъ;
Побѣгутъ за нами слѣдомъ
И Барбоска, и Дружокъ.

«Вашихъ кроликовъ любимыхъ
Тамъ покормимъ мы, друзья,
И, шагающаго важно
Съ умнымъ видомъ, журавля;

«Посмѣемся надъ сердитымъ
И ворчливымъ индюкомъ;
Всѣхъ коровушекъ мы съ вами,
Птичій дворъ весь обойдемъ.

«А покамѣстъ мы гуляемъ,—
Самоварчикъ закипитъ...
И яичницу, пожалуй,
Дѣдъ потомъ вамъ смастеритъ».

Дѣду ждать пришлось недолго:
Не успѣлъ умолкнуть онъ,
На ногахъ ужъ были дѣтки,
Позабывъ и лѣнь, и сонъ.

Вотъ умылись и одѣлись,
И смотрѣть бѣгутъ скорѣй,
Запрягаетъ ли Савраску
Кучеръ дѣдушкинъ, Матвѣй.

Солнце яркое сіяетъ
Въ зимнемъ небѣ голубомъ,
И равниной снѣжной мчатся
Сани, крытыя ковромъ.

Визгъ и крикъ! Всему хохочутъ
Дѣтки рѣзвыя до слезъ;

Обдаетъ ихъ снѣжной пылью,
Лица щиплетъ имъ морозъ...

Двое — въ санкахъ, рядомъ съ дѣдомъ,
А одинъ — на облучкѣ...
«Ну! — кричитъ, — пошелъ, Савраска!
Скоро будемъ въ хуторкѣ!»

Какъ ни счастливы малютки,
Но еще счастливѣй дѣдъ,
Словно съ плечъ его свалилось
Цѣлыхъ пять десятковъ лѣтъ!

НА ДАЧѢ.

Красивый домикъ, озаренный
Заката розовымъ лучомъ...
Кусты сирени и жасмина
Благоуханье льютъ кругомъ;

Балконъ уставленъ весь цвѣтами,
Обвился плющъ вокругъ столбовъ,
И птичка звонко распѣваетъ
Въ зеленой клѣткѣ, межъ цвѣтовъ.

Шарманка гдѣ-то заиграла;
Все ближе звуки, все слышнѣй,
И, вотъ, изъ дома выбѣгаетъ
Толпа нарядная дѣтей.

Другъ друга съ крикомъ обгоняя,
Они къ калиткѣ всѣ спѣшатъ;
И какъ ихъ лица раскраснѣлись!
Какъ глазки радостно блестятъ!

Ужъ имъ знакомы эти звуки,
Шарманщикъ смуглый имъ знакомъ:

У дѣтокъ дружба завязалась
Съ веселымъ, добрымъ старикомъ.

Онъ каждый вечеръ къ нимъ приходитъ;
Хоть имъ и нечѣмъ заплатить—
Что за бѣда! готовъ онъ даромъ
Друзей своихъ повеселить.

Порой, забывшись, долго-долго
Одинъ мотивъ играетъ онъ;
Въ раздумье тихое о чемъ-то
Онъ въ тѣ минуты погруженъ.

Съ лица его улыбка сходитъ,
Слезой мутится добрый взглядъ,
И смотритъ съ грустью затаенной
Онъ на дѣтей, на домъ и садъ.

Унылой пѣсни этой звуки
Воспоминанья будятъ въ немъ
О дняхъ далекихъ и счастливыхъ,
О многомъ, сердцу дорогомъ.

Давно покинутой отчизны
Предъ нимъ сіяютъ небеса,
Катятся волны голубыя,
Шумятъ лавровые лѣса...

Онъ видитъ домикъ, потонувшій
Въ листвѣ зеленой и цвѣтахъ,
И образъ женщины прекрасной
Съ малюткой смуглымъ на рукахъ.

И, какъ Мадонна на картинѣ,
Тамъ, у открытаго окна,
Стоитъ, прижавъ къ груди ребенка,
Съ улыбкой ясною она.

А на крыльцѣ кудрявый мальчикъ
Поетъ, плетя себѣ вѣнокъ...

И дышитъ счастьемъ и отрадой
Цвѣтущій мирный уголокъ.

Старикъ одинъ теперь... Скосила
Смерть всю семью его. Потомъ
Другая, нѐзванная гостья —
Нужда — къ нему прокралась въ домъ...

И, вотъ, побрелъ онъ на чужбину,—
Побрелъ съ шарманкою своей.
И каждый разъ, когда встрѣчаетъ
Онъ ласку кроткую дѣтей,—

На нихъ съ глубокою любовью
Глядитъ старикъ... Въ чужомъ краю
Чужія дѣти замѣняютъ
Ему погибшую семью.

Болтаетъ, шутитъ и смѣется
Онъ съ ними, словно молодой,
Для нихъ безъ устали шарманку
Вертя морщинистой рукой!

ОЖИДАНІЯ.

Дѣдъ-старикъ въ избушкѣ бѣдной
Чинитъ ветхій неводъ свой;
На постелькѣ, рядомъ, внучекъ
Весь въ жару лежитъ больной.

«Все ненастье да ненастье,
Скоро ль кончатся дожди?»—
Говоритъ ребенокъ дѣду.
— «Скоро, скоро,—подожди!»

«Скоро ль солнышко засвѣтитъ,
Зашумитъ трава въ степи,

Зашумятъ въ лѣсу деревья?»
«Скоро, скоро,—потерпи!»

«Скоро ль съ удочкой, какъ прежде,
Буду я сидѣть всѣ дни
Надъ прудомъ подъ тополями?»
— «Скоро, другъ, повремени!»

«Да когда же? Вотъ и маму,
Говорилъ ты тоже, дѣдъ,
Скоро къ намъ отпустятъ съ неба,
А ее все нѣтъ, какъ нѣтъ!»

И малютка недовольный
Замолчалъ... А дѣдъ-старикъ
Надъ разодранною сѣтью
Головой сѣдой поникъ.

И по старческимъ морщинамъ
Тихо катится слеза...
Горе дѣда разглядѣли
Внука зоркіе глаза.

И звучитъ ребенка слабый
Голосокъ еще грустнѣй:
«Не дождусь я, видно, мамы,
Не дождусь и теплыхъ дней!»

---

* * *

Огни погасли въ домѣ,—
И все затихло въ немъ.
Въ своихъ кроваткахъ дѣтки
Заснули сладкимъ сномъ.

Съ небесъ далекихъ кротко
Глядитъ на нихъ луна,

Вся комнатка сіяньемъ
Ея озарена.

Глядятъ изъ сада вѣтви
Березъ и тополей
И шепчутъ: «Охраняемъ
Мы тихій сонъ дѣтей.

«Пусть радостные снятся
Всю ночь малюткамъ сны —
Чудесныя видѣнья
Изъ сказочной страны!

«Когда жъ безмолвной ночи
На смѣну день придетъ,—
Ихъ грёзы пѣсня птички
Веселая прерветъ...

«Цвѣты, какъ братьямъ милымъ,
Привѣтъ пошлютъ имъ свой,
Головками кивая,
Блестящими росой...»

МАЛЬЧИКЪ И ПТИЧКА.

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

(ПОСВЯЩЕНО СЫНУ МОЕМУ НИКОЛАЮ).

«Лети ко мнѣ, пѣвунья-птичка,
Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
И зерна кушать круглый годъ.
Какъ буду я тебя лелѣять!
Какъ буду я тебя любить!
Водицы свѣжей не забуду
Я по утрамъ тебѣ носить,
И сколько бѣлаго песочку
Тебѣ я, птичка, припасу!
Повѣрь: здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу:

Тебя охотникъ не подстрѣлитъ,
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!»

— «Нѣтъ, нѣтъ! За клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ,
И не покину я простора,
Цвѣтами убранныхъ, полей!..
Дитя! твои мнѣ ласки милы,
Но воля мнѣ еще милѣй!»

«Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! Но куда—
Скажи — ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?»

— «Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга».

«А какъ собьешься ты съ дороги,
Да и замерзнешь гдѣ-нибудь?»

— «Не бойся, другъ мой! вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!»

ПѢСНЯ ИЗГНАННИКА.

Лети, моя птичка, далёко,
Лети въ городокъ мой родной:
Стоитъ онъ въ равнинѣ зеленой,
Надъ свѣтлой широкой рѣкой.

Ты бѣленькій домикъ увидишь,
Тѣнистый вокругъ него садъ;
Въ саду томъ душистыя липы,
Березы и клены шумятъ...

Тамъ, въ темной листвѣ притаившись,
Ты пѣсню запой подъ окномъ.
И стукнетъ окно—и головка
Покажется дѣтская въ немъ.

Ребенка лазурные глазки
Весенняго неба яснѣй;
Свѣтлѣй золотистыхъ колосьевъ
Волна его мягкихъ кудрей.

И будетъ онъ слушать пѣвунью,
Сіяя восторгомъ,—и ей
Потомъ на окнѣ разбросаетъ
Онъ зерна ручонкой своей.

А ты, легкокрылая птичка,
Малюткѣ скажи моему,
Что въ краѣ далекомъ есть сердце,
Которое рвется къ нему;

Что горько мнѣ жить на чужбинѣ,
Что дума одна у меня:
Дождусь ли поры я желанной,
Дождусь ли отраднаго дня,—

Когда, возвращаясь, веселый,
Въ свой мирный, родной городокъ,
Я бѣленькій домикъ увижу,
Гдѣ дѣтскій звучитъ голосокъ...

И выбѣжитъ съ хохотомъ звонкимъ
Малютка навстрѣчу отцу,
И крѣпко, пылающей щечкой,
Къ его онъ прижмется лицу...

И прошлое горе заставятъ
Меня позабыть въ этотъ часъ
Улыбка его дорогая
И блескъ голубыхъ его глазъ...

ЕЛКА.

Въ школѣ шумно; раздается
Бѣготня и шумъ дѣтей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня въ ней?

Нѣтъ! Рождественская елка
Въ ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Дѣтокъ радуетъ она.

Дѣтскій взоръ игрушки манятъ:
Здѣсь — лошадка, тамъ — волчокъ,
Вотъ — желѣзная дорога,
Вотъ — охотничій рожокъ.

А фонарики! а звѣзды,
Что̀ алмазами горятъ!
А орѣхи золотые!
А прозрачный виноградъ!

Будьте жъ вы благословенны,
Вы, чья добрая рука
Убирала эту елку
Для малютокъ бѣдняка!

Рѣдко, рѣдко озаряетъ
Радость свѣтлая ихъ дни,—
И весь годъ имъ будутъ сниться
Елки яркіе огни!

ИЗЪ МОРИЦА ГАРТМАНА.

Капля дождевая
Говоритъ другимъ:
«Что мы здѣсь въ окошко
Громко такъ стучимъ?»

Отвѣчаютъ капли:
«Здѣсь бѣднякъ живетъ;
Мы ему приносимъ
Вѣсть, что хлѣбъ растетъ».

ЧИСТАЯ ДОРОГА.

(БАСНЯ РАТИСБОННА).

—Почтенный мулъ! Мнѣ кажется, напрасно
Все норовишь ты къ пропасти свернуть:
Дорожка тамъ совсѣмъ не безопасна.
Иль сократить ты хочешь этимъ путь?
Иль жизнь тебѣ, быть-можетъ, надоѣла?
Иль, попросту, тобою, милый мой,
Ослиное упрямство овладѣло?
Я жить хочу, мнѣ рано на покой—
Такъ ужъ иди дорогою большой.
Мулъ отвѣчалъ: «Упрямства я не знаю,
И жизнью я не тягощусь своей.
Дороги же большой я избѣгаю
Лишь потому, что вижу грязь на ней.
Тропинкою иду я безъ тревоги:
Хоть этотъ путь и узокъ, и кремнистъ,
Хоть, можетъ-быть, онъ мнѣ изрѣжетъ ноги,
Но я останусь чистъ».

Такъ чести путь, друзья, кремнистъ бываетъ,
И не всегда легко по немъ идти,
Но благо тѣмъ, кто гладкому пути
Его предпочитаетъ.

ЦВѢТОКЪ.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ РАТИСБОННА).

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ;
Ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса,
Днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ,
Ласково смотрятъ на нихъ небеса.

Съ бабочкой пестрой, съ гудящей пчелою,
Съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ...
Весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,
Милъ имъ родимаго поля просторъ!

Вотъ они видятъ: въ окнѣ, за рѣшеткой,
Тихо качается блѣдный цвѣтокъ...
Солнца не зная, печальный и кроткій,
Выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ одинокъ.

Цвѣтикамъ жаль его бѣднаго стало,
Хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:
«Солнце тебя никогда не ласкало,
Брось эти стѣны, — зачахнешь ты тутъ».

— «Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ, — хоть весело въ полѣ,
И наряжаетъ васъ ярко весна,
Но не завидую вашей я долѣ
И не покину сырого окна.

«Пышно цвѣтите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливыхъ людей!
Я буду цвѣсть для того, кто судьбою
Солнца лишенъ и полей.

«Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ...
Узника я утѣшаю одинъ:
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
Зелень родимыхъ долинъ!»

КУКУШКА.

(БАСНЯ ГЕЛЛЕРТА).

— Ты прилетѣлъ изъ города — какіе,
Скажи, тамъ слухи носятся о насъ? —
Скворца кукушка спрашивала разъ: —
Чтò жители толкуютъ городскіе
Хоть, напримѣръ, о пѣсняхъ соловья?
Интересуюсь этимъ очень я.
«Весь городъ онъ приводитъ въ восхищенье,
Когда въ саду его раздастся трель».
— А жаворонокъ?
«И жаворонка пѣнье
Плѣняетъ очень многихъ».
— Неужель!
Ну, а каковъ ихъ отзывъ о дроздѣ?
«Да, хвалятъ и его, хоть не вездѣ».
— Еще хочу спросить я, можетъ-статься,
И обо мнѣ ты слышалъ кое-что?
«Вотъ, про тебя, сестрица, такъ признаться,
Не говоритъ рѣшительно никто!»
— А! если такъ!—кукушка возопила, —
То о себѣ, чтобъ людямъ отомстить,
Сама весь вѣкъ, покуда хватитъ силы,
Не перестану я твердить!

ИЗЪ АДОЛЬФА ШУЛЬТСА.

Напрасно, птички, васъ мое
Присутствіе тревожитъ:
Спокойно пойте все, что Богъ
Вамъ нà сердце положитъ.

Я не поставлю западни
Вамъ ни въ саду, ни въ полѣ:
И самъ я знаю хорошо,
Чтò значитъ жить на волѣ!

ВНУЧКА.

(съ нѣмецкаго).

Бабушка, ты тоже
Маленькой была?
И любила бѣгать,
И цвѣты рвала?

И играла въ куклы
Ты, бабуся, да?
Цвѣтъ волосъ какой былъ
У тебя тогда?

Значитъ, буду также
Бабушкой и я,—
Развѣ оставаться
Маленькой нельзя?

СОЛДАТЪ.

(изъ поля Дерулэда).

«Чтò ты тамъ дѣлаешь, родная:
Еще вязанку принесла?
Чай, у тебя дровецъ-то мало—
Ты лучше бъ ихъ поберегла.
И такъ тепло здѣсь... Ужъ согрѣлся
И обсушился я...» Но словъ
Моихъ не слушаетъ старушка
И въ печь подбрасываетъ дровъ.
Она, золу мѣшая, смотритъ,
Порой, съ улыбкой на меня...
— «Погрѣйся, бѣдненькій солдатикъ,
Погрѣйся,—молвитъ,—у огня».
«Мнѣ ѣсть не хочется, родная;
Я на привалѣ закусилъ,
Тамъ и вина стаканомъ полнымъ

15*

Свои я силы подкрѣпилъ.
Вино и окорокъ ты, вѣрно,
Семьѣ на праздникъ припасла;
Такъ убери ихъ, пригодятся;
Сними и скатерть со стола, —
Я не привыкъ къ такимъ затѣямъ».
Но, нѣтъ! не слушаетъ она,
И рѣжетъ мяса мнѣ старушка,
И наливаетъ мнѣ вина.
Что́ будешь дѣлать! Принимаюсь
Я поневолѣ за обѣдъ...
— «Ѣшь, ѣшь, солдатикъ, на здоровье!
У васъ такой ветчинки нѣтъ!»
«Зачѣмъ несешь ты одѣяло
И простыню сюда? Не мнѣ ль
Приготовляешь ты, родная,
Такую мягкую постель?
Мнѣ этой роскоши не надо;
На сѣновалѣ я твоемъ,
Иль подъ навѣсомъ, на соломѣ,
Засну солдатскимъ крѣпкимъ сномъ».
Меня не слушаетъ старушка
И, знай, твердитъ себѣ одно:
— «Ложись! Вѣдь ты усталъ, солдатикъ;
Въ теплѣ не спалъ ужъ ты давно!»

Настало утро... И проститься
Съ старушкой доброй мнѣ пора...
Но что̀ за чудо! Мнѣ сдается,
Мѣшокъ мой легче былъ вчера.
«Ахъ, это ты мнѣ подложила
Туда чего-нибудь опять!..
За что балу́ешь ты солдата,
Какъ мать лишь можетъ баловать?»
Она смѣется, но слезинки
Въ глазахъ задумчивыхъ дрожатъ...
И говоритъ, вздохнувъ, старушка:
«И у меня сынокъ солдатъ!»

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

1.

ЛЕГЕНДА.

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ взрастилъ Онъ въ немъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ Себѣ потомъ.

Когда же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ.

«Какъ Ты сплетешь теперь вѣнокъ?
Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ!»
— «Вы позабыли, что шипы
Остались Мнѣ», — сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

2.

ДѢТИ И ПТИЧКА.

«Птичка, намъ жаль твоихъ пѣсенокъ звонкихъ!
Не улетай отъ насъ прочь... Подожди!»
— «Милыя крошки! Изъ вашей сторонки
Гонятъ меня холода и дожди.
Вонъ на деревьяхъ, на крышѣ бесѣдки
Сколько меня поджидаетъ подругъ!
Завтра вы спать еще будете, дѣтки,
А ужъ мы всѣ понесемся на югъ.

Нѣтъ тамъ ни стужи теперь, ни дождей,
Вѣтеръ листы не срываетъ съ вѣтвей,
Солнышко въ тучи не прячется тамъ...»
«Скоро ли, птичка, вернешься ты къ намъ?»
— «Я съ запасомъ новыхъ пѣсенъ
Къ вамъ вернусь, когда съ полей
Снѣгъ сойдетъ, когда въ оврагѣ
Зажурчитъ, блестя, ручей, —
И начнетъ подъ вешнимъ солнцемъ
Вся природа оживать...
Я вернусь, когда, малютки,
Вы ужъ будете читать!»

3.

«Шаловливыя ручонки,
Нѣтъ покоя мнѣ отъ васъ!
Такъ и жди, что натворите
Вы какихъ-нибудь проказъ.

«Вотъ картинку изорвали,
Спичку сѣрную зажгли,
А вчера ключи куда-то
Отъ комода унесли.

«Куклу новую купила
И сказала: «береги»,
А гляжу: она ужъ мигомъ
Очутилась безъ ноги.

«То мнѣ волосы растреплютъ,
То сомнутъ воротничекъ...
Какъ я васъ ни распекаю,
Шалунишки, все не впрокъ!»

Такъ на рѣзвыя ручонки
Дѣтокъ жаловалась мать,
А сама ихъ, то-и-дѣло,
Принималась цѣловать.

Знаетъ мама, что не вѣчно
Этимъ пальчикамъ шалить,
Что придетъ пора — и станутъ
Съ нею трудъ они дѣлить!

СЕЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

(съ польскаго).

Если воловъ я не такъ запрягаю,
Нѣту во мнѣ для хозяйства пути;
Если въ избѣ я тебѣ докучаю, —
Въ школу, родная, меня отпусти!

Грамотный буду: крестьянскаго сына
Въ школѣ научатъ, я знаю, всему;
Сдѣлаютъ тамъ изъ него господина,
Платье суконное справятъ ему.

Къ вамъ принесу я разсказовъ немало,
Въ книжкѣ прочту, какъ все въ мірѣ идетъ,
Все, что въ старинные годы бывало,
Даже и то, что случится впередъ...

Каждую травку назвать я сумѣю,
Буду я въ церкви попу помогать,
И на стѣнѣ, надъ постелью твоею,
Лики угодниковъ углемъ писать.

ВЕСНА.

Пѣсни жаворонковъ снова
Зазвенѣли въ вышинѣ:
«Гостья милая, здорово!»
Говорятъ онѣ веснѣ.

Ужъ теплѣе солнце грѣетъ,
Стали краше небеса...
Скоро все зазеленѣетъ —
Степи, рощи и лѣса.

Позабудетъ бѣдный горе,
Расцвѣтетъ душой старикъ...
Въ каждомъ сердцѣ, въ каждомъ взорѣ
Радость вспыхнетъ хоть на мигъ.

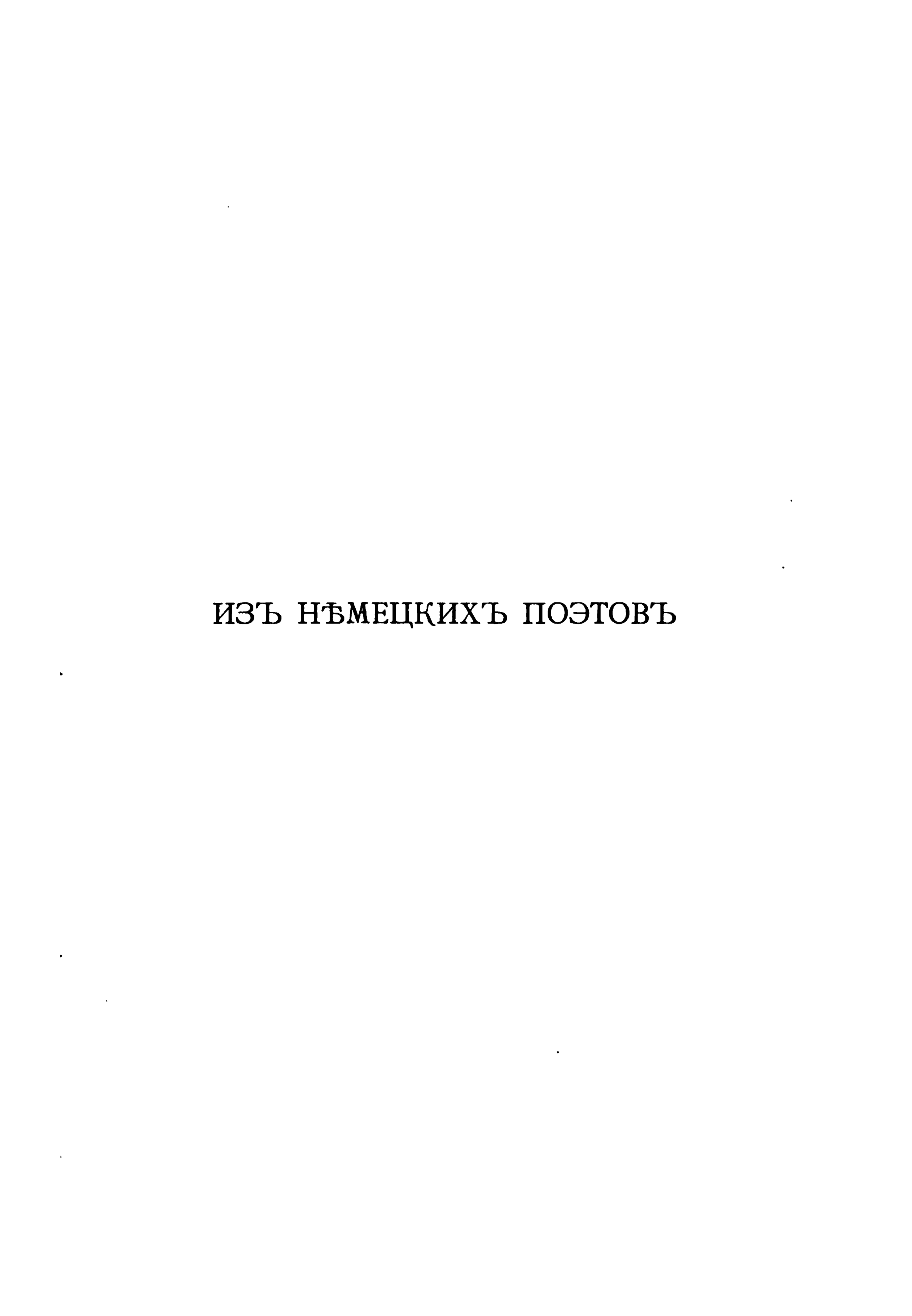
Выйдетъ пахарь на дорогу,
Взглянетъ весело вокругъ;
Помолясь усердно Богу,
Бодро примется за плугъ.

Съ кроткимъ сердцемъ, съ вѣрой сильной,
Весь отдастся онъ трудамъ,—
И пошлетъ Господь обильный
Урожай его полямъ!

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ

ГЁТЕ.

МОЛИТВА.

О, мой Творецъ! О, Боже мой,
Взгляни на грѣшную меня:
Я мучусь, я больна душой,
Изрыта скорбью грудь моя.
О, мой Творецъ, великъ мой грѣхъ,
Я на землѣ преступнѣй всѣхъ!

Кипѣла въ немъ младая кровь;
Была чиста его любовь,
Но онъ ее въ груди своей
Таилъ такъ свято отъ людей.
Я знала все... О, Боже мой,
Прости мнѣ грѣшной и больной.

Его я муки поняла̀;
Улыбкой, взоромъ лишь однимъ
Я бъ исцѣлить его могла,
Но я не сжалилась надъ нимъ.
О, мой Творецъ, великъ мой грѣхъ,
Я на землѣ преступнѣй всѣхъ!

Томился долго, долго онъ,
Печалью тяжкой удрученъ;
И умеръ, бѣдный, наконецъ...
О, Боже мой, о, мой Творецъ, —
Ты тронься грѣшницы мольбой...
Взгляни, какъ я больна душой!

ТИШЬ НА МОРѢ.

Тишина нѣмая въ морѣ;
Волны темны, какъ свинецъ.
Безпокойно на просторѣ
Озирается пловецъ.

Легкій вѣтеръ не подуетъ;
Какъ въ могилѣ, тишина...
И въ дали необозримой
Не колыхнется волна.

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.

* * *

Долго въ этой жизни темной
Образъ милый мнѣ блисталъ;
Но исчезъ онъ — и, какъ прежде.
Я бродить въ потемкахъ сталъ.

Какъ ребенокъ запѣваетъ
Пѣсню громкую впотьмахъ,
Чтобы ею хоть немного
Разогнать свой дѣтскій страхъ, —

Такъ, ребенокъ безразсудный,
Въ темнотѣ пою и я:
Пѣсня, можетъ, не забавна,
Да тоска прошла моя.

---

* * *

Обо мнѣ съ тобою много
Толковали, — знаю я;
Одного лишь не сказали:
Чѣмъ больна душа моя!

Всѣ они меня бранили,
Называли хитрымъ, злымъ,
Головой качали важно —
И повѣрила ты имъ.

Только худшаго ты, вѣрно,
Не узнаешь отъ людей:
Чтò всего глупѣй и хуже, —
Я таю въ груди своей.

---

*
* *

Они меня много терзали,
И блѣдный я сталъ, и худой;
Одни — своей глупой любовью,
Другіе — своею враждой.

И хлѣбъ мой они отравили,
И яду смѣшали съ водой, —
Одни — своей глупой любовью,
Другіе — своею враждой.

Но та, чтò всѣхъ больше терзала
И мучила сердце мое, —
Меня никогда не любила,
Вражды не вселилъ я въ нее!

---

*
* *

Брожу ль я вечеромъ осеннимъ
Въ саду заглохшемъ и пустомъ —
Мнѣ предстаетъ твой образъ нѣжный,
И рядомъ тихо мы идемъ.

Твое ль я вижу покрывало
И твой ли блѣдный, томный ликъ,

Иль межъ вѣтвей угрюмыхъ сосенъ
Луна мнѣ свѣтитъ въ этотъ мигъ?

И не своимъ ли тяжкимъ вздохамъ
Внимаю я въ тиши ночной,
Иль точно, бѣдная подруга,
Рыдать приходишь ты со мной?

---

*
*   *

День и ночь я все мечтаю
О тебѣ, другъ милый мой,
О твоихъ прекрасныхъ глазкахъ,
Объ улыбкѣ молодой.

Какъ бы я хотѣлъ съ тобою
Вечеръ длинный раздѣлить—
Въ уголкѣ твоемъ уютномъ
Посидѣть, поговорить!

И къ губамъ прижать хотѣлъ бы
Ручку бѣлую твою!
Оросить ее слезами,
Ручку бѣлую твою!..

---

*
*   *

Рѣчная лилея, головку
Поднявши, на небо глядитъ,
А мѣсяцъ влюбленный лучами
Уныло ее серебритъ...

И, вотъ, она снова поникла
Стыдливо къ лазурнымъ водамъ,
Но мѣсяцъ, все блѣдный и томный,
Какъ призракъ, сіяетъ и тамъ...

ТРАГЕДІЯ.

1.

Бѣжимъ!.. Ты будешь мнѣ женой;
Склонишься ты на грудь мою,
Она тебѣ, въ странѣ чужой,
Замѣнитъ родину,—семью!

Бѣжимъ!.. Иль я умру, дитя!
И что же станется съ тобой?..
Чужбиной будутъ для тебя
И отчій домъ, и край родной!..

2.

Выпалъ крупный градъ осенней ночью,
Выпалъ онъ на зыбкіе цвѣточки,—
Бѣдные увяли, пожелтѣли!..

Молодцу дѣвица полюбилась;
Изъ дому они бѣжали тайно,
Ничего отецъ и мать не знали!

Изъ страны въ страну они бродили,
Горе да нужду терпѣли долго...
И увяли бѣдные... погибли...

3.

Все тихо вокругъ одинокой могилы;
Склонились фіалки надъ ней,
Душистая липа ее осѣнила
Покровомъ зеленыхъ вѣтвей...

И, ношу тяжелую снявъ, отдыхаетъ
Тамъ мельникъ, въ раздумьѣ нѣмомъ,
И птичекъ влюбленныхъ чета затихаетъ...
И плачетъ, не зная о чемъ.

---

* * *

Дитя, какъ цвѣтокъ, ты прекрасна,
Свѣтла, и чиста, и мила;
Смотрю на тебя и любуюсь,
И снова душа ожила...

Охотно бъ тебѣ на головку
Я руки свои возложилъ,
Прося, чтобы Богъ тебя вѣчно
Прекрасной и чистой хранилъ.

---

* * *

Причаль сюда скорѣе
Челнокъ, рыбачка, свой,
Выдь на берегъ и сядемъ
Мы здѣсь рука-съ-рукой.

Прекрасную головку
Склони на грудь ко мнѣ,
Вѣдь ты себя привыкла
Ввѣрять морской волнѣ!

А сердце — то же море:
И бурно, какъ оно,
И перловъ въ немъ немало
На днѣ затаено.

---

* * *

Мнѣ снилася дочь короля молодая
Съ унылымъ и блѣднымъ лицомъ;
Обнявшись, подъ липой густой и зеленой
Мы съ нею сидѣли вдвоемъ.

19*

«Не надо мнѣ яркой, блестящей порфиры,
Ни трона отца твоего, —
Къ чему они? Кромѣ тебя, не желаю
Я въ мірѣ, дитя, ничего!»

— «Какъ быть мнѣ твоею, — она отвѣчала, —
Зарыта въ землѣ я лежу
И ночью, любви повинуясь призыву,
Мой милый, къ тебѣ прихожу!»...

---

* * *

Все тихо... Блѣдна, изъ-за тучи
Осенняя смотритъ луна...
Могильщика хижина грустно
Стоитъ на кладбищѣ одна.

За Библіей дремлетъ старуха,
Свѣча передъ нею горитъ,
По комнатѣ сынъ ходитъ молча,
А дочь про себя говоритъ:

«Какъ тянутся дни здѣсь уныло!
Отъ скуки легко умереть...
Здѣсь только на мертвыхъ въ окошко
Изволь безпрестанно смотрѣть...»

— «Ты врешь, — проворчала старуха, —
Троихъ схоронили всего
Съ тѣхъ поръ, какъ близъ хижины нашей
Спятъ кости отца твоего!»

Но дочь отвѣчаетъ: «Не стану
Терпѣть у тебя я нужду:
Въ палаты, къ красивому графу,
Я завтра же утромъ уйду».

А сынъ прерываетъ, смѣяся:
«Въ лѣсу молодцà видѣлъ я;
Онъ золото дѣлать умѣетъ...
Научитъ, авось, и меня!»

Старуха въ лицо ему книгой
Швырнула, отъ гнѣва блѣдна:
— «Въ лѣсу ты разбойничать хочешь,
Проклятый!» — сказала она.

Но стукъ подъ окномъ... Оглянулись,
И кто-то грозитъ имъ рукой...
То старый отецъ изъ могилы
Встаетъ, озаренный луной...

---

* * *

Какъ дрожитъ ночной порою
Отблескъ мѣсяца въ водáхъ,
Самъ же онъ спокойно, гордо
Ходитъ въ синихъ небесахъ,—

Такъ и ты, дитя, спокойно,
Гордо шла передо мной,
И въ моемъ дрожащемъ сердцѣ
Отражался образъ твой...

---

* * *

Отчего такъ блѣдны розы,
Такъ печально все вокругъ,
И молчитъ въ травѣ кузнечикъ?
Отчего, мой милый другъ?

Отчего напѣвы птичекъ
Грустно въ воздухѣ звучатъ?

И отъ травъ могильный запахъ,
А не прежній ароматъ?

Отчего такъ солнце тускло,
И не грѣетъ лучъ его?
Отчего все стало въ мірѣ
Такъ уныло, такъ мертвò?

Отчего я самъ такъ мраченъ?
Отчего, другъ милый мой,
Отчего, мой другъ прекрасный,
Разстаешься ты со мной?

---

* * *

О, если бъ цвѣточки-малютки
Узнали, чтò мучитъ меня, —
Они бы со мной стали плакать,
Уныло головки склоня...

И если бы жалобу сердца
Подслушалъ въ тѣни соловей, —
Всю ночь бы меня утѣшалъ онъ,
Звуча между темныхъ вѣтвей.

И если бъ дрожащія звѣзды
Въ душѣ моей горе прочли, —
Ко мнѣ бы съ лазурнаго свода,
Въ безмолвномъ участьѣ, сошли.

Но, нѣтъ! Не узнать имъ печали!
Одна только знаетъ ее...
Она истерзала, разбила
Безжалостно сердце мое!..

---

*
* *

Все тихо... Я въ рощѣ ночною порою
Стою, одинокій, съ тоскою въ душѣ...
А липы такъ грустно качаютъ вѣтвями,
Какъ будто сочувствуютъ, добрыя, мнѣ!

---

*
* *

Вотъ снова — незванная гостья —
Слеза на рѣсницѣ дрожитъ...
Одна она только осталась
И взоръ мой порою мутитъ.

Подруги слезы запоздалой
Исчезли, одна за другой...
Исчезли, какъ радость и горе:
Ихъ высушилъ вѣтеръ ночной.

И звѣзды, тѣ синія звѣзды,
Что́ такъ улыбалися мнѣ,
Что́ радость и горе дарили, —
Угасли навѣкъ и онѣ.

И даже любви въ этомъ сердцѣ,
Давно охладѣломъ, ужъ нѣтъ...
Скорѣй же, слеза, о, скорѣе
И ты укатись имъ вослѣдъ!

---

* *
*

Она ползетъ къ намъ, ночь нѣмая,
И скоро насъ одѣнетъ тьмой...
Съ душой усталой другъ на друга,
Зѣвая, смотримъ мы съ тобой.

Я старъ и хилъ... Ты постарѣла...
Намъ не вернуть весеннихъ дней!
Ты холодна... но зимній холодъ
Въ моей груди еще сильнѣй!

Мрачна развязка! Вслѣдъ за роемъ
Отрадныхъ намъ любви заботъ,
Ужъ безъ любви идутъ заботы,
И вслѣдъ за жизнью — смерть идетъ.

---

*
* *

Красавицу юноша любитъ,
Но ей полюбился другой;
Другой этотъ любитъ другую
И назвалъ своею женой.

За перваго встрѣчнаго замужъ
Красавица съ горя идетъ,
А бѣднаго юноши сердце
Тоска до могилы гнететъ.

Старинная сказка! Но вѣчно
Останется новой она,
И лучше бъ на свѣтъ не родился
Тотъ, съ кѣмъ она сбыться должна!

---

*
* *

Съ тобою мнѣ побыть хотѣлось
Часокъ-другой наединѣ,
Но ты куда-то торопилась:
«Я занята», — сказала мнѣ.

Я говорилъ, что я страдаю,
Что безъ тебя мнѣ счастья нѣтъ;
Ты низко, чопорно присѣла
И засмѣялась мнѣ въ отвѣтъ.

Чтобъ грудь мнѣ мукой переполнить,
Ты до конца осталась зла:
Какъ ни молилъ я, поцѣлуя
Мнѣ на прощанье не дала.

Но, ради Бога, не подумай,
Чтобъ застрѣлился съ горя я...
Увы! все это разъ ужъ было
Со мной, красавица моя!

---

* * *

Ты мнѣ долго вѣрна оставалась,
Помогала мнѣ въ горѣ, въ нуждѣ,
За меня горячо заступалась,
Гдѣ могла, хлопотала вездѣ.

Ты кормила меня и поила,
Шелъ къ тебѣ и за деньгами я,
И паспо̀ртомъ меня ты снабдила,
И дала на дорогу бѣлья.

О, пусть дольше тебя, дорогая,
Рокъ отъ стужи и зноя хранитъ!
И живи ты, тѣхъ благъ не вкушая,
Что̀ онъ мнѣ такъ усердно даритъ!

---

* * *

Разстаемся мы надолго,
Мой родимый городокъ,
Ясныхъ дней моихъ могила,
Колыбель моихъ тревогъ!

И тебѣ, порогъ священный,
Гдѣ любимыхъ ножекъ слѣдъ,
Посылаю свой послѣдній,
Свой прощальный я привѣтъ.

О, зачѣмъ дано мнѣ было
Встрѣтить гордую ее!
Не страдало бъ, не томилось
Сердце бѣдное мое.

Я молчалъ, не докучая
Ей признаніемъ своимъ,
И дышать хотѣлъ я только
Съ нею воздухомъ однимъ...

Но меня отсюда гонятъ
Милой строгія слова!
Разорваться хочетъ сердце,
И поникла голова!

Потащусь дорогой пыльной,
Бѣдный странникъ, я, пока
Гдѣ-нибудь въ могилѣ темной
Не заснетъ моя тоска!..

---

* * *

Собравшись за столикомъ чайнымъ,
Они о любви говорили;
Мужчины—изящны, а дамы
Такъ нѣжны, чувствительны были.

«Любить платонически должно!» —
Совѣтникъ сказалъ свое мнѣнье;
Совѣтница только плечами
Пожала, съ улыбкой презрѣнья.

«Любить слишкомъ пылко не надо, —
Замѣтилъ пастòръ:—не здорòво!»
«Ну, вотъ!»—поспѣшила дѣвица
Вклейть въ разговоръ свое слово.

Графиня промолвила томно:
«Любовью я страсть называю»,

Потомъ господину барону,
Вздохнувъ, подала она чаю.

Твое лишь за столикомъ чайнымъ
Мѣстечко не занято было...
А какъ бы ты имъ разсказала,
Мой другъ, про любовь свою мило!

---

*
* *

Письмо, чтò ты мнѣ написала,
Меня ничуть не испугало:
Меня не любишь ты давно, —
Зачѣмъ же длинно такъ оно?

Тетрадь, исписанная мелко,
Страницъ въ двѣнадцать, — не бездѣлка!
Когда хотятъ отставку дать,
Не станутъ длинно такъ писать.

---

*
* *

Межъ тѣмъ какъ съ робкою надеждой
Я у чужихъ стучусь дверей,
Межъ тѣмъ какъ я подстерегаю
Сокровище другихъ людей,—

Другіе люди, вѣроятно,
Въ другую улицу пошли,
Съ моимъ сокровищемъ, въ окошко,
Переговоры завели!

Такъ быть должно! И рокъ правдивый,
Конечно, вступится за всѣхъ!
Пусть на своей дорогѣ каждый
Находитъ счастье и успѣхъ!

---

*
* *

О, не будь нетерпѣлива
И прости, что въ пѣсняхъ новыхъ
Все еще такъ внятны звуки
Старой боли дней суровыхъ!

Подожди: замолкнетъ скоро
Эхо прожитыхъ мученій,
И въ душѣ расцвѣтшей пѣсенъ
Пробудится рой весенній!

---

*
* *

Конечно, ты—мой идеалъ!
И поцѣлуемъ подкрѣплялъ
Я это часто, милый другъ;
Но нынче, право, недосугъ.

А лучше завтра приходи,
И съ новымъ пламенемъ въ груди
Тебя, отъ двухъ до трехъ часовъ,
Я ожидать опять готовъ.

Мы въ ресторанъ съ тобой пойдемъ,
И, если хочешь ты, потомъ
Не прочь, пожалуй, буду я
Сводить и въ оперу тебя.

Даютъ «Роберта»... Сколько тамъ
Любви, чертей и колдовства!
Тѣ звуки создалъ Мейерберъ,
А Скрибъ—нелѣпыя слова.

---

*
* *

На станціи встрѣтилась какъ-то
Семья моей милой со мной;
Папаша, мамаша, сестрицы
Меня обступили толпой.

Спросили меня о здоровьѣ
И хоромъ сказали: «Ей-ей,
Такой же вы все, какъ и были;
Но только, какъ будто, блѣднѣй!»

А я — о снохахъ, о золовкахъ,
О скучныхъ знакомыхъ спросилъ:
Спросилъ ихъ, все также ли лаетъ
Ихъ мопсъ изо всѣхъ своихъ силъ;

О милой, ужъ вышедшей замужъ,
Я въ рѣчи коснулся слегка...
И мнѣ отвѣчали съ улыбкой:
«Богъ далъ ей недавно сынка».

Я тоже съ улыбкой поздравилъ,
Прося убѣдительно ихъ
Мое передать ей почтенье,
Когда она будетъ у нихъ.

Меньшая сестрица сказала,
Что мопсъ ихъ все вылъ по ночамъ,
Отъ жару взбѣсившись, и въ рѣчкѣ
Папà утопилъ его самъ.

И мнѣ показалось, что съ милой
Есть сходство въ сестрицѣ меньшой:
У ней тѣ же глазки, чтò душу
Мою отравили тоской!

* * *

Я помню: во снѣ мнѣ явилась
Она, боязлива, робка...
Ланиты ея были блѣдны,
И грудь изсушила тоска.

Ребенокъ шелъ съ нею; другого
Держала она на рукахъ...
Смущенье и горе сквозили
Въ движеньяхъ, въ улыбкѣ, въ очахъ.

Чрезъ площадь она проходила,
И тамъ повстрѣчались мы съ ней;
И, взявъ ее за руку, тихо
И ласково молвилъ я ей:

«Страданья тебя изнурили;
Послѣдуй за мною въ мой домъ,
И стану одежду и пищу
Тебѣ добывать я трудомъ.

«Дѣтей твоихъ стану лелѣять,
За ними ходить буду я;
Но больше всего за тобою;
Сама ты—больное дитя!

«О томъ, какъ любилъ я, ни слова
Не буду тебѣ говорить,
А если умрешь ты, я стану
Къ тебѣ на могилу ходить!»

---

* * *

И смѣхъ, и пѣсни, и солнца блескъ!
Челнокъ нашъ легкій качають волны;
Я въ немъ съ друзьями, веселья полный,
Плыву безпечно... Вдругъ слышенъ трескъ —

И разлетѣлся въ куски челнокъ!
Друзья пловцами плохими были,
Родныя волны ихъ поглотили,
Меня жъ далёко умчалъ потокъ.

И, вотъ, сработалъ въ чужой странѣ
Другой челнокъ я. Но бьютъ сурово
Чужія волны въ челнокъ мой новый...
Мой край далёко! Какъ грустно мнѣ!

Друзья иные теперь со мной —
И снова пѣсни! Но воютъ бури,
И гаснутъ звѣзды въ ночной лазури...
Прости навѣки, мой край родной!

LAZARUS.

Если много ты имѣешь,
Рокъ еще тебѣ пошлетъ;
Если мало, — у тебя онъ
И послѣднее возьметъ.

Если нищій ты, не лучше ль
Для тебя навѣкъ заснуть?
Жить лишь тотъ имѣетъ право,
Кто имѣетъ что-нибудь!

---

*
* *

Я злополучный Атлантъ. Цѣлый міръ,
Да, цѣлый міръ, увы, носить я долженъ.
Міръ скорби и мукъ безысходныхъ, ношу
Невыносимое, и горе сердце разрываетъ.
Ты самъ хотѣлъ того, мой гордый духъ,
Хотѣлъ блаженства ты, блаженства много
Иль безконечной скорби — и теперь
Страдать ты долженъ.

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

На горѣ, въ избушкѣ бѣдной,
Рудокопъ живетъ сѣдой;
Тамъ сосна шумитъ уныло,
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Въ чистой комнаткѣ поставленъ
Мягкій стулъ, съ рѣзьбой края;
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ — я!

Вотъ малютка на скамейкѣ
У моихъ садится ногъ;
Глазки — звѣзды голубыя,
Ротикъ — пурпурный цвѣтокъ.

Эти звѣзды будто съ неба
Смотрятъ мнѣ въ лицо, блестя.
Робко пальчикъ приложило
Къ губкамъ розовымъ дитя.

«Будь спокойна! Задремала
Мать надъ прялкой въ тишинѣ,
А отецъ сидитъ съ гитарой
Да поетъ о старинѣ;

«Насъ не слышутъ!» И малютка
Начинаетъ свой разсказъ.
Много тайнъ она завѣтныхъ
Мнѣ открыла въ этотъ часъ.

«Ахъ, не стало старой тетки!
Не ходить намъ больше къ ней
Въ этотъ городъ, гдѣ такъ много
Протекло счастливыхъ дней!

«Здѣсь же дни идутъ уныло,
Какъ въ могилѣ, тишина!
А зимой избушка наша
Снѣгомъ вся занесена.

«И порой, какъ на ребенка,
На меня находитъ страхъ:
Я слыхала: бродятъ духи
Ночью позднею въ горахъ!»

Вдругъ малютка замолчала,
Испугавшись словъ своихъ...
Быстро глазки опустила
И рукой закрыла ихъ...

А сосна шумитъ уныло,
И глядитъ луна въ окно;
Рудокопъ все тянетъ пѣсню,
И жужжитъ веретено.

«Не страшися духовъ горныхъ,—
Пѣсня старая звучитъ,—
«День и ночь тебя, малютка,
Божій ангелъ сторожитъ!»

ЗАКАТЪ.

Легче серны и пугливѣй,
По уступамъ дикихъ скалъ,
Отъ меня она бѣжала;
Вѣтеръ кудри ей взвѣвалъ.

Гдѣ утесъ нагнулся къ морю,
Я ее остановилъ,
Словомъ кроткимъ, словомъ нѣжнымъ
Сердце гордое смягчилъ.

И на берегѣ высокомъ
Съ нею сѣлъ я, счастья полнъ.
Мы смотрѣли, какъ тонуло
Солнце тихо въ мракѣ волнъ...

Глубже, глубже все тонуло,
Лучезарное, оно —
И исчезло вдругъ въ пучинѣ,
Моремъ злымъ поглощено.

О, не плачь, дитя! Вѣдь солнце
Не погибло тамъ на днѣ,
Но съ тепломъ своимъ и свѣтомъ
Въ сердце спряталось ко мнѣ!

ДОНЬЯ КЛАРА.

Въ часъ ночной въ саду гуляетъ
Дочь алькада молодая,
А изъ яркихъ оконъ зàмка
Звуки флейтъ и трубъ несутся.

«Мнѣ несносны стали танцы
И заученыя рѣчи
Этихъ рыцарей, что̀ взоръ мой
Только сравниваютъ съ солнцемъ.

«На меня все вѣетъ скукой
Съ той поры, какъ ночью лунной,
Подъ балкономъ, мнѣ явился
Рыцарь съ лютней звонкострунной.

«Онъ стоялъ отважный, стройный,
Очи звѣздами сверкали,
А лицомъ онъ былъ такъ блѣденъ,
Будто мраморъ древнихъ ста̀туй...»

Такъ мечтала донья Клара
И смотрѣла вдаль аллеи.
Вдругъ прекрасный рыцарь снова
Очутился передъ нею.

И рука съ рукою, тихо
Шли они... Дрожали звѣзды,
Вѣтерокъ скользилъ по листьямъ,
И едва качались розы...

«Посмотри! Киваютъ розы...
Какъ любовь, онѣ пылаютъ...
Но, скажи мнѣ, отчего же
Ты, другъ милый, покраснѣла?»

— «Мнѣ отъ мошекъ нѣтъ покоя;
Мошки лѣтомъ ненавистны
Точно такъ же, какъ евреевъ
Долгоносая порода».

«Что до мошекъ и евреевъ! —
Говоритъ съ улыбкой рыцарь, —
Посмотри, съ деревъ миндальныхъ
Листья бѣлые слетаютъ!

«Блѣдный рой ихъ наполняетъ
Воздухъ чистымъ ароматомъ...
Но скажи, моя подруга, —
Ты меня всѣмъ сердцемъ любишь?»

— «Да, люблю тебя, мой милый,
И любить тебя клянуся
Тѣмъ, Кого народъ еврейскій
Увѣнчалъ вѣнцомъ терновымъ».

«Позабудемъ объ евреяхъ, —
Говоритъ съ улыбкой рыцарь, —
Блескомъ палевымъ облиты,
Дремлютъ зыбкія лилеи.

17*

«Дремлютъ зыбкія лилеи,
Къ нимъ лучи склонили звѣзды...
Но скажи мнѣ, другъ прекрасный:
Не обманъ ли эта клятва?»

— «Нѣтъ во мнѣ обмана, милый!
Какъ въ груди моей ни капли
Не струится крови мавровъ,
Ни жидовской грязной крови!»

«Позабудь жидовъ и мавровъ!» —
Говоритъ съ улыбкой рыцарь
И подъ сѣнь густую миртовъ
Онъ уводитъ донью Клару.

Нѣжно онъ ее опуталъ
Страсти пламенной сѣтями...
Вотъ слова короче стали,
И длиннѣе поцѣлуи...

Соловья напѣвы льются,
Будто звуки брачной пѣсни;
Свѣтляки въ травѣ зажглися,
Какъ огни въ роскошномъ залѣ;

Подъ навѣсомъ листьевъ темныхъ
Все затихло... Только слышны
Шопотъ миртовъ осторожныхъ
Да цвѣтовъ благоуханье.

Вдругъ изъ яркихъ оконъ за̀мка
Полились потокомъ звуки...
И, очнувшись, донья Клара
Говоритъ въ испугѣ другу:

«Чу! зовутъ меня, мой милый!
Но въ минуту разставанья
Ты скажи свое мнѣ имя...
Что̀ таить его напрасно!»

И, смѣясь лукаво, рыцарь
Доньи пальчики цѣлуетъ,
Кудри темные и плечи —
И потомъ ей отвѣчаетъ:

«Я, синьора, вашъ любовникъ —
Сынъ мудрѣйшаго изъ старцевъ,
Знаменитаго раввина
Въ Сарагоссѣ — Израэля».

ТАМБУРМАЖОРЪ.

Онъ низко палъ... Тамбурмажора
Не узнаю я больше въ немъ!
А въ дни Имперіи, бывало,
Какимъ глядѣлъ онъ молодцомъ!

Онъ шелъ съ улыбкой передъ войскомъ
И палкой длинною махалъ;
Галунъ серебряный мундира
При свѣтѣ солнечномъ блисталъ.

Когда при барабанномъ боѣ
Вступалъ въ нѣмецкій городъ онъ,
Въ отвѣтъ на этотъ бой стучали
Сердца у нашихъ дѣвъ и женъ.

Придетъ, увидитъ онъ красотку —
И побѣдитъ ее сейчасъ;
Слезами женскими увлаженъ
Былъ черный усъ его не разъ.

Мы все сносили поневолѣ,
И покорялъ, являясь къ намъ,
Мужчинъ — французскій императоръ,
Тамбурмажоръ французскій — дамъ.

Какъ наши ели, терпѣливы,
Молчали долго мы; но, вотъ,
Намъ, наконецъ, освобождаться
Приказъ начальство отдаетъ.

И вдругъ, какъ быкъ разсвирѣпѣлый,
Свои мы подняли рога
И пѣсни Кёрнера запѣли —
И одолѣли мы врага!

Стихи ужасные звучали
Въ ушахъ тирана день и ночь;
Тамбурмажоръ и императоръ
Отъ нихъ бѣжать пустились прочь.

Обоимъ грѣшникамъ правдивой
Судьбой урокъ былъ страшный данъ:
Наполеонъ попался въ руки
Жестокосердыхъ англичанъ.

Его на островѣ пустынномъ
Позорно мучили они,
И, наконецъ, ужъ ракъ въ желудкѣ
Пресѣкъ страдальческіе дни.

Тамбурмажоръ былъ точно также
Всѣхъ прежнихъ почестей лишенъ.
Чтобъ избѣжать голодной смерти,
У насъ въ отелѣ служитъ онъ.

Посуду моетъ, топитъ печи,
Таскаетъ воду и дрова;
Кряхтитъ бѣдняга, и трясется
Его сѣдая голова.

Когда пріятель Фрицъ порою
Ко мнѣ заходитъ вечеркомъ,
Никакъ не можетъ удержаться,
Чтобъ не сострить надъ старикомъ.

Не стыдно ль, Фрицъ? Совсѣмъ не мѣсто
Здѣсь этимъ пошлымъ остротамъ:
Величье падшее позорить
Нейдетъ Германіи сынамъ.

Тебѣ бы должно съ уваженьемъ
Смотрѣть на эти сѣдины...
Старикъ, быть-можетъ, твой родитель,
Хотя и съ лѣвой стороны..

У КАМИНА.

(старая пѣсня).

На дворѣ мятель и вьюга,
Окна снѣгомъ занесло;
Здѣсь же, въ комнаткѣ уютной,
Такъ спокойно и тепло.

Я сижу въ широкомъ креслѣ,
Предо мной каминъ трещитъ,
Съ закипающей водою
Чайникъ пѣсню мнѣ жужжитъ;

На полу лежитъ котенокъ,
Грѣетъ лапки у огня...
Думы странныя наводитъ
Яркій пламень на меня.

И забытыя явленья
Возникаютъ предо мной,
Съ потускнѣвшимъ ихъ сіяньемъ,
Съ маскарадной пестротой.

Вижу я: въ толпѣ киваютъ
Мнѣ красавицы тайкомъ,
И, кривляясь, арлекины
Скачутъ съ хохотомъ кругомъ.

Вотъ глядятъ, въ раздумьи тихомъ,
Лики мраморныхъ боговъ,
И дрожатъ при свѣтѣ лунномъ
Листья сказочныхъ цвѣтовъ;

Вотъ плыветъ волшебный за̀мокъ,
А потомъ моимъ глазамъ
Предстаетъ блестящій поѣздъ
Храбрыхъ рыцарей и дамъ.

Все проносится такъ быстро,
Тѣнью легкою скользитъ...
Ахъ! вода ужъ льется мимо, —
Кошка мокрая кричитъ...

БѢСЪ.

Я бѣса звалъ — и онъ явился предо мной
И, признаюсь, меня ужасно удивилъ:
Не отвратительный и вовсе не хромой;
Мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ и чрезвычайно милъ.

Какъ обязателенъ и свѣдущъ какъ притомъ!
О государствѣ и о церкви — обо всемъ
Толкуетъ такъ умно̀ — искусный дипломатъ!
Мнѣ показался онъ немножко блѣдноватъ.

Не мудрено: онъ все надъ Гегелемъ сидитъ,
Но критику совсѣмъ ужъ бросилъ, говоритъ, —
И бабушкѣ своей, Гекатѣ, сдалъ ее.
Онъ очень похвалилъ стремленіе мое

Юристомъ сдѣлаться: и самъ когда-то онъ
Наукой права былъ такъ сильно увлеченъ!
Потомъ, раскланявшись, прибавилъ, что моимъ
Знакомствомъ дорожитъ, что будетъ счастливъ имъ.

И, наконецъ, спросилъ: «Мнѣ кажется, что васъ
Ужъ видѣлъ у посла испанскаго я разъ?»
Тогда въ его черты я вглядываться сталъ —
И, точно, стараго знакомаго призналъ.

СТРАНСТВУЙ!

Когда тебя женщина броситъ,
Проворнѣй влюбляйся опять;
Но лучше — по бѣлому свѣту
Съ котомкой отправься гулять.

Ты синее озеро встрѣтишь,
Надъ озеромъ липы растутъ;
Свое небольшое страданье
Все можешь ты выплакать тутъ.

На горы крутыя взбираясь,
Заохаешь ты, какъ старикъ;
Но если достигнешь вершины,
Орлиный услышишь тамъ крикъ.

И самъ ты въ орла превратишься —
Почуешь, что силенъ ты сталъ...
Что сталъ ты свободенъ... и очень
Немного внизу потерялъ!

ПАДЕНІЕ.

Неужель нрирода пала?
Нашъ порокъ привился къ ней?
У животныхъ, у растеній
Вижу ложь, какъ у людей.

Я невинности лилеи
Вовсе вѣрить пересталъ:

Мотылекъ непостоянный
Слишкомъ часто къ ней леталъ!

Подозрительна фіалка
Съ скромнымъ запахомъ своимъ:
Этотъ маленькій цвѣточекъ
Славы жаждою томимъ.

Нѣтъ ужъ искренняго чувства
Въ громкихъ пѣсняхъ соловья:
Въ этомъ щелканьѣ и свистѣ
Лишь рутину слышу я!

Скрылась правда, вѣрность тоже
Исчезаетъ ей вослѣдъ:
Вотъ и песъ — хвостомъ виляетъ,
А ужъ вѣрности въ немъ нѣтъ!

---

*
* *

Скучно мнѣ! И взоръ кидаю
Я на прошлое съ тоской...
Лучше міръ былъ, и дружнѣе
Жили люди межъ собой...

А теперь... несносно, вяло,
Словно вымеръ цѣлый свѣтъ.
На землѣ чертей не стало,
Да и въ небѣ Бога нѣтъ.

Все такъ мрачно... отовсюду
Вѣетъ холодомъ могилъ...
И не будь любви немножко,
Право, жить не стало бъ силъ!..

---

*
* *

И у меня былъ край родной!
Прекрасенъ онъ!
Тамъ ель качалась надо мной...
Но то былъ сонъ!

Семья друзей была жива,
Со всѣхъ сторонъ
Звучали мнѣ любви слова...
Но то былъ сонъ!

---

*
* *

Возьми барабанъ — и не бойся,
Цѣлуй маркитантку звучнѣй!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей!

Сильнѣе стучи и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства!..
А самъ маршируй впереди!

Вотъ Гегель! Вотъ книжная мудрость!
Вотъ духъ философскихъ началъ!
Давно я постигъ эту тайну,
Давно барабанщикомъ сталъ!

---

*
* *

Совѣтовъ полезныхъ немало
И мнѣ надавали они, —
Твердили мнѣ: «случая ждите!»
И ждалъ я несчетные дни.

Но, слушая эти совѣты,
Отъ голоду умеръ бы я,
Когда бы судьба не послала
Мнѣ друга утѣшить меня.

И, добрый, онъ подалъ мнѣ хлѣба
Изъ вѣрныхъ, спасительныхъ рукъ...
Его бы я обнялъ за помощь,
Да трудно... я самъ этотъ другъ!

---

*
* *

Былъ старый король (эту пѣсню
Я, други, слыхалъ встарину),
Сѣдой и съ остылой душою;
Онъ взялъ молодую жену.

Былъ пажъ съ голубыми глазами,
Исполненъ отваги и силъ;
Онъ шелковый шлейфъ королевы,
Прекрасной и юной, носилъ.

Докончить ли старую пѣсню?
Звучитъ такъ уныло она...
Другъ друга они полюбили —
И смерть имъ была суждена.

---

*
* *

Вѣтеръ осенній колышетъ
Листья деревъ при лунѣ;
Въ плащъ завернувшись, я ѣду
Лѣсомъ густымъ на конѣ.

Мысли, меня обгоняя,
Быстро несутся впередъ...

Домикъ подруги знакомый
Взорамъ моимъ предстаетъ.

Лаютъ собаки... Съ огнями
Слуги встрѣчаютъ меня;
Вотъ, я вхожу, о ступени
Шпорами громко звеня.

Въ комнатѣ теплой и свѣтлой
Милая плачетъ, одна...
Радостно вскрикнувъ, на шею
Кинулась другу она.

Шумъ вкругъ меня раздается,
Слышу я говоръ вѣтвей:
«Что тебѣ нужно, безумецъ,
Съ глупой мечтою своей?»

МЕТТА.

(ДАТСКАЯ БАЛЛАДА).

Петеръ и Бендеръ винцо попивали...
Петеръ сказалъ: «Я побьюсь объ закладъ:
Какъ ты ни пой, а жены моей Метты
Пѣсни твои не плѣнятъ».

— «Ставь мнѣ собакъ своихъ, — Бендеръ отвѣтилъ, —
Я о конѣ буду биться своемъ:
Нынче же въ полночь жену твою Метту
Я привлеку къ себѣ въ домъ».

Полночь пробило... И Бендера пѣсня
Вдругъ раздалась средь ночной тишины,
Лѣсомъ и полемъ тѣ звуки неслися,
Страсти и нѣги полны.

Чуткія ели свой слухъ напрягали,
Въ небѣ высокомъ дрожала луна,
Слушали умныя звѣзды прилежно,
Ропотъ сдержала волна.

Звуки и Метту отъ сна пробудили:
«Кто подъ окномъ моимъ ночью поетъ?»
Встала съ постели и, быстро одѣвшись,
Вышла она изъ воротъ.

Вышла... Идетъ черезъ лѣсъ, черезъ рѣку...
Бендера пѣнье чаруетъ ее;
Силою звуковъ чудесныхъ влечетъ онъ
Метту въ жилище свое.

Поздно домой она утромъ вернулась,
Петеръ ее поджидалъ у дверей.
«Гдѣ пропадала, жена моя Метта,
Мокро все платье у ней?»

— «Слушая фей водяныхъ предсказанье,
Ночь провела я надъ нашей рѣкой;
Въ волнахъ ныряя, меня обливали
Феи-шалуньи водой».

«Нѣтъ, ты не слушала фей предсказанье,
Ты не была надъ рѣкой: тамъ песокъ —
Что же твои исцарапаны ноги?
Кровь даже каплетъ со щекъ?»

— «Въ лѣсъ я ходила смотрѣть, какъ рѣзвятся
Эльфы веселые тамъ при лунѣ;
Сосенъ и елей колючія вѣтви
Тѣло изрѣзали мнѣ».

«Эльфы рѣзвятся весенней порою,
Въ майскія ночи, на пестрыхъ цвѣтахъ;
Осень теперь, и лишь вѣтеръ холодный
Воетъ уныло въ лѣсахъ».

— «Къ Бендеру въ полночь я нынче ходила:
Пѣнью противиться не было силъ.
Шла я, покорная звукамъ, — и Метту
Въ домъ онъ къ себѣ заманилъ.

«Сильны, какъ смерть, эти чудные звуки!
Манятъ, зовутъ на погибель они...
Ахъ, и теперь они жгутъ мое сердце!
Знать, сочтены мои дни...»

Чернымъ обиты церковныя двери;
Колоколъ глухо, протяжно звонитъ, —
Смерть возвѣщаетъ онъ Метты несчастной...
Вотъ она въ гробѣ лежитъ.

Петеръ надъ мертвой стоитъ и, рыдая,
Горе свое выражаетъ, бѣднякъ:
«Все потерялъ я: жену дорогую
И своихъ вѣрныхъ собакъ!»

ГРАФИНЯ ГУДЕЛЬ-ФОНЪ-ГУДЕЛЬСФЕЛЬДЪ.

Преклоняются всѣ, о, графиня,
За червонцы твои предъ тобой!
Въ раззолоченной пышной каретѣ,
Запряжённой четверкой лихой,
Ты на герцогскій балъ покатила.
Тамъ огни и оркестръ ужъ гремитъ,
И по мраморнымъ, гладкимъ ступенямъ
Длинный шелковый шлейфъ твой шумитъ.
А вверху галуны и ливреи,
И кричатъ великаны-лакеи:
«M-me la comtesse Goudelsfeld!»

Въ дорогихъ кружевахъ, въ брилліантахъ,
По сіяющимъ заламъ дворца,
Гордо съ вѣеромъ ты выступаешь,

И не сходитъ улыбка съ лица.
Такъ высо̀ко отъ радости дышитъ
Грудь твоя, и полна̀, и бѣла:
Передъ цѣлымъ дворомъ герцогиня
«Cara mia» тебя назвала̀.
Вальсируютъ съ тобой камергеры;
Превозноситъ самъ герцогъ манеры
De m-me la comtesse Goudelsfeld!

Но бѣда, если денегъ не будетъ!
Всѣ къ тебѣ повернутся спиной;
Cara mia презрительно взглянетъ
И ни слова не скажетъ съ тобой;
Длинный шлейфъ твой оттопчутъ лакеи,
Не пойдешь съ камергеромъ плясать,
И любезностей ты не услышишь,
Только будешь обиды глотать;
Даже герцогъ сострить герцогинѣ:
«Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,
Отъ m-me la comtesse Goudelsfeld!»

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

Братъ съ сестрой когда-то жили.
Онъ — богатъ, она — бѣдна.
Разъ сестра сказала брату:
«Помоги, я голодна!»

— «Ахъ! Оставь меня сегодня! —
Братъ ей вымолвилъ въ отвѣтъ: —
Я совѣту городскому
Задаю большой обѣдъ.

«Этотъ любитъ ананасы;
Этотъ — супъ изъ черепахъ;
Этотъ — съ трюфлями фазановъ, —
Цѣлый день я въ хлопотахъ.

«Одному — морскую рыбу,
А другому — семгу дай;
Третій жретъ, что ни попало,
Лишь вина въ него вливай!»

И, голодная, отъ брата
Въ уголъ свой она пришла.
Тамъ, слезами обливаясь,
На соломѣ умерла...

Всѣ умремъ мы... Вотъ явилась
Смерть и къ братнему одру:
Богача она сразила
Такъ, какъ онъ сразилъ сестру.

Но, почуявъ, что пришлося
Грѣшный міръ нашъ покидать,
Онъ нотаріуса призвалъ
Завѣщаніе писать.

Духовенству онъ оставилъ
Очень круглый капиталъ;
Школѣ, также и музею,
Много денегъ отказалъ.

Не забылъ онъ въ завѣщаньи
Институтъ глухонѣмыхъ,
Поощрилъ богоугодныхъ
Обществъ много и другихъ.

Былъ имъ колоколъ огромный
Въ даръ собору принесенъ:
Страшный вѣсъ! Металлъ отличный!
Потрясаетъ воздухъ звонъ!

И, весь день не умолкая,
Этотъ колоколъ гудитъ
Про тебя, о, мужъ великій,
Какъ добромъ ты знаменитъ!

Языкомъ своимъ онъ мѣднымъ
Возвѣщаетъ, что тобой
Всѣ сограждане гордятся,
Весь гордится край родной.

Въ честь твою гудѣть онъ будетъ,
Незабвенный филантропъ,
И тогда, когда ты ляжешь,
Къ общей скорби, въ тѣсный гробъ.

Погребенье совершилось
Съ подобавшимъ торжествомъ;
На кортежъ толпа взирала
Въ удивленіи нѣмомъ.

Балдахинъ былъ убранъ въ перья,
Пышный гробъ стоялъ подъ нимъ,
Чернымъ бархатомъ обитый,
Съ позументомъ дорогимъ.

Серебро на черномъ фонѣ
Представляетъ чудный видъ;
Позументы, кольца, бляхи—
Все сверкаетъ и блеститъ!

Шагъ за шагомъ, колесницу
Черныхъ шесть коней везли;
Будто мантіи, попоны
Упадали до земли.

Сзади въ траурѣ лакеи
Шли, въ печаль погружены;
Всѣ у глазъ платки держали
Чрезвычайной бѣлизны.

А потомъ каретъ парадныхъ
Протянулся длинный рядъ,
И я видѣлъ, что почетныхъ
Много въ нихъ особъ сидятъ.

И совѣта городского
Члены были также здѣсь,
Но, однакожъ, къ сожалѣнью,
Налицо онъ былъ не весь:

Мужъ почтенный, что̀ фазановъ
Кушать съ трюфлями любилъ,
Несвареніемъ въ желудкѣ
Самъ сведенъ въ могилу былъ.

---

*
* *

Глаза мои ночь застилала,
Уста мои скованы были,
Съ холоднымъ челомъ, неподвижный,
Лежалъ я въ глубокой могилѣ.

И долго ли спалъ я — не знаю...
Но, вотъ, я проснулся и слышу,
Что кто-то и громко, и часто
Стучится въ гробо̀вую крышу.

«Иль встать ты не хочешь, мой милый!
Ужъ вѣчнаго дня надъ вселенной
Заря занялася и мертвыхъ
Зоветъ она къ жизни нетлѣнной».

— «Я встать не могу, дорогая!
Не будетъ конца моей ночи.
Давно ужъ ослѣпъ я... ты знаешь,
Потухли отъ слезъ мои очи».

«Я въ очи тебя поцѣлую—
И мракъ прогоню я лобзаньемъ;
Ты ангеловъ долженъ увидѣть,
Небесъ насладиться сіяньемъ».

18

— «Но какъ же я встану? Изъ сердца
Все кровь еще льется потокомъ:
Сама нанесла эту рану
Ты мнѣ ядовитымъ упрекомъ».

«Мой милый, я тихо на сердце
Тебѣ положу свои руки,
И кровь перестанетъ струиться,
И стихнутъ въ груди твоей муки».

— «Не встать мнѣ, моя дорогая,
И въ черепѣ рана сочится:
Его прострѣлилъ я, какъ время
Пришло намъ съ тобой разлучиться».

«И въ черепѣ рану зажму я
Волосъ моихъ прядью густою,
И кровь удержу, о, мой милый,
Чтобъ всталъ и пошелъ ты со мною!»

Такъ страстно, такъ нѣжно звучалъ мнѣ
Тотъ голосъ, знакомый и милый...
Противиться дольше не могъ я
И встать ужъ хотѣлъ изъ могилы...

Какъ вдругъ мои раны раскрылись,
И хлынули крови потоки
Съ какою-то бѣшеной силой...
Но тутъ я проснулся...

РАЗГОВОРЪ ВЪ ДУБРАВѢ.

«Слышишь, къ намъ несутся звуки
Контрабаса, флейты, скрипки!
Это пляшутъ поселянки
На лугу, подъ тѣнью липки».

— «Контрабасы, флейты, скрипки!
Ужъ не спятилъ ли съ ума ты?
Это хрюканью свиному
Вторятъ съ визгомъ поросята».

«Слышишь, какъ трубитъ охотникъ
Въ мѣдный рогъ свой въ чащѣ темной?
Слышишь, какъ ягнятъ сзываетъ
Пастушокъ волынкой скромной?»

— «Я не слышу ни волынки,
Ни охотничьяго рога,—
Вижу только свинопаса,
Что̀ идетъ своей дорогой».

«Слышишь пѣнье? Сладко въ душу
Льется пѣсня неземная;
Вѣютъ бѣлыми крылами
Херувимы, ей внимая».

— «Бредишь ты! Какое пѣнье
И какіе херувимы?
То гусей своихъ мальчишки,
Распѣвая, гонятъ мимо».

«Колокольный звонъ протяжный
Раздается въ отдаленьи;
Въ бѣдный храмъ свой поселяне
Идутъ, полны умиленья».

— «Ошибаешься, мой милый:
И степенны, и суровы,
Съ колокольчиками идутъ
Въ стойло темное коровы».

«Посмотри: между вѣтвями
Платье бѣлое мелькаетъ;
То идетъ моя подруга,
Страстью взоръ ея блистаетъ!»

— «Вотъ потѣха! Иль не знаешь
Ты лѣсничихи-старушки?
Цѣлый день съ клюкою бродить
У лѣсной она опушки».

Всѣ вопросы фантазера
Осмѣялъ ты ядовито...
Одного ты не разрушишь,
Что̀ глубоко въ сердцѣ скрыто...»

LAZARUS.

Счастья сыны! Ваша жизнь не внушитъ
Зависти мнѣ недостойной;
Смерти лишь вашей завидую я,
Вашей кончинѣ спокойной.

Вы на банкетѣ житейскомъ, въ вѣнкахъ
И разодѣтые пышно,
Весело, шумно сидите, и къ вамъ
Смерть подступаетъ неслышно.

Въ праздничномъ, пышномъ нарядѣ, съ челомъ,
Свѣжей гирляндой обвитымъ,
Въ царство подземное, въ царство тѣней
Идутъ судьбы фавориты.

Видъ не страдальческій вовсе у нихъ,—
Нѣтъ! у нихъ бодрая мина,
И къ своему принимаетъ двору
Ласково ихъ Прозерпина.

Какъ я могу не завидовать имъ!
Вотъ ужъ семь лѣтъ выношу я
Муки, которымъ нѣтъ мѣры, и смерть
Тщетно и жду, и зову я!

Злая судьба! Прекрати ты скорѣй
Страшныя эти страданья:
Іовомъ быть, какъ извѣстно тебѣ,
Я не имѣю призванья.

Ты не логична: веселый поэтъ
Созданъ тобой, и сама же
Славы ты доброй лишаешь его...
Въ этомъ и смыслу нѣтъ даже!

Ясный мой духъ омрачила болѣзнь—
Я становлюсь меланхоликъ;
Если не близокъ конецъ, изъ меня
Выйдетъ, пожалуй, католикъ.

И непрестанно я буду вопить
Вмѣстѣ съ толпой піэтистовъ:
О, miserere! погибъ ни за что
Лучшій изъ всѣхъ юмористовъ!

ЖАЖДА ОТДЫХА.

Пускай сочится кровь изъ раны,
Не сохнутъ слезы на глазахъ,—
Таится въ боли сладострастье,
И утѣшенье есть въ слезахъ!

Когда бъ людьми ты не былъ раненъ,
Себя бы ты изранилъ самъ;
Такъ будь доволенъ тѣмъ, что слезы
Еще струятся по щекамъ!

Смолкаетъ шумъ дневной, и скоро
Меня объемлетъ вѣчный мракъ...
И ужъ покоя не отравятъ
Мнѣ ни бездѣльникъ, ни дуракъ.

Мой слухъ отъ пытки фортепьянной
Навѣкъ тамъ будетъ огражденъ;
Тамъ отъ бравурныхъ, глупыхъ арій
Не пострадаетъ больше онъ.

Никто не будетъ Мейербера
Мнѣ геніальность прославлять,
И блескъ роскошныхъ декорацій
Взоръ перестанетъ ослѣплять...

Могила—рай для тѣхъ злосчастныхъ,
Кому противенъ черни гамъ...
Смерть хороша! Но не родиться
Еще бы лучше было намъ!

---

*
* *

Спектакль оконченъ. Занавѣсъ спустили.
Толпа изящныхъ дамъ и кавалеровъ
Спѣшитъ домой. Поэта наградили
Рукоплесканья шумныя партера.
И, вотъ, теперь въ большомъ и темномъ зданьѣ
Смѣнило шумъ угрюмое молчанье...
Но, чу! близъ опустѣвшей сцены, вдругъ,
Послышался какой-то рѣзкій звукъ:
То лопнула струна въ оркестрѣ... Крысы
Скребутся гдѣ-то и грызутъ кулисы...
Повсюду ненавистный запахъ масла...
Вотъ лампа замигала .. и шипя,
Съ отчаяньемъ — послѣдняя — угасла!
Тотъ бѣдный пламень былъ—душа моя...

---

*
* *

Какъ цвѣты, расцвѣтаютъ желанья
Лишь затѣмъ, чтобъ потомъ отцвѣсти,
И опять расцвѣтаютъ, и блёкнутъ—
И такъ будетъ до гроба идти...

Это мнѣ отравляетъ веселье,
Отравляетъ любовь мнѣ давно...
Какъ умно мое сердце, что кровью
Наконецъ истекаетъ оно!

---

*
* *

Какъ старикъ съ однимъ кровавымъ
Глазомъ, смотрятъ небеса;
Облака на лобъ нависли,
Какъ сѣдые волоса.

Подъ суровымъ этимъ взглядомъ
Вянутъ листья и цвѣты...
Вянутъ въ сердцѣ человѣка
Пѣсни, чувства и мечты!

---

*
* *

Въ бракъ со мной вступивъ, ты будешь
Жить спокойно и счастливо;
Крикъ твой, женскіе капризы,
Все снесу я терпѣливо.

И лишь, если не захочешь
Ты хвалить стиховъ супруга,
Я, безъ дальнихъ словъ, съ тобою
Разведусь, моя подруга.

---

*
* *

Надъ долиной, надъ горами
Разстилается туманъ;
Обнажилъ въ лѣсу деревья
Злой осенній ураганъ.

У одной березки только
Уцѣлѣлъ еще нарядъ;
Будто смочены слезами,
Листья влажные блестятъ.

Какъ душа моя, печаленъ
Этотъ мертвый видъ полей;
Это деревцо — живущій
Неизмѣнно образъ въ ней!

---

*
* *

Будь спокойна, нашей страсти
Свѣту я не выдаю,
Хоть восторженно и часто
Красоту хвалю твою.

Нѣтъ! Подъ лѣсомъ розъ, глубоко,
Отъ нескромности людской
Скрылъ я пламенную тайну,
Скрылъ я тайный пламень свой.

Если бъ даже измѣнила
Нашей тайнѣ иногда
Искра, вырвавшись наружу
Изъ-подъ розъ, — что̀ за бѣда?

Знаю я, что подозрѣній
Мы не вызовемъ людскихъ:
Люди въ пламень тотъ не вѣрятъ, —
Онъ — поэзія для нихъ...

ANNO 1829.

Чтобъ умереть я могъ спокойно,
Отдайте мнѣ просторъ полей!
Я задыхаюсь въ этомъ узкомъ,
Противномъ мірѣ торгашей.

Ихъ жизнь въ ѣдѣ, въ блаженствѣ скóтскомъ
Проходитъ съ ночи до утра;
Ихъ милосердіе широ́ко,
Какъ въ кружкѣ нищенской дыра.

Торчатъ въ зубахъ у нихъ сигары,
И руки спрятаны въ пальто,
И хорошо пищеваренье,—
Но ихъ переваритъ ли кто?

Хоть косметическихъ товаровъ
Къ нимъ грузъ идетъ со всѣхъ сторонъ,
Но вздухъ смрадомъ ихъ душевнымъ,
Какъ мертвечиной, заражёнъ.

Нѣтъ! рядъ кровавыхъ преступленій
Такъ возмутитъ меня едваль,
Какъ добродѣтели ихъ сытой
Тупая, дряблая мораль!

Зачѣмъ меня отсюда тучи
Не унесутъ съ собой давно?
Хоть къ готтентотамъ, хоть къ лапландцамъ...
Хоть даже къ нѣмцамъ,—все равно!

Но тучи умныя несутся,
Меня не слушая, впередъ
И боязливо ускоряютъ
Надъ этимъ городомъ полетъ.

АЛЬМАНЗОРЪ.

I.

Есть соборъ въ Кордовѣ. Старый
Мощный куполъ подпираютъ
Исполинскія колонны;
Ихъ числомъ — тринадцать сотенъ.

Стѣны стараго собора,
И колонны тѣ, и куполъ
Изреченьями корана
Сверху донизу покрыты.

Этотъ храмъ воздвигли мавры
Всемогущему Аллаху;
Но съ тѣхъ поръ временъ пучина
Измѣнила въ мірѣ много.

Башня та, съ которой звали
На молитву правовѣрныхъ,
Превратилась въ колокольню;
Слышенъ звонъ на ней тоскливый.

На священныхъ тѣхъ ступеняхъ,
Гдѣ слова пророка пѣлись,
Нынче лысые монахи
Католическіе служатъ.

И, раскрашенныя всюду,
Тамъ стоятъ святыхъ статуи;
Дымъ отъ ладона клубится,
И въ дыму мигаютъ свѣчи...

Вотъ Альма̀нзоръ-бенъ-Абду́лла
Подъ соборнымъ, темнымъ сводомъ
На колонны грустно смотритъ
И такія шепчетъ рѣчи:

«Мощны вы и колоссальны,
Въ честь Аллаха васъ воздвигли!
А теперь сносить должны вы
Терпѣливо христіанство.

«Вы сжились съ нимъ понемногу,
Вамъ не тяжко ваше бремя;
Такъ ужъ тотъ, кто послабѣе,
И подавно примирится...»

И въ соборѣ кордуанскомъ
Альманзоръ, съ лицомъ веселымъ,
Предъ украшенной купелью
Низко голову склоняетъ.

II.

Храмъ покинувъ, онъ поспѣшно
На коня вскочилъ. Взвивались
Кудри влажные, и перья
Колыхалися на шляпѣ.

По дорогѣ къ Альколею,
Вдоль рѣки Гвадалквивира,
Гдѣ бѣлѣетъ цвѣтъ миндальный,
Апельсинъ душистый зрѣетъ,—

Вотъ куда помчался рыцарь!..
Онъ поетъ, смѣется, свищетъ,
И его веселью вторятъ
Пѣнье птицъ и водъ журчанье.

Въ Альколеѣ обитаетъ
Донья Клара ди-Альварецъ;
На войну отецъ уѣхалъ,—
Безъ него свободнѣй въ замкѣ.

Вотъ ужъ слышитъ въ отдаленьи
Альманзоръ литавры, трубы...
Вотъ огни мелькаютъ въ окнахъ
Сквозь листву деревьевъ темныхъ...

Въ Альколеѣ балъ. Танцуютъ
Тамъ двѣнадцать дамъ красивыхъ
И двѣнадцать кавалеровъ —
Альманзоръ царитъ надъ всѣми!

Онъ, какъ будто окрыленный
Счастьемъ, носится по залѣ;

Очаровывать красавицъ
Онъ умѣетъ лестью тонкой...

Цѣловалъ сейчасъ онъ руки
У прекрасной Изабеллы,
И ужъ, вотъ, подсѣлъ къ Эльвирѣ
И глядитъ въ лицо ей нѣжно...

Онъ съ усмѣшкой Леонорѣ
Говоритъ: «Хорошъ я нынче?»
И указываетъ взглядомъ
Плащъ свой, вышитый крестами.

Дамъ въ любви всѣхъ увѣряя,
Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ,
Онъ воскликнулъ въ этотъ вечеръ:
«Я клянусь, какъ христіанинъ!»

III.

Все затихло въ Альколеѣ;
Смолкли музыка и говоръ,
Скрылись рыцари и дамы,
И огней не видно въ окнахъ.

Альманзоръ и донья Клара
Лишь одни остались въ залѣ;
Ихъ обоихъ озаряетъ
Блѣдный свѣтъ послѣдней лампы.

Въ кресла сѣла донья Клара,
Альманзоръ сѣлъ на скамейку
И усталой головою
Онъ припалъ къ колѣнямъ милой...

Съ грустной думою во взорѣ,
Изъ флакона золотого
Масло розовое дама
Льетъ на кудри Альманзора.

Съ грустной думою во взорѣ,
Дама нѣжными устами
Къ тѣмъ кудрямъ густымъ прильнула...
Альманзоръ чело нахмурилъ.

Изъ очей ея лучистыхъ
Слезы капаютъ на кудри
Смоляные Альманзора...
Онъ со злостью стиснулъ губы.

И мечтаетъ рыцарь, будто
Онъ опять стоитъ въ соборѣ,
Головой на грудь поникнувъ,
И глухой тамъ говоръ слышитъ...

То колоннъ гигантскихъ ропотъ:
«Выносить нѣтъ больше силы
Это бремя...» И всѣ вмѣстѣ
Пошатнулись великаны.

Съ трескомъ куполъ провалился;
И попы, и богомольцы
Стонутъ, ужасомъ объяты,
И святыхъ блѣднѣютъ лики...

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ПЕСЪ.

Былъ пудель, Брутъ. Могу сказать я смѣло,—
На имя то имѣлъ онъ всѣ права:
Про умъ его и доблести гремѣла
По всей странѣ стоустая молва.
Терпѣнія и правилъ самыхъ строгихъ
И вѣрности являлъ онъ образецъ;
Блестящій перлъ межъ всѣхъ четвероногихъ,
Людьми былъ чтимъ онъ, какъ Натанъ-мудрецъ.
Цѣня его достойно, по заслугамъ,
Ему во всемъ хозяинъ довѣрялъ;
Считалъ его онъ преданнѣйшимъ другомъ
И къ продавцу за мясомъ посылалъ;

И отдавалъ ему мясникъ корзину,
И, взявши въ ротъ ее, почтенный песъ
Баранину, телятину, свинину
По улицамъ спокойно, гордо несъ.
Хоть запахъ былъ заманчивъ, — не плѣнялся
Имъ честный Брутъ: въ душѣ онъ стоикъ былъ,
Онъ ни костей, ни мяса не касался
И въ цѣлости домой все приносилъ.
Но межъ собакъ есть много, къ сожалѣнью,—
Какъ и межъ насъ,— безчувственныхъ скотовъ,
Что̀ преданы плотскому наслажденью
И лишены всѣхъ нравственныхъ основъ.
И эти-то дворные псы изъ мести
Задумали составить заговоръ:
Бѣсило ихъ, что вѣренъ долгу чести
Всегда былъ Брутъ, а не былъ гнусный воръ...
И вотъ, когда однажды онъ изъ лавки,
Неся свою корзину, шелъ домой,
Вся эта дрянь — Барбосы, Жучки, Шавки —
Вдругъ на него накинулись гурьбой
И вырвали добычу дорогую!
Онъ отражать не въ силахъ былъ враговъ;
Попадали куски на мостовую,
И начался дѣлежъ у алчныхъ псовъ.
Сперва на нихъ глядѣлъ спокойнымъ взглядомъ,
Какъ истинный философъ, честный Брутъ;
Но, наконецъ, взяла его досада,
Что сладко такъ мерзавцы эти жрутъ,
И, волю давъ объявшей сердце злости,
Самъ оплетать онъ сталъ филей и кости.

МОРАЛЬ.

«Какъ Брутъ! и ты, который былъ такъ чистъ!»—
Скорбя душой, воскликнетъ моралистъ.
Увы! дурной примѣръ собьетъ съ дороги!
И даже Брутъ — краса четвероногихъ —
Не совершененъ самъ; онъ жретъ,
Какъ всякій скотъ!

— — —

*
* *

У входа въ рыбачью лачужку
Усѣвшись, вечерней порой,
Смотрѣли мы, какъ надъ заливомъ
Туманъ поднимался сѣдой.

Предъ нами на башнѣ маячной
Огни постепенно зажгли;
Еще мы одну разглядѣли
Чернѣвшую мачту вдали...

Вели разговоръ мы о буряхъ,
О страшномъ крушеньи судовъ,
И какъ межъ надеждой и страхомъ
Проходитъ вся жизнь моряковъ.

О многомъ еще говорили:
О странахъ далекихъ, чужихъ,
О людяхъ, что̀ тамъ обитаютъ,
О разныхъ обычаяхъ ихъ;

Гдѣ свѣтлыя воды Гангѐса
Струятся, и лотосъ цвѣтетъ,—
Колѣни предъ нимъ преклоняетъ
Красивый и тихій народъ.

Въ Лапландіи, съ черепомъ плоскимъ,
На карточкахъ люди сидятъ
И жарятъ они себѣ рыбу
И дико визжатъ и кричатъ.

Насъ слушали женщины жадно...
Но, вотъ, всѣ притихли мы вдругъ:
Ужъ мачты намъ не было видно,
И мракъ разстилался вокругъ...

---

*
* *

Вчера меня ласкало счастье,
А ужъ сегодня нѣтъ его!
Мнѣ привязать не удавалось
Къ себѣ надолго никого.

Въ мои объятья любопытство
Толкало женщинъ много разъ,
Но, заглянувъ мнѣ въ сердце глубже,
Спѣшили прочь онѣ сейчасъ.

Одна — въ молчаньи уходила,
Другая — весело смѣясь,
И только ты, меня бросая,
Слезами горько залилась!

ЖЕННИ.

Мнѣ тридцать пять ужъ стукнуло. Не знаю,
Шестнадцатый тебѣ пошелъ ли годъ?
Когда гляжу я на тебя, о, Женни!
Забытый сонъ въ душѣ моей встаетъ.

Я въ восемьсотъ семнадцатомъ увидѣлъ
Прелестное созданье... Ты лицомъ
И станомъ мнѣ ее напоминаешь,
И также косу носишь ты кольцомъ.

Я ей сказалъ: «Дождись меня! Учиться
Иду правамъ я въ университетъ
И возвращусь къ тебѣ оттуда скоро».
— «Твоя навѣкъ я!» — былъ ея отвѣтъ.

Четвертый годъ сидѣлъ я въ Геттингенѣ,
Четвертый годъ зубрилъ Пандекты я,
Какъ вдругъ письмо однажды получаю,
Что вышла замужъ милая моя...

Тогда былъ май. Въ долинахъ зеленѣвшихъ
Ужъ не одинъ благоухалъ цвѣтокъ;
Изъ дальнихъ странъ вернувшись, птички пѣли,
И солнцу радъ былъ каждый червячокъ.

А я бродилъ болѣзненный и блѣдный,
Отъ горести совсѣмъ я изнемогъ,
И мýки тѣ, чтò въ эту ночь извѣдать
Мнѣ довелось, могъ видѣть развѣ Богъ.

Но все прошло... Теперь, какъ дубъ, я крѣпокъ,
Я временемъ могучимъ исцѣленъ...
Когда гляжу я на тебя, о, Женни!
Въ моей душѣ ты будишь старый сонъ!

---

*
* *

Проклиналъ ужъ я немало
И отца ея, и мать!
Мнѣ ее за ними въ ложѣ
Вовсе было не видать.

Впереди они сидѣли,
Разодѣты въ пухъ и прахъ...
И лишь изрѣдка являлся
Образъ милый мнѣ впотьмахъ.

И восторженно кричали
Эти злые старики,
Какъ любовники на сценѣ
Умирали отъ тоски!

---

*
* *

Пора оставить эту шутку
И заучёныя слова!
Давно холодному разсудку
Пора вступить въ свои права!

Я былъ съ тобой актеромъ ловкимъ:
И живописенъ, и блестящъ,
Средь театральной обстановки,
Казался рыцарскій мой плащъ.

Довольно! Я его бросаю...
Но отчего жъ въ душѣ опять
Тоска, какъ будто продолжаю
Я все комедію играть?

Иль, самъ того не сознавая,
Правдивымъ былъ я до конца —
И смерть носилъ въ груди, играя
Роль умиравшаго бойца?

ЮДОЛЬ ПЛАЧА.

Уныло въ трубахъ раздаются
Ночного вѣтра завыванья...
На чердакѣ, блѣдны и тощи,
Лежатъ два бѣдныя созданья.

И говоритъ одно: «Рукою
Обвей мнѣ крѣпче, крѣпче шею!
Къ устамъ моимъ прильни устами,
Согрѣй меня — я холодѣю!..»

И говоритъ другое: «Если
Любовь въ твоемъ мнѣ свѣтитъ взорѣ,
Я забываю стужу, холодъ
И все свое земное горе».

Они другъ другу жали руки,
И цѣловались, и рыдали...
Порой смѣялись, пѣсню пѣли
И вдругъ затихли, замолчали...

Явился утромъ полицейскій
И съ нимъ хирургъ, здоровый малый,
Для подтвержденья, что на свѣтѣ
Двухъ бѣдняковъ еще не стало.

И объявилъ хирургъ, что холодъ,
Въ соединеньи съ пустотою
Желудка, смерти ихъ считаетъ
Онъ несомнѣнною виною.

«Изъ байки нужны одѣяла,—
Прибавилъ онъ: — зима сурова».
Потомъ сказалъ, что пища также
Сытна должна быть и здорова...

---

* * *

Умѣй владѣть я кистью живописца,
Не зналъ бы я, нужда, твоихъ когтей:
Хорошенькія, пестрыя картинки
Писалъ бы я для зàмковъ и церквей.

Когда бы я бренчалъ на фортепьяно
И дамъ игрой чувствительной плѣнялъ,
Изъ рукъ моихъ поклонницъ благородный
Ко мнѣ бы текъ со всѣхъ сторонъ металлъ.

Но мнѣ, увы! маммонъ не улыбался,
Я дѣлъ своихъ устроить не умѣлъ!
Поэзіи голодное искусство
Мнѣ, бѣдному, досталось лишь въ удѣлъ.

И вотъ, когда шампанское во славу
Боговъ другіе тянутъ предо мной,
Я, ощутивъ внезапно жажду, долженъ
Желудокъ свой накачивать водой!

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Ты поешь, какъ Тиртей. Твоя пѣсня
Вдохновенной отваги полна...
Но ты публику выбралъ плохую,—
Ты въ плохія поешь времена.

Тебя слушаютъ, правда, съ восторгомъ
И, дивясь, восклицаютъ потомъ:
«Какъ полетъ его думъ благороденъ,
Какъ владѣетъ онъ мощно стихомъ!»

За стаканомъ вина не однажды
Тебѣ даже кричали: «ура!»
Хоромъ пѣсни твои распѣвали,
Распѣвали всю ночь до утра.

За столомъ спѣть свободную пѣсню
Очень любятъ рабы: вѣдь она
И желудку варить помогаетъ,
Да и больше съ ней выпьешь вина!

СИРОТКИ.

Вотъ идутъ они попарно
Въ свѣтло-синихъ сюртучкахъ.
Щечки ихъ здоровьемъ пышутъ,
Радость свѣтится въ глазахъ!
Какъ они послушны, кротки,
Эти милыя сиротки!

Въ каждомъ сердцѣ симпатію
Пробуждаетъ дѣтскій видъ,
И отъ милостыни щедрой
Кружка мѣдная звучитъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Вотъ чувствительная дама
Подбѣжала къ одному
И батистомъ утираетъ
Грязный носъ она ему.
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Ицко самъ — и тотъ стыдливо
Подалъ также сиротамъ
(У него есть тоже сердце)
И пошелъ къ своимъ дѣламъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Господинъ благочестивый
Опускаетъ луидоръ
И, чтобъ Богъ его увидѣлъ,
Обращаетъ къ небу взоръ!
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Нынче праздникъ; веселится
Цѣлый день рабочій людъ,
И за маленькихъ сиротокъ
Бѣдняки отъ сердца пьютъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

И инкогнито богиня
Милосердія идетъ,
Переваливаясь важно
За процессіей сиротъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

На лугу — палатка; вьются
Флаги пестрые надъ ней,
У дверей оркестръ играетъ;
Угощать хотятъ дѣтей.

Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Сѣли длинными рядами...
Пиръ горой у нихъ идетъ,
И грызутъ себѣ, какъ мышки,
И суютъ усердно въ ротъ
Торты, вафли и лепешки
Эти бѣдненькія крошки!
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Но мерещится невольно
Мнѣ иной сиротскій домъ:
Нѣту лакомыхъ обѣдовъ
Въ необъятномъ домѣ томъ...
У людей тамъ и у неба
Дѣти тщетно просятъ хлѣба.
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

Тамъ не водятъ ихъ попарно,
Но, куда ни загляни,
Одинокіе, печально
Бродятъ день и ночи они...
Тамъ голодныхъ слышны стоны,
И голодныхъ тѣхъ — мильоны!
Какъ они всѣ тихи, кротки,
Эти милыя сиротки!

---

* * *

(изъ посмертныхъ стихотвореній)

Она, невѣрная, явилась
Къ нему съ веселой болтовней.
Онъ одинокъ сидѣлъ въ раздумьѣ
Предъ нагорѣвшею свѣчей

Она, болтая и шутя,
Развеселить его старалась...
— «Какъ измѣнился ты... Куда
Твоя веселость вдругъ дѣвалась?»

Она съ веселой болтовней
У ногъ его, ласкаясь, сѣла...
— «Но отчего твоя рука
Такъ холодна, такъ похудѣла?»

Болтала весело она,
Потомъ внезапно замолчала...
— «О, Боже мой! и голова
Твоя совсѣмъ сѣдая стала?»

Сидѣлъ онъ блѣдный, разрывалось
Отъ горя сердце у него,
И цѣловалъ ее онъ страстно,—
Но не сказалъ ей ничего...

ВИЛЬЯМЪ РАТКЛИФФЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА.

(ПЕРЕВОДЪ ПОСВЯЩАЕТСЯ НИКОЛАЮ ГАВРИЛОВИЧУ ЧЕРНЫШЕВСКОМУ).

ПРЕДИСЛОВІЕ ГЕЙНЕ.

Этой трагедіи, или драматической балладѣ, я, по справедливости, долженъ отвести мѣсто въ собраніи моихъ стихотвореній, потому что она принадлежитъ къ числу значительныхъ документовъ, поясняющихъ процессъ моей авторской жизни. Ею резюмируется мой бурно-стремительный періодъ (Sturm-und Drang-Periode), дающій о себѣ весьма неполныя и темныя свѣдѣнія въ «Юныхъ страданіяхъ» «Книги пѣсенъ». Молодой авторъ, лепечущій тамъ тяжелымъ, неповоротливымъ языкомъ одни мечтательные звуки природы—здѣсь, въ «Ратклиффѣ», говоритъ уже твердо и смѣло и, не скрываясь, высказываетъ свое послѣднее слово. Это слово сдѣлалось впослѣдствіи лозунгомъ, отъ котораго прояснились унылыя черты бѣдняка и вытягивались жирныя физіономіи сыновъ счастья. У очага почтеннаго Тома уже слышится запахъ этого великаго вопроса о супѣ, за который принялись теперь столько плохихъ поваровъ, и который со-дня-на-день все больше и больше перекипаетъ. Счастливецъ поэтъ! Онъ видитъ дубовые лѣса, таящіеся въ жолудѣ, бесѣдуетъ съ поколѣніями, еще не родившимися. Они шепчутъ ему свои тайны, а онъ разсказываетъ ихъ потомъ на народной площади. Но голосъ его заглушенъ нуждами дня. Немногіе его слушаютъ; никто не понимаетъ его. Ф. Шлегель назвалъ историка пророкомъ прошедшаго; еще съ большей справедливостью можно, кажется, назвать поэта—историкомъ будущаго.

Я писалъ «Ратклиффа» въ Берлинѣ, «Подъ Липами», въ послѣдніе три дня января 1821 г., когда отъ солнца, освѣщавшаго покрытыя снѣгомъ крыши домовъ и грустно обнаженныя вѣтви деревьевъ, разливалась уже въ воздухѣ отрадная теплота. Я писалъ его прямо набѣло, безъ брульона, и надъ головою моей въ это время какъ будто летала и шумѣла крыльями какая-то

птица... Когда я разсказывалъ объ этомъ друзьямъ моимъ, юнымъ берлинскимъ поэтамъ, они какъ-то странно переглянулись между собою и единогласно стали увѣрять меня, что съ ними, во время писанія стиховъ, никогда не случалось ничего подобнаго...

Парижъ, 24-го ноября 1851 г.

(Neue Gedichte. Гамбургъ. 1857 г. Гофманъ и Кампе. Изданіе 5-е).

ВИЛЬЯМЪ РАТКЛИФФЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Макъ-Грегоръ, шотландскій лордъ.
Марія, дочь его.
Маргарета, ея кормилица.
Графъ Дугласъ, женихъ Маріи.
Вильямъ Ратклиффъ.
Леслей, его пріятель.
Томъ, трактирщикъ.
Вилли, маленькій сынъ его.
Ровинъ, Дикъ, Билль, Джонъ, Тэдди — Мошенники и разбойники.

Слуги, гости на свадьбѣ, разбойники.

Дѣйствіе въ сѣверной Шотландіи, въ новѣйшее время.

Комната въ замкѣ Макъ-Грегора. **Маргарета** сидитъ неподвижно въ углу, поджавши ноги. **Макъ-Грегоръ, Марія, Дугласъ.**

МАКЪ-ГРЕГОРЪ [соединяя руки Маріи и Дугласа].

Вотъ, наконецъ, супругами вы стали!
Какъ руки вы навѣкъ соединили,
Пусть и сердца союзомъ неразрывнымъ
На радость и печаль соединятся.
Любви и церкви таинства связали
Обоихъ васъ. Да будетъ же надъ вами
Двойное ихъ благословенье, дѣти!
Теперь еще — отцовское примите.

[Благословляетъ ихъ].

ДУГЛАСЪ.

Я съ гордостью отцомъ васъ называю!

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Я — сыномъ съ большей гордостью тебя.

[обнимаетъ его].

МАРГАРЕТА [поетъ разбитымъ и дикимъ голосомъ].

«Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Эдвардъ!»

ДУГЛАСЪ [испуганный].

О, Боже мой!.. Откуда эти звуки?
Ужель, милордъ, нѣмая пѣть пустилась?

МАКЪ-ГРЕГОРЪ [съ принужденной усмѣшкой].

Не бойся! Это Маргарета; къ зàмку
Принадлежитъ она. Давнымъ-давно
Безумная недугомъ одержима:

Столбнякъ у ней, и цѣлыми часами
Лежитъ она въ углу, съ недвижнымъ взоромъ,
Но, будто статуя, владѣющая словомъ,
Вдругъ старую порой затянетъ пѣсню.

ДУГЛАСЪ.

Зачѣмъ держать страшилище такое?

МАКЪ-ГРЕГОРЪ [На ухо Дугласу].

Она все слышитъ... Тише! Я бъ охотно
Ее прогналъ давно... Но не могу...

МАРІЯ [прерывая его].

Не трогайте бѣдняжку Маргарету...
Ты разсказалъ бы лучше мнѣ, Дугласъ,
О Лондонѣ; что новаго тамъ слышно?
Мы ничего въ Шотландіи не знаемъ.

ДУГЛАСЪ.

Попрежнему—ѣзда, охота, скачки;
Днемъ спятъ, ночь превращаютъ въ день;
Все пикники, да рауты, да балы;
Манятъ толпу блестящіе театры;
Есть опера, гдѣ звонкую монету
На трели звонкія мѣняютъ меломаны,
Гдѣ имъ ревутъ «God save the king» въ придачу.
Политикой лишь бредятъ патріоты,
Клянутся страшно, дѣлаютъ подписки,
Зѣваютъ всѣ и бьются объ закладъ,
Да пьянствуютъ за Англію родную!
Все также ростбифъ, пуддингъ поглощаютъ,
И льется портеръ пѣнистый повсюду;
Толпятся также уличные воры;
Мошенники васъ вѣжливостью мучатъ,
И мучитъ нищій миною плаксивой.
Но болѣе всего измучитъ платье:
Въ обтяжку фракъ, высокій жесткій галстукъ
И выше башни вавилонской шляпа.

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

О, какъ я радъ, что пледъ ношу и шапку!
Ты поступилъ прекрасно, что дурацкій
Костюмъ перемѣнилъ на нашъ: Дугласу
И внѣшностью шотландцемъ должно быть.

МАРІЯ [Дугласу].

Жду отъ тебя разсказа о поѣздкѣ.

ДУГЛАСЪ.

Я до границъ Шотландіи въ каретѣ
Доѣхалъ, но, ѣздою слишкомъ тихой
Скучая, въ Ольдъ-Гедбургѣ лошадь взялъ
И, шпоры давъ животному, помчался.
Меня жъ любви пришпоривали грёзы!
Я о тебѣ мечталъ, моя Марія...
И съ быстротой стрѣлы мой конь ретивый
Несъ сѣдока горами, лѣсомъ, полемъ...
Но плохо мнѣ пришлось подъ Инвернесомъ:
Въ лѣсу: «пифъ! пафъ!»—внезапно раздается...
И свистомъ пуль я пробужденъ отъ грезъ!
Тамъ на меня три молодца напали;
Я всячески отъ нихъ оборонялся,
Но уступить былъ долженъ бы навѣрно,
Когда бъ... О, Боже! Что съ тобой, Марія?
Блѣднѣешь ты... шатаешься...

МАРГАРЕТА.

О, горе!
Бѣла, какъ снѣгъ, и холодна, какъ мраморъ,
Ты, куколка прекрасная моя!

[Полупоетъ, полуговоритъ, гладя Марію по головѣ].

«Открой, моя куколка, глазки!
Зачѣмъ ты, какъ мраморъ, блѣдна?
Я розовымъ блескомъ осыплю
Тебя послѣ долгаго сна!»

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Молчи, безумная! Нелѣпой этой пѣснью
Ты мозгъ ея разстраиваешь больше!

МАРГАРЕТА [грозя ему пальцемъ].

Что? что? Ругаться! Прежде вымой руки,
Не то какъ разъ ты запятнаешь кровью
Нарядъ вѣнчальный куколки моей!
Прочь отойди, послушайся совѣта...

МАКЪ-ГРЕГОРЪ [несмѣло].

Безумная старуха эта бредитъ.

МАРГАРЕТА [поетъ].

«Открой, моя куколка, глазки!
Зачѣмъ ты, какъ ледъ, холодна?...»

МАРІЯ [очнувшись, жмется къ Маргаретѣ].

Ну, разскажи теперь, что было дальше?

ДУГЛАСЪ.

Мнѣ жаль, что началъ я, но — продолжаю:
На выручку ко мнѣ явился всадникъ
И съ тылу на разбойниковъ ударилъ;
Я съ силами тогда собрался тоже,
И мы вдвоемъ прогнали негодяевъ.
Благодарить его я за спасенье
Хотѣлъ, но, крикнувъ: «мнѣ теперь не время!» —
Прочь ускакалъ мой храбрый избавитель.

МАРІЯ [улыбаясь].

Какъ рада я! Мнѣ сдѣлалось такъ страшно!
Теперь прошло...

[Маргаретѣ].

Ты въ залъ меня проводишь?
Тамъ собрались давно мои подруги.

МАРГАРЕТА [боязливо, Макъ-Грегору].

А ты не злись... Я не всегда безумна...

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Иди, иди! Мы слѣдуемъ за вами.

Макъ-Грегоръ и Дугласъ.

ДУГЛАСЪ.

Я, признаюсь, не думалъ, чтобъ Марія
Такъ впечатлительна была. Блѣднѣетъ,
Дрожитъ она при каждомъ легкомъ шумѣ.

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Я отъ тебя таить не стану дольше,
Чтò нынче такъ встревожило Марію.
Прости, что не открылъ я прежде тайны:
Ты пылокъ, храбръ и, можетъ быть, навстрѣчу
Опасности, которую я скрылъ,
Пошелъ бы самъ съ отвагой безразсудной
И наказать бы захотѣлъ злодѣя,
Смутившаго спокойствіе Маріи.

ДУГЛАСЪ.

Но кто жъ ее тревожить смѣлъ, скажите?

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Я разсказать готовъ печальный случай,
Но выслушай разсказъ мой хладнокровно.
Шесть лѣтъ тому заѣхалъ въ зàмокъ къ намъ
Вильямъ Ратклиффъ, студентъ изъ Эдинбурга.
Съ его отцомъ я былъ знакомъ когда-то,
И хорошо... да! хорошо знакомъ!
Эдвардъ Ратклиффъ—отца Вильяма звали.
Радушно сынъ былъ принятъ мной, и въ замкѣ
Имѣлъ пріютъ и пищу двѣ недѣли.
Вотъ увидалъ Марію онъ. Но слишкомъ

Ужъ долго ей глядѣлъ онъ, видно, въ очи —
И началъ вдругъ томиться, млѣть и таять,
Пока ему Марія не сказала,
Безъ дальнихъ фразъ, что онъ наскучилъ ей.
Тогда, съ своей отвергнутой любовью,
Онъ зàмокъ нашъ немедленно оставилъ.
А дочь моя была, спустя два года,
Помолвлена съ Филиппомъ Макдональдомъ,
Внушившимъ ей къ себѣ расположенье.
Насталъ и часъ, когда въ одеждѣ брачной
Предъ алтаремъ невѣста молодая
Предстала,—но, увы! безъ жениха!
Онъ скрылся вдругъ; напрасно мы искали
Его въ саду, и на дворѣ, и въ зàмкѣ:
Близъ лѣса, гдѣ огромный черный камень,
Лишь трупъ нашли Филиппа Макдональда.

ДУГЛАСЪ.

И кто же былъ виновникъ злодѣянья?

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Убійцу мы открыть старались долго,
Но не было намъ въ поискахъ удачи,
Какъ, наконецъ, является Марія
И говоритъ, что ей злодѣй извѣстенъ.
Въ ту ночь, когда свершилось преступленье,
Вильямъ Ратклиффъ, проникнувъ къ ней въ покои,
Смѣясь, поднесъ рукой окровавлённой
Ей жениха убитаго кольцо!

ДУГЛАСЪ.

Какой позоръ! На что же вы рѣшились?

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Сперва велѣлъ я тѣло Макдональда
Предать землѣ въ его могильномъ склепѣ,
И крестъ воздвигъ на мѣстѣ, гдѣ свершилось
Убійство жениха моей Маріи.

Ратклиффа я потомъ искалъ, но — тщетно.
Онъ въ Лондонѣ, какъ слышно, очутился,
Гдѣ, прокутивъ свое наслѣдство, началъ
Игрою жить, и даже говорили,
Что съ разными бродягами связался.
Еще прошли два года, и забыли,
Какъ водится, убійцу и убійство.
Разъ лордъ Дунканъ ко мнѣ пріѣхалъ въ зàмокъ
И дочери моей просить сталъ руку.
Я былъ не прочь и убѣдилъ Марію
Не отвергать, изъ прихоти, союза
Съ потомкомъ нашихъ древнихъ королей.
Но горе намъ! Предъ алтаремъ невѣста
Опять одна поникла съ тайнымъ страхомъ —
И мертвъ лежалъ Дунканъ при черномъ камнѣ.

ДУГЛАСЪ.

О, страхъ!

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

«Коней! коней!» — кричалъ я слугамъ.
И снова мы на поиски пустились:
Въ поляхъ, въ кустахъ, въ лѣсу, въ ущельяхъ дикихъ
Три долгихъ дня мы рыскали напрасно
И все жъ слѣда убійцы не открыли.
Но что же? Въ ночь второго злодѣянья
Вильямъ Ратклиффъ пробрался вновь къ Маріи
И возвратилъ ей, съ вѣжливымъ поклономъ,
Глумясь, кольцо убитаго Дункана.

ДУГЛАСЪ.

Однако жъ смѣлъ! Ну, попадись мнѣ въ руки!

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Я поручусь, что это онъ готовилъ
Тебѣ въ лѣсу, подъ Инвернесомъ гибель.
Но странно мнѣ: ужели не видали
Его нигдѣ разсыльные изъ зàмка?..
Да, графъ Дугласъ, теперь я принялъ мѣры,

Чтобъ не пришлось и ваше имя также
Мнѣ на крестѣ, у камня, написать.

[Уходитъ].

ДУГЛАСЪ [одинъ].

Скрыть отъ меня онъ счелъ благоразумнѣй
До свадьбы все! О, старая лисица!..
Но я помѣряться желалъ бы съ негодяемъ,
Чтò мучитъ такъ Марію местью черной.
Онъ у меня кольца не сыметъ съ пальца:
Гдѣ палецъ мой, тамъ и рука! Марію
Я не люблю, да не любимъ и ею:
Вступили въ бракъ мы оба по разсудку.
Но все жъ мнѣ милъ ребенокъ этотъ кроткій,
И путь его отъ терній я очищу...

ЛЕСЛЕЙ [закутанный въ плащъ, озирается по сторонамъ и подходитъ къ Дугласу].

Не вы ли графъ Дугласъ?

ДУГЛАСЪ.

Да, я. Что нужно?

ЛЕСЛЕЙ [подаетъ ему записку].

Записочка красивенькая къ графу...

ДУГЛАСЪ [прочтя записочку].

Да... да... Скажи, что я сейчасъ же буду...
У лѣса — тамъ, гдѣ «черный камень»... Знаю!

[Уходитъ].

Таверна. — Въ глубинѣ лежатъ спящіе люди. — На стѣнѣ образъ.— Стѣнные часы стучатъ.—Сумерки. **Ратклиффъ** сидитъ задумавшись въ углу комнаты; въ другомъ углу **Томъ**, хозяинъ таверны, держитъ между колѣнями своего маленькаго сына **Вилли**.

ТОМЪ [тихо].

Что жъ? «Отче нашъ» ты знаешь?

ВИЛЛИ [громко и смѣясь].

Безъ запинки!

ТОМЪ.

Тсс! Ты у меня людей разбудишь, — тише!

ВИЛЛИ.

Читать?

ТОМЪ.

Читай, да не спѣши, а съ толкомъ.

Вилли быстро говоритъ молитву, но на послѣднихъ словахъ останавливается].

ТОМЪ.

Вотъ и запнулся. Ну, скажи съ начала.

[Вилли все смотритъ на Ратклиффа и говоритъ нетвердо, безъ увѣренности; послѣ словъ: «долги наша», опять заикается].

ТОМЪ.

Ну, плохо! «Не введи во искушенье»...

ВИЛЛИ [плача].

Папаша, я, ей-Богу, зналъ отлично;
Да этотъ, вонъ... глядитъ сюда такъ страшно!

ТОМЪ.

Нѣтъ! Нынче ты, братъ, рыбы не получишь,
А если самъ изъ ящика утащишь...

РАТКЛИФФЪ.

Да отпусти ты бѣднаго ребенка!
Я самъ не могъ запомнить этихъ словъ
Всю жизнь... [Съ болѣзненной скорбью].
«И не введи во искушенье!»

ТОМЪ.

Я не хочу, чтобъ сдѣлался мой Вилли
Такимъ, какъ вы... иль какъ вонъ эти люди.
[Указываетъ на спящихъ].
[Къ Вилли]. Теперь ступай — и можешь спать ложиться.

[Вилли уходитъ со слезами, бормоча: «не введи насъ во искушеніе»].

Прежніе, кромѣ Вилли.

РАТКЛИФФЪ.

Что этимъ ты хотѣлъ сказать, дружище?

ТОМЪ.

Что долженъ быть онъ честный христіанинъ,
Не висѣльникъ, какъ я, его отецъ.

РАТКЛИФФЪ [смѣясь].

Ты не совсѣмъ еще такой покамѣстъ.

ТОМЪ.

Да, я теперь животное ручное:
Держу трактиръ, торгую скромно пивомъ;
И потому лишь, что мой домикъ спрятанъ
Въ лѣсной глуши, къ себѣ я принимаю
Такихъ большихъ господъ, какъ ваша милость,
Чтò утромъ спятъ, а по ночамъ гуляютъ,
И соблюдать инкогнито привыкли;
Здѣсь у меня дневной пріютъ находятъ,
А не ночной... А тоже было время...
[Дѣлаетъ движеніе пальцами].
Не хуже, чѣмъ иной лунатикъ, лазилъ
Я по чужимъ домамъ и по карманамъ...
Но все же я не походилъ на этихъ...
[Показываетъ на спящихъ].
Вотъ, напримѣръ, башка! Взгляните: геній!
У этого врожденное стремленье
Къ чужимъ платкамъ: небось, какъ вòронъ стянетъ.
Ишь, пальцами какъ шевелитъ проворно!
Чай, и во снѣ-то крàдетъ... улыбнулся!..
Или теперь—хоть этотъ долговязый.
Вѣдь былъ портнымъ и лоскутки сначала
Потаскивалъ, а тамъ дошелъ до платья.
Ему удрать пришлось отъ петли какъ-то;
Съ тѣхъ поръ въ ногахъ онъ чувствуетъ дрожанье.
Вонъ какъ дрыгнулъ!.. Я головой ручаюсь,

Что лѣстница мошеннику приснилась...
А вотъ Робинъ храпитъ себѣ спокойно,
Хоть на душѣ убійствъ десятокъ вѣрный...
Будь онъ, какъ мы, католикъ, отпущенье
Ему бы дать могли еще, пожалуй:
А то вѣдь еретикъ... И послѣ петли
Горѣть въ огнѣ неугасимомъ долженъ!

РАТКЛИФФЪ.

Не бойся, онъ въ аду горѣть не станетъ:
Небесный судъ—не то, что судъ британскій.
Робинъ вѣдь мужъ, а мужа зло беретъ
При видѣ этихъ дюжинныхъ душонокъ,
Чья жизнь—развратъ, обжорство, пресыщенье,—
Счастливцевъ, въ шелкъ и бархатъ разодѣтыхъ,
Которые купаются въ шампанскомъ
И, въ золотыхъ каретахъ развалившись,
Надменный взоръ на бѣдняка бросаютъ,
Бредущаго съ поникшей головою
Закладывать послѣднюю рубашку!
[Съ горькимъ смѣхомъ].
О, сытые! Какъ вы благоразумны!
Вы обнесли себя стѣной закона
Отъ натиска голодныхъ бѣдняковъ,
Смущавшихъ вашъ покой докучнымъ крикомъ—
И горе тѣмъ, кто стѣну перелѣзетъ!
Готово все: судья, палачъ и пѣтля...
Да вотъ бѣда: есть удальцы, которыхъ
Вамъ застращать всѣмъ этимъ не дается!

ТОМЪ.

И самъ я былъ всегда того же мнѣнья,
И на два лишь враждующихъ народа
Весь міръ дѣлилъ: на сытыхъ и голодныхъ.
И такъ какъ я принадлежалъ къ послѣднимъ,
То съ первыми былъ долженъ часто драться;
Но, увидавъ, что этотъ бой не равенъ,
Сталъ пятиться назадъ я помаленьку.

Теперь усталъ скитаться безъ пріюта
И прятаться отъ солнца! Надоѣло
Мнѣ приходить отъ висѣлицы въ трепетъ
Да помышлять о ссылкѣ ежечасно,
Иль ждать, что, вотъ, въ рабочій домъ засадятъ...
Собачья жизнь—сказать по правдѣ нужно!
Въ поляхъ, въ лѣсу тебя, какъ звѣря, травятъ,
И сыщикомъ кусточекъ каждый смотритъ.
Сидишь ли въ домѣ гдѣ—и тамъ невольно
Весь задрожишь, какъ только дверью скрипнутъ...

Вбѣгаетъ **Леслей.** Ратклиффъ бросается къ нему навстрѣчу.

ЛЕСЛЕЙ.

Идетъ, сейчасъ идетъ!

РАТКЛИФФЪ.

Вотъ это дѣло!

ТОМЪ [боязливо].

Кто тамъ идетъ? Я сталъ пугливъ ужасно...

ЛЕСЛЕЙ.

Не бойся, другъ, и насъ оставь покамѣстъ.

ТОМЪ [съ лукавымъ видомъ

А! знать, вамъ есть теперь чѣмъ подѣлиться. .
[Уходитъ].

Прежніе. кромѣ Тома.

РАТКЛИФФЪ.

Я самъ пойду къ нему навстрѣчу.

ЛЕСЛЕЙ.

Полно!
Пускай сперва стемнѣетъ. Макъ-Грегора
Разсыльные какъ разъ тебя накроютъ.

Твое лицо, повѣрь, описано отлично:
Его теперь ребенокъ каждый знаетъ.
Но разскажи, къ чему ведетъ все это?
Тебѣ грозитъ опасность непрестанно,
А толку нѣтъ. Вернемся лучше въ Лондонъ.—
Спокойнѣй тамъ. Ты избѣгать бы долженъ
Проклятыхъ мѣстъ, гдѣ всякому извѣстно,
Что ты пришибъ двухъ лордовъ благородныхъ.

РАТКЛИФФЪ.

Я не пришибъ! А въ честномъ поединкѣ
Графъ Макдональдъ и лордъ Дунканъ погибли;
И также я съ Дугласомъ буду драться.

ЛЕСЛЕЙ (дѣлаетъ жестъ бандита).

Не легче ли на способъ итальянскій?..
Но ненавидишь ты за что̀ Дугласа?
Гдѣ на одной вы встрѣтились дорогѣ?

РАТКЛИФФЪ.

Я не встрѣчалъ его нигдѣ, ни разу;
Онъ ничего не сдѣлалъ мнѣ, и злобы
Я никакой къ Дугласу не питаю.

ЛЕСЛЕЙ.

А потушить въ немъ хочешь жизни пламень!
Въ своемъ ли ты умѣ, и я здоровъ ли,
Что помогать взялся проказамъ глупымъ?

РАТКЛИФФЪ.

О, если бъ ты понять могъ эти вещи,
Не выдержалъ бы черепъ твой несчастный!
Хотя бъ онъ былъ величиною съ куполъ,
Какъ скорлупа яичная бы треснулъ,
И въ трещинѣ безумье засквозило бъ!..

ЛЕСЛЕЙ (иронически, хватая себя за голову).

Какъ страшно мнѣ! Ужъ лучше замолчи!

РАТКЛИФФЪ.

Не думай, чтобъ я былъ чудакъ, мечтатель,
И чтобъ за мной, какъ псы борзые, всюду
Гнались моей фантазіи созданья.
Я — не поэтъ чахоточный, съ луною
И звѣздами бесѣдовать привыкшій,
Что̀, соловья услышавъ въ отдаленьи,
И корчится, и млѣетъ отъ восторга,
Что̀ лѣстницу себѣ изъ вздоховъ строитъ,
Изъ римфъ плохихъ плететъ себѣ веревку
И на столбѣ своей же славы виснетъ...

ЛЕСЛЕЙ.

Я показалъ бы это подъ присягой.

РАТКЛИФФЪ.

Но долженъ я сознаться: мной владѣютъ —
Ты, можетъ-быть, найдешь смѣшнымъ все это! —
Ужасныя, таинственныя силы!
Онѣ мои желанья направляютъ,
Руководятъ поступками моими...
Власть этихъ силъ знакома съ дѣтства мнѣ!
Еще дитёй, одинъ играя, часто
Я замѣчалъ двухъ призраковъ туманныхъ;
Они, стремясь обняться, тщетно руки
Издалека другъ къ другу простирали
И, страстнаго исполнены томленья,
Такъ горестно взирали другъ на друга!
Какъ ни были ихъ образы воздушны,
Но гордыя черты мужчины ясно
Я различалъ въ одномъ, а ликъ другого
Былъ женскій ликъ, и кроткій, и прекрасный.
Потомъ они мнѣ оба снились часто,
И разглядѣлъ я ихъ еще подробнѣй:
Печально мнѣ смотрѣлъ въ лицо мужчина,
А женщина — такъ ласково, съ любовью!
Однако жъ въ высшей школѣ, въ Эдинбургѣ,
Мнѣ стали рѣже призраки являться,

И посреди студентскаго разгула
Я позабылъ воздушныя видѣнья...
Какъ случай вдругъ, въ каникулы, однажды
Привелъ меня въ помѣстье Макъ-Грегора.
Тамъ встрѣтилъ я Марію... И какъ будто
Мнѣ молнія прожгла внезапно сердце!
Узналъ черты я женщины воздушной —
Тѣ кроткія и нѣжныя черты,
Что̀ мнѣ во снѣ такъ часто улыбались!
Лишь не было лицо Маріи блѣдно,
Лишь не былъ взоръ Маріи неподвиженъ.
Въ очахъ — огонь, румянецъ — на ланитахъ;
Казалось мнѣ, любви всѣ чары Небо
Излило на прелестный этотъ образъ!
Меня любви томленье охватило,
И руки я простеръ обнять Марію...

[Молчаніе].

Но тутъ себя я въ зеркалѣ увидѣлъ:
Я былъ одинъ изъ призраковъ туманныхъ,
Объятія къ другому простиравшій!
То сонъ ли былъ? Игра ль воображенья?
Марія мнѣ глядѣла тихо въ очи,—
Глядѣла такъ довѣрчиво и нѣжно...
Казалось, взоръ сливается со взоромъ,
Душа съ душой... О, милосердый Боже!
И въ этотъ мигъ внезапно предо мною
Смыслъ бытія таинственный раскрылся!
Все стало мнѣ понятно... Звѣздъ мерцанье,
И пѣнье птицъ, и разговоръ цвѣтка,
И шумъ ручья, и вѣтерка дыханье;
И тайная души моей тоска!
Какъ дѣти, мы играли и шалили;
Мы прятались, какъ дѣти, другъ отъ дружки;
И локоны, цвѣты и поцѣлуи
Дарила мнѣ она, а я, бывало,
На поцѣлуй двумя ей отвѣчаю!
И вотъ, упавъ къ ея ногамъ, однажды
Я вымолвилъ: «Любимъ ли я, Марія?»

[Задумывается].

ЛЕСЛЕЙ [смѣясь].

Ну, признаюсь, хотѣлъ бы я увидѣть,
Какъ грозный взглядъ твой въ нѣжный превратился,
Какъ кулаки ты складывалъ смиренно,
Какъ голосъ твой, что̀ на большой дорогѣ
Наводитъ страхъ и трепетъ на богатыхъ,
У женскихъ ногъ звучалъ мольбою кроткой!

РАТКЛИФФЪ [съ бѣшенствомъ].

Змѣя! Свой взоръ застѣнчивый, стыдливый
Она въ меня вперила съ отвращеньемъ;
Потомъ, присѣвъ, надменно «нѣтъ» сказала...
И это «нѣтъ» въ ушахъ моихъ досель
Еще звучитъ, какъ злобный, адскій хохотъ!

ЛЕСЛЕЙ.

Вотъ какова! Да это просто — низко...

РАТКЛИФФЪ.

Уѣхалъ я изъ за̀мка Макъ-Грегора
И въ Лондонѣ, въ столичной, шумной жизни,
Я заглушить пытался сердца му̀ки.
Родителей лишившись очень рано,
Я надъ собой былъ полнымъ господиномъ—
Но удалась моя попытка плохо...
Не залилъ я тоски своей шампанскимъ:
Она росла отъ каждаго стакана,
И ни одна брюнетка, ни блондинка
Не прогнала ее веселымъ смѣхомъ...
Я не нашелъ покоя и за банкомъ:
Маріи взоръ былъ на сукнѣ зеленомъ;
Ея рука углы мнѣ загибала;
Въ чертахъ какой-нибудь червонной дамы
Ея черты небесныя я видѣлъ...
Да, то она—не картъ бездушный образъ!
Она! Ея я чувствую дыханье!
Она! она!.. Киваетъ мнѣ... Ва-банкъ!
И денегъ нѣтъ!.. Одна любовь осталась!

ЛЕСЛЕЙ.

Тогда коня ты вывелъ изъ конюшни
И, на него по-рыцарски вскочивши,
Какъ предки, жизнь вести сталъ боевую.
Теперь любовь твоя прошла, конечно,
И точно, другъ: не трудно протрезвиться,
Когда скакать приходится такъ часто
Подъ шумъ дождя и вѣтра, ночью темной,
Или смотрѣть, какъ съ висѣлицъ ногами
Тебя друзья привѣтствуютъ, качаясь.

РАТКЛИФФЪ.

Ошибся ты! Въ огонь я подлилъ масла,
И вспыхнула къ Маріи страсть сильнѣе...
Мнѣ въ Лондонѣ несносно становилось;
Опять меня въ Шотландію манила,
Влекла меня невѣдомая сила!
Спокойнѣй сплю я здѣсь, вблизи Маріи,
Вольнѣй дышу... здѣсь какъ-то сердцу легче...
Послушай, я тебѣ открою тайну:
Я поклялся святыми небесами,
Я поклялся всей мрачной силой ада,
Что отъ руки моей погибнетъ каждый,
Марію кто назвать женой захочетъ!
Мнѣ подсказалъ ту клятву голосъ тайный,
Въ груди моей живущій. Повинуюсь
Я слѣпо тѣмъ могучимъ, темнымъ силамъ,
Чт̀о руку мнѣ направили такъ вѣрно,
Когда убилъ я жениховъ Маріи!

ЛЕСЛЕЙ.

Теперь тебя я понялъ! Но, признаться,
Я все-таки тебя не одобряю...

РАТКЛИФФЪ.

А развѣ я могу себя одобрить?
Нѣтъ! это все тотъ голосъ, чт̀о гнѣздится
Вотъ здѣсь... въ груди... Онъ управляетъ мною!

Да, призраки туманные, которыхъ
Еще во снѣ я вижу... [Испуганный]. О, мой Боже!
Тамъ... тамъ... смотри! Воздушныя видѣнья...

[Темнѣетъ. Два туманныхъ призрака проходятъ по сценѣ и исчезаютъ. Испуганные крикомъ Ратклиффа, люди, лежащіе въ глубинѣ сцены, вскакиваютъ, восклицая: «Что тамъ такое... что случилось?»].

ЛЕСЛЕЙ.

Да что̀ за чортъ! Я ничего не вижу...

МНОГІЕ.

Что̀ видитъ онъ? Должно быть, полицейскихъ...

ЛЕСЛЕЙ.

О, нѣтъ! совсѣмъ противное — духо̀въ!
[Всѣ смѣются].

РОБИНЪ.

Ахъ, Господи! И днемъ-то нѣтъ покоя!

РАТКЛИФФЪ.

Темнѣетъ. Я пойду.

ЛЕСЛЕЙ.

И я съ тобою.

РАТКЛИФФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! зачѣмъ!..

ЛЕСЛЕЙ.

Боюсь, при «черномъ камнѣ»
На караулъ наткнешься ты, пожалуй.

РАТКЛИФФЪ.

Не бойся: страхъ весь караулъ разгонитъ;
Не весело тамъ ночью оставаться!

ЛЕСЛЕЙ.

Эй, господа, прощайте!

РАТКЛИФФЪ.

Доброй ночи!

[Уходитъ].

ВСѢ.

Храни васъ Богъ!

Прежніе, кромѣ Ратклиффа и Леслея.

РОБИНЪ.

Онъ пьянъ иль сумасшедшій...

ДИКЪ.

Онъ былъ всегда такимъ. Его я знаю:
Встрѣчались мы съ нимъ въ лондонскихъ тавернахъ.
Бывало, тамъ, курчавой головою
Поникнувъ, онъ въ углу сидитъ весь вечеръ,
И тихъ, и нѣмъ, глядитъ себѣ на свѣчку.
Но иногда случалось, что садился
Онъ и межъ насъ, веселый и довольный,
И хохоталъ, шутилъ... но слишкомъ рѣзокъ
Былъ этотъ смѣхъ, и шутки какъ-то дики...
И вдругъ потомъ, среди веселой рѣчи,
Его уста безумно искривлялись,
И вылеталъ изъ груди стонъ ужасный...
«Эй, Джонъ, коня!» — кричалъ онъ въ изступленьи,
И, ускакавъ, не прежде возвращался,
Какъ черезъ два-три мѣсяца... Я слышалъ,
Что день и ночь въ Шотландію онъ мчался.

РОБИНЪ.

Нѣтъ, боленъ онъ...

ДИКЪ.

А мнѣ-то что? Прощайте.

[Уходитъ].

ВИЛЛЬ.

Темно... Теперь пора и на работу...
[**Молится передъ образомъ**].
Благослови и отврати опасность!

РОБИНЪ [**сжимая кулакъ**].

Вотъ мой патронъ! Въ опасности защитникъ!
[**Уходитъ**].

Двое воровъ остаются спящими. Трактирщикъ **Томъ** входитъ и вытаскиваетъ у нихъ изъ кармана деньги.

ТОМЪ.

Они меня къ суду тащить не смѣютъ!

Джонъ и **Тэдди** просыпаются.

ДЖОНЪ [**зѣвая**].

Сонъ — выдумка, ей-Богу, дорогая!

ТЭДДИ [**зѣвая**].

Пойдемъ-ка ѣсть.

ДЖОНЪ.

Что̀ новенькаго слышно?

ТЭДДИ.

Я думаю, повѣшенъ нынче Риффель.

ДЖОНЪ.

Вотъ петля — будетъ выдумка похуже...
[**Уходятъ**].

Пустынное мѣсто у «чернаго камня».—Влѣво груды скалъ причудливыхъ формъ и древесные пни.—Вправо памятникъ, въ видѣ креста.—Видны два туманныхъ призрака, простирающихъ другъ къ другу руки и потомъ исчезающихъ. Входитъ **Ратклиффъ**.

РАТКЛИФФЪ.

У! свистъ какой! Знать, всѣ свои кларнеты
И флейты адъ распорядился выслать!

А мѣсяцъ въ пледъ закутался широкій
И черезчуръ ужъ что-то скупо свѣтитъ!
Пускай себѣ! Закутайся хоть вовсе...
Какъ ни темно, не нуженъ снѣжной глыбѣ
Фонарь: она и безъ того катится;
Къ магниту путь само найдетъ желѣзо;
Найдетъ и мечъ испытанный Ратклиффа —
Дугласа грудь!
Придетъ ли только графчикъ?
Боязнь схватить простуду, насморкъ, кашель
Его какъ разъ, пожалуй, остановитъ.
Онъ, можетъ-быть, ужъ думаетъ: «Не лучше ль
Мнѣ отложить до слѣдующей ночи?»
Нѣтъ! въ эту ночь я съ нимъ покончить долженъ,
И, если онъ не явится, я въ зàмокъ
Проникну самъ, во что бы то ни стало...
Мнѣ отопретъ всѣ двери этотъ ключъ.
[Ударяетъ по мечу].
А вы, друзья, мнѣ будете защитой!
[Указываетъ на пистолеты и потомъ, вынувъ одинъ изъ нихъ, говоритъ].
О, вѣрный другъ!.. Какъ онъ глядитъ почтенно!
Ко рту его прижалъ бы я охотно
Свои уста. Прижалъ бы крѣпко, крѣпко...
И поцѣлуй нашъ огненный мгновенно
Души больной страданья исцѣлилъ бы,
И такъ легко мнѣ стало бъ, такъ спокойно!..
[Въ раздумьи].
А въ этотъ мигъ, быть-можетъ, точно такъ же
Прильнулъ Дугласъ къ устамъ Маріи крѣпко...
Вотъ, вотъ она—причина, почему
Я умереть теперь еще не долженъ!
Не то бы мнѣ, съ безсильной злобой тѣни,
Пришлось взирать, вставая изъ могилы,
Какъ чистую, прекрасную Марію
Ласкаетъ тварь съ собачьей, гнусной мордой...
Когда бъ я былъ на небѣ и оттуда
Увидѣть могъ покой Дугласа брачный,
Какимъ бы я проклятьемъ разразился!..
Но если въ адъ отправиться я долженъ,

Такъ я хочу не грѣшникомъ смиреннымъ,
А чортомъ быть, и чортомъ настоящимъ!

Ратклиффъ и Дугласъ.

РАТКЛИФФЪ.

Мнѣ, кажется, послышались шаги. [Кричитъ].
Кто тамъ идетъ? откликнись!

ДУГЛАСЪ.

Этотъ голосъ
Какъ будто мнѣ знакомъ... Да! Точно, слышалъ
Его въ лѣсу, подъ Инвернесомъ я.
[Подходитъ ближе къ Ратклиффу].
Такъ! это—мой спаситель... Благодарность
Мою теперь вы примете, надѣюсь...

РАТКЛИФФЪ.

Не при себѣ ли вамъ ее оставить?
Поступокъ мой не такъ великодушенъ:
Я видѣлъ, что на васъ напали трое,—
Такъ и помогъ. Но увѣряю васъ,
Что если бъ вы съ однимъ имѣли дѣло,
Я мимо бы проѣхалъ потихоньку.

ДУГЛАСЪ.

Не будьте такъ суровы и позвольте
Мнѣ другомъ васъ своимъ считать отнынѣ.

РАТКЛИФФЪ.

Ну, хорошо! Такъ докажите жъ дружбу,
Исполнивъ то, о чемъ просить я стану.

ДУГЛАСЪ.

Я вашъ вполнѣ. Располагайте мною.

РАТКЛИФФЪ.

Мой милый другъ, уйдите прочь отсюда!
Вотъ, если бы вы были графъ Дугласъ...

ДУГЛАСЪ.

Клянусь вамъ, я такъ точно называюсь.

РАТКЛИФФЪ.

Какъ? вы? ужель?.. Такъ нашей новой дружбѣ
Сказать «прости» должны мы, къ сожалѣнью?
Да, графъ: Вильямъ Ратклиффъ стоитъ предъ вами.

ДУГЛАСЪ.

Тотъ, кѣмъ Дунканъ и Макдональдъ убиты?

РАТКЛИФФЪ.

Онъ самъ! И чтобъ трилиственникъ дополнить,
Васъ пригласить осмѣлился я нынче...

ДУГЛАСЪ [нападая на него].

Со мною ты не справишься такъ скоро.

[Дерутся].

РАТКЛИФФЪ [смѣясь].

Чтò дѣлать, графъ! Дерусь я, какъ умѣю.

ДУГЛАСЪ.

Не смѣйся такъ свирѣпо, нечестивый!

РАТКЛИФФЪ.

Не я смѣюсь... то призраки смѣются,
Чтò тамъ вдали...

ДУГЛАСЪ.

Какъ ты себѣ ни смѣйся,—
Мнѣ Макдональдъ съ Дунканомъ помогаютъ.

РАТКЛИФФЪ.

Чортъ побери! Дунканъ, мертвецъ проклятый,
Вмѣшался въ бой и кварты отбиваетъ.

ДУГЛАСЪ.

Что? промахъ далъ!..

РАТКЛИФФЪ.

Измѣна и проклятье!
И Макдональдъ туда же! Это значитъ,
Что трое васъ на одного напали!

[Отступаетъ назадъ и падаетъ у подножія памятника].

О, смерть! Ратклиффъ лежитъ, во прахъ поверженъ!
Рази! Рази! Я — твой заклятый врагъ!

ДУГЛАСЪ [холодно].

Дугласа мечъ тобой теперь испытанъ.
Сперва я былъ тебѣ обязанъ жизнью,
Теперь ты — мнѣ. Мы, кажется, сквитались.
Надѣюсь, ты узналъ меня... Быть-можетъ,
Такой урокъ исправитъ злое сердце.

[Уходитъ].

[Ратклиффъ лежитъ безъ движенія у подножія памятника. Вѣтеръ завываетъ сильнѣе. Призраки снова появляются и исчезаютъ. Ратклиффъ тихо приподнимается и глядитъ вокругъ].

РАТКЛИФФЪ.

То вѣтеръ былъ, иль голосъ человѣка?
Еще звучатъ безумныя слова!..
Не спалъ ли я? Но гдѣ жъ я очутился?
Какой-то крестъ... И что̀ на немъ за надпись?...

[Читаетъ].

«На этомъ мѣстѣ убиты проклятою Богомъ рукой
графъ Дýнканъ и лордъ Макдональдъ».

Нѣтъ, я не спалъ! У камня рокового
Я побѣжденъ, осмѣянъ, уничтоженъ!
И вѣтеръ злой мнѣ внятно свищетъ въ уши:
«Вотъ онъ, тотъ мужъ — съ гигантской силой духа,
Что̀ презиралъ британскіе законы
И сильныхъ власть и надо всѣмъ ругался!
Лишь помѣшать не можетъ онъ Дугласу
Разсказывать, съ усмѣшкой, нынче ночью,

21*

Прижавъ свою возлюбленную къ сердцу:
Какъ этотъ червь ничтожнѣйшій, Ратклиффъ,
Лежалъ въ пыли, и корчился, и ползалъ,
И какъ, боясь сапогъ себѣ запачкать,
Не придавилъ его Дугласъ ногою!»

[Съ яростью].

Уймите вы свой адскій хохотъ, вѣдьмы,
И пальцемъ мнѣ такъ злобно не грозите!
Я придавлю вамъ головы скалами,
Шотландскій лѣсъ съ корнями вырву я
И спины вамъ горбатыя нагрѣю!
Весь ядъ у васъ ногой изъ тѣла выжму!
О, пусть весь міръ разрушитъ бурь дыханье!
О, пусть меня раздавятъ неба своды,
Земля навѣкъ поглотитъ, разступившись!

[Полузлобно, полубоязливо и переходя въ таинственный тонъ].

Что на меня глаза свои уставилъ
Ты, мой двойникъ, проклятый, блѣдный призракъ?
Ты кровь мою высасываешь ими
И въ жилы мнѣ воды холодной льешь...
Я чувствую, что самъ я цѣпенѣю
И призракомъ могильнымъ становлюся...
Зачѣмъ туда ты руку простираешь?..
Зачѣмъ туда указываешь пальцемъ?
Иль долженъ я?.. Марія!.. Кровь!.. Ужели?
Кто говоритъ?.. Нѣтъ! то не голосъ вѣтра!..
Марію взять съ собой я долженъ... Такъ ли?
Киваешь ты?.. Такъ! рѣшено!.. И воля
Моя теперь сильнѣй, чѣмъ адъ и небо!

[Убѣгаетъ].

Замокъ Макъ-Грегора.— Освѣщенная комната, съ альковомъ по срединѣ.— Слышны бальная музыка и дѣвичій говоръ.

Марія въ свадебномъ нарядѣ и **Маргарета** входятъ вмѣстѣ.

МАРІЯ.

Какъ тяжко мнѣ, мой Богъ!

МАРГАРЕТА.

Знать, отъ корсета.
Пойдемъ, тебя я, куколку, раздѣну.

МАРІЯ.

Тоска щемитъ мнѣ что-то сердце...

МАРГАРЕТА.

Полно!
Твой графъ Дугласъ — мужчина славный...

МАРІЯ [съ веселымъ смѣхомъ].

Правда!
И веселъ, и сговорчивъ... и мужчина!

МАРГАРЕТА.

Вѣдь влюблена въ него моя малютка?

МАРІЯ.

Все влюблена, да влюблена... Какъ глупо!
Мы, кажется, должны владѣть собою...

МАРГАРЕТА.

Была пора — не то мы говорили!
Когда Вильямъ Ратклиффъ...

МАРІЯ [зажимая ей ротъ рукою].

О, умоляю —
Молчи, молчи! Ужасно это имя!
Не поминай его ты ночью поздней.

МАРГАРЕТА.

Ты влюблена тогда была, признайся?..

МАРІЯ.

Ахъ, нѣтъ! Онъ мнѣ сначала показался
Незлобивымъ и тихимъ, какъ ягненокъ.

Его черты какъ будто я встрѣчала,
И голосъ былъ такъ мягокъ, и глядѣли
Глаза его такъ ласково и ясно,
И даже отъ его дыханья было
Щекамъ моимъ такъ хорошо... Но послѣ
Вдругъ походить онъ сталъ на привидѣнье...
И блѣденъ, дикъ, съ улыбкой искаженной,
Онъ укусить меня, казалось, хочетъ...
Онъ былъ точь-въ-точь — туманный, страшный призракъ,
Что̀ по ночамъ меня пугаетъ часто:
Ко мнѣ свои объятья простираетъ
И на меня глядитъ такъ долго,
Что и сама я, какъ воздушный образъ,
Потомъ къ нему протягиваю руки...

МАРГАРЕТА.

Ахъ! какъ же ты на мать свою похожа!
И та любила мучить... Но, какъ кошка,
Сама была въ Ратклиффа влюблена.

МАРІЯ.

Въ кого?..

МАРГАРЕТА.

Въ отца Вильямова—Эдварда.
Мать у тебя красавица была,
И всѣ ее пригожей Бетти звали.
Лишь съ золотомъ ея равнялся локонъ,
И мрамору была рука подобна.
А ужъ глаза! О, какъ ихъ зналъ Эдвардъ!
По цѣлымъ днямъ онъ въ нихъ глядѣлъ, — казалось,
Свои глаза всѣ выглядитъ онъ скоро...
И голосъ былъ у Бетти соловьиный.
Какъ запоетъ у очага, бывало:

[Поетъ].

«Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ? Эдвардъ!» —
Кухарка все забудетъ, и жаркое
Перегоритъ всегда... О, Боже, Боже!

[Плачетъ].

Зачѣмъ ее я пѣснѣ той учила!

МАРІЯ.

О, разскажи мнѣ все, что было съ нею!

МАРГАРЕТА.

Разъ подъ окномъ она одна сидѣла
И стала пѣть...
[Поетъ].
«Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ? Эдвардъ!»
Какъ вдругъ Эдвардъ Ратклиффъ прыгнулъ къ ней
въ спальню
И продолжалъ, на тотъ же голосъ, дерзко:
[Поетъ].
«Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!..»
Мать куколки моей такъ испугалась,
Что съ той поры несчастнаго Эдварда
Ужъ никогда и видѣть не хотѣла,
И, чтобъ его взбѣсить еще сильнѣе,
За твоего отца рѣшилась выйти.
Отъ ярости Эдвардъ Ратклиффъ рехнулся,
Но, показать жестокой самъ желая,
Что безъ нея онъ можетъ обойтися,
Онъ въ жены взялъ дочь лорда Кембля, Дженни.
Отъ этого безумнаго союза
Вильямъ Ратклиффъ произошелъ на свѣтъ.

МАРІЯ.

Бѣдняжка-мать!

МАРГАРЕТА.

Упрямица большая
Она была и цѣлый годъ ни разу
Не назвала Ратклиффа... Но однажды,
Когда октябрь ужъ наступилъ вторично,
И, кажется, въ день именинъ Ратклиффа,
Она меня, какъ будто мимоходомъ,
Спросила вдругъ: «Что объ Эдвардѣ слышно?»
— «На Дженни Кембль женился»,— я сказала.

«На Дженни Кембль? ужель?» — вскричала Бетти
И вспыхнула... Потомъ вдругъ поблѣднѣла
И горькими слезами залилась!
Ты у меня лежала на колѣняхъ,—
Три мѣсяца — не больше было, —
И принялась кричать и плакать тоже;
А я, чтобъ какъ-нибудь утѣшить Бетти,
Разсказывать ей стала, что не можетъ
Эдвардъ Ратклиффъ забыть о ней доселѣ,
Что день и ночь вокругъ онъ зàмка бродитъ,
Что и сама я видѣла, какъ руки
Онъ простиралъ къ окну пригожей Бетти.
«Ну, такъ! Я все давно ужъ угадала!» —
Теперь она воскликнула, смѣясь,
И, подбѣжавъ къ окошку быстро, руки,
Безумная, къ Эдварду протянула...
О, горе ей! Отецъ твой это видѣлъ...

МАРІЯ.

Ну, что жъ потомъ?.. Разсказывай же дальше...

МАРГАРЕТА.

Ну, вотъ и все.

МАРІЯ.

Разсказывай же дальше!

МАРГАРЕТА [робко].

Подъ утро найденъ былъ, у старой башни,
Эдвардъ Ратклиффъ въ крови и безъ дыханья.

МАРІЯ.

А мать моя? Чтò сталось съ ней, несчастной?

МАРГАРЕТА.

Она сошла отъ ужаса въ могилу
Спустя три дня.

МАРІЯ.

Какъ страшно, Маргарета!

МАРГАРЕТА.

О, если бы глазенками своими
Могла взглянуть ты, куколка моя,
Какъ онъ лежалъ у башни!.. У! донынѣ
Все образъ мнѣ мерещится кровавый!
И потому, что я убійцу знаю,
Что никому о томъ сказать не смѣю
И что безумна я, — не сплю я ночи!
Эдвардъ Ратклиффъ передо мной повсюду, —
Эдвардъ Ратклиффъ окровавлённый, блѣдный,
Съ своимъ пронзающимъ, ужаснымъ взглядомъ,
Съ поднятымъ, какъ у привидѣнья, пальцемъ
И медленно идущій, шагъ за шагомъ...

Входитъ **Ратклиффъ**, блѣдный, разстроенный и окровавленный.

МАРГАРЕТА [въ ужасѣ].

Вонъ онъ! Эдвардъ! О, Господи помилуй!..
[Бросается въ уголъ и лежитъ тамъ безъ движенія].

МАРІЯ [вскрикивая].

Злой человѣкъ! Ты мнѣ кольцо Дугласа
Принесъ?

РАТКЛИФФЪ.

О, нѣтъ! Нашъ карусель оконченъ,
И я колецъ снимать не буду больше.
Я снялъ ихъ два, но третье не дается —
И съ деревянной лошади я слѣзъ.

МАРІЯ [внезапно, тронутымъ голосомъ].

Вильямъ! Вильямъ! Ты кровью истекаешь...
Поди сюда... Перевяжу я рану...
[Разрываетъ свое бѣлое вѣнчальное платье].
Гдѣ я?.. О, Боже мой! Съ Вильямомъ страшнымъ!..
Нѣтъ! Ты — Эдвардъ Ратклиффъ; а я — я Бетти...

Кровь у тебя на головѣ... Въ моей же
Такъ смутно... Чтò я дѣлаю, — не знаю...
О, если любишь ты меня, скорѣе
Поди сюда!.. стань на колѣни!.. стань!..

[Хочетъ перевязать ему голову].

РАТКЛИФФЪ.

Чтò это — сонъ? Я здѣсь — у ногъ Маріи?
Вы не мечта ль, о, маленькія ножки?
Не призраки ль, чтó тотчасъ исчезаютъ,
Какъ только къ нимъ захочешь прикоснуться?

МАРІЯ [перевязывая ему голову].

Смирнѣе! стой! Кровь запеклась на кудряхъ...
На золотыхъ, прекрасныхъ этихъ кудряхъ...
Не шевелись... Меня ты окровавилъ...
Будь тихъ... Тебя въ глаза я поцѣлую...

[Цѣлуетъ его].

РАТКЛИФФЪ.

Ты съ глазъ моихъ прогнала ночь лобзаньемъ,
И солнце я увидѣлъ вновь, Марія!

МАРІЯ [какъ бы придя въ себя].

Марія?.. Да! А ты — Вильямъ...

[Закрываетъ свои глаза рукою].

Ужасно!

[Вздрогнувъ].

Прочь, прочь! Ступай скорѣй отсюда!..

РАТКЛИФФЪ.

Не двинусь я! Тебя люблю я страстно,
И ты сама Вильяма любишь... Часто
Я отъ тебя слыхалъ во снѣ объ этомъ.

[Дружески].

А знаешь... мы похожи другъ на друга..

[Ведетъ ее къ зеркалу].

Взгляни сюда! Черты твои, конечно,
И благороднѣе, и чище, и нѣжнѣе...
Но сходство есть: у насъ обоихъ губы
И гордость, и упрямство обличаютъ...
Здѣсь легкомысліе — и тамъ оно же...
Вѣдь такъ! Скажи словечко!..

МАРІЯ [вырываясь отъ него].

Полно!.. полно!..

РАТКЛИФФЪ.

Ты слышала?.. И голосъ — мой, но мягче...
Глазъ синева у насъ одна и та же,
Но блескъ твоихъ сильнѣе... Дай мнѣ руку!
[Беретъ ея руку и сличаетъ съ своею].
И линіи на ней съ моими сходны.
[Испуганный].
Смотри, смотри: у насъ обоихъ
Равно и жизни линіи коротки!

МАРІЯ.

Оставь меня, Вильямъ! Бѣги отсюда!
Бѣги, молю! Они придутъ сейчасъ.

РАТКЛИФФЪ.

Да, права ты! Бѣжать должны мы оба!
За мной, моя возлюбленная, слѣдуй!
Бѣжимъ, бѣжимъ! Мой конь стоитъ осѣдланъ,
И нѣтъ коня въ Шотландіи быстрѣе!

МАРГАРЕТА [поетъ].

«Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?»
«Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!..

РАТКЛИФФЪ.

Кто произнесъ кровавыя слова?
Не филинъ ли, прижавшійся къ окошку;

Иль вѣтеръ, завывающій въ каминѣ;
Иль вѣдьма, что̀ вонъ тамъ забилась въ уголъ?
Да, то она! Какъ камень недвижима,
А все, хрипя, напѣвъ зловѣщій тянетъ!

[Съ болѣзненнымъ стономъ].

Она поетъ, что милую я долженъ
Убить! О, да... я долженъ... долженъ!..

МАРІЯ.

Твои зрачки вращаются такъ страшно...
Дыханье жжетъ... Оставь меня, оставь!

РАТКЛИФФЪ.

О, не страшись!.. Смерть такъ сладка! Со мною
Пойдемъ въ тотъ край чудесный, о которомъ
Такъ часто мы мечтали, дорогая!

МАРІЯ.

Бѣги! бѣги!.. Тебя Дугласъ застанетъ!

РАТКЛИФФЪ [съ бѣшенствомъ].

Произнесла сама ты лозунгъ смерти!
Нѣтъ! обладать тобой никто не будетъ!

МАРІЯ [бросается отъ него въ альковъ, онъ бѣжитъ за ней съ мечомъ].

Вильямъ! Вильямъ! Меня убить ты хочешь!

РАТКЛИФФЪ.

Мнѣ одному принадлежитъ Марія!

[Слышенъ крикъ Маріи въ альковѣ: «Вильямъ, Вильямъ! Помогите!»].

МАРГАРЕТА [поетъ].

«Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!..»

[Воздушные призраки являются съ противоположныхъ сторонъ, становятся у входа въ альковъ, простирая другъ къ другу руки, и исчезаютъ при входѣ Ратклиффа].

РАТКЛИФФЪ [выходитъ изъ алькова съ окровавленнымъ мечомъ].

Стой, стой, двойникъ! Куда? Ты это сдѣлалъ!
Въ крови твои протянутыя руки...
Дерись со мной! Ты умертвилъ Марію!..

МАКЪ-ГРЕГОРЪ [вбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечомъ].

Кто звалъ на помощь?.. А! ты здѣсь, убійца,
Врагъ моего спокойствія проклятый!

РАТКЛИФФЪ [съ дикимъ хохотомъ].

Да, здѣсь! Но ты мнѣ также ненавистенъ.
Не знаю самъ я — почему, но только
Твоей я крови жажду...

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Нечестивый!

[Бросаются другъ на друга].

МАРГАРЕТА [поетъ].

«Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?»

МАКЪ-ГРЕГОРЪ [падая].

Все эта пѣснь!

[Умираетъ].

РАТКЛИФФЪ [изнуренный]

Вотъ и змѣя убита!..
Какъ у меня легко на сердцѣ стало!
Заранѣе покой я предвкушаю...
Трудъ жизни конченъ! Ты — моя, Марія!
Иду къ тебѣ!

[Идетъ въ альковъ; оттуда слышенъ его голосъ].

Я здѣсь, мой чистый голубь,
Моя любовь, прекрасная Марія!

[Въ альковѣ раздается выстрѣлъ].

Призраки появляются снова, бросаются другъ другу въ объятія; они остаются такъ нѣкоторое время и исчезаютъ].

Дугласъ, слуги и гости.

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

О, Боже! Здѣсь лежитъ нашъ господинъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Лордъ Макъ-Грегоръ!

ДУГЛАСЪ.

Убитъ! Почтенный старецъ!
Скорѣй искать злодѣя! И ворота
Всѣ запереть!

МАРГАРЕТА [въ безуміи].

Ага! Вотъ такъ у старой башни
Эдвардъ Ратклиффъ лежалъ въ крови и блѣдный...
Злой Макъ-Грегоръ убилъ его, бѣдняжку!
Не я виной... не я... я только знала...
[Указывая на трупъ Макъ-Грегора].
А вонъ того — Вильямъ Ратклиффъ спровадилъ...
Вильямъ Ратклиффъ теперь спокоенъ тоже:
Онъ близъ Маріи спитъ... О, тише!... тише!
Не разбудите ихъ...

МНОГІЕ.

Ужасный случай!

МАРГАРЕТА [смѣясь, довольная].

Они точь-въ-точь — Эдвардъ съ пригожей Бетти!

ФРИДРИХЪ ГЕББЕЛЬ.

НА МОТИВЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Если юношѣ навѣки
Отдаешься ты, любя,
То скажи ему, чтобъ сòрвалъ
Онъ лилею для тебя
Въ часъ, когда блестятъ росинки
На листахъ ея большихъ, —
Сòрвалъ такъ, чтобы ни капли
Не могло скатиться съ нихъ...
Кто цвѣтокъ сорветъ такъ нѣжно, —
Обѣщалъ не даромъ тотъ,
Что изъ глазъ твоихъ слезинки
Ни одной не упадетъ!

СОНЪ.

Мнѣ снилось, что яму копалъ я.
Вечерняя близилась мгла...
Копалъ въ ширину и въ длину я —
И это могила была.

И будто я къ этой работѣ
Былъ вынужденъ чѣмъ-то; но зналъ,
Что только ее я окончу,
Какъ все получу, что желалъ.

Когда же могила готова
Была, — я совсѣмъ изнемогъ...
Желать мнѣ ужъ нечего было,
И самъ я въ могилу ту легъ.

ДРАМА.

Душенъ воздухъ. Въ гротъ прохладный
Молодой зашелъ стрѣлокъ;
Онъ, охотой утомленный,
Отдохнуть на камнѣ легъ.

И смыкаются рѣсницы,
И веселый, легкій рой
Сновидѣній пролетаетъ
Надъ безпечной головой.

Лишь заснулъ онъ, въ гротъ прохладный
Тихо дѣвушка вошла;
Высока, стройна, какъ пальма,
И красива, и смугла.

Видитъ спящаго — и ужасъ
Проникаетъ въ душу ей...
Вотъ спѣшитъ къ стрѣлку и хочетъ
Разбудить его скорѣй.

Но, шаги заслышавъ, «поздно!»
Прошептала, и стрѣлка
Крестнымъ знаменьемъ могла лишь
Осѣнить ея рука.

Въ этотъ мигъ вбѣжалъ суровый
Браконьеръ въ гнѣздо свое;
Не успѣлъ стрѣлка завидѣть,
Какъ схватился за ружье.

Но красавица на шею
Брату кинулась съ мольбой.
«Прочь! — отвѣтилъ онъ сердито, —
Это врагъ заклятый мой!

«Онъ стрѣлялъ по мнѣ недавно,
Такъ теперь не убѣжитъ!»
— «Посмотри: онъ спитъ, а спящихъ
Божій ангелъ сторожитъ».

Браконьеръ надъ ней смѣется,
А она ему опять:
— «Сладко спитъ онъ! Развѣ можно
Жизнь у спящаго отнять?»

Онъ курокъ спокойно взводитъ...
И, какъ мертвая, блѣдна,
Передъ братомъ на колѣни
Опускается она.

Порохъ онъ на полку сыплетъ
И съ усмѣшкой говоритъ:
«Ужъ не ты ли этотъ ангелъ,
Что во снѣ его хранитъ?»

— «Братъ! молю: не будь убійцей!
Пусть уйдетъ онъ невредимъ!...»
«Если я убійцей буду —
Онъ зато не будетъ имъ!»

Тихо въ гротѣ... Лишь жужжанье
Залетѣвшаго жука
Слышно въ немъ... да ровно дышитъ
Грудь заснувшаго стрѣлка...

РЕБЕНОКЪ.

Мать въ гробу лежитъ, цвѣтами
Убрана въ послѣдній разъ;
А ребенокъ удивленный
Съ тѣхъ цвѣтовъ не сводитъ глазъ.

На одеждѣ бѣлой — розы,
Иммортели — въ волосахъ;
Не срывалъ цвѣтовъ красивѣй
Онъ ни въ полѣ, ни въ лѣсахъ.

И звучитъ его молящій,
Серебристый голосокъ:
«Мама, мама! Подари мнѣ
Хоть одинъ такой цвѣтокъ!

Но, отвѣта не дождавшись,
Про себя онъ говоритъ:
«Спитъ она! Когда проснется.
Непремѣнно подаритъ!»

И на цыпочкахъ ушелъ онъ;
Но потомъ къ дверямъ опять
Подходилъ не разъ послушать:
Можетъ-быть, проснулась мать.

ГРѢШНИЦА.

«Нынче праздникъ «Всѣхъ Скорбящихъ»·
Не пойти ли намъ во храмъ?
Въ чемъ мнѣ люди отказали,
Не пошлетъ ли Небо тамъ?

«Мать все плачетъ — утѣшенья
Нѣтъ для дочери у ней!

Занемогъ отецъ, ихъ горе
Видѣть мнѣ всего больнѣй...»

Поздоровавшись съ старушкой,
Приготовила она
Старику больному пищу
И пошла отъ нихъ грустна.

Потупляетъ боязливо
Предъ сосѣдями глаза...
Но зато глядитъ такъ смѣло
Взоръ ея на небеса!

Въ домъ къ роднымъ зашла, робѣя,
И съ мучительной тоской,
Но во храмъ вступила твердой,
Безбоязненной стопой.

Стала тихо на колѣни
Передъ Матерью Христа...
Но о чемъ молить — не знаетъ...
И молчатъ ея уста...

И какъ будто слышитъ голосъ
Чей-то: «Встань! младенецъ твой —
Примиритель и посредникъ
Между Небомъ и тобой.

«Вѣдь его съ пеленокъ будутъ
До могилы распинать...
Все искупитъ онъ съ избыткомъ,
Въ чемъ была виновна мать...»

I.-Х. ЗЕДЛИЦЪ.

*
* *

Ребенокъ спалъ. Она сидѣла,
Склонясь задумчиво надъ нимъ,
И пробѣгалъ вечерній вѣтеръ
По волосамъ ея густымъ.

Какъ мраморъ, блѣдная, сидѣла;
Сжимала сердце ей тоска.
Вблизи темнѣющія волны
Катила бурная рѣка.

Надъ тростникомъ кружилась цапля,
Крикъ чайки воздухъ оглашалъ;
Пыль на дорогѣ поднималась,
И крупный дождикъ капать сталъ.

Какъ дождевыя капли, слезы
Катились по лицу у ней,
И, крѣпко спящаго, ребенка
Прижала мать къ груди своей:

«Не слышишь ты, ребенокъ бѣдный,
Какъ надъ тобой грохочетъ громъ,
Какъ льется дождь и стонетъ буря:
Ты спишь спокойнымъ, тихимъ сномъ.

«Отецъ отвергъ тебя... покинулъ
И мать несчастную твою.
Куда жъ приникнемъ головою,
Гдѣ домъ мы сыщемъ и семью?

«Отецъ твой весело, роскошно
Живетъ, друзьями окруженъ...
Но видѣть онъ тебя не хочетъ,
Объ насъ не хочетъ слышать онъ.

«Пока ты спишь, — пускай поглотятъ
Насъ волны темныя скорѣй,
Чтобъ не влачили мы позорно,
Въ нуждѣ и горѣ, нашихъ дней».

Но тутъ, глаза открывъ, ребенокъ
Взглянулъ съ улыбкою на мать;
И вотъ, она прижала страстно
Его къ своей груди опять:

«Нѣтъ, нѣтъ, дитя! Мы оба будемъ
Съ тобою жить: и ты, и я...
Отцу—прощенье! Безпредѣльнымъ
Даритъ блаженствомъ онъ меня!»

РОБЕРТЪ ГАМЕРЛИНГЪ.

ОСЛѢПЛЕННАЯ ПТИЧКА.

О, пѣсня! Ты звѣздѣ подобна яркой,
Что льетъ свой блескъ въ глубокой тьмѣ ночной...

Осеннимъ днемъ однажды увидалъ
Я въ тѣсной клѣткѣ маленькую птичку.
Я подошелъ къ ней ближе и нежданно
Былъ зрѣлищемъ печальнымъ пораженъ:
Въ ея головкѣ, вмѣсто бойкихъ глазъ,
Двѣ впадины глубокія чернѣли...
Ослѣплена была она. Невольно
Я отступилъ — и стало за нее
Мнѣ въ этотъ мигъ такъ тяжело и больно!..

Бѣдняжка, — я подумалъ, — для тебя
Ужъ нѣтъ весны! Съ высотъ лазурныхъ неба
Не будешь ты смотрѣть на Божій міръ!
Вершины горъ, покрытыя лѣсами,
Колосья нивъ, цвѣтущіе луга
И ручейковъ блестящіе извивы —
Погибло все для взора твоего!
И никогда, хотя бы сквозь рѣшетку
Тюрьмы своей, тебѣ не увидать
Ни кроткаго румянаго заката,
Ни утреннихъ торжественныхъ лучей...

Какъ отъ меня, навѣки отлетѣли
Отъ птички бѣдной радость и весна...
А гдѣ ихъ нѣтъ, и пѣсня не слышна!

Такъ сожалѣлъ о птичкѣ я. Но вдругъ
Какъ бы журчанье бьющаго фонтана
Иль трескъ ракетъ, что̀ къ темнымъ небесамъ
Взвились и тамъ разсыпались звѣзда̀ми,
Я услыхалъ: то зазвенѣла трель,
А вслѣдъ за ней и пѣсня раздалася...
Но пѣсня та не грустная была,
Не жалоба въ ней горькая звучала —
Нѣтъ! изъ груди затворницы слѣпой
Ликующіе, радостные звуки
Съ неудержимой силою лились.
То былъ привѣтъ веснѣ благоуханной,
То счастья былъ восторженный порывъ!
А между тѣмъ, сѣдой туманъ осенній
Уныло въ окна тусклыя глядѣлъ,
По небесамъ холоднымъ плыли тучи,
И блёклый листъ съ нагихъ вѣтвей летѣлъ!..

Невольно я сквозь слезы улыбнулся.
«Откуда» — говорилъ я — «у тебя
Взялись такіе звуки? Изъ чего
Узоры пѣсенъ сотканы тобою?
Ка̀къ ты могла веселые напѣвы
Найти въ своей безрадостной ночи́?
Найти весну средь осени глубокой?
Ка̀къ ты поешь еще, когда вокругъ
Давно твои подруги ужъ замолкли,
Хотя ихъ глазъ не застилаетъ мракъ?..»

Былъ свѣтлый май. Листвой одѣлись рощи,
Цвѣли фіалки, ландыши цвѣли,
Ручьи, звеня, межъ зелени бѣжали,
И по ночамъ ужъ пѣли соловьи.
Тогда и эта маленькая птичка
Встрѣчала пѣснью радостной весну;

Но чьей-то вдругъ безжалостной рукою
Была навѣки свѣта лишена...
И вотъ, теперь слѣпая, въ узкой клѣткѣ,
Сидитъ она. Но все еще поетъ,—
Поетъ свой гимнъ торжественный и свѣтлый,
Не вѣдая, что дни весны умчались;
Что пронеслось и лѣто имъ вослѣдъ,
Что лѣсъ, клубами сѣраго тумана
Окутанный, безмолвствуетъ давно:
Все тотъ же май, съ своимъ тепломъ и блескомъ,
Въ ея душѣ попрежнему живетъ!
Все, что когда-то въ грудь ея запало
При видѣ вешнихъ, солнечныхъ лучей,
И зелени, и неба голубого—
Сказалось въ звукахъ тѣхъ. И до конца
Въ нихъ изливать не перестанетъ
Сокровищъ, въ сердцѣ собранныхъ у ней!
Отъ этихъ яркихъ грёзъ не отрезвиться
Ей, упоенной нектаромъ весны!
Разсѣять ихъ блестящей вереницы
Дѣйствительности грустной не дано!

Да! у тебя могли похитить зрѣнье,
Но не могли лишить тебя весны:
Она — твоя, тебѣ принадлежитъ —
И болѣе, чѣмъ всякому другому.
Тебѣ летѣть не нужно за моря
Искать ее, ушедшую отсюда:
Она всегда въ душѣ твоей цвѣтетъ.
Твоей весны метели не прогонять,
Не страшно ей дыханье непогодъ!

О, лучше быть слѣпымъ, но въ звукахъ страстныхъ
Излиться, чѣмъ, смотря на міръ цвѣтущій
И красотой блистающій, пройти
Въ молчаньи мимо... Во сто кратъ несчастнѣй
Очей, навѣкъ лишенныхъ свѣта, — сердце,
Которому вдохновенье чуждо!
Не увядаетъ, пѣвецъ, твой вѣнокъ!

Когда вокругъ все блёкнетъ и тускнѣетъ,
И гибели на всемъ лежитъ печать, —
Онъ все цвѣтетъ — и памятникомъ служитъ
Намъ лучшихъ дней, грядущаго залогомъ,
Какъ радуга въ далекихъ облакахъ...

Пусть радостей не вѣдаетъ избранникъ,
Волнующій намъ пѣснями сердца,
Но все жъ ему удѣлъ сужденъ завидный!
Прекрасна пѣсенъ яркая звѣзда,
Хотя она блистаетъ одиноко
Во тьмѣ ночей, бросая чудный блескъ
На этотъ міръ пустынный и печальный...
О лучшихъ дняхъ дай сердцу волю пѣть!
Прекрасное такъ быстро исчезаетъ —
Такъ пусть оно хоть въ пѣсняхъ будетъ жить!..
Не умолкайте жъ, пѣсни, и высоко
Звучите надъ печальною землей:
Среди цвѣтовъ поблёкшихъ и развалинъ,
Вы — памятникъ прекраснаго живой!

---

*
* *

И вотъ, опять увидѣлъ я лѣса̀...
Какъ часто мнѣ они, бывало, снились
Тамъ — на далекихъ, знойныхъ берегахъ
Чужихъ морей, гдѣ странствовалъ я долго.
Ихъ простота суровая душой
Неотразимо вновь овладѣваетъ...
Какъ море, и сосновый этотъ лѣсъ
Стоитъ, красой безсмертною блистая,
Когда вокругъ уже давно поблёкъ
Цвѣтовъ пестрѣвшихъ маленькій мірокъ.
Здѣсь, освѣжая сердце мнѣ, встрѣчаетъ
Улыбкой все привѣтливой меня:
Къ былинкѣ ль я нагнусь, что̀ изъ-за моха
Невинно такъ глядитъ, иль отдохнуть

Прилягу подъ гигантскою сосною,
Чтò одиноко высится. Она
Отъ гибели одна лишь уцѣлѣла
Изъ всѣхъ подругъ, вокругъ нея стоявшихъ...
Такъ чудно, такъ торжественно шумитъ
Она своею темною вершиной,
Что, слыша величавый этотъ шумъ,
Молить готовъ я Небо, чтобъ позорный
Не выпалъ ей конецъ подъ топоромъ,
Но чтобъ ее, когда настанетъ время
Ей умереть, сразилъ небесный громъ!

МИНЬОНѢ.

Когда больной, усталый человѣкъ,
Чтò тысячью булавочныхъ уколовъ
Израненъ и чуть дышитъ, чтò, борьбой
Упорной и неравной обезсиленъ,
Чело свое, поникшее средь бурь,
Куда склонить не зная, припадетъ
Къ твоимъ колѣнямъ, женщина, случайно, —
Не уходи въ негодованьи гордомъ,
Останься недвижима! Отдохнуть
У ногъ твоихъ хоть нѣсколько мгновеній
Дай бѣдному, измученному жизнью...

Одну лишь зналъ я женщину такую —
Тебя, Миньона! Помню я, съ какой
Святой любовью бодрствовала ты
Надъ головой заснувшаго страдальца,
Слѣдя за каждымъ вздохомъ и считая
Біенье сердца каждое его!
Какъ рада ты, какъ счастлива была,
Что подъ лучомъ сочувственнаго взора
Дышать вольнѣй и легче стала грудь,
Отвыкшая отъ мира и свободы!
Когда жъ они — безстрастные — пришли

И на тебя взглянули съ любопытствомъ,
Враждебно и двусмысленно; когда
По-своему ихъ пошлость объяснила
Великодушный, честный твой порывъ,
И отъ намековъ наглыхъ загорѣлось
Лицо твое стыда румянцемъ яркимъ, —
Предъ ихъ судомъ не отступила ты
И лишь слезу сдержала изъ боязни,
Чтобы чело усталаго она
Не обожгла и сонъ не возмутила...

Благодарю, Миньона! Вѣчно будутъ
Мнѣ памятны святая тишина,
Которая меня здѣсь окружала,
И миръ ничѣмъ не возмущенныхъ дней!
Всѣхъ выше благъ — спокойствіе!.. Пускай
Средь суеты немолчной переходятъ
Изъ устъ въ уста людскіе приговоры,
И безпощадно строгій этотъ судъ
Караетъ подвигъ чистый и высокій
И раздаетъ ничтожеству вѣнки!

Но ты, съ душой утѣшенной, спокойной,
Свой взоръ назадъ порою обращай
И думай о прекрасномъ этомъ краѣ,
Его садахъ цвѣтущихъ и долинахъ,
Гдѣ тысячи ключей прозрачныхъ бьютъ
И мельницъ, тамъ-и-сямъ, шумятъ колеса;
Гдѣ виноградъ вкругъ стройныхъ тополей
Обвился, и развѣсистыя ивы,
Задумчиво поникнувъ надъ прудомъ,
Въ его водахъ свои купаютъ вѣтки...

ФЕРДИНАНДЪ ФРЕЙЛИГРАТЪ.

* * *

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой.

О, сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло.
Пока его другое любитъ
И неизмѣнно, и тепло.

Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,—
О, дай имъ больше, больше дай!
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ счастье,—
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ
Порой языкъ не произнесъ;
О, Боже! онъ сказалъ безъ злобы,
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло,
На грудь поникла голова...
Все, что любилъ, навѣкъ сокрыла
Густая, влажная трава...

Ты говоришь: «Хоть на мгновенье
Взгляни! Изныла грудь моя!
Прости язвительное слово:
Его сказалъ безъ злобы я!»

Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятья не спѣшитъ;
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
«Прощаю все» — не говоритъ!

Да, ты прощенъ... Но много, много
Твоя язвительная рѣчь
Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь...

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой, —
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

МОРИЦЪ ГАРТМАННЪ.

НА МОТИВЪ БОЛГАРСКОЙ ПѢСНИ.

Я въ свой цвѣтокъ любимый заглянула
И чудный міръ увидѣла я въ немъ:
Стоялъ въ родной долинѣ домикъ бѣлый,
Зеленый лугъ раскинулся кругомъ.

И я сама сидѣла на порогѣ,
Былъ у меня ребенокъ на рукахъ,
Ты, милый мой, ходилъ съ улыбкой мимо,
И счастья лучъ горѣлъ въ твоихъ глазахъ.

Но, вотъ, увялъ, поблёкъ цвѣтокъ мой бѣдный!
Напрасно я гляжу въ него опять.
Напрасно я ищу цвѣтка такого
Во всѣхъ садахъ — его мнѣ не сыскать!

МАННВЕЛЬТОВА НЕДѢЛЯ.

(ПЕРЕВОДЪ ПОСВЯЩАЕТСЯ Н. А. НЕКРАСОВУ).

Маннвельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ... Изъ церкви выходитъ народъ.
Нищихъ толпа у церковныхъ воротъ.
Мимо себѣ богомольцы прошли,
Съ деньгами кружку попы пронесли —
Нищимъ не подалъ никто. И съ тоской,
Молча, поникли они головой.
Вотъ на помостъ прилегли отдохнуть:
Можетъ, въ вечерню подастъ кто-нибудь...
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ понедѣльникъ сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ... Предъ нимъ многолюдный базаръ.
Крики и шумъ, и пестрѣетъ товаръ —
Есть изъ чего выбирать богачамъ;
Много поживы и ловкимъ ворамъ.
Съ рынка богатый богаче ушелъ;
Только бѣднякъ былъ попрежнему голъ...
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ во вторникъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ онъ... Площадь народомъ кипитъ:
Судъ тамъ правитель открыто чинитъ.
Кто пресмыкался, былъ знатенъ, богатъ,
Былъ имъ оправданъ, добился наградъ.
Плохо лишь бѣднымъ пришлось отъ него...
А между тѣмъ, за поѣздомъ его
Съ радостнымъ крикомъ народъ весь бѣжалъ,
Милость его, доброту прославлялъ;
Полонъ восторга отъ ласковыхъ словъ,
Сыпалъ къ ногамъ его много цвѣтовъ!..
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ середу Маннвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ онъ: шумной толпою во храмъ
Люди стремятся. И пастырь ужъ тамъ,
Молча, стоитъ въ облаченьи своемъ.
Скоро невѣста вошла съ женихомъ.
Старъ онъ и сѣдъ былъ,—прекрасна она;
Былъ онъ богатъ, а невѣста бѣдна;
Счастливъ казался женихъ, а у ней
Слезы лились и лились изъ очей.
Пастырь спросилъ у ней что-то; въ отвѣтъ
«Да» прошептала она, словно «нѣтъ».
Гости чету поздравляютъ, потомъ
Ѣдутъ на пиръ къ новобрачному въ домъ.
Мать молодой была всѣхъ веселѣй:
Дочь своимъ счастьемъ обязана ей!..
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Вотъ онъ коня и въ четвергъ осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ огромное зданіе онъ;
Видитъ, стекаются съ разныхъ сторонъ
Женщины въ бѣдной одеждѣ туда;
Знатные тамъ собрались господа.
Дамамъ, разряженнымъ въ шелкъ и атласъ,
Бодрыхъ кормилицъ ведутъ на показъ.
Кончился смотръ — и съ довольнымъ лицомъ
Вышли иныя, звеня серебромъ;
Стонъ вылеталъ изъ груди у другихъ:
Шли онѣ, плача о дѣтяхъ своихъ,
И еще долго смотрѣли назадъ,
Имъ посылая свой любящій взглядъ...
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ пятницу Маннвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ: на улицѣ мужъ и жена
Спорятъ, кричатъ и бранятся. Она
Волосы рветъ на себѣ: «Осквернилъ

Брачный союзъ ты... жену погубилъ!»
Онъ отвѣчаетъ, грозя кулакомъ:
— «Адъ принесла ты, злодѣйка, въ мой домъ.
Самъ я обманутъ тобою, змѣя!»
Въ книгу закона взглянувши, судья
Молвилъ четѣ: «Вы разстаться должны».
И разошлись они, злобы полны.
А въ отдаленьи на камнѣ сидѣлъ
Блѣдный ребенокъ, дрожа, и глядѣлъ
То на отца, то на мать онъ съ тоской.
Брошенный ими, пошелъ онъ съ сумой...
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ въ субботу коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Въѣхалъ онъ въ городъ. На улицахъ бой;
Кровью исходятъ и добрый, и злой;
Рабъ и свободный убиты лежатъ;
Бьютъ барабаны и пули свистятъ;
Вѣютъ знамена, и много на нихъ
Словъ благородныхъ, призывовъ святыхъ!
Падая, ихъ произносятъ бойцы...
Съ крикомъ народъ разрушаетъ дворцы...
Въ бѣгствѣ король: обуялъ его страхъ...
Вноситъ другого толпа на рукахъ...
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Въ чистое поле онъ ранней порой
Выѣхалъ... Міръ былъ объятъ тишиной;
Гдѣ-то вился надъ деревней дымокъ,
Легкій его колыхалъ вѣтерокъ;
Жаворонокъ въ чистой лазури звенѣлъ;
Плодъ на вѣтвяхъ наливался и зрѣлъ;
Тихо, сквозь сѣть золотистыхъ лучей,
Воды катилъ, извиваясь, ручей...
Маннвельтъ задумчивъ сидѣлъ на конѣ.
Слышался топотъ копытъ въ тишинѣ;

Голосъ кукушки звалъ всадника въ лѣсъ...
Вотъ ужъ онъ въ чащѣ зеленой исчезъ.
Дальше онъ все углублялся во тьму;
Тысяча звуковъ навстрѣчу ему,
Мягкихъ, ласкающихъ, чудныхъ, неслись,
Нѣжили слухъ его, въ душу лились,
Ей обѣщали забвенье, покой...
Маннвельтъ совсѣмъ не вернулся домой!

ПИРЕНЕЙ.

Лишь зимой, когда снѣгами
Безконечный лугъ покрытъ,
Надъ долиной пиренейской
Пиреней-король царитъ.
Но сносить не могутъ взоры
Короля весны лучей,
И, какъ снѣгъ въ поляхъ, исчезнуть
Долженъ онъ при встрѣчѣ съ ней.

Не видалъ онъ, какъ тонула
Птичка въ дальней синевѣ,
Какъ душистая фіалка
Распускалася въ травѣ.
Для него не пѣлъ въ дубравѣ
Соловей въ вечерній часъ;
Пѣсня жаворонка съ разсвѣтомъ
Звонкой трелью не лилась.

Онъ въ горѣ, облитой льдами,
Въ Проклятой горѣ живетъ.
Королю чертогомъ служитъ
Тамъ глубокій, темный гротъ.
И сидитъ въ подземномъ залѣ
Онъ со свитою своей,
А душа на волю рвется,
Жаждетъ солнечныхъ лучей!

О любви, о дняхъ весеннихъ
И мечта ему мила:
Не знавалъ онъ страсти жгучей,
Ни весенняго тепла!

Вдругъ невѣдомые звуки
Оглашаютъ мрачный сводъ...
Это жаворонокъ! Въ поле
Громкой пѣснью онъ зоветъ!
Все ей вторило, казалось, —
Каждый камень и кристаллъ...
И король съ дрожащимъ сердцемъ
У дверей чертога сталъ.

«Къ намъ герольда присылала,
Въ гости насъ звала весна...
Въ путь скорѣй! Убить не можетъ
Насъ въ дому своемъ она».
И по каменнымъ ступенямъ
Онъ бѣжитъ съ своимъ дворомъ,
И едва могли вассалы
Поспѣвать за королемъ.

Вотъ пришли къ веснѣ на праздникъ:
Зеленѣлъ роскошный лугъ,
Съ крикомъ ласточки кружились,
Пахло розами вокругъ;
Солнце горы золотило,
Все сіяло и цвѣло...
Осѣнилъ вѣнокъ изъ лилій
Королевское чело.

Онъ воскликнулъ: «Міръ прекрасенъ,
И прекрасна ты, весна!»
Но еще казалась краше
Королю его жена.
Рядомъ съ нимъ она стояла,
И глядѣлъ онъ въ очи ей...
Никогда такъ жгучъ и страстенъ
Не былъ блескъ ея очей!

Все забылъ онъ, ей любуясь:
Что весна кругомъ цвѣла,
Что страдалъ онъ и томился,
И что смерть его ждала!

ЛАМПА.

Давно когда-то въ Старой Прагѣ
Раввинъ ученый проживалъ;
Онъ строго слѣдовалъ писанью
И мудро книги толковалъ.
Невзгоды жизни и лишенья
Сносилъ онъ съ твердою душой.
И хоть сидѣлъ безъ хлѣба часто,
А называлъ нужду мечтой.

Но далеко не такъ покорна
Была жена его судьбѣ
И не могла безъ горя видѣть
Худой одежды на себѣ.
Пренебрегала пищей скудной;
Когда же шабашъ наступилъ,
Печаль ея смѣнилась гнѣвомъ,
И праздникъ ей не въ праздникъ былъ.

Въ глазахъ ея сверкали слезы,
И мужу молвила она:
«У насъ нѣтъ рыбы за обѣдомъ,
И въ кружкѣ нѣтъ у насъ вина,
И оба мы въ лохмотьяхъ ходимъ...
Куда веселое житье!»
Тогда раввинъ къ настольной лампѣ
Подвелъ таинственно ее...

Позолочёная, блистала
Большая лампа, какъ звѣзда.

И говоритъ раввинъ чуть слышно:
«Насъ не должна страшить нужда!
Вѣдь эта лампа — золотая:
Когда я только захочу,
Все дастъ она — вино и мясо,
И шелкъ, и бархатъ, и парчу!»

— «Ужель?» — И бѣдность ужъ казалась
Въ тотъ мигъ женѣ раввина сномъ!..
И, вотъ, справлять они садятся
Свой шабашъ весело вдвоемъ.
И съ той поры, когда, бывало,
Тоска въ ея проникнетъ грудь,
Чтобъ все забыть, на эту лампу
Ей только стоило взглянуть.

Такъ отъ субботы до субботы
Жила она своей мечтой,
Смѣясь и радуясь богатству,
Что̀ скрыто въ лампѣ золотой.
И въ гробъ она легла съ улыбкой...
Увидя трупъ, раввинъ сказалъ:
«Лишь отъ тебя, моя голубка,
Что̀ значитъ вѣра, я узналъ!»

ДАТСКАЯ БАЛЛАДА.

Когда король Альфредъ вѣнчался,
Ревѣла буря, дождикъ лилъ,
Епископъ въ праздничной одеждѣ
Чету навѣкъ соединилъ.
Тогда была страшная ночь!

Епископъ былъ красивъ и молодъ;
Въ немъ королей струилась кровь, —
И подъ плащомъ его пурпу́рнымъ
Таилась жгучая любовь.
Тогда была страшная ночь!

Охотно бъ самъ соединился
Онъ съ королевой молодой,
Но онъ не долженъ былъ и мыслить
О страсти суетной, земной.
Тогда была страшная ночь!

И вотъ, чету благословляя,
Онъ вдругъ проклятье прошепталъ.
Тѣхъ словъ не слышала невѣста,
Народъ ихъ также не слыхалъ.
Тогда была страшная ночь!

Когда жъ изъ церкви молодая
Пришла къ себѣ... Зловѣщій свѣтъ
Бросалъ ночникъ на стѣны спальни,
И гнѣвенъ былъ король Альфредъ.
Тогда была страшная ночь!

«Такъ ты другого ужъ любила?»
Она клянется: «никогда!»
Велѣлъ подать вина онъ кубокъ,
И черныхъ капель влилъ туда.
Тогда была страшная ночь!

Епископъ далъ ей отпущенье,
И вновь ее благословилъ...
Ея уста коснулись кубка,—
А буря злилась, дождикъ лилъ...
Тогда была страшная ночь!

---

*
* *

Стало мнѣ въ домѣ и скучно, и тѣсно!
Тянетъ куда-то, куда — неизвѣстно.
Въ садъ не пойти ль, у цвѣтовъ допроситься?
Можетъ-быть, мнѣ поразскажутъ они,

Что̀ это нынче со мною творится,
И отчего въ эти ясные дни
Странной, глубокой тоской удрученъ,
Рвусь я куда-то все изъ-дому вонъ.

Нѣтъ! на вопросы мои разрѣшенья
Я никогда не дождусь отъ цвѣтовъ:
Имъ не понять ни тоски, ни томленья,—
Тупо глядятъ они, нѣтъ у нихъ словъ...
Скучно мнѣ въ мертвомъ, безмолвномъ саду!
Въ лѣсъ я, въ зеленую чащу пойду.

Вотъ, я стою подъ листвой изумрудной—
Тысячи радостныхъ звуковъ кругомъ!
Что̀ же и здѣсь мнѣ такъ больно и трудно,
Словно опять воротился я въ домъ,
Словно я въ комнатѣ мрачной своей?..
Вонъ бы изъ этого міра скорѣй!

ЦВѢТЫ.

Каждый день, когда изъ до̀му
Выхожу я, у воротъ
Ждетъ меня кудрявый мальчикъ
И цвѣты мнѣ подаетъ.

Я привыкъ къ его букетамъ,
И какъ будто веселѣй
Стало съ ними въ одинокой,
Тѣсной комнаткѣ моей.

Такъ красивы, ярки, свѣжи
Тѣ цвѣты всегда, что я,
Наконецъ, спросилъ ребенка:
«Гдѣ ты взялъ букетъ, дитя?»

— «У меня могильщикъ дядя,—
Онъ отвѣтилъ,—и живу
Вмѣстѣ съ нимъ я на кладбищѣ;
Тамъ цвѣты я эти рву».

И пошелъ я съ грустной думой,
Тихо молвивъ: «Узнаю
Я и здѣсь, судьба, все ту же
Шутку вѣчную твою:

«Въ каждой радости, что въ жизни
Намъ тобою послана̀,
Капля есть отравы горькой:
Грусть на днѣ затаена».

МОЛЧАНІЕ.

Ни слова, о, другъ мой, ни вздоха!
Мы будемъ съ тобой молчаливы...
Вѣдь молча, надъ камнемъ могильнымъ,
Склоняются грустныя ивы...

И, только склонившись, читаютъ,
Какъ я въ твоемъ взорѣ усталомъ,
Что были дни яснаго счастья,
Что этого счастья — не стало!

---

*
* *

Уходи отъ меня поскорѣй,
Не терзай мое сердце больное!..
Вѣдь въ душѣ охладѣвшей твоей
Не воскреснетъ ужъ чувство былое.

Хоть уста твои мнѣ говорятъ,
Что ты любишь меня... но — напрасно!
Говоритъ мнѣ иное твой взглядъ, —
На меня онъ глядитъ безучастно.

Да и ласка твоя ужъ не та,
И не грѣетъ она, какъ бывало...
Чѣмъ-то мысль твоя все занятà!
Твоя прежняя живость пропала.

Добрымъ словомъ еще услади
Ты печаль нашей вѣчной разлуки,
Чтобъ на мигъ въ наболѣвшей груди
Стихли жгучія, страшныя муки.

И потомъ уходи! Да хранитъ
Тебя Богъ отъ невзгодъ, дорогая!
Солнце счастья пусть вѣчно горитъ
Надъ тобою, твой путь озаряя.

Но въ дни счастья, молю, вспомяни
О покинутомъ другѣ порою...
Мнѣ на долю ненастные дни
Остаются въ разлукѣ съ тобою.

ПОДАРКИ.

«Нашъ милый гость спѣшитъ отсюда.
Скажите, дѣти, чтò ему
Дадите вы, чтобы подольше
Остался онъ у насъ въ дому?»

И старшій сынъ отвѣтилъ быстро:
— «Мой соколъ — гостю лучшій даръ;
Онъ прежде былъ красивъ, а нынче
Въ крыло подстрѣленъ, слѣпъ и старъ».

Другой сказалъ: — «А я въ придачу
Стрѣлу, пожалуй, гостю дамъ;
Она враговъ не поражаетъ,
Но въ грудь вонзается стрѣлкамъ».

Словамъ ихъ дочь внимала грустно
И тихо молвила потомъ:
— «Я гостю все отдать готова —
Не откажу ему ни въ чемъ:

«Ему нарядъ свой драгоцѣнный,
Ему свой перстень отдаю,
Свое дѣвическое ложе,
Постель пуховую свою!»

«Такъ пусть же гость уходитъ съ миромъ!
Прискорбно мнѣ, что сыновья
Мои дарятъ ему такъ мало —
Даритъ такъ много дочь моя!»

НИКОЛАЙ ЛЕНАУ.

ВЕСЕННІЙ ПРИВѢТЪ.

Солнышкомъ весеннимъ снова міръ согрѣтъ;
Вотъ приноситъ нищій-мальчикъ мнѣ букетъ.

Больно мнѣ, что первый твой привѣтъ, весна,
Приносить намъ бѣдность грустная должна!

Но залогъ прекрасный лучшихъ ясныхъ дней
Сталъ въ рукахъ несчастья мнѣ еще милѣй...

И страданья наши такъ должны принесть
Новымъ поколѣньямъ лучшей жизни вѣсть!

---

*
* *

Тяжелыя черныя тучи
Висѣли съ небесныхъ высотъ;
По старому саду съ тобою
Ходили мы взадъ и впередъ.

За тучами спрятались звѣзды...
Темна была ночь и душна:
Казалось, она для печали,
Какъ наша любовь, создана...

Когда же тебѣ на прощанье:
«Спокойная ночь!» — я сказалъ,
Обоимъ отъ полнаго сердца
Я смерти въ тотъ мигъ пожелалъ!

ГЕОРГЪ ГЕРВЕГЪ.

*
* *

Сокрыта въ морской глубинѣ,
Волна говорила волнѣ:
«Завидую сестрамъ моимъ,
Чтò катятся тамъ надо мною,
Согрѣты лучомъ золотымъ,
Любуясь небесъ синевою...
О, какъ бы помчалась я къ нимъ!»

Вдругъ вѣтеръ — и ринулась смѣло
Изъ бездны холодной волна!
Но лишь подъ лучомъ заблестѣла, —
О берегъ разбилась она!..

О, пусть бы всѣ люди могли
Ужиться съ безвѣстною долей...
Въ открытое море не шли —
Не жаждали бури и воли!
О, пусть бы — покорны судьбѣ
И вѣчно довольные малымъ —
Не знали, чтò значитъ въ борьбѣ
Разбиться о твердыя скалы!

РОБЕРТЪ ПРУТЦЪ.

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ.

Нѣтъ, вы насъ понять не въ силахъ,
Мы васъ тоже не поймемъ,—
Такъ разстанемся, и каждый
Пусть идетъ своимъ путемъ!
На челѣ у васъ морщины,
Вѣетъ холодомъ отъ васъ;
Вы и сами говорите,
Что огонь въ груди погасъ.
Мы же — юны, сильны, пылки,
Въ насъ кипитъ отвагой кровь:
Тутъ союза быть не можетъ,
Тутъ непрочная любовь!

Безъ вражды, безъ тѣни злобы
Мы «прости» вамъ говоримъ;
Передъ вашей сѣдиною
Мы колѣни преклонимъ.
Но зачѣмъ у васъ, при видѣ
Свѣжихъ юноши ланитъ
И кудрей густыхъ и черныхъ,—
Душу тайный страхъ томитъ?

И у васъ вилися кудри,
И у васъ былъ смѣлый взглядъ...
Эти кудри побѣлѣли,
Эти взоры не горятъ!

И ужъ иначе глядите
Вы давно на Божій свѣтъ:
Предаете вы позору
Все, чѣмъ юный духъ согрѣтъ.
Только жалобы, да пени,
Да киванье головой!
Осужденья тѣмъ, кто вышелъ
Безбоязненно на бой!
Мы же бѣшено такъ рвемся,
Жаждемъ дѣла, и борьбы,
И страданья, и волненья
Просимъ жадно у судьбы!

Мы стоимъ на перепутьи;
Разойтись пора пришла.
Вамъ — цвѣтущія долины,
Намъ — подводная скала!
Отдыхайте же, какъ предки,
Подъ журчаніе ручья,
Убаюканные сладко
Звонкой пѣснью соловья.
Но никто воспоминанья
Жизни прошлой не буди,
Или кровью обольется
Сердце въ старческой груди!

Ты жъ, вселюбящая юность,
Поражая силу зла,
Шествуй твердою стопою,
Вдохновенна и свѣтла!
Для грядущихъ поколѣній
Воздвигаешь зданье ты...
И гдѣ бъ ни были мы, въ сердцѣ
Сохранимъ твои мечты.

Пусть старикъ спокойно дремлетъ!
Намъ же Богъ пошли одно:
Чтобы юными въ могилу
Лечь намъ было суждено!

ПОСЛѢ БУРИ.

Ты коварно меня укачала,
Злая, долгая буря судьбы;
Но стряхнулъ я съ себя утомленье
И для новой готовъ ужъ борьбы!
Я расправилъ помятыя крылья!
Слышишь, старыя пѣсни звучатъ:
Видно, сердце въ груди не разбито,
Видно, прежнія силы не спятъ!

Не тужу я о томъ, что такъ много
Я волосъ себѣ нажилъ сѣдыхъ!
Не бѣда! Лишь бы только струилась
Кровь горячая въ жилахъ моихъ!
Хоть чело и склонялъ я порою,
Но склонялъ я его не рабомъ,
И въ рукѣ еще силы довольно:
Совладать она можетъ съ мечомъ.

Не потухнутъ отъ лѣтъ мои взоры,
Не увлáжатся горькой слезой:
Солнце юности вѣчной сіяетъ
Тѣмъ, кто вѣчнаго ищетъ душой!
Если счастье мнѣ снова измѣнитъ,
Если вырветъ побѣдный вѣнецъ,—
Пусть на полѣ сраженья останусь
Я съ оружьемъ, какъ честный боецъ!

ПЕРЛЫ И ПѢСНИ.

Къ морскому берегу рыбачка молодая
Идетъ, лишь утренній повѣетъ вѣтерокъ,
И видитъ груды тамъ coралловъ драгоцѣнныхъ
И перловъ, брошенныхъ волнами на песокъ.

Довольная своимъ сокровищемъ нежданнымъ,
Она украсить имъ спѣшитъ простой нарядъ
И, въ мягкій шелкъ волосъ жемчужины вплетая,
Завистливыхъ подругъ угадываетъ взглядъ.

Она не думаетъ, счастливая малютка,
Что вѣтеръ злой въ тотъ мигъ, какъ перлы ей дарилъ,
Быть-можетъ, не одну головку молодую
И не одинъ корабль въ пучину погрузилъ...

И ты, дитя мое, прими съ улыбкой пѣсни,
Чтò нынѣ въ даръ тебѣ пѣвцомъ принесены,
И, какъ рыбачка та, забудь, что извлекаетъ
Ихъ буря изъ моей душевной глубины!

---

*
* *

Вѣрь, у любви нѣтъ выше права,
Какъ все прощать и забывать:
Тотъ мало любитъ, кто не можетъ
Прощенью въ сердцѣ мѣста дать.

Когда болитъ и ноетъ рана,
Утѣшить мысль тебя должна,
Что рана та рукой любимой
Тебѣ была нанесена.

Когда жъ терпѣть не станетъ силы,
Умри... но молча—отъ людей,
Отъ той, кого любилъ... чтобъ тайной
Осталась скорбь души твоей...

---

*
* *

Смотрѣлъ ли ты на Альпы въ часъ заката?
Кругомъ давно поля, долины спятъ,
Густою мглой окрестность вся объята,
А тамъ лучи пурпурные горятъ.

Ты, можетъ-быть, испытывалъ желанье
Взлетѣть туда, гдѣ вѣчный свѣтъ дневной?
Но то — обманъ! То вечера сіянье, —
Свѣтило дня ушло ужъ на покой...

И я, какъ тѣ вершины. Есть мгновенья —
Въ глазахъ огонь, мнѣ дышится легко...
Но то — былого счастья отраженье.
И ночь во мнѣ... Ужъ солнце далеко!

ОПРАВДАНІЕ.

За что́ враждою къ пѣснямъ нашимъ
Кипятъ солидные умы?
Иль эстетическое чувство
Въ нихъ оскорбить умѣли мы
Тѣмъ, что нашъ голосъ неподкупно
Всегда звучалъ передъ толпой;
Что знамя истины и права
Мы держимъ твердою рукой?

Намъ говорятъ они: «Глядите,
Какъ мирно, тихо все вокругъ!
Слышна свирѣль, выходитъ стадо
На деревенскій, свѣжій лугъ;
Вездѣ идиллія и счастье...
Что̀ жъ подымать напрасный шумъ,
Тревогу бить? Кому бороться
Съ какимъ-то зломъ придетъ на умъ?

«Вѣдь муза — женщина; на форумъ
Ей неприлично выходить;
Очагъ домашній или келья
Должны ея удѣломъ быть.
Пишите, какъ писали прежде,
О нѣжныхъ чувствахъ, господа;
А если слушать васъ не станутъ,
Такъ помолчите, — не бѣда!»

Нѣтъ! Если бъ даже точно люди
Не захотѣли намъ внимать, —
Не замолчимъ мы; пѣснью смѣлой
Мы будемъ воздухъ оглашать.
Пусть въ полѣ жаворонокъ замолкнетъ,
Въ лѣсу замолкнетъ соловей,—
Звучать свободы пѣсня будетъ
Изъ всѣхъ лѣсовъ, со всѣхъ полей!

Какъ! Если въ озерѣ заснувшемъ
Трепещетъ блѣдный лунный свѣтъ,
Волшебной ночью вдохновиться
Тебѣ дозволено, поэтъ;
Когда жъ изъ мрака и тумана
Блеснутъ грядущаго лучи,
То, крикъ восторга подавляя
Въ груди взволнованной, молчи!

Ты можешь вволю восхищаться
Былинкой каждой и цвѣткомъ
И въ совершенствѣ отчеканить
Ихъ поэтическимъ стихомъ;
Но если ты на громъ событій,
Которымъ міръ весь потрясенъ,
Могучей пѣснью отозвался, —
Слухъ этихъ судей оскорбленъ!

Гдѣ шумный пиръ и гдѣ мутится
Гостей разсудокъ отъ вина, —
Въ честь беззаботнаго веселья,
Поэта пѣсенка нужна;

24*

Но если мыслью благотворной,
Соединяющей людей,
Проникся ты, — не одобренья
Жди, только грязи и камнéй!

Когда души влюбленной муки
Излить захочешь ты въ стихахъ, —
Кàкъ судьи строгіе довольны!
У нихъ и слезы на глазахъ.
Но горе, если ты свободу
Своей возлюбленной избралъ!
Глядишь — и даже непонятный
Какой-то страхъ на нихъ напалъ.

Но мы не имъ поемъ: насъ слышатъ
Иныя, честныя сердца,
И ждать отъ юности мы будемъ
Себѣ привѣта и вѣнца.
А вмѣстѣ съ ней, на пѣсни наши
Отвѣтитъ любящей душой
И тотъ, чьи кудри побѣлѣли,
Но въ комъ не гаснетъ жаръ святой,

Кто не поникъ челомъ съ лѣтами,
Кто съ вѣрой въ будущность глядитъ
И ко всему, что смѣло, пылко,
Враждою дикой не кипитъ.
Вотъ кто внимаетъ пѣснѣ нашей,
Вотъ для кого звучитъ она—
А къ ихъ суду мы равнодушны,
Ихъ похвала намъ не нужна!

ЛОЖНЫЙ ПУТЬ.

Они — я знаю — были бъ рады,
Когда бы, внявъ совѣтамъ ихъ,
Я, какъ отъ зла и лжи, отрекся
Отъ всѣхъ надеждъ, мнѣ дорогихъ.

Они сказали мнѣ: «Напрасно!
Ты не измѣнишь жизни ходъ,
Весна твоя въ безплодныхъ битвахъ
Прошла, и старость такъ пройдетъ».

Какъ быть! Блаженства и покоя
Ищи, кто хочетъ; а ужъ я
Звѣздѣ своей останусь вѣренъ,
И ваша мудрость — не моя!

Тутъ всѣ совѣты безполезны,
Хотя бы я и пожелалъ, —
Не жить въ душѣ моей не можетъ
Добра и правды идеалъ!

И если бъ даже, въ самомъ дѣлѣ,
На ложномъ я стоялъ пути, —
Но этотъ путь, однакожъ, съ честью
Я до конца хочу пройти!

---

* * *

Объ одномъ скорблю я, и скорблю безмѣрно:
Отчего, по волѣ рока прихотливой,
Я рожденъ не туркомъ? Вотъ народъ примѣрный,
Похвалы достойный, мудрый и счастливый!
Чтó въ культурѣ нашей? Радость не большая —
На вопросы вѣка сердцемъ отзываться
И, неправды всюду торжество встрѣчая,
Злиться понапрасну, даромъ волноваться!
На вино, пожалуй, нѣтъ у насъ запрету,
Но въ духовныхъ благахъ терпимъ мы стѣсненья:
Жаждемъ мы свободы, а свободы нѣту...
Туркамъ, право, лучше! Чужды имъ стремленья,
Чтò мѣшаютъ жить намъ, портятъ наслажденья.
Если бъ туркомъ былъ я, полонъ сладкой лѣни,
Все кальянъ тянулъ бы, развалясь въ палаткѣ;

Предо мной рабыня, ставши на колѣни
Улыбаясь нѣжно, мнѣ чесала бъ пятки.
Или, освѣженный брызгами фонтана,
Смокву бы я кушалъ, да порой, секретно
Отъ домашнихъ, фляжку вынувъ изъ кармана,
Упивался бъ жадно влагою запретной.
Иногда, пожалуй, я, для развлеченья,
Сказку бы прослушалъ изъ Шехеразады,
Иль призвать гяура далъ бы повелѣнье
И надъ нимъ ругался бъ вволю, безъ пощады.
Если бъ самому мнѣ высшіе, порою,
Дали палокъ двадцать, я не сокрушался бъ,
Но удары эти выместить съ лихвòю
На рабахъ и женахъ тотчасъ постарался бъ.
Такъ бы жилъ себѣ я смирно, безмятежно,
Не волнуясь, чтò бы ни было со мною,
Утѣшаясь тѣмъ, что это неизбѣжно,
Что ужъ такъ заранѣ суждено судьбою.
Смерть жены была бы не большой невзгодой:
Вѣдь жену другую бъ могъ купить легко я;
И слова пустыя: право и свобода
Мнѣ не отравляли бъ счастья и покоя...
Грезится мнѣ часто, будто на порогѣ
Своего жилища я, на склонѣ лѣтъ,
Счастливъ, недоступенъ никакой тревогѣ,
Возсѣдаю, свѣжій кушая шербетъ.
Вдругъ — Аллаха воля неисповѣдима! —
Я узрѣлъ султана — проходилъ онъ мимо;
И во прахъ повергся я передъ владыкой,
Слѣдъ его лобзая въ радости великой.
На животъ мой круглый, щеки безъ морщинъ
Обращаетъ ясный взоръ свой солнца сынъ
И съ усмѣшкой молвитъ: «Вижу, рабъ рабовъ,
Что животъ твой полонъ и лицо румяно;
Значитъ, и кошель твой долженъ быть здоровъ.
Подѣлись богатствомъ ты съ казной султана,
Какъ всегда дѣлились и другіе съ ней.
Дай мнѣ половину, остальной владѣй;
Милостивъ безмѣрно я къ рабамъ своимъ:

Будешь ты за это визиремъ моимъ».
Молвилъ и — ногою, въ знакъ благоволенья,
Мнѣ пинка изволилъ небольшого дать.
Поспѣшилъ исполнить я его велѣнья,
На ступени трона поспѣшилъ я стать.

Спро́сите вы, какъ бы я дѣлами правилъ?
Такъ же, какъ и ваши визири, друзья.
Какъ они бы, много висѣлицъ поставилъ;
Какъ они, налоги бъ увеличилъ я;
Все молчалъ бы съ видомъ строго величавымъ
И въ Диванѣ могъ бы мудрецомъ прослыть;
А судить пришлось бы, — виноватымъ, правымъ —
Всѣмъ бы по сту палокъ я рѣшалъ влѣпить.
Если бъ былъ житейской занесенъ волною
Съ запада поэтъ къ намъ, мучимый тоскою,
Съ блѣдными чертами и съ огнемъ во взорѣ,
Съ мыслью о свободѣ и подобномъ вздорѣ, —
Я его не гналъ бы, не сажалъ въ тюрьму:
Полную бы волю пѣть я далъ ему,
Не страшась вліянья принциповъ гуманныхъ:
Турки не читаютъ книжекъ иностранныхъ,
А когда бъ иные даже и читали,
То либерализмомъ ихъ проймешь едва ли.
Я пошелъ бы дальше: своего гарема
Радикаламъ этимъ отперъ бы я дверь,
Чтобъ ихъ пѣсенъ вредныхъ измѣнилась тема,
Чтобъ они забыли, что̀ твердятъ теперь,
Чтобъ въ объятьяхъ страстныхъ юной одалиски
Сдѣлались по мыслямъ скоро туркамъ близки...
Впрочемъ, о правленьи думалъ бы я мало.
Если бы порою денегъ не достало,
Могъ бы призанять я, или просто взять;
А случись, что нашу бы побили рать —
Что̀ жъ? Аллаха воля; кто съ ней спорить станетъ?
Самъ, какъ будетъ нужно, на враговъ онъ грянетъ...
Но возможно также, что за управленье
На себя султана гнѣвъ бы я навлекъ,
И прислалъ бы мнѣ онъ шелковый шнурокъ;

(Выражу свое здѣсь, кстати, удивленье,
Что обычай этотъ всюду не введенъ:
Пенсій очень много сберегаетъ онъ).
Какъ всегда, покоренъ волѣ той священной,
Я бы свой послѣдній совершилъ намазъ
И, вкругъ жирной шеи даръ обвивъ безцѣнный,
Въ дивный садъ Аллаха проскользнулъ какъ разъ.
Какъ все тамъ прекрасно!.. Сколько наслажденья!
Всякіе напитки... гурій обольщенья...
Ахъ, зачѣмъ не туркомъ — нѣмцемъ я рожденъ!
Благъ земныхъ и рая — я всего лишенъ!

ПОЭТУ.

Сѣй, поэтъ, въ сердца людскія
Вѣчной правды сѣмена!
Сѣй, хоть нынче и плохія
Для посѣва времена!

Въ міръ являлось ихъ немало —
Тѣхъ, чья пѣснь въ годину бѣдъ
Духомъ падшихъ ободряла,
Кто сквозь тьму провидѣлъ свѣтъ.

Своему призванью вѣренъ,
Ты иди дорогой ихъ:
Сердцемъ чистъ, нелицемѣренъ,
Обращай свой честный стихъ

Не къ тупымъ и злу кадящимъ,
Утѣсняющимъ и злымъ,
Но къ несчастнымъ и скорбящимъ,
Бѣднымъ, слабымъ и больнымъ.

Вѣрь въ себя — и Богъ поможетъ!
Сѣй благія сѣмена,
Хоть не всѣ взойдутъ, быть-можетъ:
Почва кое-гдѣ скудна,

Тѣ — развѣютъ бури злыя,
Тѣ — подточатъ червяки,
Тѣ — померзнутъ, но иныя
Пустятъ сильные ростки!

Сѣй же щедро до могилы!
Не скупися на зерно, —
Всѣмъ дѣлись съ людьми, что̀ было
Отъ небесъ тебѣ дано!

АНАСТАСІЙ ГРЮНЪ.

СТАРЫЙ КОМЕДІАНТЪ.

Вотъ занавѣсъ подняли съ шумомъ.
Явился фигляръ на подмосткахъ:
Лицо нарумянено густо,
И пестрый костюмъ его въ блёсткахъ.

Старикъ съ головой посѣдѣвшей,
Достоинъ ты слезъ, а не смѣху!
Въ могилу глядишь ты, а долженъ
Ломаться толпѣ на потѣху!

И хохотъ ея,— этотъ хохотъ
Надъ близкимъ концомъ человѣка,
Надъ бѣдной его сѣдиною —
Награда печальнаго вѣка.

Все — даже и милое сердцу —
Съ лѣтами старикъ забываетъ;
А бѣдный фигляръ всякимъ вздоромъ,
Крехтя, себѣ мозгъ набиваетъ.

Въ прощальный лишь мигъ приподыметъ
Старикъ одряхлѣвшія руки,
Когда вкругъ него, на колѣняхъ,
Стоятъ его дѣти и внуки.

Безъ устали руки фигляра
Бьютъ въ тактъ пустозвоннымъ куплетамъ,
И сколько усилій, чтобы вызвать
У зрителей хохотъ при этомъ!..

Болятъ твои старыя кости,
И тѣло кривляться устало;
Не прочь ты заплакать, пожалуй!
Лишь только бъ толпа хохотала!..

Старикъ опускается въ кресло.
«Ага! Это лѣни поблажка! —
Въ толпѣ восклицаютъ со смѣхомъ, —
Знать, любитъ покой старикашка!»

И голосомъ слабымъ, беззвучнымъ
Онъ свой монологъ начинаетъ.
Ворчанье кругомъ: «Видно, роли
Фигляръ хорошенько не знаетъ!»

Онъ тише и тише бормочетъ...
Нѣтъ связи въ рѣчахъ и значенья —
И вдругъ, не докончивши слова,
Замолкъ и сидитъ безъ движенья...

Звенитъ колокольчикъ за сценой —
То слышится звонъ погребальный!
Толпа недовольная свищетъ —
То плачъ надъ умершимъ прощальный!

Душа старика отлетѣла —
И только густыя румяна
Попрежнему лгали; но тщетно:
Никто ужъ не вѣрилъ обману.

Какъ надпись на камнѣ могильномъ,
Они на лицѣ говорили,
Что ложь и притворство удѣломъ
Фигляра несчастнаго были...

Деревъ намалеванныхъ вѣтки
Не будутъ шумѣть надъ могилой,
И мѣсяцъ, напитанный масломъ,
Надъ ней не засвѣтитъ уныло!..

Когда старика обступили,
Изъ труппы вдругъ голосъ раздался:
«Тотъ честный боецъ, кто съ оружьемъ
На полѣ сраженья остался!»

Лавровый вѣнокъ изъ бумаги,
Измятый, засаленный, старый,
Какъ древняя муза, — служанка
Кладетъ на сѣдины фигляра.

Снести бѣдняка на кладбище
Носильщиковъ двухъ подрядили;
Никто не смѣялся, не плакалъ,
Когда его въ землю зарыли...

I. фонъ-ЭЙХЕНДОРФЪ.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Казалось, небо землю тихо
Поцѣловало передъ сномъ,
Чтобъ лишь оно одно ей снилось
Въ прозрачномъ сумракѣ ночномъ.

Скользилъ по нивамъ вѣтеръ теплый,
Колосьевъ двигалась волна,
И перешептывались листья,
И ночь въ звѣздахъ была ясна...

И, широко расправивъ крылья,
Душа моя, въ тиши ночной,
Неслась надъ спящею долиной,
Неслась, какъ будто бы домой...

ЗИМНІЙ СОНЪ.

И снилось мнѣ, что будто снова
Передо мною отчій домъ;
Что я лежу въ долинѣ старой
Съ веселымъ, радостнымъ лицомъ;

Что вѣтерокъ играетъ легкій
Съ листвой въ полдневной тишинѣ;
Что цвѣтъ летитъ съ родныхъ деревьевъ
На грудь и нà голову мнѣ...

Когда жъ проснулся я, — за лѣсомъ
Всходила тусклая луна;
Вокругъ меня въ сіяньи блѣдномъ
Лежала чуждая страна...

И, озираясь, на деревьяхъ
Я видѣлъ иней, а не цвѣтъ;
Поля покрыты были снѣгомъ...
И самъ я былъ ужъ старъ и сѣдъ!

УМИРАЮЩІЙ.

Ужель съ землею, съ отчимъ домомъ
Пора разстаться навсегда?
И навсегда угаснутъ въ сердцѣ
Любовь и честная вражда?

Вотъ подъ окномъ привѣтъ прощальный
Деревья шепчутъ... Вѣтерокъ,
Ко мнѣ ворвавшись, вѣсть приноситъ,
Что часъ заката недалекъ.

Родимыхъ горъ моихъ вершины!
Не разъ, бывало, думалъ я:
О, если бъ крылья, чтобъ надъ вами
Летѣть въ надзвѣздные края!..

Но вотъ, когда явились крылья,
И нѣтъ летѣть туда преградъ, —
Неизъяснимое томленье
Къ землѣ влечетъ меня назадъ!

НОЧНЫЕ ГОЛОСА.

И долъ, и лѣсъ объяты тьмой...
Необозримы, молчаливы
Лежатъ поля передо мной,
И не колышетъ вѣтеръ нивы...

Вдали раздался гдѣ-то звонъ...
То бьютъ часы, протяжно, мѣрно...
Въ испугѣ встрепенулась серна
И снова погрузилась въ сонъ...

Вотъ на горѣ сосновый боръ,
Шумя, вершины преклоняетъ!
Господь идетъ по высямъ горъ
И спящій край благословляетъ.

---

*
* *

Ахъ, не та ужъ эта липа,
На которую когда-то
Я взлѣзалъ, чтобъ любоваться
Яркимъ заревомъ заката!

И не этой рощей темной
Я, подъ шумъ вѣтвей сосновыхъ,
Отъ подруги возвращался
Съ сердцемъ, полнымъ пѣсенъ новыхъ!

Знать, не та ужъ и долина,
Гдѣ, порой любви счастливой,
Выходили на свиданье
Мы стопою боязливой.

Нѣтъ! Долина, роща, липа —
Тѣ же все, что̀ въ дни былые...
Ты не тотъ... Остыло сердце,
Да и волосы сѣдые!

Баронъ ОСКАРЪ РЕДВИЦЪ.

* * *

Пока лазурь небесъ моихъ ясна,
О черныхъ тучахъ я не думаю съ тоскою,
И не поникну я уныло головою,
Пока волосъ не тронетъ сѣдина.

Пускай близка осенняя пора:
Ея не ждетъ цвѣтокъ, на солнцѣ распускаясь;
Не думаетъ звѣзда, на небѣ загораясь,
Что ей горѣть дано лишь до утра.

КАРЛЪ БЕКЪ.

СЛУГА И СЛУЖАНКА.

Въ мячъ сирота не игралъ никогда:
Самъ онъ былъ мячикъ,—судьба имъ играла;
Птичекъ не бралъ изъ родного гнѣзда:
Самъ онъ, какъ птица, былъ сытъ, чѣмъ попало.

Воду, дрова цѣлый день онъ таскалъ,
Лазилъ по лѣстницамъ, вставши до свѣта;
Къ сытой собакѣ онъ зависть питалъ,
Къ кошкѣ, что̀ теплою шкурой одѣта.

Выросъ и, въ слуги нанявшись, прикрылъ
Бѣдность свою галунами ливреи;
Лошадь сѣдлалъ и собаку кормилъ,
Всѣ исполнялъ господина затѣи.

Думалъ онъ часто о милой своей.
Милая грубое платье носила;
Не были руки, какъ бархатъ, у ней —
Ими бѣлье и полы она мыла.

Онъ ей не пѣлъ серенадъ подъ окномъ;
Другу портрета она не дарила...

Видѣлись рѣдко... Разстались потомъ,
Въ полномъ расцвѣтѣ и страсти и силы.

И постарѣли... Но сердце у нихъ
Все продолжало надеждою биться...
Сколько бъ ни рвали цвѣтовъ полевыхъ,
Все же въ травѣ хоть одинъ притаится!

Снилось порою ихъ честнымъ душамъ,
Будто они ужъ служить перестали,
Будто, какъ равнымъ, большимъ господамъ
Руку при встрѣчѣ они подавали.

Вотъ, наконецъ, сколотивши казну,
Зажили вмѣстѣ, довольны, счастливы;
Есть у ней прялка, немало и льну;
Онъ себѣ домикъ построилъ красивый.

Въ мертвомъ затишьѣ ихъ дни потекли,
Душу блаженство любви не томило...
Все это сгибло! Въ разлукѣ прошли
Лучшіе годы и страсти, и силы!

Тихи ихъ шутки... ихъ ласки робки...
Это — цвѣты, но цвѣты подъ снѣгами!
Это — осенней поры мотыльки!
Пляска, но пляска калѣкъ съ костылями!

Ихъ не блаженство любви веселитъ —
Нѣтъ! — но свой домъ... мысль объ участи новой...
Ихъ властелинъ лишь Господь, что̀ глядитъ
Взоромъ любви на порвавшихъ оковы...

КОРМИЛИЦА.

I.

Въ окошкѣ стекло у ней вѣтромъ разбило;
За новымъ послать было не на что ей, —
Бумагой окошко она заклеила,
И стало въ каморкѣ еще холоднѣй.

Прошли ея свѣтлые дни! Поплатиться
Пришлось ей позоромъ за нихъ и стыдомъ:
Подъ сердцемъ ребенокъ у ней шевелится;
Отецъ его скрылся, — нѣтъ слуха о немъ.

«Небось, ужъ не будетъ теперь такъ спесива!» —
Бормочетъ сосѣдка одна наверху.
Другая внизу восклицаетъ: «Смазлива!
Я знала заранѣше, что быть тутъ грѣху».

Какъ сильно любила она, какъ глубòко!
Какъ вѣрила вкрадчивымъ, лживымъ рѣчамъ!
А онъ?.. Онъ уѣхалъ куда-то далёко,
Чтобъ также обманывать женщинъ и тамъ.

Хоть горе, что́ сердцемъ ея пережито,
И это со взмокшей бумагой окно,
Въ которое буря врывалась сердито,
Терзать бы стыдомъ его душу должно!..

II.

Кормилицу «нервная» дама искала
(Попала въ дворянки она изъ купчихъ);
Красавицу надо, чтобъ пѣсенки знала,
Чтобъ голосъ былъ звонокъ, а нравъ былъ бы тихъ.

25*

Ну, что жъ! Развѣ кротость въ глазахъ не свѣтилась
У той, чтó жила одиноко, бѣдна?
Иль пѣсенъ веселыхъ въ душѣ не сложилось
У ней въ ту весну, какъ любила она?

О чемъ же тутъ думать! Мѣняетъ каморку
Она на приволье роскошныхъ палатъ,
На сытыя кушанья — черствую корку,
Лохмотья — на яркій, блестящій нарядъ.

Чужого ребенка она полюбила,
Ласкаетъ и нѣжно цѣлуетъ его;
Но часто въ ней сердце болѣзненно ныло,
Когда вспоминала она своего.

Въ деревню онъ отданъ и терпитъ, быть-можетъ,
Тамъ голодъ и холодъ, и бѣдную мать,
Когда увидать его Богъ ей поможетъ,
Не будетъ, вскормлённый другою, онъ знать!

Ликуетъ чета: не кормилица — диво!
Такую найти и не грезилось имъ!
Ребенокъ веселый, здоровый, красивый;
Ну, кто ни посмотритъ — твердитъ: «херувимъ!»

III.

За мѣсяцемъ мѣсяцъ проходитъ, — кончаетъ
Кормилица службу свою. Аттестатъ
Похвальный чета ей любезно вручаетъ
И даже даритъ въ благодарность нарядъ.

И ищетъ она себѣ новаго дѣла —
Да только сыскать-то его мудрено!
Въ деревню, къ ребенку поѣхать хотѣла,
Но пишутъ оттуда, что умеръ давно...

Въ такой же каморкѣ она поселилась,
И также грозитъ ей опять нищета...
Но, вотъ, къ ней однажды сосѣдка явилась,
Красна, какъ піонъ, непомѣрно толста.

И стала шептать ей лукавыя рѣчи:
«Такимъ, — говоритъ, — нищета не страшна!»
Глаза голубые, роскошныя плечи,
Волнистую косу хвалила она;

Твердила, что въ сырости жить нездорово,
Что молодость грѣхъ понапрасну губить,
Что если одинъ обманулъ, такъ другого
На зло ему нужно сейчасъ полюбить.

Ей дѣвушка, молча, въ раздумьи внимала...
Порой изъ груди вылеталъ у ней вздохъ,
Иль вдругъ на рѣсницы слеза набѣгала..
Храни тебя, бѣдную, Богъ!

МАКСЪ ВАЛЬДАУ.

* * *

Уныло двѣ поблёкшихъ розы,
Горюя, на пескѣ лежатъ;
Прощальнымъ блескомъ озаряетъ
Листки ихъ блѣдные закатъ.

«Меня невѣста молодая
Носила на груди своей,
Когда блаженствомъ безпредѣльнымъ,
Любовью сердце билось въ ней!

«Меня сорвалъ онъ въ часъ разлуки
Съ ея груди, когда она,
При блескѣ свѣчъ, въ гробу лежала,
Какъ изваянье, холодна ..»

Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя, на пескѣ лежатъ,
И тихо, тихо догораетъ
На блѣдныхъ листьяхъ ихъ закатъ...

ФРИДРИХЪ БОДЕНШТЕДТЪ.

* * *

Пронзительно вѣтеръ ночной завывалъ,
    И волны вздымались высо̀ко...
Одинъ я, въ раздумьѣ, надъ моремъ лежалъ,
    Томимый печалью глубокой.

О прошломъ я вспомнилъ, о дняхъ молодыхъ,
    О дняхъ, что̀ казались часами...
Сурова пора, замѣнившая ихъ:
    Часы нынче кажутся днями!

Лежалъ я съ безрадостной думой своей
    И видѣлъ: звѣзда задрожала,
Но въ небѣ отъ блѣдныхъ, холодныхъ лучей
    Свѣтлѣе и чище не стало...

И думы о прошломъ подобны звѣздамъ:
    Осенней порою унылой
Встаютъ онѣ только затѣмъ, чтобы намъ
    Повѣдать, что ночь наступила...

АДОЛЬФЪ ШУЛЬТСЪ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ О ПРИРОДѢ.

1.

Деревья весело шумѣли,
Когда вернулась къ нимъ весна,
И только ель одна межъ ними
Была безмолвна и мрачна.

Деревья жалобно шумѣли,
Когда настали холода;
Лишь ель молчала равнодушно
И зеленѣла, какъ всегда.

2.

На волны небо грустное смотрѣло:
Оно сойти хотѣло бъ съ вышины;
Ему казалось: звѣзды золотыя
Пучиною морской поглощены.

На небо волны съ ропотомъ взирали
И думали: зачѣмъ не тамъ онѣ?
Не вѣдая, что звѣзды золотыя
Покоятся въ ихъ темной глубинѣ.

3.

Когда умру я, схороните
Меня въ лѣсу, въ лѣсу густомъ.
Могильнымъ памятникомъ будетъ
Мнѣ старый дубъ,—давно ужъ имя
Свое я вырѣзалъ на немъ.

Пусть буду въ шумѣ листьевъ темныхъ
И въ переливахъ соловья,
Порой вечерней, надъ могилой
Я слышать: «Спи, товарищъ милый!
Съ тобою были мы друзья!»

4.

Скажи, фіалка, отчего
Такъ рано къ намъ ты воротилась,
Когда въ поляхъ ни одного
Еще цвѣтка не распустилось?

«Бѣдна нарядомъ и мила,
Я межъ другихъ цвѣтовъ незрима,
И если бъ съ ними я цвѣла,
Ты, можетъ-быть, прошелъ бы мимо».

РАДБОТЪ*.

Въ соборѣ слышенъ звукъ органа,
И съ нетерпѣньемъ ждетъ народъ,
Какъ предъ распятьемъ тамъ склонится
Король языческій Радботъ.
Стоитъ онъ, въ думу погруженный
О сторонѣ своей родной,
И рядомъ съ нимъ — епископъ старый,
Чьей будетъ онъ крещенъ рукой.

---

* Историческій фактъ. О немъ, между прочимъ, упоминаетъ и Мотлей въ введеніи къ его извѣстной книгѣ «Объ отложеніи Нидерландовъ».

Онъ велъ съ противникомъ могучимъ
Ожесточенную войну;
Но Карлъ Мартелъ разсѣялъ фризовъ,
И у него ихъ вождь въ плѣну.
Не такъ воинственному Карлу
Его побѣда дорога,
Какъ то, что онъ святымъ писаньемъ
Смягчилъ суровый духъ врага.

И, вотъ, къ Радботу съ умиленьемъ
Епископъ слово обратилъ:
«Отрекся ты отъ заблужденій,
Господь твой разумъ просвѣтилъ,
И ждетъ тебя по смерти небо!
Лишь тѣмъ, кто вѣруетъ въ Христа,
Оно доступно; имъ лишь будутъ
Отверзты райскія врата.

«Воздай Творцу благодаренье
За жребій свой: завиденъ онъ.
Отъ предковъ всѣхъ своихъ ты будешь
Навѣкъ отнынѣ отдаленъ.
Они — язычники слѣпые,
Имъ суждено въ аду горѣть;
А ты надзвѣздные чертоги
Творца сподобишься узрѣть!»

Епископъ смолкъ и, наполняя
Водою чашу, съ торжествомъ
Свершить готовится крещенье
Онъ надъ языческимъ вождемъ.
Но тотъ внезапно отступаетъ
Отъ алтаря, угрюмъ, суровъ.
«Такъ вотъ твое ученье, пастырь?—
Онъ говоритъ: — не трать же словъ.

«Какъ? Неужель отца и братьевъ,
Отнятыхъ смертью у меня,
Черты мнѣ вѣчно дорогія
Не долженъ буду видѣть я?

О, нѣтъ! Куда они, по смерти,
Ушли — и я пойду туда.
Въ свое ты небо не залучишь
Меня ничѣмъ, и никогда!»

Испуганъ рѣчью нечестивой
Служитель ревностный Христа.
«Слѣпецъ упорный», — шепчутъ гнѣвно
Его дрожащія уста.
А Карлъ придворнымъ повелѣнье
Изгнать невѣрнаго даетъ...
И прочь уходитъ молчаливо
Король языческій Радботъ.

ГЕРМАНЪ ЛИНГЪ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

О, звѣзды, скоро ли исчезнетъ
Съ небесъ ночныхъ вашъ хороводъ,
И мѣсяцъ спрячется за лѣсомъ,
И утро свѣжее дохнетъ?

Я сторожу — хочу дождаться
Хоть разъ я той поры, когда
Стоитъ одна въ лазури чистой
Лишь утра блѣдная звѣзда...

Какъ часто съ болью жгучей въ сердцѣ
Я близкимъ очи закрывалъ!
Какъ часто цвѣтъ, лишенный солнца,
При мнѣ печально увядалъ!

Я видѣлъ сломленные дубы
И счастье, смятое грозой...
О, дайте жъ мнѣ хоть разъ увидѣть,
Какъ тьму смѣняетъ лучъ дневной!

АДА КРИСТЕНЪ.

НАДЪ ПРУДОМЪ.

Унылый прудъ, ты мнѣ знакомъ!
Я помню вечеръ тотъ ненастный,
Когда на берегу твоемъ
Я видѣлъ женщины несчастной
Окоченѣвшій трупъ... Вокругъ
Народъ тѣснился и несмѣло
Къ ней подходилъ... Но кто-то вдругъ
Крюкомъ самоубійцы тѣло
Къ себѣ подвинулъ... Страхъ тупой
Тогда на лицахъ отразился.
Крестясь, отъ «Богомъ проклятой»
Въ испугѣ каждый сторонился...

Не разъ тотъ образъ молодой,
Прекрасный, блѣдный, недвижимый,
Въ ночи вставалъ передо мной,
Когда, тоской неодолимой
Объятъ, не могъ сомкнуть я глазъ...
Да, ты знакомъ мнѣ, прудъ угрюмый!
Подавленъ мрачной, горькой думой,
Я вспоминалъ тебя не разъ!

*
* *

Лишь ты одинъ моимъ страданьямъ вѣрилъ,
Одинъ умѣлъ читать въ душѣ больной
И поддержать мой духъ изнемогавшій
Въ тѣ дни, какъ свѣтъ во мнѣ боролся съ тьмой!

Лишь ты одинъ простеръ мнѣ смѣло руку,
Когда къ тебѣ, отчаянья полна,
Пришла я съ сердцемъ, кровью истекавшимъ,
Безжалостной толпой оскорблена!

Лишь ты одинъ ни часа, ни мгновенья
Мнѣ въ жизни никогда не омрачилъ,
Одинъ берегъ отъ бурь съ участьемъ нѣжнымъ...
И никогда меня ты не любилъ!

---

*
* *

Я надъ свѣжей могилой раввина
На еврейскомъ кладбищѣ стоялъ.
Кто-то въ рѣчи надгробной ученость
И дѣла мудреца восхвалялъ.

«Но, скажите, зачѣмъ же каменья
На могильную насыпь его
Всѣ бросаютъ — и старый, и малый?»
Я еврея спросилъ одного.

— «Если почесть воздать мы желаемъ,
То велитъ намъ обычай отцовъ,
Чтобъ цвѣты мы бросали живущимъ
И каменья на гробъ мертвецовъ».

Намъ обычай языческій этотъ —
Я подумалъ себѣ — не знакомъ...
Мы бросаемъ цвѣты на гробницы
Тѣхъ, кого мы камнями побьемъ.

---

*
* *

Всему конецъ! Все миновало!..
Гдѣ прелесть этихъ тайныхъ встрѣчъ,
Пожатье рукъ и взглядъ твой нѣжный,
И лаской дышащая рѣчь?

Померкъ тотъ лучъ, что̀ на мгновенье
Унылый путь мой озарилъ...
Чтобъ жить нашла въ себѣ я силу, —
Скажи, что ты меня любилъ!

---

*
* *

Съ насмѣшкой наглой на устахъ,
Они клеймятъ тебя позоромъ,
Но ты не склонишься во прахъ
Предъ ихъ бездушнымъ приговоромъ.

Ихъ путь — не твой, инымъ путемъ
Идти въ тебѣ нашлася сила:
Ты ихъ добро считаешь зломъ,
Ты ихъ кумирамъ не служила.

И, можетъ-быть, еще тебѣ
Дано извѣдать бурь немало,
Немало силъ сгубить въ борьбѣ —
Въ стремленьи чистомъ къ идеалу!

Не разъ суровыхъ тѣхъ судей
Хулу внимать тебѣ придется;
Но, вѣрь, на скорбь души твоей
Отвѣтъ въ иныхъ сердцахъ найдется.

Тебѣ протянетъ руку тотъ,
Кто самъ тернистою тропою,
Безъ колебанія, идетъ,
Гонимый пошлостью людскою.

* * *

Да, онъ давно знакомъ мнѣ, тотъ недугъ,
Которымъ такъ душа твоя томима...
Вотъ почему, о, мой далекій другъ,
Меня влечетъ къ тебѣ неодолимо!

Какъ не понять другъ друга было намъ,
Въ борьбѣ съ судьбой измученнымъ, усталымъ?
Однимъ съ тобой молились мы богамъ,
Одни въ душѣ носили идеалы!

Мы все еще остались вѣрны имъ
И, посреди измѣнчивой и лживой
Толпы, кадящей идоламъ своимъ,
Бредемъ одни, печальны, молчаливы...

ФРИДРИХЪ РЮККЕРТЪ.

* * *

Тѣни горъ высокихъ
На воду легли;
Потянулись чайки
Бѣлыя вдали.

Тихо все... Томленьемъ
Дышитъ грудь моя...
Какъ теперь бы крѣпко
Обнялъ друга я!

Весело выходитъ
Странникъ утромъ въ путь —
Но подъ-вечеръ дома
Радъ бы отдохнуть.

Графъ МОРИЦЪ СТРАХВИЦЪ.

*
* *

У ногъ твоихъ пѣть мнѣ такъ любо
Завѣтныя пѣсни свои
Въ тотъ часъ, какъ въ готическихъ окнахъ
Пылаютъ заката лучи.

Ты въ тактъ мнѣ головкой киваешь,
Ты слушаешь сердцемъ меня;
Я жъ, руки скрестивъ и любуясь,
Пою: «Ты прекрасна, дитя!»

Смотрѣть мнѣ у ногъ твоихъ любо
Въ твои голубые глаза,
И, кажется мнѣ, состраданья,
Порой, въ нихъ сверкаетъ слеза.

Но я не хочу состраданья!
Я знаю: ты любишь, шутя,
И все-таки я предъ тобою
Пою: «Ты прекрасна, дитя!

ФРИДА ПОРТЪ.

* * *

Старость счастливая мнѣ суждена:
Чтó у другихъ отнимаетъ она,
Жизнь мнѣ того никогда не дарила...

Юные годы безъ радостей шли —
Такъ же, какъ дѣтство... Въ туманной дали
Призракъ его мнѣ киваетъ уныло...

Гордо отвергнутъ я былъ красотой,
Чистыхъ порывовъ восторгъ молодой
Пошлость людская насмѣшкой язвила...

Счастлива будешь ты, старость моя!
Часто, однакоже, думаю я,
Что умереть еще лучше бы было...

ПОЛЬ ГЕЙЗЕ.

БОГЪ СНА.

(НОВЕЛЛА ВЪ СТИХАХЪ).

Отъ духоты и уличнаго шума
Неаполя скрываясь, какъ-то разъ
Я за городъ направился. Хотѣлось
Мнѣ свѣжестью вечерней подышать
И побродить по берегу морскому —
Прекраснѣйшему въ мірѣ. На челѣ
Вулкана гасъ послѣдній отблескъ дня,
И, пурпурнымъ сіяніемъ облитъ,
Сорренто берегъ высился скалистый.
Изъ всѣхъ садовъ неслось благоуханье
Навстрѣчу мнѣ. Безъ цѣли шелъ впередъ
Я, но найти желаемой прохлады
Не могъ средь улицъ, зноемъ раскаленныхъ,
Гдѣ желтой пыли столбъ, слѣпя глаза,
Вставалъ и опускался каждый разъ,
Когда, звеня бубенчиками, мимо
Телѣжка мчалась легкая... И вотъ,
Я, наконецъ, ища уединенья,
Въ пустынный переулокъ повернулъ,
Тянувшійся межъ стѣнъ и приводившій
Къ полямъ, гдѣ чистый воздухъ ждалъ меня.
И тысячи шаговъ еще не сдѣлалъ

Я позади пустыхъ дворовъ и виллъ,
Какъ былъ объятъ глубокой тишиной...
Передо мной тонула въ полусвѣтѣ
Нѣмая даль... И только трескотня
Кузнечиковъ молчанье нарушала;
А впереди меня блестѣлъ свѣтлякъ
И словно мнѣ указывалъ дорогу.
Страна, казалось, вымерла. Нигдѣ
Въ домахъ очагъ, привѣтливо пылая,
Не звалъ къ себѣ. Ни у однѣхъ дверей
За прялкой не сидѣла поселянка.
Порой лишь въ темной комнатѣ напѣвъ
Чуть слышался: то молодая мать
Свое дитя укачивала въ люлькѣ.
И самъ я шелъ, какъ будто убаюванъ,
Въ раздумьи тихомъ. Вдругъ мои мечты
Шумъ голосовъ прервалъ и звонкій хохотъ,
И, на краю дороги, предо мной
Предсталъ красивый, загородный домикъ,
Стоявшій противъ низенькой лачуги.
Тамъ, на балконѣ дачномъ, молодой
И стройный образъ женскій я замѣтилъ;
А здѣсь, на кровлѣ плоской, хохоча
И прыгая, два смуглыхъ мальчугана
Бросали апельсины на балконъ,
А мать ловила ихъ и отсылала
Назадъ. И если золотистый плодъ,
Не долетѣвъ до цѣли, по дорогѣ
Катился, дѣти съ крикомъ въ тотъ же мигъ
Другой срывали съ дерева, вершина
Котораго до крыши достигала,
И на балконъ летѣлъ ужъ новый мячъ;
Тогда восторгъ дѣтей не зналъ предѣла;
А я стоялъ, любуясь ихъ игрой.
Когда же мать, присутствіе мое
Замѣтивъ вдругъ, смутилась и хотѣла
Прервать игру, — я продолжалъ свой путь,
Чтобъ не мѣшать веселью ихъ... И долго,
Средь тишины вечерней, мнѣ вослѣдъ

Звучали дѣтокъ радостные крики.
Едва они затихли, услыхалъ
Другіе я ласкающіе звуки:
Журчаньемъ ключъ привѣтствовалъ меня.
Разгоряченный долгою ходьбою,
Я жажду радъ былъ утолить свою
И поспѣшилъ на этотъ зовъ отрадный,
Дивясь тому, что ключъ въ равнинѣ бьетъ.
Пройдя немного, рощицу густую
Увидѣлъ я средь поля; темный миртъ,
Оливы, лавръ, насаженные часто,
Въ ней разрослись, и древній саркофагъ,
Котораго лѣпныя украшенья
Не пощадила времени рука,
Служилъ струямъ свѣжительнымъ оправой.
Ключъ билъ изъ пасти льва, а позади,
Надъ мраморной гробницей, возвышался
Четырехгранный столбъ, мужскою головой
Кончавшійся, подобно древнимъ Гермамъ;
Она была вѣнкомъ изъ розъ покрыта,
И два крыла шли отъ висковъ у ней.
Какая-то старушка на краю
Бассейна, прислонясь къ столбу, сидѣла,
Въ дремо̀ту погруженная; ее,
Казалось, ключъ журчаньемъ убаюкалъ...
Войдя тихонько въ рощу, утолить
Хотѣлъ я жажду, зачерпнувъ рукою
Себѣ воды, и прочь уйти, покамѣстъ
Старушка спитъ; но голову она
Вдругъ подняла и кроткимъ яснымъ взоромъ
Привѣтливо взглянула на меня.
«Вы пить хотите,— ласково сказала
Старушка мнѣ,— возьмите, вотъ стаканъ.
Изъ этого ключа я каждый вечеръ
Напитокъ усыпляющій беру,
И если бы хоть разъ его лишилась,
То, вѣрно, не заснула бы въ ту ночь».
И подала мнѣ, съ этими словами,
Она стаканъ серебряный; онъ старый,

Но цѣнный былъ. Я очень удивился,
Что поселянка пьетъ изъ серебра;
Но, разсмотрѣвъ ее потомъ поближе,
Я по ея одеждѣ заключилъ,
Что не была она изъ деревенскихъ:
Вуаль изъ черныхъ кружевъ покрывалъ
Ея сѣдины, а между тѣмъ она
Ни говоромъ своимъ, ни обращеньемъ
На женщинъ городскихъ не походила.
Напился молча я и, возвращая
Назадъ стаканъ, сказалъ ей: — «Вы себѣ
Здѣсь уголокъ уютный отыскали,
Чтобъ въ сумракѣ прохладномъ любоваться —
Какъ выплываетъ мѣсяцъ золотой.
Прекрасенъ этотъ мраморный бассейнъ,
Чтò нѣкогда служилъ жилищемъ смерти
И чтò теперь живительный источникъ
Въ себѣ хранитъ... Но эта голова,
Скажите, чтò она такое значитъ?
И чья рука на строгое чело
Вѣнокъ изъ розъ душистыхъ возложила?»
Тутъ на меня она взглянула вновь
И, головой качая, отвѣчала:
«Какъ! Неужель богъ сна вамъ незнакомъ?
Когда-то мой отецъ поляной этой
Владѣлъ. Онъ былъ каменотесъ искусный;
Охотно бъ онъ за лучшій взялся трудъ:
Ваять бы сталъ изъ мрамора фигуры
Людей красивыхъ, статуи боговъ,
Какими восхищаются въ музеяхъ;
Но бѣдность не давала: каждый день
Онъ въ городъ на тяжелую работу
Ходить былъ долженъ. Въ это время я,
Вдвоемъ оставшись съ матушкой, сидѣла
За прялкой, иль сажала что-нибудь
У насъ въ саду, на грядкахъ. Но однажды,
Когда я землю рыла, заступъ мой
На что-то жесткое наткнулся... Дальше
Я стала рыть — и эта голова

Наружу вскорѣ вышла. Мой отецъ,
Домой вернувшись вечеромъ, находкой
Безмѣрно былъ обрадованъ. Онъ мраморъ
Очистилъ и въ свободные часы
Вотъ этотъ цоколь сдѣлалъ, а источникъ
Зеленою листвою окружилъ.
Здѣсь долгіе часы я проводила,
Смотря на этотъ образъ, въ тишинѣ.
Меня черты прекрасныя и взглядъ,
Исполненный невѣдомой печали,
Влекли къ себѣ, и лучшіе вѣнки
Свои ему сплетала я... Однажды
Ученый, здѣсь изъ Рима проѣзжавшій,
Взглянувъ на эту голову, сказалъ,
Что богу сна она принадлежала;
И лишь въ тотъ мигъ понятно стало мнѣ,
Что̀ такъ влекло меня неодолимо
Къ нему всегда, и почему мнѣ снились
Все свѣтлые и радостные сны:
Имъ — свѣтлымъ другомъ юности безпечной —
Имъ были мнѣ ниспосланы они!»
— «Но вотъ что̀ мнѣ хотѣлось бы, однакожъ,
Отъ васъ узнать, — сказалъ старушкѣ я: —
Вы добрая, конечно, католичка
И чтите Матерь Божью и святыхъ;
Но какъ же съ нимъ они мириться могутъ,
Съ тѣмъ демономъ языческимъ, кому
Приносите вы въ жертву ваши розы?
Что̀ говоритъ о томъ вашъ духовникъ?»
Старушка, помолчавъ, мнѣ отвѣчала:
«Не знаю я, что̀ съ старыми богами,
Исчезнувшими, сталось: на землѣ ль
Здѣсь властвуютъ они, какъ злые духи,
Съ чертями ли живутъ они въ аду —
И патеръ мнѣ сказать не могъ объ этомъ,
Но отпустилъ мой грѣхъ онъ мнѣ охотно,
Когда ему покаялась я, чѣмъ
Обязана была чужому богу.
Ни ангеламъ Господнимъ, ни святымъ

Заботиться о нашихъ снахъ, быть-можетъ,
Нѣтъ времени; такъ вотъ они пока
И терпятъ бога стараго, который
Во снѣ насъ, бѣдныхъ смертныхъ, утѣшаетъ...
Что онъ изъ «добрыхъ» духовъ, — на себѣ,
Мой милый господинъ, я испытала;
И ни одинъ святой надъ человѣкомъ
Не могъ бы чуда бо̀льшаго явить!»
— «Ахъ! если бъ разсказать вы согласились, —
Воскликнулъ я: — что̀ сдѣлалъ онъ для васъ, —
Быть-можетъ, и меня вы обратили бъ
Въ смиреннаго служителя его!
Я былъ всегда мечтателемъ и грёзы
Всегда любилъ... но радостей немного
Дарили мнѣ, къ несчастью, грёзы тѣ!
Лишь то, что̀ мной утрачено, являлось
Мнѣ въ нихъ... и силу ту, что̀ мнѣ онѣ
Ниспосылали, — не благословлять,
А проклинать я долженъ былъ скорѣе!..
У насъ въ крови, быть-можетъ, наши сны:
Вотъ вы всегда добры и кротки были,
А потому лишь добрые во снѣ
Васъ посѣщали духи...»
                                        Тутъ опять,
Взоръ опустивъ, старушка помолчала;
Когда жъ потомъ молчаніе прервала,
То въ старческихъ глазахъ ея какъ будто
Сверкнули солнца юности лучи.
«Я васъ не знаю, милый господинъ,
Но чувствую, что такъ вы говорите
Не съ тѣмъ, чтобъ насмѣхаться надо мной;
Что горе есть у васъ, и утѣшенья
Вы жаждете, хотя бы лишь во снѣ;
И потому я разсказать готова
Вамъ о судьбѣ своей, чтобъ знали вы,
Что̀ этотъ духъ могущественный, свѣтлый
Творитъ для тѣхъ, кто искренно къ нему
Съ мольбой смиренной прибѣгаетъ.
Я молода, неопытна была;

Какъ истинная матушкина дочка,
Застѣнчивой я выросла и робкой.
Мужчины мнѣ не грезились во снѣ —
И какъ могли бы грезиться? Бывало,
Мать говоритъ: «Кто можетъ на тебѣ
Жениться, Граціелла? Бѣдны мы.
Такъ берегись же, дочка, дерзкихъ взглядовъ
И льстивыхъ словъ, которые бросать
Тебѣ мужчины будутъ мимоходомъ».
И цѣлые просиживала дни
За прялкой я, усердная къ работѣ;
А по ночамъ мечтала о лугахъ
Цвѣтущихъ, о богатыхъ, пышныхъ платьяхъ,
О камняхъ драгоцѣнныхъ, а подъ часъ
О лакомствахъ, о кушаньяхъ хорошихъ
И поданныхъ на блюдахъ золотыхъ,
Иль о большихъ, красивыхъ, пестрыхъ птицахъ,
Которыя по воздуху меня
Несли на крыльяхъ мягкихъ. Наконецъ,
Семнадцать лѣтъ мнѣ минуло въ убогомъ
И низенькомъ домишкѣ при дорогѣ.
Все это время вилла, противъ насъ
Стоявшая, пустою оставалась:
Не нравилось ея владѣльцу жить
Здѣсь, вдалекѣ отъ моря, знойнымъ лѣтомъ.
Судите же, какъ удивилась я,
Когда однажды утромъ окна виллы
Открылись всѣ, и на балконѣ вдругъ
Мужчина появился. Онъ сидѣлъ
Въ раздумьѣ грустномъ, блѣдною рукою
Поддерживая голову свою.
И сильно вдругъ мое забилось сердце...
Но почему — не знала я сама.
Моложе и красивѣй незнакомца
Мужчины увивалися за мной...
Онъ подъ окномъ моимъ, когда гвоздики
Свои я поливала, не бродилъ;
Потупившись, смотрѣлъ онъ, молча, въ землю;
Казалось, онъ желалъ, чтобы разверзлась

Земля подъ нимъ и чтобъ она его,
Съ его печалью вмѣстѣ, поглотила.
Изнеможенный, блѣдный, походилъ
Лицомъ онъ на больного лихорадкой;
Глубокая тоска затаена
Была въ усталыхъ взорахъ незнакомца...
Когда жъ онъ всталъ и въ комнаты пошелъ,
Я видѣла, что нехотя и вяло
Передвигалъ онъ ноги. Мать моя
Его не знала также. Одного
Слугу держалъ онъ при себѣ, но дѣломъ
Обремененъ и тотъ не много былъ
И лишь обѣдъ простой ему готовилъ.
Онъ со двора совсѣмъ не выходилъ;
Въ саду любилъ бродить онъ долго ночью,
А днемъ въ прохладныхъ комнатахъ сидѣлъ...
Дня черезъ три или четыре въ полѣ
Его слугу я встрѣтила, и мнѣ
Онъ поклонился. Я остановилась...
И, движима однимъ лишь сожалѣньемъ,
Спросила: не смертельной ли какой
Болѣзнью господинъ его страдаетъ?
«Не тѣломъ боленъ онъ — душой, — слуга
Отвѣтилъ мнѣ, — ужасное несчастье
Его постигло. Около Джирдженти,
Въ Сициліи, помѣстье онъ имѣлъ
И былъ на этомъ островѣ однимъ
Изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ; мирно
И счастливо, съ молоденькой женой
И отъ нея родившейся малюткой,
Онъ жилъ себѣ... Но, вотъ, однажды ночью,
Когда заснули въ домѣ всѣ давно,
Къ пустынной части берега причаливъ,
Разбойники внезапно вторглись въ домъ,
Добычею богатой поживиться
Надѣясь тамъ, и госпожу мою
Одинъ схватилъ, грозя ей пистолетомъ.
Когда же мужъ, къ ней подоспѣвъ на помощь,
Освободилъ ее изъ рукъ злодѣя

И повалилъ его ударомъ сильнымъ, —
Онъ, падая, прицѣлился въ нее,
И мертвою несчастная упала.
Малютка дочь, среди кровавой схватки,
Погибла также, да и самъ онъ былъ
Опасно раненъ въ голову; убитымъ
Его сочтя, грабители на мѣстѣ
Побоища оставили его,
И не одна прошла недѣля прежде,
Чѣмъ онъ совсѣмъ оправился... Тогда
Покинулъ онъ могилы дорогія
И берегъ тотъ злосчастный и, отплывъ
Въ Неаполь, тамъ у друга поселился,
Который ждалъ къ себѣ его давно.
Но развѣ могъ найти успокоенье
Онъ въ суетѣ и шумѣ городскомъ?
И другъ его, владѣющій здѣсь виллой,
Въ ней предложилъ ему пожить. Но мнѣ
Сдается все, что ранъ его душевныхъ
И тишина полей не исцѣлитъ;
Онъ днемъ еще спокойнѣй — помогаютъ
Занятія разсѣяться ему:
Онъ что-нибудь читаетъ, или пишетъ;
Но по ночамъ мучительные сны
Приходятъ кровь ему сосать изъ сердца,
И съ крикомъ ужаса, съ холоднымъ потомъ
На лбу, проснувшись, вскакиваетъ онъ.
Боюсь, чтобъ этой жизни молодой
Не унесла безвременно кручина...»
Такъ говорилъ слуга... Его словами
Глубо́ко я растрогана была;
Едва отъ слезъ могла я удержаться,
И грусть меня томила цѣлый день.
Но лишь настали сумерки, поспѣшно,
Съ вѣнкомъ изъ розъ, скользнула я сюда
И къ богу сна съ мольбою обратилась:
«О, добрый духъ! И радостей, и бѣдъ
Всесильный расточитель! Скромной жертвой
Моей тронься! Склони ко мнѣ свой слухъ

И бѣдному страдальцу ниспошли
Прекрасныя и свѣтлыя видѣнья,
Какія мнѣ всегда ты посылаешь!
А мнѣ пускай являются во снѣ
Тѣ мрачныя, ужасныя картины,
Чтò видитъ онъ, когда сомкнетъ глаза!
И наяву страдаетъ онъ довольно —
Дозволь же бремя тяжкое его
Мнѣ хоть во снѣ взять на себя. О, сжалься,
Услышь мою молитву, добрый богъ!»
Когда замолкла я, мнѣ показалось,
Что у него усмѣшка на устахъ
Мелькнула вдругъ... Но я въ усмѣшкѣ той
Ни гнѣва, ни презрѣнья не прочла.
Ободрена, тогда я возложила
Ему вѣнокъ на кудри и ушла...
Повѣрите ль, мой милый господинъ,
Что въ ту же ночь мнѣ страшный сонъ приснился,
Едва закрыть успѣла я глаза.
Передо мной была толпа людей
Съ какимъ-то звѣрскимъ въ лицахъ выраженьемъ...
Я слышала неистовый ихъ крикъ,
Оружія бряцанье, плачъ и стоны;
И видѣла я, ужаса полна,
Какъ молодая женщина напрасно
Изъ рукъ злодѣя вырваться старалась,
И, за нее малютка уцѣпясь,
Молила о пощадѣ. Незнакомца
Во снѣ принявши образъ, я сама
Отчаянно съ разбойникомъ боролась,
Пока безъ чувствъ на землю не упала...
И много страшныхъ призраковъ еще
Въ ту ночь мнѣ снилось. Но какое дѣло
Вамъ до того, чтò испытать могла
Ничтожная и бѣдная дѣвчонка!..
Когда настало утро, въ первый разъ
Проснулась я съ несвѣжей головою.
Усталая и блѣдная, къ окну
Я подошла, чтобъ голову немножко

Мнѣ утренній обвѣвалъ вѣтерокъ,
И у перилъ балкона незнакомца
Увидѣла. Но онъ ужъ не смотрѣлъ
Угрюмо внизъ, а ласково и кротко
Остановилъ глаза свои на мнѣ...
Смутилась я... Вся кровь моя къ лицу
Прихлынула — я чувствовала это
И, отъ окна поспѣшно отойдя,
Въ своей каморкѣ робко притаилась...
А ночью тѣ же сны... и поутру
Все тотъ же мимолетный взглядъ съ балкона
И на балконъ... Такъ восемь дней прошло.
А незнакомца взоры все яснѣли,
И даже на щекахъ ужъ заалѣлъ
Румянецъ легкій, словно жизни новой
Заря... И, вотъ, его слугу однажды
Спросила я, съ нимъ встрѣтившись опять:
«Должна ли я, скажи мнѣ, Нино, вѣрить
Своимъ глазамъ? Мнѣ кажется, что сталъ
Твой господинъ немножко пободрѣе,
Что скорбь его стихаетъ? Воздухъ нашъ
Ему помогъ... Не такъ ли, добрый Нино?
Скажи, вѣдь я не ошибаюсь, — нѣтъ?»
И все, что̀ я сказала, подтвердилъ
Онъ мнѣ. Какъ будто чудо совершилось!
Ужъ цѣлую недѣлю ночи всѣ
Проводитъ господинъ его спокойно,
И свѣтлые ему все снятся сны,
И, на слова скупой обыкновенно,
Объ этомъ онъ разсказываетъ самъ...
Тутъ радости, наполнившей мнѣ сердце,
Я не могла сдержать и усмѣхнулась.
«Да, Нино, — я сказала, — да, ты правъ.
Хоть это все, повидимому, просто,
Но чудо здѣсь я вижу, какъ и ты».
И я тогда во всемъ ему созналась:
Какъ богу сна молилась я, какъ онъ
Мнѣ ниспослалъ, исполненъ милосердья,
Ужасные тѣ сны, что̀ незнакомцу

Предназначались, а ему взамѣнъ —
Мои видѣнья свѣтлыя... И Нино
Довѣрчиво мой выслушалъ разсказъ.
Когда жъ просить я стала, чтобъ объ этомъ
Молчалъ онъ и чтобъ хитрости моей
Не выдалъ какъ-нибудь предъ господиномъ, —
Онъ головой съ усмѣшкою кивнулъ
И прочь пошелъ. Тогда я испугалась,
Что тайну ту, которой я была
Такъ счастлива, предъ нимъ я разболтала,
И въ эту рощу мирную бѣжать
Пустилась, чтобъ отъ взглядовъ незнакомца
Спастись... Но образъ бога сна, увы!
Мнѣ показался чуждымъ въ ту минуту:
Онъ холодно, сурово на меня
Смотрѣлъ... почти съ угрозою... И точно,
Меня постигла кара въ ту же ночь...
Не берегъ мнѣ Сициліи приснился —
Я родину увидѣла свою:
Нашъ садикъ; въ немъ я грядки поливала,
Но жгучими слезами — не водой;
Отъ этихъ слезъ цвѣты мои всѣ блёкли...
Но вдругъ его замѣтила я. Шелъ
Навстрѣчу мнѣ съ недоброй онъ улыбкой,
Какъ будто насмѣхаясь надо мной,
Какъ надъ ребенкомъ глупымъ. А потомъ
Схватилъ меня онъ за руку сердито
И, сжавъ ее такъ сильно, что отъ боли
Я вскрикнула, сказалъ мнѣ: «Что̀ тебѣ
До сновъ моихъ, дѣвчонка? Иль ты хочешь
Похитить у меня воспоминанье?
Такъ знай: какъ ни мучительно оно,
Но это все, что̀ мнѣ теперь осталось
Отъ счастья прожито̀го! Берегись!
Не прикасайся, дерзкая воровка,
Къ моей печали!» Тутъ онъ оттолкнулъ
Меня сурово, и съ глухимъ рыданьемъ
На розы я упала... ихъ шипы
Вдругъ выросли и длинными игла̀ми

Вонзились въ сердце бѣдное мое...
Когда глаза открыла я, проснувшись,
Мнѣ все еще казалось, будто кровь
Изъ ранъ его безчисленныхъ струится.
Весь этотъ день, безмолвна и грустна,
Скрывалась я отъ взоровъ постороннихъ
Въ уединенныхъ дома уголкахъ
И только разъ украдкою взглянула
Я на балконъ. Онъ снова тамъ стоялъ
И улыбался тою же улыбкой,
Чтò истерзала сердце мнѣ, а взглядъ
Свой устремилъ на домъ нашъ такъ упорно,
Какъ бы хотѣлъ сквозь стѣнъ его проникнуть
И пристыдить меня въ моемъ страданьѣ...
Но лишь луна взошла, я пробралàсь
Сюда — тихонько бога сна молить,
Чтобъ больше мнѣ не посылалъ ужасныхъ
Видѣній онъ; я, на колѣни ставъ,
Къ нему простерла руки и страданья
Вполголоса повѣдала свои..
Но въ этотъ мигъ на головѣ своей
Я чью-то вдругъ почувствовала руку,
И чей-то голосъ ласково сказалъ:
«Такъ вотъ оно, святилище, гдѣ добрый
Мой другъ скрывался все... О, не забудь
Меня въ своей молитвѣ, дорогая!»
Кто это былъ — вы знаете; но я
Ушамъ своимъ не вѣрила сначала:
Хоть нѣжностью дышала рѣчь его,
Въ испугѣ поднялась я и хотѣла
Бѣжать скорѣй... Но за руки меня
Онъ удержалъ — не съ гнѣвомъ, не насильно.
Какъ снилось мнѣ... Да, впрочемъ, надо мной
Тогда насилье было бъ безполезно:
И безъ того я далеко уйти
Едва ль могла; мнѣ измѣняли ноги...
И, на краю бассейна сѣвъ, меня
Къ себѣ привлекъ онъ тихо. «Граціелла! —
Онъ произнесъ, — ужели это правда,

Что о моихъ страданьяхъ ты скорбишь,
Что, надо мною сжалившись, молила
Ты бога сна, чтобъ ниспослалъ онъ мнѣ
Твои видѣнья свѣтлыя... тебѣ же,
Дитя, мои мучительные сны?
И вотъ, твое исполнилось желанье!
Я, въ тотъ же день, какъ Нино разсказалъ
Мнѣ о твоемъ сочувствіи глубокомъ,
Во снѣ себя увидѣлъ на лугу,
Гдѣ дѣвушки рѣзвились и плясали,
Гдѣ пѣли птицы райскія въ кустахъ;
И самъ я будто весь переродился...
Спокойно кровь въ моихъ струилась жилахъ,
И рана головы моей не жгла.
Когда же я къ водàмъ пруда зеркальнымъ
Нагнулся на лицо свое взглянуть,
Твой милый образъ, свѣтлый и безпечный,
Оттуда мнѣ съ улыбкою кивалъ.
Такъ дай же на него мнѣ наглядѣться,
Не торопясь, чтобъ милыя черты
Той, я кому обязанъ исцѣленьемъ,
Запечатлѣть навѣкъ я въ сердцѣ моѣмъ».
Я, покраснѣвъ, поникла головой...
Мое лицо обѣими руками
Онъ взялъ тогда, и долго на меня
Смотрѣлъ съ любовью, кротко. Наконецъ,
Пустилъ меня, слегка лишь прикоснувшись
Губами къ волосамъ моимъ. Потомъ
Разспрашивать меня онъ сталъ о нашемъ
Житьѣ-бытьѣ. Хоть разсказать ему
Немного любопытнаго могла я,
Но онъ меня съ такимъ вниманьемъ слушалъ,
Какъ будто рѣчь здѣсь шла о чудесахъ.
Я на него смотрѣть не смѣла; взора
Не отводила я отъ бога сна,
И добрый богъ, казалось, дружелюбно
Опять мнѣ улыбался, примирённый
Съ ребяческою глупостью моей...
Хотите ли дослушать до конца?

То, что потомъ случилось, — такъ прекрасно,
Какъ въ пѣсняхъ лишь бываетъ у поэтовъ.
Здѣсь у ключа мы были каждый вечеръ,
Рука съ рукой, пока идти ко сну
Не наставало время. Сновидѣній
Мы не видали больше никакихъ;
Порой лишь развѣ мелькомъ проносилась
Предъ нами счастья будущаго тѣнь...
Когда душа дѣйствительнаго счастья
Полна, — въ ней мѣста призракамъ ужъ нѣтъ...
И вотъ мой милый, къ намъ войдя однажды,
У матери моей спросилъ, согласна ль
Она ему свою довѣрить дочь.
Моя старушка добрая, конечно,
На облакахъ была; ей никогда
Такое счастье даже и не снилось.
А потому она и мой отецъ
На нашъ союзъ сейчасъ же согласились —
И вскорѣ свадьба сыграна была.
Мой милый не хотѣлъ покинуть мѣстъ,
Гдѣ миръ сошелъ въ его больную душу;
Помѣстье жъ сицилійское свое,
Гдѣ все ему о призракахъ кровавыхъ
Напоминало, онъ продать рѣшился;
А виллу, на которой жилъ онъ здѣсь,
Другъ уступилъ ему совсѣмъ. Взгляните:
Вотъ тамъ два рѣзвыхъ смуглыхъ шалуна
Играютъ въ мячъ. То дочери моей
Единственной возлюбленныя дѣтки,
Мои внучата милые. Увы!
Мнѣ суждено лишиться было рано
Того, кто былъ всего дороже мнѣ:
Мой добрый мужъ скончался, не дождавшись
Замужства нашей дочери... Съ тѣхъ поръ,
Остатокъ дней здѣсь грустно доживая,
Хожу я каждый вечеръ въ эту рощу
Къ виновнику пережитого мной,
Теперь навѣкъ утраченнаго, счастья.
И все еще свой слухъ къ моимъ мольбамъ

Склоняетъ онъ. И вотъ, три ночи къ ряду
Показывалъ мнѣ друга моего,
Какимъ онъ былъ въ живыхъ; и мужъ мой милый,
Меня цѣлуя крѣпко, говорилъ:
«Ко мнѣ придешь ты скоро, Граціелла,
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки, гдѣ сердца,
Нашедшія другъ друга, безконечнымъ
Блаженствомъ наслаждаются, какого
Не можетъ дать прекраснѣйшій изъ сновъ!»

ЭРНСТЪ ЦИТЕЛЬМАНЪ

ИСЦѢЛЕНІЕ.

Я исцѣленъ... Иду навстрѣчу счастья,
И вновь душа надеждами полна...
Но ты, кого любилъ я въ дни ненастья,
Не будешь ли ты тѣмъ оскорблена?..

Простишь ли мнѣ, что сердце возродилось,
Стряхнувъ съ себя печали долгій гнетъ,
Что на уста улыбка воротилась,
И что слеза ужъ глазъ моихъ не жжетъ?

Простишь ли все, чѣмъ грудь моя согрѣта,
И новыя о счастіи мечты?...
Но ты молчишь, ты мнѣ не дашь отвѣта:
Нѣма лежишь въ могилѣ темной ты.

Ф. ШТОЛЬБЕРГЪ.

БАРКАРОЛЛА.

(НА МУЗЫКУ ШУБЕРТА).

Словно какъ лебедь, по влагѣ прозрачной
Тихо качаясь, плыветъ нашъ челнокъ.
О, какъ на сердцѣ легко и спокойно!
Нѣтъ въ немъ и тѣни минувшихъ тревогъ.
Что̀ намъ за дѣло, что вечеръ ужъ близко!
Что̀ намъ за дѣло, что берегъ далекъ!

Часъ незамѣтно за часомъ проходитъ.
Дальше скользимъ мы по зеркалу водъ...
На̀ сердцѣ, такъ же, какъ въ во̀лнахъ, спокойно,
Нѣтъ и слѣда въ немъ минувшихъ заботъ...
О, неужели на крыльяхъ туманныхъ
Утро съ собой ихъ опять принесетъ!

I. МЮЛЛЕРЪ.

ЗАСОХШІЙ ЦВѢТОКЪ.

(слова для музыки).

Цвѣтокъ, что̀ сорванъ ея рукой,
Я и въ могилу возьму съ собой.

Что смотришь грустно ты на меня,
Иль всѣмъ понятна тоска моя?

Что ты такъ рано увялъ, поблекъ
И весь слезами облитъ, цвѣтокъ?

Ахъ, эти слезы, какъ ни текутъ,
Былого счастья все не вернутъ!..

Зима исчезнетъ, весна придетъ,
Но цвѣтъ поблекшій не расцвѣтетъ!

Тотъ цвѣтъ, что̀ сорванъ ея рукой,
Въ могилѣ будетъ лежать со мной.

Но если, тихой тоски полна,
Къ моей могилѣ придетъ она,

Тогда ты снова цвѣти, цвѣти!
Весна настала,—зима, прости!

А. ПФАРРІУСЪ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

(СЛОВА НА МУЗЫКУ ШУМАНА).

На небѣ догораютъ
Послѣдніе лучи,
Печальный сумракъ близокъ...
О, птичка, замолчи!

Враговъ твоихъ скрываютъ
Шумящіе листы.
Своею звонкой пѣснью
Себя не выдай ты...

Горитъ между вѣтвями
Совы зловѣщій глазъ...
Молчи, молчи, пѣвунья,—
Накличешь смерть какъ разъ!

НЕИЗВѢСТНЫХЪ АВТОРОВЪ.

РЕБЕНКУ.

Сядь-ка на колѣни ты ко мнѣ скорѣй
И ручонкой шею крѣпче мнѣ обвей!

Глазки, что такъ ясно, весело глядять,
Цѣловать безъ счету я весь день бы радъ;

Все бы слушалъ звонкій, дѣтскій голосокъ,
Слушалъ, отдыхая сердцемъ отъ тревогъ...

Хочешь — покачаю, сказку разскажу,
Спать тебя въ кроватку съ пѣсней уложу.

Въ свой чередъ уложишь ты меня потомъ,
Какъ заснуть придется мнѣ послѣднимъ сномъ.

Будетъ позабыта пѣснь моя со мной...
Ты о ней, малютка, вспомнишь ли порой?..

ПѢСНЯ.

Все смотрѣлъ бы, да смотрѣлъ бы
Я на кроткія черты,
Что въ отжившемъ сердцѣ будятъ
Ранней юности мечты.

Все бы слушалъ я, да слушалъ
Этотъ голосъ молодой,
Вспоминая годы счастья,
Годы страсти прожитой.

Что̀ умчали жизни волны,
И чему возврата нѣтъ, —
Воскресилъ въ душѣ внезапно
Женскій ласковый привѣтъ.

И не въ силахъ долго-долго
Я свести съ нея очей:
Все мнѣ кажется, что гдѣ-то
Мы давно встрѣчались съ ней...

И душѣ моей отрадно,
Словно другъ моей весны
Неожиданно вернулся
Изъ далекой стороны!..

ВЫ И Я.

Нѣтъ счета вашимъ за̀мкамъ и дворцамъ;
Гдѣ золото — хозяева вы тамъ.
Прохожій я — послѣдній изъ гостей,
Былинку я не назову своей.

Зато лазурь небесной вышины,
И солнце, и дыханіе весны —
Вотъ что̀ мое! Зато ужъ никогда
Спесь не совьетъ въ душѣ моей гнѣзда,
И въ ней готовъ сочувственный привѣтъ
Всѣмъ, кто поникъ подъ гнетомъ бурь и бѣдъ.

Блаженствуйте въ палатахъ золотыхъ,
А мнѣ мой бѣдный кровъ дороже ихъ.
И льется пѣснь свободная моя
Для бѣдняковъ такихъ же, какъ и я!

---

*
* *

Замираютъ послѣдніе звуки,
Потухаютъ послѣднія свѣчи...
Не надолго вы, шумныя рѣчи,
Заглушили сердечныя муки!

Вотъ въ груди наболѣвшей, усталой
Поднялись онѣ съ новою силой,
И мнѣ кажется темной могилой
Опустѣвшая, длинная зала...

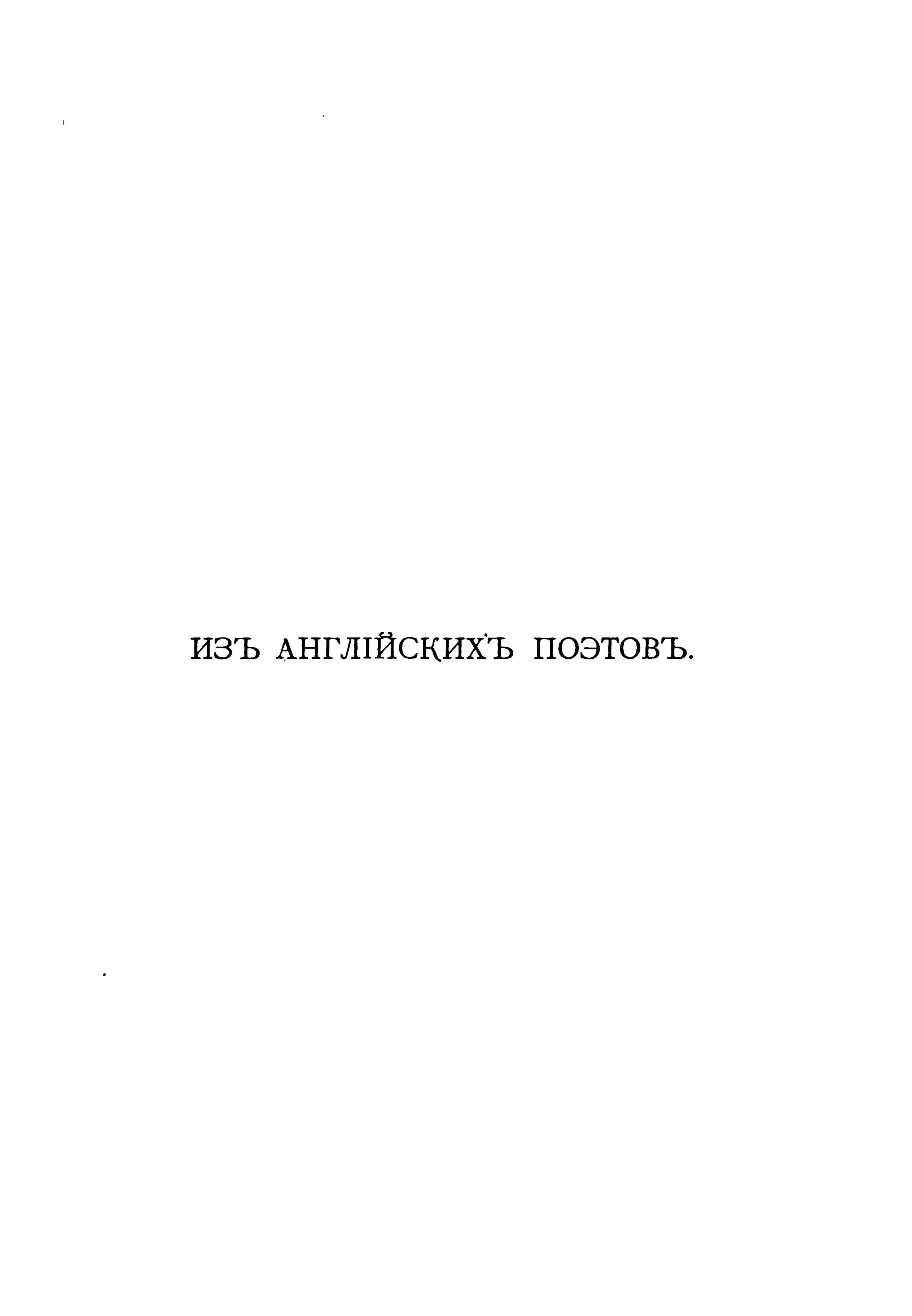
---

*
* *

У тебя, моя малютка,
Чистый, дѣтскій голосокъ, —
Говори, не умолкая,
Чтобъ душа моя больная
Отдохнула отъ тревогъ.

У тебя, моя малютка,
Смѣхъ такъ искренно звучитъ, —
Смѣйся весело и звонко:
Хохотъ милаго ребенка
Раны сердца исцѣлитъ.

Знаешь ты, моя малютка,
Много добрыхъ, нѣжныхъ словъ, —
Приласкай меня хоть въ шутку,
И къ тебѣ, на зло разсудку,
Привязаться я готовъ!

ИЗЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ.

«AVE, MARIA!»

(слова для музыки).

Ave, Maria! Предъ Тобой
Чело съ молитвой преклоняю,
Къ Тебѣ, заступницѣ святой,
Съ утеса мрачнаго взываю...

Людской гонимые враждою,
Мы здѣсь пріютъ себѣ нашли...
Тронись же скорбною мольбою
И мирный сонъ намъ ниспошли!

Ave, Maria! Ночь пришла.
Удручены мы тяжкимъ горемъ,
И ложемъ служитъ намъ скала
Надъ этимъ вѣчно бурнымъ моремъ!

Взгляни на насъ! Ты сновидѣній
Зловѣщихъ рой отгонишь прочь,
Прольешь намъ въ грудь успокоенье,
И быстро пронесется ночь...

Ave, Maria! Не страшна
Нигдѣ съ Тобою злая сила...

Не Ты ли, благости полна,
Гонимыхъ насъ въ скалахъ укрыла!

И въ этотъ поздній часъ мольбою
Къ Тебѣ взываю я: внемли!
Будь намъ охраною святою
И тихій сонъ намъ ниспошли!

ВИЛЬЯМЪ-КУЛЛЕНЪ-БРАЙНТЪ.*

THANATOPSIS.

Съ тѣмъ, кто понять умѣлъ языкъ природы,
И въ чьей груди таится къ ней любовь,
Ведетъ она всегда живыя рѣчи.
Коль веселъ онъ, — на радости его
Найдется въ ней сочувственная радость;
Въ часы тоски, тяжелыхъ, скорбныхъ думъ
Она своей улыбкой тихой гонитъ
Печали мракъ съ поникшаго чела.
Когда твой духъ мучительно гнететъ
О смерти мысль, когда передъ тобой
Предстанутъ вдругъ ужасныя картины
Прощанья съ тѣмъ, что̀ въ жизни ты любилъ,
Ночь безъ конца и узкое жилище
Подъ каменной, холодною плитой,
И грудь твоя болѣзненно сожмется,
И побѣжитъ по членамъ дрожь, — иди,

* Кулленъ-Брайнтъ (W. Cullen-Bryant) родился въ 1794 г., жилъ въ Нью-Іоркѣ. Вотъ что говоритъ о немъ Шерръ, въ своей «Всеобщей исторіи литературы»: «Брайнтъ—нѣжно и изящно организованная поэтическая натура. Его поэзія — лирика съ дидактическимъ оттѣнкомъ, очень похожа на поэзію Коупера, Грея и Юнга; но онъ умѣетъ придать ей спеціально-американскій тонъ, настолько спеціальный, что Брайнта не безъ основанія называютъ первымъ самобытнымъ поэтомъ своей родины. Душою большихъ и небольшихъ его стихотвореній является довольный природою оптимизмъ (Poems, «Thanatopsis», «The prairies», «The ages»)». Thanatopsis значитъ созерцаніе смерти.

Иди тогда подъ небо голубое,
Прислушайся къ немолчнымъ голосамъ!
Изъ нѣдръ земли, изъ волнъ шумящихъ моря,
Изъ глубины таинственныхъ лѣсовъ
Услышишь ты: «Близка, близка пора!»
И для тебя померкнетъ лучъ денницы!
Не сохранятъ ни влажная земля,
Которая оплаканныхъ пріемлетъ,
Ни океанъ безбрежный — образъ твой...
Земля тебя питала; нынѣ хочетъ
Она, чтобъ къ ней опять ты возвратился
И чтобъ твое землею стало тѣло...
Такъ, прежняго лишившись бытія
И всякій слѣдъ его утративъ, долженъ
Навѣки ты съ стихіями смѣшаться.
И будешь ты скалѣ кремнистой братомъ
И глыбѣ той, которую весной
Плугъ бороздитъ; столѣтній дубъ прорѣжетъ
Твой прахъ насквозь могучими корнями...
Не одинокъ сойдешь ты въ ту страну:
Ты опочишь тамъ на блаженномъ ложѣ,
Гдѣ обрѣли себѣ успокоенье
Вѣковъ давно минувшихъ патріархи,
И добрые, и праведные мужи.
Взгляни кругомъ: верхи скалистыхъ горъ,
Что̀ древностью сравняться могутъ съ солнцемъ,
Долинъ, луговъ пестрѣющій нарядъ,
И ручейка прозрачные извивы,
Безмолвное святилище лѣсовъ,
И вкругъ всего пустыня океана,—
Все это, все могилѣ необъятной,
Гдѣ люди спятъ, лишь украшеньемъ служитъ:
На тихое жилище мертвецовъ
Съ высотъ небесъ глядятъ отъ вѣка солнце,
И рогъ луны, и хоръ лучистыхъ звѣздъ...
О, если бъ кто могъ счесть сошедшихъ въ землю!
Число живыхъ — предъ ними горсть одна!
Лети съ зарей, на крыльяхъ вѣтра, въ степи,
Иль заблудись средь дѣвственныхъ лѣсовъ,

Гдѣ Орегонъ лишь вѣчный шумъ свой слышитъ —
Мильоны тамъ легли со дня созданья;
Въ пустыняхъ тѣхъ царятъ они одни!..
Тамъ будешь ты покоиться. Пускай
Людьми конецъ твой будетъ не замѣченъ,
И не почтитъ тебя слезою другъ, —
Но всѣ они твою судьбу раздѣлятъ.
Кто веселъ, тотъ тебя проводитъ шуткой;
Кто удрученъ заботой тяжкой, — мимо
Пройдетъ угрюмъ. За призраками оба
Всю жизнь они гоняются; когда же
Придетъ пора, — покинутъ смѣхъ и трудъ
И близъ тебя, усталые, склонятся...
Чтó годъ, то будешь новыхъ ты къ себѣ
Пришельцевъ зрѣть: съ тобой соединятся
И юноши, и полный силы мужъ,
И красотой блистающая дѣва,
Едва на свѣтъ рожденное дитя,
И женщина, и старецъ среброкудрый...
Всѣ, всѣ сойдутъ къ тебѣ сыны земли,
Одно вослѣдъ другому поколѣнья,
За стѐблемъ стебль, сраженные косой!
Живи же такъ, чтобы въ урочный часъ,
Когда примкнешь ты къ длиннымъ караванамъ,
Идущимъ въ міръ тѣней — въ тотъ міръ, гдѣ всѣмъ
Готовъ пріютъ въ жилищѣ тихомъ смерти, —
Не походилъ ты на раба, въ тюрьму
Влекомаго всесильнымъ властелиномъ;
Чтобъ просвѣтленъ былъ духъ твой примиреньемъ;
Чтобъ къ гробу ты приблизился, какъ тотъ,
Завѣсу кто надъ ложемъ опустивши,
Идетъ ко сну, исполненъ ясныхъ грёзъ...

ИЗЪ ШОТЛАНДСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ВИЛЬЯМЪ МОТЕРВЕЛЛЬ.*

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ.

Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
Кровью сердце мое истекло,
Измѣняютъ мнѣ ноги... О, Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мнѣ къ сердцу
И щекою приникни къ моей,
И скажи: ты меня не забудешь,
Даже тамъ, даже въ царствѣ тѣней?

О, къ чему утѣшать меня? Полно!
Пусть бѣснуется горе въ груди...
Только дай мнѣ наплакаться вволю!
На колѣни меня посади,
Дай обнять твою голову, Вилли,
Да облить мнѣ слезами ее!
Дай потухшимъ глазамъ наглядѣться
На лицо дорогое твое!

* Борнсъ еще при жизни своей породилъ множество подражателей, но большая часть ихъ далеко уступаетъ въ достоинствахъ своему оригиналу. Исключеніе остается за весьма немногими именами, къ которымъ нужно отнести въ особенности имена Вильяма Мотервелля (Motherwell † въ 1835) и Роберта Николля († въ 1838) —двухъ шотландскихъ поэтовъ, обладавшихъ истиннымъ талантомъ и успѣвшихъ пріобрѣсть значительную извѣстность въ Англіи. Изъ нихъ-то мы и заимствовали предлагаемыя здѣсь три стихотворенія: «Въ послѣдній разъ», «Всѣ люди—братья» и «Отцовскій очагъ». Остальныя двѣ пьесы принадлежатъ поэтамъ еще живущимъ.

Никогда ужъ я больше не буду
    На колѣняхъ сидѣть у тебя:
Я, несчастная мать, безъ супруга,
    Умираю, глубо́ко любя...
Приложи свою руку мнѣ къ сердцу,
    Приложи ее крѣпче — вотъ такъ;
Это сердце такъ бѣшено рвется,
    Что мой шелковый лопнетъ кушакъ...

Проклинаю тотъ день, какъ впервые
    Образъ твой въ мою душу проникъ!
Рокового съ тобою свиданья
    Проклинаю я сладостный мигъ,
И ту рощу, тотъ рай, гдѣ, бывало,
    Не устанемъ всю ночь мы бродить,
И судьбу, что́ меня допустила
    Безпредѣльно тебя полюбить!

О, прости мнѣ, мой милый! Не слушай!
    Я сказала тебѣ не въ укоръ;
Но вѣдь я такъ глубо́ко страдаю,
    Вѣдь на долю мнѣ выпалъ позоръ!
Вижу, — градомъ внезапныя слезы
    Изъ очей покатились твоихъ...
Но о чемъ же ты плачешь, скажи мнѣ?
    О грѣхѣ ль? О страданьяхъ людскихъ?

Опостылѣлъ мнѣ міръ этотъ, Вилли,
    Я всѣхъ радостей стала чужда...
Чѣмъ была, не могу я остаться,
    И женой мнѣ не быть никогда!
О, прижми это сердце больное
    Къ своему еще разъ, еще разъ...
Поцѣлуй эти впалыя щеки,
    На которыхъ румянецъ погасъ!

Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
    Кровью сердце мое истекло...
Еще разъ передъ вѣчной разлукой
    Я твое поцѣлую чело,

Еще разъ — и въ послѣдній, мой милый...
Подогнулись колѣни... Прощай!..
На кладбище, гдѣ буду лежать я,
Не ходи... надо мной не рыдай...

Этотъ жаворонокъ, звонкою пѣснью
Оглашающій воздухъ полей,
Цѣлый день будетъ пѣть, не смолкая,
Надъ могилою тихой моей;
Эта влажная зелень долины
Скроетъ бѣдное сердце мое,
Что̀ любило тебя такъ безмѣрно,
Какъ тебя не полюбитъ ничье!

Не забудь, гдѣ бы ни былъ ты, Вилли,
Не забудь своей Мэри! Она
Одного тебя только любила
И до смерти осталась вѣрна.
Не забудь, что засыпаны прахомъ
Будутъ свѣтлые кудри лежать,
И прильнетъ онъ къ ланитамъ, которыхъ
Ужъ тебѣ никогда не лобзать!

РОБЕРТЪ НИКОЛЛЬ.

ВСѢ ЛЮДИ—БРАТЬЯ.

О, какъ бы онъ счастливъ былъ, свѣтъ этотъ старый—
Да люди другъ друга понять не хотятъ:
Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ и не скажетъ:
«Вѣдь люди всѣ—братья! дай руку мнѣ, братъ!»

Зачѣмъ мы разладъ и вражду не покинемъ,
Зачѣмъ не составимъ одну мы семью!
Одинъ бы другому сказать могъ съ любовью:
«Приди! Мы всѣ—братья! дай руку свою!

«Богатъ ты и носишь нарядное платье;
Я—бѣденъ, на мнѣ кафтани́шко худой;
Но честное сердце въ груди у обоихъ—
Такъ дай же мнѣ руку, мы—братья съ тобой!

«Тебѣ ненавистны измѣна и подлость,
Но правды законъ тебѣ дорогъ и святъ;
Я тоже любовью къ добру пламенѣю—
Приди! Мы всѣ—братья! дай руку мнѣ, братъ!

«Ни сильный, ни слабый тобой не обманутъ,
За слово свое, какъ и ты, я стою;
Не то же ль, что̀ я, называешь ты счастьемъ?
Мы—братья съ тобою! дай руку свою!

«Ты матерью нѣжно, глубо̀ко любимъ былъ,
Моя и жила, и дышала лишь мной;
Пускай мы стоимъ на различныхъ ступеняхъ,
Но руку подай мнѣ! мы — братья съ тобой!

«Мы любимъ вечерняго солнца сіянье,
Всего намъ дороже родимый нашъ край,
И жизнь для борьбы послáна намъ обоимъ;
Мы — братья! такъ братски мнѣ руку подай!

«Грозитъ ужъ обоимъ намъ хилая старость,
И смерть неизбѣжная ждетъ насъ за ней,
И оба мы въ темную ляжемъ могилу...
Да! люди всѣ — братья! дай руку скорѣй!»

ОТЦОВСКІЙ ОЧАГЪ.

Гдѣ пылалъ огонекъ вечеркомъ,
Ходитъ вѣтеръ теперь, завывая,
И безъ крыши стоитъ отчій домъ,
И запущена нива родная.
Какъ болѣзненно сжалось опять
Мое сердце знакомой тоскою!
Сядемъ, другъ мой: хочу поболтать
Я про старый очагъ нашъ съ тобою.

Вотъ онъ, вотъ нашъ родной уголокъ!..
Мать, бывало, прядетъ у окошка
И за прялкой поетъ; а у ногъ
Ея дремлетъ, мурлыкая, кошка.
Здѣсь на стулѣ отецъ нашъ сидѣлъ.
Уважать онъ училъ насъ страданья,
Что̀ на свѣтѣ всѣхъ добрыхъ удѣлъ;
Старины воскрешалъ намъ преданья.

Только ужинъ мы кончимъ, старикъ
Свою Библію вынетъ, бывало:
Благодать, намъ казалось, въ тотъ мигъ
Въ нашу хижину съ неба слетала.
Убаюкаютъ всѣхъ насъ, дѣтей,
На́ ночь пѣсенкой нашей любимой. —
И до розовыхъ утра лучей
Затихаетъ очагъ нашъ родимый..

———

ВИЛЬЯМЪ АНДЕРСОНЪ.

ТЕПЕРЬ УЖЪ Я НИЧТО...

Теперь ужъ я — ничто... А въ старые года
И домъ былъ у меня, и золота немало.
Какія похвалы толпа мнѣ расточала,
И какъ я гордо ихъ выслушивалъ тогда!

Бывало, какъ за столъ съ гостями сяду я, —
Со всѣхъ сторонъ звучитъ мнѣ голосъ дружбы льстивый;
Хоть тупо я шутилъ и пѣсни пѣлъ фальшиво,—
Всѣмъ нравилась и пѣснь, и шуточка моя.

Какъ много было ихъ, товарищей, гулякъ,
Готовыхъ поболтать, пображничать со мною,
Покуда ключъ бѣжалъ обильною волною, —
И бросившихъ меня, когда родникъ изсякъ!

Десятками считалъ я преданныхъ друзей,
Десятками они, бывало, къ пуншу льнули,
Пока въ немъ, наконецъ, совсѣмъ не потонули...
Теперь ужъ я — ничто! Одинъ садись и пей!

Готовы всѣ помочь, какъ помощь не нужна,
А черный день пришелъ — и показали спину!
И та, что̀ моего богатства половину
Умѣла поглотить, — пропала и она!

Благоговѣнье имъ внушалъ лишь мой сундукъ,
А я все принималъ за чистую монету!
Но, вотъ, пронюхали, что денегъ больше нѣту,
Что бѣднякомъ я сталъ, — и всѣ исчезли вдругъ!

И какъ я былъ уменъ, когда я былъ богатъ!
Вѣдь на совѣтъ ко мнѣ и старый шелъ, и малый...
Теперь бы поумнѣй я далъ совѣтъ, пожалуй,
Но я — ничто, меня и слушать не хотятъ...

ЭНДРЮ ПАРКЪ.

СТАРИКИ.

Зима на дворѣ. У огня старики
Подъ-вечеръ сидятъ себѣ двое:
Старуха — за прялкой, за кружкой — старикъ,
Сидятъ, вспоминая былое.
И много, и долго толкуютъ они
О дняхъ, что̀ казались забыты,
Когда у ней перлы сверкали въ очахъ,
Пылали румянцемъ ланиты.

О дѣтяхъ дѣтей, о своихъ землякахъ
Толкуютъ, другъ другу все вторя,
О зелени яркой луговъ и долинъ,
О шумѣ угрюмаго моря...
И много, и долго толкуютъ они
О дняхъ, что̀ казались забыты,
Когда у ней перлы сверкали въ очахъ,
Пылали румянцемъ ланиты.

Они вспоминали усопшихъ друзей,
Лежащихъ на тихомъ погостѣ,

И грустно имъ вздумать, что скоро свезутъ
Туда же ихъ старыя кости!
Но каждый изъ нихъ взялъ у жизни, что̀ могъ.
Любила ихъ радость живая,
И вотъ — то смѣются, то плачутъ они,
О старыхъ годахъ вспоминая...

НЕИЗВѢСТНЫЙ АВТОРЪ.

ДЖОНИ ФА.

ИЗЪ ШОТЛАНДСКИХЪ НАРОДНЫХЪ БАЛЛАДЪ.

Предъ за́мкомъ шумная толпа
Цыганъ поетъ, играетъ...
Хозяйка за́мка внизъ сошла
И пѣснямъ ихъ внимаетъ.

«Пойдемъ, — сказалъ ей Джони Фа, —
Красавица, со мною,
И мужу не сыскать тебя, —
Ручаюсь головою!..»

И обнялъ правою рукой
Красавицу онъ смѣло, —
Кольцо на палецъ Джони Фа
Она свое надѣла.

«Прощайте всѣ, — родные, мужъ!
Судьба моя такая!
Скорѣе плащъ мнѣ, чтобъ идти
Съ цыганами могла я.

«Въ постели пышной ночи я
Здѣсь съ мужемъ проводила, —
Теперь въ лѣсу зеленомъ спать
Я буду рядомъ съ милымъ!»

Вернулся лордъ, и въ тотъ же мигъ
Спросилъ онъ — гдѣ супруга.
«Она съ цыганами ушла» —
Отвѣтила прислуга.

«Сѣдлать коней! Недалекò
Еще она отсюда.
Пока я не найду ее, —
Ни пить, ни ѣсть не буду!

И сорокъ всадниковъ лихихъ
Въ погоню поскакали;
Но всѣ они до одного
Въ лѣсу зеленомъ пали!

ЧАРЛЬЗЪ ЛЭМБЪ.

ЗНАКОМЫЯ, СТАРЫЯ ЛИЦА.

Въ дни дѣтства, въ веселые школьные годы,
Товарищей, сверстниковъ много имѣлъ я.
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Смѣялся и пѣлъ я, просиживалъ поздно
Съ толпой собесѣдниковъ шумной, бывало.
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Любилъ я когда-то... Она такъ прекрасна
Была, но теперь ея заперты двери.
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Я друга имѣлъ; не имѣетъ такого
Никто — а его безразсудно я бросилъ!
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Какъ духъ, я пронесся долиною дѣтства,
И кажется міръ мнѣ пустыней, гдѣ долженъ
Искать я знакомыя, старыя лица!

О, другъ мой, зачѣмъ не родился ты въ домѣ
Отца моего! Мы бы вспомнили вмѣстѣ
Всѣ эти знакомыя, старыя лица!

Кто бросилъ меня, кто давно ужъ въ могилѣ,
Съ другими меня разлучили... Исчезли,
Исчезли знакомыя, старыя лица!

РОБЕРТЪ СОУТИ.

ЖАЛОБЫ БѢДНЯКОВЪ.

«И что такъ ропщетъ бѣдный людъ?» —
Богачъ сказалъ мнѣ разъ.
— «Чтобъ я тебѣ отвѣтить могъ,
Пойдемъ со мной сейчасъ.»

Морозный вечеръ былъ, и снѣгъ
На улицахъ лежалъ.
Мы шли, дрожа: насъ зимній плащъ
Отъ стужи не спасалъ!

Старикъ намъ встрѣтился сѣдой:
Онъ сгорбленъ былъ и хилъ.
«Зачѣмъ изъ дому вышелъ ты?» —
Я старика спросилъ.

Онъ отвѣчалъ: — «У очага
Сидѣть бы я готовъ,
Когда бы подали вы мнѣ
Хоть на вязанку дровъ».

Вотъ мальчикъ — видимъ мы — идетъ,
Въ лохмотьяхъ весь и босъ.
«Куда ты, — я спросилъ его, —
Бѣднякъ, въ такой морозъ?»

29*

— «За подаяньемъ посланъ я, —
Онъ мнѣ сказалъ въ отвѣтъ, —
Отецъ мой при смерти лежитъ,
А въ домѣ хлѣба нѣтъ!»

На чье-то блѣдное лицо
Палъ свѣтъ отъ фонарей:
На камнѣ женщина сидитъ,
Малютокъ двое съ ней.

«Зачѣмъ, — я молвилъ ей, — ты здѣсь?
Вѣдь ночь такъ холодна,
И дѣтокъ бѣдныхъ жаль...» Но мнѣ
Отвѣтила она:

— «Мой мужъ — солдатъ. За короля
Пошелъ онъ воевать;
И подаяньемъ хлѣбъ должна
Себѣ я добывать».

Въ одеждѣ легкой, мимо насъ
Красавица прошла,
Въ лицо съ усмѣшкой намъ взглянувъ,
Развязна и смѣла.

Я, воротивъ ее, спросилъ:
«Иль сладокъ такъ порокъ,
Что онъ и въ эту ночь тебя
Изъ дома вызвать могъ?»

Ее заставила глаза
Потупить рѣчь моя,
И тихій голосъ прозвучалъ:
«Весь день не ѣла я!»

Богачъ стоялъ смущенъ и нѣмъ.
«Теперь, — я произнесъ, —
Ты знаешь все: отвѣтилъ самъ
Народъ на твой вопросъ».

БЛЕНГЕЙМСКІЙ БОЙ.

Прохладный вечеръ наступилъ,
 Смѣнивъ палящій зной.
У входа въ хижину свою
 Сидѣлъ старикъ сѣдой;
Играла внучка передъ нимъ
Съ братишкой маленькимъ своимъ,

И что-то круглое въ травѣ
 Бросали все они.
Вдругъ мальчикъ къ дѣду подбѣжалъ
 И говоритъ: «Взгляни,
Чтó это мы на берегу
Нашли: понять я не могу».

Находку внучка взявъ, старикъ
 Со вздохомъ отвѣчалъ:
— «Ахъ, это черепъ! Кто его
 Носилъ — со славой палъ.
Когда-то былъ здѣсь жаркій бой,
И не одинъ погибъ герой.

«Въ саду костей и череповъ
 Не сосчитаешь, другъ!
И въ полѣ тоже: сколько разъ
 Ихъ задѣвалъ мой плугъ!
Здѣсь рѣки крови протекли,
И храбрыхъ тысячи легли».

«Ахъ, разскажи намъ, разскажи
 Про эти времена! —
Воскликнулъ внукъ: — изъ-за чего
 Была тогда война»?
Затихли дѣти, не дохнутъ:
Чудесъ отъ дѣда ждутъ.

— «Изъ-за чего была война,
 Спросилъ ты, мой дружокъ;

Добиться этого и самъ
    Я съ малыхъ лѣтъ не могъ.
Но говорили всѣ, что свѣтъ
Такихъ не видывалъ побѣдъ.

«Въ Бленгеймѣ жили мы съ отцомъ.
    Пальба весь день была...
Упала бомба въ домикъ нашъ
    И онъ сгорѣлъ до-тла.
Съ женой, съ дѣтьми отецъ бѣжалъ,
Онъ безпріютнымъ нищимъ сталъ.

«Все истребилъ огонь: и рожь
    Не дождалась жнеца;
Больныхъ старухъ, грудныхъ дѣтей
    Погибло безъ конца.
Какъ быть! На то война — и нѣтъ,
Увы! безъ этого побѣдъ!

«Мнѣ не забыть тотъ мигъ, когда
    На поле битвы я
Взглянулъ впервые!.. Горы тѣлъ
    Лежали тамъ, гнія...
Ужасный видъ! Но что жъ? Иной
Побѣдъ нельзя купить цѣной.

«Въ честь побѣдившихъ пили всѣ:
    Хвала гремѣла имъ».
«Какъ? — внучка дѣда прервала, —
    Разбойникамъ такимъ?»
— «Молчи! Гордиться вся страна
Побѣдой славною должна.

«Да, принцъ Евгеній и Мальброгъ
    Тотъ выиграли бой!..»
Тутъ мальчикъ перебилъ: «А прокъ
    Отъ этого какой?»
— «Молчи, несносный дуралей!
Міръ не видалъ побѣдъ славнѣй...»

АЛЬФРЕДЪ ТЕННИСОНЪ.

ЛЭДИ КЛАРА ВЕРЪ-ДЕ-ВЕРЪ.

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Простите! Къ вамъ я равнодушенъ, —
Не въ силахъ вы меня плѣнить.
Отъ скуки сердцемъ деревенскимъ
Вамъ захотѣлось пошутить;
Но какъ ни страстны ваши взоры,
Не обожгутъ меня они:
Не вы мнѣ счастье подарите,
Хоть двадцать графовъ вамъ сродни!

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Вы родословною гордитесь,
Гордитесь именемъ, гербомъ;
А мнѣ до предковъ дѣла мало;
Крестьянинъ былъ моимъ отцомъ.
Нѣтъ, не разбить вамъ это сердце!
Иная ждетъ его судьба:
Ему любовь крестьянки доброй
Дороже всякаго герба.

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Я не такой ручной, повѣрьте,
Какимъ, быть-можетъ, вамъ кажусь,
И будьте вы царица міра,

Я все жъ предъ вами не склонюсь.
Надъ бѣднымъ парнемъ для потѣхи
Хотѣли опытъ сдѣлать вы...
Но такъ же холодно онъ смотритъ,
Какъ на воротахъ вашихъ — львы.

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Зачѣмъ тотъ день я вспоминаю,
Когда, подъ тѣнью старыхъ липъ,
Лежалъ недвижимъ бѣдный Лоренцъ!
(Лишь двѣ весны, какъ онъ погибъ).
Вы завлекли... околдовали...
Вамъ не учиться колдовать...
Но этотъ черепъ раздроблённый
Вамъ страшно было бъ увидать!

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Лежалъ онъ блѣдный. Мать рыдала,
И слово горькое у ней
Невольно вырвалось... Страданье
Ожесточаетъ такъ людей!..
Не повторю я здѣсь, что̀ слышать
Пришлось мнѣ въ мигъ печальный тотъ...
Да, мать была не такъ спокойна,
Какъ Веръ-де-Веровъ знатный родъ!

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
За вами тѣнь его повсюду,
И на порогѣ вашемъ — кровь!
Вы сердце честное разбили...
Когда бѣднякъ свою любовь
Рѣшился высказать, улыбкой
И взоромъ нѣжнымъ ободренъ, —
Вы тотчасъ выдвинули предковъ...
Ударъ былъ мѣтко нанесенъ!

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Съ какой насмѣшкою взираетъ
Съ небесъ нашъ праотецъ Адамъ
На то, чѣмъ всѣ вы такъ гордитесь, —

На эту ветошь, этотъ хламъ!
Повѣрьте, тотъ лишь благороденъ,
Чья незапятнана душа...
А ваши графскія короны
Не стòятъ мѣднаго гроша!

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Вы свѣжи, молоды, здоровы,
А утомленіе легло
На ваши гордыя рѣсницы,
На ваше гордое чело!
Однообразно, безконечно
Идутъ для васъ за днями дни —
И вотъ, вы ставите отъ скуки
Сердцамъ наивнымъ западни!

О, лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Не зная, что̀ съ собою дѣлать,
Вы умираете съ тоски...
Но неужель къ вамъ не стучатся
Рукою робкой бѣдняки?
Войдите въ хижины, начните
Учить вы грамотѣ сиротъ...
А ужъ на насъ рукой махните:
Мы—неотесанный народъ!

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Блѣдныя руки скрестивши на грудь,
Спи! Совершилъ ты тяжелый свой путь...
Съ листьевъ плакучей сребристой березы
Каплютъ на гробъ твой росинки, какъ слезы.

Горе въ груди не совьетъ ужъ гнѣзда;
Въ домъ твой стучаться не будетъ нужда.
Грустно шумитъ надъ тобою дубрава...
Спи! — отдохнуть ты купилъ себѣ право!

Жизнь трудовая не даромъ прошла...
Ратовалъ ты противъ мощнаго зла,
Честно стоялъ ты за честное дѣло —
Сердце враждой и любовью кипѣло!

Спи! Надъ могилой зеленой твоей
Птичка звенитъ въ темной чащѣ вѣтвей;
Мирнаго сна не встревожитъ шипѣнье
Зависти черной и сильныхъ гоненье!

Пчелы, которыхъ здѣсь манятъ цвѣты,
Слаще поютъ, чѣмъ уста клеветы!
Спи безпробудно подъ сладкіе звуки,
На́-крестъ сложивъ свои блѣдныя руки!

Въ твой одинокій, цвѣтущій пріютъ
Люди съ своей суетой не придутъ.
Только скользятъ по могильной ступени
Солнца лучи да волнистыя тѣни!..

---

* * *

Меня ты любилъ, какъ сестру —
Тебя я сильнѣе любила...
И знаю, когда я умру,
Ко мнѣ ты придешь на могилу.

И, можетъ, заплачешь надъ ней,
И сердце мое встрепенется,
Когда изъ любимыхъ очей
Слеза за слезою польется.

И если услышишь ты вдругъ,
Что птичка въ кустахъ распѣваетъ,
То знай: это Мэри, мой другъ,
Привѣтъ тебѣ съ ней посылаетъ...

КОРОЛЕВА МАЯ.

I.

ОЖИДАНІЕ.

Разбуди меня завтра, родная,
Только солнышко въ небѣ блеснетъ;
Всѣхъ-то дней этотъ день веселѣе:
Не бываетъ такого весь годъ.
Разбуди же, смотри! Съ нетерпѣньемъ
Жду давно я веселаго дня:
Королевою Майской, я знаю,
Они выберутъ завтра меня!

Не одну въ сторонѣ нашей встрѣтишь
Пару черныхъ, сверкающихъ глазъ;
Красотой своей славятся Мэри,
Маргарета и Китти у насъ;
Но въ глазахъ у веселой Алисы,
Говорятъ, еще больше огня —
Потому-то и выберутъ завтра
Королевою Майской меня!

Крѣпокъ сонъ мой, сама я не встану;
Такъ смотри же, погромче кричи,
Чуть въ окно нашей спальни, родная,
Золотые проникнутъ лучи.
Еще много вѣнковъ мнѣ придется
Изъ цвѣтовъ и изъ зелени свить:
Вѣдь я знаю навѣрное: завтра
Королевою Майской мнѣ быть.

Я вчера, по долинѣ гуляя,
Увидала — сказать ли кого?
Увидала Робина! Угрюмо
Мнѣ лицо показалось его.

Онъ подъ ивой стоялъ... Вѣрно, думалъ,
Отчего я съ нимъ такъ холодна?
Ну, да пусть! Королевою Майской
Завтра быть я, родная, должна!

Можетъ, принялъ меня онъ за духа:
Я одѣта вся въ бѣломъ была;
Предъ глазами его промелькнувши,
Я исчезла вдали, какъ стрѣла.
Безсердечной меня и холодной
Называютъ Робина друзья...
Все равно! Королевою Майской
Буду ими же выбрана я!

Говорятъ, что умретъ онъ съ печали,
Что разбила я сердце его...
Но какое мнѣ дѣло, родная,
Ты сама посуди, до него?
Безъ него жениховъ здѣсь немало,
Не одинъ онъ красивъ и богатъ...
Ахъ, какъ весело мнѣ! Меня выбрать
Королевою Майской хотятъ!

Я хочу, чтобъ сестра моя Ева
Шла со мною на праздникъ весны;
Да и ты приходи: королевой
Меня видѣть вы обѣ должны.
Даже съ горъ отдаленныхъ приходятъ
Пастухи, чтобъ на праздникъ взглянуть,
А я буду на немъ королевой!..
Разбуди же меня, не забудь!

Бѣлоснѣжная жимолость вьется
По столбамъ галлереи; съ луговъ,
Изъ долинъ и ущелій несется
Ароматъ отъ весеннихъ цвѣтовъ;
Расцвѣли ноготки надъ болотомъ,
Колыхаетъ кувшинчикъ волна...
Чтó за радость, за счастье, что быть я
Королевою Майской должна!

Надъ лугами стемнѣло, родная,
Вѣтерокъ тамъ гуляетъ ночной;
Каждый разъ, какъ повѣетъ онъ, звѣзды
Словно ярче горятъ надъ землей.
Нѣтъ ни облака въ небѣ! Ненастье
Не отравитъ веселаго дня...
Королевою Майской я буду —
Разбуди же съ разсвѣтомъ меня!

Вся объята и тишью, и мглою
Спитъ долина, свѣжа, зелена;
И на склонѣ холмовъ что-то шепчутъ
Листья темныхъ деревьевъ, сквозь сна;
А въ оврагѣ чуть слышно журчанье
Утомленнаго бѣгомъ ручья...
Завтра все оживится, и буду
Королевою Майскою я!

II.

ВЕЧЕРЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Какъ проснешься ты завтра, родная,
Разбуди меня: солнца восходъ
Въ этотъ день я хотѣла бы встрѣтить;
Начинается имъ новый годъ.
Новый годъ! Для меня ужъ послѣдній!..
Прежде, чѣмъ онъ настанетъ опять,
Буду въ темной, холодной могилѣ
Я, забытая всѣми, лежать!

Я съ лучами заката простилась;
Я смотрѣла, какъ гасли огни,
Старый годъ за собой оставляя,
Унося мои ясные дни!
Новый годъ настаетъ! Но не видѣть
На лугахъ мнѣ росистой травы,
Мнѣ не видѣть на яблоняхъ цвѣту
И не слышать шумящей листвы!

Хорошо было въ маѣ, родная!
Не забыла я этого дня,
Какъ они королевою Майской,
Всю въ цвѣтахъ, посадили меня.
На лужайкѣ, подъ деревомъ майскимъ,
Танцовали мы долго потомъ,
Пока мѣсяцъ не всплылъ, обливая
Кровли нашихъ домовъ серебромъ...

А теперь — ни цвѣточка въ долинѣ!
И замерзли всѣ окна у насъ...
Если бъ мнѣ хоть подснѣжникъ, родная,
Довелось увидать еще разъ!
Довелось увидать, какъ покинетъ
Ледяную одежду рѣка...
Неужель умереть мнѣ придется,
Не дождавшись и почки цвѣтка?

На вершинахъ высокаго вяза
Будутъ гнѣзда вороны свивать,
И унылымъ пронзительнымъ крикомъ
Будетъ чибисъ поля оглашать;
А потомъ изъ-за мòря вернутся
Къ намъ и ласточки, ранней весной...
Но я ихъ не увижу, родная:
Мои очи засыплютъ землей!

Той порой, когда все еще тихо,
Когда все у насъ въ домѣ молчитъ,
Прежде чѣмъ ты проснешься, родная,
И на фермѣ пѣтухъ прокричитъ, —
Ужъ окно нашей церкви убогой
И погостъ на обрывѣ крутомъ,
Гдѣ я буду лежать, озарятся
Первымъ, розовымъ утра лучомъ...

Не видать тебѣ больше, родная,
Когда вновь запестрѣютъ цвѣты,
Какъ брожу по лугамъ и долинамъ
Я съ утра до ночной темноты!

Не заманятъ къ себѣ меня лѣтомъ
Зеленѣющій въ полѣ овесъ,
Водяная фіалка въ болотѣ,
Вѣтви бѣлыхъ, плакучихъ березъ!

Пусть шиповникъ и жимолость будутъ
Надъ моею могилой цвѣсти;
И, какъ теплое лѣто настанетъ,
Ты порой свою дочь навѣсти.
Я тебя не забуду, родная,
И когда надъ моей головой
Ступишь ты по росистому дерну,
Каждый шагъ буду слышать я твой...

Своенравна была я... Но знаю —
Все проститъ мнѣ твоя доброта!
Поцѣлуй же теперь меня крѣпче,
Поцѣлуй и въ чело, и въ уста!
О, зачѣмъ ты такъ плачешь, родная!
Сокрушать тебя скорбь не должна:
У тебя еще дочь остается —
Ты на свѣтѣ не будешь одна.

Изъ могилы холодной и тѣсной
Стану я приходить... И хоть ты
Меня видѣть не можешь, родная,
Но твои я увижу черты,
И, безмолвна сама, я услышу
Звуки милыхъ, знакомыхъ рѣчей...
Знай, что дочь твоя будетъ съ тобою
Каждый разъ, какъ ты вспомнишь о ней.

Доброй ночи! Когда мнѣ придется
«Доброй ночи» сказать навсегда,
И меня унесутъ на кладбище, —
Не пускай нашей Евы туда
До тѣхъ поръ, пока зеленью свѣжей
Не одѣлась могила моя...
Ева — милый ребенокъ и лучшей
Будетъ дочерью, нежели я.

Въ кладовой — весь приборъ мой садовый;
Тамъ и заступъ, и грабли лежать;
Я ихъ Евѣ дарю; мнѣ ужъ больше
Не копать въ цвѣтникѣ своемъ грядъ.
Подъ окномъ я гвоздику и розы
Посадила; имъ нуженъ уходъ, —
Такъ пускай же она хорошенько
Ихъ по смерти моей бережетъ.

Да, еще... Ты Робину, родная,
Отнеси мой прощальный поклонъ.
Богъ пошлетъ ему лучше подругу...
На меня пусть не сердится онъ.
Вѣдь останься въ живыхъ я, быть-можетъ,
За него бы я вышла... Какъ знать!
Все прошло! И въ могилѣ я скоро
Буду, всѣми забытая, спать...

Доброй ночи, родная! Смотри же,
Разбуди ты меня, — не забудь.
Я могу послѣ ночи безсонной
Слишкомъ крѣпко, подъ утро, заснуть —
А ты знаешь, что мнѣ бы хотѣлось
Увидать завтра солнца восходъ...
Разбуди! Вѣдь ужъ мнѣ не дождаться,
Какъ наступитъ опять новый годъ!

ДОРА.

(РАЗСКАЗЪ).

У старика богатаго Аллена
На фермѣ жили Дора и Вильямъ;
Вильямъ былъ сынъ единственный его,
А Дора — дочь его родного брата.
Смотря на нихъ, Алленъ нерѣдко думалъ:
«Вотъ парочка! Я ихъ соединю».
Желанье дяди Дора замѣчала;
Она любила юношу, но онъ

О ней не думалъ вовсе, постоянно
Съ ней подъ одною кровлею живя.
И, вотъ, Алленъ, призвавъ однажды сына,
Сказалъ ему: «Женился поздно я;
Но все жъ бы мнѣ хотѣлось передъ смертью
Еще понянчить внучка, милый сынъ:
Хотѣлось бы тебя женатымъ видѣть.
Взгляни на Дору... Какъ она мила,
Чтò за хозяйка, — даже не по лѣтамъ!
Она — моя племянница, ты знаешь.
Когда съ отцомъ ея мы разошлись,
Уѣхалъ онъ и умеръ на чужбинѣ;
Но, память брата чтя, я взялъ къ себѣ
Малютку дочь его на воспитанье,
И на глазахъ моихъ она взросла.
Женись на ней; завѣтное желанье,
Чтò много лѣтъ въ душѣ моей живетъ,
Исполни, сынъ!» Но юноша отвѣтилъ
Отцу безъ колебанья, напрямикъ:
— «Нѣтъ, не хочу; не пò-сердцу мнѣ Дора».
Тогда въ глазахъ Аллена гнѣвъ сверкнулъ.
«Не хочешь ты? — сказалъ старикъ Вильяму,
Сжавъ кулаки, — противиться мнѣ смѣешь?
Когда мы были молоды, слова
Отцовскія закономъ мы считали.
Такъ слушай же, сынокъ любезный мой, —
Даю тебѣ на размышленье мѣсяцъ,
И если ты опять отвѣтишь мнѣ
Такъ, какъ теперь, то я клянусь Творцомъ,
Что никогда отцовскаго порога,
Пока я живъ, не переступишь ты».
Вильямъ ушелъ, сердито хлопнувъ дверью.
Онъ въ кровь себѣ всѣ губы искусалъ
И самъ себя не помнилъ отъ волненья.
Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на Дору,
Тѣмъ больше убѣждался, что ее
Онъ полюбить не въ силахъ, и сурово
Съ ней обходиться началъ. Но она
Была кротка попрежнему, и горя,

Что̀ въ глубинѣ души ея таилось,
Не выдавалъ спокойный, свѣтлый взоръ...
Еще и срокъ, назначенный отцомъ,
Не истекалъ, а ужъ Вильямъ покинулъ
Родной очагъ. Въ работу нанялся
Онъ на поляхъ сосѣднихъ и потомъ, —
Любовь ли то была, или досада,
Богъ вѣсть! — женился на одной
Молоденькой, но бѣдной поселянкѣ,
Сироткѣ круглой — Мэри Моррисонъ.

Когда Алленъ услышалъ звонъ церковный,
Ему о свадьбѣ сына извѣщавшій,
Племянницу позвалъ онъ и сказалъ:
«Ты мнѣ мила, дитя мое, но если бъ
Когда-нибудь хоть словомъ обмѣнялась
Ты съ тѣмъ, кто прежде сыномъ былъ моимъ,
Иль съ той, кого женой онъ называетъ,
То, вѣрь мнѣ, мы разстанемся сейчасъ.
Не позабудь, что я сказалъ, то — свято!»
Исполнить волю дяди обѣщала
Безъ возраженій Дора, но сама
Подумала: «современемъ смягчится
Гнѣвъ старика, и сына онъ проститъ»...
За днями дни летѣли. У Вильяма
Родился сынъ; но плохо шли дѣла.
Онъ проходилъ нерѣдко мимо дома
Отца, худой, поникшій и унылый;
Но не помогъ старикъ ему въ нуждѣ.
Украдкою лишь Дора посылала
Женѣ его все, что̀ могла сберечь
Отъ крохъ своихъ, — и ни Вильямъ, ни Мэри
Не знали, кто̀ былъ этотъ тайный другъ,
Пока Вильямъ не захворалъ горячкой
И осенью въ могилу не сошелъ.
Тогда къ его вдовѣ явилась Дора.
Ребенка мать держала на рукахъ,
И по лицу у ней катились слезы.
Считая Дору злой, недружелюбно

Ее принять готовилась она;
Но та, войдя, ей ласково сказала:
«Донынѣ я повиновалась дядѣ,
Но горячо раскаиваюсь въ томъ:
Лишь я одна причиной всѣхъ несчастій,
Всѣхъ горестей, постигнувшихъ Вильяма.
Теперь, для тѣни вѣчно дорогой
Того, кто взятъ у насъ могилой ранней,
И для тебя, кого своей женой
Онъ называлъ, и для его ребенка
Сюда пришла я; ты вѣдь видишь, Мэри,
Что урожай Господь намъ посылаетъ
Такой, какого не было давно.
Дай своего малютку мнѣ, и въ полѣ,
Средь золотистой ржи и васильковъ,
Я посажу его, чтобъ дядя видѣлъ.
Обрадованный жатвою богатой,
Смягчится онъ и, позабывъ вражду,
Благословитъ ребенка со слезами!»

И Дора, взявъ ребенка, съ нимъ пошла
Полями... Вотъ на холмикѣ отлогомъ,
Чтò весь покрытъ былъ макомъ разноцвѣтнымъ,
Она присѣла съ ношею своей...
Старикъ Алленъ прошелъ, но такъ далёко,
Что ихъ не могъ замѣтить, и никто
Изъ слугъ не смѣлъ сказать ему, что Дора
Его ждала съ ребенкомъ. Ужъ она
Хотѣла встать, идти къ нему навстрѣчу,
Но твердость вдругъ оставила ее...
Лучъ солнца гасъ, жнецы свой трудъ кончали,
И на поля спускалась ночи мгла...

Лишь разсвѣло, опять съ малюткой Дора
Пошла въ поля и сѣла на пути.
Изъ всѣхъ цвѣтовъ, чтò около пестрѣли,
Для мальчика вѣнокъ она сплела
И обвила имъ дѣтскую головку,
Чтобъ дяди взоръ она могла плѣнить.

30*

Когда Алленъ, обозрѣвая жатву,
Племянницу увидѣлъ, отъ жнецовъ
Онъ отошелъ и, подойдя къ ней быстро,
Спросилъ: «Гдѣ ты была вчера? Зачѣмъ
Ты здѣсь теперь? И чей ребенокъ это?»
— «Твой внучекъ, сынъ умершаго Вильяма», —
Произнесла, потупившись, она.
«Но развѣ ты, — сказалъ Алленъ, — забыла
Мои слова? Не запретилъ ли я...»
Она ему въ отвѣтъ: — «Ты можешь сдѣлать
Со мной, что хочешь, но возьми ребенка
И съ памятью Вильяма примирись!»
Алленъ сказалъ: «Я вижу — это шашни:
Ты съ той, знать, сговорилась и меня
Учить моимъ обязанностямъ хочешь,
Надъ волей насмѣхаешься моей!
Такъ ладно жъ. Я беру къ себѣ ребенка,
Но чтобъ тебя я больше не видалъ!»
Онъ замолчалъ и, взявъ у ней ребенка,
Который бился, плакалъ и кричалъ,
Унесъ его. Вѣнокъ съ его головки
Упалъ къ ногамъ поникшей грустно Доры.
Закрывъ лицо руками, вся въ слезахъ,
Она сидѣла долго. Плачъ ребенка,
Все отдаляясь, слышался слабѣй
И, наконецъ, замолкъ... И тутъ невольно
Припомнилось ей прошлое: тотъ день,
Когда она пришла сюда впервые,
И все, что̀ послѣ было... А жнецы
Кончали трудъ свой, молча... Солнце гасло,
И на поля спускалась ночи мгла...
И къ Мэри въ домъ отправилася Дора.
Но у крыльца, на нѣсколько мгновеній,
Боясь войти, остановилась вдругъ...
Когда жъ въ окошко Мэри увидала,
Что Дора возвращается одна,
То, радости исполнена глубокой,
Благодарить усердно стала Бога,
Пришедшаго на помощь сиротѣ.

«Мой дядя взялъ къ себѣ ребенка, Мэри, —
Сказала Дора, въ комнату войдя, —
Но мнѣ позволь остаться жить съ тобою,
Позволь тебѣ въ работахъ помогать, —
Меня не хочетъ больше видѣть дядя».
— «Нѣтъ! Никогда не допущу я, Дора, —
Отвѣтила ей Мэри, — чтобы ты
Изъ-за меня страдала. Не оставлю
У дяди я ребенка ни за что!
Его онъ сдѣлать можетъ безсердечнымъ,
Онъ презирать его научитъ мать!
Пойдемъ къ нему, пойдемъ скорѣе, Дора!
Пускай тебя опять онъ приметъ въ домъ,
А я возьму назадъ къ себѣ малютку.
Но если бы отвергъ тебя старикъ,
Тогда съ тобой мы вмѣстѣ поселимся
И вмѣстѣ будемъ печься о ребенкѣ,
Покамѣстъ онъ не выростетъ большой
И въ свой чередъ не будетъ намъ опорой».

Онѣ поцѣловались и пошли,
И въ полчаса уже достигли фермы.
Дверь въ комнату, гдѣ фермеръ помѣщался,
Отворена была на половину,
И вотъ, что̀ ихъ представилось глазамъ,
Когда они украдкой заглянули
Въ ту дверь: старикъ малютку на колѣняхъ
Своихъ держалъ, давалъ ему играть
Часами и цѣпочкою массивной,
И даже иногда его ласкалъ:
То пощекочетъ шейку мальчугана,
То вдругъ его потреплетъ по щекѣ,
То съ нѣжностью погладитъ по головкѣ;
И чѣмъ-то, походящимъ на любовь,
Тогда свѣтились старческіе взоры...
Онѣ вошли. Увидѣвъ мать, ребенокъ
Къ ней потянулъ свои ручонки съ крикомъ,
И на полъ посадилъ его Алленъ.
«Я ни о чемъ, — тогда сказала Мэри, —

Васъ не просила, батюшка (простите,
Что такъ назвать осмѣлилась я васъ),
Ни для себя самой, ни для Вильяма,
Ни для малютки этого. Но, вотъ,
Я прихожу теперь просить о Дорѣ,
Которая васъ любитъ горячо:
Позвольте къ вамъ опять ей возвратиться.
Вильямъ, сойдя въ могилу, не унесъ
Съ собой вражды къ покинутому міру:
Со всѣми онъ предъ смертью примирился.
На мой вопросъ: не сожалѣлъ ли онъ
Когда-нибудь, что онъ на мнѣ женился.—
Вильямъ сказалъ, что счастливъ былъ со мной,
Что я его ничѣмъ не огорчала,
Но что разладъ его съ отцомъ гнететъ
И что себя онъ все-таки неправымъ
Передъ отцомъ во многомъ признаётъ.
Послѣднія слова Вильяма были:
«Пусть никогда отецъ мой не узнаетъ,
Какъ больно мнѣ съ нимъ въ ссорѣ умирать!»
Теперь прошу: отдайте мнѣ ребенка!
Его суровымъ сдѣлаете вы,
И къ памяти отцовской онъ, пожалуй,
Презрѣніе научится питать!
Опять къ себѣ вы въ домъ примите Дору,
И все пускай попрежнему идетъ».
Такъ говорила Мэри, и къ плечу
Ея припала Дора головою;
И въ комнатѣ нѣмая тишина
На нѣсколько мгновеній воцарилась...
Ее прервалъ Алленъ своимъ рыданьемъ:
«О, горе мнѣ! Виновенъ много я!
Я сына свелъ безвременно въ могилу—
Вильяма дорогого своего!..
Мой милый сынъ! Вѣдь я тебя любилъ!..
Тяжка, тяжка вина моя!.. О, дѣти,
Молю васъ: обнимите старика,
Простите мнѣ безмѣрныя страданья,
Что заставлялъ я васъ переносить!»

И обняли они его сердечно,
И все ему простили въ этотъ мигъ.
Раскаяньемъ совсѣмъ онъ былъ подавленъ,
Вся прежняя любовь проснулась въ немъ,
И долго надъ малюткою Вильяма
Рыдалъ старикъ, Вильяма вспоминая...

И съ той поры всѣ четверо они
На фермѣ подъ одною кровлей жили.
Прошли года — и Мэри избрала
Себѣ другого мужа. Но осталась
Не замужемъ до самой смерти Дора.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

*
* *

When all around grew drear and dark.

Когда былъ страшный мракъ кругомъ,
И гасъ разсудокъ мой, казалось;
Когда надежда мнѣ являлась
Далекимъ, блѣднымъ огонькомъ;

Когда готовъ былъ изнемочь
Я въ битвѣ долгой и упорной,
И, клеветѣ внимая черной,
Всѣ отъ меня бѣжали прочь;

Когда въ измученную грудь
Вонзались ненависти стрѣлы, —
Лишь ты одна во тьмѣ блестѣла
И мнѣ указывала путь.

Благословенъ будь этотъ свѣтъ
Звѣзды немеркнувшей, любимой,
Чтò, словно око серафима,
Меня берегъ средь бурь и бѣдъ!

За тучей туча вслѣдъ плыла,
Не омрачивъ звѣзды лучистой;
Она по небу блескъ свой чистый,
Пока не скрылась ночь, лила.

О, будь со мной! Учи меня —
Иль смѣлымъ быть, иль терпѣливымъ;
Не приговорамъ свѣта лживымъ —
Твоимъ словамъ лишь вѣрю я!

Какъ деревцо, стояла ты,
Что̀ уцѣлѣло подъ грозою
И надъ могильною плитою
Склоняетъ вѣрные листы.

Когда на грозныхъ небесахъ
Сгустилась тьма, и буря злая
Вокругъ ревѣла, не смолкая, —
Ко мнѣ склонилась ты въ слезахъ.

Тебя и близкихъ всѣхъ твоихъ
Судьба хранитъ отъ бурь опасныхъ.
Кто добръ, небесъ достоинъ ясныхъ —
Ты прежде всѣхъ достойна ихъ.

Любовь въ насъ часто ложь одна;
Но ты измѣнѣ недоступна,
Неколебима, неподкупна,
Хотя душа твоя нѣжна.

Все той же вѣрной встрѣтилъ я
Тебя, въ дни бѣдствій погибая,
И міръ, гдѣ есть душа такая,
Ужъ не пустыня для меня!

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ.

1.

У водъ вавилонскихъ, печалью томимы,
Въ слезахъ мы сидѣли, тотъ день вспоминая,
Какъ врагъ разъяренный по стогнамъ Солима
Бѣжалъ, все мечу и огню предавая.
Какъ дочери наши рыдали! Онѣ
Разсѣяны нынѣ въ чужой сторонѣ...

Свободныя волны катились спокойно...
«Играйте и пойте!» — враги намъ сказали.
Нѣтъ, нѣтъ! Вавилона сыны недостойны,
Чтобъ наши имъ пѣсни святыя звучали;
Рука да отсохнетъ у тѣхъ, кто врагамъ
На радость ударитъ хоть разъ по струнамъ!

Повѣсили арфы свои мы на ивы.
Свободное намъ завѣщалъ пѣснопѣнье
Солимъ, какъ его совершилось паденье;
Такъ пусть же тѣ арфы висятъ молчаливы:
Вовѣкъ не сольете со звуками ихъ,
Гонители наши, вы пѣсенъ своихъ!

2.

Ты кончилъ жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И въ пѣсняхъ родины святой
Жить будетъ образъ величавый,
Жить будетъ мужество твое,
Освободившее ее.

Пока свободенъ твой народъ,
Онъ позабыть тебя не въ силахъ.
Ты палъ! Но кровь твоя течетъ
Не по землѣ, а въ нашихъ жилахъ.
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвигъ долженъ въ нашу грудь.

Врага заставимъ мы блѣднѣть,
Коль назовемъ тебя средь боя;
Дѣвъ нашихъ хоры станутъ пѣть
О смерти доблестной героя;
Но слезъ не будетъ на очахъ:
Плачъ оскорбилъ бы славный прахъ!

3.

ДИКАЯ ГАЗЕЛЬ.

Газель, свободна и легка,
Бѣжитъ въ горахъ родного края,
Изъ водъ любого родника
Въ дубравахъ жажду утоляя.
Газели быстръ и свѣтелъ взглядъ,
Не знаетъ бѣгъ ея преградъ.

Но станъ Сіона дочерей,
Чтò въ тѣхъ горахъ когда-то пѣли,
Еще воздушнѣй и стройнѣй;
Быстрѣй глаза ихъ глазъ газели.
Ихъ нѣтъ! Все такъ же кедръ шумитъ —
А ихъ напѣвъ ужъ не звучитъ!

И вы, краса родныхъ полей,
Въ ихъ почву вросшія корнями,
О, пальмы! Участью своей
Гордиться можно вамъ предъ нами:
Васъ на чужбину перенесть
Нельзя, — вы тамъ не стали бъ цвѣсть...

Подобны блёклымъ мы листамъ,
Далёко бурей унесеннымъ,
И гдѣ отцы почили, тамъ
Не опочить намъ, утомленнымъ!..
Разрушенъ храмъ. Солима тронъ
Врагомъ поруганъ, сокрушенъ!

ТЫ СЧАСТЛИВА.

Ты — счастлива, и я бы долженъ счастье
При этой мысли въ сердцѣ ощутить;
Къ судьбѣ твоей горячаго участья
Во мнѣ ничто не въ силахъ истребить.

Онъ также счастливъ, избранный тобою, —
И какъ его завиденъ мнѣ удѣлъ!
Когда бъ онъ не любилъ тебя, — враждою
Къ нему бы я безмѣрною кипѣлъ!

Изнемогалъ отъ ревности и муки
Я, увидавъ ребенка твоего...
Но онъ простеръ ко мнѣ съ улыбкой руки —
И цѣловать я страстно сталъ его.

Я цѣловалъ, сдержавши вздохъ невольный
О томъ, что на отца онъ походилъ;
Но у него твой взглядъ — и мнѣ довольно
Ужъ этого, чтобъ я его любилъ!

Прощай! Пока ты счастлива, ни слова
Судьбѣ въ укоръ не посылаю я.
Но жить, гдѣ ты... нѣтъ, Мэри, нѣтъ! Иль снова
Проснется страсть мятежная моя!

Глупецъ! Я думалъ: юныхъ увлеченій
Пылъ истребятъ и гордость, и года...
И что жъ? Теперь надежды нѣтъ и тѣни,
А сердце такъ же бьется, какъ тогда!

Мы свидѣлись... Ты знаешь, безъ волненья
Встрѣчать не могъ я взоровъ дорогихъ;
Но въ этотъ мигъ ни слово, ни движенье
Не выдали сокрытыхъ мукъ моихъ.

Ты пристально въ лицо мнѣ посмотрѣла,
Но каменнымъ казалося оно;
Быть можетъ, лишь прочесть ты въ немъ успѣла
Спокойствіе отчаянья одно...

Воспоминанье прочь! Скорѣй разсѣйся
Рай свѣтлыхъ сновъ, сновъ юности моей!
Гдѣ жъ Лета? Пусть они погибнутъ въ ней!
О, сердце, замолчи или разбейся!

---

*
* *

Когда я прижималъ тебя къ груди своей,
Любви и счастья полнъ и примиренъ съ судьбою, —
Я думалъ: только смерть насъ разлучи́тъ съ тобою.
Но, вотъ, разлучены мы завистью людей!

Пускай тебя навѣкъ, прекрасное созданье,
Отторгла злоба ихъ отъ сердца моего...
Но вѣрь: имъ не изгнать твой образъ изъ него,
Пока не палъ твой другъ подъ бременемъ страданья!

И если мертвецы пріютъ покинутъ свой,
И къ вѣчной жизни прахъ изъ тлѣнья возродится, —
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нѣтъ рая для меня, гдѣ нѣтъ тебя со мной!

ФЕЛИЦІЯ ГИМЕНСЪ.

НА РОДИНѢ.

«Съ дѣтскимъ ли сердцемъ и чистъ ли душою
Ты воротился къ намъ?» — такъ надо мною
Лѣса родного березы и ели
Ясной вечерней порою шумѣли.

«Все ли былъ вѣренъ призыву святому
Правды съ тѣхъ поръ, какъ изъ отчаго дома
Вышелъ ты съ жаждой добра и свободы?» —
Такъ мнѣ журчали родимыя воды.

«Все ли, какъ прежде, любовью богато
Сердце, и въ ближнемъ ты видишь ли брата?» —
Молвилъ мнѣ вѣтеръ родимаго края,
Въ полѣ колосья къ землѣ нагибая.

«Вѣрно ли сердце сыновнее было
Тѣмъ, чья вдали зеленѣетъ могила,
И посреди обольщенья мірскова
Помнилъ ли ты ихъ предсмертное слово?»

Слезы изъ глазъ полилися рѣкою.
«Тѣни родныя! — взывалъ я съ тоскою, —
Не былъ я вѣренъ святому завѣту:
Дѣтскаго сердца въ груди моей нѣту!

«Не уберегъ я и помысловъ чистыхъ;
Я отъ путей уклонился тернистыхъ,
Я уклонился отъ доблестной цѣли —
Юныя грёзы всѣ прочь отлетѣли!

«Такъ ужъ давно не люблю, какъ любилъ я;
Ваше предсмертное слово забылъ я...
И въ суетѣ, посреди ликованій,
Много погибло святыхъ упованій!

«Въ сердцѣ угасли былая отвага,
Жажда свободы, желаніе блага...
И возвращаюсь я въ край свой родимый,
Тяжкой, гнетущею скорбью томимый.

«Только взгляну на жилище родное, —
Ноетъ въ груди моей сердце больное!
Вспомню ль года, что̀ безплодно убиты, —
Слезы раскаянья жгутъ мнѣ ланиты!»

---

* * *

О, спой мнѣ ту пѣсню, родная,
Что̀ пѣла ты въ прежніе дни,
Въ тѣ дни, какъ ребенкомъ была я!

Ты помнишь... Вечерней порою,
Пока въ нашемъ домѣ огни
Еще не зажглись, мы съ тобою

Садились къ окну. Передъ нами
Деревья въ аллеяхъ густыхъ
Чуть слышно шумѣли вѣтвями...

Ты пѣсенку вдругъ запѣвала,
И я на колѣняхъ твоихъ
Подъ звуки той пѣсни дремала.

Ты пѣла, томима тоскою;
Изъ темныхъ задумчивыхъ глазъ
Катилась слеза за слезою...

«О чемъ ты?» — къ тебѣ обращалась
Съ вопросомъ я тщетнымъ не разъ
И крѣпче къ тебѣ прижималась.

Протяжно и грустно ты пѣла...
Любила напѣвъ я простой,
Хоть словъ я понять не умѣла...

Ты пѣла о долѣ несчастной,
О сердцѣ, что̀ къ жизни иной
Рвалось и мятежно, и страстно...

О, спой же ту пѣсню, родная,
Какъ пѣла ее встарину:
Давно ея смыслъ поняла̀ я!..

И пусть подъ знакомые звуки,
Убитая горемъ, засну
Я сномъ, что̀ врачуетъ всѣ муки.

ТОМАСЪ МУРЪ.

ИЗЪ ИРЛАНДСКИХЪ МЕЛОДІЙ.

1.

КО МНѢ ИДИ.

Не въ пышный залъ, блистающій огнями,
Куда стремятся юноши толпой, —
Въ мой бѣдный садъ съ поблёкшими цвѣтами
Иди, мой другъ: мы — старики съ тобой.
Тамъ вызовемъ мы тѣни дорогія,
Съ умолкшими бесѣду поведемъ;
Поднявъ бокалъ за годы прожитые,
Тамъ совершимъ мы тризну по быломъ.

Тамъ мы почтимъ безмолвною слезою
Погибшія надежды и мечты,
Межъ тѣмъ какъ миртъ надъ нашей сѣдиною
Склонитъ свои увядшіе листы.
И какъ въ краю пустынномъ и уныломъ
Вѣтвями гордый лавръ шумитъ порой,
Такъ пусть и нашъ привѣтъ звучитъ могиламъ,
Гдѣ силы спятъ, забытыя толпой!..

2.

* * *

I saw from the beach...

Я видѣлъ, какъ розовымъ утромъ качался,
Въ волнахъ прибывавшихъ, у берега челнъ;
И вновь я пришелъ, когда мракъ надвигался:
Челнокъ былъ все тамъ же, но не было волнъ.

Я также охваченъ былъ счастья волною,
Какъ этотъ, пескомъ занесенный, челнокъ...
Отхлынули волны, и, полонъ тоскою,
Остался у берега я одинокъ...

Зачѣмъ говорите вы мнѣ въ утѣшенье,
Что слава должна услаждать мой закатъ?
Отдайте мнѣ бурную смѣлость стремленья!
Отдайте мнѣ юности слезы назадъ!

3.

НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО! *

Пусть лежитъ онъ въ тѣнистомъ пріютѣ своемъ,
Гдѣ зарытъ онъ безъ почестей нами,
И, какъ ночью роса, наши слезы о немъ
Пусть безмолвными будутъ слезами!

Отъ слезинокъ росы дернъ могилъ зеленѣй,
Хоть она и въ тиши ихъ роняетъ...
Такъ и память о немъ въ нашемъ сердцѣ свѣжѣй
Сохранить намъ слеза помогаетъ...

* Стихотвореніе это посвящено памяти ирландскаго патріота Роберта Эммета (Robert Emmet), личнаго друга Томаса Мура, казненнаго англичанами въ 1798 г., почти въ юношескомъ возрастѣ.

4.

ВПЕРЕДЪ.

Впередъ, мой челнъ! Пусть вѣтеръ гонитъ насъ!
Къ какой бы мы странѣ ни мчались дальной,
Но не видать намъ болѣе печальной
Страны, чѣмъ та, что скрылася изъ глазъ.

И волны мнѣ какъ будто бы журчатъ:
«Хоть смерть порой подъ нашей лаской скрыта,
Но тѣ, кѣмъ жизнь твоя была разбита,
Насъ холоднѣй, коварнѣй во стократъ!»

Впередъ, впередъ! Пусть море безъ конца!..
Несись, челнокъ, и въ тишь, и въ день ненастный...
Какъ отдыху, и бурѣ радъ опасной
Покинувшій коварныя сердца!

Но если бъ гдѣ-нибудь еще найтись
Могъ уголокъ пустынный, ни враждою,
Ни ложью не запятнанный людскою, —
Тогда, но лишь тогда, остановись!..

5.

СЫНЪ МЕНЕСТРЕЛЯ.

Онъ на битву пошелъ, сынъ пѣвца молодой,
Опоясанъ отцовскимъ мечомъ;
Его арфа виситъ у него за спиной,
Его взоры пылаютъ огнемъ.

«Всѣ тебя предаютъ, — барда слышится рѣчь, —
Страна пѣсенъ, родная страна,
Но тебѣ до конца не измѣнитъ мой мечъ,
И моя будетъ арфа вѣрна!»

31*

Палъ онъ въ битвѣ... Но врагъ, что̀ его побѣдилъ,
Былъ безсиленъ надъ гордой душой.
Смолкла арфа: ее побѣжденный разбилъ,
Пòрвалъ струны онъ всѣ до одной.

«Ты отвагу, любовь прославлять создàна, —
Молвилъ онъ, — такъ не знай же оковъ.
Твоя пѣснь услаждать лишь свободныхъ должна,
Но не будетъ звучать межъ рабовъ!»

---

* * *

Какъ солнце золотитъ поверхность тихихъ водъ,
А въ глубинѣ, межъ тѣмъ, объяты волны тьмою, —
Улыбкой такъ лицо озарено порою,
Хотя въ душѣ печаль гнетущая живетъ.

На насъ унылый лучъ осеннихъ блѣдныхъ дней
Бросаютъ о былыхъ скорбяхъ воспоминанья,
И радость ли намъ жизнь даритъ или страданья, —
Намъ все равно тогда: мы безучастны къ ней.

Не такъ ли вѣтвь одна засохшая виситъ
На деревѣ, что̀ все покрыто пышнымъ цвѣтомъ;
Облитая зари вечерней алымъ свѣтомъ,
Она еще красой обманчивой манитъ,
Но ей ужъ не расцвѣсть, и свѣжею листвою
Листва поблёкшая не смѣнится весною.

НЕИЗВѢСТНЫЕ АВТОРЫ.

ЖАЛОБА ИРЛАНДСКАГО ВЫХОДЦА.

Иду я тропинкой заглохшей,
Поникнувъ на грудь головой:
Здѣсь утромъ весеннимъ, однажды,
Мы встрѣтились, Мэри, съ тобой.
Зеленая рожь колыхалась,
И звонко пѣлъ зябликъ въ кустахъ,
Свѣтилась любовь въ твоемъ взорѣ,
И розы цвѣли на устахъ.

Немногое здѣсь измѣнилось:
Все такъ же прекрасна весна,
Попрежнему рожь зеленѣетъ,
И зяблика пѣсня слышна.
Но руки твои, дорогая,
Моихъ не сжимаютъ ужъ рукъ,
И тщетно хочу я услышать
Любимаго голоса звукъ!

Знакомая взорамъ ограда
Бѣлѣетъ опять предо мной, —
Ограда той маленькой церкви,
Гдѣ назвалъ тебя я женой.

А вотъ и погостъ... Нарушаютъ
Шаги мои часто твой сонъ...
Сюда отнесли тебя, Мэри,
И здѣсь же твой сынъ схоронёнъ...

Теперь я одинъ, моя Мэри!
Не нуженъ бѣднякъ никому;
Но тѣмъ дорожитъ онъ сильнѣе
Могилами близкихъ ему.
Была моя жизнь трудовая
Тобой лишь одною свѣтла,
И некого больше любить мнѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ ты въ землю сошла!

Слабѣли не разъ мои силы
Подъ гнетомъ нужды и труда,
И къ небу, и къ людямъ кипѣла
Въ измученномъ сердцѣ вражда.
Но ты — ты не падала духомъ,
Ясна оставалась въ борьбѣ,
И, вотъ, почему я взываю,
Хоть ты и не слышишь, къ тебѣ:

Спасибо тебѣ, дорогая!
Вѣдь голодъ томилъ и тебя,
И ты настрадалась немало...
Но только молчала, любя.
Спасибо тебѣ — за улыбку,
За каждый сердечный привѣтъ...
Спасибо за то, что ушла ты
Въ тотъ край, гдѣ страданія нѣтъ!

Надолго съ тобой я прощаюсь...
Пройдутъ на чужбинѣ года,
И старость настанетъ, но помнить
О Мэри я буду всегда.
Они говорятъ, что работы
Тамъ больше и солнце яснѣй...
Но все буду сердцемъ стремиться
Я къ родинѣ бѣдной своей!

Закрою ль глаза я порою,
Бродя въ первобытныхъ лѣсахъ, —
Туда унесутъ меня мысли,
Гдѣ милый покоится прахъ...
Мнѣ будетъ казаться, что Мэри
Ко мнѣ, улыбаясь, идетъ,
И рожь зеленѣетъ, и зябликъ
Въ кустахъ свою пѣсню поетъ...

ВИЛЬЯМЪ ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Свои несмѣтныя богатства
Обозрѣваетъ властелинъ:
Предъ нимъ алмазы дорогіе,
И жемчугъ крупный, и рубинъ,
И груды золота сверкаютъ...
Но онъ глядитъ на нихъ съ тоской:
«Я васъ купилъ, мои богатства,
Заботъ тяжелою цѣной.
Ко мнѣ питаютъ люди зависть, —
Твердятъ: богатъ и счастливъ онъ...
Но промѣнялъ бы васъ охотно
Я на безпечный дѣтскій сонъ!»

Труба звучитъ, знамёна вѣютъ,
Мечи сверкаютъ здѣсь и тамъ;
На жаркій бой съ высокой башни
Бросаетъ взоръ король Вильямъ.
Его испытанное войско
Давно въ бояхъ закалено,
И знаетъ онъ: передъ врагами
Не дрогнетъ, вѣрное, оно!
Но онъ не радъ побѣдѣ близкой:
«О, рать покорная моя,
За сердце преданное друга
Тебя сейчасъ бы отдалъ я!»

Король Вильямъ стоитъ въ Виндзорѣ,
Изъ оконъ замка онъ глядитъ,
Какъ безконечныя равнины
Лучъ ранній солнца золотитъ;
Предъ нимъ поля, лѣса и горы,
И льется свѣтлая волна,
И говоритъ онъ: «Какъ прекрасна
Ты, побѣжденная страна!
Да, ты — моя! Я — твой властитель!
Чего жъ бы мнѣ еще желать?
По все, что̀ есть въ тебѣ, готовъ я
За совѣсть чистую отдать».

ПОИСКИ.

Ищите его по долинамъ,
Гдѣ быстрыя рѣки журчатъ;
На горныхъ вершинахъ ищите,
Гдѣ жалобно птицы кричатъ;
Въ пустыняхъ, гдѣ странниковъ звѣзды
Путемъ незнакомымъ ведутъ...
Того, кто мнѣ жизни дороже,
Быть можетъ, найдете вы тутъ...

Искали они его всюду,
Кипя безпредѣльной враждой;
Искали въ оврагахъ, поросшихъ
Высокой, шумящей травой;
И бѣшено къ горнымъ ущельямъ
Своихъ они гнали коней...
Но тщетно: онъ былъ ужъ далёко...
Позорныхъ избѣгъ онъ цѣпей.

Чего они мнѣ ни сулили,
Чтобъ я имъ сказала, въ какихъ
Мѣстахъ отдаленныхъ укрыться
Изгнаннику легче отъ нихъ!

Глупцы! Если бъ даже корона
Наградою быть мнѣ могла, —
Улыбку гонимаго ими
Коронѣ бы я предпочла!

Украдкой ему приносила
Я хлѣба, вина и плодовъ;
Въ объятьяхъ его проводила
Я много счастливыхъ часовъ...
Отъ мѣстъ, гдѣ мой милый укрылся,
Бѣгите, враги! У него
Въ запасѣ есть мѣткія пули:
Онѣ не щадятъ никого!

Искали они его всюду —
Въ долинахъ, въ лѣсу и въ горахъ,
И крикомъ своимъ наводили
На женщинъ и дѣвушекъ страхъ.
А въ чащѣ лѣсной, гдѣ сплелися
И дубъ, и орѣшникъ, и вязъ,
Я сонъ бѣглеца охраняла,
Къ его изголовью склонясь...

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Не думалъ я, что надъ отцовскимъ садомъ
Ты снова мнѣ когда-нибудь засвѣтишь,
Знакомая, прекрасная звѣзда;
Что изъ окна родимаго жилища,
Гдѣ протекли дни дѣтства моего,
Гдѣ радостей своихъ конецъ я видѣлъ,
Я обращу къ тебѣ, какъ прежде, рѣчь...
Какихъ картинъ, какихъ безумныхъ мыслей
Твой яркій блескъ и блескъ твоихъ подругъ
Не порождалъ въ умѣ моемъ, бывало!..
Я помню, какъ по цѣлымъ вечерамъ
Просиживалъ одинъ я, молчаливо,
Смотря на небеса... А вдалекѣ
Однообразно квакали лягушки,
И вкругъ меня въ травѣ и на кустахъ
Горѣли свѣтляки, и вѣтерокъ
Шумѣлъ листвой деревъ благоуханныхъ
И темными вѣтвями кипарисовъ,
Да слышался порою говоръ слугъ,
Въ отцовскомъ домѣ занятыхъ работой...
Какъ много думъ, какъ много свѣтлыхъ грёзъ
Мнѣ навѣвали горы голубыя
И моря даль, когда я видѣлъ ихъ!

Летѣть туда, въ невѣдомыя страны,
Хотѣлось мнѣ... «Тамъ счастье!» — думалъ я.
О, если бъ могъ тогда я угадать,
Какая ждетъ судьба меня въ грядущемъ, —
Охотно бы на смерть я промѣнялъ
Безцвѣтное свое существованье!..

Да, я не зналъ, что буду обреченъ
Влачить свою безрадостную юность
Въ пустынномъ, дикомъ этомъ городкѣ,
Среди людей, которымъ чуждо знанье,
И даже слово это ненавистно!
Они надъ нимъ глумятся и меня
Бѣгутъ, ко мнѣ исполнены враждою.
Не зависть ими руководитъ, — нѣтъ!
(Они во мнѣ не видятъ человѣка,
Который выше ихъ) но мысль, что самъ
Я существомъ себя считаю высшимъ,
Хоть никогда, ни съ кѣмъ я не былъ гордъ.
Здѣсь я томлюсь безъ жизни, безъ любви
И, окруженъ суровой непріязнью,
Невольно самъ суровымъ становлюсь.
Я чувствую, какъ прежняя любовь
Презрѣнью къ людямъ мѣсто уступаетъ,
Какъ исчезаетъ юность дорогая,
Что̀ славы мнѣ дороже и вѣнца, —
Дороже, чѣмъ лучи дневного свѣта,
Чѣмъ самое дыханіе мое!
Да!.. И тебѣ здѣсь суждено поблёкнуть,
Безъ радости, безъ пользы — бѣдный цвѣтъ,
Единственный въ пустынѣ этой жизни!..
Протяжный звонъ доносится ко мнѣ:
То бьютъ часы на старой колокольнѣ.
Знакомый звонъ!.. Я помню, какъ въ ночи
Онъ утѣшалъ меня, когда порою,
Ребенокъ боязливый, я не могъ
Сомкнуть очей отъ страха въ спальнѣ темной
И призывалъ, въ слезахъ, разсвѣта лучъ!
Все, что̀ бы здѣсь ни видѣлъ я, ни слышалъ, —

Все вызываетъ въ памяти моей
Рядъ милыхъ сердцу ббразовъ... Но мысль
О горькомъ, ненавистномъ настоящемъ,
А вмѣстѣ съ ней и тщетное желанье
То воротить, чему возврата нѣтъ,
И это слово грустное: «я былъ» —
Мои воспоминанья омрачаютъ!..
Я узнаю и этотъ старый залъ,
Чтò обращенъ къ лучамъ прощальнымъ солнца.
Любилъ я стѣны пестрыя его,
Гдѣ чья-то кисть пасущееся стадо
И солнечный восходъ изобразила;
Онѣ въ тѣ дни, когда рука съ рукой
Со мною шли обманчивыя грёзы,
Такъ услаждали дѣтскій мой досугъ!
Я помню залъ тотъ зимнею порою,
При блескѣ ослѣпительномъ снѣговъ.
Подъ окнами высокими, бывало,
Сердитый вѣтеръ воетъ и гудитъ,
А дѣтскій смѣхъ мой звонко раздается,
Дразня его... Да! то была пора,
Когда еще печальный этотъ міръ,
Намъ страшныхъ тайнъ своихъ не открывая,
Глядитъ на насъ привѣтно и свѣтло;
Когда, еще не сломленъ, не запятнанъ,
Ребенокъ жизнь безпечную свою
И полную чарующихъ обмановъ
Такъ любитъ, и небесную красу
Въ ней видитъ, какъ неопытный любовникъ...

Погибшія надежды юныхъ лѣтъ!
О чемъ бы рѣчь я ни завелъ, но къ вамъ
Все возвращаюсь... Годъ идетъ за годомъ,
И чувства измѣняются, и мысли,
Но вы все живы въ памяти моей.
Я знаю: слава — призракъ; наслажденья,
Богатство — суета; вся эта жизнь —
Безплодное, ненужное страданье;
И, стало быть, меня лишаетъ рокъ

Немногаго, въ удѣлъ мнѣ посылая
Ничтожество... Но все жъ, когда порой
Я вспомню васъ, надежды молодыя,
Далекихъ дней плѣнительные сны;
Когда, взглянувъ на путь свой безотрадный,
Я вижу, что изъ всѣхъ моихъ надеждъ
Одна лишь смерть теперь мнѣ остается, —
То сердце вдругъ сжимается тоской,
И мнѣ еще становится яснѣе,
Что для меня здѣсь утѣшенья нѣтъ!
И знаю я: когда настанетъ часъ,
Что̀ положитъ предѣлъ страданьямъ долженъ,
И міръ страной покажется мнѣ чуждой,
И будущность сокроется отъ глазъ, —
Я и тогда о васъ все думать буду...
Вздохъ у меня вы вырвете еще,
И отравитъ минутъ послѣднихъ сладость
Мнѣ мысль, что жизнь безплодно прожита̀...

Не разъ я, въ вихрѣ юности мятежной,
Среди борьбы, волненій и тревогъ,
Смерть призывалъ. Я долгіе часы
Просиживалъ въ раздумьи надъ рѣкою,
И мнѣ казалось — лучше бъ схоронить
Въ ея волнахъ и горе, и надежды...
Когда жъ потомъ недугъ меня къ могилѣ
Приблизилъ, — какъ глубо̀ко я скорбѣлъ
О юности, на гибель обреченной,
О смятыхъ ранней бурею цвѣтахъ!
И въ поздній часъ, при блѣдномъ свѣтѣ лампы,
Я на одрѣ страдальческомъ своемъ,
Оплакивая жизни скоротечность,
Пѣснь юнымъ днямъ прощальную слагалъ...

О, кто же ихъ безъ вздоха вспомнить можетъ —
Тѣ безконечно радостные дни,
Когда впервые ласковой улыбкой
Стыдливая даритъ насъ красота,
И все вокругъ встрѣчаетъ насъ привѣтомъ!

Когда еще молчатъ, иль только шепчутъ
Чуть слышно блѣдной зависти уста,
И даже свѣтъ (кто бъ это могъ подумать!)
Готовъ намъ руку помощи подать!
Онъ юношѣ прощаетъ заблужденья
И, празднуя его вступленье въ жизнь,
Склоняется предъ нимъ, какъ бы желая
Въ немъ своего властителя признать.
О, эти дни! Быстрѣй они отъ насъ,
Чѣмъ ночью блескъ зарницы, исчезаютъ...
И кто изъ бѣдныхъ смертныхъ не поникъ,
Подавленный глубокою тоскою,
Когда пора прекрасная умчалась,
И въ сердцѣ пламень юности потухъ!..

Нэрина! Развѣ каждый уголокъ
Мнѣ и тебя здѣсь также не напомнитъ,
И не живешь ты въ памяти моей?
Куда, куда ты скрылась, дорогая?
Зачѣмъ воспоминанье лишь одно
Здѣсь о тебѣ осталось, и не видитъ
Тебя ужъ больше родина твоя?..
Вотъ то окно, въ которое когда-то
Со мной ты говорила... Въ немъ теперь
Лишь звѣздные лучи трепещутъ грустно...
Гдѣ ты — скажи? Чтò жъ милый голосъ твой
Мнѣ не звучитъ, какъ прежде, какъ въ то время,
Когда, его вдали услышавъ даже,
Я чувствовалъ, что блѣдное лицо
Мое румянцемъ вспыхивало яркимъ?..
Иные дни настали... Отъ меня
Сокрылась ты навѣкъ... И ты — «была!..»
И, вотъ, теперь другіе люди ходятъ
По улицѣ, гдѣ ты ходила прежде...
На этихъ зеленѣющихъ холмахъ,
Гдѣ ты жила, живутъ теперь они...
Какъ быстро и поспѣшно ты прошла!
Подобно сновидѣнью, ты исчезла!..
На чистомъ, молодомъ твоемъ челѣ

Сіяла радость... Вѣрой въ жизнь и счастье
И юности святымъ огнемъ горѣлъ
Твой взоръ... Судьба тотъ пламень угасила!
Ты умерла... Но старая любовь
Еще живетъ въ душѣ моей понынѣ.
Увижу ли веселый праздникъ я,
Гдѣ пестрая толпа безпечно пляшетъ, —
Я говорю: ты не придешь сюда,
Въ весельѣ ихъ не примешь ты участья!
Весну ли я встрѣчаю, что̀ приноситъ
Влюбленнымъ въ даръ и пѣсни, и цвѣты, —
Я думаю: къ тебѣ не возвратится
Уже весна... и не придетъ любовь!
Гляжу ль я на безоблачное небо,
На яркія, цвѣтущія поля,
Иль въ сердце мнѣ сойдетъ внезапно радость, —
Опять я восклицаю: никогда
Ты радостей ужъ больше не узнаешь,
Ты не увидишь неба и полей!..
Тебя не стало, вѣчно дорогая!
Но къ каждой мысли, къ каждому движенью
Души моей — печально ли оно,
Иль радостно — примѣшиваться будетъ
Всегда воспоминанье о тебѣ!

НА ЗАМУЖСТВО СЕСТРЫ МОЕЙ ПАОЛИНЫ.

Миръ безмятежный отческаго дома
И юности плѣнительныя грёзы,
Которыми ты радуешь семью,
Ты, милая сестра, покинуть хочешь.
Такъ знай, что въ свѣтѣ суетномъ и шумномъ,
Куда тебя судьба твоя зоветъ,
Обречена ты скорбь и слезы встрѣтить;
И если дашь сыновъ отчизнѣ новыхъ, —
…цевъ лишь толпу умножишь ты...
…ке ты должна ихъ духъ питать
…ми о подвигахъ героевъ.

Въ печальныя живешь ты времена,
И добродѣтель ждутъ судьбы гоненья;
Лишь мужеству побѣда суждена,
А слабыхъ душъ одинъ удѣлъ — паденье!
Тѣ существа, которымъ жизнь ты дашь,
Должны несчастны быть, иль малодушны —
Такъ пусть они несчастны лучше будутъ:
Межъ доблестью и счастьемъ на землѣ
Глубокая лежитъ давно ужъ бездна.
Увы! явились поздно въ этотъ міръ
Тѣ, чья душа стремится жадно къ свѣту,
И юность человѣчества прошла!..
Но предоставь все это Небу. Свято
Въ груди своей храни одну заботу,
Чтобы за счастьемъ рабски не гонялись
Сыны твои; чтобъ не были они
Пустыхъ надеждъ игрушкой, или страха, —
И оцѣнятъ потомки доблесть ихъ.
Въ нашъ жалкій вѣкъ насмѣшкѣ иль презрѣнью
Обречены великія сердца;
Героевъ поглотить должна могила,
Чтобъ имя ихъ толпа благословила!

Отчизна взоръ свой, полный ожиданья,
Къ вамъ устремляетъ, женщины. Когда
Лучъ вашихъ глазъ намъ въ сердце проникаетъ, —
Не страшны мечъ и пламя намъ. Герои
Склоняются предъ вами добровольно,
И приговоръ вашъ дорогъ мудрецу;
Подъ солнцемъ всюду ваша власть всесильна —
И потому я требую у васъ
Отчета въ ней. Ужель природу нашу
Изнѣжили и исказили вы?
Ужели васъ должны мы упрекнуть
За нашъ позоръ, за эту слабость воли,
За то, что умъ бездѣйствіемъ объятъ,
Что мужество гражданское погибло,
И царствуютъ лишь пошлость. и развратъ?..
Стремленье въ насъ будить къ дѣламъ великимъ

32*

Любовь должна. При видѣ красоты
Родятся въ насъ возвышенныя чувства,
И мужество намъ наполняетъ грудь.
Тотъ не любилъ, чье сердце не дрожало,
Объятое восторгомъ въ грозный мигъ,
Когда предъ нимъ боролися стихіи,
Когда неслись, гонимы вѣтромъ, тучи,
И нà морѣ вздымалися валы,
На высяхъ горъ качался лѣсъ дремучій,
И расщеляла молнія скалы!
Къ тѣмъ, кто служить отчизнѣ не достоинъ,
Кто низкихъ цѣлей сдѣлался рабомъ
И кто бѣжитъ опасности, — презрѣнье
Должны бы вы глубокое питать,
Коль мужество еще не разучились
Изнѣженности вы предпочитать;
И женщину любить не можетъ тотъ,
Въ чьемъ сердцѣ трусость рабская живетъ.
Стыдитесь называться матерями
Лишеннаго отваги поколѣнья;
Дѣтей своихъ къ тернистому пути,
Къ невзгодамъ и трудамъ, чтò добродѣтель
Сопровождаютъ здѣсь, приготовляйте;
А къ благамъ тѣмъ, которыхъ въ наши дни
Такъ жаждутъ всѣ, въ нихъ ненависть посѣйте.
Для дорогой отчизны выростая,
Пускай они узнаютъ, чѣмъ она
Одолжена дѣламъ ихъ предковъ славныхъ.
Такъ юноши спартанскіе росли,
Хранители эллинской древней славы,
Подъ вѣяньемъ преданій о герояхъ,
Покамѣстъ битвы часъ не наступалъ.
Невѣста мечъ тогда вручала другу,
И если съ поля битвы на щитѣ
Онъ возвращался блѣденъ, недвижимъ, —
Она безъ словъ склонялася надъ нимъ,
Своей косой лишь темной прикрывая,
Въ знакъ скорби, ликъ того, кто палъ въ бою
За родину свободную свою!

Виргинія! Божественной красою
Блистала ты. Но Рима властелинъ
Къ тебѣ пылалъ напрасно грубой страстью:
Ты, гордаго полна негодованья,
Отвергла нечестивый этотъ пылъ.
Ты безмятежно, пышно расцвѣтала;
И въ дни, когда мечтанья золотыя
Ласкаютъ насъ, въ дни радужной весны,
Тебѣ свой мечъ отецъ неумолимый
Въ грудь чистую, какъ лилія, вонзилъ,
И ты во мракъ безропотно сошла!
Ты говорила: «Пусть скорѣй поблёкнетъ
Краса моя, пусть ночь меня объемлетъ, —
Не раздѣлю съ тираномъ ложе я;
И если Риму смерть моя нужна,
Чтобы воскреснуть могъ онъ къ жизни новой, —
Рази, отецъ, — я умереть готова!

О, героиня! Въ дни твои яснѣй
Сіяло солнце, чѣмъ сіяетъ нынѣ;
Но все жъ твой прахъ несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряетъ.
Крикъ мести надъ гробницею твоей
Звучалъ изъ устъ сыновъ возставшихъ Рима,
И децемвиръ палъ подъ мечами ихъ.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлянъ Марсъ къ побѣдамъ вновь повелъ,
И за страной страна имъ покорялась
Отъ юга до полярныхъ, вѣчныхъ льдовъ...
О, если бъ женщинъ мужество опять
Могло твой духъ, Италія, поднять!

СОНЪ.

То было раннимъ утромъ. Первый лучъ
Разсвѣта, сквозь затвòренные ставни,
Пробился въ спальню темную мою,
И въ часъ, когда уже слабѣй и слаще
Смыкаетъ сонъ рѣсницы намъ, — предсталъ
Передо мной, въ лицо смотря мнѣ кротко,
Знакомый образъ той, чтò научила
Меня любить впервые — и потомъ
Покинула измученнаго горемъ.

Не мертвою явилась мнѣ она,
Но видъ ея былъ грустенъ, какъ у тѣхъ,
Которые несчастны... Тихо руку
Свою она ко лбу мнѣ приложила
И молвила со вздохомъ: «Живъ ли ты?
Хранишь ли обо мнѣ воспоминанье
Въ душѣ своей?» — «Откуда, — я отвѣтилъ, —
И какъ пришла ко мнѣ ты, дорогая?
Какъ о тебѣ я плакалъ, и какъ плачу!
Я думалъ, что не можешь ты узнать
О томъ, и скорбь моя при этой мысли
Еще сильнѣй и жгучѣй становилась.
Ужель меня опять покинешь ты?
Я этого страшусь. Но чтò же было
Съ тобой, скажи? Все та ли ты, чтò прежде,
И чтò тебѣ такъ удручаетъ сердце?»

«Ты сномъ объятъ, — произнесла она, —
И мысль твоя помрачена забвеньемъ:
Я умерла. И годъ прошелъ съ тѣхъ поръ,
Какъ ты меня въ послѣдній разъ увидѣлъ».
Мучительной, безмѣрною тоскою
Ея слова наполнили мнѣ грудь.
«Я умерла, — она сказала дальше, —
На утрѣ дней, въ расцвѣтѣ полномъ силъ,
Когда такъ жаждешь жить, и не успѣла

Еще душа утратитъ вѣру въ счастье.
Лѣтами удрученный, иль недугомъ,
Взываетъ часто къ смерти, чтобъ она
Пришла его избавить отъ страданья;
Но юности такъ страшно умирать,
Такъ жаль надеждъ, могилѣ обреченныхъ!
Зачѣмъ тому, кто жизни не извѣдалъ,
Сокрытое отъ насъ природой знать?
И лучше преждевременнаго знанья —
Слѣпая скорбь». — «Умолкни, дорогая, —
Я возразилъ, — умолкни! Сердце мнѣ
Терзаешь ты печальной этой рѣчью.
Такъ ты — мертва, а я еще живу!
Такъ этой чистой, нѣжной красоты
Не пощадила смерть — и не коснулась
Моей презрѣнной, грубой оболочки!
Какъ часто я ни думалъ, что лежишь
Въ могилѣ ты, что въ жизни не встрѣчаться
Ужъ больше намъ, — но все не вѣрилъ я...
Чтò жъ это — смерть? На опытѣ извѣдать
Я могъ бы нынче, что зовемъ мы смертью,
И избѣжать преслѣдованій рока.
Я юнъ еще, но молодость моя
Проходитъ грустно, старости подобно,
Которой такъ боюсь я, хоть она
И не близка, и утро дней моихъ
Не многимъ отличается отъ ночи!»
Она опять: «Для горя и невзгодъ
Родились мы: бѣжало счастье насъ,
И небеса надъ нами издѣвались!»
Я продолжалъ: — «Теперь, когда мой взоръ
Слезами застилается, и блѣдно
Лицо мое; когда тоской тяжелой
Я удрученъ при мысли, что навѣкъ
Покинула меня ты, дорогая, —
Скажи, молю: покамѣстъ ты жила,
Являлась ли въ душѣ твоей порою
Хоть тѣнь любви, хоть искра состраданья
Къ несчастному, что такъ тебя любилъ?

То горемъ, то надеждою томимый,
Тогда я дни и ночи проводилъ;
Сомнѣнья тѣ гнетутъ меня понынѣ...
О, если жизнь печальную мою
Хотя единый разъ ты пожалѣла, —
Не скрой, молю! Пускай воспоминанье
О прошлыхъ дняхъ мнѣ утѣшеньемъ служитъ,
Коль будущее отнято у насъ!»
Она въ отвѣтъ мнѣ: «Успокойся, бѣдный,
И вѣрь, что никогда къ твоей судьбѣ
При жизни не была я безучастна,
Какъ и теперь не безучастна къ ней.
Ахъ, и сама вѣдь я страдала тоже!
Не упрекай, несчастную, меня!»
— «Страданьемъ нашимъ, юностью погибшей, —
Воскликнулъ я, — и мýками любви,
Которыя испытываю я,
Утраченной надеждой заклинаю:
Дай прикоснуться мнѣ къ рукѣ твоей!»
И подала она мнѣ тихо руку...
Пока ее я крѣпко, крѣпко жалъ,
И цѣловалъ, и обливалъ слезами,
А сердце билось, полное восторга,
И замирало слово на устахъ, —
Очамъ моимъ внезапно день блеснулъ...
Она въ лицо мнѣ ласково взглянула
И молвила: «Забылъ ты, милый мой,
Что я ужъ красоты своей лишилась
Давно... И тщетно ты, объятый страстью.
Несчастный другъ, трепещешь и горишь...
Въ послѣдній разъ прощай! Разлучены
Съ тобою мы навѣкъ душой и тѣломъ:
Ты для меня ужъ не живешь и больше
Не будешь жить. Обѣтъ, произнесенный
Тобой, судьба разорвала. Прощай!»

Отчаянья исполненный, хотѣлъ
Я вскрикнуть... слезы подступали
Къ глазамъ моимъ, и судорожно я

Вскочилъ... Но тутъ мои раскрылись вѣки, —
И сонъ исчезъ. Но предо мной она
Стояла все, и — мнѣ казалось — видѣлъ
Я въ солнечныхъ лучахъ ея черты...

ОДИНОКАЯ ЖИЗНЬ.

Стуча въ мое окошко, лѣтній дождь
Подъ утро сонъ мой легкій прерываетъ.
Я слышу куръ кудахтанье; онѣ
Бьютъ крыльями, въ курятникъ запертыя.
Вотъ поселянинъ вышелъ за ворота
И смотритъ, не блеснетъ ли солнца лучъ
Сквозь облака, плывущія по небу.
Съ постели вставъ, благословляю я
И свѣжесть утра ранняго, и птичекъ
Проснувшихся на вѣтвяхъ щебетанье,
И поля зеленѣющаго даль.
Я видѣлъ васъ, я съ давнихъ поръ васъ знаю,
Ограды темныхъ, душныхъ городовъ,
Гдѣ ненависть гнѣздится и несчастье,
Гдѣ я томлюсь и долженъ умереть!
Вдали отъ васъ хоть скудное участье,
Хоть каплю состраданья нахожу
Въ природѣ я, которая, когда-то —
Давно! — была ко мнѣ еще добрѣй.
Да! И она отъ удрученныхъ горемъ,
Отъ страждущихъ свой отвращаетъ взоръ
И, полная презрѣнья къ мукамъ нашимъ,
Богинѣ счастья служитъ, какъ раба!
Ни на землѣ, ни въ небѣ утѣсненнымъ
Защиты нѣтъ; ихъ другъ одинъ — желѣзо!

Какъ часто я, на берегѣ высокомъ,
Надъ озеромъ мѣстечко отыскавъ,
Поросшее тѣнистыми кустами,
Сижу одинъ, любуясь, какъ блеститъ

Меня еще не разъ здѣсь встрѣтишь ты,
Когда брожу я по лугамъ и рощамъ,
Или, травой высокою закрытъ,
Лежу довольный тѣмъ уже, что сила
Въ груди моей осталась хоть для вздоховъ!

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

И, вотъ, ты можешь навсегда почить,
Усталое, измученное сердце.
Послѣднее исчезло обольщенье,
Которое казалось вѣчнымъ мнѣ!..
Исчезло! И въ груди моей не только
Надежды, но желанья даже нѣтъ!
Усни теперь! Довольно билось ты!
Нѣтъ ничего, что̀ было бы достойно
Здѣсь на землѣ біенья твоего.
Не стоитъ даже вздоха эта жизнь.
Она горька, и грязенъ міръ. Усни же,
Отчаявшись въ послѣдній разъ! Судьбой
Дано въ удѣлъ намъ умирать — и только.
Презрѣнія исполненъ я къ тебѣ,
Природа, — злая сила, что, во мракѣ
Таясь, царитъ на гибель человѣка, —
И къ безпредѣльной міра суетѣ!

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Гроза прошла... По улицѣ опять,
Кудахтая, расхаживаютъ куры,
И въ воздухѣ щебечетъ птичекъ хоръ...
Смотрите! Тамъ, на западѣ, въ горахъ,
Какъ просвѣтлѣло все! Озарены
Луга сіяньемъ солнца, и, сверкая,
Бѣжитъ ручей извилистый въ долинѣ...

Забьется... но затѣмъ лишь, чтобы снова
Сейчасъ же въ сонъ обычный погрузиться...
Такъ сталъ мой духъ движеній нѣжныхъ чуждъ!
О, мѣсяцъ, чье отрадное сіянье
Защитой служитъ зайчику въ кустахъ,
Его кружиться рѣзво заставляя,
Такъ что, обманутъ ложными слѣдами,
Охотникъ не найдетъ его жилища —
О, кроткій царь ночей, привѣтъ тебѣ!
Лучи твои враждебно проникаютъ
Въ дремучій лѣсъ, въ руины старыхъ башенъ
И въ дикое ущеліе скалы,
Гдѣ, притаясь, разбойникъ выжидаетъ,
Чтобъ стукъ колесъ иль хлопанье бича
Послышались вдали, иль показался
Бредущій по тропинкѣ пѣшеходъ,
Къ которому, оружіемъ звуча
И ярымъ крикомъ воздухъ оглашая,
Онъ бросится — и, ножъ въ него вонзивъ,
Въ пустынѣ трупъ его нагой оставитъ...
Враждебно ты ночному волокитѣ
Надъ улицей сіяешь городской,
Когда вдоль стѣнъ онъ крадется и робко
Выискиваетъ мѣста потемнѣй,
Дрожа предъ каждымъ стукнувшимъ окошкомъ
И фонаря зажженнаго пугаясь...
Твои лучи враждебны только злу.
Но мнѣ, въ моемъ уединеньи, другомъ
Ты будешь, озаряя предо мной
Лишь даль полей да цѣпь холмовъ цвѣтущихъ!
Я также проклиналъ тебя когда-то,
Хотя и чуждый помысловъ преступныхъ,
За то, что ты порою открывалъ
Присутствіе мое людскому взору
И мнѣ черты людскія освѣщалъ...
Отнынѣ же любить тебя я стану.
Увижу ли тебя межъ тучъ плывущимъ,
Иль ясно ты, ѳира властелинъ,
Смотрѣть на міръ, обильный скорбью, будешь, —

Страданія по нашему пути!
Нежданное, непрошенное горе
Приходитъ къ намъ, и, если изъ него
Порой, какимъ-то чудомъ, выростаетъ
Ничтожнѣйшая радости былинка, —
Намъ кажется завиднымъ нашъ удѣлъ!

Какъ божеству ты дорогъ человѣкъ,
Довольный тѣмъ, что отдохнуть отъ горя
На мигъ одинъ дано тебѣ порой,
И счастливый вполнѣ, когда всѣмъ мукамъ
Положитъ смерть желаемый конецъ!

ИЗЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

АНРИ БЛАЗЪ.

* * *

На небо взглянулъ я, и тучи
Увидѣлъ я черныя тамъ.
На землю взглянулъ я, — катились
Поблёклые листья къ ногамъ.

И въ душу къ себѣ заглянулъ я:
Какъ нà небѣ, мрачно и въ ней,
И лучъ упованья не свѣтитъ
Душѣ охладѣлой моей.

ОГЮСТЪ БАРБЬЕ.

НА ЗОВЪ ДРУЗЕЙ.

Къ чему вашъ зовъ, друзья? Тревожною тоскою
Веселый, шумный пиръ къ чему мнѣ отравлять?
Въ восторженныхъ стихахъ, за влагой золотою,
Не въ силахъ Вакха я, какъ прежде, прославлять.

Не веселитъ меня разгульное похмелье,
И не кипитъ во мнѣ отвагой прежней кровь:
Исчезло дней былыхъ безумное веселье!
Изсякла дней былыхъ безумная любовь!

А, кажется, давно ль, исполненъ упованья,
Довѣрчиво я взоръ въ грядущее вперялъ?
Не вѣдала душа сомнѣній и страданья,
И простодушно я о счастьѣ помышлялъ!

Въ ужасной наготѣ еще не представали
Мнѣ бѣдствія тогда страны моей родной,
И муки братьевъ духъ еще не возмущали;
Но нынѣ онъ прозрѣлъ — и чуждъ ему покой!

Вхожу ли я теперь въ палаты золотыя,
Гдѣ въ наслажденьяхъ жизнь проводитъ сибаритъ;
Гляжу ль я на дворцы, на храмы вѣковые, —
Все мнѣ о вѣковыхъ страданьяхъ говоритъ!

Сижу ли, окруженъ шумящею толпою,
На пиршествѣ большомъ, — мнѣ слышенъ звукъ цѣпей;
И предстаетъ вдали, какъ призракъ, предо мною
Распятый на крестѣ Великій Назорей!..

И стыдно, стыдно мнѣ! Отъ мѣста ликованья,
Взволнованъ, я бѣгу подъ мой смиренный кровъ;
Но тамъ гнететъ меня ничтожества сознанье, —
И душу всю тогда я выплакать готовъ!

Счастли́въ, кто прожилъ вѣкъ безъ тягостныхъ сомнѣній,
Кто взоры устремлялъ съ надеждой къ небесамъ;
Но я о счастьѣ томъ не знаю сожалѣній,
И за него моихъ страданій не отдамъ!

О, не зовите жъ вы меня, — я умоляю, —
Веселые друзья, на шумный праздникъ вашъ:
Ужъ бога гроздій я давно не прославляю,
И не забыться мнѣ подъ говоръ звонкихъ чашъ!..

ВИКТОРЪ ГЮГО.

ПѢСНЯ.

«Поля цвѣтами запестрѣли,
Веселый май вернулся къ намъ;
Скажи, изгнанникъ, неужели
Не радъ ты солнцу и цвѣтамъ?»

— «Цвѣты, что̀ я въ странѣ далекой,
Въ родной странѣ своей взрастилъ,
Я вспоминаю одинокій...
Май безъ отчизны мнѣ не милъ!»

«Взгляни, изгнанникъ, на могилы,
Взгляни: и въ царствѣ ихъ нѣмомъ
Затрепетали жизни силы,
Горячимъ вызваны лучомъ!..»

— «Могилы вспомнилъ я иныя
И тѣхъ, чьи очи я закрылъ;
Не ми́лы небеса чужія,
И май изгнаннику не милъ!»

«Смотри! Вотъ птички въ темной чащѣ
Свиваютъ гнѣздышки свои...
Въ ихъ треляхъ, весело звучащихъ,
Блаженство слышится любви!»

— «Гнѣздо мнѣ вспомнилось родное.
Тотъ уголокъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ кинулъ все, мнѣ дорогое...
Май на чужбинѣ мнѣ не милъ!»

МОЕЙ ДОЧЕРИ.

Еще совсѣмъ малюткой, въ колыбели
Однажды, близъ меня, заснула ты.
Румянцемъ щечки пухлыя алѣли,
И ясны были дѣтскія черты.
Ты даже трелей птички не слыхала —
Такъ крѣпко ты и сладко такъ спала.
А я стоялъ въ раздумьѣ... Окружала
Насъ сумерекъ таинственная мгла...

Казалось мнѣ, что ангелы слетали
Къ тебѣ, дитя, съ небесной вышины;
И въ сердцѣ я молилъ, чтобъ навѣвали
Они тебѣ лишь радужные сны.
Жасмины я и розы рвалъ безъ шума
И въ колыбель бросалъ къ твоимъ ногамъ...
И плакалъ я.. Меня страшила дума:
Что́ въ эту ночь судьба готовитъ намъ?

Придетъ пора, голубка дорогая, —
Я, въ свой чередъ, засну глубокимъ сномъ,
И ночь меня окутаетъ нѣмая;
Мрачнѣй тюрьмы мой тѣсный будетъ домъ,
И птички я не буду слышать трели...
Тогда молитвы, слезы и цвѣты,
Все, что̀ твоей дарилъ я колыбели, —
Все возвратишь моей могилѣ ты!

---

*
* *

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ.
Его галеры ожидали:
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ онъ воръ.
Недѣлю дѣти голодали .
И, нищетой удручена.
Глядѣла въ гробъ его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силамъ были ей —
И поддался онъ искушенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.

И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ.
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ:
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть — неумолимъ законъ!
Лишь одному людское горе
Доступно было въ этотъ мигъ,
Любовь въ одномъ свѣтилась взорѣ:
Глядѣлъ, и кротокъ и великъ,
Среди безмолвной тишины,
Христосъ распятый — со стѣны...

МАРКЪ МОННЬЕ.

* * *

Въ церкви я стоялъ и слушалъ,
Какъ предъ набожной толпой
Говорилъ, входящій въ славу,
Проповѣдникъ молодой.

Такъ земля ему казалась
Безотрадна и мрачна,
Что лишь страхъ и отвращенье
Поселяла въ немъ она.

Слушалъ я его — и думалъ
О прекрасныхъ вешнихъ дняхъ,
О пестрѣющихъ цвѣтами,
Солнцемъ залитыхъ поляхъ!

Говорилъ онъ, что въ порокахъ
Грѣшный сынъ земли погрязъ,
Что любви мы къ братьямъ чужды,
Нѣтъ на подвигъ силы въ насъ.

Слушалъ я его — и думалъ
О друзьяхъ, что на краю
Бездны страшной мнѣ простерли
Руку вѣрную свою.

Слушалъ я его — и думалъ
О безрадостной судьбѣ
Стольkихъ добрыхъ и отважныхъ,
Въ честной гибнущихъ борьбѣ!

Онъ объ огненной геен нѣ
Въ изступленіи вѣщалъ;
Вопли, плачъ, зубовный скрежетъ
За грѣхи намъ обѣщалъ.

А меня въ обѣтованный
Край несла мечта моя,
Въ ту страну, гдѣ будутъ люди
Жить, какъ дружная семья;

Гдѣ вражды потухнетъ пламя,
Перестанетъ литься кровь,
И въ сердцахъ людскихъ зажжется
Безконечная любовь!

Смолкъ аббатъ... Изъ церкви вышелъ
Я, краснѣя за него —
За хулу, что произноситъ
Онъ на Бога своего!

СЮЛЛИ ПРЮДОМЪ.

* * *

Имъ нѣтъ числа — очамъ, что̀ любовались
Въ разсвѣта часъ алѣющей зарей;
Но спятъ они въ своихъ могилахъ темныхъ —
А солнце все восходитъ надъ землей.

Какъ часто ночь, горѣвшая звѣздами,
Плѣняла ихъ, торжественна, свѣтла!
Мирьяды звѣздъ надъ міромъ все сіяютъ —
А очи тѣ окутываетъ мгла.

Нѣтъ! Не могли они утратить взора,
И не могло потухнуть пламя въ немъ!
Не вѣрю я! Онъ обращенъ куда-то,
Къ тому, что̀ мы невидимымъ зовемъ!

Какъ въ небесахъ свѣтила остаются,
Хоть ихъ, порой, людской не видитъ взглядъ,
Такъ и они: пусть ихъ взяла могила,
Но то закатъ — не смерть, а лишь закатъ!

Они глядятъ, тѣ очи, что̀ закрыли
Съ рыданьемъ мы, дрожащею рукой,
И гдѣ-то тамъ, за гробовымъ предѣломъ,
Теперь разсвѣтъ сіяетъ имъ иной...

* * *

О, если бъ знали вы, какъ много слезъ незримыхъ
Тотъ льетъ, кто одинокъ, безъ друга и семьи, —
Вы, можетъ-быть, порой прошли бы мимо
Жилища, гдѣ влачатся дни мои.

О, если бъ знали вы, что̀ въ сердцѣ, полномъ тайной
Печали, чистый взоръ способенъ зародить, —
Въ мое окно порой, какъ бы случайно,
Вы, проходя, взглянули бъ, можетъ-быть.

О, если бъ знали вы, какъ сердцу счастья много
Дарить другого сердца близость, — отдохнуть
У моего вы сѣли бы порога,
Какъ добрая сестра, когда-нибудь.

О, если бъ знали вы, что я люблю васъ, — знали,
Какъ глубоко̀ люблю, какимъ святымъ огнемъ
Вы съ давнихъ поръ мнѣ душу согрѣвали, —
Вы, можетъ-быть, ко мнѣ вошли бы въ домъ...

ГРЕНЕ ДАНКУРЪ.

ОХОТА.

(юмористическій монологъ).

(посвящается в. н. давыдову).

Пора настала. Раздается
Собакъ веселый лай въ поляхъ;
Сердца дрожатъ у куропатокъ,
Напалъ на зайцевъ прыткихъ страхъ.

Съ ружьемъ я цѣлыхъ двѣ недѣли
Съ утра до вечера бродилъ,
И хоть встрѣчалъ я бездну дичи,
Но ничего не подстрѣлилъ.

Конечно, мнѣ съ усмѣшкой скажутъ:
«Въ стрѣльбѣ вы вѣрно новичекъ?»
Нѣтъ, извините: я извѣстенъ
Всѣмъ, какъ отличнѣйшій стрѣлокъ.

«Такъ что жъ за вздоръ вы говорите?»
Клянусь, не лгу я, господа:
Животныхъ всѣхъ до обожанья
Люблю я, — вотъ моя бѣда!

Какъ разсуждать я ни старался
И какъ себя я ни стыдилъ
За непростительную слабость,
А сладить съ сердцемъ нѣту силъ.

Но каждый день себѣ, однакожъ,
Я говорю, возставъ отъ сна:
Нѣтъ, ужъ сегодня непремѣнно
Нужна мнѣ жертва... хоть одна.

Я буду твердъ, не промахнуся
И зайца принесу домой;
Но только... какъ бы это сдѣлать,
Чтобъ заяцъ былъ не молодой?..

Чтобъ это старецъ былъ маститый,
Прожившій лѣтъ, такъ, двадцать пять;
А въ молодого преступленьемъ
Большимъ считаю я стрѣлять.

Вы посудите: могутъ дѣти
Вдругъ оказаться у него...
Но вамъ смѣшно? Убитый заяцъ
Для васъ не значитъ ничего?

Изъ васъ, я въ томъ увѣренъ, каждый
Его готовъ зажарить самъ;
Въ васъ нѣтъ ни капли состраданья
Къ его несчастнымъ сиротàмъ!

Когда бъ у васъ отца убили,
Вѣдь вамъ бы не было смѣшно?
Конечно, вашъ отецъ — не заяцъ,
А человѣкъ... Но все равно.

Кто знаетъ, можетъ-быть, у зайцевъ
Любовь къ родителямъ сильнѣй,
Чѣмъ у враговъ ихъ безпощадныхъ,
У ихъ губителей — людей!

Я убѣжденъ, что куропатки
И перепелки во стократъ
Способнѣй насъ къ семейной жизни
И больше ею дорожатъ.

Поручить ли зайчиха мамкамъ
Своихъ дѣтенышей кормить,
Самой чтобъ ѣздить по визитамъ
Да ночи въ танцахъ проводить?

Кокетство есть ли въ перепелкахъ?
И разоряютъ ли мужей
Онѣ, подобно нашимъ женамъ,
Нелѣпой роскошью своей?

Слыхалъ ли кто-нибудь, чтобъ зайца
Лобъ былъ украшенъ иногда
Тѣмъ, что̀ мужья, къ несчастью, носятъ
У насъ частенько, господа?

Кто видѣлъ, чтобъ подъ-утро пьяный
Вернулся перепелъ домой
И, волю давъ натурѣ дикой,
Вступилъ въ побоище съ женой?

Кому животныя мѣшаютъ?
Кому? — я спрашиваю васъ.
Они въ хищеньи неповинны
И не обкрадываютъ кассъ;

Не добиваются концессій,
Не лѣзутъ въ банкъ въ директора,
И никогда-то биржевая
Не соблазняла ихъ игра;

Ихъ за публичные скандалы,
За нарушенье тишины
Не привлекаютъ къ мировому:
Они приличны и скромны;

Статеекъ пасквильныхъ въ газетахъ
Перомъ продажнымъ не строчатъ,
И на торжественныхъ обѣдахъ
Плохихъ рѣчей не говорятъ;

Они живутъ себѣ спокойно .
Въ поляхъ иль въ зелени лѣсовъ,
Вдали отъ суетнаго свѣта,
Отъ нашихъ шумныхъ городовъ.

За что̀ ихъ гонятъ? Неужели
Ужъ такъ преступно пощипать
Немножко травки въ чистомъ полѣ,
Немножко зёренъ поклевать?

Нѣтъ! Я все больше убѣждаюсь,
Поближе всматриваясь въ нихъ,
Что ихъ преслѣдовать — разумныхъ
Нѣтъ основаній никакихъ.

И потому, когда порою
Мелькнетъ вдругъ зайчикъ предо мной,
Иль я замѣчу куропатку, —
Я тронутъ... плачу... самъ не свой!

Я вынимаю изъ кармана
Платокъ... сморкаюсь... И когда
Мой выстрѣлъ, наконецъ, раздастся,
То ихъ ужъ нѣту и слѣда...

Довольный, что бѣдняжки скрылись,
Я говорю себѣ: «Впередъ
Онѣ не будутъ такъ безпечны:
Урокъ имъ этотъ впрокъ пойдетъ...»

Луга поблекшіе, гдѣ нынѣ
Брожу я медленной стопой, —
О, неужели обагритесь
Вы кровью жертвъ, убитыхъ мной?

Нѣтъ!.. Чѣмъ я больше изучаю
Нашъ родъ людской, друзья мои,
Тѣмъ больше чувствую къ животнымъ
И уваженья, и любви!

———

НЕИЗВѢСТНЫЙ АВТОРЪ.

ВОПРОСЪ.

Ужели смерть есть цѣль? Зачѣмъ же путь земной
Усѣянъ яркими, прекрасными цвѣтами?
Зачѣмъ, печальною осеннею порой,
Мы покидаемъ ихъ съ невольными слезами?

Но если жизнь есть цѣль, — зачѣмъ же мы порой
Встрѣчаемъ терніи межъ яркими цвѣтами?
Зачѣмъ должны кремнистый путь земной
И кровью запятнать, и оросить слезами?

ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ И ДАТСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ И ДАТСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТЁФИ.

* * *

Степью иду я унылою:
Нѣтъ ни цвѣточка на ней,
Нѣту зеленаго дерева,
Гдѣ бы могъ спѣть соловей.
Мрачно такъ вечеръ насупился,
Звѣздъ — ни слѣда въ вышинѣ...
Самъ я не знаю, что̀ вспомнилась
Вдругъ, въ эту пору, ты мнѣ!..
Вспомнилась ты, моя милая,
Съ кроткимъ и яснымъ лицомъ...
Вижу тебя... и, мнѣ кажется,
Мгла ужъ рѣдѣетъ кругомъ,
И будто пѣснь соловьиная
Въ чащѣ зеленой звучитъ,
Волны цвѣтовъ колыхаются,
Въ звѣздахъ все небо горитъ...

---

* * *

За мою доброту меня хвалишь все ты.
Можетъ-быть, я и добръ, не шутя;
Но меня не хвали: вѣдь моей доброты
Твое сердце — источникъ, дитя.

Не заслуга земли, что пестрѣетъ цвѣтокъ
И что плодъ созрѣваетъ на ней:
Развѣ могъ бы взойти хоть одинъ стебелекъ
Безъ живительныхъ солнца лучей?

---

* * *

Уходятъ друзья отъ меня — какъ пришли...
Ну, что жъ! уходите, невѣрные, съ Богомъ!
Летите вы, листья, отъ дерева прочь,
Отъ сердца, что̀ было вамъ близко. Минуетъ
Осенняя буря, умчавшая васъ,
И въ яркую зелень луга облекутся, —
Тогда, подъ лучомъ благодатной весны,
И дерево новой листвой заблеститъ.
Но знайте, что, разъ отъ него оторвавшись,
Не можетъ ужъ листъ зеленѣть никогда!

ЯНОСЪ АРАНИ.

* * *

Ахъ, сколько, сколько пало ихъ
Въ бою за край родной —
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ,
Съ кипучею душой!
Ахъ, сколько, сколько сгибло ихъ
Подъ гнетомъ нищеты —
Кому дороже благъ земныхъ
Казались ихъ мечты,
Кто на чужбинѣ чашу бѣдъ
Всю осушилъ до дна,
Дѣяній чьихъ не знаетъ свѣтъ,
Чьи тёмны имена!..
Но не погибъ тотъ идеалъ,
Чтò возвышалъ ихъ духъ!
И пламень тотъ, чтò въ нихъ пылалъ,
Съ ихъ жизнью не потухъ!
Завѣщанъ честнымъ онъ сердцамъ...
И если бъ край родной
Опять воззвалъ къ своимъ сынамъ, —
Они готовы въ бой!

ГАНСЪ АНДЕРСЕНЪ.

МАТЬ И СЫНЪ.

«Das Grüne, Blau und Rothe war neer Tand;
Ob ich im schwarzen Wohl die Wahrheit fand?»

«Скажи мнѣ, родная, дай сыну отвѣтъ:
Увижу ль отца? Иль въ живыхъ его нѣтъ?
Молчишь ты, и даже не скажешь — кто онъ.
А нынче мнѣ чудный привидѣлся сонъ.
Мнѣ снилось, что былъ мой отецъ королемъ.
Скажи хоть одно мнѣ: куда мы идемъ?

«Блуждаемъ въ степи мы, скрываясь отъ всѣхъ.
Гдѣ темныя рощи? Тамъ пляски и смѣхъ!
Тамъ пѣсни звучали! Туда бы опять...
Опять бы я горы хотѣлъ увидать.
Скажи, гдѣ отецъ мой? Скажи мнѣ — кто онъ?
А я разскажу тебѣ чудный свой сонъ.

«Мнѣ радуга снилась; на выси двухъ горъ
Она опиралась, и будто мой взоръ
Надъ нею отца въ облакахъ различилъ.
Свободно и гордо онъ въ небѣ царилъ,
Корона была золотая на немъ,
И ангелы Божьи летали кругомъ.
Онъ мнѣ улыбался, кивалъ съ облаковъ...
Отрадныхъ такихъ я не видывалъ сновъ!»

— «Какіе тутъ сны! Замолчи ты, глупецъ!
Изъ Венгріи мы,—тамъ повѣшенъ отецъ.
Былъ гордъ, какъ король, онъ и въ часъ роковой
Онъ духомъ не палъ, не поникъ головой.
Добычею птицъ — незарытый — онъ сталъ.
Въ тѣ дни у меня ты подъ сердцемъ лежалъ!
Ну, что̀ поблѣднѣлъ? Что̀ дрожишь ты, сынокъ?
Иди же, иди! Еще путь нашъ далекъ».

ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

АНТОНІЙ СОВА (Желиговскій).

ДВА СЛОВА.

Надъ кладбйщемъ, надъ могильными плитами
Солнышко весною всходитъ каждый годъ,
Каждый годъ пестрѣетъ мягкій лугъ цвѣтами,
Птичка Божія такъ весело поетъ.

Голосъ Бога съ каждою весною
Говоритъ природѣ: «Радуйся, живи!
Громы въ небесахъ глубоко Я сокрою;
Пой любовь и знай: источникъ Я любви».

Надъ кладбйщемъ, надъ могильными плитами
Въ тучи солнышко заходитъ каждый годъ,
И, съ поблёкшими отъ холода цвѣтами
Разставаясь, птичка жалобно поетъ...

Слышитъ голосъ Бога каждый годъ природа:
«Плачь и сокрушайся: смерть есть твой законъ».
И гремитъ гроза, и воетъ непогода,
Въ мірѣ тлѣнье — все, а вѣчность только — Онъ.

ВЛАДИСЛАВЪ СЫРОКОМЛЯ
(Людвигъ Кондратовичъ).

ПТИЧКА.

Птичка Божія проснулася съ зарею,
А ужъ пахаря застала за сохою;
Полетитъ она къ лазурнымъ небесамъ
И, чтò видитъ въ селахъ, все разскажетъ тамъ.
Скажетъ птичка Богу, что бѣднякъ страдаетъ,
Что кровавымъ потомъ ниву орошаетъ;
Не мила, какъ птичкѣ, пахарю весна:
Радостей не много подаритъ она...
Встрѣтилъ бы онъ солнце пѣсенкой веселой —
Да молчать заставитъ гнетъ нужды тяжелый.
Нà сердцѣ заботы, какъ свинецъ, лежатъ, —
Поневолѣ пѣсня не пойдетъ на ладъ.
Гдѣ тутъ любоваться нѣгой лунной ночи?
Застилаютъ слезы труженику очи...
Скажетъ птичка Богу, чтобъ Его рука
Поддержала въ горькой долѣ бѣдняка,
Чтобъ ему нести свой крестъ достало силы,
Чтобъ безъ ропота добрелъ онъ до могилы...

ДУМА.

Здѣсь дни мои текутъ спокойно,
Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ,
И вечеркомъ пріятель добрый
Потолковать со мной готовъ.

Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ,
Отрадно въ этой мнѣ тиши.
Еще одно бы только благо —
Одно спокойствіе души!

О, люди, братья, помолитесь
За брата бѣднаго порой,
Чтобы остылъ тревожной мысли
Жаръ въ головѣ моей больной;

Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ,
Чтобъ о всеобщемъ, вѣчномъ счастьѣ,
Безумный, я не помышлялъ!

НЕИЗВѢСТНЫЕ ПОЭТЫ.

СЕЛЬСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ;
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.

Съ нею солнце краше
И весна милѣй...
Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй!

Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Чтò изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой...

Что ты все кружишься?
Что твой черный глазъ
Ищетъ все кого-то?
Нѣтъ ея у насъ!

За солдата вышла,
Бросила нашъ домъ;
Съ матерью прощалась —
Вонъ за тѣмъ крестомъ.

Тамъ, гдѣ кустъ, мнѣ съ плачемъ
Ноги обняла
И чуть не вернулась,
Какъ до горъ дошла...

Если къ нимъ летишь ты, —
Разскажи потомъ:
Можетъ, терпятъ нужду
Въ городѣ чужомъ?

Часто ль вспоминаютъ
Обо мнѣ у нихъ?
Что ихъ дочь-малютка?
Что сыночекъ ихъ?..

2.

Убравши головку цвѣтами,
Маруся стоитъ надъ водами,
Любуясь собой, въ нихъ глядитъ
И Яну, смѣясь, говоритъ:

«Поди ко мнѣ, Янъ бѣлолицый,
Напейся студеной водицы...»
— «Не стану я пить той воды:
Недолго съ тобой до бѣды...»

«Зачѣмъ ты стоишь такъ далёко,
Знать, рѣчки боишься глубокой?»
— «Боюсь! Въ нее смотритъ твой глазъ,
А онъ заколдуетъ какъ разъ!»

3.

Тебѣ няньки пѣсни пѣли —
А ужъ я любилъ!
И тогда же на мизинецъ
Перстень подарилъ.
Взяли женъ себѣ другіе —
Я все вѣренъ былъ.

Вдругъ чужой пришелъ къ намъ парень
И тебѣ сталъ милъ...
Музыкантовъ пригласили;
Я на свадьбѣ пилъ!
Стала ты чужой женою —
А я все любилъ!

Овдовѣла ты — съ тобою
Вмѣстѣ я тужилъ;
На вдовѣ вдовецъ женился —
Я еще любилъ!
Какъ смѣялись нынче дѣвки!..
Слезъ я не таилъ.
Знать, я даромъ ждалъ, и перстень
Мнѣ не пособилъ!

4.

«Хоть бы пѣсенку ты спѣла!..»
— «Не могу, услышитъ мать.
Ну, отворитъ вдругъ окошко:
Намъ съ тобой не сдобровать!»
«Видно, ты меня не любишь:
Холодна ты, словно ледъ;
Вотъ, опять отворотилась...
Развѣ кто насъ стережетъ?»

— «Замолчи! Мы возлѣ хаты:
Могутъ люди увидать!

Ты бы только цѣловался!
Ну, какъ насъ увидитъ мать?»

«Или каменное сердце
Въ молодой твоей груди?
Дорогая, хоть разочекъ
На меня ты погляди!»

— «Перестань! Въ другое время...
А теперь я не могу
Глазъ отвесть на мигъ отъ стада,
Чтò пасется на лугу.»

«Посмотри: въ тѣнистой рощѣ
Колокольчикъ голубой...»
— «Колольчикъ! Неужели?..
То цвѣтокъ любимый мой!»

— «Такъ сорвемъ!» — «Ты здѣсь останься...»
«Гдѣ жъ тебѣ одной сыскать?..»
Проискали долго вмѣстѣ...
Неужель узнаетъ мать?..

5.

Молодой стрѣлокъ идетъ дорогой,
И бѣжитъ собака передъ нимъ;
Знать, усталъ и отдохнуть немного
Онъ прилегъ подъ деревомъ густымъ.

Всталъ опять и дальше въ путь пустился
По пригорку, черезъ ниву, въ лѣсъ...
Смотритъ въ чащу... Вдругъ остановился,
Затрубилъ и изъ виду исчезъ...

Я его собаку приласкаю,
Принесу ей больше молока,

Мяса ей и хлѣба набросаю:
Заведетъ къ намъ, можетъ быть, стрѣлка.

Мать пойдетъ ему зажарить птицу,
Дастъ отцу онъ пострѣлять ружья,
Дѣти будутъ съ псомъ возиться...
И вдвоемъ останусь съ гостемъ я!

ИЗЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

РАБОТНИЦА.

ПОЭМА.

(ПЕРЕВОДЪ ПОСВЯЩЕНЪ И. С. ТУРГЕНЕВУ).

ПРОЛОГЪ.

Поле, утреннимъ туманомъ
Все покрытое, лежитъ,
А въ туманѣ, надъ курганомъ,
Словно деревцо, стоитъ
Молодица-молодая,
Что-то къ сердцу прижимая,
И съ туманомъ говоритъ:

«Что̀ меня ты не задавишь,
Что̀ не скроешь подъ землей,
Что̀ мнѣ вѣку не убавишь,
Не убавишь доли злой?..
Или нѣтъ, голубчикъ мой!
Не дави, а только въ полѣ
Спрячь, чтобъ люди не нашли;
Чтобъ моей несчастной доли
Знать и видѣть не могли!
«Не одна, не сирота я:

Мать съ отцомъ еще живутъ;
И еще, туманъ, мой братецъ...
Есть сыночекъ... вотъ онъ тутъ...

«Ты, дитя мое родное,
Некрещеное дитя!
Въ часъ недобрый, на невзгоду,
Горемычнаго тебя
Окрестятъ чужіе люди;
А твоя родная мать,
Можетъ быть, и не узнаетъ,
Какъ сыночка будутъ звать...
Ахъ, вѣдь я была богата!..
Не вини ты мать свою!
Стану Богу я молиться,
Много горькихъ слезъ пролью,
Съ неба выплачу я долю
И къ тебѣ ее пошлю!»

И пошла она полемъ, рыдая,
Укрываясь въ туманѣ, пошла
И тихонько, сквозь слезы, запѣла, —
Про вдову эта пѣсня была:
Какъ вдова на Дунай выходила,
Какъ въ Дунаѣ дѣтей схоронила...

«Во чистòмъ-полѣ могила.
Къ той могилѣ приходила
Молода вдова гулять —
Злого зелья поискать.
Злого зелья не нашла —
Двухъ сыночковъ принесла.
Въ китаечку повилà —
На Дунай рѣку пошла.
Тихій, тихій мой Дунай,
Моихъ дѣтокъ забавляй!
Ты, песочекъ золотой,
Подъ собою ихъ укрой!
Накорми моихъ дѣтей,
Искупай ихъ и повей!»

I.

Былъ старикъ, была старушка.
Съ давнихъ поръ они вдвоемъ
Надъ прудомъ, за рощей, жили
Въ хуторочкѣ небольшомъ;
И, бывало, всюду вмѣстѣ,
Словно парочка ребятъ.
Подружились съ малолѣтства,
Какъ пасли еще ягнятъ.
А потомъ себѣ женились
И хозяйничать пошли:
Хуторъ, мельницу, садочекъ
Понемножку завели.
Было пчелъ у нихъ немало,
И во всемъ порядокъ былъ...
Только дѣточками, бѣдныхъ,
Ихъ Господь не наградилъ.

А ужъ смерть-то за спиною,
Косу точитъ ужъ свою.
Кто жъ ихъ старость приголубитъ?
Кто имъ будетъ за семью?
Кто схоронитъ, кто поплачетъ,
Кто помянетъ ихъ добромъ,
Распорядится, какъ должно,
Всѣмъ, что̀ нажито трудомъ?
Тяжело въ некрытой хатѣ
Малыхъ пестовать дѣтей;
Но состарѣться въ довольствѣ,
Да бездѣтнымъ — тяжелѣй!
Тяжелѣй между чужими
Одиноко умирать, —
Въ посмѣянье, на растрату,
Все добро имъ покидать!

II.

Въ воскресенье разъ сидѣли
Старички мои рядкомъ,
Въ чистыхъ, бѣленькихъ сорочкахъ,
На скамьѣ, предъ хуторкомъ;
Небо радостно сіяло,
Тучекъ не было на немъ;
И спала далёко въ сердцѣ
Грусть, какъ звѣрь въ лѣсу глухомъ.

Что жъ въ раю такомъ печалитъ
Стариковъ? Какое зло?
Горе старое, быть-можетъ,
Снова въ хату къ нимъ пришло?
Или въ сердцѣ шевельнулось,
Чтò подавлено вчера?
Или новая невзгода
Повстрѣчалась имъ съ утра?
Я не знаю, чтò тоскуютъ
Старики, чтò ихъ гнететъ.
Собрались, быть-можетъ, къ Богу?
Кто же въ дальнюю дорогу
Имъ лошадокъ запряжетъ?
«Настя! Кто насъ нохоронитъ?»
— «Знаетъ Богъ... Спроси Его.
Я ужъ думала немало;
Да такъ горько, горько стало!
Много есть у насъ всего, —
А кому мы накопили?
Одинешеньки съ тобой
Мы состарѣлись...»

«Постой!
Мнѣ сдается, кто-то плачетъ
У воротъ... Никакъ, дитя!
Вотъ опять... Пойдемъ скорѣе...
Что? Не правду молвилъ я?»

Поднялись, бѣжать пустились.
Прибѣгають къ воротамъ
И, какъ вкопаные, встали,
Увидавъ ребенка тамъ.
Передъ самымъ перелазомъ,
Свиткой новенькой покрытъ
И легко, легко повитъ,
Онъ лежалъ. Знать, повивала
Мать своей рукой его...
И хоть лѣто, все же свитку
Положила на него.

И дивились, и молились
Старики мои... У нихъ
Сердце выпрыгнуть хотѣло...
А ребеночекъ притихъ,
Не кричалъ ужъ и не плакалъ,
Улыбаясь, лишь глядѣлъ
И ручонками, казалось,
Стариковъ достать хотѣлъ.
«Вотъ и доля, вотъ и счастье!
Видишь, какъ я угадалъ!
Не одни теперь мы, Настя, —
И сыночка Богъ послалъ!
Пеленай его, да въ хату...
Ишь, какъ смотритъ — молодцомъ!
Ну, скорѣй за кумовьями
Въ городъ я пущусь верхомъ!»

Чудно, право, какъ посмотришь,
Бѣлый свѣтъ нашъ сотворенъ!
Этотъ сына проклинаетъ
И изъ дому гонитъ вонъ;
Тѣ, съ молитвой и слезами,
Передъ образомъ святымъ
Ставятъ свѣчку, добытую
На копейку трудовую,
Чтобъ Господь далъ дѣтокъ имъ!

III.

Вотъ ребенка окрестили:
Маркомъ назвали его;
Кумовьевъ три пары было
На крестинахъ у него.
Маркъ растетъ. Его лелѣютъ,
Холятъ, нѣжатъ, берегутъ:
Что и дѣлать съ нимъ — не знаютъ;
Положить гдѣ — не найдутъ;
Даже дойная корова
Въ страшной роскоши живетъ!..
Маркъ растетъ. Проходитъ годъ —
И въ работницы, на хуторъ,
Наниматься разъ пришла
Молодица-молодая,
Черноброва и бѣла.

«Не взять ли, Настенька?»
— «Пожалуй,
Возьмемъ, Трохимушка. Хотя
И подросло теперь дитя,
А все жъ заботы съ нимъ немало;
Мы—стары, хилы, захворать
Мы оба можемъ. Надо взять.
И у меня ужъ силъ-то мало!
Пожить и мнѣ-таки пришлось...
Ну, что жъ? Какую бы желала
Отъ насъ ты плату? Въ годъ, небось,
Иль въ мѣсяцъ, что ли?» — «Какъ хотите!
Вы лучше сами положите...»
— «Э, нѣтъ! Святое дѣло — трудъ,
И счетъ, голубка, нуженъ тутъ.
Кто не считаетъ, у того
Весь вѣкъ не будетъ ничего.
А развѣ такъ уговориться:
Ты поживи, да насъ узнай
И намъ къ себѣ привыкнуть дай;

А тамъ и станемъ ужъ рядиться.
Ну, что же, дочка, по рукамъ?»
—«Идеть!»—«Такъ просимъ въ хату къ намъ».

Дѣло слажено. Довольна
Молодица, весела,—
Точно съ паномъ породнилась,
Иль деревню нажила.
Все трудится, все хлопочетъ,
Ввечеру и на зарѣ:
То скребетъ и моетъ въ хатѣ,
То съ скотиной на дворѣ.
А ребенка какъ лелѣетъ!
Лучше матери родной:
Въ праздникъ, въ будни головенку
Моетъ тепленькой водой;
Мальчикъ въ чистенькой рубашкѣ
Щеголяетъ каждый день;
Передъ нимъ молодкѣ нашей
И плясать, и пѣть не лѣнь;
Научилась и телѣжки
Вырѣзать она ему;
А ужъ въ праздникъ съ рукъ не спуститъ,
Не уступитъ никому...
Старики не надивятся,
Бога все благодарятъ,
Что послалъ имъ на подмогу
Не работницу, а кладъ!
А не знаютъ, что проводитъ
Ночи цѣлыя безъ сна,
Злую долю проклиная,
Горемычная, она!
И никто того не знаетъ...
Развѣ Маркъ... Но для него
Непонятно, отчего
Такъ надъ нимъ она рыдаетъ
И цѣлуетъ такъ его!
Въ хлопотахъ сама нерѣдко
Не доѣстъ и не допьетъ,

V.

Коровай мѣсить, на хуторъ,
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И пустился съ ними въ плясъ;
Такъ и топаетъ, и скачетъ,
И ногами дворъ мететъ,
И прохожихъ, и проѣзжихъ
Всѣхъ во дворъ къ себѣ зоветъ.
Варенухой угощаетъ
И на свадьбу проситъ всѣхъ.
На дворѣ и въ хатѣ слышны
Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
Старый мечется, хоть ноги
Измѣняютъ ужъ совсѣмъ;
А изъ погреба за бочкой
Бочку катятъ между тѣмъ.
Напекли и наварили
Много всякаго добра;
И скребутъ, и выметаютъ
Всюду съ самаго утра.

Только все чужіе люди...
Что жъ работница не тамъ?
Въ Кіевъ Ганна поклониться
Побрела къ святымъ мощамъ.
Не пускалъ старикъ, и плакалъ
Маркъ, прося, чтобы за мать
У него она на свадьбѣ
Оставалась. Удержать
Не могли, однакожъ, Ганны:
«Нѣтъ ужъ, Маркъ. Пусти меня.
Мнѣ за мать сидѣть не ладно...
Богачи—твоя родня,
Я работница... Пожалуй,
Осмѣютъ тебя, какъ разъ!
Помоги вамъ Богъ!.. Молиться

Лучше я пойду за васъ...
Если примете, оттуда
Къ вамъ опять я ворочусь
И, покуда силы хватитъ,
Въ вашей хатѣ потружусь».

И ему благословенье
Съ сердцемъ искреннимъ дала,
И заплакала, и тихо
Изъ воротъ она пошла...

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ.
Не смолкаетъ шумъ и гамъ,
Достается музыкантамъ,
Достается каблукамъ...
Варенухой лавки моютъ...
А межъ тѣмъ свой дальній путь
Ужъ работница кончаетъ.
Не успѣла отдохнуть —
И къ хозяйкѣ, гдѣ пристала,
Нанялась ужъ поскорѣй,
И таскаетъ воду ей.
На пути деньжонки вышли;
Надо что-нибудь скопить,
Чтобъ Варварѣ преподобной
Хоть молебенъ отслужить:
Работаетъ, воду носитъ;
Накопила семь рублей.
Марку шапочку купила
У святыхъ она мощей,
Голова чтобъ не болѣла;
Для жены его потомъ
Отъ Варвары преподобной
Запаслася перстенькомъ;
И, святымъ всѣмъ поклонившись,
Побрела опять домой.

Воротилась. Маркъ встрѣчаетъ
У воротъ ее, съ женой;

А работать нѣту силы.
«Да! вѣдь бубличка кусочекъ
У меня есть гдѣ-то тамъ...»
Отыскала и внучатамъ
Раздѣлила пополамъ.

VII.

Въ хатѣ тотчасъ ей умыла
Ноги Маркова жена,
Принесла потомъ ей полдникъ;
Но не ѣстъ, не пьетъ она.
«Катерина! послѣзавтра
Воскресенью надо быть:
Хоть бы вынуть часть за здравье,
Да молебенъ отслужить
Чудотворцу Николаю!
Что-то Маркъ у насъ пропалъ...
Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
Бѣдный, онъ не захворалъ!»
И катились тихо слезы
Изъ потухшихъ, старыхъ глазъ;
Изнуренная, насилу
Съ мѣста Ганна поднялась.
«Охъ, не та ужъ, Катерина,
Стала я! Хилà, стара,
На ногахъ едва держуся;
На покой мнѣ, знать, пора!
Хоть въ теплѣ, а тяжко, Катря,
Умирать въ дому чужомъ...»

Захворала крѣпко Ганна.
Посылали за попомъ
И соборовали масломъ;
Но не стало легче ей.
Катерина не спускала
Съ умирающей очей,
День и ночь надъ ней сидѣла,

Грустно голову склонивъ;
Дѣдъ бродилъ все по надворью,
И унылъ, и молчаливъ.
По ночамъ надъ хатой слышенъ
Былъ зловѣщій крикъ совы...
Съ каждымъ часомъ становилось
Ганнѣ хуже... Головы
Ужъ она не подымала
И не ѣла ничего,
Только Марка вспоминала...
«Катря! Охъ, когда бъ я знала,
Что увижу я его...
Я еще бы подождала...»

VIII.

Беззаботно съ чумаками
Степью Маркъ себѣ идетъ;
Не спѣшитъ онъ, распѣваетъ
И воловъ въ степи пасетъ.
Онъ сукна везетъ въ гостинецъ
Дорогого два куска
Для жены, и поясъ алый
Для Трохима-старика;
Парчевой очипокъ Ганнѣ;
Да еще купилъ онъ ей
Съ расписной каймой платочекъ;
А для маленькихъ дѣтей —
Черевички, винограду;
Всѣмъ же вмѣстѣ — изъ Царьграду
Въ бочкѣ красное вино;
И икры немало съ Дону
У него запасено.
Онъ идетъ, да распѣваетъ...
А чтò дома ждетъ — не знаетъ.

Дотащился понемногу;
Вотъ и дома онъ опять.

36*

Помолившись прежде Богу,
Сталъ ворота отворять.
«Катря, Катря! Иль не слышишь?
Воротился Маркъ. Иди
Поскорѣй ему навстрѣчу,
Да сюда его веди.
Слава Господу! Дождаться
Грѣшной мнѣ сподобилъ Онъ...»
И читала Ганна тихо
«Отче нашъ», какъ бы сквозь сонъ.

На дворѣ ярмо снимаетъ
Расписное дѣдъ съ воловъ.
Вышла къ мужу Катерина,
На него глядитъ безъ словъ.
«Катря! Гдѣ же наша Ганна?
Что̀ нейдетъ ко мнѣ сюда?
Ужъ, помилуй Богъ, жива ли,
Не случилась ли бѣда?»
— «Нѣтъ. А крѣпко захворала ..
Ужъ давно она лежитъ,
Все тебя зоветъ... «Когда же
Маркъ вернется?» — говоритъ.
Поскорѣй пойдемъ, а батько
За волами приглядитъ».

Входятъ въ хату. Маркъ не смѣетъ
Перейти черезъ порогъ.
«Слава Богу! — шепчетъ Ганна, —
Не пугайся, Маркъ, дружокъ,
Подойди; а ты, Катруся,
Выйдь изъ хаты и вдвоемъ
Съ нимъ оставь насъ. Нужно Марка
Разспросить мнѣ кой-о-чемъ».

Вонъ выходитъ Катерина;
Маркъ нагнулся надъ больной.
«Маркъ, голубчикъ! подивися,
Посмотри ты, что со мной!

Видишь, я какая стала...
Вся измучилась, больна...
Не работница, не Ганна
Я...»

И стихла вдругъ она...
Маркъ и плакалъ, и дивился,
И стоялъ, не шевелясь.
Вдругъ глаза она открыла
И слезами залилась:
«Не вини меня! Казнилась
Я весь вѣкъ въ чужой избѣ...
Не вини меня, сыночекъ,
А прости: я — мать тебѣ!..»

Земля какъ будто разступилась
Подъ бѣднымъ Маркомъ въ этотъ мигъ!
Онъ съ воплемъ къ матери приникъ...
Но сердце матери не билось...

---

* * *

Въ тѣ дни, когда мы были казаками,
Объ уніи и рѣчи не велось.
О, какъ тогда намъ весело жилось!
Гордились мы привольными степями,
И братомъ намъ считался вольный ляхъ;
Росли, цвѣли въ украинскихъ садахъ,
Какъ лиліи, казачки наши въ холѣ.
Гордилась сыномъ мать: среди степей
Онъ вольнымъ росъ, онъ былъ утѣхой ей
Подъ старость лѣтъ въ немощной, скорбной долѣ.
Но, именемъ Христа, въ родимый край
Пришли ксендзы и миръ нашъ возмутили,
Терзали насъ, пытали, жгли, казнили —
И моремъ слезъ и крови сталъ нашъ рай!
И казаки поникнули уныло,

Какъ на лугу помятая трава;
Рыданье всю Украйну огласило;
За головой катилась голова;
И посреди народнаго мученья
«Te Deum!» ксендзъ ревѣлъ въ ожесточеньѣ...
Вотъ такъ-то, ляхъ, вотъ такъ-то, другъ и братъ!
Голодный ксендзъ, да буйный вашъ магнатъ
Расторгли насъ, поссорили съ тобою.
Но если бы не козни ихъ, повѣрь,
Что были бъ мы друзьями и теперь.
Забудемъ все! Съ открытою душою
Дай руку намъ, — и именемъ святымъ
Христа, нашъ рай опять возобновимъ!

ЖНИЦА.

Она на барскомъ полѣ жала
И тихо побрела къ снопамъ —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка тамъ.

Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ;
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала
И незамѣтно впала въ сонъ.

И снится ей, житьемъ довольный,
Ея Иванъ: пригожъ, богатъ;
На вольной, кажется, женатъ,
И потому, что самъ ужъ вольный.

Они съ лицомъ веселымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу,
А дѣтки имъ обѣдъ несутъ...
И тихо улыбнулась жница.

Но тутъ проснулась... Тяжко ей!
И, спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ — дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

ДУМА.

Проходятъ дни, проходятъ ночи;
Прошло и лѣто. Шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій. Гаснутъ очи;
Заснули думы; сердце спитъ...
Заснуло все... Не знаю я —
Живешь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
И нѣту слезъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою,
Знать, не дано мнѣ никакой...
Но если я благой не стою, —
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай, о, Боже, какъ во снѣ
Блуждать... остынуть сердцемъ мнѣ!..
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти!

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный!
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить,
Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя, тяжко въ ней,
На волѣ жить и спать — страшнѣй!
Прожить ужасно безъ слѣда!
И смерть, и жизнь — одно тогда.

ПѢСНИ.

1.

И долину, и курганы,
И вечерній тихій часъ —
Все, что̀ снилось, говорилось,
Вспоминалъ я много разъ!

Разошлись мы, будто вовсе
И не знались никогда, —
И минули невозвратно
Наши лучшіе года!

Отцвѣли мы... Я — въ неволѣ,
Ты — вдовой. Мы не живемъ,
Только бродимъ, вспоминая,
Какъ живалось намъ въ быломъ!

2.

Проторила я дорожку
    Черезъ яръ,
Черезъ горы, мой сердечный,
    На базаръ.
Парнямъ бублики носила
    Вечеркомъ;
Продала — и воротилась
    Съ пятакомъ.
Я два гроша, охъ! два гроша
    Пропила́,
На копейку музыканта
    Наняла.
Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
    На своей,
Чтобъ забыла я кручину —
    Горе съ ней...

Вотъ какая, мой сердечный,
Дѣвка я!
Сватай — выйду я, пожалуй,
За тебя!

3.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусаръ въ село...
Что̀ же я по немъ горюю?
Что̀ мнѣ больно жаль его?
За кафтанъ короткій, что ли,
Иль за черный усъ такъ жаль?
Иль за то, что не Марусей —
Машей звалъ меня москаль?
Нѣтъ! мнѣ жаль, что пропадаетъ
Даромъ молодость моя:
Не хотятъ меня и замужъ
Брать ужъ люди за себя.
Да къ тому еще и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ,
Не даютъ онѣ проходу —
Все гусарихой зовутъ!

4.

Хороша, богата
Я — да толку мало!
Видно, безталанна:
Друга не сыскала.
Тяжко, тяжко сердцу
Безъ любви томиться;
Скучно одинокой
Въ бархатъ мнѣ рядиться.
Съ парнемъ чернобровымъ.
Круглымъ сиротою,
Мы бы полюбились —
Да глядятъ за мною

Мать съ отцомъ такъ зорко,
Даже сна не знаютъ,
И гулять подъ-вечеръ
Въ садикъ не пускаютъ.
А когда и пустятъ,
Такъ все съ нимъ, съ проклятымъ,
Съ недругомъ противнымъ,
Старикомъ богатымъ...

5.

Полюбила я,
На печаль свою,
Сиротинушку
Безталаннаго!
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!..

Разлучили насъ
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали въ рекруты...
И солдаткой я,
Одинокой я,
Знать, въ чужой избѣ
И состарѣюсь...
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала.

НЕИЗВѢСТНЫЕ ПОЭТЫ.

ПРОСТИ.

(Слова на музыку Шуберта.)

Близка пора разлуки,
Послѣдній близокъ часъ;
Въ страну, гдѣ нѣтъ печали,
Уходишь ты отъ насъ.

Кто здѣсь страдалъ, боролся,—
Какъ друга, смерти ждетъ;
Она ему свободы
Святую вѣсть несетъ.

О, вѣрь, мы не надолго
Разстанемся съ тобой:
Тоска угаситъ пламень
Въ моей душѣ больной.

Прости же! Новой жизни
Заря блеститъ и мнѣ,—
И встрѣтимся мы скоро
Въ невѣдомой странѣ...

СИЦИЛІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

(СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.)

Всѣ мученья, всѣ страданья
Перенесъ бы духъ мой кротко,
Перенесъ бы безъ роптанья,
Если бъ только лучъ надежды
Хоть вдали сіялъ порой,—
Но отрадный лучъ сокрылся,
И навѣки съ нимъ простился
Духъ мой скорбный и больной.
Всѣ мученья, всѣ страданья
Перенесъ бы духъ мой кротко,
Если бъ только упованья
Лучъ вдали сіялъ порой...

. . . .

ПРИБАВЛЕНІЕ

I

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОЧНЫЯ ДУМЫ.

I.

ДЕЗДЕМОНѢ.

(ВІАРДО ГАРСІИ).

1.

Когда твой голосъ серебристый,
О, Дездемона, слушалъ я, —
Восторгомъ пламеннымъ и чистымъ
Была полна душа моя!

Я говорилъ: нѣтъ, эти звуки
Съ небесной льются вышины;
Пустой безплодной жизни муки
Намъ усладить они даны!

Я въ это чудное мгновенье
Людей и міръ — все позабылъ:
Я весь былъ слухъ и восхищенье,
Я жадно каждый звукъ ловилъ!

Молилась ты, или рыдала,
Иль тихо пѣла пѣснь любви - -
Какъ сердце билось, замирало
При звукахъ тѣхъ въ моей груди!

Шекспира свѣтлое созданье
Ты такъ глубоко поняла —
И Дездемоны всѣ страданья
Такъ вѣрно намъ передала!

2.

Межъ тѣмъ какъ шумъ рукоплесканья
И кликовъ залу оглашалъ,
Лишь я одинъ сидѣлъ въ молчаньи,
Ничѣмъ восторгъ не выражалъ.

Я не бросалъ тебѣ букеты,
Не бросилъ я тебѣ вѣнокъ;
Но стихъ созрѣлъ въ душѣ поэта —
Прими же: вотъ и мой цвѣтокъ!

Прими его... хоть не блистаетъ
Красой онъ южнаго цвѣтка,
Но солнце также оживляетъ
Листки и розъ... и василька!

II.

БЕЗОТЧЕТНАЯ ГРУСТЬ.

Fühlt das Herz ein Sehnen
Und ein süsses Weh.
Rückert.

Ночь весенняя прохладна,
Ароматна и ясна;
Въ небѣ чистомъ тихо свѣтитъ
Серебристая луна;

И лучомъ она лобзаетъ
Грудь холодную рѣки;
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькаютъ огоньки.

Грустно мнѣ! Тоска на сердцѣ
Безотчетная лежитъ—
По щекѣ слеза бѣжитъ!
Вотъ луну сокрыли тучи—
Огоньковъ ужъ не видать...
Стихли пѣсни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать!

III.

ДАЧИ.

Люблю я васъ, дачки! Идешь себѣ ночью,
А окна, балконы отворены всѣ;
И звукъ фортепьяно оттуда несется
И льются напѣвы въ ночной тишинѣ.
А вотъ, у окна вдругъ явилась головка;
Вотъ черныя очи, какъ звѣзды, блестятъ;
На плѐчахъ лилейныхъ шелкóвые кудри,
Атласныя щечки румянцемъ горятъ!
И смотришь... А ночь такъ свѣжа и ясна,
И розами пахнетъ, и свѣтитъ луна!

СТАРИКЪ ЗА ФОРТЕПІАНО.

Что̀ пройдетъ, то будетъ мило.

Пушкинъ.

Воспоминаніе есть единственный рай, изъ котораго насъ нельзя выгнать; даже праотцы наши не были его лишены.

Жанъ-Поль.

Fille de la douleur, harmonie, harmonie!
Langue que pour l'amour inventa le génie!

Alfred de Musset («Lucie»).

Гармонической волною
Льются звуки въ душу мнѣ:
Говорятъ они съ душою
О быломъ, о старинѣ.

Помню: мы за фортепьяно
Съ ней сидѣли вечеркомъ;
Помню ночку у фонтана,
Поцѣлуй въ саду густомъ...

Помню грустное прощанье
Въ часъ разлуки роковой;
Помню клятвы, обѣщанья,
Взоръ, увлаженный слезой.

Все теперь какъ не бывало:
Вотъ ужъ замужемъ она —
И любви не испытала
Такъ давно душа моя.

Я — старикъ; воспоминанья
Мнѣ осталися одни:
Въ дни печали, въ дни страданья
Утѣшенье мнѣ они.

И подъ звуки фортепьяно
Какъ забудусь я порой,

Ночь, свиданье у фонтана—
Живо все передо мной.

Гармонической волною
Льются звуки въ душу мнѣ;
Говорятъ они съ душою
О быломъ, о старинѣ!

ЧЕЛНОКЪ.

(п. в. в—у).

Leg'an mein Herz dein Köpfchen,
Und fürchte dich nicht zu sehr...
H. Heine.

Сядемъ въ челнокъ мы, малютка,
Сядемъ и вдаль поплывемъ;
Видишь высокія скалы...
Ночь мы всю тамъ проведемъ...

Тамъ, отъ народа подальше,
Можемъ свободно вздохнуть;
Тихо кудрявой головкой
Ты мнѣ приникнешь на грудь...

Стану я ей любоваться,
Глазки твои цѣловать...
Такъ ли? А мѣсяцъ и звѣзды
Будутъ надъ нами сіять!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Ангелъ свѣтлый, ангелъ милый!
Ты покинуть хочешь насъ—
И летитъ къ тебѣ унылый
Мой напѣвъ въ послѣдній разъ.

37*

Хочетъ сердце разорваться;
Взоръ туманится слезой.
Я молю: налюбоваться
Дай послѣдній разъ тобой!

О, явися мнѣ, какъ прежде,
У завѣтнаго окна
И отрадна, какъ надежда,
И прекрасна, какъ весна!

Позабывъ и разставанье,
И тоску грядущихъ дней,
Погружусь я въ созерцанье
Неземной красы твоей.

Налюбуюсь тишиною
Голубыхъ твоихъ очей,
Золотыхъ кудрей волною,
Блѣднымъ мраморомъ плечей.

Все напрасно! Ангелъ милый,
Знать, меня не слышишь ты!
Лишь качаются уныло
На окнѣ твоемъ цвѣты...

II.
СТИХОТВОРЕНІЯ РАЗНЫХЪ ПЕРІОДОВЪ.

ЛЮБОВЬ ПѢВЦА. *

На грудь ко мнѣ челомъ прекраснымъ,
Молю, склонись, другъ вѣрный мой!
Мы хоть на мигъ въ лобзаньѣ страстномъ
Найдемъ забвенье и покой!
А тамъ, дай руку — и съ тобою
Мы гордо крестъ свой понесемъ:
И къ небесамъ, въ борьбѣ съ судьбою,
Мольбы о счастьѣ не пошлемъ..
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ —
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Страдать за всѣхъ, страдать безмѣрно,
Лишь въ мукахъ счастье находить,
Жрецовъ Ваала лицемѣрныхъ
Глаголомъ истины разить,
Провозглашать любви ученье
Повсюду, нищимъ, богачамъ, —
Удѣлъ поэта... Я волненій
За блага міра не отдамъ.

* Многія строки этого стихотворенія вошли въ пьесу «Впередъ».

А ты? въ груди твоей мученья
Таятся также, знаю я,
И ждетъ не чаша наслажденья —
Фіалъ отравленный тебя!

Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена — и съ давнихъ поръ
Толпы безсмысленной, жестокой
Тебѣ не страшенъ приговоръ.
И съ давнихъ поръ, безъ сожалѣнья
О глупомъ счастьѣ дней былыхъ,
Страдаешь ты, однимъ прощеньемъ
Платя врагамъ за злобу ихъ!
О, дай же руку, и съ тобою
Мы гордо крестъ нашъ понесемъ,
И къ небесамъ, въ борьбѣ съ судьбою,
Мольбы о счастьѣ не пошлемъ!..

---

* * *

Когда увижу я нежданно погребенье
И мыслю, что собратъ, земной покинувъ пиръ,
Отъ жизненныхъ трудовъ найдя успокоенье,
Сокрылся навсегда въ невѣдомый намъ міръ,
Тогда опустятся невольно руки долу,
И духъ мятежный мой смирится и молчитъ,
И скорбная душа къ Отца небесъ престолу,
Безмолвствуя, въ мольбѣ, но съ трепетомъ летитъ.
Въ тотъ мигъ душа свята̀, она чужда земного,
Она такъ далека всѣхъ жизненныхъ суетъ,
И у подножія престола Всеблагого
За милость и покровъ даетъ Ему обѣтъ:
На жизненномъ пути не здѣшнихъ наслажденій
Искать и требовать, и помнить смертный часъ,
Для неба на землѣ, средь горя и мученій,
Прожить всегда въ добрѣ, для ближняго трудясь.

Но человѣка здѣсь міръ суетный тревожитъ,
Тяжелъ обѣтъ души!.. Его онъ позабылъ,
Безъ вздорныхъ радостей онъ въ мірѣ жить не можетъ,
И все, живя, грѣшитъ, какъ прежде онъ грѣшилъ...

ПОСЛѢДНЯЯ СРЕДА, 18-го АПРѢЛЯ 1883 г.*

(П. И. ВЕЙНБЕРГУ).

Всю зиму нашъ амфитріонъ
Насъ созывалъ въ свои палáты...
Онѣ не пышны, не богаты,
И гостя взоръ не ослѣпленъ
Въ нихъ бѣлымъ мраморомъ колоннъ
Или амфоръ массивнымъ златомъ...

Зато здѣсь книгами полны
Стоятъ шкапы. Глядятъ портреты
Героевъ мысли со стѣны,
Всѣхъ, чьи созданья спасены
Отъ волнъ неумолимой Леты...

Но мнѣ сдается, — началъ я
Писать высокимъ слогомъ... Лета,
Амфитріонъ, амфоры — это
Наскучить можетъ вамъ, друзья.
Увы! всему виною лѣта, —
Знать, муза старится моя!

Боюсь ужасно, чтобъ не сбиться
Совсѣмъ на майковскій шаблонъ...
Мнѣ былъ всегда противенъ онъ,
И съ нимъ искусство не мирится,
А потому спѣшу спуститься
Съ Олимпа, взявъ попроще тонъ.

---

* По средамъ въ 1882—1883 годахъ Петръ Исаевичъ Вейнбергъ собиралъ у себя лучшихъ представителей русской литературы и искусства.

Мы обходились превосходно
Безъ позолоченныхъ амфоръ,
Хоть оживлялся часто споръ
Вина струею благородной.
Непринужденный разговоръ
Лился здѣсь весело, свободно.

Сюда газетная вражда
И сплетня носу не совала,
Здѣсь нашъ кружокъ людей труда
Могъ отдохнуть душой усталой,
И дверь была къ намъ заперта́
Для идіота и нахала.

Но скоро насъ лучи весны
Разгонятъ изъ столицы душной
По всѣмъ концамъ родной страны,
И мы съ хозяиномъ радушнымъ
Пока проститься всѣ должны.

И, вотъ, въ послѣдній разъ пришли мы,
Чтобъ благодарственный привѣтъ
Сказать вамъ, искренно любимый,
Нашъ педагогъ неутомимый
И симпатичнѣйшій поэтъ!

Дай Богъ, чтобъ будущей зимою
У васъ мы снова, милый другъ,
Сошлись свободною семьею,
Чтобъ не рѣдѣлъ нашъ тѣсный кругъ,
Чтобъ вновь вечернею порою
Дѣлили вмѣстѣ нашъ досугъ!;

Чтобъ рѣчью образной и ѣдкой
Насъ . . . . услаждалъ,
Чтобъ намъ Сазоновъ также мѣтко
Міръ закулисный рисовалъ,
Но чтобъ не такъ являлся рѣдко
Сюда Дитятинъ генералъ;

Чтобъ протестантъ нашъ вѣчно-пылкій
И обладающій притомъ
Юмористическою жилкой,
Нашъ .... за бутылкой
Все былъ веселымъ острякомъ;

Чтобъ, наконецъ, насъ вдохновляли
Своимъ присутствіемъ опять
. . . .
. . . .
. . . .

Простите мнѣ, что пожеланья
Плохимъ я выразилъ стихомъ
И въ даръ отъ насъ, въ воспоминанье
О нашихъ дружескихъ собраньяхъ,
Примите скромный нашъ альбомъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

Изъ трагедіи Байрона

«САРДАНАПАЛЪ».

(посвящается Петру Николаевичу Островскому).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

САЛЕМЕНЪ [одинъ].

Виновенъ онъ передъ царицей, но
Онъ —ей супругъ; передъ сестрой моей,
Но онъ —ей братъ; передъ своимъ народомъ,
Но онъ — его монархъ; и я остаться
Ему обязанъ подданнымъ и другомъ:
Погибнуть я его не допущу.
Я не хочу, чтобъ кровь Семирамиды,
Нимврода кровь изсякла, и чтобъ сказкой
Пастушеской окончились тринадцать
Столѣтій царства славнаго. Пора!
Я долженъ пробудить его. Я знаю:
Еще живетъ въ изнѣженной душѣ
Безпечная какая-то отвага,
Которую развратъ не заглушилъ;
Таится мощь, заснувшая на время:
Подавлена она, но не погибла;

Погружена въ пучину сладострастья,
Но ею не совсѣмъ поглощена.
Когда бъ онъ даже въ хижинѣ родился,—
Достичь бы могъ онъ царскаго вѣнца;
Рожденный же для трона, онъ не царство,
А имя лишь безславное одно
Наслѣдникамъ оставитъ недовольнымъ!..
Но свой позоръ еще бы могъ онъ смыть,
Лишь бы рѣшился сдѣлаться онъ тѣмъ,
Чѣмъ долженъ быть,—рѣшился бъ такъ же быстро,
Какъ сталъ онъ тѣмъ, чѣмъ быть не долженъ онъ...
Что́ тяжелѣй: народомъ управлять,
Иль истощать свои въ развратѣ силы?
Повелѣвать войсками, иль гаремомъ?..
Разслабленъ духъ его отъ пресыщенья.
На выдумку постыднѣйшихъ забавъ
Онъ тратитъ умъ, и этотъ жалкій трудъ
Не дастъ ему здоровья, какъ охота,
Ни славы, какъ война, не принесетъ!
Да, пробудить его необходимо!
Но сдѣлать то, увы! лишь можетъ громъ!

[Въ отдаленіи слышна музыка].

Чу! Звуки лиръ, и лютни, и кимваловъ,
Томящіе, зовущіе ко сну,
И пѣнье женъ и тѣхъ презрѣнныхъ тварей,
Что̀ даже самыхъ женъ гарема ниже,
Слились и пиръ монарха оглашаютъ,
Межъ тѣмъ какъ онъ, могучій повелитель
Всѣхъ странъ, досель извѣстныхъ, возлежитъ
Въ вѣнкѣ изъ розъ и сбросилъ діадему,
Какъ бы затѣмъ, чтобъ первый, кто дерзнетъ
Ее схватить, могъ овладѣть ей легче...
Но вотъ они... Отъ пышныхъ ихъ одеждъ
Доносится сюда благоуханье;
Вдоль галлерей каменья дорогіе
Огнями разноцвѣтными зажглись
На молодыхъ избранницахъ монарха,
Его совѣтъ являющихъ собой;
И въ ихъ кругу, почти не отличаясь

Отъ нихъ ничѣмъ, въ одеждѣ чуть не женской,
Изнѣженный не меньше, чѣмъ онѣ —
Внукъ недостойный женщины-героя!..
Вотъ онъ! Остаться ль мнѣ?.. Да, я останусь,
Чтобъ высказать ему, что говорятъ
Правдивые и честные другъ другу,
Когда о немъ зайдетъ межъ ними рѣчь...
Идутъ рабы, и въ ихъ челѣ властитель,
Чтò самъ рабомъ сталъ подданныхъ своихъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Входитъ **Сарданапалъ.** Онъ одѣтъ по-женски и увѣнчанъ цвѣтами. Его окружаютъ женщины и мальчики.

САРДАНАПАЛЪ [обращаясь къ свитѣ].

На берегу Евфрата павильонъ
Для пиршества гирляндами украсить
И освѣтить, чтобъ залитъ былъ огнями!
Трапезовать мы въ полночь будемъ тамъ,
И не должно ни въ чемъ быть недостатка.
Да поскорѣй галеру приготовить —
Намъ плыть пора! Ужъ свѣжій вѣтерокъ
Рябитъ волну... [къ женщинамъ]. Плѣнительныя нимфы,
Съ кѣмъ дѣлитъ дни счастливые свои
Сарданапалъ, я васъ увижу вновь
Въ тотъ сладкій мигъ, когда, подобно звѣздамъ,
Чтò ярко загораются надъ нами,
Мы соберемся вмѣстѣ, и когда
Изъ васъ самихъ сіяющее небо
Составится такое же, какъ тамъ.
Теперь же вы располагать досугомъ
Своимъ вольны... [къ Миррѣ]. А ты, моя гречанка,
Съ кѣмъ остаешься: съ ними иль со мной?

МИРРА.

Мой властелинъ...

САРДАНАПАЛЪ [прерывая ее].

«Мой властелинъ!»... Зачѣмъ,
О, жизнь моя, такой отвѣтъ холодный?

Вотъ въ чемъ царей проклятье, что они
Выслушивать подобные отвѣты
Обречены. Ты временемъ своимъ
Располагать по произволу можешь;
Тебѣ же и мое принадлежитъ.
Скажи мнѣ, Мирра, хочешь ли идти
Вослѣдъ гостямъ моимъ, иль для меня
Заворожишь ты времени теченье?

МИРРА.

Монарха выборъ будетъ и моимъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Не говори со мною такъ и вѣрь:
Послушнымъ быть во всемъ твоимъ желаньямъ —
Мое блаженство высшее! Своихъ
Я выражать не смѣю изъ боязни,
Что я твоей не угадаю воли;
Я знаю, какъ поспѣшно ты всегда
Другимъ ее принесть готова въ жертву.

МИРРА.

Остаться я желала бъ; для меня
Нѣтъ также счастья высшаго, какъ видѣть
Тебя счастливымъ... Но...

САРДАНАПАЛЪ.

Зачѣмъ здѣсь «но»?
Единственной преградой между нами
Одна твоя лишь воля можетъ быть.

МИРРА.

Мнѣ кажется, что это — часъ совѣта,
А потому я лучше удалюсь...

САЛЕМЕНЪ [выступая].

Невольница права: пускай уходитъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Кто говоритъ? А! братъ!

САЛЕМЕНЪ.

Царицы братъ,
А твой слуга лишь, преданный и вѣрный.

САРДАНАПАЛЪ [къ свитѣ].

Такъ помните жъ: располагать собою
До полночи вы можете, а тамъ
Мы соберемся вновь... Куда же, Мирра?
Казалось мнѣ, остаться ты хотѣла?

МИРРА.

Ты не сказалъ еще мнѣ, государь...

САРДАНАПАЛЪ.

Но мнѣ зато глаза твои сказали.
Прекрасныхъ іонійскихъ этихъ глазъ
Я каждый взглядъ отгадывать умѣю:
Я въ нихъ прочелъ, что остаешься ты.

МИРРА.

Но братъ твой...

САЛЕМЕНЪ.

Братъ его супруги!
И смѣешь, іонійская рабыня,
Ты называть меня, не покраснѣвъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Не покраснѣвъ? Но у тебя, я вижу,
Какъ сердца нѣтъ, такъ точно нѣтъ и глазъ:
Отъ словъ твоихъ зажглись ея ланиты,
Какъ отъ вечернихъ пурпурныхъ лучей —
Кавказскихъ горъ вершины снѣговыя!
А ты въ своей бездушной слѣпотѣ
Ее же упрекаешь?.. [къ Миррѣ]. Слезы, Мирра?

САЛЕМЕНЪ.

Пускай текутъ! За многое слезами
Ей поплатиться слѣдуетъ; виною
Она была еще горчайшихъ слезъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Будь проклятъ тотъ, кто слезы эти вызвалъ!

САЛЕМЕНЪ.

Не проклинай себя. И безъ того
Тебя клянутъ мильоны...

САРДАНАПАЛЪ.

Ты забылся!
Остерегись! Не то могу я вспомнить,
Что я — монархъ...

САЛЕМЕНЪ.

О, если бъ вспомнилъ ты!

МИРРА.

Мой властелинъ! И ты, князь, удалиться
Дозвольте мнѣ...

САРДАНАПАЛЪ.

Что жъ! Ежели иначе
Не можетъ быть, и этой грубой рѣчью
Возмущена душа твоя, — иди!
Но не забудь, что нынче мы съ тобою
Еще должны увидѣться... и скоро.
Охотнѣй бы лишился трона я,
Чѣмъ твоего присутствія...

[Мирра уходитъ].

САЛЕМЕНЪ.

Быть-можетъ,
Ты и того лишишься, и другого.

САРДАНАПАЛЪ.

Сознайся, братъ, что я, по крайней мѣрѣ,
Собой владѣть умѣю, если въ силахъ
Такую рѣчь терпѣть... Но не считай
На мягкій нравъ мой: есть всему предѣлы.

САЛЕМЕНЪ.

Вотъ эту-то я мягкотть и хотѣлъ бы
Въ тебѣ убить! Лишь только бъ ты воспрянулъ —
И пусть на мнѣ обрушится твой гнѣвъ!

САРДАНАПАЛЪ.

Онъ изъ меня, — клянусь Вааломъ! — хочетъ
Тирана сдѣлать...

САЛЕМЕНЪ.

А теперь ужель
Ты не тиранъ? Или одна на свѣтѣ
Есть тиранія — крови и цѣпей?
Нѣтъ! Деспотизмъ порока, ядъ разврата,
Распущенность, безсилье, отупѣнье
Отъ наслажденій чувственныхъ и лѣнь
Родятъ десятки тысячъ намъ тирановъ,
Жестокость вѣроломная которыхъ
Далёко оставляетъ за собой
И самыя кровавыя дѣянья
Властителей съ желѣзной силой воли,
Какъ бы суровы ни были они!
Примѣръ твоей порочной жизни, царь,
Не только угнетаетъ, но и портитъ.
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ призрачную власть
Твою и все, что̀ ей поддержкой служитъ,
Подкапываетъ такъ, что если бъ царству
Вторженье чужеземнаго врага
Иль внутреннія смуты угрожали,
И то, и это — гибель принесло бъ.
Нѣтъ мужества въ народѣ для побѣды,
И къ мятежу охотно онъ примкнетъ.

38*

САРДАНАПАЛЪ.

Кто полномочье далъ тебѣ со мною
Отъ имени народа говорить?

САЛЕМЕНЪ.

Прощенный мной позоръ моей сестры,
Къ ея младенцамъ родственное чувство,
Къ лицу монарха преданность, въ которой
Ты, можетъ-быть, нуждаться скоро будешь;
Къ Нимвродову потомству уваженье,
И кое-что еще, чего, къ несчастью,
Не знаешь ты...

САРДАНАПАЛЪ.

Не знаю? Что жъ такое?

САЛЕМЕНЪ.

Тебѣ звучитъ такъ чуждо это слово!

САРДАНАПАЛЪ.

Но все-таки скажи мнѣ, — заучить
Его не прочь я буду...

САЛЕМЕНЪ.

Добродѣтель!

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ это-то мнѣ слово не знакомо!
Да мнѣ оно и чаще, и сильнѣй
Терзало слухъ, чѣмъ уличные крики,
Чѣмъ звукъ трубы надтреснутой... Другихъ
Я отъ сестры твоей и словъ не слышалъ!

САЛЕМЕНЪ.

Что жъ! Если сухъ такой предметъ, ты можешь
И о порокѣ слышать...

САРДАНАПАЛЪ.

От кого?

САЛЕМЕНЪ.

Хоть отъ вѣтрòвъ, пожалуй, если голосъ
Народа до тебя не долетаетъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Незлòбивъ я,— тебѣ извѣстно это,
И терпѣливъ,— ты это испыталъ;
Открой же мнѣ, чѣмъ ты встревоженъ такъ?

САЛЕМЕНЪ.

Тѣмъ, что тебѣ грозитъ опасность.

САРДАНАПАЛЪ.

Дальше?

САЛЕМЕНЪ.

Народы всѣ, которыми ты правишь,—
А ихъ тебѣ отецъ оставилъ много,—
Вражду къ тебѣ выказываютъ прямо...

САРДАНАПАЛЪ.

Вражду ко мнѣ? Чего хотятъ рабы?

САЛЕМЕНЪ.

Царя.

САРДАНАПАЛЪ.

А я-то чтò жъ?

САЛЕМЕНЪ.

Ты въ ихъ глазахъ—
Ничто; въ моихъ же — человѣкъ, который
Перемѣниться къ лучшему способенъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Чтò нужно имъ, горланамъ этимъ пьянымъ?
Все есть у нихъ: и миръ, и изобилье...

САЛЕМЕНЪ.

Да, мира больше, чѣмъ для славы нужно;
Но далеко не столько изобилья,
Какъ, можетъ-быть, изображаетъ царь.

САРДАНАПАЛЪ.

А кто виной тому? Сатрапы-воры,
Которые объ этомъ не пекутся.

САЛЕМЕНЪ.

По-моему, отчасти и монархъ.
Зачѣмъ онъ стѣнъ дворца не покидаетъ,
И развѣ, лишь въ палящій, лѣтній зной,
Въ другой дворецъ, нагорный, переходитъ,
Чтобъ тамъ прожить, пока спадутъ жары?
Ваалъ! Ваалъ! Великій основатель
Громаднѣйшаго царства, ставшій богомъ,
Или, какъ богъ, сіяющій своей
Многостолѣтней, вѣчно-юной славой!
Ужель онъ — твой потомокъ? Но когда жъ
Являлся онъ, какъ царь, среди народовъ,
Которые тобой покорены?
Къ чему труды, опасности и кровь,
Пролитая тобою, послужили?
Къ тому, чтобъ всѣхъ ему подвластныхъ странъ
Богатства шли на пиршества и женщинъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Теперь мнѣ рѣчь твоя понятна: ты
Хотѣлъ бы, чтобъ я былъ завоеватель?
Рабы неблагодарные! Клянусь
Свѣтилами небесными, въ которыхъ
Халдейскіе читаютъ мудрецы,
Вы стоили бъ того, чтобъ наказалъ
Я васъ желаній вашихъ исполненьемъ
И къ славѣ васъ повелъ...

САЛЕМЕНЪ.

Зачѣмъ же нѣтъ?
Хоть женщина была Семирамида,
Но къ берегамъ далекаго Гангеса
Водила ассирійскія войска.

САРДАНАПАЛЪ.

Положимъ... Но вернулась какъ оттуда?

САЛЕМЕНЪ.

Какъ мужъ и какъ герой! Не побѣдила —
Но славою покрылась. Только двадцать
У ней осталось воиновъ, и съ ними
На Бактрію царица отступленье
Устроила...

САРДАНАПАЛЪ.

Все это такъ; но сколько
Ихъ побросала въ Индіи она,
Въ добычу хищнымъ коршунамъ?

САЛЕМЕНЪ.

Объ этомъ
Не говоритъ намъ лѣтопись...

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ я
Скажу тебѣ: что лучше бы царицѣ
Наткать себѣ въ чертогахъ двадцать платьевъ,
Чѣмъ этихъ двадцать воиновъ вести
На Бактрію и побросать мирьяды
Другихъ волкамъ и коршунамъ и тѣмъ,
Кто ихъ свирѣпѣй — людямъ... Это ль слава?
Такъ лучше я безславно буду жить.

САЛЕМЕНЪ.

Удѣлъ такой ждетъ не всегда героя.
Праматерь ста царей, Семирамида,

Изъ Индіи съ урономъ отступила,
Но бактріяне, мидяне и персы —
Всѣ власть ея признали... Править ими
И ты бы могъ, какъ правила она.

САРДАНАПАЛЪ.

Но я и правлю ими... А она
Ихъ покорила только...

САЛЕМЕНЪ.

Мечъ ея
Нужнѣй имъ будетъ вскорѣ, чѣмъ твой скипетръ.

САРДАНАПАЛЪ.

Когда-то жилъ на свѣтѣ Бахусъ, — мнѣ
О немъ мои гречанки говорили, —
И былъ онъ богъ, — богъ греческій, конечно;
Для насъ же — только идолъ чужеземный.
Тѣ страны, гдѣ была Семирамида
Побѣждена, онъ покорилъ...

САЛЕМЕНЪ.

Объ этомъ
Слыхалъ и я. Ты видишь, что прослылъ
За подвиги геройскіе онъ богомъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, и ему я почести воздамъ,
Какъ божеству, а не какъ человѣку.
Эй виночерпій!

САЛЕМЕНЪ.

Что̀ ты хочешь дѣлать?

САРДАНАПАЛЪ.

Пусть новый богъ — завоеватель древній —
Почтенъ достойно будетъ... Эй! вина!

[Входитъ виночерпій].

Принесть сюда мнѣ кубокъ золотой,
Украшенный камнями дорогими,
Тотъ кубокъ, что̀ Нимвродовымъ зовется!
Виномъ его наполни и подай.

[Виночерпій уходитъ].

САЛЕМЕНЪ.

Ужель опять ты хочешь возліянья
Начать, и сномъ себя не подкрѣпивши?..

[Виночерпій возвращается съ чашей].

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ если греки-варвары не лгутъ,
Мой благородный братъ, то этотъ Бахусъ
Завоевалъ всю Индію; не правда ль?

САЛЕМЕНЪ.

Да, и за то его признали богомъ.

САРДАНАПАЛЪ.

О, нѣтъ! Отъ всѣхъ его завоеваній
Теперь осталось нѣсколько колоннъ,
Которыя могли бы быть моими,
Когда бъ я ихъ достойными считалъ
Покупки и провоза. Не моря
Пролитой крови, не опустошенья,
Не тысячи враговъ, погибшихъ въ битвахъ,
Безсмертіе доставили ему—
Онъ славу тѣмъ стяжалъ, что̀ въ этомъ кубкѣ:
Вотъ гдѣ права̀ его на божество!
Онъ искупилъ все зло своихъ побѣдъ,
Изъ виноградныхъ гроздій выжавъ душу
На радость человѣческой душѣ!
А если бы не это, никогда бы
Ни именемъ своимъ онъ, ни гробницей
Напоминать не могъ бы божества
И оставался бъ въ памяти людской

Такимъ, какъ мы, обыкновеннымъ смертнымъ,
Или, пожалуй, какъ Семирамида,
Чудовищемъ какимъ-то полуславнымъ...
Вотъ что ему божественность дала,
И человѣчность дастъ тебѣ, суровый,
Ворчливый братъ. Возьми скорѣе кубокъ
И пей со мной, въ честь греческаго бога!

САЛЕМЕНЪ.

За царства всѣ твои не соглашусь
Я надъ отцовской вѣрой надругаться...

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ, значитъ, ты въ немъ признаёшь героя
За то, что море крови пролилъ онъ,
Но божествомъ считать его не хочешь,
Хоть изъ плода чарующій напитокъ
Имъ извлеченъ, что̀ гонитъ прочь печаль,
Что̀ окрыляетъ юношу восторгомъ
И бодрость возвращаетъ старику,
Что позабыть усталымъ помогаетъ
Тяжелый трудъ, робѣющимъ — опасность,
И новый міръ предъ нами открываетъ,
Когда противенъ станетъ этотъ намъ..
Ну, что̀ жъ! Я пить готовъ за человѣка:
Да здравствуетъ же Бахусъ, превзошедшій
Весь родъ людской злодѣйствомъ и добромъ!

Сцена изъ трагедіи Альфьери.

«СЕМЕЙСТВО ПАЦЦИ».

(отецъ и сынъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гульельмо Пацци.

Раймондо, его сынъ, женатый на сестрѣ Медичи, гонфалоньеръ.

РАЙМОНДО.

Сносить, отецъ, — терпѣть и все терпѣть!
Другого ты мнѣ не даешь совѣта.
Ужель ты сталъ вполнѣ рабомъ? Ужель
Не чувствуешь ты тягостнаго ига,
Всей глубины позора и стыда?

ГУЛЬЕЛЬМО.

Все, все, мой сынъ, я чувствую давно!
И, можетъ-быть, сильнѣй, чѣмъ оскорбленье,
Которому подверглись мы съ тобой,
Меня позоръ всеобщій возмущаетъ...
Но что̀, скажи, что̀ можно предпринять?
Не довели ль уже раздоры партій
Насъ до того, что всякое движенье

Намъ гибельно, — и выгодно врагамъ?..
Вѣрь истинѣ, какъ ни горька она,
Что измѣнить больное государство
Лишь къ худшему возможно...

РАЙМОНДО.

Государство?
Но гдѣ жъ оно? А если есть, то хуже
Оно никакъ ужъ сдѣлаться не можетъ.
Скажи, отецъ, ужели это жизнь?
Иль тотъ живетъ, кто въ вѣчномъ униженьи,
Въ боязни дни безславные влачитъ?
Что̀ жъ можетъ быть еще? Не то ли худшимъ
Считаешь ты, что вмѣсто слезъ безплодныхъ
Мы кровь прольемъ хоть разъ? Но если такъ,
Зачѣмъ же ты разсказывалъ, бывало,
Восторга полнъ, ребенку своему
О временахъ минувшихъ и прекрасныхъ,
И наши дни оплакивалъ зачѣмъ?
Теперь и ты подъ игомъ ненавистнымъ,
Какъ рабъ, чело покорное склонилъ.

ГУЛЬЕЛЬМО.

Была пора, была, мой сынъ, я знаю,
Когда, какъ ты, нетерпѣливъ и гордъ,
Я пошатнуть готовъ былъ государство,
Чтобъ подъ его руинами погибли
Враговъ страны и жизнь, и достоянье.
Вѣдь юности все кажется легко!
Но находилъ друзей я вѣрныхъ мало.
Повсюду я двуличность, колебанье
И медленность къ дѣламъ великимъ видѣлъ.
А между тѣмъ все глубже съ каждымъ днемъ
Въ странѣ пускало корни самовластье...
Но, вотъ, я сталъ отцомъ — и мысль теперь
Склоняется лишь къ вѣрнымъ предпріятьямъ:
Безсильный врагъ — напрасно сталъ бы я
Властителямъ одинъ сопротивляться;

Въ родство вступить я съ ними предпочелъ
И ихъ сестру соединилъ съ тобою;
Тогда, себя считая безопаснымъ,
Уединенье я покинулъ и хотѣлъ
Спасти тебя съ твоими сыновьями,
Подъ сѣнью власти мощной васъ укрывъ.

РАЙМОНДО.

Позорный щитъ и слишкомъ ненадежный!
О Бьянкѣ я не думаю; я въ ней
Давно отвыкъ сестру Медичи видѣть.
Я полюбилъ ее, и дѣти наши,
Хотя они племянники Медичи,
Мнѣ дороги. Не ихъ жалѣю, —
Тебя, отецъ: я о тебѣ скорблю,
Что Пацци кровь ты чистую смѣшалъ
Съ такою кровью! Я отцовской волѣ
Покоренъ былъ — и что̀ жъ? Смотри теперь,
Любуйся нашей трусости плодами!..
О почестяхъ, о силѣ ты мечталъ;
А между тѣмъ, на насъ союзъ постыдный
Лишь ненависть всеобщую навлекъ.
Да, граждане насъ въ правѣ ненавидѣть...
Вѣдь мы — родня Медичи! А они?
Не ненависть они ужъ, а презрѣнье
Питаютъ къ намъ! И стоимъ мы того,
Коль гражданами быть не захотѣли!

ГУЛЬЕЛЬМО.

Мой милый сынъ, въ иной странѣ скорѣе
Я поощрять бы сталъ твое стремленье
Къ дѣламъ благимъ и подвигамъ высокимъ,
Чѣмъ, какъ теперь, обуздывать его.
О, вѣрь, молю, что въ этомъ униженьи
Моя душа отрады не находитъ,
Что многихъ мнѣ усилій стоитъ гнѣвъ
Свой подавить и маску ложной дружбы
Всегда носить... Подумай самъ о томъ.

Ты правъ: въ груди твоей ужъ съ дѣтскихъ лѣтъ
Я сѣмена любви къ свободѣ видѣлъ,
И сѣмена тѣ рано дали ростъ;
Не утаю, что этимъ я порой
Утѣшенъ былъ; но чаще втихомолку
Я утиралъ горячую слезу
И о твоемъ свободномъ, гордомъ духѣ
Скорбѣлъ... Тогда разумнымъ показалось
Мнѣ обуздать порывы молодые
Біанки кроткою и нѣжною любовью, —
И ты, какъ я, ты тоже сталъ отцомъ.
О, если бъ имъ я не былъ никогда!
Я за свою отчизну дорогую
Иль вмѣстѣ съ ней, когда бъ то было нужно,
Охотно бъ палъ...

РАЙМОНДО.

Но если это такъ,
И если насъ родительское чувство
Всегда въ рабовъ покорныхъ превращаетъ, —
Зачѣмъ меня отцомъ желалъ ты видѣть?

ГУЛЬЕЛЬМО.

Не утаю: не видя больше средствъ
Предотвратить паденье государства,
Я обольстить себя мечтой старался,
Что, можетъ-быть, къ терпѣнію пріучитъ
Тебя любовь супруги и отца.

РАЙМОНДО.

Но развѣ здѣсь кто можетъ безопасно
Отцомъ, супругомъ быть? И развѣ я
Здѣсь остаюсь самимъ собой, скажи?
Не нужны мнѣ тщеславія игрушки,
Что̀ первыми послѣднихъ могутъ сдѣлать, —
Я не для нихъ рожденъ... Знать, потому
Ихъ у меня и рѣшено отнять;
И здѣсь онѣ позорнѣе вдвойнѣ,

Служа щитомъ свободѣ мнимой!.. Ихъ
Носить не могъ я безъ стыда, но нынѣ
Я обреченъ еще на большій стыдъ:
Ихъ у меня срываютъ своевольно!
Вотъ до чего мы дожили, отецъ!

ГУЛЬЕЛЬМО.

Да, говорятъ... Я самъ объ этомъ слышалъ,
И все еще повѣрить не могу...

РАЙМОНДО.

Но почему жъ?... Иль мало оскорбленій
Перенесли отъ нихъ мы? Ты забылъ,
Какъ насъ они ограбили, и какъ
Былъ измѣненъ законъ для этой цѣли?
Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ родню къ тиранамъ втерлись,
Намъ каждый день позоръ приноситъ новый.

ГУЛЬЕЛЬМО.

Мой милый сынъ, повѣрь сѣдинамъ старца
И положись на опытность его.
Ту ненависть, что, можетъ-быть, скрываю
И я въ груди — не расточай безплодно.
Еще сносить ты можешь. Сомнѣваюсь,
Чтобъ посягнуть властители дерзнули
На почести, которыя тебѣ
Дарованы... Но если всѣ предѣлы
Они съ безстыдствомъ наглымъ переступятъ, —
Молчи, мой сынъ: угроза губитъ дѣло!
Молчи и помни: месть — молчанья дочь!
Учись у нихъ. Они должны служить
Намъ образцомъ, какъ надо ненавидѣть.
Пусть для тебя руководящей нитью
Улыбка ихъ и взглядъ ихъ льстивый будутъ;
Вотъ мой совѣтъ и вотъ моя наука.
Терпи пока. Когда же часъ настанетъ,
Самъ научу я, какъ нанесть ударъ! [уходитъ].

РАЙМОНДО [одинъ].

Я не рѣшусь довѣриться ему
Вполнѣ, пока не прибылъ Сальвіати.
Онъ о моихъ еще не знаетъ планахъ,
Не чувствуетъ, что я не примирить
Съ собой хочу тирановъ, а, напротивъ,
Ихъ раздражить и вызвать ихъ нападки.
Отецъ! отецъ! Ты нынче сталъ терпѣнью
Учить меня, покорности трусливой —
Ты, что бойцомъ отважнымъ за свободу
И за права отчизны былъ когда-то!
О, неужель такъ скоро научаетъ
Насъ бремя лѣтъ искусству быть рабомъ?...
Нѣтъ! нѣтъ! клянусь! Но если это правда,
И если мы подъ старость привыкаемъ
Сносить, молчать, дрожать и пресмыкаться —
Я смерть зову!.. Пускай она придетъ
Меня спасти отъ участи позорной!..

Сцена изъ трагедіи Гауха

(датскаго поэта)

«ТИБЕРІЙ, ТРЕТІЙ КЕСАРЬ».

Храмъ Аполлона.—Въ нишахъ поясные бюсты Сципіона и Метелла.—Въ глубинѣ колоссальная статуя Аполлона изъ бронзы.—Сенатъ въ сборѣ.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Вы знаете: Сеянъ трибуномъ сдѣланъ?

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Я изумленъ! Вѣдь слухъ ходилъ, что кесарь
Къ нему не такъ ужъ милостивъ?

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Какое!
Всѣ говорятъ, что кесаремъ онъ будетъ.

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Тиберій очень боленъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

Неизвѣстно.
То пишетъ онъ, что боленъ, близокъ къ смерти,
То въ Римъ опять пріѣхать обѣщаетъ.
Не знаешь, что̀ и думать...

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Мудръ нашъ кесарь.
Понять его не всякому дано.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Такимъ, какъ онъ, для этого быть нужно.
А кесарю — кто разумомъ подобенъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

Сеянъ, быть-можетъ...

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Да, конечно:
Сеянъ теперь важнѣй, чѣмъ кесарь самъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

Другъ, берегись!..

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Теперь могу я смѣло
Объ этомъ рѣчь вести: Тиберій боленъ;
Онъ при смерти; ужъ умеръ, можетъ-быть.
Мнѣ говорилъ Макронъ,—такъ, значитъ, вѣрно,—
Что ужъ Сеянъ преемникомъ назначенъ.

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

И кто жъ того заслуживаетъ больше!
Кто знаетъ такъ имперію, какъ онъ!
Онъ кесарь былъ; ему недоставало
Лишь имени: Тиберій на Капреѣ,
Какъ плѣнникъ, жилъ.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Да!.. Лесть противна мнѣ;
Но правда все жъ должна остаться правдой —
И я могу сказать нелицемѣрно,
Что для меня Сеянъ всегда былъ богомъ;
И нынѣ чту его я также свято!

Онъ заплатилъ долги мои; ему
Обязанъ я и консульствомъ; какъ друга,
Онъ принималъ и чествовалъ меня.
Я не могу безъ слезъ объ этомъ вспомнить.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Онъ подарилъ и мнѣ въ Тибурѣ землю.

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Онъ дочь мою приданымъ наградилъ!

ПЯТЫЙ СЕНАТОРЪ [про себя].

За тайныя услуги, думать надо.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Найдется ли межъ нами хоть одинъ,
Кто бъ одолженъ Сеяну счастьемъ не былъ?

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Юпитеръ далъ намъ только жизнь нагую,
Сеянъ же намъ даруетъ счастье жизни!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Еще бы намъ его не чтить, какъ бога!

Входитъ **Помпоній**, другъ Сеяна.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

А, вотъ, идетъ и другъ его, Помпоній.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Сюда, ко мнѣ! Садись со мною рядомъ.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ ко мнѣ!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Ко мнѣ, мой лучшій другъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

Вотъ человѣкъ! Добрѣе въ мірѣ нѣтъ!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Какъ говоритъ! Волной благоуханной
Струится рѣчь.

ПЯТЫЙ СЕНАТОРЪ [про себя].

Ужъ это слишкомъ глупо:
Вѣдь онъ и рта почти не раскрываетъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Помпоній! Я два слова по секрету
Тебѣ сказать имѣю. Ты позволишь?

[Всѣ тѣснятся около Помпонія].

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Зачѣмъ здѣсь нѣтъ его изображенья?

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Я знаю, другъ, что Тускулумъ ты любишь;
Тамъ у меня есть вилла — если хочешь,
Я подарить тебѣ ее готовъ.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Достоинъ быть онъ консуломъ и можетъ
На голосъ мой разсчитывать...

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

И я
Ему даю свой голосъ тоже.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Впрочемъ,
Сеяна другъ—ужъ болѣе, чѣмъ консулъ.

Макронъ, консулъ **Регулъ**, **Элій**, **Сеянъ** и многіе сенаторы, замедлившіе у входа, появляются.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ [къ Сеяну].

Хвала тебѣ! Привѣтствуемъ Сеяна!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Онъ храбръ и мудръ и кесаремъ любимъ

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Печется онъ о благѣ государства!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

На этихъ дняхъ затмился Феба ликъ;
Никто понять тому не могъ причины,
Я говорю: онъ поблѣднѣлъ съ досады,
Что ярче блескъ Сеяна, чѣмъ его!

РЕГУЛЪ.

Могу сказать: привѣтствіе прекрасно!

МАКРОНЪ.

Да, комплиментъ такъ тонокъ, что о немъ
Мнѣ сообщить и кесарю пріятно.
Онъ будетъ радъ, что такъ Сеяна чтутъ,
И тонкій умъ оцѣнитъ по заслугамъ.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ! мало чтимъ еще Сеянъ достойный!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Поставить здѣсь его изображенье
Изъ золота!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

И также у знаменъ.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Красивый храмъ ему воздвигнуть должно,
Гдѣ бы ему, какъ богу, поклонялись.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Кто именемъ его клянется ложно,
Пускай того, какъ богохульца, судятъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Я жизнь свою Сеяну посвящаю:
Коль онъ умретъ, умру я вмѣстѣ съ нимъ.

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

И я, и я!

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Мы всѣ поступимъ такъ же.

МАКРОНЪ [про себя].

Взгляни на нихъ, о, Децій, на героевъ,
Что̀ подвигъ твой въ забаву обратили!

РЕГУЛЪ.

За вѣрность ждутъ васъ кесаря щедроты!
Но, вотъ, пока письмо къ вамъ отъ него.
[Начинаетъ читать].
«Тиберій шлетъ вамъ всѣмъ привѣтъ. Живу
Въ боязни я, въ тревогѣ непрестанной;
Все мрачныя меня терзаютъ мысли
По цѣлымъ днямъ. Когда я засыпаю,
Мнѣ призраки покоя не даютъ;
Ужасные посланники Гекаты
Измучили меня здѣсь колдовствомъ;
Извѣстно мнѣ, что мѣсяцъ заклинаютъ,
На смерть мою надѣются. И знаю
Я хорошо своихъ злодѣевъ тайныхъ.
Нигдѣ отъ нихъ не безопасенъ я.
Хотѣлъ бы къ вамъ прибыть... Но какъ рѣшиться?»

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Прибыть сюда? Такъ, значитъ, онъ не боленъ?

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Кого жъ бы кесарю страшиться? Непонятно.
[Сеянъ начинаетъ тревожиться. Макронъ говоритъ съ нимъ тихо].

РЕГУЛЪ [продолжаетъ читать].

«Жива еще донынѣ Агриппина —
А ты, совѣтъ предательскій, ты знаешь,
Что обвиненъ я ею въ отравленьи; [1]

И, между тѣмъ, мой добрый, вѣрный Элій
Доноситъ мнѣ, что мой народъ мятежный,
Какъ прежде, чтитъ ея изображенья,
И что мое письмо нашли подложнымъ».

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Да, кесарь правъ, и дѣло Агриппины
Возобновить сейчасъ же мы должны.

ГОЛОСА.

Возобновить, возобновить!

РЕГУЛЪ [читаетъ].

«Признаться,
«Что и самимъ Сеяномъ не вполнѣ
Доволенъ я; какъ ни люблю его,
Я гордости его не одобряю:
Онъ моему возлюбленному сыну
Въ кровь кулакомъ лицо разбилъ однажды».

[Останавливается].

[Сеянъ встаетъ въ безпокойствѣ. Макронъ снова заговариваетъ съ нимъ. Нѣкоторые сенаторы оставляютъ сторону, гдѣ сидитъ Сеянъ].

РЕГУЛЪ [продолжаетъ].

«Конечно, Друзъ былъ очень пылокъ самъ;
Конечно, я привыкъ Сеяна другомъ
Своимъ считать, и мнѣ забыть нельзя,
Какъ онъ меня отъ гибели избавилъ:
Однажды мы съ нимъ вмѣстѣ были въ гротѣ,
И камни вдругъ обрушились на насъ.
Онъ головой, колѣномъ и руками
Ихъ сдерживалъ, какъ нѣкій великанъ,
Покамѣстъ насъ не выручила стража». [2]

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Хвала тому, кто кесаря намъ спасъ!
Хвала и честь великому Сеяну!

[Сеянъ, успокоившись, садится. Многіе сенаторы возвращаются на его сторону; Макронъ спѣшитъ къ выходу и незамѣтно киваетъ головой солдатамъ].

РЕГУЛЪ [читаетъ].

«И потому онъ можетъ быть увѣренъ,
Что если я его и порицаю,
Порой, то все люблю его въ душѣ:
Онъ жизнь мнѣ спасъ — я это признаю;
Но ядъ и онъ приготовлять умѣетъ,
И подвигалъ меня онъ на убійства,
Въ которыхъ я раскаиваюсь горько!
Имъ умерщвленъ былъ Галлъ; Агриппу тоже
Едва ль не онъ убилъ, хотя навѣрно
Не знаю я. Изслѣдовать, однакожъ,
Я прикажу, какъ ни люблю Сеяна...»

[Останавливается].

[Сеянъ становится все болѣе и болѣе встревоженъ. Стража показывается подъ портикомъ. Множество сенаторовъ, сидѣвшихъ около Сеяна, оставляютъ свои мѣста].

РЕГУЛЪ [читаетъ].

«Но все жъ меня отъ смерти онъ избавилъ —
Хоть, впрочемъ, спасъ онъ этимъ и себя.
Извѣстно всѣмъ, какъ дѣятеленъ онъ,
И я боюсь скорѣе за себя.
Чѣмъ за свою имперію. Войска
Улучшилъ онъ и ихъ сосредоточилъ,
Чтобъ быстрый сборъ когортъ преторіанскихъ
Возможенъ былъ, когда опасность близко.
[Останавливается. Глубокое молчаніе. Сеянъ сидитъ неподвижно].
Но и войска опасны сами въ сборѣ:
Они теперь наклонны къ мятежу.
Какъ ни люблю Сеяна я, но мнѣ
Не по душѣ его нововведенья.
Въ театрѣ онъ на креслахъ золотыхъ
Всегда сидитъ, и день его рожденья
Считается народнымъ торжествомъ.
Но это все не важно. Огорченъ
Я больше тѣмъ, что въ Римѣ величаютъ
И кесаремъ, и Августомъ его,
Меня же вы изгнанникомъ Капрейскимъ
Зовете всѣ».

СЕЯНЪ [вскакивая].

И преданъ, и обманутъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Прочь отъ него!

[Всѣ оставляютъ мѣста близъ Сеяна, такъ что скамья, гдѣ онъ сидитъ, остается пустая].

РЕГУЛЪ [читаетъ].

«Германикъ имъ убитъ!
Онъ даже внесъ позоръ въ мою семью:
Онъ Ливію склонялъ къ прелюбодѣйству.
Вотъ за добро, за милости мои
Мнѣ отъ него какая благодарность!
Сластолюбивъ и гордъ онъ безъ границъ,
Мнѣ отъ его шпіоновъ нѣтъ покоя,
И всѣ мои слова ему извѣстны;
На жизнь мою онъ хочетъ покуситься!
Вотъ почему не ѣду я и въ Римъ.
Но я на смерть его не обрекаю:
Пускай его за эти всѣ поступки
Сенатъ по праву судитъ».

[Сеянъ сидитъ безмолвно, пораженный и оставленный всѣми].

РЕГУЛЪ.

Встань, Сеянъ.

[Сеянъ не отвѣчаетъ].

РЕГУЛЪ.

Не слышишь ты? Тебѣ сказалъ я: встань!

СЕЯНЪ.

Такъ это мнѣ?...

РЕГУЛЪ [стражѣ].

Сеяна окружить.

[Стража окружаетъ Сеяна].

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ [Сеяну].

Не мало же во зло употреблялъ
Ты кесаря довѣріе и милость!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ты оскорбилъ дочь кесарева брата!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Сынъ кесаря убитъ тобой. злодѣй!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И мы еще въ средѣ своей могли
Терпѣть досель чудовище такое!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ужъ до того дошло твое безумство,
Что сталъ себя считать ты божествомъ
И приносить себѣ затѣялъ жертвы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Здѣсь оскверненъ былъ каждый домъ тобою,
Ты гнусный торгъ невинностью завелъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Чтò прячешь ты лицо? Полюбоваться
Въ послѣдній разъ дай сводника чертами!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Скорѣй его въ оковы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Да разрушить
Его дворецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И статуи разбить!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Топоръ ему поближе покажите!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Мы со скалы его Тарпейской сбросимъ!

ШЕСТОЙ СЕНАТОРЪ.

Швырнуть его бы въ Тибръ, не тратя словъ!

СЕЯНЪ [долго остававшійся неподвижнымъ, открываетъ лицо свое].

Какой же богъ меня такъ ослѣпилъ!
Я свергнуть могъ его!.. По крайней мѣрѣ,
Хоть что-нибудь бы доброе я сдѣлалъ!

[Одинъ изъ сенаторовъ бьетъ его по лицу].

Ты ль это бьешь меня, о, Лабеонъ?
Иль я ошибся?.. Нѣтъ, его я знаю:
Онъ за моимъ столомъ былъ гость безсмѣнный,
Онъ цѣловалъ моей одежды пóлу,
Ницъ предо мной, какъ передъ богомъ, падалъ,
Въ судѣ клялся онъ именемъ моимъ.
О, да!.. Скорѣй на казнь меня ведите —
Не вижу я спасенья впереди!
Но лишь друзей мнѣ вѣрныхъ пощадите —
Дитя мое, Макронъ, ты пощади!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Казнить ее не можемъ мы, коль дѣва
Еще она...

МАКРОНЪ.

И не должны: приказъ
Намъ строгій данъ не преступать закона.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Но устранить препятствія легко...

СЕЯНЪ.

И это ты отцу сказалъ, злодѣй?
Чтò сдѣлалъ вамъ ребенокъ этотъ бѣдный?
Тринадцать лѣтъ ей минуло едва...
Ея ль вина, что такъ стоялъ высоко
Ея отецъ — и такъ глубòко палъ!..
Зачѣмъ меня вы держите? Не бойтесь,
Я не уйду. Мнѣ стража незнакома...

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ты оскорбилъ дочь кесарева брата!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Сынъ кесаря убитъ тобой, злодѣй!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И мы еще въ средѣ своей могли
Терпѣть досель чудовище такое!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ужъ до того дошло твое безумство,
Что сталъ себя считать ты божествомъ
И приносить себѣ затѣялъ жертвы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Здѣсь оскверненъ былъ каждый домъ тобою,
Ты гнусный торгъ невинностью завелъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Что̀ прячешь ты лицо? Полюбоваться
Въ послѣдній разъ дай сводника чертами!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Скорѣй его въ оковы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Да разрушить
Его дворецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И статуи разбить!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Топоръ ему поближе покажите!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Мы со скалы его Тарпейской сбросимъ!

ШЕСТОЙ СЕНАТОРЪ.

Швырнуть его бы въ Тибръ, не тратя словъ!

СЕЯНЪ [долго остававшійся неподвижнымъ, открываетъ лицо свое].

Какой же богъ меня такъ ослѣпилъ!
Я свергнуть могъ его!.. По крайней мѣрѣ,
Хоть что-нибудь бы доброе я сдѣлалъ!

[Одинъ изъ сенаторовъ бьетъ его по лицу].

Ты ль это бьешь меня, о, Лабеонъ?
Иль я ошибся?.. Нѣтъ, его я знаю:
Онъ за моимъ столомъ былъ гость безсмѣнный,
Онъ цѣловалъ моей одежды пòлу,
Ницъ предо мной, какъ передъ богомъ, падалъ,
Въ судѣ клялся онъ именемъ моимъ.
О, да!.. Скорѣй на казнь меня ведите —
Не вижу я спасенья впереди!
Но лишь друзей мнѣ вѣрныхъ пощадите —
Дитя мое, Макронъ, ты пощади!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Казнить ее не можемъ мы, коль дѣва
Еще она...

МАКРОНЪ.

И не должны: приказъ
Намъ строгій данъ не преступать закона.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Но устранить препятствія легко...

СЕЯНЪ.

И это ты отцу сказалъ, злодѣй?
Чтò сдѣлалъ вамъ ребенокъ этотъ бѣдный?
Тринадцать лѣтъ ей минуло едва...
Ея ль вина, что такъ стоялъ высоко
Ея отецъ — и такъ глубòко палъ!..
Зачѣмъ меня вы держите? Не бойтесь,
Я не уйду. Мнѣ стража незнакома...

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ты оскорбилъ дочь кесарева брата!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Сынъ кесаря убитъ тобой. злодѣй!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И мы еще въ средѣ своей могли
Терпѣть досель чудовище такое!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ужъ до того дошло твое безумство,
Что сталъ себя считать ты божествомъ
И приносить себѣ затѣялъ жертвы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Здѣсь оскверненъ былъ каждый домъ тобою,
Ты гнусный торгъ невинностью завелъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Что̀ прячешь ты лицо? Полюбоваться
Въ послѣдній разъ дай сводника чертами!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Скорѣй его въ оковы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Да разрушить
Его дворецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И статуи разбить!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Топоръ ему поближе покажите!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Мы со скалы его Тарпейской сбросимъ!

ШЕСТОЙ СЕНАТОРЪ.

Швырнуть его бы въ Тибръ, не тратя словъ!

СЕЯНЪ [долго остававшійся неподвижнымъ, открываетъ лицо свое].

Какой же богъ меня такъ ослѣпилъ!
Я свергнуть могъ его!.. По крайней мѣрѣ,
Хоть что-нибудь бы доброе я сдѣлалъ!

[Одинъ изъ сенаторовъ бьетъ его по лицу].

Ты ль это бьешь меня, о, Лабеонъ?
Иль я ошибся?.. Нѣтъ, его я знаю:
Онъ за моимъ столомъ былъ гость безсмѣнный,
Онъ цѣловалъ моей одежды пóлу,
Ницъ предо мной, какъ передъ богомъ, падалъ,
Въ судѣ клялся онъ именемъ моимъ.
О, да!.. Скорѣй на казнь меня ведите —
Не вижу я спасенья впереди!
Но лишь друзей мнѣ вѣрныхъ пощадите —
Дитя мое, Макронъ, ты пощади!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Казнить ее не можемъ мы, коль дѣва
Еще она...

МАКРОНЪ.

И не должны: приказъ
Намъ строгій данъ не преступать закона.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Но устранить препятствія легко...

СЕЯНЪ.

И это ты отцу сказалъ, злодѣй?
Чтò сдѣлалъ вамъ ребенокъ этотъ бѣдный?
Тринадцать лѣтъ ей минуло едва...
Ея ль вина, что такъ стоялъ высоко
Ея отецъ — и такъ глубòко палъ!..
Зачѣмъ меня вы держите? Не бойтесь,
Я не уйду. Мнѣ стража незнакома...

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ты оскорбилъ дочь кесарева брата!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Сынъ кесаря убитъ тобой, злодѣй!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И мы еще въ средѣ своей могли
Терпѣть досель чудовище такое!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ужъ до того дошло твое безумство,
Что сталъ себя считать ты божествомъ
И приносить себѣ затѣялъ жертвы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Здѣсь оскверненъ былъ каждый домъ тобою,
Ты гнусный торгъ невинностью завелъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Что̀ прячешь ты лицо? Полюбоваться
Въ послѣдній разъ дай сводника чертами!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Скорѣй его въ оковы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Да разрушить
Его дворецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И статуи разбить!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Топоръ ему поближе покажите!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Мы со скалы его Тарпейской сбросимъ!

ШЕСТОЙ СЕНАТОРЪ.

Швырнуть его бы въ Тибръ, не тратя словъ!

СЕЯНЪ [долго остававшійся неподвижнымъ, открываетъ лицо свое].

Какой же богъ меня такъ ослѣпилъ!
Я свергнуть могъ его!.. По крайней мѣрѣ,
Хоть что-нибудь бы доброе я сдѣлалъ!

[Одинъ изъ сенаторовъ бьетъ его по лицу].

Ты ль это бьешь меня, о, Лабеонъ?
Иль я ошибся?.. Нѣтъ, его я знаю:
Онъ за моимъ столомъ былъ гость безсмѣнный,
Онъ цѣловалъ моей одежды полу,
Ницъ предо мной, какъ передъ богомъ, падалъ,
Въ судѣ клялся онъ именемъ моимъ.
О, да!.. Скорѣй на казнь меня ведите —
Не вижу я спасенья впереди!
Но лишь друзей мнѣ вѣрныхъ пощадите —
Дитя мое, Макронъ, ты пощади!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Казнить ее не можемъ мы, коль дѣва
Еще она...

МАКРОНЪ.

И не должны: приказъ
Намъ строгій данъ не преступать закона.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Но устранить препятствія легко...

СЕЯНЪ.

И это ты отцу сказалъ, злодѣй?
Что̀ сдѣлалъ вамъ ребенокъ этотъ бѣдный?
Тринадцать лѣтъ ей минуло едва...
Ея ль вина, что такъ стоялъ высоко
Ея отецъ — и такъ глубо̀ко палъ!..
Зачѣмъ меня вы держите? Не бойтесь,
Я не уйду. Мнѣ стража незнакома...

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ты оскорбилъ дочь кесарева брата!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Сынъ кесаря убитъ тобой, злодѣй!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И мы еще въ средѣ своей могли
Терпѣть досель чудовище такое!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ужъ до того дошло твое безумство,
Что сталъ себя считать ты божествомъ
И приносить себѣ затѣялъ жертвы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Здѣсь оскверненъ былъ каждый домъ тобою,
Ты гнусный торгъ невинностью завелъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Что̀ прячешь ты лицо? Полюбоваться
Въ послѣдній разъ дай сводника чертами!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Скорѣй его въ оковы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Да разрушить
Его дворецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И статуи разбить!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Топоръ ему поближе покажите!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Мы со скалы его Тарпейской сбр[illegible]

ШЕСТОЙ СЕНАТОРЪ.

Швырнуть его бы въ Тибръ, не тратя словъ!

СЕЯНЪ [долго остававшійся неподвижнымъ, открываетъ лицо свое].

Какой же богъ меня такъ ослѣпилъ!
Я свергнуть могъ его!.. По крайней мѣрѣ,
Хоть что-нибудь бы доброе я сдѣлалъ!

[Одинъ изъ сенаторовъ бьетъ его по лицу].

Ты ль это бьешь меня, о, Лабеонъ?
Иль я ошибся?.. Нѣтъ, его я знаю:
Онъ за моимъ столомъ былъ гость безсмѣнный,
Онъ цѣловалъ моей одежды пóлу,
Ницъ предо мной, какъ передъ богомъ, падалъ,
Въ судѣ клялся онъ именемъ моимъ.
О, да!.. Скорѣй на казнь меня ведите —
Не вижу я спасенья впереди!
Но лишь друзей мнѣ вѣрныхъ пощадите —
Дитя мое, Макронъ, ты пощади!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Казнить ее не можемъ мы, коль дѣва
Еще она...

МАКРОНЪ.

И не должны: приказъ
Намъ строгій данъ не преступать закона.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Но устранить препятствія легко...

СЕЯНЪ.

И это ты отцу сказалъ, злодѣй?
Чтò сдѣлалъ вамъ ребенокъ этотъ бѣдный?
Тринадцать лѣтъ ей минуло едва...
Ея ль вина, что такъ стоялъ высоко
Ея отецъ — и такъ глубòко палъ!..
Зачѣмъ меня вы держите? Не бойтесь,
Я не уйду. Мнѣ стража незнакома...

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ты оскорбилъ дочь кесарева брата!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Сынъ кесаря убитъ тобой, злодѣй!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И мы еще въ средѣ своей могли
Терпѣть досель чудовище такое!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Ужъ до того дошло твое безумство,
Что сталъ себя считать ты божествомъ
И приносить себѣ затѣялъ жертвы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Здѣсь оскверненъ былъ каждый домъ тобою,
Ты гнусный торгъ невинностью завелъ!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Что̀ прячешь ты лицо? Полюбоваться
Въ послѣдній разъ дай сводника чертами!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Скорѣй его въ оковы!

ТРЕТІЙ СЕНАТОРЪ.

Да разрушить
Его дворецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОРЪ.

И статуи разбить!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Топоръ ему поближе покажите!

ВТОРОЙ СЕНАТОРЪ.

Мы со скалы его Тарпейской сбросимъ!

ШЕСТОЙ СЕНАТОРЪ.

Швырнуть его бы въ Тибръ, не тратя словъ!

СЕЯНЪ [долго остававшійся неподвижнымъ, открываетъ лицо свое].

Какой же богъ меня такъ ослѣпилъ!
Я свергнуть могъ его!.. По крайней мѣрѣ,
Хоть что-нибудь бы доброе я сдѣлалъ!

[Одинъ изъ сенаторовъ бьетъ его по лицу].

Ты ль это бьешь меня, о, Лабеонъ?
Иль я ошибся?.. Нѣтъ, его я знаю:
Онъ за моимъ столомъ былъ гость безсмѣнный,
Онъ цѣловалъ моей одежды по̀лу,
Ницъ предо мной, какъ передъ богомъ, падалъ,
Въ судѣ клялся онъ именемъ моимъ.
О, да!.. Скорѣй на казнь меня ведите —
Не вижу я спасенья впереди!
Но лишь друзей мнѣ вѣрныхъ пощадите —
Дитя мое, Макронъ, ты пощади!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Казнить ее не можемъ мы, коль дѣва
Еще она...

МАКРОНЪ.

И не должны: приказъ
Намъ строгій данъ не преступать закона.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Но устранить препятствія легко...

СЕЯНЪ.

И это ты отцу сказалъ, злодѣй?
Что̀ сдѣлалъ вамъ ребенокъ этотъ бѣдный?
Тринадцать лѣтъ ей минуло едва...
Ея ль вина, что такъ стоялъ высоко
Ея отецъ — и такъ глубо̀ко палъ!..
Зачѣмъ меня вы держите? Не бойтесь,
Я не уйду. Мнѣ стража незнакома...

Да, вижу я, моя погибла сила!
Здѣсь нѣтъ моихъ: я зналъ ихъ всѣхъ въ лицо.
И всѣ они Сеяну были вѣрны!..
О, какъ меня онъ хитростью опуталъ!..
Когда бы такъ коварно не смѣшалъ
Въ своемъ письмѣ хулу онъ съ одобреньемъ,
Еще бы могъ успѣть я, и пошли бы
За мной тѣлохранители мои —
И кесаремъ меня провозгласили бъ.

РЕГУЛЪ.

Твой голосъ?

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Смерть!

РЕГУЛЪ.

Ведите же его!

СЕЯНЪ.

Но право гдѣ жъ? Иль римлянина можетъ
Обречь на смерть одинъ ужъ нынче голосъ?
Я оскорбилъ не всѣхъ въ собраньи этомъ;
Здѣсь люди есть, которые мнѣ всѣмъ
Обязаны — могуществомъ и счастьемъ.
Ужель никто меня не защититъ?
И даже ты, съ кѣмъ пищу я дѣлилъ?..
Вы своего достойны властелина!
Привыкли вы лизать покорно руку,
Чтò душитъ васъ! Онъ не былъ бы жестокъ,
Когда бъ предъ нимъ вы рабски не молчали...
И мужество безплодно въ эти дни!
Увы! оно теперь свой мечъ вонзаетъ
Не въ грудь врага, а въ собственную грудь!

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ силъ терпѣть его рѣчей безстыдныхъ!

СЕЯНЪ.

Ужель затѣмъ Метеллъ и Сципіонъ
Кровь римскаго народа проливали,

Чтобъ крокодилъ, который тамъ, надъ моремъ,
На берегу лукаво притворился,
Чтобъ жалкія, трусливыя лисицы
Пожрали міръ?.. Германикъ! Стою я
Своей судьбы. Лишь ты еще умѣлъ
Воспламенить духъ римлянъ. Горе, горе!
Я запятналъ себя злодѣйствомъ страшнымъ —
Такъ далеко змѣиный этотъ взглядъ
Меня завелъ! Я умертвилъ тебя —
И для кого!.. Да, заслужилъ я кару!

РЕГУЛЪ.

Исполни, Кай, обязанность свою.

КАЙ [встаетъ].

Какъ жрецъ, тебѣ, Сеянъ, я объявляю,
Что въ храмѣ здѣсь ты мѣста недостоинъ.

СЕЯНЪ [смотря на него].

Послѣдняя огня героевъ искра! [3]
О, Немезида!

КАЙ.

Выйди вонъ, Сеянъ.

СЕЯНЪ [тихо ему].

Лишь слово, Кай. Не думай, что ты долго
Переживешь меня: онъ не спокоенъ,
Къ нему стоишь ты слишкомъ близко. Вѣрь,
Онъ и тебя убьетъ — его я знаю, —
Такъ лучше самъ его предупреди.
Возьми кольцо. Его преторіанцамъ
Покажешь ты; скажи, что я казненъ.
Ты въ нихъ найдешь испытанныхъ друзей!
Смотри же, Кай... Плоды моей всей жизни
И Римъ въ твоихъ рукахъ я оставляю.

[Оставляетъ Кая. Вырывается изъ рукъ стражи и бросается на колѣни предъ статуей Аполлона].

О, Аполлонъ! Ты — врагъ дѣяній темныхъ,
И ночи тьму ты замѣняешь свѣтомъ,
Но я молю, о, лучезарный богъ,
Дозволь свершить еще лишь это дѣло!..
Еще одно! Чтобъ смерть моя могла
Паденіе тирану приготовить!

ГОЛОСА.

Смерть, смерть ему! Да здравствуетъ Тиберій!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СЦЕНѢ ИЗЪ «ТИБЕРІЯ».

[1] Агриппина, которой сказали, что для нея готовятъ ядъ и что она должна остерегаться Тиберія, однажды за обѣдомъ у него не прикоснулась ни къ какой пищѣ и даже не хотѣла отвѣдать яблока, поданнаго ей самимъ Тиберіемъ, что заставило его сказать: «Мудрено ли, что я строгъ съ женщиной, считающей меня отравителемъ?» (См. «Лѣтописи» Тацита).

[2] Тиберій и Сеянъ обѣдали однажды въ гротѣ между Амуклейскимъ моремъ и Фунданскими горами. Вдругъ камни входа въ этотъ гротъ обрушились и задавили нѣсколькихъ служителей. Всѣ испугались, гости пустились бѣжать, а Сеянъ, упершись своими колѣнями и руками надъ цезаремъ, сдерживалъ на себѣ обрушившуюся массу, пока не нашли его въ этомъ положеніи пришедшіе на помощь солдаты.

[3] Кай-Калигула, сынъ Германика.

СТРУЭНЗЕ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

МИХАИЛА БЭРА.

Трагедія Михаила Бэра (брата композитора Мейербэра, написавшаго къ ней извѣстные въ музыкальномъ мірѣ антракты и увертюру), вскорѣ послѣ своего перваго появленія на мюнхенской сценѣ, въ 1828 г., вызвала въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій статью Гейне, которая содержитъ въ себѣ, независимо отъ весьма вѣрной и тонкой оцѣнки этой пьесы, еще и краткій очеркъ предшествующей дѣятельности ея автора. Эта статья не вошла въ извѣстное русское изданіе собранія сочиненій Гейне, а потому будетъ кстати присоединить ее теперь къ переводу самой трагедіи.

Мюнхенъ.—Апрѣль 1828 г.

«27-го марта дана была на Мюнхенскомъ національномъ театрѣ трагедія М. Бэра «Струэнзе». Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ ея, мы считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на прежніе драматическіе опыты ея автора. Разсмотрѣвъ произведенія М. Бэра, въ ихъ послѣдовательности и внутренней связи, и указавъ мѣсто, занимаемое имъ въ драматической литературѣ, мы получимъ вѣрный масштабъ для хвалы и порицанія и для опредѣленія его относительнаго значенія.

«Юношески незрѣла, какъ и самый возрастъ автора, была его «Клитемнестра». Поклонниками ея явились «избранники», видящіе въ грильпарцеровской «Сафо» высшій образецъ этого греческаго рода; порицателями же были отчасти такіе люди, которые только порицаютъ, но отчасти и такіе, которые дѣйствительно были правы. Нужно согласиться, что образы этой трагедіи отличались лишь внѣшней, призрачной жизнью, и что въ рѣчахъ ихъ точно такъ же не слышалось ни малѣйшей правды. Тутъ не было дѣйствительнаго чувства, а все было ходульно и театрально: ни одного вдохновеннаго слова, а только комедіантскія, придворныя фразы. За исключеніемъ немногихъ душистыхъ фіалокъ,—все попадались одни вырѣзные бумажные цвѣты. Чего нельзя было, однакоже, отрицать — это драматиче-

скаго таланта, сквозившаго, несмотря на самое жалкое веденіе пьесы, на безобразную ея неестественность. Что авторъ предчувствовалъ въ себѣ этотъ талантъ, доказывается его второй пьесой, «Аррагонскими невѣстами», въ которой кое-гдѣ пробивается истинный огонь, дѣйствительная страсть и не совсѣмъ отсутствуетъ поэзія.

«Хотя бумажные цвѣты исчезаютъ здѣсь и замѣняются живыми, органическими цвѣтами, однакожъ, эти послѣдніе все-таки носятъ на себѣ отпечатокъ своей почвы, т. е. театра. Видно сейчасъ, что они распустились не на вольномъ, солнечномъ свѣтѣ, а при бѣдномъ мерцаньи закулисныхъ лампъ. Запахъ и краски ихъ очень сомнительны. Но драматическій талантъ проявляется здѣсь еще въ сильнѣйшей степени.

«Но какъ утѣшительны были зато дальнѣйшіе шаги автора! Что навело его такъ внезапно на настоящую дорогу? Сознаніе ли своихъ ошибокъ? Безсознательное ли влеченіе его натуры? Или какая-нибудь внѣшняя переполнившая его сила? Появился его «Парія». Въ этотъ образъ уже не вдохнулъ души своей никакой несчастный театральный суфлеръ. Пламя, горѣвшее въ этой груди, не было пламенемъ театральнаго колофонія*), и заученныя наизусть страданія не пробивались сквозь это пламя. Тутъ есть слова, западающія въ каждое сердце, и, жгущій каждое сердце, огонь...

«Г. Бэръ посмѣется, пожалуй, когда прочтетъ, что мы приписываемъ превосходный пріемъ, оказанный публикой его пьесѣ, удачному выбору содержанія. Мы нисколько не отрицаемъ того, что въ этой пьесѣ есть несомнѣнная поэзія, которая заставляетъ насъ воздать автору всѣ почести, подобающія истиннымъ поэтамъ, и не причислять его къ тѣмъ гомеопатическимъ стихотворцамъ, у которыхъ въ ихъ водянистыхъ трагедіяхъ едва отыщется десятитысячная доля поэзіи; но все-таки мы должны сказать, что главная причина успѣха «Паріи» лежитъ въ содержаніи. Никогда, такъ-называемая, «чистая» поэзія, an und für sich—не доставляла поэту знаменитости. Возьмемъ, напримѣръ, гётевскаго «Вертера». Его первоначальная публика никогда не сознавала его истиннаго значенія. Только то, что было потрясающаго и интереснаго въ самомъ фактѣ, привлекало или отталкивало толпу. Книга читалась потому, что тамъ было самоубійство. И «Николаиты» писали по поводу ея о самоубійствѣ. Но есть еще элементъ въ «Вертерѣ», привлекавшій меньшинство толпы. Мы разумѣемъ разсказъ о томъ, какъ юнаго Вертера изгнали изъ высшаго дворянскаго общества.

«Появись «Вертеръ» въ наше время, эта часть книги потрясла бы сердца въ несравненно большей степени, нежели весь эффектъ пистолетнаго выстрѣла. Съ развитіемъ цивилизаціи въ новѣйшемъ европейскомъ обществѣ пробудилось въ безчисленномъ множествѣ людей негодованіе противъ

*) Колофоніумъ—вещество, посредствомъ котораго производятъ на сценѣ молнію.

неравенства сословій и общественныхъ положеній; съ глубоко непріязненнымъ чувствомъ стали смотрѣть на всякое исключительное право, оскорблявшее цѣлый классъ людей; отвращеніе вселяли въ сердца предразсудки, продолжающіе требовать себѣ, подобно запоздавшимъ отъ временъ невѣжества и мрака безобразнымъ идоламъ, человѣческихъ жертвъ, и въ честь которыхъ избивается столько прекрасныхъ и добрыхъ людей. Отсюда вѣрный успѣхъ каждаго произведенія, гдѣ выступаетъ эта идея. Принципъ человѣческаго равенства одушевляетъ и согрѣваетъ наше время, и поэты, являющіеся жрецами этого божественнаго солнца, всегда могутъ быть увѣрены, что тысячи преклоняютъ съ ними колѣни, что тысячи плачутъ и ликуютъ съ ними. Два писателя, одинъ—во Франціи, другой—въ Германіи, сходятся нынче въ выборѣ предмета для воплощенія этой идеи: Казимиръ Делавинь и Михаилъ Бэръ—оба написали «Парію». Мы не будемъ доискиваться, который изъ двухъ поэтовъ заслужилъ лучшіе лавры. Намъ довольно знать, что лавры обоихъ были орошены благороднѣйшими слезами. Мы позволимъ себѣ только сказать, что хотя «Парія» Бэра и исполненъ поэзіи, но все еще отзывается чѣмъ-то театральнымъ. Нельзя не замѣтить, что этотъ «Парія» выросъ не подъ индійскими бананами, а скорѣй подъ деревьями берлинскихъ кулисъ, и состоитъ въ родствѣ съ «Клитемнестрой» и «Аррагонскими невѣстами».

«Мы нашли нужнымъ предпослать этотъ образъ прежней дѣятельности М. Бэра разбору его новой пьесы для того, чтобы имѣть возможность короче и точнѣе высказаться о ней.

«Прежде всего скажемъ, что недостатки, за которые мы не могли не порицать «Паріи», совершенно исчезаютъ въ «Струэнзе», написанномъ чистымъ и яснымъ языкомъ, который можетъ служить образцомъ хорошаго стиха.

«Мы должны удѣлить много мѣста хвалѣ, потому что здѣсь г. Бэръ рѣзко выдается изъ всей этой ватаги нашихъ, такъ называемыхъ, драматурговъ, образные ямбы которыхъ, подобно цвѣточному вѣнку или пестрымъ лентамъ, обвиваютъ глупыя мысли. Невыразимо отрадно было для насъ обрѣсть въ этой песчаной пустынѣ, называемой нѣмецкимъ театромъ, такой освѣжительный, чистый источникъ.

«Что касается до содержанія пьесы, то г. Бэръ опять былъ руководимъ своей счастливой звѣздой, или, лучше, счастливымъ инстинктомъ.

«Исторія «Струэнзе»—событіе слишкомъ новое и извѣстное для того, чтобы намъ нужно было его пересказывать и, какъ это обыкновенно принято, развивать фабулу пьесы. Легко угадать, что содержаніе ея основано частью на борьбѣ мѣщанскаго министра съ высокомѣрной аристократіей, частью на любви Струэнзе къ Каролинѣ-Матильдѣ Датской.

«Объ этой второй темѣ мы не станемъ распространяться, хотя авторъ считалъ ее столь существенной, что въ 4-мъ и 5-мъ актахъ почти забылъ

40*

для нея первую свою тему; и разныя другія лица придають второй темѣ не менѣе важности, такъ что это даже послужило препятствіемъ къ постановкѣ пьесы на нѣкоторыхъ сценахъ. Вопроса же, роняетъ ли достоинство либеральнаго государства запрещеніе драматическихъ представленій, исполненныхъ поучительныхъ истинъ, мы обѣщаемъ коснуться когда-нибудь впослѣдствіи. Наша народная комедія, на упадокъ которой такъ жалуются, совсѣмъ должна погибнуть безъ этой свободы сцены, которая еще старѣе, чѣмъ свобода прессы, и всегда существовала въ широкихъ размѣрахъ тамъ, гдѣ процвѣтало драматическое искусство, — какъ, напр., въ Аѳинахъ во времена Аристофана, или въ Англіи при Елисаветѣ, дозволявшей, какъ извѣстно, изображать на сценѣ страшныя дѣла,—даже своихъ родителей.

«Возвратимся, однако, къ первой темѣ «Струэнзе»—къ борьбѣ мѣщанства съ аристократизмомъ. Нельзя отрицать родства этой темы съ темой «Паріи». Одна должна была естественно вытекать изъ другой. И тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы внутреннее развитіе поэта и его свободное чувство, наводящія его всегда на главные, спорные вопросы нашего времени.

«Въ «Паріи» мы видѣли утѣсненнаго, поверженнаго во прахъ и раздавленнаго желѣзной ногой утѣснителя. Этотъ разрывающій сердце голосъ, проникшій намъ въ душу, былъ вопль оскорбленнаго человѣчества. Въ «Струэнзе» мы видимъ, напротивъ, утѣсненныхъ въ борьбѣ съ своими утѣснителями, почти низверженными; здѣсь слышится полный достоинства протестъ, которымъ человѣческое общество требуетъ себѣ возвращенія попранныхъ правъ и гражданскаго уравненія всѣхъ его членовъ. Въ разговорѣ съ гр. Ранцау, представителемъ аристократіи, Струэнзе произноситъ сильныя и прекрасныя слова объ этихъ привилегированныхъ, объ этихъ каріатидахъ трона, которымъ хотѣлось бы, чтобы ихъ считали за дѣйствительную опору его. Само собой разумѣется, что герой, декламирующій такіе стихи, долженъ былъ найти себѣ много всякихъ недоброжелателей, и что ложнымъ толкованіямъ не было конца. Недовольные тѣмъ, что ему въ пятомъ актѣ отрубаютъ голову, эти недоброжелатели еще прибѣгали къ разнымъ эстетическимъ демонстраціямъ и начали разбирать по ниточкѣ ошибки автора. Между прочимъ, его обвиняли въ томъ, что въ его трагедіяхъ есть только образы и дѣйствіе, но нѣтъ никакихъ глубокихъ и прекрасныхъ размышленій. Этимъ критикамъ, должно быть, незнакомы ни «Клитемнестра», ни «Аррагонскія невѣсты», гдѣ нѣтъ недостатка въ глубокихъ и прекрасныхъ размышленіяхъ. Другой упрекъ относится къ выбору сюжета, будто бы не подлежащаго еще исторіи. Потомъ находили неумѣстнымъ, въ рамкѣ исторической трагедіи, касаться интересовъ современныхъ партій, разжигать страсти дня, въ особенности въ такое время, когда повсемѣстно замѣчается грозящая опасностями напряженность. Но мы другого мнѣнія. Мы думаемъ, что никогда не рано выводить на сцену ужасы, совершавшіеся при дворахъ,—изъ сцены нужно, напротивъ, сдѣлать суди-

лище мертвыхъ, какое нѣкогда существовало въ Египтѣ для произнесенія приговора надъ сильными земли. Что же касается до теоріи, вслѣдствіе которой достоинство пьесы измѣряется той долей пользы или вреда, какую она можетъ сдѣлать, то мы также далеки отъ того, чтобы раздѣлять эту теорію; но если даже допустить ея справедливость, то и тогда нужно признать, что г. Бэръ, изобразивъ намъ такъ жизненно, съ такой ужасающей правдой эту исключительность кастъ, принесъ гораздо больше пользы, чѣмъ думаютъ.

«Въ народѣ существуетъ повѣрье, что василискъ — страшнѣйшее и сильнѣйшее животное, какое только есть въ мірѣ, и что его не поранишь ни огнемъ, ни мечомъ. Убить его можно однимъ только способомъ: нужно, чтобъ нашелся смѣльчакъ, который бы рѣшился подержать передъ нимъ зеркало; и когда онъ увидитъ въ немъ себя, то такъ испугается своего безобразія, что тутъ же умретъ. «Струэнзе» и «Парія» были такимъ зеркаломъ, которое отважный поэтъ рѣшился держать передъ злѣйшимъ василискомъ нашего времени,—и мы благодаримъ его за эту услугу.

«Можетъ быть, мы были неправы относительно критиковъ, обвинявшихъ г. Бэра въ недостаткѣ хорошихъ размышленій. Можетъ быть, это обвиненіе заключало въ себѣ иронію, подъ которой скрывается похвала; если же это было сказано серьезно (всѣ мы слабые люди), то мы на это возразимъ, что они—за деревьями лѣса не видали. Они говорятъ, что не нашли въ пьесѣ ничего, кромѣ образовъ и дѣйствія, но они и не замѣтили, что эти самые образы представляютъ собой—прекраснѣйшія размышленія, такъ-что все цѣлое есть не что иное, какъ одно прекраснѣйшее размышленіе. Мы удивляемся драматической мудрости и знанію сцены, съ помощью которыхъ авторъ достигаетъ такихъ (хорошихъ) результатовъ. Онъ не только достаточно мотивируетъ, подготовляетъ и развиваетъ каждую сцену, но каждая сцена сама-по-себѣ вытекаетъ изъ органической необходимости и изъ главной идеи пьесы; такъ, напр., народная сцена, которой начинается 4-й актъ, можетъ показаться близорукому зрителю, и дѣйствительно показалась многимъ, ненужною. А между тѣмъ безъ нея катастрофа была бы мотивирована только вполовину. Мы даже вовсе не хотимъ принять здѣсь въ соображеніе того, что зрителю, потрясенному событіями, развивающимися въ первыхъ трехъ актахъ, нужно было отдохнуть надъ комической сценой. Сущность этой сцены все-таки остается трагическою и изъ-подъ смѣющейся маски комедіанта виденъ глубоко-грустный, страдальческій взглядъ Мельпомены. Только послѣ этой сцены понимаемъ мы, что гибель, къ которой могла привести Струэнзе одна уже любовь его къ королевѣ, должна была ускориться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что реформы его были антинаціональны, и что народъ ненавидѣлъ ихъ, что онъ не дозрѣлъ до великихъ идей его либеральнаго сердца. Сцена эта превосходна. Не подлежитъ сомнѣнію, что свобода печати находитъ себѣ противниковъ и въ низшихъ классахъ такъ же, какъ

въ высшихъ, и что даже самая отмѣна рабства бываетъ ненавистна рабу. Все это черты глубоко вѣрныя, и сцена эта выясняетъ намъ всю трагичность изолированнаго положенія Струэнзе, который неминуемо долженъ пасть въ этой борьбѣ одного съ толпой. Но тонкое чутье поэта нашло нужнымъ умѣрить великую скорбь, причиняемую герою пьесы такимъ паденіемъ, и онъ заставляетъ его прозрѣвать передъ смертью то время, когда благодѣтели народа и народъ составятъ одно.

«Высказавшись относительно основной идеи, языка и дѣйствія пьесы, мы должны въ заключеніе поговорить объ «образахъ» ея. Мы нарочно употребляемъ здѣсь выраженіе «образы», а не характеры, обозначая первымъ внѣшнее, какъ вторымъ—внутреннее въ явленіи. Струэнзе—да проститъ намъ авторъ жестокость этого отзыва!—вовсе не образъ. Эта расплывчатость, чувствительность, этотъ избытокъ мягкости, можетъ быть, составляютъ его характеръ, и мы охотно готовы признать это за характеръ, но это лишаетъ его всякой внѣшней образности; то же можно сказать и о Ранцау, въ которомъ болѣе благороднаго, нежели дворянскаго, и который расплывается подобно Струэнзе, страдая наслѣдственнымъ порокомъ бэровскихъ героевъ, — сантиментальностью. Только заглянувъ ему глубже въ сердце, мы увидимъ, что это—дѣйствительный характеръ, хотя и слабо очерченный, но все-таки характеръ. Та черта, что онъ, при всей своей ненависти къ Юліанѣ, вступаетъ съ ней, однакоже, въ заговоръ противъ Струэнзе, и многія другія сообщаютъ ему индивидуальность, внутреннюю особенность, короче—это характеръ. Отчасти можно примѣнить сказанное и къ пастору, отцу Струэнзе, получившему внѣшній образъ, скорѣй благодаря прекрасному исполненію актера, изображавшаго его, нежели автору. (Одинъ изъ нашихъ друзей находитъ въ этомъ лицѣ сходство съ отцомъ делавиневскаго Паріи, но это несправедливо, по нашему мнѣнію). Характеръ Матильды, какъ это само собой разумѣется, весь—милая женственность, и, если мы не ошиблись, то при созданіи этого лица передъ поэтомъ носился образъ несчастной Маріи-Антуанетты. Самая сцена, гдѣ возмутившаяся гвардія идетъ во дворецъ, вызываетъ въ нашей памяти осаду Тюльерійскаго дворца». (Здѣсь Гейне прерываетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ драмы замѣчаніями объ игрѣ актрисы, исполнявшей роль Матильды, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить; скажемъ только, что онъ обвиняетъ нѣмецкихъ актрисъ того времени въ тѣхъ же самыхъ недостаткахъ, которыми отличается бо́льшая часть современныхъ представительницъ нашей русской сцены, а именно: въ рутинной пѣвучей дикціи, въ однообразіи тона, манерности и ходульности. Молоденькія, простыя дѣвушки, — говоритъ онъ, между прочимъ,—полныя естественности, вступая на театральные подмостки, считаютъ себя обязанными подлаживаться подъ этотъ тонъ и, какъ только усвоятъ себѣ эту традиціонную неестественность и ходульность, такъ сейчасъ начинаютъ именоваться «художницами»).

«Несмотря на наше анти-аристократическое чувство (продолжаетъ Гейне свою оцѣнку «Струэнзе»), мы должны отдать королевѣ Юліанѣ предпочтеніе передъ Матильдой. Это ужъ настоящій образъ, настоящій характеръ. Здѣсь нечего прибавить ни къ рисунку, ни къ краскамъ. Здѣсь есть что-то новое, самобытное, и поэтъ обнаруживаетъ свою высшую божественную способность творить людей. Здѣсь, кажется намъ, г. Бэръ проявилъ нѣчто большее, нежели то, что мы обыкновенно называемъ талантомъ. Мы назвали бы это геніальностью, если бъ были менѣе скупы на это драгоцѣнное слово...

«Но поэты, заключаетъ Гейне, народъ непостоянный, и положиться на нихъ въ этомъ отношеніи нельзя; даже лучшіе изъ нихъ часто мѣняютъ свои мнѣнія, изъ суетной страсти къ перемѣнамъ. Философы на этотъ счетъ гораздо благонадежнѣе. Они сильнѣе любятъ истины, разъ ими высказанныя, и дольше и упорнѣе борются за нихъ, потому что сами старательно извлекали эти истины изъ глубины своего мышленія, тогда какъ празднымъ поэтамъ онѣ обыкновенно достаются, какъ легкій подарокъ. Да вѣетъ же во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ М. Бэра, какъ въ «Паріи» и «Струэнзе», дыханіе того бога, который еще болѣе великъ, нежели самъ великій Аполлонъ и всѣ другіе медіатизированные боги Олимпа. Мы говоримъ о богѣ свободы».

Но пожеланія Гейне не сбылись. Бэръ умеръ въ началѣ 30-хъ годовъ, не написавъ уже ничего болѣе. Незадолго до своей смерти онъ переработалъ почти весь третій актъ «Струэнзе», который въ этомъ новомъ видѣ и игрался потомъ на германскихъ сценахъ. По этому же варіанту перевели и мы 3-й актъ, такъ какъ намъ показалось, что онъ въ первоначальномъ своемъ видѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько сценъ, совершенно излишнихъ и замедляющихъ дѣйствіе.

Въ заключеніе скажемъ, что Бэръ посвятилъ своего «Струэнзе» королю Людвигу Баварскому, дозволившему играть его на мюнхенской сценѣ и лично присутствовавшему на первомъ его представленіи. Энтузіазмъ, возбужденный драмой, по словамъ Гейне, былъ таковъ, что публика, просидѣвшая въ театрѣ около пяти часовъ, по окончаніи представленія оставалась еще около часу въ ожиданіи, не явится ли авторъ, котораго неистово вызывали.

А. Плещеевъ.

СТРУЭНЗЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Каролина-Матильда, принцесса Уэльская, жена Христіана VII, короля датскаго.

Юліана-Марія, вдова короля Фридриха V, свекровь королевы Матильды.

Графъ Фридрихъ Струэнзе, государственный министръ.

Графъ Ранцау Ашбергъ, генералъ-лейтенантъ, бывшій членъ упраздненнаго государственнаго совѣта.

Полковникъ Келлеръ, командиръ кавалерійскаго полка.

Графъ Эневальдтъ Брандтъ, первый камергеръ.

Баронъ Шакъ-Ратловъ, тайный совѣтникъ.

Фонъ-Гульдбергъ, секретарь вдовствующей королевы.

Фонъ-Левенскіольдъ, капитанъ норвежской гвардіи.

Графиня Ульфельдъ, } придворныя дамы королевы Матильды.
Графиня Рэцъ, }

Сэръ Робертъ Кейтъ, англійскій посланникъ при датскомъ дворѣ.

Русскій князь.

Пасторъ Струэнзе, отецъ министра.

Эмми, камеръ-фрау королевы Матильды.

Дэтлевъ, пажъ гр. Струэнзе, 16-ти лѣтъ.

Іоганнъ, слуга пастора Струэнзе.

Офицеръ изъ полка Келлера.

Начальникъ полиціи.

Комендантъ зàмка Фридрихсбурга.

Христіанъ Свенне, солдатъ норвежской гвардіи.

Школьный учитель.

Бабе, хирургъ.

Гогъ, } поселяне, } Въ деревнѣ близъ Рендсбурга, въ Шлезвигѣ.
Флинсъ, }
Андреасъ, }
Трактирщица. }
Конрадъ, ея сынъ. }

Тюремщикъ.

Духовное лицо.

Слуги министра, слуги вдовствующей королевы, слуги въ королевскомъ дворцѣ, офицеры, пажи, придворные обоего пола, стража.

Время дѣйствія—1772-й годъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

У **Струэнзе,** въ замкѣ Христіансбургѣ, въ Копенгагенѣ. **Дэтлевъ** стоитъ у открытаго окна; потомъ слуги министра.

ГОЛОСА СОЛДАТЪ [на улицѣ].

Да здравствуетъ король! Виватъ, король Христіанъ!

ПЕРВЫЙ СЛУГА [къ другимъ, входя].

Говорятъ вамъ, ступайте за мной! Отсюда отлично увидимъ. А! господинъ Дэтлевъ! Вотъ вы — любимецъ графа; его мысли и намѣренія бываютъ вамъ иногда лучше извѣстны, нежели самому королю; скажите же намъ, что значитъ, что тамъ на плацу, передъ дворцомъ, распускаютъ теперь норвежскихъ гвардейцевъ? Какая жалость! Лучшій полкъ во всей арміи! Я всегда ужасно любилъ этихъ норвежцевъ.

ДРУГІЕ СЛУГИ.

Да, да, разскажите, за чтò это? Чтò они сдѣлали?

ДЭТЛЕВЪ.

Не знаю, право, чему и приписать ваши разспросы: глупости или только излишнему любопытству. Неужели вы думаете, что если графъ ко мнѣ добръ, если я съ самаго дѣтства пользуюсь его расположеніемъ, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ дол-

[illegible] мнѣ всѣ свои сокровенные помыслы и посвящать меня въ государственныя дѣла? Я могу только догадываться и предполагать, а вы требуете отъ меня точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Но все-таки вы догадываетесь, предполагаете? Ну, скажите же, чѣмъ провинился полкъ?

ДЭТЛЕВЪ.

Провинился? Развѣ вы такъ увѣрены, что это дѣлается ему въ наказаніе?

СЛУГИ.

Ну, такъ скажите, что̀ вы думаете? Мы хотимъ знать, что̀ вы думаете?

ДЭТЛЕВЪ.

Потише! Хоть я и не имѣю причинъ скрывать отъ васъ своихъ мыслей, но вы такъ назойливо ко мнѣ приступаете, что я, кажется, ничего, ничего не скажу вамъ.

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Если г. Дэтлеву не угодно говорить, такъ я скажу.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.

Слушайте, слушайте! Онъ тоже кое-что знаетъ! У него есть свои ходы...

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Полкъ распускаютъ для того, чтобы досадить дворянству. Офицеры норвежской гвардіи, что̀ скрежещутъ теперь зубами, слушая приказъ о своемъ увольненіи, всѣ изъ дворянъ... Никто изъ нихъ не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ дѣтьми простыхъ гражданъ. Такое ужъ у нихъ было правило.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Истинно такъ. Ужъ вы мнѣ повѣрьте. Ну, а дворянство-то,— это намъ всѣмъ извѣстно,—нашъ графъ не очень долюбливаетъ

и при всякомъ удобномъ случаѣ старается отнять у него хоть частичку его старинныхъ правъ. Нынче онъ попалъ ему прямо въ сердце! Для высокорожденныхъ господъ будетъ очень обидно, если ихъ смѣшаютъ со всѣми; и, право, нашему графу слѣдовало бы подумать, каково переносить это дворянской душѣ! Конечно, тотъ, въ чьихъ жилахъ не течетъ старая, благородная кровь, не можетъ понять, какъ тяжело дворянину, который крѣпко держится за свои преимущества, если первый встрѣчный вырываетъ ихъ у него изъ-подъ носу.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Смотри, какъ бы я тебя не отдулъ! Развѣ нашъ графъ первый встрѣчный?

ВТОРОЙ СЛУГА.

Оставь его, Іенсъ. Его ужъ не передѣлаешь. Онъ всегда былъ за недовольныхъ, потому что отецъ его служилъ у королевы Юліаны. А тамъ скопище завистниковъ. Все, чтò онъ знаетъ, онъ знаетъ оттуда.

ДЭТЛЕВЪ.

Клевета и зависть внушили ему и это. Не для того, чтобы оскорблять, не для того, чтобы нанести кому бы то ни было, изъ ненависти, неизлечимую рану, распускаютъ полкъ. А просто хотятъ сократить расходы. Золото, украшающее ихъ мундиры, будетъ полезнѣе для казны, если обратятъ его въ деньги. Маленькая страна кормитъ слишкомъ большое войско. Его думаютъ уменьшить, и потому король желаетъ...

ВТОРОЙ СЛУГА.

Не говорите — король: нашъ графъ — это будетъ вѣрнѣе.

ДЭТЛЕВЪ.

Генрихъ!

ВТОРОЙ СЛУГА.

Конечно! Это извѣстно каждому въ Даніи; а мы — его слуги — будемъ объ этомъ молчать! Король слабъ и боленъ... онъ не можетъ трудиться. Графъ Струэнзе — король въ Даніи. Онъ держитъ страну въ порядкѣ и повиновеніи; пускай онъ не умѣетъ

рубить мечомъ, но, какъ правитель, онъ—все-таки герой. Говорятъ, что онъ былъ врачъ.. Если это правда, то теперь онъ сталъ еще лучшимъ врачомъ, потому что лечитъ Данію.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Да... да... Это человѣкъ, какихъ мало... Онъ никогда не былъ слѣпъ, какъ многіе на этомъ свѣтѣ. Если счастье выпадало ему на долю, онъ умѣлъ имъ пользоваться и не выпускалъ ужъ его изъ рукъ... Такимъ я всегда его видѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ графъ Ранцау представилъ его въ первый разъ королю.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Что? Графъ Ранцау? Да это—его смертельный врагъ, который не можетъ ему простить, что онъ уничтожилъ государственный совѣтъ. Вѣдь, по милости его, графъ Ранцау теперь ничего не значитъ и никто не заботится о немъ при дворѣ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Графъ Ранцау, точно, ввелъ его ко двору. Постойте, когда это было? Да не очень еще давно... какъ разъ въ то время, когда король поѣхалъ путешествовать; нашъ графъ сопровождалъ его, разумѣется, какъ докторъ. Онъ не былъ еще тогда министромъ и графомъ.

ТРЕТІЙ СЛУГА.

И ужъ, конечно, тѣ, которые доставили ему мѣсто лейбъ-медика, не думали, что онъ сдѣлается тѣмъ, что̀ онъ теперь. Тогда нужно было вытѣснить графа Голька, королевскаго любимца. Вотъ былъ человѣкъ! Молодой, ловкій, проворный! Гордъ и надмененъ со всѣми мужчинами и кротокъ, какъ ягненокъ, когда его гладила женская ручка.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Зналъ я его! Никто въ Даніи до сихъ поръ не можетъ вспомнить о немъ и о его времени безъ тяжелаго вздоха...

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Ну, вздыхать-то не разучились, кажется, и теперь...

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

И не разучатся никогда. На всѣхъ не угодишь. Прежде Голькъ былъ бѣльмомъ на глазу у Ранцау, какъ теперь Струэнзе. Кто самъ хотѣлъ сѣсть на коня, тотъ всегда найдетъ, за что̀ осудить ѣздока, сѣвшаго ра̀ньше.

ТРЕТІЙ СЛУГА [про себя]

Вѣрно сказано!

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Ранцау зналъ нашего графа за ловкаго человѣка и послалъ его вмѣсто Голька сопровождать короля. Бѣдный Голькъ порхалъ около королевскихъ милостей, какъ мотылекъ около огня... сначала грѣлся и радовался, но потомъ вообразилъ себѣ, что можно совсѣмъ имъ довѣриться... и слишкомъ далеко сунулъ въ огонь головку... Когда онъ погибъ, нашъ графъ, котораго онъ едва замѣчалъ, преспокойно занялъ его мѣсто...

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Такъ, такъ... И тутъ ужъ онъ пошелъ прытко. Во время королевской поѣздки — еще докторъ... а по возвращеніи — уже членъ государственнаго совѣта, и такъ все дальше и дальше... пока не сдѣлался министромъ и графомъ. Это все королева изъ благодарности...

ДЭТЛЕВЪ [быстро прерывая его].

Бросьте эти глупые пересуды! Перестаньте толковать о судьбѣ вашего господина... Предоставьте это его датскимъ завистникамъ, которымъ не нравится быстрое возвышеніе иностранца при дворѣ короля ихъ. Вы, его слуги, должны бы разсуждать иначе... и понимать, что съ его счастьемъ связано ваше собственное.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.

Смотрите, смотрите!

ВСѢ СЛУГИ.

Что такое?

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.

Вонъ, изъ бокового корпуса вышелъ графъ съ полковникомъ Келлеромъ. Они о чемъ-то горячо разговариваютъ. Войско увидало ихъ. Слышите, какой поднялся ропотъ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Какъ графъ сердитъ!

[Троекратное vivat солдатъ.]

Кому это они кричатъ?

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Должно быть, полковнику, который ими командовалъ. Смотрите, какъ торопливо проходитъ графъ по рядамъ. Онъ идетъ сюда. Уйдемте... чтобъ не застали насъ здѣсь.

[Разбѣгаются].

ДЭТЛЕВЪ.

Невѣрные, продажные рабы!
Вы измѣнить ему всегда готовы;
Мое лишь сердце предано ему.

СЦЕНА II.

Струэнзе, Келлеръ — входятъ, горячо разговаривая. **Дэтлевъ** — въ глубинѣ сцены.

СТРУЭНЗЕ.

Я не хочу, полковникъ Келлеръ, дольше
И слушать васъ. Отставку офицерамъ
Прошу скорѣй какъ можно изготовить.

КЕЛЛЕРЪ.

Позвольте графъ...

СТРУЭНЗЕ [перебивая его]

Ни слова въ ихъ защиту!
Оправдывать ихъ больше не пытайтесь.
Я вамъ сказалъ, что эти гордецы
Весь полкъ своимъ упрямствомъ заразили.
Ихъ головамъ безпутнымъ угодить
Нельзя ничѣмъ... и полкъ при нихъ готовъ
Всегда служить орудіемъ измѣны.
Или страна для нихъ лишь существуетъ?
Иль для того въ поту крестьянинъ пашетъ,

И гражданинъ покорно вноситъ подать,
Чтобъ ихъ мундиръ могъ золотомъ блестѣть?
Имъ каждый — врагъ, кто любитъ бережливость.
Они народъ къ возстанью возбуждаютъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Но, графъ, они кричали королю
«Виватъ!» какъ имъ отставку объявили.

СТРУЭНЗЕ.

И трижды вамъ привѣтствіе гремѣли,
Когда я ихъ ряды обозрѣвалъ!

КЕЛЛЕРЪ.

Я возразить осмѣлюсь, графъ, что это
Честь дѣлаетъ и войску, и вождю.
Солдатъ чтитъ власть въ особѣ короля, —
Въ вождѣ своемъ привыкъ онъ видѣть друга,
Звѣзду, его ведущую въ бояхъ.
Солдата жизнь — на полѣ битвы; тамъ
Себѣ друзей онъ ищетъ, и блаженъ...

СТРУЭНЗЕ [быстро].

Довольно! Я, полковникъ, избавляю
Васъ отъ труда закончить эту рѣчь...
И если бъ я не зналъ, что отличались
Вы вѣрностью суровою всегда,
Я смѣлыхъ словъ излишнюю горячность
Почесть бы могъ за духъ сопротивленья.
Но знаю я, что воля короля
Для васъ свята̀; и потому я снова
Вамъ повторю, достойный мой полковникъ:
Отставку дать должны вы офицерамъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Такъ, значитъ, полкъ, во всемъ его составѣ,
Уволенъ?

СТРУЭНЗЕ.

Да, такъ королю угодно.
И всѣхъ солдатъ въ другіе корпуса
Перемѣстить... Весь этотъ трудъ на васъ
Довѣріе монарха возложило.
Вы оправдать должны такую милость
И не терпѣть ни въ комъ сопротивленья —
Рапо̀рта жду отъ васъ я въ Фридрихсбургѣ.

СЦЕНА III.

Те же, **пажъ, начальникъ полиціи.**

СТРУЭНЗЕ [оборачивается и, увидѣвъ пажа, киваетъ ему головой, чтобъ онъ подошелъ.

ПАЖЪ [подаетъ письмо].

Отъ ея величества королевы.

СТРУЭНЗЕ [поспѣшно распечатываетъ письмо, читаетъ].

«Мы намѣрены нынче испытать коня, присланнаго намъ въ подарокъ нашимъ августѣйшимъ братомъ, королемъ англійскимъ. Его величество король будетъ сопровождать насъ. Мы бы очень желали, любезный графъ, видѣть васъ въ числѣ нашей свиты, если государственныя дѣла дозволяютъ это. — Матильда».

СТРУЭНЗЕ [пажу].

Я къ услугамъ ея величества. [Пажъ уходитъ].
[Начальнику полиціи].
Что̀ васъ ко мнѣ приводитъ?

НАЧАЛЬНИКЪ ПОЛИЦІИ.

Въ руки намъ
Одинъ памфлетъ попался, графъ, какого
Досель еще не видано въ печати.
Постыдной лжи, ругательствъ ядовитыхъ
Исполненъ онъ...

СТРУЭНЗЕ [съ живостью].

Памфлетъ на короля?

НАЧАЛЬНИКЪ ПОЛИЦІИ.

Не названъ тамъ монархъ, но ваше имя...

СТРУЭНЗЕ.

Мое! Такъ пусть идетъ на судъ къ народу, —
Пути ему въ толпу не преграждать.
Трусливый вѣкъ стянулъ свободу крѣпко;
Но въ Даніи рука моя успѣла
Съ богини снять гнетущія оковы.
Теперь у насъ печать свободна. Право
Дано здѣсь всѣмъ высказываться смѣло.
Никто уйти не можетъ отъ суда
Свободнаго карающаго слова!
Одинъ лишь есть... онъ выше всякихъ мнѣній
Въ странѣ, какъ божество стоитъ, король.
На подданныхъ же всѣхъ безъ исключенья
Печать равно свой судъ распространяетъ.
Пусть тотъ, кого пугаетъ это право,
Не на него пеняетъ, — на себя.
И я готовъ передъ судомъ печати
Стать наравнѣ съ послѣднимъ изъ народа.

[Къ начальнику полиціи].

Я вамъ еще сказать два слова долженъ.

[Входитъ въ кабинетъ съ начальникомъ полиціи].

СЦЕНА IV.

КЕЛЛЕРЪ [одинъ].

Хвались, хвались, безумецъ ослѣпленный,
Что бросилъ ты въ страну горящій факелъ;
Огонь пожретъ и самого тебя,
И все, тобой воздвигнутое, зданье.
Какъ для совы, что̀ лишь во мракѣ видитъ,
Невыносимъ бываетъ свѣтъ дневной,
Такъ и тебя блескъ счастья ослѣпляетъ.
Пускай же тьма опять тебя объемлетъ,
И зрѣнье возвратитъ тебѣ, злодѣй!
Мы на себя беремъ работу эту.

О! какъ бы я желалъ въ такую бездну
Тебя столкнуть, чтобы въ твоемъ паденьи
Та высота, которой ты достигъ,
Тебѣ горячки бредомъ показалась!

СЦЕНА V.

Келлеръ, графъ **Ранцау**, за нимъ **слуга**.

СЛУГА.

Сейчасъ доложу о вашемъ сіятельствѣ.

КЕЛЛЕРЪ [графу, который съ недовольнымъ видомъ бросается въ кресло].

Ужели васъ я точно здѣсь встрѣчаю,
Васъ — графъ Ранцау? Въ пріемной у министра?
Ну, признаюсь, измѣнчивъ свѣтъ! Такъ, значитъ,
Вы отреклись отъ ненависти старой,
Отъ той вражды, что̀ заставляла васъ
Отказывать въ почетѣ фавориту?
Ужъ если вы поколебались, графъ,
То нечего теперь ему бояться!
Да! счастливъ онъ! его я поздравляю!
Заклятый врагъ — знатнѣйшій изъ датчанъ —
Ждетъ у него почтительно въ пріемной!

РАНЦАУ.

Я — врагъ его. Я не скрываю это.
Когда-то я любилъ его и даже
Кремнистый путь на эту высоту
Ему рукой поспѣшною расчистилъ.
То знаютъ всѣ. — Теперь я — врагъ его,
Теперь его я долженъ ненавидѣть
Во имя тѣхъ святыхъ и вѣчныхъ правъ,
Что̀ для меня всего дороже... Ими
Не королю, — и никакимъ Струэнзе,
А Небу лишь да предкамъ я обязанъ.
Но что̀ же вамъ онъ сдѣлалъ, что о немъ
Вы съ худо скрытой злобой говорите?

Вы — другъ его, возвышены вы имъ,
И потому онъ васъ не опасался.
Зачѣмъ же вы позорите свѣтило,
Которое питаетъ васъ и грѣетъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Проклятье всѣмъ его благодѣяньямъ!
Я ненависть глубокую къ нему
Питаю, какъ питалъ ее къ измѣнѣ...
И полюбилъ измѣну съ той поры,
Какъ началъ я Струэнзе ненавидѣть.
Вы на меня глядите съ удивленьемъ?
Такъ знайте же: я тайную игру
Давно веду предателю на гибель,
А Даніи на благо и спасенье.
Быть-можетъ, графъ, и вы возьмете карту?
Я былъ бы радъ, не скрою, если бъ рискъ
И выигрышъ мы съ вами раздѣлили.

РАНЦАУ.

Чтò слышу я? Какая рѣчь и гдѣ же?

КЕЛЛЕРЪ.

Мнѣ все равно, гдѣ мы и чтò вокругъ;
Но дорогà мнѣ каждая минута.
Какъ знать, чтò насъ на завтра ожидаетъ?
На васъ моя надежда, графъ... Повѣдать
Я тайну вамъ свою хочу не медля,
Пока еще рѣшительной стопою
Не перешли вы этого порога...

РАНЦАУ.

Чтò долженъ я услышать — говорите,
Хотя меня страшитъ двуличность ваша.
Въ чьей маскѣ вы... любимца иль врага?
Межъ тѣмъ какъ онъ довѣрчиво читаетъ
У васъ въ глазахъ и преданность и дружбу, —
Вы съ яростью здѣсь высказали мнѣ
Вражду къ нему, вскипѣвшую внезапно.

41*

КЕЛЛЕРЪ.

Внезапно, графъ? Пускай въ меня онъ вѣритъ,
Мнѣ дѣла нѣтъ. Но видятъ небеса,
Я не искалъ его расположенья...
Я въ первый разъ съ нимъ въ Пруссіи сошелся.
Тогда былъ миръ. Солдатъ лишь несъ одинъ
Всю тяготу безплодную войны.
Трудами я пресыщенъ былъ по горло.
Мнѣ отдохнуть хотѣлось. Юный медикъ, —
Онъ знаменитъ ужъ былъ въ столицѣ вашей, —
О Даніи разсказывалъ мнѣ часто.
Онъ говорилъ, что служба тамъ спокойнѣй,
Что легче тамъ добиться повышенья.
И Франціею сѣвера страну
Ту называлъ, гдѣ юная чета,
Вступивъ на тронъ, къ свободной новой жизни,
Полна надеждъ, народъ свой призывала...

РАНЦАУ [со вздохомъ].

Быстрѣе сна исчезнувшее время!

КЕЛЛЕРЪ.

Прибывъ сюда на службу, я вступилъ
Въ нѣмецкій полкъ. Мы съ докторомъ веселымъ
Сошлись тѣснѣй; и сталъ ему я вскорѣ
Необходимъ. Хоть благосклонность женщинъ
Пріобрѣтать привыкъ онъ безъ труда,
Но испыталъ онъ также не однажды
Коварство ихъ причудливаго пола.
Вотъ какъ-то разъ я къ дѣвушкѣ одной
Его повезъ... Я зналъ ее съ полгода.
О, если бы я въ силахъ былъ словами
Все высказать!.. Нѣтъ, солнце никогда
Не видѣло созданія прекраснѣй!
Я сердцемъ былъ ея покорный рабъ —
Она мои всѣ думы наполняла...
Но лишь предсталъ предъ нею этотъ демонъ —
И взглядъ его зажегъ въ ней страсть мгновенно.

РАНЦАУ.

Да... Этотъ взглядъ таитъ въ себѣ огонь,
Какъ молнья, жгущій женскія сердца.

КЕЛЛЕРЪ.

Но тутъ король поѣздку за границу
Предпринялъ. Вамъ извѣстно, графъ,
Какъ близко сталъ тогда Струэнзе къ трону...
Не пожалѣлъ, примкнувъ къ блестящей свитѣ,
Онъ существа, покинутаго имъ.
Не думалъ онъ о томъ, что жгучихъ слезъ,
Тоски и мукъ ея онъ былъ виною.
Вотъ, наконецъ, вернулся онъ. Навстрѣчу
Къ нему она бросается въ восторгѣ;
Но онъ ужъ былъ не тотъ... Ужъ измѣнилась
Его душа... и зимній счастья лучъ
Въ немъ охладить успѣлъ былое чувство.
Слова его немного утѣшенья
Дарили ей... Онъ сталъ на ласки скупъ
И приходилъ все рѣже къ ней и рѣже,
Какъ страстно ни ждала она свиданья.
Когда жъ слеза, блеснувъ въ ея глазахъ,
О прежнихъ дняхъ ему напоминала,
Придворный рабъ цѣпями золотыми
Предъ ней звучалъ... Теперь благоволенье
Успѣлъ снискать онъ юной королевы, —
Грядущаго ворóта золотыя
Предъ этимъ наглымъ взоромъ отворились.
А бѣдная, отверженная имъ,
Простила все... На недостойный блескъ
Измѣнника, отъ слезъ потухшимъ взоромъ,
Взглянувъ еще... она навѣкъ заснула...
Да! онъ прощенъ, но ею лишь, — не мной:
Я мстить врагу клялся ея могилой.

РАНЦАУ.

Я вѣрю вамъ теперь... Но это дѣло...
Не Даніи касается... а васъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Оно должно и Даніи коснуться.
Прошу еще у васъ вниманья, графъ.
Съ тѣхъ самыхъ поръ за нимъ слѣжу я тайно.
Я не искалъ довѣрія Струэнзе;
Когда жъ онъ съ нимъ навстрѣчу шелъ ко мнѣ,
Не находилъ я нужнымъ уклоняться.
Какъ датчанамъ онъ вѣритъ неохотно,
Такъ нѣмецъ къ сердцу бурному его
Имѣетъ доступъ... Этимъ объяснялъ
Я и къ себѣ его расположенье.
Я въ мужество его донынѣ вѣрилъ,—
Теперь узналъ, что труситъ онъ. Сегодня
Онъ распустить рѣшился цѣлый полкъ,
Тотъ полкъ, что̀ былъ всегда дворянству преданъ;
На этотъ шагъ отвага въ немъ нашлась.
Когда жъ «виватъ» солдаты мнѣ кричали,
Онъ трепеталъ!.. Пришла пора борьбы,
И робкій духъ презрѣннаго врага
Побѣды намъ залогомъ вѣрнымъ служитъ:
Кого страшитъ паденье, тотъ падетъ!
Готово все...

РАНЦАУ.

Готово! Неужель?..

КЕЛЛЕРЪ.

Да! мы — союзъ...

[Входитъ слуга].

СЛУГА.

Графъ проситъ извиненья...
Онъ приметъ васъ чрезъ нѣсколько минутъ.

РАНЦАУ.

Ступай!.. я ждать, какъ видишь ты, умѣю...

[Послѣ небольшой паузы, во время которой оба ждутъ ухода слуги, Ранцау беретъ Келлера довѣрчиво за руку].

Вы мнѣ сейчасъ, полковникъ, говорили...

КЕЛЛЕРЪ.

Да... я хотѣлъ...

[Подавая ему бумагу, нерѣшительно].

И ежели на васъ
Разсчитывать мы можемъ, графъ, — прочтите.

РАНЦАУ.

Что жъ это? вы колеблетесь, полковникъ?
Но развѣ вы не сами поспѣшили
Открыться мнѣ! Но если вы въ душѣ
Раскаянье внезапно ощутили,
Прошу васъ взять назадъ свою бумагу...

КЕЛЛЕРЪ.

Признаться, графъ, мнѣ было какъ-то странно
Васъ встрѣтить здѣсь... По прихоти любимца,
Вы у него въ пріемной ждать рѣшились...
Скажите мнѣ... Вы, оскорбленный имъ,
Чего могли искать вы въ этомъ домѣ?
Или того, чтобъ хитрый временщикъ
Сталъ подкупать и ласками, и лестью
Врага, чтò всѣхъ враговъ ему страшнѣй?

РАНЦАУ.

А я въ глазахъ полковника такъ мелокъ,
Что подкупить себя позволю...

КЕЛЛЕРЪ.

Графъ!

РАНЦАУ.

Пусть будетъ такъ! Я знаю, что людей
Мы по себѣ обыкновенно судимъ,
И то, чтò намъ самимъ пришлось извѣдать,
У ближняго въ душѣ подозрѣваемъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Простите мнѣ минутное сомнѣнье...
Безъ страха я открылъ предъ вами сердце;

Ужель я необдуманнаго слова
Ничѣмъ теперь не въ силахъ искупить?
Читайте, графъ. Я васъ молю, — читайте!

РАНЦАУ.

Нѣтъ! Развѣ не довольно льву, что жало
Противника слабѣйшаго безъ гнѣва
Онъ чувствуетъ: съ спокойнымъ благородствомъ
Онъ побѣдить великодушьемъ долженъ.
Колеблясь, вы пришли ко мнѣ съ признаньемъ.
Но, прежде чѣмъ вы кончите его,
Я, въ свой чередъ, намѣренъ вамъ открыться
И объяснить, какъ я попалъ сюда.
Подходитъ часъ послѣднихъ, крайнихъ мѣръ.
Во всѣхъ сердцахъ кипитъ негодованье,
Имъ и моя исполнена душа.
Такихъ невзгодъ еще не испытала
Страна моя съ тѣхъ поръ, какъ гордый Бельтъ
Ея брега волнами омываетъ;
И никогда дворянству, что̀ у трона
Стоять должно скалой неколебимой,
Переносить того не приходилось,
На что теперь пришлецъ безумный хочетъ
Его обречь... Терпѣть нѣтъ больше силъ.
Въ комъ есть еще намѣренья благія,
Кто чувствуетъ, что къ дѣлу призванъ онъ,
Не будетъ тотъ бездѣйствовать ни часу.
Не отступать и я давно рѣшился
Ни передъ чѣмъ, что̀ можетъ намъ спасенье
И перемѣну къ лучшему принесть.
Но, прежде чѣмъ рожденье тьмы ночной —
Ту гидру, что̀ названье бунта носитъ,
Спустить и мечъ внести въ страну родную,
Еще одно я испытаю средство,
И средство то — есть слово убѣжденья.

КЕЛЛЕРЪ.

Что слышу, графъ?

РАНЦАУ.

Никто еще досель
Временщику счастливому въ лицо
Высказывать всей правды не рѣшался.
Я выскажу... Я все ему открою:
Какъ нашъ народъ спасенья тщетно ждетъ;
Какъ за свои безмѣрныя страданья
Всѣ втайнѣ шлютъ проклятье чужеземцу;
Какъ жаждутъ всѣ — и королева-мать,
И дворянинъ послѣдній въ государствѣ —
Ему отмстить, и попранное право
Себѣ путемъ кровавымъ возвратить.

КЕЛЛЕРЪ.

И ждете вы..

РАНЦАУ.

Я жду, что малодушный
Предъ этою картиной содрогнётся.
И если въ немъ замѣчу колебанье,
То указать готовъ ему исходъ:
Отречься онъ отъ всякой власти долженъ.
Пусть не глядятъ глаза его отнынѣ
На ту звѣзду, которой ложный блескъ
Привелъ его на край ужасной бездны.
И развѣ онъ родился не во мракѣ?
Ему судьбой указанъ низкій путь —
Пускай же онъ во мракъ и возвратится.
Тогда межъ нимъ и партіей враждебной
Берусь я быть посредникомъ. Прощенья
Онъ можетъ ждать отъ старой королевы:
И гдѣ-нибудь въ далекомъ уголкѣ
Онъ будетъ жить безпечно и ничьихъ
Проклятій на себя не навлекая...
Возстанье мы въ зародышѣ подавимъ,
И Данія подъ мудрымъ управленьемъ
Вновь процвѣтетъ! Смѣетесь вы, полковникъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Я радуюсь... я вижу, что найдутъ
Пособника въ васъ планы королевы...

Скажите, графъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Осуществить задуманное вами
Возможнымъ вы считаете?.. Нѣтъ!.. нѣтъ!
Скорѣе вы свирѣпаго Нерона
Въ Аврелія могли бы превратить,
Чѣмъ пробудить возвышенною рѣчью
Раскаянье въ душѣ Струэнзе гордой.
Что̀ завело такъ далеко его,
То заведетъ еще и дальше. Пусть
Не видитъ онъ, счастливецъ опьяненный,
Какъ втайнѣ мы ему могилу роемъ —
Тѣмъ лучше! Самъ онъ свалится въ нее.
Прочтите жъ, графъ, — и если вамъ удачи
Не будетъ здѣсь... тогда пойдемте съ нами.
Нашъ путь вѣрнѣй. Достигнемъ цѣли мы!

РАНЦАУ [читаетъ].

«Королева, моя высокая повелительница, возложила на меня порученіе пригласить васъ, господинъ полковникъ, нынче вечеромъ во дворецъ ея. Вы будете имѣть возможность познакомиться тамъ съ благородными гостями, приглашенными на праздникъ, который ея величество намѣрена дать въ честь короля и Даніи. Когда и гдѣ будетъ данъ этотъ праздникъ, — рѣшатъ нынче гости на общемъ совѣтѣ. Вашъ голосъ пользуется такимъ значеніемъ, такъ уважается, что вы ни въ какомъ случаѣ не должны отсутствовать. Королева ожидаетъ отъ васъ свѣдѣній о настроеніи только что распущенныхъ гвардейцевъ. Она надѣется, что войско съ чувствомъ благоговѣйной преданности ввѣритъ судьбу свою августѣйшему монарху, возлюбленному сыну ея величества. Ужинъ долженъ начаться въ полночь. Вашъ Гульдбергъ».

Полночный пиръ! На этомъ торжествѣ,
Обѣщанномъ отчизнѣ злополучной,
Взамѣнъ вина — рѣкой польется кровь.

КЕЛЛЕРЪ.

Его лишь кровь прольется, графъ! Надѣюсь,
Что вмѣстѣ мы отправимся на ужинъ.
Желанный гость! Скорѣе ваше слово.

СЦЕНА VI.

Изъ кабинета **Струэнзе** выходитъ начальникъ полиціи, кланяясь имъ обоимъ. Они становятся поодаль другъ отъ друга; по уходѣ его, **Келлеръ** отводитъ **Ранцау** на авансцену.

КЕЛЛЕРЪ [довѣрчиво].

Спасти его, повѣрьте мнѣ, нельзя,
И не желалъ бы я, чтобъ было можно.
Я извѣщу сегодня королеву,
Что въ нашъ союзъ вступаете и вы.
Теперь она безтрепетно пойдетъ
Навстрѣчу дня давно желанной мести.
Мы знали всѣ, что имя ваше, графъ,
Запечатлѣть должно святое дѣло.
Лишь знамени ея вы присягнете —
И побѣдить не трудно будетъ намъ.
Но если рокъ предательски у насъ,
Сверхъ чаянья, изъ рукъ побѣду вырветъ,
И если мы увидимъ, что безплодно
Боролись мы, надѣялись и ждали...
Тогда взойду на плаху смѣло я
И встрѣчу казнь, какъ подобаетъ мужу...

[Уходитъ].

СЦЕНА VII.

РАНЦАУ [одинъ].

Ступай себѣ! и жертвуй личной мести
Спокойствіемъ страны тебѣ чужой.
Но я — не ты... Стремлюсь я къ высшей цѣли.
Пускай въ твоемъ себялюбивомъ сердцѣ
Живетъ лишь чувство мелочной вражды, —
Мое жъ для тѣхъ и бодрствуетъ, и бьется,
Кто съ именемъ наслѣдовалъ отъ предковъ
И кровью ихъ стяжанныя права.
Ни у меня, ни у другихъ не въ силахъ
Тѣхъ правъ отнять какой-нибудь смѣльчакъ.
Борьбѣ за нихъ я посвящаю жизнь.
Не нужно цѣль отодвигать далёко;
Пусть онъ падетъ! И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Мы королю больному одному
Тогда бразды правленья не довѣримъ:
Найти себѣ помощника онъ долженъ...
Кто жъ будетъ имъ? Въ такія времена,
Конечно, власть за сильнымъ остается.
Когда грозитъ опасность кораблю
Отъ ярыхъ волнъ, бунтующихъ вокругъ,
Охотнѣй всѣ ввѣряются тому,
Кто у руля безтрепетно стоялъ
И править имъ привыкъ рукою твердой.
Тутъ все молчитъ, и зависть, и вражда,
И мысль одна у каждаго: спасенье!
Увѣренъ я, что русская царица
Теперь свою предложитъ помощь намъ,
Временщика страшась отважныхъ плановъ;
Но на ея признательность считать
Нельзя... и если бъ даже можно было,
Я не хочу, чтобъ внутреннихъ враговъ
Въ моей странѣ смиряли чужеземцы,
И зло на зло не станемъ мы мѣнять.
Когда бъ одинъ все выполнить я могъ,
Когда бъ одинъ рукой своей разрушилъ
Все это зданье темнаго мѣщанства!
Пусть на себя навлекъ бы я опасность,
Но мужествомъ и прирожденнымъ правомъ
Вооруженъ, вступилъ бы въ бой открытый,
Лишь на свою разсчитывая силу!
Но, нѣтъ! Хитрить, вывѣдывать я долженъ
И къ партіямъ притворно примыкать...
Я руку жму довѣрчиво врагамъ,
Которыхъ я когда-то не хотѣлъ
Поклономъ чуть замѣтнымъ удостоить.
Всего же мнѣ противнѣй, ненавистнѣй
Сообщество старухи-королевы.
Мнѣ помыслы ея давно извѣстны:
Я знаю, какъ искусно и хитрò
Она въ свои поймать умѣла сѣти
И Келлера, и всѣхъ ему подобныхъ;
Какъ тайною заманивала слабыхъ, —

Вѣдь низшіе охотно вѣрятъ знатнымъ, —
И самую опасность уменьшаетъ
Союзъ съ такимъ лицомъ, какъ королева.
Вотъ почему, о, блѣдное свѣтило,
Вокругъ твоихъ негрѣющихъ лучей
Кишитъ весь рой продажный недовольныхъ.
И горе намъ, коль тѣ лучи должны
Странѣ принесть возвратъ весны желанной!
Изъ всѣхъ враговъ, что̀ бѣдною отчизной
Взлелѣяны на материнскомъ лонѣ,
Опаснѣе тебя и злѣе нѣтъ!
И съ ужасомъ я вижу, что связать
Меня съ тобой должна необходимость.
Чтобъ отъ тебя и всей презрѣнной свиты
Твоей отдѣлаться, предпринялъ я
Послѣднюю, труднѣйшую попытку:
Я выскажу Струэнзе, что̀ волнуетъ
Насъ всѣхъ, и дамъ почувствовать, какая
Грозитъ ему опасность, если онъ...

КАМЕРДИНЕРЪ.

Министръ просить васъ приказалъ...

РАНЦАУ.

Иду!
Какъ сердце вдругъ забилось!.. Я дрожу...
Но не предъ нимъ... Нѣтъ, то негодованье
Кипитъ во мнѣ... Съ приниженнымъ челомъ
Не можетъ графъ Ранцау отсюда выйти!

[Уходитъ].

СЦЕНА VIII.

Перемѣна. Кабинетъ Струэнзе.

СТРУЭНЗЕ [одинъ, въ мундирѣ, со звѣздой. Встаетъ изъ-за письменнаго стола].

Зачѣмъ ко мнѣ Ранцау? Чего онъ хочетъ?
Чего и самъ хочу я отъ него?

Привлечь его? но если не удастся, —
Не безопасенъ будетъ этотъ шагъ.
Сурово съ нимъ и гордо обойтись —
Я не хочу... Не скрою, мнѣ пріятна
Съ противниками сильными борьба, —
Такъ пусть меня готовымъ къ оборонѣ
Онъ встрѣтитъ. Я не уклонюсь отъ боя.

СЦЕНА IX.

Струэнзе и Ранцау.

СТРУЭНЗЕ.

Вы ль это, графъ? Глазамъ не смѣю вѣрить.
Сердечно радъ, что бъ васъ ни привело.

РАНЦАУ.

Визитъ мой вамъ едва ль пріятенъ будетъ.
Я прихожу не съ радостной душой.

СТРУЭНЗЕ.

Могу ль я чѣмъ номочь вамъ, иль утѣшить
Васъ въ скорби, графъ? Скажите мнѣ скорѣй...

РАНЦАУ.

Меня гнететъ не собственное горе.

СТРУЭНЗЕ.

Такъ, стало быть, несчастіе друзей,
Вамъ дорогихъ?

РАНЦАУ.

Вы угадали... Да!
Я бѣдствіями друга опечаленъ, —
И лучшаго изъ всѣхъ своихъ друзей!

СТРУЭНЗЕ **[съ участіемъ беретъ его за руку].**

О! если бы я могъ ему помочь...
Повѣрьте мнѣ, я счелъ бы это долгомъ...

РАНЦАУ.

Да! Это долгъ... но можете ль его
Исполнить вы — извѣстно только Богу.
А бѣдный другъ ждетъ помощи давно.
И если вы, дѣйствительно, хотите,
Не на словахъ лишь, вѣрнымъ долгу быть, —
То Даніи несчастной помогите!

СТРУЭНЗЕ [смѣясь].

О, если рѣчь идетъ объ этомъ другѣ,
То и въ моей душѣ любви къ нему
Не менѣе, чѣмъ въ вашей... Я горжусь
Тѣмъ, что всегда дѣлилъ его заботы.

РАНЦАУ.

Но Данія вамъ все же не отчизна, —
И ропотъ волнъ, вокругъ нея шумящихъ,
Не дорогъ вамъ, какъ пѣсня дѣтскихъ лѣтъ,
Звучавшая надъ вашей колыбелью!
И что̀ для васъ дѣла чужой страны,
Исторія народа вамъ чужого?
Я высказать рѣшаюсь это вамъ;
Я лишь затѣмъ пришелъ сюда. Какъ воинъ,
Какъ дворянинъ — свободно, откровенно
Всю правду вамъ въ лицо скажу я, графъ.

СТРУЭНЗЕ.

Слова: свобода, правда — для меня
Всегда равно и дороги, и святы,
Изъ чьихъ бы устъ я ни услышалъ ихъ:
Изъ устъ дворянъ, иль изъ крестьянскихъ устъ.

РАНЦАУ.

«Изъ устъ дворянъ, иль изъ крестьянскихъ устъ!»
Я узнаю васъ въ этомъ выраженьи!
По-вашему, не долженъ дворянинъ
Ни въ чемъ имѣть надъ низшимъ перевѣса.
Теперь въ ходу подобное ученье

Во Франціи далекой... и оно,
Я знаю, въ васъ нашло себѣ адепта...
Тамъ ничего святого больше нѣтъ;
И пасть должно все, что̀ преградой служитъ
Безумному стремленію къ равѐнству;
Но неужель надѣетесь и вы
Такимъ путемъ достичь нововведеній,
И безнаказаннымъ остаться? Нѣтъ!
Здѣсь короли не могутъ за собою
Такъ много дѣлъ великихъ насчитать
И подвиговъ великихъ, какъ дворянство.
Оно одно спасти себѣ умѣло
Въ годины бурь остатки вѣчныхъ правъ,
Оно — источникъ жизни для народа,
Его душа... И кто уничтоженье,
Какъ вы теперь, дворянства замышляетъ,
Тотъ Даніи приготовляетъ гибель!

СТРУЭНЗЕ.

Я изумленъ!.. Ужель уничтоженьемъ
Зовете вы желанье обуздать
Законы всѣ поправшій произволъ?
Но гдѣ, въ какой исторіи, скажите,
Читали вы, чтобъ имя предковъ право
Давало ихъ потомкамъ унижать
Достоинство святое человѣка?
И Цезарь самъ, великій Цезарь палъ,
Когда забылъ, гордыней обуянный,
Что замѣнить отечеству нельзя
Ни отъ боговъ идущимъ славнымъ родомъ,
Ни собственнымъ величіемъ своимъ
Похищенной свободы... и она
Измѣну даже въ немъ не пощадила!
На трудный постъ, по волѣ короля,
Назначенъ я, и главная забота
Моя — свой долгъ исполнить честно, графъ.
Я не привыкъ считать ночей безсонныхъ,
Ни долгихъ дней, что̀ отдаю труду, —
Но ужъ зато и въ дѣйствіяхъ своихъ

Лишь одному обязанъ я отчетомъ,
Кому и благодарностью обязанъ.
Но если вы, съ такою прямотой,
Такъ искренно и смѣло мнѣ довѣрить
Рѣшились мысль завѣтную свою,
Я не хочу въ долгу у васъ остаться,
И правдой вамъ за правду заплачу.
Пусть будетъ такъ... Допустимъ, что народъ
Дворянство чтить обязанъ. Но скажите,
Ужель могли еще терпимы быть
Та наглость, то бездушіе, съ которымъ
Оно, стоя близъ трона, хлопотало
Лишь о себѣ и выгодахъ своихъ?
Скажите мнѣ, благословилъ ли кто
Хоть за одно дѣяніе благое
Сановника, что̀ мной на дняхъ уволенъ
И за кого меня клянетъ дворянство?
Иль не былъ онъ стѣной позолочённой,
Межъ королемъ стоявшей и народомъ?

РАНЦАУ.

Оплотомъ былъ онъ старыхъ нашихъ правъ..

СТРУЭНЗЕ.

И тормозилъ все новое упрямо!
Не вы ли, графъ, впервые ко двору
Меня ввели... Не вы ль тогда сказали:
Король въ дурныхъ находится рукахъ!
Признайтесь же, что онъ не въ лучшихъ былъ
Въ то время, какъ вступилъ я въ управленье?
Надменность, мракъ дѣлили въ государствѣ
Всѣ высшія мѣста между собой;
Предъ ними умъ и честность сторонились...
Продажныхъ слугъ толпѣ подобострастной
Оставленъ былъ служебный низшій трудъ.
Народа кровь сосалъ презрѣнный сводникъ,
Которому позорныя дѣла
Таинственно въ лакейской поручали
И должностью платили за молчанье.

Сынки дворянъ тѣснились на ступеняхъ
Той лѣстницы, что̀ къ почестямъ вела.
Ихъ молодымъ ногамъ не трудно было
Перескочить всѣ низшія мѣста
Однимъ прыжкомъ. Они взбирались ловко
На узкую вершину государства,
Гдѣ достаетъ пространства для немногихъ
Испытанныхъ... И въ ужасѣ страна
Взирала, какъ толпа мальчишекъ знатныхъ
Всѣхъ лучшихъ гражданъ, всѣхъ людей труда
Назадъ, во тьму съ презрѣньемъ оттѣсняла!

РАНЦАУ [смѣясь].

Ну, что жъ, когда орла могучимъ крыльямъ
Доступнѣе заоблачныя выси,
Чѣмъ низкому полету воробья.

СТРУЭНЗЕ.

Но эти крылья я подстригъ немножко
И обуздалъ законами отвагу
Птенцовъ... чтобъ колесницей государства
Какой-нибудь новѣйшій Фаэтонъ
Попрежнему не вздумалъ управлять...
И неужель за это порицанья
Достоинъ я? И вѣрите вы точно,
Что Данія страдаетъ и томится
Съ тѣхъ поръ, какъ тронъ не окружаетъ больше
Всѣхъ этихъ притѣснителей толпа?
Съ тѣхъ поръ, какъ взоръ, увлаженный слезами,
Не обращаетъ пахарь на столицу,
Гдѣ властелинъ его, въ былые дни,
Собравъ плоды трудовъ его кровавыхъ
И при дворѣ вращаясь круглый годъ,
Все расточалъ на оргіи ночныя,
Потомъ, скорбя о тяжкихъ временахъ,
Къ монарху шелъ съ надеждою пополнить
Свой кошелекъ щедротами его!
Хвала Творцу! Все это миновало.
Король усталъ кассиромъ знатныхъ быть:

Я указалъ ему, что̀ истощало
Его казну такъ быстро. Стонъ народа
Достигъ къ нему. Всеобщая нужда
Ему теперь извѣстна... и безсиленъ
Сталъ наглецовъ придворныхъ буйный ропотъ
Истощены всѣ средства государства;
И многое излишнимъ показаться
Должно теперь, — что̀, можетъ-быть, вчера
Считалося еще необходимымъ...
И самъ король примѣръ намъ подаетъ:
Любимый полкъ его распущенъ нынче
И уменьшенъ быть долженъ блескъ двора.
[Пристально глядитъ на Ранцау].
Вы видите, достойный графъ, что если
Недугъ страну дѣйствительно постигъ,
То мы еще найти сумѣемъ средство
Отъ гибели спасти больного друга...

РАНЦАУ.

Я вижу, какъ искусно вы умѣли
Оружіе изъ рукъ дворянства вырвать.
Зато народъ вооружили вы...
Зато теперь неслыханное право
Вы дали всѣмъ и каждому въ печати —
Всю наглость буйной мысли изливать.

СТРУЭНЗЕ.

Кто можетъ запретить народу мыслить?
Пускай же онъ открыто, не стѣсняясь,
Ввѣряетъ мысль свободному станку.

РАНЦАУ.

Вы слѣпы и не видите той бездны,
Къ которой вы идете торопливо.
Оружіе, что̀ дали вы толпѣ,
На перваго на васъ она направитъ.

СТРУЭНЗЕ.

Кто не отъ сердца далъ, лишь тотъ боится,
Что даръ его во зло употребятъ;

42*

Намѣренія чистыя дѣламъ
Равняются великимъ: и того
Счастливымъ назову я человѣка,
Которому, — съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ немъ
Намѣренье впервые зародилось,
До полнаго его осуществленья, —
Звѣзда побѣдъ сіяла благосклонно.

РАНЦАУ.

Не вамъ сіять звѣзда такая можетъ!
Повѣрьте, графъ Струэнзе, что дворянство
Страшнѣй для васъ, чѣмъ думаете вы.
Во всѣхъ сердцахъ таится жажда мести.
Я шелъ сюда, чтобъ васъ предостеречь.
Послушайтесь моихъ предупрежденій,
Оставьте, графъ, я умоляю васъ —
Оставьте путь, который вы избрали...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ странно, какъ могли вы позабыть,
Что всѣ мои распоряженья служатъ
Лишь отголоскомъ воли короля.
И если на себя дворянство смотритъ,
Какъ на оплотъ, какъ на защиту трона, —
Оно должно ту волю свято чтить!

РАНЦАУ.

Я вижу, вы шутить со мной хотите;
Но фразъ пустыхъ блестящимъ фейерверкомъ
Не обмануть вамъ опытность мою.
Вы эту тѣнь больного Христіана
За короля хотите выдать мнѣ?
Но ужъ давно отъ тяжести короны
Усталая отвыкла голова...
Скажите, кто жъ имъ управляетъ? Мать,
И та теперь удалена отъ трона.

СТРУЭНЗЕ.

Извѣстно всѣмъ и каждому въ странѣ,
Что графъ Ранцау — правдивъ и прямодушенъ,

Но въ этотъ мигъ — не сердце говоритъ
Его устами. [Отводитъ его въ сторону]. Фридриха вдову
Назвали вы. Но помните ль то время,
Какъ сами вы разсказывали мнѣ,
Бродя со мной по Ашбергскимъ аллеямъ,
Что видите въ мегерѣ той проклятье,
На короля ниспосланное Небомъ.
И неужель къ супругамъ молодымъ
Ее опять приблизить вы хотите?
Чтобы зерно вражды она могла
Въ сердца ихъ примиренныя посѣять,
И завистью, и злобой отравить
Дни юной и прекрасной королевы?

РАНЦАУ.

Объ юной и прекрасной королевѣ
Вы кстати, графъ, упомянули здѣсь...
Насъ смѣлая британка обманула
И порвала всѣ узы, наконецъ...
Ей властвовать хотѣлось безраздѣльно —
И цѣль ея достигнута вполнѣ.
Но весь народъ узнать, однакожъ, жаждетъ:
Вы ль служите игрушкой для нея,
Или́ она для васъ игрушкой служитъ?..

СТРУЭНЗЕ [вспыхнувъ].

Довольно, графъ! Я смѣлость вамъ прощалъ,
Но не могу простить вамъ неприличья...
Разстанемтесь... Вы съ ненавистью шли, —
Въ васъ не было желанья примириться.
Такъ уносите жъ распрю, какъ ее
Вы принесли съ собою.

РАНЦАУ.

Да, разстаться
Намъ лучше, графъ! Упорную борьбу
Ведетъ законъ издавна съ произволомъ, —
Я — перваго поборникъ, вы — второго...
Разстанемся жъ...

СТРУЭНЗЕ [останавливаетъ его].

Еще одну минуту...
Ничтожностью меня вы не считали,
И къ сильному пришли вы съ смѣлымъ словомъ;
Наказана не будетъ смѣлость ваша...

[Ранцау, быстро взглянувъ на него, уходитъ],

СЦЕНА X.

СТРУЭНЗЕ [одинъ].

Иди, гордецъ! Теперь я за презрѣнье
Плачу тебѣ презрѣньемъ равнымъ. Даже
Ее назвать рѣшился онъ, — ее!

[Закрываетъ лицо руками].

Ты совладать не могъ съ собой, несчастный!
Зачѣмъ, зачѣмъ въ мое больное сердце
Стучала кровь, какъ кающійся грѣшникъ,
Когда я это имя услыхалъ, —
И тайна, что̀ на днѣ души моей
Глубокимъ сномъ спала, какъ призракъ, встала?
Мнѣ не дано душевныя движенья
Таить въ себѣ, незримо для людей:
Открыта всѣмъ душа моя была!
И вотъ, теперь, когда свои страданья
Хранить она должна бъ отъ чуждыхъ взоровъ, —
Она себя предъ ними выдаетъ,
И можетъ врагъ признанье роковое
Прочесть въ моихъ взволнованныхъ чертахъ!

СЦЕНА XI.

Пасторъ **Струэнзе** и графъ **Струэнзе**.

СТРУЭНЗЕ [увидѣвъ отца].

Отецъ! Ужель? О, милостивый Боже!
Я вновь могу прижать его къ груди...

ПАСТОРЪ.

Мой милый сынъ!

СТРУЭНЗЕ.

Отрадный сердцу голосъ!
Какъ я давно молю объ этомъ Небо!..
Какъ долго я надѣялся напрасно,
Напрасно ждалъ тебя увидѣть здѣсь!
Звѣзда семейныхъ радостей сокрылась
Отъ глазъ моихъ съ тѣхъ поръ, какъ засіяло
Мнѣ солнце благосклонности монаршей.
О, дай же глубже, глубже заглянуть
Мнѣ въ этотъ взоръ, гдѣ нѣжность я и ласку
Всегда читалъ... Но что̀ съ тобой?.. Зачѣмъ
Лицо свое ты отвратилъ отъ сына?..
Иль тайную заботу, огорченье
Скрыть отъ него ты хочешь? Боже мой!
О матери еще я не спросилъ!
Что̀ съ нею, гдѣ она?

ПАСТОРЪ.

Она скончалась!

СТРУЭНЗЕ.

Скончалась!

ПАСТОРЪ.

Я ее благословенье
Тебѣ принесъ, мой сынъ... Въ послѣдній мигъ
Она твое произносила имя!

СТРУЭНЗЕ.

Мое! О, мать! Въ твоемъ предсмертномъ взорѣ
Еще горѣлъ благословенья лучъ,
И небеса меня его лишили!
Угасло сердце, полное любви!
О, горе мнѣ, что вздохъ ея послѣдній
Не принялъ я... что нечестивый блескъ
Меня отъ ложа смертнаго ея
Могъ отдалить! За взглядъ ея единый
Теперь бы я охотно отдалъ жизнь!
[Молчаніе. Отецъ и сынъ стоятъ безъ словъ, подавленные горемъ].

СТРУЭНЗЕ.

И какъ она добра была! — Ты помнишь...
Когда, бывало, въ дѣтствѣ слишкомъ круто
Я обращаться съ сверстниками стану,
Ихъ подчинить своей желая волѣ,
Съ неумолимой строгостью она,
Чтобъ обуздать ребенка властолюбье,
Грозила мнѣ суровымъ наказаньемъ...
Но доброе, смягчающее слово
У ней всегда въ запасѣ было... Да!
Любить лишь и прощать она умѣла.

ПАСТОРЪ.

Молись, мой сынъ, чтобъ вѣчное блаженство
Душѣ ея Всевышній даровалъ
И отпустилъ ея всѣ прегрѣшенья.

СТРУЭНЗЕ [съ горечью].

Печальную обязанность ты избралъ,
О, мой отецъ... И къ сыну своему
Пришелъ не въ дни счастливые его.
Не короля его благоволенье,
Не взоры изумленнаго народа,
Что̀ отъ него благихъ дѣяній ждетъ,
Тебя къ свиданью съ сыномъ побудили!
Нѣтъ! ты его тогда лишь посѣтилъ,
Какъ въ бѣдное жилище, гдѣ осталось
Все милое ему и дорогое,
Внезапно смерть отчаянье внесла...
И вѣстникомъ несчастія явился
Мнѣ устъ твоихъ нерадостный привѣтъ!

ПАСТОРЪ.

Для насъ, дѣтей земли, слѣпыхъ и бѣдныхъ,
Двулицей жизнь является... Зовемъ
Тѣ два лица мы — счастьемъ и несчастьемъ.
Но Тотъ, Кто жизнь даетъ и отнимаетъ,
Кто видитъ все, что̀ въ сердцѣ мы таимъ,—

Я думаю, что онъ названья эти
Порой не такъ, какъ мы, распредѣляетъ.
И никогда несчастье отъ Него,—
Повѣрь мнѣ,—не исходитъ... никогда!
Но я боюсь, что счастьемъ называешь
Свое несчастье ты, мой милый сынъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я знаю, ты не можешь мнѣ простить,
Зачѣмъ я сферу узкую покинулъ,
Гдѣ ждалъ меня лишь низкой доли мракъ.
Зачѣмъ не счелъ лжецомъ я голосъ тайный,
Твердившій мнѣ о поприщѣ иномъ
И отъ одра недужныхъ призывавшій
На высоту блестящую меня,
Куда теперь я вознесенъ такъ быстро.
Но развѣ я явился недостойнымъ
Довѣрія, оказаннаго мнѣ,—
И отдался мечтамъ властолюбивымъ?
Пусть кто-нибудь изъ облеченныхъ властью
Отважится сказать мнѣ, что сильнѣе
Желалъ онъ блага общаго, чѣмъ я.
Одна лишь мысль всѣмъ существомъ моимъ,
И разумомъ, и сердцемъ овладѣла:
Какъ разрѣшить старинный трудный споръ,
Чтó власть ведетъ съ правами гражданина,
Чтобъ менѣе чувствительна народу
Была правленья кроткаго рука...
Чтобъ огражденъ онъ былъ отъ произвола
Сознаніемъ разумнымъ правъ своихъ,
И чтобъ его къ невольному отпору
Иной суровый кормчій не привелъ...
Захлопнуть дверь отъ подлаго шпіона
Теперь свободно можетъ гражданинъ.
Его очагъ домашній безопасенъ,
Вознагражденъ достойно честный трудъ...
Не тратится безплодно государство
На созиданье мраморныхъ дворцовъ.
Свободна мысль, съ нея оковы сняты,

И знанья свѣтъ ужъ всходитъ надъ страной!..
Когда жъ мы всѣ въ могилѣ будемъ тлѣть
И смѣнитъ насъ иное поколѣнье, —
Оно мой прахъ, быть-можетъ, посѣтитъ
И, вспомянувъ меня съ любовью, скажетъ,
Что счастьемъ мнѣ обязано оно!

ПАСТОРЪ.

Не скажетъ, нѣтъ! По волѣ одного
Не создается счастіе народа;
Какъ можешь ты народу поручиться,
Что вслѣдъ тебѣ не явится другой,
Еще сильнѣйшей властью облеченный,
И не разрушитъ зданья твоего?
И кто же ты, чтобъ могъ изъ рукъ твоихъ
Народъ принять свободу, какъ подарокъ,
Котораго, по прихоти другихъ,
Онъ былъ лишенъ? Ужели ты умѣлъ
Глубо̀ко такъ ту почву изучить,
Гдѣ деревцо свободы молодое
Пустило корни,—что не можетъ ихъ
Задѣть ничей топоръ неосторожный,
Ни королевскій произволъ, ни твой?
Нѣтъ! этого, увы! не могъ ты сдѣлать,—
Ни даже пожелать великодушно...
Ты можешь лишь ближайшее обдумать.
Своей судьбой ужъ больше управлять
Не властенъ ты, у трона бросивъ якорь.
Какіе бы ни создавались планы
Въ умѣ твоемъ, — въ виду имѣть ты долженъ,
Что слишкомъ близко сталъ ты къ королю.
Боюсь, что не однѣ заботы власти
Тебя, мой сынъ, удерживаютъ тамъ, —
Что тайными, волшебными сѣтями
Опутанъ ты?..

[Графъ Струэнзе отворачивается].

О, Боже! Онъ смущенъ.
Смотри сюда! Взгляни въ лицо мнѣ прямо!
Ну, что жъ? Иль это старческое пламя

Отцовскихъ глазъ не въ силахъ вынесть ты?
О, горе мнѣ! Такъ эта вѣсть, что всюду,
Какъ гибельный пожаръ, распространилась —
Не клевета, не ложь... ты любишь? Да?
Ты королеву любишь, злополучный!

СТРУЭНЗЕ.

Отецъ!

ПАСТОРЪ.

Прочь! Прочь! На голову сѣдую
Отца твой грѣхъ ужасный долженъ пасть.
И алтаря служитель дряхлый молитъ,
Отчаянья исполненъ, чтобъ Всевышній
Конецъ ему скорѣе ниспославъ,
Пока еще изъ устъ твоихъ дрожащихъ
Не услыхалъ того онъ, что сказать
Они хотятъ...

СТРУЭНЗЕ.

Иль слышать ты страшишься,
Что робкія уста произнести
Страшатся сами? Все же не могу
Скрыть отъ тебя я тайну роковую,
И облегчить хочу признаньемъ сердце.
Да! королеву я свою люблю...
И жажду я любви ея безумно,
Тогда какъ долженъ былъ бы на нее
Глядѣть благоговѣйно-робкимъ взоромъ!
Оставь, отецъ, суровый приговоръ:
Мнѣ этотъ ядъ такъ тихо, незамѣтно
Прокрался въ сердце!.. но, однакожъ, я
Назвать могу тотъ часъ, какъ я внезапно
Почувствовалъ себя перерожденнымъ,
И какъ душой моею безоружной
Очарованье мощно овладѣло...
Занемогла въ то время королева.
Король изъ путешествія вернулся;
И мой успѣхъ предметомъ разговоровъ

Былъ при дворѣ. Услужливой толпой
Превознесенъ былъ юный врачъ не въ мѣру
За скромныя заслуги, и меня
Увидѣть королева пожелала.
Всегда одна, отвергнута супругомъ,
Глубо̀ко ненавидима свекровью,
Не находя вокругъ себя друзей,
Она въ тоскѣ безвыходной томилась;
И отъ нея не скрылъ я, что нашелъ
Ее такой. Когда жъ въ моихъ глазахъ
Она участья слезы увидала,
И изъ ея задумчивыхъ очей
Онѣ обильнымъ хлынули потокомъ,
И вспыхнуло лицо ея, — она
Потупилась, смущенная, стыдясь,
Что въ сердце королевы заглянулъ
И въ немъ прочелъ страданье незнакомецъ.
И этотъ мигъ рѣшилъ мою судьбу!
Внезапно страсть мнѣ охватила душу
И надо мною властвуетъ съ тѣхъ поръ.
Она меня слезами отравила,
И съ этими слезами утекли
Навѣкъ мое спокойствіе и счастье!
Я каждый день, въ присутствіи ея,
Ужасныя испытываю муки.
Когда она стоитъ передо мной,
Я избѣгать ея стараюсь взоровъ,
Чтобъ въ нихъ себѣ проклятья не прочесть.
Услышу ль я изъ устъ ея привѣтъ,
А сердца лживый голосъ увѣряетъ
Меня, что въ нихъ звучало страсти слово...
То содрогаюсь я передъ собой,
То вдругъ опять несчастная надежда
Наполнитъ грудь... И ищетъ и находитъ
Себѣ больное сердце утѣшенье
Затѣмъ, чтобъ вновь чрезъ нѣсколько мгновеній
Отчаянью предаться и тоскѣ!
Истерзанъ я борьбою непрестанной...
Чтобъ демона достойно покарать

За дерзкое возстанье противъ Неба,
Изобрѣтать не нужно новыхъ мукъ;
Нельзя найти ужаснѣй тѣхъ, которымъ
Душа моя на жертву отдана!

ПАСТОРЪ.

Мой бѣдный сынъ, ужели станешь ты
Еще терпѣть подобныя мученья?..
Я — не жестокъ... и осуждать тебя
Не въ силахъ я, — я все тебѣ прощаю.
Бѣги скорѣй отъ этого двора!
Духовными дарами надѣлила
Тебя природа щедро, и прожить
Въ уединеньи можешь ты. Пойдемъ,
Пойдемъ со мной, — ты такъ несчастливъ здѣсь!..
Быть можетъ, тамъ забудешь...

СТРУЭНЗЕ.

Никогда!
И если бъ даже могъ, то не хотѣлъ бы.
Лишь дѣло... лишь величье долга могутъ
Меня поднять... Для нихъ я существую.
Мнѣ — отъ любимыхъ цѣлей отказаться
И умереть — одно...

ПАСТОРЪ.

Умри, но только
Пойдемъ со мной... Ужаснѣе всего,
Мой милый сынъ, когда принуждены
Мы, наконецъ, бываемъ сдѣлать то,
Что́ не хотѣли сдѣлать добровольно.
Сойди скорѣй съ опасной высоты,
Пока съ нея враждебною судьбою
Не свергнутъ ты. — Пойдемъ со мной, мой Фридрихъ:
Я одинокъ и грустно доживаю
Свой дряхлый вѣкъ. Съ тобою снова радость
Войдетъ въ мой домъ... Послѣдуй же за мной!

СТРУЭНЗЕ.

Я не могу, отецъ!

ПАСТОРЪ [опускается передъ нимъ на колѣни].

У ногъ твоихъ
Молю — покинь жилище короля!

СТРУЭНЗЕ [стараясь поднять его].

Отецъ!

ПАСТОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Колѣнопреклоненнымъ
Оставь меня: какъ въ часъ мольбы предъ Богомъ...
Дай заклинать тебя!.. Священныя мѣста,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ твоя почила мать,
Миръ возвратятъ душѣ твоей тревожной.
Она зоветъ, зоветъ возлюбленнаго сына, —
Зоветъ его, какъ въ часъ предсмертный свой,
И просвѣтленный духъ ея витаетъ
Надъ нимъ... Спѣши, спѣши на зовъ ея,
О, дорогой мой Фридрихъ!..

СТРУЭНЗЕ [подымая отца].

Не могу!

ПАСТОРЪ [порывисто прижимаетъ его къ груди].

Что́ могъ, то сдѣлалъ я! Господь съ тобой!

СТРУЭНЗЕ.

Ты отъ меня уходишь прочь, отецъ?

ПАСТОРЪ.

Предостеречь тебя я приходилъ,
Но не хочу твое паденье видѣть...
Да защититъ тебя Господь!..

[Уходитъ].

СТРУЭНЗЕ [потрясенный, глядитъ ему вслѣдъ].

Отецъ!

[Послѣ нѣкоторой борьбы].

Къ ней! —

[Громко звонитъ. Вбѣгаютъ слуги].

Къ королю!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната королевы Матильды въ Фридрихсбургскомъ замкѣ. Королева **Матильда**, графиня **Ульфельдъ**, графиня **Рэцъ**.

МАТИЛЬДА [**къ графинѣ Ульфельдъ, которая держитъ въ рукахъ книгу**].

Довольно, милая графиня!.. Перестаньте:
Взволнована я слишкомъ этимъ чтеньемъ, —
Такъ сильно, такъ глубоко потрясли
Меня моленья нѣжнаго Артура,
Умѣвшія проникнуть даже въ сердце
Суровое убійцы, что едва,
Едва не разрыдалась я. Довольно
На этотъ разъ! Да, полубогъ — Шекспиръ!
Онъ силою чудесной превращаетъ
Въ дѣйствительность старинныя преданья
И, кажется, смягчить способенъ камни,
Не только тронуть сердце человѣка.
И не цвѣтетъ та пальма на землѣ,
Которая достойна бъ наградить
Того, кто взорамъ смертныхъ небеса
Души своей божественной открылъ
И образы печальной нашей жизни
Въ святомъ огнѣ поэзіи очистилъ.

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Какое въ государынѣ моей
Сочувствіе находитъ духъ поэта!
Я, признаюсь, понять его не въ силахъ.
Мнѣ кажется, бываетъ слишкомъ шуменъ
Подчасъ полетъ его могучихъ крыльевъ.
И удивляюсь я, что королева
Елизавета смѣлаго любимца
Могла къ себѣ такъ часто допускать...

Вамъ одному обязана я тѣмъ,
Что находить умѣю наслажденье
Въ гармоніи стиховъ его суровой,
И часто, убаюканная имъ,
Душой отъ бурь житейскихъ отдыхаю.

[Смѣясь].

Но не довольно ль... Кажется, графиня
Едва отъ смѣху можетъ удержаться.
Она боится, какъ бы изъ меня
Шекспиръ не сдѣлалъ женщину-поэта.
Грѣхъ былъ бы новъ... для датской королевы;
Но избѣжать желая подозрѣній
Въ такомъ грѣхѣ ужасномъ, перейду
Я къ болѣе достойному предмету.

[Къ Брандту].

Скажите, графъ... Доволенъ ли король?
Не слишкомъ ли мы быстро обогнали
Его величество? Британскій конь,
Чтò подаренъ мнѣ августѣйшимъ братомъ,
Опередилъ всѣхъ датскихъ бѣгуновъ...
Чтобъ поддержать ихъ честь, лишь графъ Струэнзе
Одинъ изъ всѣхъ, сопровождавшихъ насъ,
Отважился соперничать со мною
И отъ меня старался не отстать;
Но, наконецъ, и этотъ смѣлый всадникъ
Себя признать былъ долженъ побѣжденнымъ,
И далеко остался позади...

БРАНДТЪ.

Монархъ призналъ открыто пораженье
Всѣхъ лучшихъ бѣгуновъ своей страны,
И вашего величества отвагой
Онъ восхищенъ; во взорахъ короля
Давно такая радость не свѣтилась.
Не ошибусь я, кажется, сказавъ,
Что празднества недѣли этой шумной
Вполнѣ его желаньямъ отвѣчаютъ.
Балъ-маскарадъ король назначилъ завтра...

МАТИЛЬДА.

Такъ, стало-быть, желанья короля
Сошлись съ моими... Я надѣюсь, графъ,
Что праздникъ вы устроите на славу.
Я чувствую счастливою себя,
Когда придворный, строгій этикетъ
Подъ маскою веселой исчезаетъ.
Фантазіи своей вы дайте волю,
Всѣмъ прихотямъ ея я буду рада
И даже блескъ излишній вамъ прощу,
Лишь только бъ дамъ придворныхъ удалось
Мнѣ пріучить къ веселости невинной,
Которой такъ страшатся всѣ онѣ,
Обычаямъ покорны устарѣвшимъ...
[Къ графинѣ Ульфельдъ].
Не завтра ли хотѣли мнѣ представить
Вы русскаго сановника, который
Рекомендованъ мнѣ императрицей?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Такъ точно...

МАТИЛЬДА.

Пусть на балѣ будетъ онъ,
И пусть найдетъ въ покояхъ королевскихъ
Онъ блескъ двора, покинутаго имъ.
[Къ Струэнзе].
Желаемъ мы, чтобъ этотъ чужестранецъ
Своей императрицѣ разсказалъ,
Какъ здѣсь, при бережливости разумной,
Поддержано достоинство двора.
Не правда ль: мы себѣ дозволить можемъ
Желанье столь умѣренное, графъ?

СТРУЭНЗЕ.

Необходимъ, конечно, этотъ блескъ,
Чтò королеву нашу окружаетъ:
Оправой благородною онъ служитъ
Жемчужинѣ прекраснѣйшей въ странѣ.

МАТИЛЬДА [пристально глядитъ на него].

Да?.. Это точно ваше мнѣнье, графъ?
[Вполголоса].
Однакожъ тонъ словамъ противорѣчитъ!

СТРУЭНЗЕ.

Простите мнѣ...

МАТИЛЬДА [къ графинѣ Ульфельдъ].

Мое шитье, графиня?
[Графиня Ульфельдъ уходитъ].

СЦЕНА III.

Матильда, Струэнзе, Брандтъ

МАТИЛЬДА [къ Струэнзе, проводивъ глазами уходящую графиню Ульфельдъ и видя, что графиня Рэцъ удалилась еще прежде].

Что̀ васъ тревожитъ, графъ? Не притворяйтесь —
Вы отъ меня хотите что-то скрыть.
Скажите же скорѣй. Меня пугаетъ
Вашъ озабоченный и грустный видъ!

СТРУЭНЗЕ.

Я наказанія достоинъ, если
Кажусь такимъ. Таинственныхъ заботъ
Личиной прикрываться не должны
Неровнаго характера причуды, —
Ни передъ кѣмъ, а менѣе всего —
Предъ вашей августѣйшею особой.

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, это не причуды... я не вѣрю.

БРАНДТЪ.

Я разрѣшить берусь загадку... Не мѣшайте.
[Къ Струэнзе, который хочетъ стать между нимъ и королевой].
Сегодня изъ помѣстья своего
Въ столицу возвратился графъ Ранцау.

МАТИЛЬДА.

А! видно, умъ великій свой не хочетъ
Похоронить онъ въ Ашбергской пустынѣ.
Зима опять его приводитъ къ намъ;
Опять влекутъ двора увеселенья.
По крайней мѣрѣ, этотъ неопасенъ —
Хоть, можетъ быть, въ душѣ его надменной
Намѣренья недобрыя живутъ, —
Онъ не вредитъ... ворчитъ себѣ и — только.

БРАНДТЪ [смѣясь].

Но все-таки рѣшился сдѣлать нынче
Онъ важности неслыханной попытку.

СТРУЭНЗЕ.

Она важна въ его глазахъ...

МАТИЛЬДА.

А мнѣ
Сдается, что и въ вашихъ точно такъ же...
Скажите, что жъ ужаснаго случилось?..
Я знать хочу...

БРАНДТЪ.

Ранцау нарушилъ клятву
И посѣтилъ смертельнаго врага...
Въ пещеру льва могучаго явился.

МАТИЛЬДА.

И точно — льва, надѣюсь, въ ней нашелъ?

СТРУЭНЗЕ.

Оружіемъ владѣетъ лучше право,
Чѣмъ ненависть! Но могъ ли бы такъ смѣло
Противостать я смѣлому врагу,
Когда бы не монарха благосклонность,
Не королевы милость дорогая, —
Которыя охраной служатъ мнѣ.

МАТИЛЬДА.

И будетъ вамъ всегда служить охраной,
Покамѣстъ это сердце дорожитъ
Спокойствіемъ и благомъ королевства.

СЦЕНА IV.

Тѣ же и графиня **Ульфельдъ.**

МАТИЛЬДА [графинѣ, которая подаетъ ей рукодѣлье].

Благодарю васъ, милая графиня,

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ [отойдя отъ королевы и взглянувъ въ окно].

Ахъ! Боже мой, чтò это значитъ?

МАТИЛЬДА.

Чтò?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Во весь опоръ сюда несется всадникъ,
Вотъ въѣхалъ онъ въ ворота.
[Вскрикиваетъ].

МАТИЛЬДА.

Чтò случилось?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Загналъ коня! Вотъ падаетъ съ нимъ вмѣстѣ...

МАТИЛЬДА [хочетъ подойти къ окну; мужчины стараются удержать ее],

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Но офицеръ остался невредимъ.

БРАНДТЪ [подходя къ окну].

Кто жъ это? Весь въ поту и еле дышитъ...
Мнѣ кажется, его видалъ я... Точно... Да!
То Левенскьольдъ, одинъ изъ офицеровъ
Норвежскаго полка, который утромъ
Распущенъ былъ...

СТРУЭНЗЕ [замѣтивъ волненіе королевы].

Я ждалъ его! Ко мнѣ
Онъ съ рапортомъ явился.

МАТИЛЬДА.

Такъ поспѣшно?
Нѣтъ! Это намъ добра не предвѣщаетъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я самъ пойду...

МАТИЛЬДА.

Останьтесь, ради Бога.
Одну меня не покидайте, графъ,
Въ ужасной неизвѣстности. Примите
Его при мнѣ. Пускай сейчасъ же онъ
Сюда войдетъ, въ томъ видѣ, какъ пріѣхалъ.
Графиня! умоляю, приведите
Его скорѣй.

СТРУЭНЗЕ [Брандту].

Спѣшите къ королю,
Онъ въ этотъ часъ не долженъ оставаться
Одинъ...

МАТИЛЬДА.

О, да!.. Чтобъ вѣстью непріятной
Не могъ его внезапно поразить
Какой-нибудь услужливый придворный.
[Брандтъ уходитъ].

СЦЕНА V.

Матильда, Струэнзе, капитанъ **Левенскіольдъ,** который входитъ съ графиней **Ульфельдъ;** послѣдняя немедленно удаляется.

МАТИЛЬДА.

А! наконецъ!

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Простите, королева!

СТРУЭНЗЕ.

Ея величеству угодно знать,
Зачѣмъ сюда съ поспѣшностью такой
Явились вы...

МАТИЛЬДА.

По вашему лицу
Я вижу, что несчастье васъ приводитъ...

СТРУЭНЗЕ.

Прошу васъ мнѣ представить ра̀портъ...

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Я
Безъ ра̀порта сюда явился...

МАТИЛЬДА И СТРУЭНЗЕ.

Какъ?

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Мы не имѣли времени писать, —
Я съ битвы, графъ.

МАТИЛЬДА [опускаясь въ кресло].

О, Боже Всемогущій!

СТРУЭНЗЕ [тихо Левенскіольду].

Молю васъ, не пугайте королеву...

МАТИЛЬДА [вставая].

Вы шепчетесь?.. Оставьте эти тайны...
Что̀ бъ ни было, я все желаю знать.

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ [къ Струэнзе].

Могу ль?..

СТРУЭНЗЕ.

Ея величеству угодно...
Кто васъ прислалъ?

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Я присланъ комендантомъ
Съ извѣстьемъ, что гвардейцы возмутились.

МАТИЛЬДА.

О! горе намъ!

СТРУЭНЗЕ [королевѣ].

Вамъ худшее извѣстно.
Пусть капитанъ теперь намъ сообщитъ
Въ подробности, какъ все происходило.

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Когда пять ротъ норвежскихъ нашъ полковникъ
Вторично сбралъ нынче поутру,
Печаль видна была на многихъ лицахъ.
Казалось, что съ оружіемъ своимъ
Прощаются солдаты грустнымъ взглядомъ.
Всѣ думали, что ихъ отставка ждетъ,
Что къ очагу домашнему и къ плугу
Пришла пора вернуться имъ, какъ вдругъ
Приказъ имъ неожиданно прочли,
Въ которомъ говорится, что отъ службы
Не могутъ быть уволены они,
И что его величеству угодно
Перемѣстить ихъ всѣхъ въ полки другіе.
Когда они увидѣли, что нѣтъ
Надежды имъ на родину вернуться,
То ропотъ въ ихъ послышался рядахъ.
Прочтя приказъ, стоялъ полковникъ молча,
И вся толпа на нѣсколько мгновеній
Затихла вдругъ, какъ море предъ грозой.
Но вслѣдъ затѣмъ неистовые крики,
Неслыханные, землю потрясли.
«Отставку намъ!» — повсюду раздавалось...
«На жизнь и смерть мы братья! Разлучить
Не могутъ насъ! Да здравствуетъ нашъ полкъ!»
И всѣ клялись, мѣняясь рукожатьемъ,
Не исполнять прочтеннаго приказа
И никогда не покидать другъ друга.

Напрасно ихъ пытались офицеры
Уговорить. Ни просьбы, ни угрозы
Ихъ не могли заставить разойтись.
По улицамъ столицы побѣжали
Мятежники, и даже мирныхъ гражданъ
Къ возстанью смѣлымъ словомъ возбуждали.
Тогда уже рѣшился комендантъ
Ихъ наказать. Онъ бить велѣлъ тревогу,
И гарнизонъ на бунтовавшихъ двинулъ;
Они жъ, на все готовые, безстрашно
Идутъ впередъ, въ открытый бой вступая;
И смотритъ городъ, въ ужасѣ, какъ льется
По улицамъ солдатъ и гражданъ кровь.

СТРУЭНЗЕ.

Ужасно!

МАТИЛЬДА.

Вотъ къ чему пришли мы!.. Боже!..

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Хоть битва нерѣшенной оставалась,
Когда покинулъ городъ я, но ближе
Все подвигались къ сѣвернымъ ворѳтамъ
Мятежники, и, если имъ удастся
Очистить путь,— мы здѣсь увидимъ ихъ.

СТРУЭНЗЕ.

Какъ? Чтобъ они осмѣлились проникнуть
Сюда... къ монарху — это невозможно!

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Однакожъ, это былъ ихъ лозунгъ; короля
Они хотятъ увидѣть, и ему
Повѣдать о своихъ желаньяхъ лично.
Мятежники надѣются, что имъ
Удастся здѣсь желанную отставку
Добыть путемъ насилья, и потомъ,
Хвалясь легко одержанной побѣдой,
Въ столицу возвратиться съ торжествомъ.

СТРУЭНЗЕ.

Но прежде чѣмъ достигнуть...

[Слышны отдаленные выстрѣлы].

МАТИЛЬДА.

Мы погибли!

СЦЕНА VI.

Тѣ же и дамы королевы.

ДАМЫ.

На помощь!

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Можетъ-быть, вамъ неизвѣстно,
Что возмутилась гвардія, и въ зàмокъ
Идутъ мятежники. Пропали мы!

ГРАФИНЯ РЭЦЪ [вбѣгая].

Идутъ, идутъ!

[Къ Струэнзе].

Спасите королеву!
Они хотятъ разрушить зàмокъ и лишить
И короля, и королеву жизни.

СТРУЭНЗЕ.

Безумный страхъ. Мятежники явились
Сюда затѣмъ, чтобъ за вину свою
Достойное возмездіе принять...

[Левенскіольду].

Скорѣе позовите коменданта.

[Левенскіольдъ уходитъ].

СЦЕНА VII.

Тѣ же, кромѣ Левенскіольда. Потомъ **комендантъ.**

МАТИЛЬДА.

Чтò вы хотите дѣлать, графъ?

СТРУЭНЗЕ.

Я силу
Хочу поставить противъ силы: кровь
Они пролить дерзнули... кровь прольется.
Не на меня падетъ она, на тѣхъ,
Чьи происки коварные подвигли
Безумцевъ ослѣпленныхъ къ преступленью.
[Къ коменданту].
Держать, полковникъ, стражу наготовѣ,
И первыя ворота за́мка пусть
Отрядъ вооруженный прикрываетъ.
Мужское населенье подъ ружье
Поставить все, да выдвинуть орудья,
И ежели къ жилищу короля
Хоть шагъ дерзнутъ безумцы эти сдѣлать,
Вы встрѣтите ихъ пушечнымъ огнемъ.
[Комендантъ уходитъ].

СЦЕНА VIII.

Тѣ же безъ коменданта.

МАТИЛЬДА.

Вы на кровавую рѣшились мѣру.

СТРУЭНЗЕ.

Но прежде, чѣмъ рѣшусь я въ исполненье
Привесть ее и съ ними бой начать,
Я самъ пойду ихъ ярости навстрѣчу;
Быть-можетъ, мнѣ удастся возвратить
Ихъ къ долгу твердымъ, мужественнымъ словомъ.
Я знаю, что обманутыхъ солдатъ
Простымъ сердцамъ доступенъ голосъ чести.
И лишь бы только третій между нами
Не сталъ, съ коварной лестью на устахъ,—
Надѣюсь, что мятежники сознаютъ
Свою вину — и волѣ короля
Попрежнему останутся покорны.

МАТИЛЬДА.

Напрасныя надежды, графъ Струэнзе!

СТРУЭНЗЕ.

Что жъ! Если жизнь моя нужна имъ будетъ,
Пускай возьмутъ ее. Я не хочу,
Чтобъ чья-нибудь здѣсь проливалась кровь,
Пока еще могу спасти своею
Я Даніи спокойствіе и благо!

[Шумъ за дверями. Слышны крики: «Да здравствуетъ полкъ! Къ королю!»]

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Они уже здѣсь!

МАТИЛЬДА.

Спаси насъ, Боже!

СТРУЭНЗЕ.

Здѣсь?
Такъ хорошо жъ! Пусть выберутъ любое:
Иль голову мою — за послушанье,
Иль за упорство — казнь себѣ...

МАТИЛЬДА.

О, горе!
Постойте! Вы убить меня хотите!
Вы жизнь свою рѣшаетесь отдать?..
Нѣтъ!.. нѣтъ!..

СТРУЭНЗЕ.

Но чѣмъ же былъ бы я,
Когда бы для спасенья королевы
Я славой не пожертвовалъ своей?

СЦЕНА IX.

Тѣ же и сэръ **Робертъ Кейтъ.**

СТРУЭНЗЕ [удивленный].

Вы, сэръ?

КЕЙТЪ [останавливаетъ Струэнзе].

Я васъ молю: останьтесь, графъ!

МАТИЛЬДА.

Въ какую вы приходите минуту!

КЕЙТЪ.

Простите, что осмѣлился явиться
Я къ вашему величеству... Когда
Грозитъ опасность датской королевѣ,
То родственная Англія трепещетъ,
А я — слуга ей преданный, и васъ
Предостеречь святымъ считаю долгомъ.
Не тщетно вы дрожите, королева,
Васъ не пустой пугаетъ призракъ... Нѣтъ!
Мятежныя толпы разъярены
И мечъ свой братской кровью обагрили.
О! вѣрьте мнѣ, что если ихъ желанья
Исполнены не будутъ, то они
Не пощадятъ ни васъ, ни короля.

СТРУЭНЗЕ.

Но прежде сами всѣ на мѣстѣ лягутъ!

КЕЙТЪ.

О, ради Бога, графъ, — не принимайте
Кровавыхъ мѣръ!..

СТРУЭНЗЕ.

Я долгъ свой исполняю...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, нѣтъ!.. останьтесь, графъ!.. О, Боже!
Въ душѣ моей и гнѣвъ, и состраданье...
Я знаю, что къ послѣдствіямъ ужаснымъ
Должна привесть пощада... и, однакожъ...

СЦЕНА X.

Тѣ же и Левенскіольдъ.

СТРУЭНЗЕ.

Какую вѣсть несетъ намъ капитанъ?

МАТИЛЬДА.

Не новое ль несчастье?..

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Полкъ рѣшилъ
Уполномочить двадцать человѣкъ,
Которые вамъ письменную просьбу
Вручить должны. Три пункта въ этой просьбѣ...

СТРУЭНЗЕ.

Они извѣстны вамъ?

ЛЕВЕНСКІОЛЬДЪ.

Я ихъ прочелъ.
Мятежники отставки чистой просятъ.
Они хотятъ, чтобъ тотъ, кому достался
Счастливый жребій въ ихъ полку служить, —
Не могъ назначенъ быть въ полки другіе.
Потомъ еще, чтобъ жалованье имъ
Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ давали,
И, наконецъ, желаютъ сохранить
Оружье и мундиръ, который носятъ,
Какъ память о своей почетной службѣ
И въ знакъ того, что полкъ себя ничѣмъ
Не запятналъ, что онъ распущенъ былъ
Единственно по волѣ королевской.
Когда они получатъ это все,
То мирно возвратятся въ Копенгагенъ.
Но если же на требованья ихъ
Монарха не послѣдуетъ согласья,
Они отмстить клянутся; говорятъ,
Что Фридрихсбургъ не устоитъ предъ ними,
И что они не пощадятъ....

СТРУЭНЗЕ.

Довольно!
Избавьте отъ дальнѣйшихъ описаній
Безумства ихъ. Нельзя съ бунтовщиками
Вести переговоровъ королю.
Пускай они оружіе положатъ
И участи своей покорно ждутъ, —
Тогда лишь я ихъ посланныхъ впущу

Проститъ ли ихъ монархъ, иль нѣтъ,—не знаю;
Теперь же имъ отвѣтитъ пушекъ громъ
На каждую мятежную попытку!
Вы слышали?.. Идите жъ, капитанъ,
И передайте имъ мое рѣшенье...

КЕЙТЪ.

И вы хотите, графъ...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ! ни за что!
Такой отвѣтъ ужасный можетъ вызвать
Мятежниковъ на новыя злодѣйства...
О! неужель глаза мои увидятъ,
Какъ брату братъ вонзаетъ въ сердце мечъ,
Какъ обагряетъ кровь дворца ступени!..
Ужель дожить могу я до того!
Спѣшите къ нимъ! спѣшите, ради Бога!
Исполните всѣ требованья ихъ,
Сдержите гнѣвъ, купите примиренье
Какою бы то ни было цѣной!

СТРУЭНЗЕ.

Какъ? Неужель цѣною чести даже
Я долженъ, королева?...

МАТИЛЬДА.

Не заботьтесь
Теперь о томъ, чтобъ славу уберечь,
Чтобъ защитить ее рукой кровавой...
[Слышенъ шумъ].
Они идутъ!.. Погибла я! Дѣтей
Моихъ они изъ колыбели тащатъ
И, высоко ихъ въ воздухѣ поднявъ,
Ликуютъ, что заложниковъ схватили.
Злодѣи! Мать возьмите съ ними вмѣстѣ!
Вы слышите?.. Да! Слышатъ — и ко мнѣ
Бросаются со скрежетомъ зубовъ.

Вотъ на̀ руки кровавыя мою
Распущенную косу намотали
И волокутъ меня... О! кто же, кто
Меня спасетъ?...

[Придя въ себя].

Что̀ сдѣлалось со мною...
Затмился умъ... Простите, ради Бога...
Простите мнѣ... Я — только королева...
И къ ужасамъ подобнымъ не привыкла!

[Рыдаетъ).

КЕЙТЪ.

Храни ее, Господь!

СТРУЭНЗЕ.

Она въ слезахъ,
А я еще колеблюсь... о себѣ
Еще могу въ минуты эти думать?

(Къ Матильдѣ).

Я объявить возставшимъ поспѣшу,
Что будутъ ихъ исполнены желанья,
И скоро миръ надѣюсь возвратить
Встревоженному сердцу королевы!

(Уходитъ).

СЦЕНА XI.

Матильда, Кейтъ.

КЕЙТЪ.

Спокойствіе и твердость, королева!

МАТИЛЬДА.

Такой ли вы меня увидѣть ждали,
Какъ отправлялись въ Данію вы, сэръ?
И думали ль, что вамъ учить придется
Спокойствію и твердости меня?
Гдѣ мужество, которымъ я гордилась?
Слабѣетъ духъ мой, — горе мнѣ! Я вижу,
Какъ въ комнатахъ потоки крови льются;

Всѣ ужасы грядущаго встаютъ
Передо мной, какъ въ зеркалѣ...

КЕЙТЪ.

Но что же
Въ грядущемъ васъ пугаетъ, королева?

МАТИЛЬДА.

Мнѣ вспомнился средь этихъ всѣхъ тревогъ
Забытый страхъ, что въ Лондонѣ, бывало,
Душой моей порой овладѣвалъ.
Когда мнѣ путь лежалъ черезъ Вестминстеръ
Я каждый разъ приказывала слугамъ
Пришпоривать коней, чтобъ миновать
Быстрѣе то окно, что послужило
Стюарту дверью въ вѣчность... Лишь въ него
Шагнулъ онъ, какъ на плаху голова
Его окровавлённая скатилась...
Я отвращала съ тайнымъ содроганьемъ
Всегда свой взоръ отъ этого окна
И думала: тѣ времена прошли;
Не судятъ королей своихъ народы,
И никогда вѣнчанной головы
Топоръ ужъ не коснется нечестивый...
О! вѣрьте мнѣ, я горько ошибалась:
Тѣ времена исчезли не навѣкъ!
Ихъ ужасы должны еще вернуться —
И королей престолы пошатнуть!
И горе всѣмъ, кто такъ, какъ я, дрожитъ.
Неся народной ненависти бремя!

КЕЙТЪ.

Нѣтъ! не на васъ, достойную любви,
Обращена здѣсь ненависть народа.
Нѣтъ! Знаю я, — проклятія его
Отягощаютъ голову другую.
Пришла пора, и вѣрный вашъ слуга
Теперь свободно высказаться долженъ.
Не можетъ графъ Струэнзе управлять
Страной, гдѣ не доросъ до пониманья

Его благихъ намѣреній народъ.
Насильственно разрушить хочетъ графъ
Гніющій домъ старинныхъ предразсудковъ
И замѣнить его роскошнымъ зданьемъ,
Гдѣ было бъ всѣмъ свободно и просторно.
Но датчанамъ — ихъ старое ярмо,
Повѣрьте мнѣ, милѣй свободы новой.
Къ нимъ отъ отцовъ привычка перешла
Переносить капризы произвола,
И гнетъ его напрасно замѣнять
Свободой хочетъ пылкій чужеземецъ:
Онъ отзыва не встрѣтитъ въ ихъ сердцахъ!
Таковъ народъ... Что̀ думаетъ дворянство
И королева-мать, — извѣстно вамъ, конечно.
Всѣ голоса въ одинъ слилися хоръ,
И нынче взрывъ подавленнаго гнѣва
Вы видѣли... Онъ въ ужасъ васъ повергъ.
О, если бъ вы склонили, королева,
Свой слухъ къ моленьямъ стараго слуги,
И если бъ удаленъ былъ графъ Струэнзе...

МАТИЛЬДА.

Ужель они меня хотятъ принудить...

КЕЙТЪ.

Вашъ августѣйшій братъ и всѣ друзья
Васъ умоляютъ: удалите графа!..
Кто бы сюда изъ Англіи ни прибылъ,
Отъ всѣхъ одно и то же слышу я,
Что за спокойствіе особы вашей
Король Георгъ трепещетъ; и не въ немъ
Одномъ живутъ боязнь и опасенье:
Плоссетъ, Шпренгпортенъ, Франціи союзной
И Швеціи намъ родственной послы,
О томъ же молятъ васъ, и я съ надеждой
Предъ вами повторяю ихъ мольбы:
О, удалите графа, королева!
Онъ въ случаѣ нужды себѣ найдетъ
Пріютъ и помощь въ Англіи свободной.

44*

МАТИЛЬДА.

Довольно, сэръ! Что̀ вашего монарха
Сестра простить охотно вамъ готова,
То королевой Даніи не можетъ
Терпимо быть. Оставимъ это все...
Усердіе васъ слишкомъ далеко
Заводитъ, сэръ, — мы ожидаемъ скоро...
[Крики: «Виватъ!»].
Мнѣ кажется, то радостные крики?
О, если бъ онъ смягчилъ лишь ихъ сердца!
Опять бы все могло идти, какъ прежде...

КЕЙТЪ.

Я слышу вашихъ дамъ.

СЦЕНА XII.

Тѣ же и графиня **Ульфельдъ.**

МАТИЛЬДА.

Ну, что̀, графиня?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Не нахожу я словъ, чтобъ передать...
Что̀ за народъ! До глубины души
Меня смягчила вѣрность добрыхъ датчанъ.
Нѣтъ лучшаго народа на землѣ!

МАТИЛЬДА.

Ужели вы не видите, въ какомъ
Томительномъ и страшномъ ожиданьи
Я нахожусь...

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Мы спасены! Гвардейцы
Согласны возвратиться въ Копенгагенъ.
[Слышны трубы и литавры].
Уходятъ! Затрубили отступленье.

МАТИЛЬДА.

Хвала Творцу! Такъ, стало-быть, они
Побѣждены? Ихъ графъ уговорилъ?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Министръ уполномоченныхъ не принялъ...
Онъ вышелъ самъ къ мятежникамъ и сталъ
Имъ объяснять, что только высшей цѣлью
Руководимъ король былъ, распуская
Ихъ полкъ. Они все слушали спокойно;
И лишь когда рѣшился графъ Струэнзе
Къ покорности возставшихъ призывать,
Неистовый, зловѣщій крикъ внезапно
Прервалъ его. Но графъ не потерялся:
Съ достоинствомъ себя онъ предложилъ
Въ посредники межъ ними и монархомъ...
И снизошелъ монархъ на просьбу ихъ!

МАТИЛЬДА.

Такъ, значитъ, все исполнено?..

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Съ восторгомъ
Приказъ они прочли и закричали
Всѣ, какъ одинъ: «Да здравствуетъ король!»
Я радостными плакала слезами...
Внезапное такое послушанье,
Такая вѣрность трону...

МАТИЛЬДА.

О, конечно!..
Я тронута до глубины души,
Я чувствую... но, кажется, самъ графъ
Идетъ сюда?..

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Такъ точно...

СЦЕНА XIII.

Тѣ же и графъ **Струэнзе,** блѣдный и, видимо, взволнованный.

МАТИЛЬДА.

Какъ вы блѣдны!

СТРУЭНЗЕ.

Исполнены желанья королевы.
Мятежный полкъ, побѣду торжествуя,
Въ порядкѣ возвращается домой,
И вашему величеству теперь
Нѣтъ болѣе причины опасаться.
Вы слышите торжественный ихъ маршъ:
Подъ звуки тѣ они хоронятъ славу
Врага... Изъ книгъ исторіи навѣкъ
Они Струэнзе вычеркнули имя,
И не найдетъ его потомство тамъ,
Гдѣ вписаны великія дѣянья
Людей, къ добру стремившихся упорно...
Въ ряды толпы отброшенный, забвенью
Я обреченъ отнынѣ вмѣстѣ съ ней.

МАТИЛЬДА.

Унынье, графъ, такое — малодушно...

СТРУЭНЗЕ.

Быть-можетъ, я къ недостижимой цѣли
Стремился и мечталъ осуществить
То, для чего покамѣстъ не настала
Еще пора! Пускай меня забудутъ!
Но допустить я не хочу, чтобъ міръ
Сказалъ, что я, въ безсиліи слѣпомъ
И гордостью безумной обуянный,
Низверженъ былъ съ вершины славы: самъ
Съ нея сойти хочу я добровольно.
Спустившись внизъ, въ послѣдній разъ измѣрю
Я высоту спокойнымъ, тихимъ взглядомъ —
И отрекусь навѣки...

Увольненья
У вашего величества просить
И также у монарха я намѣренъ.

МАТИЛЬДА.

Какъ? чтò я слышу... вы хотите, графъ?..

СТРУЭНЗЕ.

Я лишь необходимаго хочу.
Коль не за сномъ несбыточнымъ я гнался,
И дѣло мной задуманное стòитъ
Того, чтобъ жизнью жертвовать ему,—
Я долженъ былъ отдать ее сегодня,
Я долженъ былъ святое знамя права
Изъ этой битвы вынесть — или пасть...
Я палъ... но безъ борьбы... Быть-можетъ, лучше,
Что это такъ случилось... и что разомъ
Все кончено... пускай изъ-за меня
Не обагрятся кровью эти нивы
Затѣмъ, чтобъ жатву позднюю принесть.
Я ухожу съ желаньемъ, чтобъ другіе,
И болѣе счастливые, чѣмъ я,
Спокойное создать умѣли счастье,
И чтобы слезъ отчаянья никто
Изъ этихъ кроткихъ глазъ уже не вызвалъ!

КЕЙТЪ.

Да подкрѣпитъ Господь рѣшимость вашу,
Любезный графъ! Она достойна васъ.

СТРУЭНЗЕ [Матильдѣ, которая сидитъ въ креслѣ, стараясь скрыть свои слезы].

Простите, королева, но покинуть
Васъ долженъ я...

[Беретъ ея руку].

И уходя, молю,
Да будетъ мнѣ дозволено коснуться
Въ послѣдній разъ руки той дорогой,
Чтò чрезъ меня страною управляла...

О, горе мнѣ! Вы отвратили взоръ...
Скажите мнѣ одно, одно лишь слово...
Вы сознаёте, что я долженъ... что иначе
Не можетъ быть... Не такъ ли?.. да? Я долженъ?

КЕЙТЪ.

И я къ великодушной просьбѣ графа
Свою мольбу дерзаю пріобщить.
Нѣтъ выбора другого для него!
Но тягостнаго долга исполненье
Вы облегчите милостивымъ словомъ...
Судьба страны, его судьба и ваша
Заключены въ томъ словѣ, королева!
Его отказъ великодушный міръ
Превознесетъ, исполненъ удивленья;
И если графъ забудетъ прежній блескъ
И Англіи свободнымъ гражданиномъ
Захочетъ быть, — объ участи своей,
Увѣренъ я, онъ сѣтовать не будетъ.

МАТИЛЬДА [вставая].

Остаться я одна желаю съ графомъ.
[Кейтъ уходитъ].

СЦЕНА XIV.

Матильда, Струэнзе.

МАТИЛЬДА.

Такъ рѣшено? Вы этого хотите?
Я не ждала, Струэнзе, чтобъ могли
Вы позабыть, чѣмъ я для васъ была,
Чѣмъ для меня вы были... Что жъ! Идите,
Кичитесь вашимъ гордымъ отреченьемъ!
Играйте роль героя! Въ самомъ дѣлѣ,
Не мало нужно кормчему геройства,
Чтобъ отъ кормы въ часъ бури убѣжать.
Межъ тѣмъ какъ женщина, ломая руки
И взоръ вперивъ въ раскрывшуюся бездну,
На кораблѣ покинутомъ, одна,
Ждетъ гибели, отъ страха обезумѣвъ.

СТРУЭНЗЕ.

О, королева!

МАТИЛЬДА.

Этимъ восклицаньемъ
Въ душѣ моей, быть можетъ, пробудить
Вы голосъ благодарности хотите...
Вы королевой назвали меня?
Я стала ей лишь съ той поры, какъ вы
На помощь мнѣ явились. Одинока
И всѣмъ чужда была на тронѣ я
Какой-то блѣдной тѣнью королевы!
Вы возвратили мнѣ любовь монарха;
На голову поникшую мою
Корону возложили, и она
Уже теперь не призракъ только власти.
Мнѣ легкой ношей бремя управленья
Казаться стало... Дѣлъ благихъ желанье,
Великихъ дѣлъ — мой возвышало духъ.
Когда жъ меня рожденіемъ ребенка
Обрадовать угодно было Небу,
Мечтала я, исполнена надеждъ,
Что подлѣ васъ, руководимый вами,
Расти и развиваться будетъ онъ;
Что ваши всѣ благія начинанья
Ему дано, быть можетъ, довершить!
Идите же! Разбейте эти грезы!
Вы скажете: несбыточны онѣ?
Вы скажете: народу ненавистны
И мы, и всѣ стремленья наши?.. Нѣтъ!
Не вѣрю я! Врагамъ лишь ненавистны...
Но не толпѣ: она ослѣплена —
И потому отъ свѣта отвращаетъ
Пока свой взоръ... Бѣжите вы... но развѣ
Въ грядущее проникнуть вы могли?
И въ правѣ вы сказать о сѣменахъ,
Что̀ въ землю вашей брошены рукою:
«Имъ не взойти, имъ не принесть плода»?
Тепло и холодъ, буря и покой,

Союзъ стихій таинственный и время —
Свое свершатъ и сѣменамъ незримо
Въ глубокихъ нѣдрахъ матери земли
Дадутъ созрѣть... Не то же ли бываетъ
Съ великими дѣяньями людей?

СТРУЭНЗЕ.

Напрасно все...

МАТИЛЬДА.

Но если бъ даже такъ,
И если точно все напрасно было, —
Не буду ль я еще одной надеждой,
Любимою надеждою, бѣднѣй,
Когда уйдете вы? И развѣ въ васъ
Я не лишусь единственнаго друга?
Вы знаете, могу ль я положиться
Довѣрчиво на сердце короля?
Я вкругъ себя одну измѣну вижу...
Я большинствомъ своихъ придворныхъ дамъ
Ужъ продана, быть можетъ, Юліанѣ,
И тайную вражду свою онѣ
Замѣнятъ скоро ненавистью явной,
Натянутъ лукъ, и за стрѣлой стрѣла
Въ меня летѣть готовы... Нѣтъ щита!
Нѣтъ друга благороднаго, который
Отъ гибели спасти меня хотѣлъ бы!..
Вонзятся стрѣлы въ грудь... и одиноко
Британское мое угаснетъ сердце!

[Струэнзе дѣлаетъ движеніе ужаса].

Угаснетъ! Да! А между тѣмъ, Струэнзе,
На жизнь и смерть — считала я на васъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ у меня могилой ранней
Принцъ Йоркскій, братъ мой милый, взятъ, — никто
Не проникалъ мнѣ въ сердце такъ глубоко,
Никто не понималъ его, какъ вы...
Я волю вамъ дала безъ опасенья
Читать въ моей душевной глубинѣ;
Не взвѣшивала съ вами осторожно

Я королей и подданныхъ права, —
И не могла я съ вами быть иною!
Я взорамъ вашимъ вѣрила, какъ вѣритъ
Пловецъ звѣздамъ, что̀ на пути опасномъ
Ему свѣтили тихо, неизмѣнно...
Нѣтъ! это невозможно, вы не лгали!
Вы не могли мнѣ лгать, Струэнзе, не могли!
Я знаю, — вы останетесь! Ужели
Вы допустить хотите, чтобъ Ранцау
Возвысился, надъ нами издѣваясь?
Чтобъ идіотъ, сынъ этой Юліаны,
Участья домогался въ управленьи
Страной? О, нѣтъ! Еще найдутся средства
У насъ враговъ кичливыхъ одолѣть;
Исправить намъ удастся, я надѣюсь,
Всѣ неудачи нынѣшняго дня.
Еще мы много можемъ, если только
Великаго желать не перестанемъ
И разобщать не будемъ нашихъ силъ.
О, неужель, Струэнзе, ни мольбы,
Ни даже слезы вашей королевы
Васъ не тронут́ъ?.. Скажите жъ мнѣ, скажите,
Что остаетесь вы...

СТРУЭНЗЕ.

Я лишь одно
Сказать могу, что я — вашъ рабъ навѣки!
Пусть смерть свою прочту я въ вашихъ взорахъ!
Пусть отсѣчетъ сѣкира палача
Ту руку мнѣ, что̀ нынѣ поднимаю
Я съ клятвой неизмѣнно вамъ служить
До своего послѣдняго мгновенья!
Что̀ смерть и что̀ мнѣ муки всѣ, когда
Изъ вашихъ устъ я ободренье слышалъ?..
Душевный мракъ разсѣяли внезапно
Надежды животворные лучи...
И лишь о васъ теперь мои всѣ думы, —
Для васъ одной дышу я и живу!

МАТИЛЬДА [про себя].

Что̀ слышу я!.. О, сердце, успокойся!
[Вслухъ].
Не такъ, достойный графъ... Мы хладнокровно
Все обсудить должны теперь и взвѣсить,
И твердая рѣшимость намъ нужна...

СТРУЭНЗЕ [усиливаясь побѣдить волненіе, про себя].

Гдѣ былъ я?
[Вслухъ].
Да! Рѣшительныя мѣры
Необходимо тотчасъ же принять.
Мы съ твердостью пойдемъ врагамъ навстрѣчу,
И въ ихъ среду проникнемъ... Въ Фридрихсбургѣ
Мы долѣе скрываться не должны.

МАТИЛЬДА.

Какъ понимать мнѣ васъ?..

СТРУЭНЗЕ.

Еще въ столицѣ
Возстанье не затихло, королева.
Ужель страшить насъ можетъ это пламя?
Нѣтъ! пусть оно пылаетъ намъ въ лицо!..
Мы не дадимъ имъ втайнѣ наслаждаться
Ихъ торжествомъ! На пиръ презрѣнный ихъ
Въ свидѣтели себя мы приглашаемъ.
Пусть думаютъ они, что мы дрожимъ,
Къ сопротивленью медленно готовясь,—
Мы разувѣримъ ихъ!

МАТИЛЬДА.

Такъ вы хотите?

СТРУЭНЗЕ.

Чтобы его величество и вы
Отправились сегодня же въ столицу,
Со всѣмъ дворомъ.

МАТИЛЬДА.

Ужель должна я буду
Униженно тамъ встрѣтить Юліану,
Пылающую злобою ко мнѣ...

СТРУЭНЗЕ.

Нѣтъ! вамъ чела вѣнчаннаго предъ нею
Склонять не нужно; встрѣтите ее
Съ величіемъ, достойнымъ королевы,
Во всеоружьи сознаннаго права
И юною блистая красотой...

МАТИЛЬДА.

Я не хочу съ ней видѣться... не въ силахъ...

СТРУЭНЗЕ.

Вы съ ней должны увидѣться. Вы сами
Необходимость этого свиданья
Признаете, увѣренъ твердо я...
Пусть примиренье мнимое свершится;
Намъ время дастъ оно развѣдать планы
Противниковъ. Щадить я буду ихъ,
Пока щадить возможно, и карать,
Когда того потребуетъ страны
Спокойствіе — и ваша безопасность.
Балъ-маскарадъ назначенъ завтра здѣсь —
Въ столицѣ мы надѣнемъ лучше маски...
И подъ нѣмой, обманчивой личиной
Сокроемъ все, что̀ сердце намъ гнететъ.

МАТИЛЬДА [съ ироніей].

Какъ этотъ праздникъ кстати!

СТРУЭНЗЕ.

Не угодно ль
Вамъ написать теперь собственноручно
Къ противницѣ записку, королева,
И пригласить ее...

МАТИЛЬДА.

Какъ? я должна?

СТРУЭНЗЕ.

Мы предъ лицомъ дворянства примиренье
Отпраздновать торжественно должны.
Коль обмануть врага удастся намъ,—
Тѣмъ лучше... Если жъ нѣтъ,—по крайней мѣрѣ,
Ему въ глаза мы взглянемъ, чтобъ не могъ
Онъ гибели намъ тайной приготовить.

МАТИЛЬДА.

Я дѣйствовать предоставляю вамъ,
А у меня нѣтъ воли... Дай-то, Боже,
Чтобъ это все къ хорошему концу
Могло привесть...

СТРУЭНЗЕ.

И приведетъ, надѣюсь.
О дорогихъ минутахъ этихъ я
Святое унесу воспоминанье;
Оно меня на жизненномъ пути
Сопровождать всегда и всюду будетъ.
Мнѣ кажется, что слышу я досель
Чарующіе звуки этихъ словъ,
Всесильныхъ словъ, меня призвавшихъ къ жизни!
Мнѣ нечего надѣяться, терять...
Одной лишь мысли, одному лишь чувству
Душа моя всецѣло отдана̀...
Нѣтъ у меня стремленій и желаній
Другихъ, какъ жить и умереть для васъ!

[Уходитъ].

СЦЕНА XV.

Матильда одна.

МАТИЛЬДА.

Что̀ я ему сказала?.. что̀ услышать
Должна была?..

[Гордо и съ живостью].

Я — королева... и...

[Погружается въ глубокое раздумье, потомъ испуганно].

О, Боже, Боже мой, какая бездна!

[Быстро уходитъ].

ПЕРЕМѢНА.

Комната королевы Юліаны. Нѣсколько дверей.

СЦЕНА XVI.

Юліана сидитъ въ креслахъ, подлѣ нея стоитъ **Ранцау; Келлеръ, Шакъ, Гульдбергъ** — сидятъ за столомъ и пишутъ.

ШАКЪ.

Такъ вашему величеству угодно
Дозволить мнѣ, чтобъ въ этомъ заговорѣ
Я былъ лишь соучастникомъ?.. И самъ
Я ничего предпринимать не долженъ?
Съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ
Мы жизнь свою проводимъ, а навстрѣчу
Опасностямъ идти — не наше дѣло.

[Обращаясь къ присутствующимъ].

Вамъ, господа, мечомъ владѣть привыкшимъ,
Принадлежитъ по праву эта честь.
Коль я могу совѣтами своими
Полезнымъ быть въ великомъ предпріятьи
И въ случаѣ удачи возвратить
Родной странѣ спокойствіе и счастье, —
То я всегда къ услугамъ королевы.

ЮЛІАНА.

Согласна я, достойный Шакъ, — отъ васъ
Мы требовать совѣта только будемъ,
И дѣйствовать не нужно вамъ...

ШАКЪ.

Дозвольте
Еще вопросъ мнѣ сдѣлать: почему
Мы здѣсь его высочества не видимъ?

ЮЛІАНА.

Вы спрашивать не стали бы, конечно,
Меня о томъ, когда бъ могли прочесть,
Чтò въ материнскомъ сердцѣ происходитъ...
Заботы я хочу нести одна,
Награду же — ему предоставляю.

[Вполголоса Шаку].

Подумайте: ужели я могла
Опасностямъ невѣрнаго исхода
Подвергнуть жизнь того, кто государству
Необходимымъ сдѣлается скоро?..
Нѣтъ! никогда...

[Вслухъ].

Дѣла васъ призываютъ,
Мой добрый Шакъ. Я не держу васъ дольше.

[Шакъ уходитъ].

СЦЕНА XVII.

Тѣ же, кромѣ **Шашка**.

ЮЛІАНА.

Какъ видно, не изъ храбрыхъ онъ... но, къ счастью,
Въ герояхъ недостатка нѣтъ у насъ,
И потому безъ сожалѣнья можно
Такимъ бойцомъ пожертвовать. Теперь
Я попросила бъ снова прочитать,
Что нынче мы рѣшили на совѣтѣ.
Согласны вы? Такъ повтори же, Гульдбергъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ [заглянувъ въ лежащую передъ нимъ бумагу].

По мнѣнью королевы...

ЮЛІАНА [перебивая его].

Это мнѣнье
Не мной лишь — всѣми выражено было.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Есть два пути министра свергнуть: первый —
Привлечь стараться войско постепенно

И дѣйствовать потомъ открытой силой.
Лишь графъ Ранцау подобный подвигъ можетъ
Свершить, какъ вы изволили сказать...

РАНЦАУ.

Да, это — лучшій путь.

ЮЛІАНА.

Конечно, лучшій
Для истинныхъ героевъ.
[Тихо, къ Ранцау].
Если бъ всѣ
Такъ думали, какъ нашъ Баяръ Ранцау, —
Я и сама не стала бъ колебаться.
[Вслухъ].
Но я люблю народъ и не хочу,
Чтобъ кровь его лилась... Чтò дальше, Гульдбергъ?...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Второй...

ЮЛІАНА.

Ахъ, да! теперь припоминаю.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Второй — избрать удобную минуту,
Когда король останется одинъ,
И убѣдить его, а если нужно будетъ,
То силою заставить...

РАНЦАУ.

Силой? Какъ!..
Гдѣ это сказано?..

ГУЛЬДБЕРГЪ [показывая бумагу].

Вотъ здѣсь.

ЮЛІАНА.

Читай!

ГУЛЬДБЕРГЪ [продолжая].

То силою заставить, чтобъ Струэнзе
И Брандта онъ схватить велѣлъ. Бумагу
О томъ заранѣ нужно изготовить...

ЮЛІАНА.

Какъ?.. Лишь двоихъ схватить? не больше?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Здѣсь
Еще стоятъ Левенскіольдъ и Гёллеръ.

ЮЛІАНА.

Предосторожность требуетъ, чтобъ мы
Включили въ этотъ списокъ королеву
Матильду... Припиши ее.

[Пока Гульдбергъ пишетъ, входитъ камеръ-лакей и подаетъ королевѣ письмо].

ЮЛІАНА.

Чтò вижу!
Изъ Фридрихсбурга, отъ графини Ульфельдъ.

[Къ Ранцау].

Вотъ преданность!

[Распечатываетъ письмо].

О! милая графиня,
Скажите!

[Читая].

Кто могъ думать! Кавалькада!
Давно ли, графъ, въ обычаѣ у насъ,
Чтобы верхомъ скакали королевы?
Да! признаюсь — часъ отъ часу не легче!
Но слушайте: «Близъ королевы ѣхалъ
Все время...» — кто?

[Къ Ранцау].

Вы вѣрно угадали!
Кто жъ — какъ не этотъ лекарь и министръ!..
Повѣрьте мнѣ... что мы еще увидимъ,
Коль во-время не примемъ должныхъ мѣръ,

Какъ съ наглостью, не знающей предѣловъ,
Онъ, наконецъ, на датскій сядетъ тронъ!

[Читаетъ].

А! хорошо! Я такъ и ожидала:
Возстаніе повергло въ ужасъ всѣхъ.
«Министръ...» — что это? Я глазамъ не вѣрю...
Не можетъ быть... Прочтите сами, графъ.
Я поняла не такъ, быть-можетъ...

РАНЦАУ [Беретъ изъ рукъ ея письмо и читаетъ].

«Когда англійскій посланникъ удалился изъ комнаты королевы, ея величество осталась...»

ЮЛІАНА [въ негодованіи].

Съ нимъ!
Неслыханно! И никого изъ свиты, —
Изъ дамъ ея, не находилось тутъ?
Нѣтъ! не дозволю я, чтобъ короля,
Чтобъ домъ нашъ весь она безчестить смѣла!
Какой позоръ! Что, если бы объ этомъ
Узнали, графъ? L'Europe en frémirait!
И будутъ знать!

[Входитъ камеръ-лакей].

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Съ невѣроятной вѣстью
Я къ вашему величеству являюсь.

ЮЛІАНА.

Съ какой еще?

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Король въ столицу прибылъ.

ВСѢ.

Какъ? кто?

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Король со всѣмъ дворомъ. Мой сынъ
Сейчасъ лишь изъ дворца; тамъ суетятся,

45*

Никто его величества не ждалъ,
А завтра маскарадъ большой назначенъ.

ЮЛІАНА.

Насъ предали...

РАНЦАУ.

Не можетъ быть.

[Входитъ другой лакей].

Ты съ чѣмъ?

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

Къ ея величеству отъ королевы
Матильды — пажъ...

ЮЛІАНА.

Ко мнѣ, въ такую пору?

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

Онъ говоритъ, что съ очень спѣшнымъ дѣломъ.

ЮЛІАНА.

Не на виду ль стоитъ карета графа?

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

Я на второмъ дворѣ всѣ экипажи,
Какъ было мнѣ приказано, поставилъ.

ЮЛІАНА.

Такъ этотъ пажъ не знаетъ, стало-быть,
Кто у меня?

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

И въ голову не можетъ
Ему прійти, чтобъ былъ здѣсь кто-нибудь.

ЮЛІАНА.

Такъ позови его.

[Первому лакею].

А ты проводишь
Гостей въ большую мраморную залу.

Простите, господа, что заставляю
Васъ ждать. Я только выслушать должна
Посланье это, и потомъ, надѣюсь,
Мы будемъ совѣщанье продолжать.
Вотъ онъ идетъ. Скорѣе удалитесь.

[Всѣ уходятъ].

СЦЕНА XVIII.

Юліана и пажъ.

ПАЖЪ [подавая письмо].

Письмо отъ королевы...

ЮЛІАНА.

Оно, какъ думать надо, очень важно.

[Читаетъ].

Время танцевъ
Давно ужъ миновало для меня...
Но это, точно, почеркъ королевы...
Она сама меня на праздникъ проситъ.
За нервы я свои боюсь... они
Разстроены, а воздухъ во дворцѣ
Такъ не хорошъ, такъ вреденъ мнѣ бываетъ...
Но подожди немного.

[Пишетъ].

Я пріѣду...

[Отдаетъ письмо].

Возьми... но если хуже будетъ мнѣ,
То я прошу впередъ ужъ извиненья.
Теперь прощай!

[Пажъ откланивается и уходитъ].

Нѣтъ! нѣтъ! я буду непремѣнно.
Предъ ними я не стану извиняться.
Не знаю я — чего они хотятъ,
Зачѣмъ зовутъ меня, но примиренья
Комедію могу я разыграть.
А если вдругъ осмѣлятся они
Схватить меня?.. Какіе пустяки!
Они и здѣсь могли бы это сдѣлать.

Быть-можетъ, время выиграть имъ нужно?
Мы это все сейчасъ обсудимъ...
[Идетъ къ дверямъ, въ которыя вышли заговорщики, и вдругъ останавливается].
Нѣтъ!..
Чего я жду? Зачѣмъ еще я медлю?
И мнѣ, какъ имъ, минута дорога.
Тотъ побѣдитъ, кто дѣйствовалъ быстрѣе,
И если мы благопріятный мигъ
Упустимъ, — все погибло. Рѣшено!
Лишь догорятъ на пиршествѣ огни, —
Струэнзе жизнь и блескъ угаснутъ съ ними!
[Отворяя двери].
Сюда, скорѣй! Читайте, графъ, и вы.
[Показываетъ письмо королевы графу Ранцау, который передаетъ его другимъ].

РАНЦАУ.

Какое жъ вами принято рѣшенье?

ЮЛІАНА.

На праздникъ я поѣду, какъ и вы.
Мы всѣ должны тамъ находиться, — всѣ.
Забавъ двора мы прерывать не будемъ
И юности веселья не смутимъ.
Но въ ту же ночь освободимъ отчизну
И отъ врага избавимся...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Прекрасно!

РАНЦАУ.

Такъ завтра вы хотите, королева?..

ЮЛІАНА.

Исполнить то, что мы рѣшили нынче.
[Тихо къ Ранцау].
Расчетъ мой вѣренъ, графъ.
[Вслухъ другимъ].
Теперь прошу
Прослушать, какъ на завтрашнюю ночь
Межъ вами я распредѣлила роли,

И каждый пусть запишетъ у себя,
Чтò на него возложено... Заранѣ
Обдумала и взвѣсила я все,—
И перемѣнъ не сдѣлаю... Но память
Моя слаба по временамъ бываетъ,
Такъ я хочу, чтобъ письменно мой планъ
Изложенъ былъ.

[Келлеру].

Начните вы, полковникъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Жду приказаній вашихъ, королева.

ЮЛІАНА [диктуетъ. Келлеръ записываетъ въ своемъ бумажникѣ].

Предъ окончаньемъ бала, ровно въ часъ...

КЕЛЛЕРЪ [повторяя].

Предъ окончаньемъ бала, ровно въ часъ...

ЮЛІАНА [погруженная въ раздумье и не слушая его].

Когда же балъ окончится... тогда...
Тогда...

[Всѣ въ ожиданіи смотрятъ на королеву. Занавѣсъ падаетъ].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ.

Музыка. Маски и другіе гости проходятъ по сценѣ.

СЦЕНА I.

Струэнзе и **Келлеръ**.

КЕЛЛЕРЪ.

Я все исполнилъ, какъ вы приказали.

СТРУЭНЗЕ.

Благодарю, полковникъ. Осторожность
Не повредитъ. Я радъ, что въ эту ночь

Всѣ караулы полкъ вашъ занимаетъ.
Я только вамъ столицы безопасность
Могу безъ страха ввѣрить...

КЕЛЛЕРЪ.

Вѣрной службой
Я оправдать надѣюсь этотъ отзывъ...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ кажется, спокойно все теперь,
И мятежа затихли отголоски?

КЕЛЛЕРЪ.

Вполнѣ!

СТРУЭНЗЕ.

Какимъ все дышитъ здѣсь весельемъ!
Въ забавахъ страхъ недавній позабытъ.
Но нѣтъ еще одной желанной гости:
Нѣтъ королевы Юліаны здѣсь...
[Трубы и литавры].

КЕЛЛЕРЪ.

Едва ль не возвѣщаютъ эти звуки
Ея пріѣздъ...

СТРУЭНЗЕ.

Да, точно. Вотъ она!
Навстрѣчу ей скорѣе...
[Уходитъ поспѣшно].

КЕЛЛЕРЪ.

Въ этотъ залъ
Вошла твоя погибель вмѣстѣ съ нею.
О, ночь давно желанная! Врага
Ты роскошью и нѣгой убаюкай,
Чтобъ тихою, неслышною стопою
Подкралась месть кровавая къ нему!
[Отходитъ въ глубину сцены].

ГОЛОСА.

Мѣсто королевѣ! Мѣсто!

СЦЕНА II.

Юлiана, Матильда, Гульдбергъ, придворныя дамы; потомъ **Брандтъ.**

ЮЛIАНА [Матильдѣ].

Да!.. Вы ко мнѣ немилосердны были,
Меня на этотъ праздникъ пригласивъ.
Лишь юности въ такихъ увеселеньяхъ
Простительно отраду находить.
Въ мои лѣта приличнѣе молитва,
Иль тихiй сонъ, въ столь поздніе часы.

МАТИЛЬДА.

Чего вамъ это стоило — прiѣхать
На праздникъ нашъ, — я знаю, королева.
Но если ужъ угодно было вамъ
Склонить свой слухъ къ моей усердной просьбѣ,
То не раскаивайтесь въ этомъ. Балу
Блескъ придаетъ лишь ваше посѣщенье.

ЮЛIАНА.

О, нѣтъ! о, нѣтъ!.. Вы — праздника царица,
Какъ и страны... Весь блескъ его отъ васъ.
И, точно, — вы еще прекраснѣй стали,
Еще свѣжѣй! Вы расцвѣли, какъ роза.
Но странно мнѣ: у сына моего,
У короля, была я; какъ печаленъ,
Какъ блѣденъ онъ! Я говорю, мнѣ странно:
Здѣсь вижу я веселость и здоровье,
Тамъ—грустный взоръ и блѣдность мертвеца!

МАТИЛЬДА.

И этотъ взоръ, повѣрьте мнѣ, не можетъ
Васъ огорчать сильнѣе, чѣмъ меня.
Но если мнѣ печаль еще досель
Согнать съ лица румянца не успѣла,
Тому виною молодость моя,
Съ которой ей бороться приходилось!
Немного лѣтъ еще такой борьбы,
И съ торжествомъ мои враги увидятъ,
Какъ, блѣдная, сойду въ могилу я.

ЮЛІАНА [не слушая].

Да... да... король, какъ видно, въ эти дни
Не мало огорченій перенесъ.

МАТИЛЬДА [едва сдерживая гнѣвъ].

Не въ эти дни... Въ дни дѣтства своего...
Съ тѣхъ поръ скорбитъ душа его больная!

ЮЛІАНА.

Какъ васъ понять?

МАТИЛЬДА.

Въ странѣ идетъ молва,
Что принялъ ядъ онъ въ дѣтствѣ...

ЮЛІАНА [перебивая].

Тише!
Все это сказки нянекъ...

МАТИЛЬДА.

Нянекъ, да.
Вѣдь нянька разболтала всѣмъ, — кто ядъ
Ему въ лекарства влилъ...

ЮЛІАНА.

Ужъ если вы
На низкія свидѣтельства рабовъ,
На сплетни ихъ презрѣнныя такъ падки...
То подождите жъ!..

[Опомнившись].

Общее веселье
Смущаемъ мы серьезнымъ разговоромъ.
Царицу бала ждутъ давно, а я...
Я все еще васъ къ сердцу не прижала...
Простите мнѣ...

[Пока Матильда подходитъ къ ней нетвердымъ шагомъ, про себя].

Твой ядъ я возвращаю
Тебѣ назадъ...

МАТИЛЬДА.

Мнѣ измѣняютъ силы!
[Входитъ Брандтъ].

БРАНДТЪ [къ Матильдѣ].

Сейчасъ второй начаться долженъ танецъ.

МАТИЛЬДА [къ графинѣ Ульфельдъ].

Я танцовать его желаю съ принцемъ.
[Графиня Ульфельдъ уходитъ].

ЮЛІАНА.

Горжусь я, что на сына моего
Вашъ выборъ палъ...
[Про себя].
Она меня не слышитъ.
Какъ видно, ей ужъ слишкомъ глубокò
Стрѣла моя вонзилась въ сердце...

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ [входя].

Принцъ...

ЮЛІАНА.

Мой сынъ васъ ждетъ...

МАТИЛЬДА.

Какая мука! Боже!
[Юліанѣ].
Позвольте васъ просить — со мною въ залъ.
[Уходятъ].

СЦЕНА III.

Келлеръ и Гульдбергъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Вѣрь поцѣлую этому, Матильда!

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Не громко! Насъ подслушать могутъ здѣсь.

КЕЛЛЕРЪ.

Гдѣ графъ Ранцау?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Я не нашелъ его.

КЕЛЛЕРЪ.

Не въ рыцарскомъ ли залѣ...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Нѣтъ и тамъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Что̀ если намъ онъ измѣняетъ, Гульдбергъ?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Не слишкомъ ли поспѣшны вы, полковникъ?
Положимъ, я замѣтилъ, какъ и вы,
Что завистью его пылали взоры,
Что полонъ былъ онъ злобы затаенной,
Когда ея величество свой планъ
Намъ диктовать изволила... конечно,
Онъ ничего бы лучшаго придумать
Не могъ и самъ; но такъ какъ все идетъ
Не отъ него, и онъ передъ народомъ
Не явится отечества отцомъ,
То, можетъ-быть, ему ужъ ненавистно
И самое спасеніе страны.
Но предавать онъ все-таки не станетъ,
Чтобъ не могла исторія сказать,
Что духъ его дворянскій до измѣны
Унизился. Онъ, празднымъ оставаясь
Въ подобный мигъ, лишь испугать насъ хочетъ
И доказать, какъ онъ необходимъ;
Герой нашъ убѣжденъ, что безъ него
Упустимъ мы удобную минуту.
Конечно, онъ надѣется потомъ
Стать во главѣ задуманнаго дѣла
И за собой насъ повести; межъ тѣмъ

Какъ въ эту ночь — велѣньямъ королевы
Онъ долженъ подчиниться безусловно.

КЕЛЛЕРЪ.

И подчинится! Если жъ въ три часа
Онъ на посту назначенномъ не будетъ,
То я даю вамъ слово, что велю
Его тащить изъ спальни кирасирамъ.
Я — командиръ полка, и доказать
Берусь его сіятельству, что громче
Оружіе звучитъ, чѣмъ титулъ графа,
И что когда приказываю я,
Онъ слушаться обязанъ, какъ другіе.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Вернемся въ залъ, полковникъ. Подозрѣнье
Нашъ разговоръ, пожалуй, возбудитъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Ступайте вы, я поищу Ранцау:
Меня его отсутствіе тревожитъ.
[Расходятся въ противоположныя стороны].

СЦЕНА IV.

Матильда и **Струэнзе** выходятъ изъ средней двери.

[Передъ ихъ приходомъ изъ боковой двери появляется маска; она кого-то ищетъ и, не найдя никого, быстро возвращается въ залъ].

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ! не могу я дольше выносить!
И отъ толпы, отъ этого веселья
Куда-нибудь укрыться я должна.
Не слѣдуетъ ли кто-нибудь за мною?..
Нѣтъ никого! Ну, слава Богу! Здѣсь
Могу я плакать! Жгучими слезами
Я эти цѣпи вытравить могу, —
Мучительныя цѣпи принужденья,
Что̀ рѣжутъ мнѣ и давятъ сердце... Нѣтъ!
Я притворяться болѣе не въ силахъ.

Въ глазахъ моей противницы читаю
Я ненависть, и льстивыя слова,
Что̀ сынъ ея мнѣ щедро расточаетъ,
Скрываютъ ядъ... Признаться ль вамъ? Друзей —
И тѣхъ подозрѣвать я начинаю!
А я должна веселой быть... когда
Вокругъ меня предательствомъ все дышитъ!

СТРУЭНЗЕ.

Въ груди ея нѣтъ сердца... Чуждо ей
Все, что людей волнуетъ и счастливитъ...
Иначе не могла бъ она на васъ,
Которую сегодня окружаетъ,
Какъ ореолъ, всеобщая любовь,—
На васъ, блестящую красою чистой,
Смотрѣть — и не склониться передъ вами,
Вражду въ себѣ и злобу заглушивъ, —
Не принести вамъ въ жертву, съ умиленьемъ,
Раскаянья исполненнаго сердца...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, нѣтъ! она не хочетъ, чтобы я
Блистала, чтобъ меня еще любили.
Увидѣть ей хотѣлось бы меня
Покинутой, страдающей и блѣдной...
О! какъ ужасно,—если бъ знали вы,
Какъ тяжко — ненавидимою быть!

СТРУЭНЗЕ.

Ужель къ себѣ вы ненависть одну
Внушаете и — только, королева?
Мнѣ жъ кажется, что будто все созданье
Любовью къ вамъ безмѣрной пламенѣетъ!
Богини древней поясъ не утраченъ,
Но, вѣчно юной прелестью блистая,
Станъ обвиваетъ царственной жены,
Что̀ предо мной стоитъ,—вокругъ себя
На все и свѣтъ, и радость изливая...
Смотрите, вотъ въ волнахъ ея кудрей

Такъ радостно трепещетъ брилліантъ...
А на груди — горитъ рубинъ восторгомъ...
И роза — тамъ, у сердца, такъ свѣжа,
Какъ бы ее несла родная вѣтка...
Она цвѣтетъ, благоухаетъ, дышитъ!
И сорванному, мертвому цвѣтку
Волшебной силой — жизнь вы сообщили!
Все, все, чтò здѣсь живетъ, любовью къ вамъ
Полнò!.. Не отвращайте взора...
Васъ ненависть пугаетъ,— неужель
Вы покарать хотите и любовь,
Ее отринувъ?.. О! когда бъ вы знали,
Чтò въ этомъ сердцѣ!

МАТИЛЬДА.

Все я угадала...

СТРУЭНЗЕ.

Такъ пусть оно раскроется вполнѣ
Предъ вами, — какъ раскрылась эта роза
Подъ кроткими лучами вашихъ глазъ...
Дозвольте мнѣ сказать вамъ, какъ боролись
Отчаянье, сомнѣнье и надежды
Въ груди моей...

МАТИЛЬДА.

Молчите... знаю все...

СТРУЭНЗЕ.

Вы знаете?.. И можете прощать,
И на меня смотрѣть еще вы въ силахъ?
Васъ не страшатъ безумія черты?
Вы съ ужасомъ отъ нихъ не отвернетесь?..

МАТИЛЬДА.

Я бы должна виновнымъ васъ признать,
Но не могу, не въ силахъ это сдѣлать...
И потому сама теперь виновна!

Я бы должна признать виновнымъ васъ,
Но я виню свое больное сердце,
Что̀, послѣ долгой скорби и тоски,
Довѣрчиво, въ отвѣтъ на ваше, билось.
Виню судьбу, которая меня
Оторвала отъ милой мнѣ отчизны
И бросила на этотъ островъ чуждый,
Гдѣ я жила безъ дружбы, безъ совѣта,
Покамѣстъ ихъ не встрѣтила я въ васъ.
Вы у меня одинъ лишь другъ,—и мнѣ
Васъ потерять... О! развѣ вы не знали,
Что королевы вѣрности одной
Лишь требуютъ... А вы рѣшились... Нѣтъ!
Не назову я этого... а если бъ
Я назвала,—то не должна прощать!

[Придворныя дамы показываются въ дверяхъ. Она быстро идетъ имъ навстрѣчу. Струэнзе провожаетъ ее до середины сцены, потомъ возвращается].

СЦЕНА V.

СТРУЭНЗЕ [одинъ, смотря ей вослѣдъ].

Величіемъ подобная богинѣ,
Идетъ она! Какъ царственна во гнѣвѣ,—
Прощая, какъ божественно добра!
И вотъ, ей все извѣстно стало. Камень
Съ души моей скатился... и могу
Я предъ самимъ собой не лгать. Не нужно
Теперь мнѣ взоръ смущенный потуплять:
Она узнала все!... Умри, счастливецъ!
Ты жилъ!

СЦЕНА VI.

Струэнзе и бѣлая **маска**.—Струэнзе хочетъ войти въ залъ, маска идетъ къ нему навстрѣчу.—Потомъ **камергеръ**.

МАСКА.

Графъ!

СТРУЭНЗЕ.

Не меня ль ты ищешь, маска?

МАСКА.

Васъ, графъ Струэнзе, васъ!

СТРУЭНЗЕ.

Чего жъ ты хочешь?

МАСКА.

Предупредить васъ...

СТРУЭНЗЕ.

Ты не первый нынче...

МАСКА.

Зато послѣдній. Это вѣрно, графъ.

СТРУЭНЗЕ.

Не мудрено. Вѣдь день идетъ къ концу.
Ну, говори, что тамъ еще такое?

МАСКА.

Опасность вамъ грозитъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я это знаю.

МАСКА.

И очень скоро, графъ.

СТРУЭНЗЕ.

Что жъ, можетъ-быть...

МАСКА.

Какъ? Только «можетъ-быть...» Вы такъ безпечны?

СТРУЭНЗЕ.

Но кто жъ сказалъ тебѣ, что я боюсь
Опасности? Я очень радъ, напротивъ,
Лицомъ къ лицу съ ней нынче повстрѣчаться.

МАСКА.

Я не такимъ васъ нахожу, какимъ бы
Найти былъ долженъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я не нахожу
Себя такимъ, какимъ я быть желаю.

МАСКА.

Отважны вы... Я думалъ, боязливость
Въ васъ встрѣтить, графъ...

СТРУЭНЗЕ.

Отвага — признакъ счастья.

МАСКА.

Не видно вамъ разставленныхъ сѣтей!
Счастливымъ вы себя не называйте,
Пока надъ вами солнце не взошло.

СТРУЭНЗЕ.

Но кто же ты? кончай свои загадки!

МАСКА.

Кто бъ ни былъ я, — не другъ я вашъ...

СТРУЭНЗЕ.

Теперь
Тебя я знаю...

МАСКА.

Знаете иль нѣтъ,
Но моего послушайте совѣта.
Спастись вамъ я одно лишь средство вижу...

СТРУЭНЗЕ.

И средство то?

МАСКА.

Сейчасъ же къ королю
Вы подойдите, — онъ игрою занятъ, —
И передъ всѣмъ дворомъ ему скажите,
Что просите отъ должности министра
Уволить васъ. Придумайте предлогъ,
Какой хотите, — только поскорѣе

Отъ почестей, отъ званья откажитесь,
Которое, къ несчастію страны,
Вы носите... Мгновенно отъ себя
Отбросьте все,— и дальше — какъ одежду,
Пропитанную ядомъ.

[Струэнзе, бросивъ на маску презрительный взглядъ, хочетъ уйти, маска беретъ его за руку].

Вы идете?

СТРУЭНЗЕ [хватаясь за шпагу].

Не безоруженъ я...

МАСКА.

Не опасайтесь...
Не это васъ оружіе сразитъ.
Еще одно лишь слово... Вы, я знаю,
Считаете на милость короля.
Но вѣрьте, что его расположенье
Легко поколебаться можетъ....

КАМЕРГЕРЪ [входя изъ зала, къ Струэнзе].

Графъ,
Его величество васъ ожидаетъ
На партію...

СТРУЭНЗЕ.

Ты слышишь, что играть
Иду я съ тѣмъ, кто гибели моей
Причиной долженъ быть. Спасибо, маска,
За доброе твое предупрежденье;
Но кажется, что нынче я въ накладѣ
Не буду: кто играетъ съ королями,
Тотъ проиграть не можетъ...

СЦЕНА VII.

РАНЦАУ [одинъ, снимая маску].

Потому
Ты и погибъ, что ими ты играешь!
Спѣшитъ — и ждетъ открытаго возстанья

46*

При свѣтѣ дня; измѣны же ночной
Онъ даже не предчувствуетъ, несчастный!
А я?.. попался въ сѣти Юліаны
И похожу, быть-можетъ, на пловца,
Крушенье потерпѣвшаго, который
Затѣмъ лишь волнъ свирѣпыхъ избѣжалъ,
Чтобъ о скалу спасенія разбиться...

СЦЕНА VIII.

Ранцау, Келлеръ, потомъ **Гульдбергъ.**

КЕЛЛЕРЪ.

Насилу-то нашелъ я васъ... Поздненько!..

РАНЦАУ.

Ко мнѣ ли ваша рѣчь обращена?

КЕЛЛЕРЪ.

Къ вамъ, графъ Ранцау.

РАНЦАУ.

Но кто жъ, полковникъ, учитъ
Васъ требовать отчета отъ меня?..

КЕЛЛЕРЪ.

А васъ кто учитъ медлить, несмотря
На то, что королева приказала
До пoлночи собраться всѣмъ на балъ.

РАНЦАУ.

Я такъ хотѣлъ, а потому и медлилъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Но въ этотъ часъ рѣшительный принять
Медлительность не трудно за измѣну.

РАНЦАУ.

Я далъ бы вамъ отвѣтъ, когда бъ не мѣсто,
Гдѣ съ вами мы находимся... Оно
Спасаетъ васъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Что жъ! Это мѣсто мы
Оставить можемъ, и тогда не будетъ
Препятствій къ объясненью.

РАНЦАУ.

Я готовъ.

ГУЛЬДВЕРГЪ [слушавшій этотъ разговоръ выступаетъ впередъ].

Обдумайте, достойнѣйшіе люди,
Въ какой вы мигъ въ задуманное дѣло
Хотите раздѣленіе внести...
Вы — наши два главнѣйшіе вождя!
[Къ Келлеру].
И развѣ вы не видите, полковникъ,
Что графъ давно ужъ въ маскѣ здѣсь ходилъ?
[Къ Ранцау].
Простите, графъ, излишнее усердье
И свойственную воину горячность...
Онъ васъ узнать не могъ... извѣстно всѣмъ,
Что никогда вы не носили маски.

РАНЦАУ [про себя].

Лиса!

ГУЛЬДВЕРГЪ.

Могу ль я льстить себя надеждой,
Что примирить двухъ доблестныхъ мужей
Мнѣ счастье нынче выпадетъ на долю?

РАНЦАУ.

Я не сержусь.

КЕЛЛЕРЪ.

Вотъ вамъ моя рука.

ГУЛЬДВЕРГЪ.

Ну, слава Богу! Все остаться можетъ
Попрежнему, и ровно въ три часа,
Согласно приказаньямъ королевы,
Къ рѣшеткѣ мы дворцовой соберемся.

РАНЦАУ [Гульдборгу].

Достали ль ключъ отъ спальни короля?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Все сдѣлано. Прислугу подкупили...

РАНЦАУ.

Не позабудьте во-время, полковникъ,
Вы часовыхъ снять съ главнаго двора.

КЕЛЛЕРЪ.

Не бойтесь: я не измѣню приказу,
Лишь будьте вы, гдѣ слѣдуетъ вамъ быть.
[Музыка и шумъ въ залѣ. Изъ зала выходятъ маски].
А! вотъ и королева уѣзжаетъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Заглянемъ въ залъ — и поспѣшимъ потомъ
На пиръ иной...

МАСКИ.

Король игру окончилъ.
Пора домой. Прощайте, доброй ночи!
[Расходятся въ разныя стороны].

ПЕРЕМѢНА.

Передъ зáмкомъ въ Христіансбургѣ. Зáмокъ представляетъ большое зданіе съ двумя боковыми флигелями. Средняя часть зáмка еще освѣщена. Огни мало-по-малу гаснутъ. Сначала по сценѣ проходятъ бальные гости и маски, потомъ сцена пустѣетъ. Входятъ Струэнзе и Дэтлевъ. Впереди ихъ идутъ слуги съ факелами.

СЦЕНА IX.

Струэнзе и Дэтлевъ.

СТРУЭНЗЕ.

Какъ я сказалъ, мой Дэтлевъ, такъ и есть.
Я въ караулъ велѣлъ назначить нынче
Испытанныхъ и преданныхъ солдатъ.
Полкъ Келлера столицу охраняетъ.
И, стало-быть, не страшны намъ враги.

ДЭТЛЕВЪ.

Вы Келлеру ввѣряетесь напрасно.

СТРУЭНЗЕ.

Ты и друзей моихъ подозрѣвать
Ужъ нынче сталъ. Ранцау и королевы
Боялся ты сначала, а теперь
Тебя страшитъ и Келлеръ! Но зачѣмъ
На балѣ ты, растерянный и блѣдный,
Меня искалъ повсюду? Что̀ тебя
Тревожитъ такъ? Скажи мнѣ. Ты дрожишь?

ДЭТЛЕВЪ [падая передъ нимъ на колѣни и обнимая его ноги].

О, властелинъ мой дорогой, простите
Мнѣ эти опасенья!.. Но они
Мнѣ внушены самими небесами!

СТРУЭНЗЕ.

Ты внѣ себя... Ты чѣмъ-то потрясенъ?

ДЭТЛЕВЪ.

Я видѣлъ сонъ... нѣтъ, то не сонъ, не грёзы —
Я видѣлъ все, какъ вижу васъ теперь...

СТРУЭНЗЕ.

Ну, разскажи мнѣ этотъ сонъ! быть можетъ,
Ты успокоишься... Но какъ не стыдно,
Мой умный Дэтлевъ, вѣрить снамъ пустымъ!

ДЭТЛЕВЪ.

Вы знаете, вамъ не пришлось сомкнуть
Ни на минуту глазъ прошедшей ночью,
И потому я нынче былъ не въ силахъ
Преодолѣть себя. Внезапнымъ сномъ объятъ,
Увидѣлъ я, что будто передъ за̀мкомъ
Я нахожусь; онъ весь огнями за̀литъ,
Въ немъ звуки бальной музыки гремятъ,
И слышенъ смѣхъ и говоръ пестрыхъ масокъ..

СТРУЭНЗЕ.

То маскарадъ былъ нынѣшній.

ДЭТЛЕВЪ.

Но вдругъ
Затихли звуки — и огни погасли...
И мракъ насталъ... и много, много мимо
Меня людей куда-то шло... и самъ
Я увлеченъ былъ, наконецъ, потокомъ...
Вотъ разсвѣло... толпа все молча шла...
И шла впередъ... пока не очутилась
У городскихъ воротъ, и я себя
Не увидалъ на томъ ужасномъ мѣстѣ,
Гдѣ отсѣкаютъ голову убійцамъ...
Тамъ красные подмостки возвышались,
Огромный ножъ лежалъ на черной плахѣ,
И узенькая лѣстница вела
На эшафотъ... Тоска мнѣ сжала сердце,
И обернулся я назадъ... но тутъ
Передо мною шествіе предстало...
Торжественно и медленно оно
Тянулось; королева Юліана
Шла впереди, держа кровавый скипетръ.
Ее сопровождали: графъ Ранцау
И Келлеръ, и еще другія лица,
Которыхъ не умѣю я назвать.
И, руки простирая, всѣ они
На одного указывали злобно...
А тотъ одинъ, съ поникшей головой,
Шелъ въ самой серединѣ между ними.
И видѣлъ я, какъ женщины и дѣти
Ему въ лицо старались заглянуть,
Я слышалъ, какъ мужчины повторяли:
Вотъ онъ, вотъ онъ!..

СТРУЭНЗЕ.

И кто же это былъ?

ДЭТЛЕВЪ.

Я разглядѣть не могъ его лица,
Но образъ былъ какъ будто мнѣ знакомый...
Въ одеждѣ шелъ онъ свѣтло-голубой,
Серебряными звѣздами сверкавшей.
Но, вотъ, его раздѣли, онъ взошелъ
По лѣсенкѣ той узкой на подмостки
И на колѣни сталъ... Раздался трескъ:
То гербъ надъ головой его ломали...
Потомъ его схватилъ — не знаю кто,
Я ничего не видѣлъ... потому
Что въ этотъ мигъ спустился мракъ на землю,
Глубокій мракъ... но вдругъ блеснуло что-то...
То мечъ блеснулъ... я чувствую, какъ мнѣ
Горячая на грудь упала капля
И сердце жжетъ... Я вижу — голова,
Кровавая, къ ногамъ моимъ катится;
Я совладать съ собой не въ силахъ: тянетъ
Меня взглянуть на мертвое лицо
Того, кого я зналъ... и, вотъ, когда,
Отъ ужаса дрожащій, прикоснулся
Я къ темнымъ окровавленнымъ кудрямъ,
То увидалъ...

СТРУЭНЗЕ.

Стой! Дэтлевъ, стой!

ДЭТЛЕВЪ.

Нѣтъ! Вы — благодаренье Богу! — живы...
Вы — живы! Голова была не ваша!

СТРУЭНЗЕ.

Я — живъ, мой другъ... Оставь напрасный страхъ.
Хотя враги и замышляютъ злое,
Но все жъ топоръ оружіемъ своимъ
Не изберетъ ихъ ненависть... Другія
У нихъ нашлись бы средства, и не вѣрю
Я, чтобъ могли до этого дойти...

Я смерти не предчувствую, впередъ
Смотрю я бодро... Съ юношеской силой
Во мнѣ къ добру стремленьемъ сердце бьется
И не боится призраковъ пустыхъ!

ДЭТЛЕВЪ.

Читалъ я въ книгахъ, что другіе тоже
Не вѣрили, когда предостеречь
Хотѣли ихъ... пока не научило
Ихъ сожалѣнью позднему — убійство.

СТРУЭНЗЕ.

Вѣщунъ мой, вѣрь, что эта ночь не то,
Чѣмъ были иды марта! Подожди,
И завтра я всѣ эти опасенья
Тебѣ напомню, какъ проснешься ты.

[Уходитъ въ правый флигель. Слуги съ факелами слѣдуютъ за нимъ].

ДЭТЛЕВЪ [одинъ].

Я буду сторожить тебя всю ночь!

[Уходитъ за нимъ].

СЦЕНА X.

Послѣ короткаго промежутка входитъ **Келлеръ** съ нѣсколькими офицерами; потомъ **Гульдбергъ.**

КЕЛЛЕРЪ.

Здѣсь ожидать должны мы королеву.
Который часъ?

ОФИЦЕРЪ.

Давно ужъ два пробило.

КЕЛЛЕРЪ.

Ты недалекъ, давно желанный мигъ!
Я факелы тамъ вижу... Это — Гульдбергъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Полковникъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Я! Но гдѣ же королева?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Она идетъ...

СЦЕНА XI.

Тѣ же, Юліана, которую ведетъ **Ранцау.**

ЮЛІАНА [къ слугамъ, за сценой].

Вы съ факелами стойте
Вдали... покамѣстъ васъ не позовутъ.
[Къ Келлеру].
А! вы ужъ здѣсь, достойный мой полковникъ:
На ваше слово можно положиться.
Какая ночь прекрасная! Какъ много
На небѣ звѣздъ... но холодно немного...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Озябли вы...

ЮЛІАНА.

О, Боже сохрани!..
Не только не озябла... я горю.
[Къ Ранцау].
Припомнимъ, графъ, что̀ предстоитъ намъ сдѣлать.
Мы съ вами къ королю пойдемъ, и, если
Ему угодно будетъ снизойти
На просьбы наши, если повелѣнье
Схватить враговъ подпишетъ онъ, — скорѣй
Вы Келлеру бумагу передайте,
Чтобъ въ тотъ же мигъ къ мѣщанскому министру
Онъ поспѣшилъ... А вы арестовать
Обязаны британскую принцессу,
Которая отнынѣ не должна
Именоваться датской королевой.

РАНЦАУ.

Идемте же...

ЮЛІАНА.

Вы такъ нетерпѣливы?
Когда пробьетъ урочный часъ,—пойдемъ;
Пусть крѣпче наши жертвы дорогія
Заснутъ, чтобъ имъ ничто не возвѣстило
О гибели, которая ихъ ждетъ.

[Въ отдаленіи церковные часы бьютъ три].

Чу! бьютъ часы... Пробило три! пора!
Идемъ! Свѣтите!.. Помоги намъ, Боже!

[Уходятъ въ среднее зданіе, за исключеніемъ Гульдберга и офицеровъ].

СЦЕНА XII.

Келлеръ, офицеры, потомъ **Дэтлевъ.**

КЕЛЛЕРЪ [офицерамъ]

Какъ я уже сказалъ вамъ, господа,
Въ связи онъ съ королевою Матильдой,
И королю опасность угрожаетъ.

ОФИЦЕРЫ.

Проклятіе измѣннику!

КЕЛЛЕРЪ.

И гибель!
Да, гибели ему не избѣжать!
Какъ только лозунгъ—«Данія»—навѣки
Отъ сна его разбудитъ, для него
Все кончится. Скорѣй бы возвращался
Сюда Ранцау — съ приказомъ короля.

[Дэтлевъ отворяетъ дверь лѣваго флигеля].

КЕЛЛЕРЪ.

Кто это ходитъ тамъ?...

ДЭТЛЕВЪ.

Что здѣсь за шумъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Мы преданы!

ДЭТЛЕВЪ [узнаетъ его].

Вы, господинъ полковникъ?
Здѣсь? въ этотъ часъ... но развѣ что̀ случилось?
Скажите, ради Бога!..

КЕЛЛЕРЪ [про себя].

Вотъ когда
Нужна рѣшимость.

[Вслухъ].

Ключъ давай скорѣе
Отъ спальни господина твоего.

ДЭТЛЕВЪ.

Ключъ? Въ эту пору? никогда!

КЕЛЛЕРЪ.

Ты смѣешь!
Мы отъ его величества...

ДЭТЛЕВЪ.

Вы лжете!
Людей вооруженныхъ по ночамъ
Къ министрамъ короли не посылаютъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Я говорю тебѣ... коль дорожишь ты жизнью,
Сейчасъ же — ключъ...

ДЭТЛЕВЪ.

Угрозы мнѣ не страшны!..
Всю кровь отдамъ за господина моего!
Не перейти вамъ этого порога,
Пока я живъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Такъ издыхай, мальчишка!
[Закалываетъ его шпагой].

ДЭТЛЕВЪ [падая на ступени крыльца].

Предательство, измѣна!

КЕЛЛЕРЪ.

Какъ некстати
Тамъ графъ замедлилъ...

СТРУЭНЗЕ [въ домѣ].

Эй! огня скорѣй!

КЕЛЛЕРЪ.

Проклятіе! Струэнзе!

СТРУЭНЗЕ [со шпагой и факеломъ выходитъ изъ дома].

Голоса
Я слышалъ здѣсь.

[Увидя трупъ Дэтлева].

Что̀ это? трупъ? О, Боже!
Мой Дэтлевъ, милый Дэтлевъ мой!..
Не мнѣ ль назначенъ былъ ударъ, который
Тебя сразилъ... Но кто же это сдѣлалъ?
Гдѣ твоего убійцу я найду?!

КЕЛЛЕРЪ [рѣшительно, выступая впередъ].

Предъ вами онъ и требуетъ, чтобъ шпагу
Ему свою вы отдали. Король
Васъ приказалъ подъ стражу взять.

СТРУЭНЗЕ.

Что̀ жъ это?
Какія силы темныя со мной
Такъ страшно шутятъ нынче? Келлеръ, другъ мой?..

КЕЛЛЕРЪ.

Друзей себѣ напрасно не ищи
Ты въ Даніи теперь, измѣнникъ гнусный;
Ты удивленъ, что скоро такъ награды
Достойной за дѣла свои дождался?
Плоды позорной жизни въ ночь одну
Созрѣли, и отъ имени монарха
Я прихожу тебя арестовать.

СТРУЭНЗЕ.

Арестовать? Меня? Но повелѣнья
Отъ имени монарха только я
Даю въ странѣ, и болѣе никто.
Гдѣ ордеръ? покажите же!
[Келлеръ отступаетъ къ офицерамъ. Смущеніе на всѣхъ лицахъ].
Гдѣ ордеръ?
Что жъ ты молчишь, проклятый лицемѣръ?
Я такъ и зналъ. Дерзнулъ ты самовластно
Ночной кровавый подвигъ предпринять
И, съ наглостью неслыханною имя
Священное монарха осквернивъ,
Врага хотѣлъ опутать сѣтью тайной.
Прочь отъ меня! Я разорву мгновенно
Всю эту паутину... Къ королю!

КЕЛЛЕРЪ [загораживаетъ ему дорогу].

Ни шагу ты не сдѣлаешь отсюда!

СТРУЭНЗЕ.

А! если такъ... то я съ тобой теперь
Напрасныхъ словъ не стану больше тратить.
Адъ у тебя кипитъ въ лукавомъ сердцѣ!
Я сознаю, какъ былъ я ослѣпленъ,
Когда, друзей совѣты отвергая,
Въ твоихъ глазахъ я льстивыхъ не хотѣлъ
Души коварной видѣть отраженья.
[Къ офицерамъ].
Къ вамъ, господа, въ смущеньи здѣсь стоящимъ
Вокругъ того, кто на себя навлечь
Небесный громъ злодѣйствомъ страшнымъ долженъ,
Къ вамъ, Даніи достойные сыны,
Я обращусь... вы лишь въ бою открытомъ,
Лишь на враговъ отчизны обнажать
Привыкли мечъ; а здѣсь васъ подстрекаютъ
На тайное убійство и хотятъ,
Чтобъ замолчать заставили вы право.
Одумайтесь! На что̀ рѣшились вы?..

Коварныя васъ обманули рѣчи!
Но на меня не ослѣпленнымъ взоромъ,
Какъ вы, глядитъ монархъ мой: знаетъ онъ,
Что это сердце вѣрное желаетъ
Лишь блага и величія странѣ.
Мой духъ, въ своемъ полетѣ смѣломъ къ цѣли,
Былъ окрыленъ довѣрьемъ короля.
Чтò я низвергъ — низвергъ его лишь волей;
Чтò создалъ — создалъ силою его!
Моей — была его престола слава;
Мнѣ солнцемъ былъ — его короны блескъ!
Въ союзѣ съ нимъ, и въ бѣдствіяхъ, и въ счастьи,
Я былъ всегда... и твердо вѣрю я,
Что и теперь меня онъ не покинетъ.
Какъ за него держусь я, точно такъ же
И за меня онъ держится. Къ нему!
Къ нему скорѣй! Его правдивый судъ
Враговъ моихъ всѣ замыслы разрушитъ.

[Онъ поспѣшно направляется къ замку, офицеры даютъ ему дорогу. Келлеръ стоитъ уничтоженный. У рѣшетки замка показывается Ранцау съ бумагой въ рукѣ].

РАНЦАУ [останавливая Струэнзе].

Куда?

СТРУЭНЗЕ.

Къ монарху!

РАНЦАУ.

Тщетный трудъ... Побѣда
Досталась намъ.

[Отдаетъ Келлеру приказъ].

КЕЛЛЕРЪ [показывая Струэнзе бумагу].

Ну, временщикъ, прочти,
Какъ разсудилъ монархъ твой!

[Офицерамъ].

Взять его!

[Офицеры окружаютъ Струэнзе, который стоитъ неподвижно, съ опущеннымъ взоромъ].

Ты слышалъ? Что жъ стоишь? Готовъ ли ты?

СТРУЭНЗЕ [отдавая ему свою шпагу и поднявъ глаза къ небу].

Туда! Покинулъ пристань мой корабль!
Въ тотъ край ему попутный дуетъ вѣтеръ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ деревенскомъ трактирѣ, близъ Рендсбурга, въ Шлезвигѣ. **Школьный учитель. Бабе,** хирургъ. **Христіанъ Свенне,** норвежскій солдатъ. **Гоогъ, Флиисъ,** поселяне. **Трактирщица,** которая то появляется, то исчезаетъ, прислуживая имъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ [наливая Бабе].

Полный, полный стаканъ, хирургъ. Нынче Христіанъ Свенне уходитъ отъ насъ; да здравствуетъ Христіанъ!

ВСѢ.

Да здравствуетъ Христіанъ!

СВЕННЕ.

Спасибо вамъ, спасибо, дорогіе друзья мои! Недѣлю я прогостилъ здѣсь, но всю жизнь не забуду этихъ дней, и, когда вернусь въ свою родину Норвегію, то-то буду разсказывать про ваше гостепріимство, про ваши ласки.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Э, дружище! что наши ласки и наше гостепріимство! У тебя будетъ и безъ того о чемъ поразсказать дома... вотъ, напримѣръ, хоть о томъ, какъ распускали норвежскую гвардію... какъ граждане торжественно провожали васъ до городскихъ воротъ, какъ плакали дѣвушки, какъ подносили вамъ вина и дарили денегъ, и прочее, и прочее, однимъ словомъ,—какъ вся столица была за васъ! Объ этомъ, дѣйствительно, стоитъ поразсказать. Это будетъ почище нашего гостепріимства. Мы, впрочемъ, не даромъ были гостепріимны: если наше вино жгло тебѣ глотку, такъ зато разсказы твои прожигали намъ сердце. [Хирургу]. Вѣдь правда, кумъ?

БАВЕ.

Да, это такъ.

ВСѢ.

Да! да! Это такъ! это точно!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ [къ Свенне].

Вотъ видишь. Я всегда угадываю мысли и намѣренія честной компаніи! [Тихо, къ нему]. Вѣдь это все—сволочь! неучи! развѣ они могутъ что-нибудь экспримировать и экспозировать, какъ слѣдуетъ! Новое поколѣніе будетъ много лучше... потому что я учу и деру его [къ хирургу]. Я выразилъ самымъ блистательнымъ образомъ нашу полную симпатію Христіану Свенне... но при этомъ восчувствовалъ сильнѣйшую жажду... Налей-ка еще стаканчикъ, кумъ.

БАВЕ.

У тебя вѣчная жажда...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Еще бы! это само собой разумѣется, ибо человѣкъ, не чувствующій жажды вѣчно—значитъ, вовсе ея не чувствуетъ.

БАВЕ.

То-есть какъ же это понять?..

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Навострите уши—я вамъ это сейчасъ поясню. Видите ли... прежде всего... жажду никакъ не слѣдуетъ смѣшивать, относительно ея свойствъ и качествъ, съ голодомъ. Голодъ есть потребность... жажда, напротивъ, есть страсть... возвышенная, благородная страсть, никогда не стихающая. Капля родитъ влеченіе къ стакану; стаканъ—тоску по бутылкѣ; бутылка—необузданное желаніе нѣсколькихъ другихъ. У истинно-великихъ душъ мысль можетъ воспарять до бочки. Даже и въ языкѣ жажда имѣетъ безконечныя преимущества передъ голодомъ. Слыхали ли вы когда, чтобы кто-нибудь чувствовалъ голодъ денегъ, голодъ почестей или крови? Но говорится: жаждутъ денегъ, жаждутъ почестей, жаждутъ крови. Блаженный Крассъ, по преданію, или, какъ нѣкоторымъ угодно, по исторіи,—чувствовалъ такую жажду золота, что ему растопленнымъ золотомъ глотку залили,—отчего онъ и умеръ христіанской смертью.

БАБЕ.

Э-э! Вотъ бы кого я вскрылъ-то!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Жаждой крови спеціально прославились нѣкоторые образцовые государи. Таковы: великій Александръ Македонскій, императоръ Тиверій и въ позднѣйшее время Карлъ IX французскій. Этотъ благородный монархъ чувствовалъ столь сильную, истинно королевскую, жажду крови, что собственноручно стрѣлялъ ночью въ своихъ возлюбленныхъ подданныхъ...

ФЛИНСЪ.

Ужъ вы не забудьте и длиннаго Юргенса, разбойника, котораго здѣсь недавно повѣсили:—онъ тоже стрѣлялъ по ночамъ въ своихъ земляковъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Такъ! Длинный Юргенсъ можетъ быть не безъ основанія причисленъ къ категоріи Тиверіевъ и Карловъ Девятыхъ... Что же касается до жажды почестей, то блистательный примѣръ оной представляетъ нашъ министръ, графъ Струэнзе. Онъ выпиваетъ стаканъ за стаканомъ почестей... и все ему мало... ибо почести—это то же, что хорошее вино: много можно выпить его и не охмелѣть. Да и похмелье отъ него самое легкое и пріятное.

БАБЕ.

Не для всякаго, кумъ, не для всякаго. Для великихъ умовъ, какъ Струэнзе, — пожалуй. Замѣчательный человѣкъ — мой школьный товарищъ Струэнзе.

СВЕННЕ.

Что? Струэнзе —твой школьный товарищъ?..

БАБЕ.

Ну, да. Мы были съ нимъ очень близки, когда вмѣстѣ штудировали въ высшей школѣ въ Галле.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Вздоръ, вздоръ, кумъ Бабе. Вы ужъ нѣсколько разъ говорили мнѣ это, и я всегда вамъ доказывалъ, что вы сочиняете...

БАБЕ.

Какъ?.. какъ?..

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Не горячитесь! Вы очень раздражительны; особливо, когда у васъ зашумитъ въ головѣ отъ вина или отъ другихъ крѣпкихъ напитковъ... и съ вами весьма непріятно спорить. Но правда выше всего. Вы не штудировали ни съ Струэнзе и ни съ кѣмъ другимъ, потому что не штудировали вовсе.

БАБЕ [съ негодованіемъ].

Что-о? Такъ какъ же это я научился медицинѣ?

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Это извѣстно одному небу, которое вы порядкомъ населили своими паціентами съ тѣхъ поръ, какъ живете у насъ въ деревнѣ. И что вы ихъ отправляли туда даже не по правиламъ науки,—это могла бы подтвердить моя покойная супруга, которую вы безъ всякой медицины, однимъ только кровопусканіемъ...

БАБЕ.

Кровопусканіемъ! Да ваша жена была...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Тсс! Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ. Это было бы ужасно, если бъ она опять встала!

БАБЕ.

Это было бы благодѣяніемъ для васъ и для всѣхъ насъ. Одна она умѣла держать васъ въ рукахъ, обуздывать ваше высокомѣріе, вашу самоувѣренность. Сказать мнѣ въ лицо, что я не штудировалъ! Сказать при почтенномъ нашемъ гостѣ, Христіанѣ Свенне, и при стольких просвѣщенныхъ крестьянахъ, что я не зналъ Струэнзе!

ВСѢ [кромѣ школьнаго учителя].

Онъ зналъ его, зналъ!

БАВЕ [школьному учителю].

Вы слышите... слышите, что я его зналъ. Мнѣ повѣрили. Я апеллировалъ къ народу.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

По-моему, Струэнзе не стòитъ того, чтобы мы за него ссорились. Онъ на наше несчастье прибылъ въ страну и только поселяетъ всюду вражду и распри. Развѣ онъ не суетъ своего носа даже въ школьное обученіе? развѣ не требуетъ отъ назначенныхъ правительствомъ учителей, чтобы они учили своихъ питомцевъ тому, чѣмъ имъ отнюдь не слѣдуетъ набивать голову? И если это такъ будетъ, то скоро ваши мальчишки и дѣвчонки сдѣлаются умнѣе васъ самихъ. Но до этого не дойдетъ. Ужъ я позабочусь объ этомъ.

ГООГЪ.

Правда! Онъ зажигаетъ тамъ огонь, гдѣ бы слѣдовало тушить его. Развѣ всякій теперь не печатаетъ все, что̀ захочетъ? Если вы послѣ трудовъ промочите себѣ горло добрымъ стаканомъ вина, кистеръ можетъ завтра же напечатать въ газетѣ: школьный учитель былъ пьянъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Осмѣлься онъ это сдѣлать! желалъ бы я увидать...

ГООГЪ.

И увидите, и запретить не можете... Это они называютъ свободой печати. Да! теперь кто чуть-чуть свихнулся, можетъ сейчасъ угодить въ газету.

БАВЕ.

Живи, какъ слѣдуетъ, никто и не тронетъ. Зато вы можете открыто высказывать свое мнѣніе другимъ, какъ другіе вамъ; и если хотите, то можете даже говорить противъ Струэнзе и противъ правительства.

ГООГЪ.

Чтò тутъ говорить! Я ничего не хочу говорить... я держу языкъ за зубами; но я хочу, чтобы и другіе дѣлали то же. Знай сверчокъ свой шестокъ...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Не говорите такихъ возмутительныхъ вещей, кумъ Бабе. Зачѣмъ же тогда и управлять нами, если мы будемъ позволять себѣ судить и рядить о правительствѣ? Хорошее правительство должно всѣмъ заправлять—и сердцемъ, и кошелькомъ, и языкомъ, и перомъ. Въ хорошемъ государствѣ самое главное, чтобы всѣ, какъ безыскусственно выразился другъ нашъ Гоогъ, держали языкъ за зубами, потому что кто говоритъ и печатаетъ, тотъ долженъ иногда и думать; а для вѣрныхъ подданныхъ не можетъ быть ничего опаснѣе—мыслей.

БАБЕ.

Ну, а думать-то запретишь развѣ?

ФЛИНСЪ.

Да, думать никто запретить не можетъ; вотъ и я много, много кой-чего думаю!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Ну, разскажи намъ, умная головушка, что жъ ты такое думаешь? [тихо къ Свенне]. Это—первый дурень во всей деревнѣ.

ФЛИНСЪ.

Я думаю, что по-мнѣ все ладно, лишь бы не случилось того, чтò, говорятъ, затѣялъ Струэнзе.

БАБЕ.

А именно?

ФЛИНСЪ.

Говорятъ, что онъ намѣренъ всѣхъ крестьянъ въ Даніи и въ герцогствахъ вольными людьми сдѣлать. Я не хочу быть вольнымъ и независимымъ. Велика бѣда, что я на помѣщика работаю. Зато онъ поитъ и кормитъ меня, заботится обо мнѣ... пускай даже

и посѣчетъ немножко, — я не гонюсь за этимъ. А какъ освободятъ насъ, мы будемъ сами себѣ господами... должны о себѣ печься, мучиться, платить подать.

БАБЕ.

Неужели же ты не захочешь печься даже о своей собственности?.. И развѣ не веселѣй тебѣ будетъ работать, зная, что все, чтò ты выработаешь,—твое.

ФЛИНСЪ.

Мнѣ веселѣй, когда обо мнѣ пекутся другіе.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Это первая здравая мысль, которую я ловлю у тебя, Флинсъ. Вмѣстѣ съ волей пришло бы и просвѣщеніе,—этотъ новѣйшій ядъ,—смерть ваша.

БАБЕ.

Какъ? Просвѣщеніе вы называете ядомъ и смертью? Sacre-Dieu! я былъ въ Парижѣ... и знаю, чтò за штука это просвѣщеніе... Если бы вы понимали по-французски, я бы далъ вамъ такихъ книжекъ...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Это, въ самомъ дѣлѣ, весьма прискорбное обстоятельство, что я не понимаю по-французски. Но только я и не желаю понимать. Это — языкъ бѣсовскій, на которомъ печатается все, чтò выходитъ изъ ада. Французскій языкъ и ваши книжки сдѣлали изъ Струэнзе антихриста и атеиста.

ГООГЪ [къ Свенне].

Правда ли, дядя Христіанъ, — ты вѣдь былъ въ Копенгагенѣ, — правда ли, что Струэнзе — нехристь, и что будто онъ съ королевой...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Тсс! Гоогъ, ты лишнее спрашиваешь.

СВЕННЕ.

Все, все правда. Онъ въ Бога не вѣритъ, и потому, какъ говорятъ, все духовенство не терпитъ его. А съ королевой Матильдой онъ, кажется, замышляетъ что-то противъ короля.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

СВЕННЕ.

Да, г. учитель. Дѣйствительно, слѣдуетъ обратиться къ Богу. Если ужъ Струэнзе распустилъ полкъ нашъ, гордость и красу датской арміи, то на что же онъ не покусится послѣ этого? Королева съ нимъ заодно. Онъ никому не покоряется, ни передъ чѣмъ не останавливается; даже старая королева Юліана и та должна молчать... какъ ей ни тяжело видѣть его во главѣ правленія...

БАБЕ.

Ну, не дай Богъ, чтобы и она-то во главѣ стала. Тогда мы еще не то увидимъ.

СВЕННЕ.

Солдату хуже не будетъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Ужасныя, вопіющія дѣла! [Таинственно]. Мы здѣсь все свои— короткіе пріятели... выпьемъ «pereat» этому Струэнзе.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Что это значитъ?

БАБЕ.

Это значитъ — смерть ему! Я не пью.

ВСѢ.

А мы выпьемъ! [чокаются]. Pereat Струэнзе!

ТРАКТИРЩИЦА [входя].

Это невѣроятно! [гостямъ]. Послушайте, послушайте, господа.

ВСѢ.

Что, что такое?

ТРАКТИРЩИЦА.

Новости, какихъ вы и не ожидаете. Сынъ мой Конрадъ былъ въ Рендсбургѣ и самъ видѣлъ гонца изъ Копенгагена.

ВСѢ.

Изъ Копенгагена?

ТРАКТИРЩИЦА.

Да вотъ онъ самъ. Ну, разсказывай. Вотъ удивитесь-то!

КОНРАДЪ [входя].

Гонецъ, котораго я видѣлъ, присланъ изъ Копенгагена отъ короля и королевы Юліаны.

СВЕННЕ.

Матильды, хотѣлъ ты сказать.

КОНРАДЪ.

Нѣтъ, не Матильды, а Юліаны. Я знаю, что̀ говорю. Гонецъ присланъ къ рендсбургскому совѣту, и весь народъ теперь знаетъ, что въ ночь на 17-е января король призвалъ къ себѣ королеву Юліану съ разными знатными господами и приказалъ имъ схватить королеву Матильду, графа Струэнзе и еще многихъ лицъ.

БАБЕ.

Не можетъ быть!

КОНРАДЪ.

Я знаю навѣрное, и все это ужъ нынче стоитъ въ газетахъ. Королеву Матильду въ ту же ночь перевезли въ Кроненбургскую крѣпость, а графъ Струэнзе посаженъ въ цитадель, въ цѣпяхъ.

ТРАКТИРЩИЦА.

Въ цѣпяхъ! Такой вельможа!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Баснословно!

КОНРАДЪ.

Теперь все пойдетъ по-другому. Управлять будетъ королева Юліана. Во всѣхъ церквахъ благодарили Господа Бога за избавленіе короля отъ враговъ, злоумышлявшихъ противъ него...

ТРАКТИРЩИЦА.

Не можетъ быть, чтобъ и королева злоумышляла...

КОНРАДЪ.

И королева. Струэнзе и Брандта будетъ судить особенная королевская комиссія. Ихъ обвиняютъ въ «высшей» государственной измѣнѣ.

ГООГЪ И ФЛИНСЪ.

Въ высшей?

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Ну, да, въ высшей! Чѣмъ выше измѣна, тѣмъ ниже нужно сдѣлать измѣнниковъ. Вотъ ихъ и укоротятъ немножко... только на одну голову, впрочемъ.

БАВЕ.

Фи! г. учитель... какъ это вы можете шутить чужимъ несчастіемъ...

СВЕННЕ.

Это не по-христіански.

БАВЕ [къ крестьянамъ].

Слушайте, друзья мои. Струэнзе хотятъ казнить. Вы его не терпѣли, но развѣ вы можете смѣяться надъ этимъ?

ВСѢ.

Нѣтъ, нѣтъ!

АНДРЕАСЪ [одинъ изъ крестьянъ, входя].

Знаете новость?

БАВЕ.

Сейчасъ только слышали.

АНДРЕАСЪ.

Вотъ въ этой газетѣ все сказано. Можете прочесть.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Давай! [къ крестьянамъ]. Слушайте, я вамъ буду читать.
[Іоганнъ отворяетъ дверь. Крестьяне столпились около учителя].

ІОГАННЪ.

Хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Что?

ІОГАННЪ.

Извините, пожалуйста. Не позволите ли вы намъ переночевать здѣсь. Господинъ мой, почтенный пасторъ, не можетъ уже нынче поспѣть въ Рендсбургъ.

ТРАКТИРЩИЦА.

Пожалуйте, пожалуйте... просите сюда достойнаго пастыря... Вы здѣсь найдете все, что вамъ нужно. Пока я приберу комнату, пускай онъ здѣсь обогрѣется.

[Отворяется дверь. Входитъ пасторъ Струэнзе].

ІОГАННЪ [къ пастору].

Мѣсто есть, сударь... Не угодно ли вамъ покамѣстъ пообождать здѣсь...

ПАСТОРЪ [садясь къ камину].

Мнѣ и не нужно больше ничего.

Здѣсь я могу съ дороги обогрѣться...

[Говоритъ тихо съ Іоганномъ. Между крестьянами также завязывается въ это время разговоръ].

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Да. Тутъ все точно такъ, какъ разсказывалъ Конрадъ. Только про иллюминацію онъ ничего не упомянулъ.

ВАБЕ.

Еще здѣсь стоитъ, что король съ принцами проѣхалъ торжественно по городу — въ экипажѣ, запряженномъ шестерней бѣлыхъ коней... Только разсказъ про народный восторгъ вышелъ въ газетѣ какъ-то вялъ, и иллюминація, должно быть, со страху, поблѣднѣла немножко...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Этого нигдѣ не сказано.

ВАБЕ.

Словами не сказано... я слышу въ тонѣ...

СВЕННЕ.

И мнѣ также тонъ не понравился. Да, впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Бѣдные копенгагенскіе граждане не привыкли

И объявить, что неспособенъ онъ
Въ своихъ рукахъ держать бразды правленья.
Тогда легко опекѣ этой вѣрной
И самую корону будетъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Графъ,
Не слишкомъ ли вы далеко шагнули?

РАНЦАУ.

Меня ничто не ослѣпляетъ. Я
Постигъ ихъ цѣль... Въ совѣтѣ нынче Гульдбергъ
Какъ будто бы нечаянно о ней
Проговорился. Обмануть не можетъ
Меня притворнымъ гнѣвомъ Юліана:
Вѣдь Гульдбергъ говоритъ не отъ себя...
Повѣрьте мнѣ: насъ испытать хотѣли;
Необходимо было видѣть имъ,
Одобримъ ли мы это предложенье
Покорнымъ наклоненьемъ головы.
Чтò до моей касается — ручаюсь,
Что никогда не склòнится она!
Не думаетъ ли эта королева,
Что я скручёнъ совсѣмъ, и что она
Моимъ умомъ и сердцемъ овладѣла...
О! какъ меня все это тяготитъ!
Въ былые дни [указывая на ленту] вотъ этотъ знакъ давался
За доблести великія у насъ,
На немъ девизъ: «pretium magnanimi»;
Ужель его я за ночное дѣло,
Чтò намъ сулитъ подобные плоды,
Могу носить — и не краснѣть при этомъ?
Я васъ прошу, подайте руку мнѣ,
Со мной идите вмѣстѣ... будьте сильны,
Не снисходите къ замысламъ преступнымъ.
Чего еще хотите вы достичь?
Вы вознеслись съ нежданной быстротою
На высшую для воина ступень.
И не одинъ высокій санъ дарованъ

Вамъ королемъ; угасшій, древній родъ,
По волѣ короля, въ васъ оживаетъ;
Онъ къ имени вамъ слово лишь прибавилъ,
И Баннеры изъ гроба возстаютъ!
Послушайте же, Келлеръ-Баннеръ: лестью
Не дайте имъ себя вы подкупить.
Останьтесь независимы и сильны!
Молчите вы? Какое же еще
Таитъ въ себѣ желанье сердце ваше?
Какое же?

КЕЛЛЕРЪ.

Увидѣть казнь Струэнзе.

РАНЦАУ.

Исполнится кровавое желанье,
И вѣрьте мнѣ, что вамъ недолго ждать.

КЕЛЛЕРЪ.

Однакожъ судъ колеблется какъ будто...

РАНЦАУ.

Измѣнникъ государственный казненъ,
Конечно, будетъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.
Но нужны доказательства измѣны...
Пока ихъ не нашли (но ихъ найдутъ,
Ручаюсь вамъ), пусть звукъ его цѣпей,
Какъ музыка, вамъ сердце услаждаетъ.
Пусть, въ ожиданьи гибели врага,
Васъ утѣшаетъ мысль, что въ часъ ночной,
Когда заснетъ онъ на сырой соломѣ,—
Въ душѣ его измученной встаютъ
Померкшаго величія картины...
И что потомъ, вскочивъ и тусклый взоръ
Вокругъ себя испуганно бросая,
Онъ видитъ тѣни блѣдныя тюрьмы!
Какъ ни ужасно это все, но если бъ
Я на его былъ мѣстѣ,—для меня
Всего ужаснѣй было бы не это...

КЕЛЛЕРЪ.

Чтò жъ именно?..

РАНЦАУ.

Что, будучи всесильнымъ
Въ странѣ, глупецъ не захотѣлъ на плаху
Насъ всѣхъ послать,—какъ мы его пошлемъ!
[Гульдбергъ приближается].

КЕЛЛЕРЪ [тихо, къ Ранцау].

Тсс! Тише, графъ! Васъ можетъ Гульдбергъ слышать.

РАНЦАУ [громко].

Какъ много собралось на выходъ нынче...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Дѣйствительно! И рвеніе, съ какимъ
Весь дворъ къ ея величеству стремится,
О преданности общей говоритъ.
Вотъ, наконецъ, дворянство въ этихъ залахъ
Опять, какъ дома, чувствуетъ себя.
Опять оно съ своими королями
Семейную возобновляетъ связь,
Какъ встарину...

[Ранцау, не отвѣчая ему, отворачивается и заговариваетъ съ стоящими вблизи придворными. Келлеръ отходитъ къ офицерамъ].

ГУЛЬДБЕРГЪ [про себя].

Я этого Ранцау
Доѣду! Я его затылокъ гордый
Къ землѣ пригну! Змѣю—съ дороги прочь!

КАМЕРГЕРЪ [отворяя среднюю дверь].

Королева!

СЦЕНА III.

Тѣ же и **Юліана**, за ней слѣдуютъ придворныя дамы, въ числѣ которыхъ и графиня **Ульфельдъ**. Всѣ становятся полукругомъ.

ЮЛІАНА.

Его величество король, нашъ сынъ,
И сами мы дворянству и народу

Обязанными чувствуемъ себя.
Насъ не могла не тронуть эта вѣрность.
Изъ всѣхъ провинцій извѣщаютъ насъ,
Какъ датчане признательны монарху,
Которому угодно было ихъ
Отъ ненавистнаго избавить ига,
А насъ—въ порывѣ радости—народъ
Страны освободительницей на̀звалъ.
Но это слишкомъ много; если мы
Что̀ сдѣлали для блага государства,
То не однѣ. Заботы и труды
Дѣлили мы съ достойными мужами,
Которыхъ, къ нашей радости, мы здѣсь,
Межъ лицъ, насъ окружающихъ, встрѣчаемъ...
Заслуги ихъ блестящія монархъ
Намъ разрѣшилъ вознаградить достойно.

РАНЦАУ [Келлеру],

Вы слышите: не королю, а ей
Обязаны мы нашею наградой...

ЮЛІАНА [обходя ряды придворныхъ, останавливается передъ русскимъ княземъ].

Я рада, князь, что вы еще у насъ...
Мы пережили много въ это время.
Надѣюсь, что монарховъ благородныхъ
И дружески расположённыхъ къ намъ
Порадуетъ такая перемѣна,
Упрочившая счастіе страны.
Императрица русская, сестра
Возлюбленная наша, выражала
Не разъ мнѣ опасенія свои.
Желая блага Даніи, она
Тревожилась, чтобъ смуты и волненья
Не потрясли основы государства.

КНЯЗЬ.

Теперь, когда извѣстно ей, что въ вашихъ
Рукахъ судьба покоится страны,

Не могутъ никакія опасенья
Тревожить государыни моей.

ЮЛІАНА.

Я никогда не сомнѣвалась въ дружбѣ,
Чтò наша августѣйшая сестра
Питаетъ къ намъ...

КНЯЗЬ.

Моя императрица
Привыкла свойства рѣдкія цѣнить,
Которыми, ко благу государства,
Возвышенный вашъ обладаетъ духъ.

РАНЦАУ [Келлеру, тихо].

Каковъ? Давно ли лгалъ его языкъ,
Превознося достоинства Матильды.

КЕЛЛЕРЪ.

Мы при дворѣ... Чему жъ дивиться, графъ!
Здѣсь всѣ тому понравиться желаютъ,
Кому подулъ попутный вѣтеръ счастья.

[Юліана, обходя придворныхъ, останавливается предъ Шакомъ и что-то говоритъ ему съ недовольнымъ видомъ. Оба выходятъ на авансцену].

ЮЛІАНА.

Я повторяю, — слышите ли вы? —
Я недовольна этимъ колебаньемъ.

ШАКЪ.

Но судъ, какъ я докладывалъ ужъ вамъ,
Поставленъ въ затрудненье, королева...

ЮЛІАНА.

А я хочу совсѣмъ забыть Струэнзе!
И осужденъ онъ долженъ быть на смерть...
Онъ заслужилъ ее. Мы обвиняемъ
Въ измѣнѣ государственной его.
Иль не измѣнникъ онъ? иль не попралъ
Онъ старыхъ правъ и замышлять не думалъ
Неслыханныхъ въ странѣ нововведеній?

ШАКЪ.

Не думайте, молю васъ, королева,
Чтобъ защищать презрѣннаго я могъ...
Сомнѣнья нѣтъ,—все это сдѣлалъ онъ...
Но развѣ не былъ онъ министромъ? развѣ
Онъ дѣйствовалъ не именемъ монарха,
Ему печать вручившаго? Мы здѣсь
Не въ Англіи находимся. Здѣсь власть
Верховная себя бы обвинила,
На смерть пославъ того, кто повелѣнья
За подписью монарха исполнялъ.
Вы согласитесь сами, королева,
Что это все обязанъ взвѣсить судъ
И что предлогъ, по крайней мѣрѣ, нуженъ.

ЮЛІАНА.

Глупцы! Они предлога не найдутъ!
Имъ неизвѣстно то, что̀ каждый знаетъ,—
Что взоръ свой нечестивый обращать
Дерзалъ на королеву подсудимый.

ШАКЪ.

Но на вѣсахъ суда что̀ значатъ взоры?..

ЮЛІАНА.

Такъ... такъ... я вижу, что признать невиннымъ
Его хотятъ...

ШАКЪ.

Невиннымъ? Я хочу?

ЮЛІАНА.

Ну, такъ вмѣните жъ взоры въ преступленье.

ШАКЪ.

Но можно ли, въ столь важномъ обвиненьи,
Дать вѣру показаньямъ низшихъ лицъ?
Коль мы его осудимъ, не имѣя
Иныхъ свидѣтельствъ,—свѣтъ осудитъ насъ.

48*

Надѣетесь ли вы, чтобъ обвинилъ
Онъ самъ себя въ намѣреньяхъ преступныхъ?
Онъ этого не сдѣлаетъ, конечно.

ЮЛІАНА.

Такъ выжмите признанье изъ него!

ШАКЪ.

Прикажете—посредствомъ пытки?..

ЮЛІАНА.

Нѣтъ!

ШАКЪ.

Ужъ если не сознается онъ самъ,
Еще одно намъ средство остается:
Подвигнуть королеву, чтобъ она
Сказала, что свои онъ чувства ей
Открылъ, и что она ему простила...

ЮЛІАНА.

И это вы хотѣли точно сдѣлать?..

ШАКЪ.

Коль полномочье будетъ мнѣ дано
Такъ поступать, какъ я хочу, то вѣрьте,
Что и законъ, и внѣшность я спасу,
Чтобъ насъ не обвиняли въ произволѣ.

ЮЛІАНА.

Вы сами изготовьте полномочье
И подписать пришлите мнѣ скорѣй...

ШАКЪ.

Такъ нынче же я буду въ Кроненбургѣ.

ЮЛІАНА [къ собранію].

Вамъ къ королю отправиться пора...
Мы дольше васъ удерживать не будемъ.

[Всѣ уходятъ].

СЦЕНА IV.

ЮЛІАНА [одна].

Какъ? Все законъ, и вѣчно лишь законъ?
Опять границы... Смѣлою стопою
Я не могу шагнуть къ желанной цѣли,
Какъ думала... Мнѣ смерть его нужна,
А судьи мнѣ толкуютъ о законахъ,
О формахъ глупыхъ! Развѣ больше правъ
У ихъ пергаментовъ истлѣвшихъ, чѣмъ
У воли коронованной моей?
Затѣмъ ли я отважилась на все
И эту ночь пережила, затѣмъ ли,
Чтобъ снова сомнѣваться и дрожать?
Нѣтъ! Онъ умретъ! Онъ кровью нечестивой
Заплатитъ мнѣ за долгіе года
Неслыханныхъ, подавленныхъ страданій,
За муки этой ночи роковой,
За все, за все!.. Кто тамъ?..

[Она вскрикиваетъ и озирается, какъ будто видитъ кого-то за собой].

Нѣтъ никого.
О, Боже мой! Что̀ сдѣлалось со мною?
Мнѣ призраки являться нынче стали.
Съ той самой ночи я повсюду вижу
Тѣнь короля, супруга моего.
Передо мной, во снѣ и наяву,
Стоитъ онъ гнѣвный... Долго и упорно
Онъ на меня холоднымъ, мертвымъ взглядомъ
Глядитъ... такимъ я видѣла его
Въ тотъ мигъ, когда бумагу подписать
Заставила я сына; сынъ сначала
Отбросилъ листъ, увидѣвши на немъ
Матильды имя... но тогда къ угрозамъ
Прибѣгла я... Дрожалъ въ испугѣ онъ
И судорги ему сводили пальцы...
А я ему твердила: «подпиши!»
Онъ подписалъ... и тутъ я ощутила,
Какъ будто мнѣ въ лицо могильный холодъ
Дохнулъ... И мнѣ явилась тѣнь супруга...

И блѣдныя уста ея шептали:
«Зачѣмъ грозишь ты сыну моему?
Онъ — сынъ мой... онъ — король твой. Горе! горе
Тебѣ, о, Юліана!..»

СЦЕНА V.

Юліана, Гульдбергъ съ бумагой.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Королева!

ЮЛІАНА [вскрикнувъ].

Прочь! прочь!..

[Узнавши Гульдберга].

Ты ль это?

[Съ трудомъ побѣждаетъ волненіе].

Что ты мнѣ принесъ?..

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Вы Шаку приказали, королева,
Прислать вамъ полномочіе...

ЮЛІАНА.

Подай!
Да, Гульдбергъ, онъ умретъ. Я въ королѣ
Какое-то томленье замѣчаю;
Не нужно, чтобъ оно пускало корни
Въ душѣ его. Я знаю, онъ груститъ
По немъ и по Матильдѣ; но пугать
Насъ не должно такое настроенье,
И ежели я въ сердцѣ короля
Убить воспоминанья о любимцѣ
Не въ силахъ, то любимца самого
Могу убить. И это будетъ такъ!
Я Шаку довѣряю... Онъ—хитеръ
И преданъ мнѣ. Бумагу эту тотчасъ
Отправь къ нему... въ ней—приговоръ Струэнзе!

ГУЛЬДБЕРГЪ.

А что жъ Ранцау?

ЮЛІАНА.

О гибели его
Я позабочусь тоже... Будь спокоенъ...

[Гульдбергъ идетъ къ дверямъ. Въ это время входятъ придворныя дамы и пажи].

ПАЖЪ.

Сэръ Робертъ Кейтъ.

ЮЛІАНА.

Пускай войдетъ.

СЦЕНА VI.

Кейтъ и Юліана.

ЮЛІАНА.

Сэръ Робертъ Кейтъ отъ нашего двора
Сталъ въ эти дни замѣтно отдаляться,
Отсутствіе его насъ огорчаетъ.

КЕЙТЪ [подавая письмо].

Письмо отъ моего монарха...

ЮЛІАНА.

А!
Отъ короля Георга. Очень рада.
[Читаетъ].
Какія рѣчи! Такъ ли я прочла?..
Глазамъ своимъ я не могу повѣрить:
Насъ испугать угрозами хотятъ.
Или не я здѣсь королева, сэръ?

КЕЙТЪ.

Нѣтъ! королева Даніи, къ несчастью,
Въ темницѣ плачетъ...

ЮЛІАНА.

Плачетъ? Въ самомъ дѣлѣ?
Что жъ! Это ей спасительно. Пускай
Она въ тюрьмѣ оплакиваетъ горько

Тѣ преступленья, что̀ свершила здѣсь.
Давно пора очистить покаяньемъ
Ей совѣсть королевскую свою.

КЕЙТЪ.

Души ея — судья одинъ Всевышній.
Но чтобъ людская ненависть судила
Ея дѣла земныя; чтобъ могли
Клеветники безъ совѣсти и чести
Клеймомъ грѣха горящимъ заклеймить
Монархини возвышенныя чувства,
То этого, конечно, не должна
Дозволить Англія, и свѣтъ не можетъ
Нелѣпой сказкѣ вѣрить, будто въ связь
Преступную вступила королева
И добивалась власти безраздѣльной,
Которая принадлежала ей
И безъ того. Властительницей полной
Была она, и одного желать
Еще могла: съ врагами примиренья.
Но ка̀къ сбылись желанія ея—
Извѣстно вамъ. И знаете вы также,
Что противъ королевы обвиненья
Въ измѣнѣ государственной куютъ,
И что для этой цѣли собираютъ
Свидѣтельства подкупленныхъ рабовъ.
Но потерпѣть Британія не можетъ,
Чтобы суда кровавый приговоръ
Обрушился надъ дочерью монарха.
Британскій флотъ увидятъ волны Бельта,
И дрогнетъ свѣтъ... О, неужель тогда
Всеобщему желанью мира будетъ
Сопротивляться островъ небольшой?
Внемлите жъ мнѣ, молю васъ, королева,
Пока еще орудій страшный громъ
Не загремѣлъ надъ моремъ, и оно,
Исполненное гнѣва, не спросило:
Гдѣ Англіи могущественной дочь?

ЮЛІАНА.

Отвѣтъ нашъ не заставитъ ждать себя.
Какой языкъ! Ужели государство
Угрозой этой можно испугать?
И какъ вамъ рѣчь подобная пристала
Теперь, когда въ парламентѣ дрожатъ
И всѣ умы изыскиваютъ средства,
Какъ внутреннія распри побѣдить.
Колоніи становятся опасны,
И отвлечетъ Америка вашъ флотъ.
Британіи, мнѣ кажется, не время
Теперь своей принцессой заниматься,
Забывшей стыдъ... и защищать ее
Отъ гнѣва справедливаго монарха
И отъ законной кары... И притомъ,
Британія, которая по праву
Гордится такъ могуществомъ своимъ,
Одна послала больше королевъ
На эшафотъ, чѣмъ цѣлая Европа.

КЕЙТЪ.

Лишь ненависть преступныя дѣла —
Одно другимъ — оправдывать способна...
И правила такого королевѣ,
Мнѣ кажется, не слѣдуетъ держаться.

ЮЛІАНА.

Просить мы короля Георга будемъ,
Чтобъ онъ слугу намъ лучшаго прислалъ,
Который къ коронованнымъ особамъ
Умѣетъ быть почтительнѣй и знаетъ,
Какъ подданные съ ними говорятъ.

КЕЙТЪ.

У вашего величества просить
Я долженъ позволенья здѣсь остаться —
Такъ мой монархъ приказываетъ мнѣ —
До той поры, покамѣстъ королеву

Свободною не буду видѣть я.
Когда жъ свой долгъ печальный я исполню,
Когда опять увидятъ солнца лучъ
Заплаканныя очи королевы,—
Пусть унесетъ скорѣй меня корабль
Къ предѣламъ дорогой моей отчизны,
Куда стремлюсь ужъ я давно душой.
Мнѣ нѣтъ отрады медлить въ той странѣ,
Гдѣ ненависть съ измѣной дѣлятъ власть,
И гдѣ тому куютъ сегодня цѣпи,
Кому вчера монарха благосклонность
Дарила и могущество, и блескъ;
Гдѣ чистая, какъ голубь, королева
Передъ судомъ подкупленнымъ дрожитъ;
Законы гдѣ орудьемъ мести служатъ,
И попраны священныя права.

[Уходитъ].

СЦЕНА VII.

Юліана, придворныя дамы.

ЮЛІАНА.

Ушелъ наглецъ! И говорить со мною
Онъ Англіи надменной рѣчью смѣлъ.
И я терплю!.. и худшее еще
Мнѣ вытерпѣть придется, вѣроятно:
Ты не умрешь, какъ я того желала!
Я знаю, что ты выйдешь изъ тюрьмы
Свободная... Тебя спасти — корона
И кровь твоя британская должны!

[Къ графинѣ Ульфельдъ].

Но не пугайтесь, милая графиня,
Что вновь она на датскій сядетъ тронъ.
Ступени трона этого, который
Ея постыдной жизнью оскверненъ,
Омыть такой намѣрена я кровью,
Что̀ передъ нимъ, какъ передъ плахой, ужасъ
Британка будетъ вѣчно ощущать!

[Уходитъ съ дамами].

ПЕРЕМѢНА.

Комната Матильды въ Кроненбургской крѣпости. Дверь по серединѣ и по бокамъ.

СЦЕНА VIII.

Матильда и **Эмми**, ея камеръ-фрау.

МАТИЛЬДА [выходя изъ сосѣдней комнаты, въ волненіи, вмѣстѣ съ Эмми].

Оставь меня въ покоѣ! Не хочу
Ни говорить, ни видѣться я съ нимъ.

ЭММИ.

Онъ говоритъ, что судъ его прислалъ.

МАТИЛЬДА.

Какой, скажи? Гдѣ собрались монархи
Меня судить?

ЭММИ.

Простите, если я
Осмѣлюсь вамъ, отъ искренняго сердца,
Подать совѣтъ... Быть можетъ, что-нибудь
Хорошее узнаемъ мы отъ Шака.
Примите, государыня, его.

МАТИЛЬДА.

Кто этотъ Шакъ? Его не знаю я...
Я при дворѣ лишь издали видала
Его порой и не могу сказать,
Какія онъ ко мнѣ питаетъ чувства,
Врагамъ моимъ онъ преданъ или мнѣ.
Быть можетъ, онъ — шпіонъ. О, Боже, Боже!
Кто вѣренъ былъ мнѣ! Кто меня не предалъ!

ЭММИ.

Вы мнѣ вчера сказали, что покорно
Все примете, чтò бъ ни послалъ вамъ Богъ.
Но отчего вы вѣрить не хотите,

Что послѣ столь тяжелыхъ, скорбныхъ дней
Онъ радость вамъ нежданную готовитъ?
Угодно вамъ, чтобъ я впустила Шака?

МАТИЛЬДА.

Пускай войдетъ! И въ самомъ дѣлѣ, глупо,
Что я противлюсь этому свиданью.
Не все ль равно мнѣ! Каждой новой мукѣ
Навстрѣчу хладнокровно я пойду.
О, Эмми!.. Малодушной и ничтожной
Своей ты королевы не считай.
Ребенокъ я, что̀ плачетъ межъ змѣями,
Ихъ племенемъ шипящимъ окруженный;
Ближайшей лишь одной страшится онъ,
Не думая, что скоро точно такъ же
И дальнія въ него вольютъ свой ядъ.
Напрасно онъ простеръ съ мольбою руки,—
Ехидны разомъ бросились къ нему
И, кольцами тяжелыми обвившись
Вокругъ него, ребенку сердце давятъ...
Пускай войдетъ! Что̀ бъ ни принесъ онъ мнѣ,
Приму я твердо новую ехидну
Вдобавокъ къ старымъ да̀вящимъ змѣямъ!..

СЦЕНА IX.

МАТИЛЬДА [одна].

Къ Тебѣ одиноко взываю,
Къ Тебѣ, Всемогущій,
Меня испытующій Богъ!
Куда ни взгляну я, повсюду
Нѣмую пустыню встрѣчаю...
И кромѣ Тебя — никого,
Теперь у меня не осталось!
На горе Ты далъ мнѣ корону!
Одну Ты оставилъ меня
На жертву безстыднымъ и злобнымъ
Врагамъ, что̀ меня ненавидятъ:
Они надо мной насмѣялись,

И сердце супруга дозволилъ
Ты имъ отъ меня отвратить.
Ужели меня Твоя кара
Постигнетъ за то, что одинъ,
Одинъ мнѣ оставшійся вѣрнымъ,
Когда меня все покидало,
Отвергнутъ презрительно не былъ
Моей наболѣвшей душой;
За то, что со мною страдалъ онъ,
Что плакалъ онъ вмѣстѣ со мной?
Иль это преступно?.. грѣшно?
И Ты отъ меня, въ наказанье,
Теперь отступаешься, Боже?
Къ кому же, къ кому я прибѣгну,
Откуда мнѣ помощи ждать?
Ужели къ Тебѣ я напрасно
Взываю и встрѣтить врага
Покорно и робко должна я?
Гдѣ мужество, вѣра моя?
О, горе мнѣ, горе! о чемъ бы
Ни думала я, — лишь одно
Мнѣ голосъ таинственный шепчетъ:
Кто бъ могъ тебя спасти и защитить,
Въ темницѣ тотъ... Постыдными цѣпями
Въ отчаяньи напрасно онъ гремитъ,
Друзей своихъ напрасно призываетъ, —
Отвѣта нѣтъ... безмолвный мракъ кругомъ...
И, ужасомъ объятый, плачетъ, плачетъ
Онъ о тебѣ, — какъ плачешь ты о немъ!

ЭММИ [входя].

Онъ у дверей... Но вы въ такомъ волненьи...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, Эмми, я спокойна. Пусть войдетъ.
[Шакъ входитъ. Эмми удаляется].

СЦЕНА X.

Шакъ и Матильда.

ШАКЪ.

Назначенный по волѣ короля
Верховный судъ меня къ вамъ посылаетъ.
Подвергнутъ былъ допросу графъ Струэнзе...
[Матильда дѣлаетъ движеніе ужаса].
Коль будетъ мнѣ дозволено, то я
Дальнѣйшія формальности отброшу
И вашему величеству...

МАТИЛЬДА.

Зачѣмъ
Произнесли вы здѣсь святое слово?..
«Величество» въ тюрьмѣ страдать не можетъ,
Его никто не судитъ на землѣ.
Меня измѣной взяли. Короля,
Супруга моего, я не видала;
Лишь отъ него услышать мнѣ прилично
Объ участи своей... Когда же здѣсь,
Съ какою королевой поступать
Такъ смѣли, какъ со мною поступили?
Но испытать меня угодно Небу,
И я склонюсь предъ волею Его.
Теперь скажите мнѣ, не опасаясь,
Чтò отъ меня имъ нужно? Я бы только
Просила васъ оставить этотъ титулъ,
Чтò сану моему принадлежитъ,
Униженному вами...

ШАКЪ.

Графъ Струэнзе...

МАТИЛЬДА.

Нельзя ли вамъ о немъ не говорить.

ШАКЪ.

Но лишь о немъ и говорить я долженъ.

МАТИЛЬДА.

Чтò жъ дальше...

ШАКЪ.

Передъ судьями своими
Сознался графъ, что противъ короля
Онъ въ заговорѣ съ вами находился...

МАТИЛЬДА.

Обманъ и ложь!

ШАКЪ.

Онъ это показалъ.
Потомъ еще, что вамъ въ грѣховной страсти
Открылся онъ — и вы его простили.

МАТИЛЬДА.

Вы лжете, лжете нагло! Никогда
Не могъ сказать онъ этого. Какъ грубо,
О, хитрецы, придуманъ вашъ обманъ!

ШАКЪ.

Вы можете считать все это ложью,
Но я сказалъ вамъ правду. И теперь,
Отъ имени суда, спросить васъ долженъ:
Вы подтвердите эти показанья
Струэнзе?

МАТИЛЬДА.

Я? Но развѣ я безумна?

ШАКЪ.

Тогда очную ставку съ подсудимымъ
Должны мы будемъ дать вамъ...

МАТИЛЬДА [про себя].

Горе мнѣ!

ШАКЪ.

Въ лицо ему вы скажете, что онъ
Солгалъ, и въ государственной измѣнѣ
Судъ обвинитъ немедленно того,
Кто клеветать дерзнулъ на королеву.

МАТИЛЬДА.

Неслыханно! Очную ставку съ нимъ?
Мнѣ? королевѣ? Это невозможно!
И не хочу я вѣрить, чтобъ сказалъ
Онъ что-нибудь подобное! Но, впрочемъ...
Какъ знать! У васъ найдутся средства,
Которыми и ложное признанье
У человѣка вырвать можно...

ШАКЪ.

Судъ
Такъ далеко не заходилъ... и пыткой
Ему лишь угрожалъ онъ...

МАТИЛЬДА.

Пыткой! Боже!

ШАКЪ.

Есть средство все уладить, королева,
Избавить васъ отъ этой страшной встрѣчи,
Освободить васъ и его спасти.

МАТИЛЬДА.

Какое жъ?

ШАКЪ.

Я заранѣ приготовилъ
Его. Я знаю, что другого нѣтъ.
Вы подписать должны бумагу эту.

[Вынимаетъ изъ кармана бумагу].

МАТИЛЬДА [прочитавъ бумагу].

Неу́жели постыдное признанье,
Которое сейчасъ лишь отъ меня
Вы требовали, нужно подписать?
Но здѣсь стоитъ, что будто онъ признался
Мнѣ въ томъ... что̀ даже... я назвать страшусь—
И будто я вину ему простила,
И, голову несчастнаго щадя,
Отъ короля все это утаила?

Такъ этимъ я его могу спасти?
Нѣтъ! и меня вы погубить хотите!
Вотъ для чего нужна моя вамъ подпись.

ШАКЪ.

Я этого дѣйствительно хочу,
И потому, что только это можетъ
Преступника спасти отъ эшафота.
Я долженъ вамъ сказать чистосердечно:
Король его желаетъ пощадить.

МАТИЛЬДА [съ живостью]

Я вѣрю въ этомъ вамъ... О, да! я знаю,
Что если слабо сердце короля,
То все жъ онъ добръ, онъ милостивъ и кротокъ,
Кровавыя дѣянья ужасать
Должны его незлобивую душу.

ШАКЪ.

А судъ, межъ тѣмъ, идетъ своимъ путемъ:
Онъ обвинитъ измѣнника и къ смерти
Приговоритъ его... коль вы въ сердца судей
Не бросите сомнѣнія...

МАТИЛЬДА.

Какого?

ШАКЪ.

Сомнѣнья въ томъ, не будетъ ли грозить
Ихъ приговоръ опасностью странѣ?
Вѣдь если все, что̀ показалъ Струэнзе,
Вы, въ свой чередъ, рѣшитесь подтвердить,
То и себя признàете виновной.
Король и судъ должны произнести
Тогда надъ вами тотъ же приговоръ,
Что̀ и надъ нимъ... А этого, конечно,
Ужъ не дерзнутъ... Намъ Англія грозитъ...

МАТИЛЬДА.

Она грозитъ! Отчизна дорогая,
Свободный, благородный мой народъ!
Я не совсѣмъ покинута, коль помнишь
Ты обо мнѣ!

ШАКЪ.

Нельзя васъ оправдать
И обвинить Струэнзе въ то же время;
Сообщникъ королевы вмѣстѣ съ ней
Освобожденъ быть долженъ, иль погибнуть.

МАТИЛЬДА.

Да... въ этомъ правда есть...

ШАКЪ.

Повѣрьте мнѣ...

МАТИЛЬДА.

Чего хотите вы? Чтобъ подтвердила
Свой собственный позоръ я? Боже мой!
Но гдѣ же, гдѣ найду я правду? Люди
Всѣ лгали мнѣ, когда стояла я
На высотѣ могущества и счастья...
Хотите ль вы быть лучше ихъ,—и правду
Мнѣ скажете ль въ дни горестей и бѣдъ?

ШАКЪ.

Довѣрьтесь мнѣ...

МАТИЛЬДА [пытливо смотря на него].

Должна ли я?.. Подайте...

[Кладетъ передъ собой бумагу на письменный столъ. За ней стоитъ кресло. Передъ тѣмъ, какъ подписать, она еще разъ пробѣгаетъ глазами листъ и отворачивается отъ него съ ужасомъ].

Чтобъ я сама... Нѣтъ! никогда!..

ШАКЪ.

Рѣшитесь...

МАТИЛЬДА [про себя].

Да! я должна... Другого нѣтъ исхода.
Съ нимъ... на судѣ... О! этого не въ силахъ
Я перенесть...

[Хочетъ подписать и снова колеблется].

Упало сердце. Ноги
Мнѣ измѣняютъ...

[Медленно пишетъ].

Ка-ро-ли-на.
Чтò я пишу? А если онъ солгалъ?..
Я испытать его должна; пускай
Мнѣ зеркало лицо его покажетъ.

[Смотритъ въ зеркало. Шакъ, безстрастный и неподвижный, стоитъ за нею]

Вотъ... кончила... возьмите...

[Указывая движеніемъ головы на бумагу и отворачиваясь].

ШАКЪ [радостно].

Наконецъ!

МАТИЛЬДА [держа еще въ рукѣ перо и замѣтивъ радостное выраженіе на лицѣ Шака, который хочетъ взять бумагу, вскрикиваетъ].

Ликуетъ онъ! О сердце, разорвись!
Я предана!

[Падаетъ безъ чувствъ въ кресло, судорожно сжимая перо].

ШАКЪ.

Ты не ошиблась!..

[Взглянувъ на бумагу].

Какъ?
Лишь: «Каролина» только, а Матильды
Недостаетъ почти на половину?
Но я суду доставить обѣщалъ
За подписью твоею обвиненье —
И обѣщанье выполню свое.

[Пишетъ, водя рукой королевы, и произноситъ: «Ма-тиль-да»].

Ну, вотъ, теперь улика налицо!

[Занавѣсъ падаетъ].

49*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната Юліаны.

СЦЕНА I.

ЮЛІАНА [сидитъ одна].

Какъ эта ночь длинна... конца ей нѣту!
Никто нейдетъ. А я все жду и жду.
Чего я жду? Чтобъ смертный приговоръ
Врага мнѣ принесли... Не странно ль, право,
Что можно такъ томиться въ ожиданьи
Чего-нибудь подобнаго...

[Молчаніе].

Зато
Я правъ своихъ, короны и всего,
Чтò было мнѣ дороже самой жизни,
Такъ много лѣтъ ждала! Я не нарядъ,
Не блескъ одинъ пустой въ порфирѣ вижу,
Одежду королевскую считать
Я не могу костюмомъ карнавальнымъ—
И, въ пурпуръ облекаясь, королевой
Хочу вполнѣ быть! И была я ею
До той поры, покамѣстъ не явилась
Сюда она, которая меня
Всего лишила... Сына моего
Своимъ лицомъ смазливымъ соблазнила,—
И у меня могущество, почетъ
И самую надежду... все украла!
Да, все! И тотъ, кому сегодня я
Готовлю гибель, былъ ея орудьемъ.
Пусть за нее поплатится. И если
Хранитъ корона голову ея,—
Ему своей не уберечь отъ плахи!

СЦЕНА II.

Шакъ, Келлеръ, Гульдбергъ, Юліана, многіе члены совѣта.

ЮЛІАНА.

А, наконецъ!.. Ну, что? Какъ судъ рѣшилъ?..
Къ чему приговоренъ измѣнникъ?

ШАКЪ.

Къ смерти!
Онъ обезглавленъ будетъ палачомъ,
И приговоръ суда сейчасъ же графу...

ЮЛІАНА [прерывая его].

Онъ пересталъ быть графомъ, и его
Такъ называть вы не должны отнынѣ.

ШАКЪ.

И приговоръ измѣннику сейчасъ же
Объявятъ, какъ монарха утвержденье
Послѣдуетъ...

ЮЛІАНА.

За нимъ не станетъ дѣло.
Когда же вы получите его,
То приговоръ, не медля ни минуты,
Велите въ исполненье привести.
Вы слышите: не медля ни минуты,—
Затѣмъ, чтобъ въ слабомъ сердцѣ короля
Раскаянье внезапно не проснулось.
Застать въ живыхъ преступника Струэнзе
Не долженъ наступающій разсвѣтъ.
Гдѣ графъ Ранцау?

КЕЛЛЕРЪ.

Едва извѣстно стало,
Къ чему приговорилъ Струэнзе судъ,
Какъ графъ исчезъ; и я напрасно всюду
Его искалъ...

ЮЛІАНА.

Я не могу за это
Отсутствіе его не осуждать.
Казалось бы, что мѣсто графа — здѣсь,
Въ подобный мигъ. Онъ королю представить
На утвержденье приговоръ обязанъ...
Гдѣ жъ онъ?

[Шаку].

Такъ вы идти за утвержденьемъ
Сейчасъ къ его величеству извольте.

ШАКЪ.

Простите, королева... не по силамъ
Обязанность такая старику.
Чтò если въ сердце короля, при взглядѣ
На этотъ листъ, закрадется сомнѣнье?...
Нѣтъ, нѣтъ! я не могу.

ЮЛІАНА [вырывая у него бумагу, къ Келлеру].

Ступайте вы.

КЕЛЛЕРЪ.

Увольте, королева, и меня:
И я къ подобной службѣ не пригоденъ.
Туда, гдѣ есть опасность, я пойду;
Но здѣсь не нуженъ мечъ; здѣсь языкомъ
Мнѣ довелось бы дѣйствовать, а это
Оружье, королева, не мое...

ЮЛІАНА [къ ближайшему изъ членовъ совѣта].

Такъ вы...

[Тотъ отказывается. Она предлагаетъ другимъ, тѣ также не соглашаются].

Никто отважиться не хочетъ?
Никто?

[Всѣ молчатъ].

Пускай! Такъ я сама иду.
О! какъ вы рòбки всѣ! какъ малодушны!
Иль думаете вы, что отказать
Въ такой пустой, въ такой ничтожной просьбѣ
Король рѣшится матери своей —
И подписать лишь слово «Христіанъ»
Подъ этою бумагой не захочетъ?
За мною, Гульдбергъ! Вы же всѣ ликуйте!
Струэнзе — врагъ страны — не существуетъ!

[Уходитъ съ Гульдбергомъ. Остальные также расходятся].

ПЕРЕМѢНА.

Тюрьма. Ночь. На столѣ горитъ ночникъ. Въ глубинѣ сцены большая дверь на запорѣ. Влѣво маленькая, боковая дверь. Струэнзе лежитъ въ цѣпяхъ. Послѣ нѣкоторой паузы, съ правой стороны отворяется потаенная дверь, въ которую входятъ Ранцау и тюремщикъ.

СЦЕНА III.

Ранцау, тюремщикъ, Струэнзе спящій.

РАНЦАУ [подавая тюремщику кошелекъ].

Побѣгъ твой эти деньги обезпечатъ.
Возьми, а насъ теперь оставь вдвоемъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Смотрите жъ, не забудьте, что сказали
Вы мнѣ сейчасъ. Я выпустить его
Не соглашусь ни за какія блага,
Коль въ Даніи остаться долженъ онъ.
Продать свою мнѣ душу захотѣлось —
И продалъ я. Кому какое дѣло!
Но не должно отечество мое
Изъ-за меня терпѣть, и, если нѣмца
Вы для того освободить рѣшились,
Чтобъ управлялъ онъ Даніей опять,
Такъ лучше ужъ назадъ возьмите деньги.

РАНЦАУ.

Не бойся, вѣрный датчанинъ, не бойся:
Страною онъ не будетъ управлять,
И я тебя могу завѣрить честью,
Что въ эту ночь онъ въ Англію бѣжитъ.
Когда придутъ сюда за нимъ, съ разсвѣтомъ,
Ужъ будетъ онъ въ открытомъ морѣ плыть.
А ты пока въ моихъ помѣстьяхъ скройся.
Я завтра самъ открою королю,
Что̀ сдѣлали съ тобой мы, чтобъ избавить
Отъ поздняго раскаянья его.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Эхъ! сударь, лучше бъ вамъ, ей-Богу,
Отъ этого его не избавлять.

Вѣдь узникъ успокоился давно,
И къ тихому пристанищу готова
Душа его причалить. Онъ грѣхи
Свои всѣ счелъ — и вышла смерть въ итогѣ.
Зачѣмъ его заставить вы хотите
Опять потомъ считать? Ей-ей грѣшно!
Пускай при старомъ счетѣ остается.

РАНЦАУ.

Ступай и позаботься о себѣ,
Да деньги береги, пока не скрылся.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Эхъ! золото проклятое! Въ соблазнъ
Ты, рыжая развратница, насъ вводишь
И губишь человѣческія души.
Вотъ и мою, знать, хочешь погубить.
Ну, сударь, если завтра за измѣну
Меня осудятъ, — вы всему вина.

[Уходитъ].

СЦЕНА IV.

Ранцау и Струэнзе.

Онъ спитъ. Онъ можетъ спать, и не гнетутъ
Ему оковы душу! Сны рисуютъ
Предъ нимъ картины счастья прожитого,
А, пробудясь, своихъ убійцъ онъ встрѣтитъ.
Ужасно быть убійцей! Эта мысль
Мнѣ не даетъ покоя... сердце гложетъ.
Но что же медлю я?

[Будитъ Струэнзе].

Вставай, несчастный!

СТРУЭНЗЕ [вскакивая].

Кто звалъ меня? Какъ будто бы Ранцау...
А мнѣ казалось, — я Матильду вижу...

РАНЦАУ.

О! злополучный!

СТРУЭНЗЕ.

Я не сплю, не брежу?
Да! это вы. Но что жъ васъ привело
Ко мнѣ въ тюрьму. Иль вы моимъ позоромъ
Хотѣли насладиться? Признаюсь,
Я даже и въ минуты раздраженья
На это васъ способнымъ не считалъ.
Я лучшее себѣ составилъ мнѣнье
О вашемъ гордомъ духѣ, графъ...

РАНЦАУ [послѣ нѣкотораго колебанія, указывая на потаенную дверь].

Бѣгите!

СТРУЭНЗЕ [удивленный].

Что вижу я? Въ своей ли я тюрьмѣ?
Такъ много дней не отводилъ я взоровъ
Отъ этихъ мрачныхъ стѣнъ и разглядѣть
Не могъ, что дверь здѣсь есть.

РАНЦАУ.

Одинъ тюремщикъ
Лишь зналъ о ней. Теперь отворенà
Она для васъ. Не медлите, бѣгите!
Васъ ожидаетъ англійскій корабль;
До берега проводитъ васъ надежный
Слуга, — онъ у дверей стоитъ и отъ цѣпей
Освободитъ васъ; часовой подкупленъ.
Спѣшите же! намъ дорогъ каждый часъ.

СТРУЭНЗЕ.

Но я узнать сгораю нетерпѣньемъ,
Что побуждаетъ васъ меня спасти.

РАНЦАУ.

Не тратьте словъ, и объ одномъ заботьтесь,
Чтобъ смерти, вамъ грозящей, избѣжать.
Не думайте, что медлить станетъ мщенье:

Его топоръ готовъ и поразить
Васъ можетъ раньше, чѣмъ того вы ждете.
Иль приговоръ вашъ неизвѣстенъ вамъ?

СТРУЭНЗЕ.

Хотя бъ онъ даже былъ мнѣ неизвѣстенъ...
Зато враги мои извѣстны мнѣ.

РАНЦАУ.

Они не любятъ мѣшкать. Этой ночью
Рѣшится все.

СТРУЭНЗЕ.

Я знаю, — приговоръ
Лежитъ теперь передъ моимъ монархомъ.

РАНЦАУ.

Онъ утвердитъ... На милость не надѣйтесь.

СТРУЭНЗЕ.

Онъ утвердитъ. Онъ долженъ утвердить,
И милости я только жду отъ Неба.

РАНЦАУ.

Оно теперь являетъ вамъ ее,
Указывая средство къ избавленью.

СТРУЭНЗЕ.

Избавитъ смерть меня отъ всѣхъ страданій.
Послѣднія мгновенья бытія
Мнѣ эта ночь даруетъ. На разсвѣтѣ
Должна моей порваться жизни цѣпь.
Лучъ солнца восходящаго освѣтитъ
Мой смертный путь, а полдень ужъ найдетъ
Кровавый трупъ мой на доскахъ позорныхъ.
Когда жъ настанетъ вечеръ, — можетъ-быть,
Глаза мнѣ воронъ выклюетъ голодный...

РАНЦАУ.

О, ужасъ! И вы медлите еще!
Иль не открыты вамъ спасенья двери?
Скорѣй, скорѣй бѣгите!..

СТРУЭНЗЕ.

С изумленьем
Гляжу я на того, кто въ эту бездну
Меня, пылая злобою, столкнулъ,
И кто теперь спасительный канатъ
Бросаетъ мнѣ туда. Но не надѣйтесь,
Что за него, не думая, сейчасъ
Я ухвачусь, какъ вы того желали бъ.
Вы, можетъ-быть, себѣ вообразили,
Что смерть меня пугаетъ? но ее
Я знаю, я видалъ — какъ воинъ въ битвѣ —
И менѣе красивою. Она
Къ одру больныхъ подкрадывалась часто,
И образъ тамъ измѣнчивый ея
Мнѣ наблюдать случалось близко. Съ нею
Коротокъ я, какъ съ другомъ юныхъ лѣтъ.
Всѣхъ стоновъ, что̀ она у человѣка
Изъ груди извлекаетъ, звукъ я знаю;
Я въ блѣдное лицо ея взгляну
Безъ трепета — и отъ нея поспѣшно
Не убѣгу, какъ думаете вы.
Я, послѣ всѣхъ страданій, колебаться
Еще могу, что̀ выбрать: жизнь иль смерть.
Я долженъ знать, что̀ ждетъ меня въ грядущемъ,
Чтобъ краткій смерти мигъ не промѣнять
На годы безконечнаго мученья.

РАНЦАУ.

Какъ разсуждать вы можете, когда
Позорная вамъ гибель угрожаетъ?

СТРУЭНЗЕ.

Молю васъ, облегчите сердце мнѣ, —
Скажите, что̀ друзей моихъ постигло,
Томившихся въ темницѣ, какъ и я?
Гдѣ Брандтъ?...

РАНЦАУ.

Зачѣмъ вамъ это знать, несчастный?

СТРУЭНЗЕ.

Приговоренъ?

РАНЦАУ.

Къ тому же, что̀ и вы.
Онъ долженъ вамъ предшествовать...

СТРУЭНЗЕ.

О, горе!
Такъ и друзей своихъ я погубилъ!
Что жъ совершить преступнаго онъ могъ?

РАНЦАУ.

Но развѣ вашимъ другомъ не былъ онъ?
Не охранялъ особу короля?
А этого довольно, чтобъ вмѣнилось
Услужливыми судьями ему
Ничтожнѣйшее слово въ преступленье.

СТРУЭНЗЕ.

А остальныхъ друзей моихъ что ждетъ?

РАНЦАУ.

Левенскіольдъ и многіе другіе
На долгій срокъ въ тюрьму заключены.

СТРУЭНЗЕ.

Что мигъ, то все сильнѣе и сильнѣе
Гнететъ мнѣ душу тягостное бремя.
Еще одно узнать осталось мнѣ,
И я рѣшусь. Но слово замираетъ
Въ моихъ устахъ... Спросить васъ долженъ я...
Кто совершилъ неслыханное дѣло?
Какъ вы могли, — вы, гордый человѣкъ,
Способствовать подобному злодѣйству?
Помощникомъ вы стали палачей,
Отъ сна вы пробудили королеву
И прикоснуться грубою рукой
Дерзнули къ ней...

[Ранцау отворачивается. Пауза].

Простите, если васъ
Я оскорбилъ. Я чувствую, что близокъ
Тотъ часъ, когда ни гнѣву, ни враждѣ
Ужъ не должно быть мѣста въ нашемъ сердцѣ.
Вамъ медлить здѣсь опасно, графъ, такъ кончимъ.
Скажите мнѣ: что̀ вѣчно дорогую,
Что̀ королеву... можетъ ждать... мою?

РАНЦАУ.

Къ изгнанью и разлукѣ съ королемъ
Приговоренной, ей предложатъ, вѣрно,
Чтобъ во владѣніяхъ нѣмецкихъ брата
Избравъ себѣ убѣжище, она
Тамъ поселилась, и въ уединеньи...

СТРУЭНЗЕ.

Довольно!.. Жизнь кончается моя,
И незачѣмъ бѣжать мнѣ...

РАНЦАУ.

Невозможно!

СТРУЭНЗЕ.

Какъ невозможнымъ кажется для васъ
Не содрогаться предъ позорной казнью,
Такъ невозможнымъ кажется мнѣ жить.
Что̀ значитъ жизнь, по-вашему? Ужель
Обычныя въ природѣ измѣненья
Переживать, встрѣчать весну и зиму?
Ужель смотрѣть, какъ нынче увядаютъ
Цвѣты, вчера блиставшіе красой;
Иль старческую кровь заемнымъ жаромъ
Подогрѣвать, когда исчезла юность, —
Вы назовете жизнью? И дышать
Для этого лишь стоитъ намъ? О, нѣтъ!
Иныя блага жизнью заставляютъ
Насъ дорожить. Когда мы, въ глубину
Души своей порою заглянувши,
Въ ней обрѣтаемъ зданье, что̀ себѣ

Воздвигли мы изъ пламенныхъ желаній,
Воспоминаній свѣтлыхъ и надеждъ, —
И можемъ въ этомъ сердцу миломъ домѣ
Укрыться отъ житейскихъ непогодъ,
Тогда легко нести намъ бремя жизни.
Но зданіе, воздвигнутое мной,
Въ развалинахъ лежитъ, и убѣгаю
Я отъ пустыни сердца своего.
Въ немъ нѣтъ надеждъ! Воспоминанья даже
Его терзаютъ — словно преступленья!
Мнѣ жить подъ вѣчнымъ гнетомъ мысли страшной,
Что въ бездну я столкнулъ своихъ друзей
И спасся самъ? Мнѣ жить, когда я знаю,
Что и она, что та, которой всѣмъ
Я былъ готовъ пожертвовать, — въ изгнаньи,
Отъ ласкъ дѣтей отвергнутая, плачетъ
И мнѣ укоръ за гибель шлетъ свою!
И это все я могъ бы выносить?
Спокойствіе мнѣ возвращаетъ плаха.
Жизнь для меня была бы вѣчной битвой,
Но безъ надежды на побѣду! Вамъ пора!
Идите, графъ, скорѣй. Не то застанутъ
Васъ палачи мои. Я остаюсь...

РАНЦАУ.

О, Боже!

СТРУЭНЗЕ.

Еще одно — хотѣлъ бы напослѣдокъ,
Отъ васъ узнать я, что̀ произвело
Переворотъ столь быстрый въ вашемъ сердцѣ?
Что побуждаетъ васъ спасти врага?

РАНЦАУ.

Меня объ этомъ спрашиваешь ты,
Несчастный, слезъ достойный человѣкъ?
Такъ знай: судьба ужасная твоя!
Не говорилъ ли я тебѣ когда-то,
Что управлять ты Даніей не можешь,

Не можешь ненавистныя ученья,
Возникшія въ далекой сторонѣ,
Навязывать народу произвольно.
Но тщетно я тебя продостеречь
Старался. Голосъ мой звучалъ въ пустынѣ,
И все сильнѣй стремился къ цѣли ты.
Твое паденье было неизбѣжно,
Ты палъ; но я здѣсь только былъ орудьемъ,
И выскользнула власть изъ рукъ моихъ;
Ты жертвой низкой мести сталъ теперь;
Но не хотѣлъ я этого и крови
Твоей не жаждалъ; этотъ приговоръ,
Съ злодѣями равняющій тебя,
Страну безчеститъ. О, бѣги скорѣе!
Ночей моихъ спокойствіе отдай, —
Отдай мнѣ сонъ! ужъ трижды предо мною,
Окровавлённый, ночью, ты стоялъ...
Напрасно хочетъ воинъ посѣдѣлый
Глаза свои усталые сомкнуть:
Онъ тутъ, онъ тутъ — кровавый этотъ призракъ,
И ночи нѣтъ конца!.. Бѣги, бѣги! —
Сна моего не уноси въ могилу!

СТРУЭНЗЕ.

Я не могу... но послѣ этой ночи
Раскаянье васъ мучить не должно.
Когда мои разбросанныя кости
Сберутъ, и буду я въ землѣ лежать, —
Отраденъ мнѣ могильный будетъ отдыхъ;
Я все забыть хочу. Безъ сновидѣній
Покоиться хочу въ могилѣ я...
Но если даже это невозможно,
И долетятъ земные голоса
До слуха мертвецовъ, то ихъ они
Не для кровавыхъ помысловъ разбудятъ...
Быть-можетъ, мысль о томъ, кто плачетъ здѣсь,
И чья мечта ушедшихъ призываетъ,
Еще сладчайшій сонъ на нихъ навѣетъ...

РАНЦАУ.

Я васъ молю — бѣгите!..

СТРУЭНЗЕ.

У дверей
Какой-то шумъ я слышу... Ради Бога,
Простимся... Смерти вѣстники идутъ!..
Скорѣй, скорѣй... и уходите съ мыслью,
Что не питалъ къ вамъ ненависти я,
Что на прощанье жму отъ сердца руку
Тому, кто мнѣ въ дни счастья былъ врагомъ,
Но кто теперь обрадовалъ нежданно
Меня, какъ другъ, и въ мой предсмертный часъ
Ко мнѣ пришелъ съ душою примиренной,
Чтобы меня отъ гибели спасти.
Прощайте, будьте тверды! Юліана
Должна васъ ненавидѣть, какъ меня...
Дай Богъ, чтобъ вы окончили счастливѣй,
Чѣмъ я...

[Они обнимаются. Ранцау поспѣшно уходитъ въ потаенную дверь, которая затворяется за нимъ].

СЦЕНА V.

Струэнзе одинъ.

Нѣтъ! это не было побѣдой!
Отъ жизни отрекаюсь я безъ бою.
И если пятна темныя на ней
Доселѣ оставались, пусть ихъ смоетъ
Конецъ мой. Кто намѣренья свои
Осуществлялъ медлительно и робко,
Кто до исхода дѣла унывалъ,
Въ безсиліи поникнувъ головою, —
Надъ тѣмъ глумиться будетъ міръ. Падетъ
Онъ презираемъ, и умретъ забытый.
Когда жъ надъ человѣкомъ, полнымъ силъ,
Гроза нежданно грянетъ — и его
Во прахъ повергнетъ бездыханнымъ, мертвымъ...
Во всѣхъ сердцахъ рождается тогда

Къ погибшему невольное участье,
И каждый задаетъ себѣ вопросъ:
Не рано ль онъ погибъ? И заслужилъ ли
Такой конецъ? Такъ думаетъ теперь
И гордый человѣкъ, что̀ удалился
Лишь отъ меня. Быть-можетъ, примирясь
Съ моею тѣнью, и потомство также
Мои земныя слабости захочетъ
Изъ вѣчной книги вычеркнуть своей!

СЦЕНА VI.

Струэнзе и **офицеръ** со стражей.

ОФИЦЕРЪ [къ стражѣ].

Снять цѣпи съ узника.

СТРУЭНЗЕ.

Такъ я свободенъ?

ОФИЦЕРЪ [вынимая пакетъ съ черной печатью].

Несчастный! Вотъ какую приношу
Свободу я.

СТРУЭНЗЕ.

Ту, что̀ должна избавить
Отъ всѣхъ оковъ!

[Смотритъ на печать].

Мой смертный приговоръ.
Не такъ ли? Да? Онъ утвержденъ? Прочтите,
Я васъ прошу.

ОФИЦЕРЪ [про себя].

Гдѣ силы взять мнѣ, Боже!

[Сломивъ печать, читаетъ, сильно взволнованный].

«Признано справедливымъ графа Іоанна-Фридриха Струэнзе, за совершенныя имъ преступленія, по лишеніи графскаго титула и всѣхъ прочихъ дарованныхъ ему достоинствъ и по преломленіи надъ нимъ, черезъ палача, его графскаго герба... въ

примѣръ и на страхъ всѣмъ, могущимъ оказаться его единомышленникамъ...»

Графъ, пощадите... не могу я кончить!

[Бумага падаетъ у него изъ рукъ].

СТРУЭНЗЕ [поднимаетъ ее и спокойно прочитываетъ до конца].

Да! вотъ оно.. вотъ имя короля!
Но не тебѣ нужна Струэнзе гибель,
Мой бѣдный, мой обманутый монархъ!
Ты окруженъ предательствомъ, измѣной;
Враги хотятъ тебя принудить даже
Разстаться съ вѣрнымъ ангеломъ твоимъ!
Лишенъ друзей, супруги, одинокій,
Покинутый, томиться будешь ты,
Покамѣстъ день спасенья не засвѣтитъ
И для тебя, — покамѣстъ мститель грозный
За всѣхъ насъ не отплатитъ...

ОФИЦЕРЪ.

Если вамъ
Угодно, графъ, распоряженья сдѣлать, —
Не медлите: къ концу подходитъ ночь.
Съ разсвѣтомъ дня должны вы быть готовы —
Въ послѣдній путь...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ сердце говоритъ,
Что не совсѣмъ я буду неоплаканъ,
Покинувъ этотъ міръ, и потому
Хотѣлъ бы я всѣмъ дорогимъ и близкимъ,
Которые почтутъ слезой мой прахъ,
Послать привѣтъ прощальный передъ смертью.
Такъ если вы желаніе мое
Исполнить не откажетесь, я письма
Сейчасъ же приготовлю...

ОФИЦЕРЪ.

Вѣрьте, графъ,
Что для меня они святыней будутъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я вѣрю вамъ, и этимъ лишь довѣрьемъ
Могу вамъ благодарность доказать.
Вы — благородный, добрый человѣкъ,
И ввѣрить умирающій вамъ можетъ,
Безъ опасенья, все, что у него
Отъ достоянья прежняго осталось —
Послѣднія, предсмертныя слова!
Я ухожу — и скоро все покончу.

[**Уходитъ**].

СЦЕНА VII.

Офицеръ одинъ.

[**Средняя дверь отворяется**].

ОФИЦЕРЪ.

Что это? Келлеръ-Баннеръ?.. Неужели
Такъ далеко вражда его зашла...
Но кто же съ нимъ еще?..

СЦЕНА VIII.

Офицеръ, Келлеръ съ своими адъютантами, **пасторъ Струэнзе,** котораго ведетъ слуга его. Пасторъ окидываетъ грустнымъ взглядомъ стѣны тюрьмы, прячетъ лицо свое на груди слуги и въ этомъ положеніи остается въ глубинѣ сцены.

ОФИЦЕРЪ [**Келлеру**].

Какъ, генералъ?
Вы сами безпокоитесь...

КЕЛЛЕРЪ.

Я волю
Монарха исполняю... И притомъ
Удостовѣриться хотѣлъ я лично,
Согласно ль приказаніямъ моимъ
Все сдѣлано... Вы смертный приговоръ
Вручили заключенному? Скажите жъ,
Какъ принялъ онъ его: спокойно... твердо?

50*

ОФИЦЕРЪ.

Герой нейдетъ спокойно такъ на битву,
Какъ онъ на казнь. Теперь къ друзьямъ онъ пишетъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Пускай! пока часъ смерти не пробилъ,
Его вы не тревожьте... но тогда
Преступнику не дозволяйте медлить.
Нетерпѣливо ждетъ его народъ, —
Не нужно, чтобъ роПталъ онъ. Окружимъ
Мы мѣсто казни вѣрными войсками,
И никакое упущенье не должно
Опасностью грозить столицѣ... Брандтъ
Пойдетъ сначала... а потомъ Струэнзе.
Какъ только на подмостки вступитъ онъ,
Забить велите тотчасъ въ барабаны,
Чтобъ словъ его толпа не расслыхала,
Коль говорить отважится онъ съ ней.

ОФИЦЕРЪ.

Онъ говорить не станетъ. Онъ покончилъ
Расчеты съ небомъ, съ міромъ и съ собой.

КЕЛЛЕРЪ.

Онъ счастливъ, если это такъ.
Еще хочу я, чтобъ къ нему допущенъ
Былъ этотъ человѣкъ...

[Показывая на пастора].

Наединѣ
Оставьте ихъ. Старикъ — его отецъ.

ОФИЦЕРЪ [про себя].

О, милостивый Боже!

[Вслухъ].

Онъ идетъ...
Вамъ тяжело, быть можетъ, генералъ,
Его увидѣть... Не угодно ль будетъ
Вамъ удалиться...

[Келлеръ поспѣшно идетъ къ двери, но тамъ вдругъ останавливается].

СТРУЭНЗЕ [подходя къ офицеру съ письмами].

Эти письма вы...

[Келлеръ оборачивается и пристально глядитъ на Струэнзе, который спокойно и съ достоинствомъ выдерживаетъ этотъ взглядъ. Потомъ Келлеръ быстро уходитъ, офицеры слѣдуютъ за нимъ].

СЦЕНА IX.

Струэнзе и пасторъ.

СТРУЭНЗЕ [не замѣчая отца].

Вотъ что̀ мнѣ больно было! — увидать
Врага непримиримаго, въ которомъ
Досель еще все ненависть кипитъ.
Пришлось и эту выдержать борьбу.
Одинъ я! Предъ открытою могилой
Одинъ стою. Ни дружескаго взора,
Съ участьемъ обращеннаго ко мнѣ,
Ни голоса любимаго, который
Мнѣ усладилъ бы мой предсмертный часъ!
О! если бы я могъ на дорогія
Черты отца взглянуть еще хоть разъ
И отъ него принять благословенье...
О! если бъ прозвучали мнѣ слова
Изъ устъ его... «Прощай, мой сынъ!»

ПАСТОРЪ [при первыхъ словахъ сына дѣлаетъ движеніе ужаса и потомъ тихо приближается].

Мой Фридрихъ!

СТРУЭНЗЕ.

Чей это голосъ?.. Боже милосердый!..
Отецъ! отецъ мой!.. Я изнемогаю...

[Падаетъ на колѣни и обнимаетъ ноги отца].

ПАСТОРЪ [подымая его].

Будь твердъ, мой сынъ, великое мгновенье
Должны спокойно встрѣтить мы съ тобой.
Не омрачимъ напраснымъ сокрушеньемъ
Послѣдній часъ, и помыслы къ Тому
Мы обратимъ, предъ Кѣмъ предстать ты долженъ.

СТРУЭНЗЕ.

Но развѣ самъ ты можешь быть спокоенъ
И не скорбишь глубоко, мой отецъ?

ПАСТОРЪ.

Я видѣлъ, какъ скоплялись эти тучи,—
Еще давно, въ дни счастья твоего,
Я прозрѣвалъ грозившую опасность...
И приходилъ тебя предостеречь,
Но ты не внялъ тогда; и день невзгоды,
Котораго страшился я,—насталъ.

СТРУЭНЗЕ.

Ты знаешь ли, какой позорный путь
Избрали для меня мои злодѣи?

ПАСТОРЪ.

Какой бы ни былъ смерти путь, но онъ
Къ источнику спасенья и блаженства
Приводитъ насъ. Умри лишь съ этой вѣрой,
Мой Фридрихъ милый,—и ты будешь житы!
[Пауза].
Скажи мнѣ, что̀ душа твоя, мой сынъ?

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ кажется, чиста, и не волнуютъ
Ни ненависть ее, ни чувство мести..

ПАСТОРЪ.

Такъ примирился ты со свѣтомъ?

СТРУЭНЗЕ.

Да.

ПАСТОРЪ.

Очистилъ ли ты духъ свой отъ сомнѣнья,
И вѣра не колеблется ль твоя?

СТРУЭНЗЕ.

Я вѣрю въ безконечную любовь
Творца и въ счастье жизни вѣчной;
Я сознаю грѣхи свои и въ нихъ
Раскаиваюсь искренно и горько!

ПАСТОРЪ.

Забылъ ли страсть грѣховную свою?

СТРУЭНЗЕ.

Что̀ ты зовешь моей грѣховной страстью?

ПАСТОРЪ.

О королевѣ думать пересталъ ли?

СТРУЭНЗЕ.

Нѣтъ! этого не требуй отъ меня!
Она мой путь, какъ ангелъ лучезарный,
Своимъ сіяньемъ кроткимъ озаряла!
И этотъ образъ чистый сохраню
Я въ сердцѣ до послѣдняго мгновенья,—
Онъ вѣчнаго блаженства мнѣ залогъ.
Пусть до конца звучатъ мнѣ тѣ слова,
Что̀ отъ нея въ послѣдній разъ я слышалъ,
И на меня дыханіемъ весны
Повѣетъ у дверей моей могилы!
Я думаю,—я не могу, отецъ,
Пока еще дышу, о ней не думать;
И не таюсь я въ этомъ предъ тобой,
Какъ ужъ давно повѣдалъ это Небу.

ПАСТОРЪ.

Кто судитъ наши мысли и дѣла,
Проститъ тебѣ, коль съ духомъ просвѣтленнымъ
Передъ лицомъ Его предстанешь ты.

СТРУЭНЗЕ.

Да! Онъ проститъ, Его я благость вижу.
Не Онъ ли, въ мой предсмертный часъ, привелъ

Ко мнѣ отца. Въ глазахъ твоихъ сіяетъ
Мнѣ знаменье прощенія Его.
Къ Нему, ликуя, духъ стремится мой!
Какъ въ царство завоеванное входитъ
Въ кровавыя ворота побѣдитель,
И я въ страну, гдѣ вѣчной правды свѣтъ,
Войду съ подмостковъ, кровью обагренныхъ.
Ужъ близокъ день... Съ покорностью несу
Я жизнь къ подножью вѣчнаго престола.
Сокрытыя намѣренья теперь
На свѣтъ дневной выходятъ и сіяютъ...
И поблѣднѣть, какъ скорбь, должны дѣла...
Но все же есть награда, и въ странѣ,
Гдѣ я донынѣ дѣйствовалъ, ужъ зрѣютъ
Посѣянныя мною сѣмена.
Я сознаю, что я не даромъ жилъ;
Не ослѣплялъ народъ постыдной ложью,
Какъ думаютъ противники мои.
Она придетъ, пора осуществленья
Моихъ надеждъ, стремленій дорогихъ,—
Ужъ, содрогаясь, чуетъ тираннія,
Что близокъ торжества ея конецъ!
Я вижу... Разъяренная толпа,
Порвавъ свои оковы, воздвигаетъ
Повсюду эшафотъ за эшафотомъ...
Нѣтъ никому пощады отъ нея!
И короля влечетъ она на плаху;
Потомъ свои удары на себя
Въ какомъ-то опьянѣньи обращаетъ.
Безъ устали работаетъ палачъ!
Топоръ его гуляетъ на просторѣ
И коситъ жизнь за жизнью каждый мигъ,
Какъ жнецъ усердный спѣлые колосья!
Но чья-то вдругъ желѣзная рука
Безумную обуздываетъ ярость —
И отдохнулъ палачъ. Но сильный мужъ
Пришелъ не съ вѣткой мира... Истребляетъ
И онъ людей воинственнымъ мечомъ.
Но, наконецъ, войны угасло пламя...

Спокойно все, лишь волнъ морскихъ прибой
Шумитъ вокругъ могилы одинокой...
И настаютъ иные дни... Союзъ
Съ монархами народы заключаютъ...
Да, эти дни придутъ... должны прійти...
Народъ могучъ и силенъ королями,—
Народомъ лишь велики короли!

[Дверь отворяется. Стража. Духовное лицо. Служитель, несущій гербъ графа. Струэнзе, при появленіи ихъ, не можетъ воздержаться отъ движенія ужаса].

ПАСТОРЪ [къ сыну].

Какъ чувствуешь себя ты, милый сынъ?

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ хорошо... готовъ я...

ПАСТОРЪ.

Такъ пойдемъ.

СТРУЭНЗЕ.

Нѣтъ! нѣтъ! отецъ мой, я не допущу,
Чтобъ провожалъ меня ты... Въ этихъ взорахъ
Ужъ и теперь безмѣрную печаль
Читаю я. Могу ль я твердымъ быть,
Когда твой взглядъ... Нѣтъ! нѣтъ! я умоляю,
Ужасное намѣренье свое
Оставь, отецъ!.. Достойный этотъ пастырь
Меня проводитъ къ вѣчному жилищу...
А ты, отецъ, благослови меня!

ПАСТОРЪ.

О, сердце бѣдное мое! О, Боже!
Дай силу мнѣ!..

[Струэнзе становится на колѣни. Отецъ кладетъ ему на голову свои руки].

Господь съ тобой, мой сынъ.
Да подкрѣпитъ Его святая благость
Тебя въ послѣдній, трудный этотъ мигъ.
Да будетъ Тотъ, Кто за тебя страдалъ,
Кто искупилъ тебя Своею кровью,
Въ твой смертный часъ, о сынъ мой, близъ тебя...

И, на Свое тебя принявши лоно,
Да ниспошлетъ тебѣ Онъ вѣчный миръ.
Аминь!

[Струэнзе встаетъ и бросается въ объятія отца].

СТРУЭНЗЕ.

Разстанемся...

ПАСТОРЪ.

Тебя я не покину!
Вѣдь ты — дитя мое! О, дай мнѣ, дай...
Еще прижать къ устамъ твое чело.

[Пауза].

Прощай... Прощай... Мнѣ кажется, что вижу
Твою я мать... что сына ждетъ она...
Я больше не держу его... Идите...

[Падаетъ безъ чувствъ; Струэнзе поддерживаетъ его].

СТРУЭНЗЕ.

Поникъ!.. И горе сжалилось надъ нимъ!
Отъ ужаса разлуки отвратило
Оно его страдальческіе взоры.
Еще ты не проснешься, а ужъ я
Сіянье утра вѣчнаго увижу!
Коротокъ путь... его свершу я скоро!

[Уходитъ. Всѣ слѣдуютъ за нимъ. Пасторъ остается одинъ съ своимъ слугой]

ПАСТОРЪ [послѣ долгой паузы, приходитъ въ себя].

Его здѣсь нѣтъ? Ушелъ? Гдѣ онъ?

[Барабанный бой вдали. Пасторъ обращаетъ глаза къ небу].

Онъ тамъ!

ЗАНАВѢСЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ

СТИХОТВОРЕНІЙ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Составилъ П. В. Быковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

Составилъ П. В. Быковъ.

СОВРЕМЕННИКЪ.

1844.

Ночные думы. I. Десдемонѣ. В—о Г—іи. II. Безотчетная грусть. III. Дачи. Т. XXXIII. Кн. 2, стр. 241—244. Подпись: *А. П—въ.*

Пѣсня странника. Изъ Рюкерта. («Тѣни горъ высокихъ»). Т. XXXIII. Кн. 3. Мартъ. Стр. 352. Подп. *А. П—въ.*

Старикъ за фортепіано. Т. XXXIV. Кн. 4. Апрѣль. Стр. 79—80. Подп. *А. П—въ.*

«Все тихо». Изъ Гейне. Т. XXXIV. Кн. 4. Апрѣль. Стр. 83. Подп. *А. П—въ.*

Дума. («Какъ дѣти иль рабы, преданію послушны»). Т. XXXIV. Кн. 5. Май. Стр. 229—230. Подписано *А. П—въ.* 1844.

Челнокъ. (П. В. В—у). («Сядемъ въ челнокъ мы, малютка»). Т. XXXIV. Кн. 5. Май. Стр. 232. Подп. *А. П—въ.*

Прощальная пѣсня. («Ангелъ свѣтлый, ангелъ милый»). Т. XXXIV. Кн. 6. Іюнь. Стр. 338—339. Подп. *А. П—въ.* Май. 184...

Могила. («Листья шумѣли уныло»). Т. XXXV. Кн. 7. Іюль. Стр. 99. Подп. *А. П—въ.*

*** («Послѣ грома, послѣ бури»). Т. XXXV. Кн. 7. Іюль. Стр. 104. Подп. *А. П—въ.* 184...

Notturno. («Ночь тиха... Едва колышетъ»). Т. XXXVI. Кн. 10. Октябрь Стр. 110. Подп. *А. П—въ.*

Тишь на морѣ. Изъ Гёте. Т. XXXVI. Кн. 12. Стр. 371. Подп. *А. П—въ*

1845.

«О, мой Творецъ». Изъ Гёте. Т. XXXVIII. Кн. 4. Апрѣль. Стр. 115 –116 Подп. *А. П—въ.*

Любовь пѣвца. Т. XXXIX. Кн. 8. Августъ. Стр. 213—214. Подп. N. N. Многія строки этого стихотворенія вошли потомъ въ пьесу «Впередъ»,

1846.

На память. («Когда на зло моимъ желаньямъ»). Т. XLI. Кн. 2. Февраль. Стр. 279. Подписано: *А. П—въ.* 1844.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

1845.

Странникъ. (Т. I. № 20. Стр. 318—319).

«Ее мнѣ жаль». (Графу Д. Толстому). Т. I. № 24. 383).

Двѣ пѣсни. I. «Снова я, раздумья полный». II. «Доброй ночи! ты сказала». (Т. I. № 30. Стр. 478—479).

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ,

В. Межевича и И. Песоцкаго.

1845.

На зовъ друзей. (Изъ А. Барбье). (Т. IX. Кн. 3. Стр. 850—851). Подп. *А. Пл—ъ.*

Могила («Листья шумѣли уныло»). (Т. X. Кн. 4. Стр. 3).

Дума. («Какъ дѣти иль рабы, преданію послушны»). (Т. X. Кн. 5. Стр. 413).

Notturno. («Я слышу знакомые звуки»). (Т. XI. Кн. 7. Стр. 128).

Сосѣдъ. («Скучно, грустно мнѣ; въ окошко»). (Т. XI. Кн. 9. Стр. 553—554).

Изъ Ганри Блаза. («На небо взглянулъ я, и тучи»). (Т. XII. Кн. 10. Стр. 143.

Пѣсня. («Выйдемъ на берегъ, тамъ волны»). (Т. XII. Кн. 12. Стр. 333—334.

1846.

Балъ. (Отрывокъ). («Я помню балъ... Горѣли ярко свѣчи») (Т. XIII. Кн. 1. Стр. 3—4). Дата: 1845.

Изъ Гейне. I. «Брожу-ль я вечеромъ осеннимъ». 2. «И у меня былъ край родной». 3. «Обо мнѣ съ тобою много». (Т. XIII, Кн. 2. Отд. I. Стр. 293—294). Дата: 1845.

Гидальго («Полночь. Улицы Мадрида»). (Т. XIV. Кн. 6. Стр. 615—616). Дата: 1845.

Прости. («Прости, прости, настало время»). (Т. XV. Кн. 7. Стр. 83).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1845.

Четыре стихотворенія изъ Гейне. I. «Совѣтовъ полезныхъ не мало». II. «О, еслибъ цвѣточки-малютки». III. «Мнѣ снилася дочь короля молодая». IV. «Отчего такъ блѣдны розы?» (№ 46. 29 ноября. Стр. 758).

Въ выноскѣ сказано: «Изъ книги, изготовляемой къ выходу въ свѣтъ, подъ названіемъ: «Стихотворенія Гейне».

1847.

«Когда увижу я нежданно погребенье». (№ 48. 27 ноября. Стр. 758). Подп. *А. П—въ*.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

1844.

М. П. Я—й. («Люблю стремиться я мечтою»). (Т. LXV. Августъ. Отд. I. Стр. 122—123).

1846.

Изъ Гейне. I. Горная идилія. 2. «Они меня много терзали». 3. «Какъ дрожитъ ночной порою». Стих. (Т. LXXV. Апрѣль. Отд. I. Стр. 107—109)

Элегія. (Изъ Полоніуса). («Да, я люблю тебя, прелестное созданье»). (Съ французскаго). (Т. LXXV. Апрѣль. Отд. I. Стр. 109—110).

«Когда я въ залѣ многолюдномъ». (Т. LXXVIII. Сентябрь. Отд. I. Стр. 6—7). Дата: 1845.—Протекція. (Изъ Гейне). («Совѣтовъ полезныхъ не мало»). Ibidem. Стр. 7).—Напѣвъ («Отчего полна томленья»). Ibidem. Стр. 8).

1859.

Два стихотворенія Гейне. 1. Метта (Датская баллада). 2. Графиня Гудель фонъ-Гудельсфельдъ. (Т. CLVII. № 9. Сент. Отд. I. Стр. 51—54)

1863.

*** («Что ты поникла, зеленая ивушка»). (Т. CLXXVII. № 6, іюнь. Отд. I. Стр. 30).

Умирающій. (Т. CLXXVII. № 6. Іюнь. Отд. I. Стр. 40).

Осень. («Я узнаю тебя, время унылое»). (Т. CLXXIX. № 9. Сент. Отд. I. Стр. 54).

Ипохондрія. (Т. CLXXIX. № 9. Сент. Отд. I. Стр. 34).

«Что годъ, то новая утрата» (Т. CLXXIX. № 9. Сентябрь. Отд. II. Стр. 55).

1864.

Съ нѣмецкаго. Гости. (Т. CLXXXI. № 1. Январь. Отд. 1). (Это заглавіе стихотворенія значится на обложкѣ, но въ книгѣ его нѣтъ).

Ребенку. Съ нѣмецкаго. (Т. CLXXXI. № 1. Янв. Отд. I. Стр. 40).

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

1846.

Изъ Гейне. 1. «Былъ старый король». II. «Я помню, во снѣ мнѣ явилась». III. «Дитя! какъ цвѣтокъ, ты прекрасна». IV. «Все тихо.., Блѣдна изъ-за тучи». V. «Вотъ снова незванная гостья». VI. «Долго въ этой жизни темной». VII. «Лилея рѣчная головку», VIII. «День и ночь я все мечтаю». (Книга 2-я. Стр. 121—126). Дата: 1845.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

1848.

Два стихотворенія изъ Гейне. I. Трагедія. II. Барабанщикъ. (Стр. 295—297).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1856.

Послѣ чтенія газеты. (Т. V. № 20. Октябрь. Кн. 2-я. Стр. 720). Подп. *А. П—въ.* Дата: 1854.

Закатъ. (Изъ Гейне). (Т. VI. № 22. Ноябрь. Кн. 2-я. Стр. 306). Подп. *А. П—въ.* Дата: 1853.

Старыя пѣсни на новый ладъ. I. Въ степи. 1856. II. Раздумье. III. Вопросъ. IV. Весною. 1853. V. С . . . . у (При вступленіи на поприще) 1855. VI. Въ альбомъ («Не говорите, что напрасно»). (Т. VI. № 24. Декабрь. Кн. 2-я. Стр. 647—651). Подп. *А. П—въ.*

1857.

Подражаніе польскому. (М. Л. Михайлову). («Птичка Божія проснулась съ зарею»). (Т. VII. № 2. Янв. Кн. 2-я. Стр. 395). Подп. *А. П—въ.*

Старыя пѣсни на новый ладъ. I. «О, еслибъ знали вы, друзья моей весны» (1856). II. «Когда свой кроткій, ясный взоръ». III. «Есть дни... ни злоба, ни любовь», IV. Зимнее катанье. (Т. IX. № 9. Май. Кн. 1-я. Стр. 140—143). Подп. *А. П—въ.*

Молитва. («О, Боже мой, возстанови»). (Т. X. № 15. Авг. Кн. 1-я. Стр. 582). Подп. *А. П—въ.*

1858.

*** («О, нѣтъ, не всякому дано»). (Т. XIII. № 2, Янв. Кн. 2-я. Стр. 395). Подп. *А. П—въ.*

*** («Тобой лишь ясны дни мои»). (Т. XIII. № 2. Янв., кн. 2-я. Стр. 396 Подп. *А. П—въ.*

*** («Онъ шелъ безропотно тернистою дорогой»). (Т. XIV. № 7. Апр., кн. 1-я. Стр. 440). Подп. *А. П—въ.*

*** («Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья птичка») (Т. XIV. № 8. Апр., кн. 2-я. Стр. 606). Подп. *А. П—въ.*

Былое. С. Н. Ѳ -ву. (С. Н. Федорову). (Т. XIV. № 8. Апр., кн. 2-я. Стр. 607). Подп. *А. П—въ.*

Стихотворенія. I. «Трудились, бѣдные, вы, отдыха не зная». (1858). II. «Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!» III. «Ты хочешь пѣсенъ — не пою». IV. «Была пора, своихъ сыновъ». V. «Ты мнѣ мила, пора заката». (1857). VI. Сельская пѣсня. («Травка зеленѣетъ»). Съ польскаго. (Т. XV. № 12. Іюнь, кн. 2-я. Стр. 613—618).

Стихотворенія: I. «Когда возвратился я въ городъ родной». II. «Много злыхъ и глупыхъ шутокъ». (Т. XVI. № 14. Іюль, кн. 2-я. Стр. 385—388).

Стихотворенія. I. Изъ Фердинанда Фрейлиграта. («Люби, пока любить ты можешь!») 21-го сентября 1858. II. Изъ Макса Вальдау.

(«Уныло двѣ поблекшихъ розы»). 1858. (Т. XVII. № 18. Сент., кн. 2-я. Стр. 411—416).

*** («Я здоровъ, румянъ и веселъ»). Стих. (Т. XVIII. № 22. Ноябрь, кн. 2-я. Стр. 297—298).

Благотворитель. (Стихотвореніе Гейне). (Т. XVIII. № 23. Декабрь, кн. 1-я Стр. 490—492).

СОВРЕМЕННИКЪ.

1858.

Мой знакомый. (Т. LXXI. № 9. Сентябрь. Отд. I. Стр. 291—293).

Стихотвореніе Шевченка. («Проходятъ дни, проходятъ ночи»). Съ малороссійскаго. (Т. LXXI. № 10. Окт. Отд. I. Стр. 470).

1859.

Старый комедіантъ. (Съ нѣмецкаго). (Т. LXXIV. № 4. Апрѣль. Стр. 320).

Перлы и пѣсни. (Съ нѣмецкаго). (Т. LXXV. № 5. Май. Стр. 212).

Юность и старость. (Изъ Роберта Прутца). (Т. LXXV. № 6. Іюнь. Отд. I. Стр. 275.

Опустѣвшій домъ. (Т. LXXVII. № 10. Окт. Отд. I. Стр. 355).

Лунной ночью. (Т. LXXVII. № 10. Окт. Отд. I. Стр. 356).

Вильямъ Ратклифъ. Драматическая баллада Генриха Гейне. (Посвящается Николаю Гавриловичу Чернышевскому). Съ предисловіемъ отъ переводчика. (Т. LXXVIII. № 11. Ноябрь. Отд. I. Стр. 261—294).

1860.

Работница. Поэма Тараса Шевченка. Переводъ съ малороссійскаго. (И. С. Тургеневу). (Т. LXXX. № 4. Апрѣль. Отд. I. Стр. 457).

Три стихотворенія Морица Гартмана. (Н. А. Некрасову). 1. Манвельтова недѣля. 2. Пиринеи. 3. Лампа. (Т. LXXXIII. № 9. Сент. Отд. I. Стр. 305—312).

На улицѣ. (Т. LXXX. № 3. Мартъ. Стр. 4—5).

Старикъ. (Т. LXXXII. № 8. Авг. Стр. 475—476).

1861.

Слуга и служанка (Изъ Карла Бека). (Т. LXXXV. № 1. Янв. Отд. I. Стр. 119—120).

Нищіе. (Т. LXXXV. № 2. Февр. Отд. I. Стр. 409—410).

Больной. (Т. LXXXVI. № 4. Апр. Отд. I. Стр. 367).

Стихотворенія шотландскихъ поэтовъ. I. Въ послѣдній разъ. (Вильямъ Могервель). II. «Всѣ люди — братья». (Робертъ Николль). III. Отцовскій очагъ. (Робертъ Николль). IV. «Теперь ужъ я ничто». (Вильямъ Андерсонъ). V. Старики. (Эндрю Паркъ). (Т. LXXXVIII. № 7. Іюль. Отд. I. Стр. 207—214).

Четыре стихотворенія. 1. Поэту. 2. Лѣтній вечеръ. 3. *** («Блаженъ, не вѣдавшій труда»). 4. «Отдохну-ка, сяду, у лѣсной опушки». (Т. LXXXVIII. № 8. Авг. Отд. I. Стр. 443—446). Дата: іюль 1861.

Мольба. (Т. ХС. № 12. Дек. Отд. I. Стр. 487—488).

1862.

Вариаціи. (Н. А. Некрасову). I. «Всѣмъ, застигнутымъ ненастьемъ». II. «Пестрота, и блескъ, и говоръ». III. «О, не забудь, что ты должникъ». (Т. XCI. № 1. Янв. Отд. I. Стр. 320—322).

Отчизна. (Т. XCII. № 3. Мартъ. Отд. I. Стр. 321).

*** («О, юность, юность, гдѣ же ты?») (Т. XCII. № 4. Апр. Отд. I. Стр. 563).

1863.

Совѣты мудрецовъ. (Т. XCIV. № 1—2. Янв.-Февр. Отд. I. Стр. 121).

Въ лѣсу. (Т. XCIV. № 1—2. Янв.-Февр. Отд. I. Стр. 155).

Изъ Гейне. («Чтобъ умереть я могъ спокойно»). (Т. XCIV. № 1—2. Янв.-Февр. Отд. I. Стр. 156).

*** («Всю-то, всю мою дорожку)». (Т. XCIV. № 1 — 2. Янв.-Февр. Отд. I. Стр. 351).

На мотивъ изъ Виктора Гюго. («Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ»). (Т. XCV. № 3. Мартъ. Отд. I. Стр. 298).

На родинѣ. (Съ англійскаго). (Т. XCV. № 4. Апр. Отд. I. Стр. 527.

Передъ разсвѣтомъ. (Съ нѣмецкаго). (Т. XCV. № 4. Апр. Отд. I. Стр. 588).

Туча. (Т. XCVII. № 8. Авг. Отд. I. Стр. 439). Дата: іюль, 1863.

Изъ Гейне. («Глаза мои ночь застилала»). (Т. XCVIII. № 9. Сентябрь. Отд. I. Стр. 153).

Thanatopsis (Т. XCIX. № 11. Ноябрь. Отд. I. Стр. 176).

1864.

Два стихотворенія изъ Гейне. I. Добродѣтельный песъ. II. Юдоль плача. (Т. CI. № 3. Мартъ. Отд. I. Стр. 269—272).

*** («Смотрю на нее и любуюсь»). (Т. CIV. № 10. Октябрь. Отд. I. Стр. 421).

*** («Если хочешь ты, чтобъ мирно»). (Т. CIV. № 10. Октябрь. Отд. I. Стр. 425).

1865.

Памяти Е. А. П. 1—3. (Т. CVIII. № 5. Май. Отд. I. Стр. 122—124). Дата: январь, 1865. Москва.

Пѣсня отступниковъ. (На мотивъ одного нѣмецкаго поэта). (Т. CX. № 10. Окт. Отд. I. Стр. 362).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1859.

Стихотворенія. Съ малороссійскаго. I. Жница. II. Пѣсни («Протоptила я тропинку»). (№ 4—5. Стр. 46).

«Странствуй!» (Изъ Гейне). (№ 40. Стр. 498). Тата: 21-го августа.

Призраки. (№ 46. Стр. 572—573).

Съ нѣмецкаго. («Ахъ! не та ужъ эта липа»). (№ 47. Стр. 584).

1860.

Изъ Морица Гартмана. I. Дождевыя капли. II. На мотивы одной болгарской пѣсни («Я въ свой цвѣтокъ любимый заглянула»). (№ 4. Стр. 61).

Изъ Гейне. («Я бѣса звалъ—и онъ явился предо мной»). (№ 8. 125).

Съ польскаго. («Здѣсь дни мои текутъ спокойно»). (№ 22. Стр. 356).

Изъ Гейне. I. Паденіе. II. «Она ползетъ къ намъ, ночь нѣмая». (№ 26. Стр. 410).

СОВРЕМЕННОСТЬ.

1860.

«Если въ часъ, когда зажгутся звѣзды». (№ 1. 29-го января. Стр. 12).

РУССКОЕ СЛОВО

1859.

Пѣсни Гейне. (П. В. Павлову). 1. «Красавицу юноша любитъ». 2. «Ты мнѣ долго вѣрна оставалась». 3. «Собравшись за столикомъ чайнымъ». 4. «О, не будь нетерпѣлива». 5. «Съ тобою мнѣ побыть хотѣлось». 6. «Разстаемся мы надолго». 7. «На станціи встрѣтилась какъ-то». (Книга V. Май. Стр. 28—34, въ приложеніи къ статьѣ А. А. Григорьева «Генрихъ Гейне»). Дата: С.-Петербургъ. 1858.

1861.

*** («Нѣтъ! лучше гибель безъ возврата»). (Кн. XI. Ноябрь. Стр. 24). Дата: Іюнь 1861.

1862.

*** («Завидно мнѣ смотрѣть на мудрецовъ)». (Кн. 1. Янв. Стр. 46). Дата: Декабрь 1861.

*** («На сердцѣ злоба накипѣла»). (Кн. II. Февраль. Стр. 52).

1863.

Подарки. (Изъ Морица Гартмана). (Книга I. Январь. Стр. 40).

Сиротки. (Изъ Гейне). (Кн. XI—XII. Ноябрь—Декабрь. Стр. 52—54).

1864.

Леди Клара Веръ-де-Веръ. (Изъ Теннисона). (Книга II. Февраль. Стр. 159—160).

«Стало мнѣ въ домѣ и скучно, и тѣсно». (Изъ Морица Гартмана). (Книга II. Февраль. Стр. 34).

ИСКРА.

1859.

Изъ Гейне. I. Тамбурмажоръ. (№ 45. Стр. 446—448).

Пѣсни изъ Гейне. II. У камина. (Старая пѣсня). III. «Письмо, что ты мнѣ написала». IV. «Межъ тѣмъ, какъ съ робкою надеждой». V. «Если много ты имѣешь». (№ 46. Стр. 462.).

51*

1867.

Примиреніе. (Изъ Ф. Геббеля). (№ 35. 17-го сентября. Стр. 427—428).

ВѢКЪ.

1861.

Изъ Роберта Прутца.(«Ты коварно меня укачала»).(№ 5. Стр. 169—170).

Изъ Гервега. («Сокрыта въ морской глубинѣ»). (№ 6. Стр. 215).

«Друзья свободнаго искусства». (Стихотв., прочитанное на обѣдѣ въ честь артиста С. В. Васильева въ Москвѣ). (№ 8. 22-го февраля. Стр. 289; въ статьѣ «Обѣдъ въ Москвѣ»).

Изъ Ленау. («Тяжелыя черныя тучи»). (№ 14, 5-го апрѣля. Стр. 488—489).

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

1861.

11 января 1861 года («Друзья свободнаго искусства») (№ 36. 14-го февраля. Стр. 291. Въ статьѣ «Обѣдъ въ честь г. Васильева»).

ДЕНЬ.

1861—1862.

Дѣти. (№ 9. 9-го декабря 1861. Стр. 2—3).

«Природа-мать! къ тебѣ иду». (№ 18. 10-го февраля 1862. Стр. 3).

Лжеучителямъ. (№ 23. 17-го марта 1862. Стр. 3). Дата: февр. 27-го.

Изъ Эйхендорфа. I. Умирающій. II. Ночные голоса. (№ 32. 19-го мая 1862. Стр. 5).

Двѣ дороги. (Посв. И. С. Аксакову) I—II. (№ 38. 22-го сентября 1862. Стр. 6—7).

Ночью. («Непривѣтна, молчалива»). (№ 44. 3-го ноября 1862. Стр. 4—5).

ДѢТСКАЯ КНИЖКА,

составленная А. Плещеевымъ и Ѳ. Бергомъ.

1861.

Весна. (Стр. 1). Подп. *А. П.*—Сельская пѣсня. (Стр. 35). Подп. *А. П.*

ВРЕМЯ.

1861.

Облака. (Т. I. № 1. Янв. Отд. I. Стр. 260).

Молчаніе. (Изъ Морица Гартмана). Т. I. № 2. Февр. Отд. I. Стр. 410).

Весенній привѣтъ. (Изъ Николая Ленау). (Т. I. № 2. Февр. Отд. I. Стр. 475).

Лунная ночь (Изъ Эйхендорфа). (Т. II. № 4. Апрѣль. Отд. I. Стр. 520).

Зимній сонъ (Изъ Эйхендорфа). (Т. II. № 4. Апрѣль. Отд. I. Стр. 521).

Съ нѣмецкаго. («Пронзительно вѣтеръ ночной завывалъ»). (Т. IV. № 8. Авг. Отд. I. Стр. 412).

Погребальная пѣсня. (На мотивъ изъ Теннисона). (Т. IV. № 8. Авг. Отд. I. Стр. 516).

1862.

Ночь. («Запахъ розы и жасмина»). (Ѳ. И. Бергу). (Т. VII. № 2. Февр. Отд. I. Стр. 598.

Ночь. («И, вотъ, шатеръ свой голубой»). (Т. VIII. № 3. Мартъ. Отд. I. Стр. 352).

Родное. (Т. XIII. № 8. Авг. Отд. I. Стр. 222).

Она и онъ. (Поэма). (Т. XIV. № 9. Сентябрь. Отд. I. Стр. 119—129).

Лѣтнія пѣсни. I. «Солнце горы золотило». II. «Ночь пролетала надъ міромъ». III. «Блѣдный лучъ луны пробился». (Т. XV. № 10. Окт. Отд. I. Стр. 316—318).

СВѢТОЧЪ.

1860.

«Я у матушки выросла въ холѣ». Стих. (Кн. 2. Февр. Отд. I. Стр. 13—14).

Изъ Шевченка. («Не вернулся изъ походу»). (Перепечатка).

«Покоя нѣтъ, мой другъ, на жизненномъ пути». (Кн. 5. Май. Отд. I. Стр. 12).

1861.

Изъ Зейдлица. («Ребенокъ спалъ... Она сидѣла»). (Кн. 3. Мартъ. Отд. I. Стр. 127—128).

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПАМЯТИ СМИРДИНА.

1859.

Сельскія пѣсни. (Съ польскаго). 1. «Убравши головку цвѣтами». 2. «Тебѣ няньки пѣсни пѣли». 3. «Хоть бы пѣсенку ты спѣла». 4. «Молодой стрѣлокъ идетъ дорогой». (Т. VI. Стр. 98—100).

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.

1860.

Малороссійскія стихотворенія. I. «И долину, и могилу». II. «Не вернулся изъ походу». III. «Хороша, богата». IV. «Полюбила я». (Переводы изъ Шевченка). (Книжка 1. Стр. 114—148).

Скучная картина! Стих. (Книжка IV. Стр. 79—80).

ПОЭТЫ ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

Сборникъ. 1862.

Изъ Гейне. «Дитя! Какъ цвѣтокъ, ты прекрасна». «Рѣчная лилея головку». «Семья могильщика». «Письмо, что ты мнѣ написала». «Ан-

гелика». «Эмма». «Доктрина». «Паденіе». «Скучно мнѣ, и взоръ кидаю». «Собравшись за столикомъ чайнымъ». «Странствуй». «О, не будь нетерпѣлива». (Т. 2. Стр. 88, 90, 93, 108, 109, 110, 117, 118, 120, 121, 123, 124).

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

1863.

. («Зачѣмъ при звукахъ этихъ пѣсенъ») (Т. IX. № 1. Стр. 1—2).

Баркаролла. («Словно, какъ лебедь, по влагѣ прозрачной). (На музыку Шуберта). (Т. IX. № 2. Стр. 17).

Въ выноскѣ къ этому стихотворенію сказано: «Изъ приготовляемаго къ изданію «Собранія романсовъ Шуберта и Шумана, съ русскимъ текстомъ, подъ редакціей Н. Г. Рубинштейна».

Весна. («Опять весной въ окно мое пахнуло»).) (Т. IX. № 17. Стр. 257).

1884.

«Среди гнетущихъ умъ сомнѣній». (Съ нѣмецкаго). (Юбилейный нумеръ).

РУССКАЯ СЦЕНА.

1864.

Тиберій, третій кесарь. Сцена изъ трагедіи Гауфа. (№ 3. Мартъ. стр, 1—16).

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ.

1863.

Съ нѣмецкаго. 1. «Проклиналъ ужъ я не мало. 2. «Замираютъ послѣдніе звуки». 3. «У тебя, моя малютка». (Январь. № 2. Стр. 17—18).

1867.

Изъ Александра Петефи. («За мою доброту меня хвалишь все ты»). (Октябрь. № 20. Стр. 310).

1868.

Изъ Александра Петефи. 1. «Степью ѣду я унылою». 2. «Уходятъ друзья отъ меня—какъ пришли». (Янв. № 1. Стр. 2).

«Гдѣ ты, пора веселыхъ встрѣчъ». (Октябрь. № 20. Стр. 346).

1870.

Пѣсня. (Съ нѣмецкаго). «Все смотрѣлъ бы, да смотрѣлъ бы». (№ 7. 14-го февраля. Стр. 58). Подп. *А. П.*

Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. («Она, невѣрная, явилась»). (№ 11, 14-го марта. Стр. 90).

1873.

Тосты. (№ 1. 1-го января. Стр. 10).

1874.

Вы и я. (Съ нѣмецкаго). «Нѣтъ счета вашимъ зáмкамъ и дворцамъ». (№ 1, 1-го января. Стр. 18).

АНТРАКТЪ.

1867.

Славянскимъ гостямъ. (Экспромтъ). («Примите, славяне, нашъ братскій привѣтъ»). № 21. 28-го мая. Дата; Москва. 23-го мая 1867 г.

ДѢЛО.

1867.

Жалобы ирландскаго выходца. (Съ англійскаго). (№ 6. Іюнь. Отд. I). Стр. 253--255).

«Быстро таютъ снѣга». (№ 6. Іюнь. Отд. I. Стр. 256).

Вильгельмъ Завоеватель. (Съ англійскаго). (№ 10. Октябрь. Отд. I Стр. 124—125).

1868.

Мать и сынъ. (Изъ Андерсена). (№ 1. Янв. Отд. I. Стр. 177—178).

1881.

Изъ старыхъ пѣсенъ. («Давно, давно мнѣ пересталъ»). (№ 10. Октябрь. Отд. I. Стр. 116).

Надъ прудомъ. (Изъ Ады Кристенъ). (№ 10. Октябрь. Отд. I. Стр. 162)

1882.

Богъ сна. Новелла въ стихахъ. Поля Гейзе. (№ 11. Ноябрь. Отд. I Стр. 101—114).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1868.

Облака. (Посвящается Г. А. Ларошу). (Т. V (CLXXX). № 9. Сент. Отд. I. Стр. 183—184).

*** («Когда тебя молчаніемъ суровымъ». (Т. V (CLXXX). № 9. Сент. Отд. I. Стр. 244).

*** («Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила»). (Т. VI (CLXXXI). № 10. Окт. Отд. I. Стр. 389).

1869.

*** («Тяжелая мучительная дума»). (Т. VII (CLXXXII). № 2. Февр. Отд. I. Стр. 404).

Отецъ и сынъ. (Сцена изъ трагедіи Альфіери «Семейство Пацци»). (Т. VIII (CLXXXIII). № 3. Мартъ. Стр. 118—122).

1870.

*** («Иль тѣ дни еще далеки»). Т. XV (CXCI). № 7. Іюль. Стр. 61).

1871.

Изъ иностранныхъ поэтовъ. I. Два стихотворенія Роберта Прутца: Оправданіе.—Ложный путь. II. Радботъ. Ад. Шультса. III. Королева Мая. Альфреда Теннисона. (Т. XIX (CXCIV). № 2. Февр. Отд. I, Стр. 365—374).

На мотивъ изъ Фелиціи Гименсъ («О! спой мнѣ ту пѣсню родная»). (Т. XXIII (CXCVIII). № 11. Ноябрь. Отд. I. Стр. 291—292).

1872.

Три стихотворенія изъ Гейне: 1. Разговоръ въ дубравѣ. 2. Lazarus. 3. Жажда отдыха. (Т. XXVI (CCI). № 3. Мартъ. Отд. I. Стр. 293—296).

Пѣсни Гейне. 1. «Спектакль оконченъ». 2. «Какъ цвѣты, расцвѣтаютъ желанья». 3. «Какъ старикъ съ однимъ кровавымъ». 4. «Въ бракъ со мной вступивъ, ты будешь». 5. «Надъ долиной, надъ горами». 6. «Будь спокойна, нашей страсти». (Т. XXVI (CCI). № 4. Апрѣль. Отд. I. Стр. 500—502).

Изъ «Еврейскихъ мелодій» Байрона «The Wild Gazelle». («Газель, свободна и легка»). (Т. XXVIII (CCIII) № 8. Авг. Отд. I. Стр. 477).

Изъ Роберта Прутца. («Смотрѣлъ ли ты на Альпы въ часъ заката». (Т. XXVIII (CCIII). № 8. Авг. Отд. I. Стр. 178).

Изъ Марка Монье. («Въ церкви я стоялъ и слушалъ»). (Т. XXIX. (CCIV). № 10. Октябрь. Отд. I. Стр. 505—506).

Изъ Роберта Гамерлинга. («И вотъ опять увидѣть я лѣса»). (Т. XXX (CCV). № 11. Ноябрь. Отд. I. Стр. 104).

Миньонѣ. Стихотвореніе Роберта Гамерлинга. (Т. XXX (CCV) № 12 Декабрь. Отд. I. Стр. 457—458).

1873.

Дора (Разсказъ А. Теннисона. (Т. CCVI. № 1. Январь. Стр. 33—39).

Изъ Байрона. When all around and dark («Когда былъ страшный мракъ кругомъ»). (Т. CCVI. № 1. Январь. Стр. 39—40).

Дѣтство. (Т. CCVI. № 1. Январь. Стр. 150—152).

Ребенокъ. (Изъ Фридриха Геббеля). (Т. CCVI. № 2. Февр. Стр. 441).

Три стихотворенія Фридриха Геббеля. I. Мотивъ народной пѣсни. II. Сонъ. III. Драма. (Т. CCVII. № 4. Апр. Стр. 314—316).

Два стихотворенія. 1. Старики. II. Теплый день весенній. (Т. CCVIII. № 6. Іюнь. Стр. 412—414).

Ослѣпленная птичка. (Изъ стихотвореній Р. Гамерлинга «Sinnen und Minnen»). (Т. CCIX. № 7. Іюль. Стр. 78—80).

Поиски. (Съ англійскаго). (Т. CCIX. № 7. Іюль. Отд. I. Стр. 105—106).

Съ нѣмецкаго. (Изъ стихотвореній К. Бека «Пѣсни о бѣднякахъ»). («Стекло у ней вѣтромъ въ окошкѣ разбило». I—III. (Т. CCXX. № 10. Октябрь. Стр. 668—670).

Могила труженика. (Т. CCXI. № 11. Ноябрь. Стр. 143—144).

Изъ Гейне. («У входа въ рыбачью лачужку»). Т. CCXI. № 11. Ноябрь. Стр. 171—172).

1874.

Изъ Гейне. 1. Женни. 2. «Пора оставить эту шутку». (Т. CCXV. № 8. Авг. Отд. I. Стр. 435—436).

1875.

Изъ «Ирландскихъ мелодій» Томаса Мура. 1. «Не называйте его». II. Впередъ. (Т. CCXX. № 6. Іюнь. Отд. I. Стр. 367—368).

Изъ трагедіи Байрона «Сарданапалъ». (Т. CCXXI, № 7. Іюль. Отд. I. Стр. 103—114).

Изъ «Ирландскихъ мелодій» Томаса Мура. («Ко мнѣ иди». (Т. CCXXI). № 8. Авг. Отд. I. Стр. 488).

Послѣ грозы. Стихотвореніе Джакомо Леопарди. (Т. CCXXIII). № 12. Декабрь. Отд. I. Стр. 577—578).

1877.

«Я тихо шелъ по улицѣ безлюдной». (Т. CCXXXV. № 11. Ноябрь. Отд. I. Стр. 165—166).

1881.

*** («Бурлила мутная рѣка»). (Т. CCLVI. Отд. I. № 6. Іюнь. Стр. 449—450)·

Изъ Виктора Гюго. Моей дочери. (Т. CCLVIII. № 9. Сентябрь. Отд. I. Стр. 202).

Изъ Виктора Гюго. Пѣсня. («Поля цвѣтами запестрѣли»). Т. CCLVIII. № 9. Сентябрь. Отд. I. Стр. 224).

1883.

27-го сентября 1883 года. (Памяти Тургенева). Т. CCLXV. № 10. Октябрь. Отд. I. Стр. 565—566).

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

1870.

Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. 1. Политическому поэту. 2. «Вчера меня ласкало счастье». Т. CXCVI. № 4. Апрѣль. Стр. 727—728).

Струэнзе» Трагедія Михаила Бэра· Переводъ въ стихахъ. (Т. CXCVI, CXCVII, CXCVIII. №№ 5-7. Май, іюнь, іюль. Стр. 5—47, 445—506, 96—149.

1871.

Изъ природы. Пѣсни Адольфа Шультса. (Съ нѣмецкаго). 1. «Деревья весело шумѣли». 2. «Когда умру я, схороните». 3. «На волны небо грустное смотрѣло». 4. «Напрасно, птички, васъ мое». (Т. CCII. № 3. Мартъ. Стр. 208—209).

Блэнгеймскій бой. Изъ Роберта Соути. (Т. CCII. № 4. Апрѣль. Стр. 661—663). Дата: Москва. 1871.

Три стихотворенія Байрона. 1. Well thou art happy «Ты счастлива. и я бы долженъ счастье». Еврейскія мелодіи. «У водъ вавилонскихъ,

УСТОИ.

1882.

«Подъ небомъ южной стороны». (№ 2. Февраль. Отд. I. Стр. 138—139).

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

1880.

Памяти Пушкина. (Кн. 6. Іюнь. Стр. 336).

ОТКЛИКЪ.

Литературный Сборникъ.

1882.

Съ венгерскаго. (Изъ Арани). («Ахъ! Сколько, сколько пало ихъ»). (Стр. 319). Дата: 1879.

На мотивъ изъ Ады Кристенъ. («Да, онъ давно знакомъ мнѣ, тотъ недугъ»). (Стр. 320). Дата: 1880.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1884.

Изъ иностранныхъ поэтовъ. I. Съ французскаго. (Изъ Сюлли-Прюдома). «О если бъ знали вы, какъ много слезъ незримыхъ». II. Съ нѣмецкаго. (Изъ Фриды Портъ). «Старость счастливая мнѣ суждена». (Т. I. № 1. 18 декабря 1883. Стр. 6).

На новый годъ. («Всѣмъ трудящимся на благо»). (Т. I. № 3. 1-го янв. 1884. Стр. 78).

МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Книга для чтенія.

1882.

Стихотворенія: Дѣтскія ручки («Шаловливыя ручонки»). Стр. 68.— Мальчикъ и птичка. (Стр. 76—77). Дѣти и птичка. (Стр. III. Слова къ нотамъ: Легенда. — Житейское. — Сельская пѣсня. («Травка зеленѣеть»).—Завтра.

РОДНИКЪ.

1882.

Былое. (Т. II. № 4. Апрѣль. Стр. 360—362).

ИГРУШЕЧКА.

1880.

«Огни погасли въ домѣ» (№ 12. Стр. 378).

Пѣсня изгнанника. «Лети, моя птичка, далеко»). (№ 48. Стр. 1512—1513).

1888.

Внучка. (Съ нѣмецкаго). (№ 2. Для младш. возр. Стр. 51—52).

ГУСЛИ.

1881.

*** («Ты жаждалъ правды, жаждалъ свѣта»). (Декабрьскій №, 13-го декабря. Стр. 3).

Изъ Ады Кристенъ. («Всему конецъ, все миновало»). (Декабрьскій №, 20-го декабря. Стр. 6).

1882.

«Безъ надеждъ и ожиданій». (№ 2. 10 янв. Стр. 6).

Изъ Морица Гартмана. («Уходи отъ меня поскорѣй». (№ 3. 17-го янв. Стр. 6).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1881.

Изъ шотландскихъ народныхъ балладъ. Джони Фа. (Т. II. № 40). Стр. 262).

1884.

На мотивъ изъ Ады Кристенъ. (Sie aber tratenstolz mit Füssen. «Съ усмѣшкой наглой на устахъ». (Т. II. № 32. Стр. 82).

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1883.

Исцѣленіе (Изъ Эрнеста Цительмана). (№ 1. Янв. Стр. 347—348).

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МІРОКЪ.

1884.

«Лишь ты одинъ...» (Изъ Ады Кристенъ). (№ 3. Стр. 1).

Охота. Монологъ Грене-Данкура. Переводъ съ французскаго. (Посвящается В. Н. Давыдову). (№ 21. Стр. 4. Перепечатка).

Слова для музыки. («Намъ звѣзды кроткія сіяли»). (№ 34. Стр. 1).

1885.

«Какъ часто образъ дорогой». (№ 1. Стр. 2).

Къ портрету пѣвицы. (Ванъ-Зандтъ). («Своей чарующей улыбкой»). (№ 3. Стр. 2). Подп. *А. А. П.*—По просьбѣ поэта эти стихи, въ шутку, подписаны иниціалами его сына.

НИВА.

1886.

Стихотворенія. I. Изъ Теннисона. («Меня ты любилъ, какъ сестру»). II. Въ альбомъ Антону Рубинштейну. («Могучіе, чарующіе звуки»). (№ 23. Стр. 578).

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

1885.

Изъ иностранныхъ поэтовъ. I. Изъ Томаса Мура. («Я видѣлъ, какъ розовымъ утромъ качался»). II. Изъ Сюлли Прюдома. («Имъ нѣтъ числа—очамъ, что любовались»). (№ 1. Сент. Отд. I. Стр. 95—96).

1888.

Изъ Томаса Мура («Какъ солнце золотитъ поверхность тихихъ водъ). (№ 2. Февр. Отд. I. Стр. 50).

На похоронахъ Всеволода Гаршина. (№ 4. Апрѣль. Отд. I. ненум. стран.).

АЛЬМАНАХЪ «СТРЕКОЗЫ».

1884.

Охота. Монологъ. Грене-Данкура. Переводъ съ французскаго. (Посвящается В. Н. Давыдову). (Стр. 227—228).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

1893.

⁂ (Посв. П. И. Вейнбергу). («Такъ тяжело, такъ горько мнѣ и больно»). (№ 14. 3-го октября. Стр. 5. Воспроизведенъ автографъ)

КОБЗАРЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА,

въ переводѣ русскихъ поэтовъ.

«Проходятъ дни, проходятъ ночи» (22—23). «Не вернулся изъ походу» (33). «Полюбила я» (34). «Проторила я тропинку» (36—37). «Хороша, богата» (39). Сонъ («Она на барскомъ полѣ жала» (103). «И долину и могилу» (116).

СОЧИНЕНІЯ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

Въ переводѣ русскихъ писателей.

«Вильямъ Ратклиффъ». Трагедія въ одномъ дѣйствіи. (1822). Перев. (Т. XI. Стр. 97—148).

Романцеро. Разговоръ въ Падеборнской степи. Пер. (Т. XIII. Стр. 231—233).

Новая весна. I. «Былъ старый король... Эту пѣсню». II. «Письмо, что ты мнѣ написала». III. «Будь спокойна, нашей страсти». IV. «Какъ цвѣты расцвѣтаютъ желанья». (Т. XIII. Стр. 336. 342, 343, 348).

РУССКІЕ ПОЭТЫ

въ біографіяхъ и образцахъ.

РУССКІЕ ПОЭТЫ

въ біографіяхъ и образцахъ, 2-е и 3-е изданія.

АНГЛІЙСКІЕ ПОЭТЫ

въ біографіяхъ и образцахъ.

НѢМЕЦКІЕ ПОЭТЫ

въ біографіяхъ и образцахъ.

ПОЭЗІЯ СЛАВЯНЪ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Стихотворенія А. Плещеева. 1845 1846. Эпиграфъ: «Homo sum et nihil humanni a me alienum puto». Спб. Печатано въ типогр. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи. 1846. Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 14 мая 1846 года. Цензоръ Никитенко. 16 д. л. стр. 80 и 2 нен. Содержаніе: Сонъ.—На зовъ друзей.—Балъ.—Молитва (Изъ Гёте).—«Ее мнѣ жаль».— Поэту.—Элегія (Изъ Полоніуса).—«Впередъ! безъ страха и сомнѣнья».— «Когда я въ залѣ многолюдномъ».—Напѣвъ.—Странникъ,—Отвѣтъ.— «Прости».—Дума.—Встрѣча.—Пѣвицѣ.—«Страдалъ онъ въ жизни много-много»—Двѣ пѣсни.—«Случайно мы сошлися съ вами».—Два слова къ читателю.—Изъ Гейне (21 пьеса).—Звуки.—Пѣсня странника (Изъ Рюккерта).—«Послѣ грома, послѣ бури».—Подражаніе Байрону.—«Къ чему мечтать о томъ, что послѣ будетъ съ нами».

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Эпиграфъ: «Gesanglos war ich und beklommen... и проч. Heine. Спб. Изданіе А. Смирдина сына и К°. 1858. Тип. И. Шумахера. Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 25-го апрѣля 1858 года. Цензоръ В. Бекетовъ. 12 д. л. 101 и 111 стр.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно дополненное. Москва. Въ тип. В. Грачева и Комп. 1861. Печатать позволяется. Москва. 19-го декабря 1860 г. Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ. 8 д. л. 283 стр. и 4 ненум. I. Новыя стихотворенія. II. Стихотворенія, изданныя въ 1858 году. III. Нѣсколько стихотвореній прежняго періода (1846). IV. Изъ Гейне. Лирическія стихотворенія (43 пьесы) и «Вильямъ Ратклиффъ» (трагедія).

Новыя стихотворенія А. Плещеева. (Дополненіе къ изданнымъ въ 1861 году). Москва. Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера. 1863. Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 15-го іюня 1863 года. 8 д. л. 108 и 11 стр. Оригинальныя стихотворенія (24 пьесы). Переводы (19 пьесъ).

Стихотворенія А. Н. Плещеева (1846—1886). Съ портретомъ автора. Изданіе В. М. 1887. Москва. Типогр. А. И. Мамонтова. 8 д. л. 575 и VII стр. Ц. 2 р. 50 к. Содержаніе. Часть первая. Оригинальныя стихотворенія. I. Стихотворенія юношескаго періода. II. Стихотворенія, изданныя въ 1858 году. III. Стихотворенія шестидесятыхъ годовъ. IV. Стихотворенія позднѣйшаго періода. V. Стихотворенія для дѣтскаго возраста. VI. Стихотворенія на мотивы иностранныхъ поэтовъ. Часть вторая. Переводы. I. Стихотворенія нѣмецкихъ поэтовъ. II. Стихотворенія англійскихъ поэтовъ. III. Изъ поэтовъ разныхъ національностей. IV. Съ малороссійскаго. V. Драматическіе отрывки.

Стихотворенія А. Н. Плещеева (1846—1891). Второе изданіе. Съ портретомъ автора, факсимиле и статьею П. И. Вейнберга. Изданіе А. А. Плещеева. Спб. Тип. М. М. Стасюлевича. 1894. 8 д. л. XVIII и 603 стр. Содержаніе. Предисловіе. Памяти Алексѣя Николаевича Плещеева. Петръ Вейнбергъ. Часть первая. Оригинальныя стихотворенія. I. Стихотворенія юношескаго періода. 1846. II. Стихотворенія, изданныя въ 1858 г. III. Стихотворенія шестидесятыхъ годовъ. IV. Стихотворенія позднѣйшаго періода. V. Стихотворенія для дѣтскаго возраста. VI. Сти-

хотворенія на мотивы иностранныхъ поэтовъ. Часть вторая. Переводы. I. Стихотворенія нѣмецкихъ поэтовъ. II. Стихотворенія англійскихъ поэтовъ. III. Изъ поэтовъ разныхъ національностей. IV. Съ малороссійскаго. V. Драматическіе отрывки. Дополненіе.

Стихотворенія А. Н. Плещеева (1811-1891). Третье, дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, снимкомъ съ памятника на его могилѣ, біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ и библіографіей стихотвореній. Подъ редакціей П. В. Быкова. Изданіе А. А. Плещеева. Спб. Тип. А. С. Суворина. 1898. 8 д. л. XXXV, 824 и XII стр. Содержаніе. Отъ издателя. А. Н. Плещеевъ. Біографическій очеркъ. Петръ Быковъ. Оригинальныя стихотворенія. I. Стихотворенія юношескаго періода. II. Стихотворенія, изданныя въ 1858 году. III. Шестидесятые годы. IV. Стихотворенія послѣдняго періода. V. Стихотворенія для дѣтскаго возраста.—Переводы и подражанія. I. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. II. Изъ англійскихъ поэтовъ. III. Изъ итальянскихъ поэтовъ. IV. Изъ французскихъ поэтовъ. V. Изъ венгерскихъ и датскихъ поэтовъ. VI. Изъ польскихъ поэтовъ. VII. Изъ малороссійскихъ поэтовъ.—Прибавленіе. I. Первыя стихотворенія. II. Стихотворенія разныхъ періодовъ.—Драматическіе отрывки. — Второе прибавленіе. -Библіографія стихотвореній.—Алфавитный указатель.

Работница. Поэма. (Съ малороссійскаго). А. Н. Плещеева. М. 1893. Тип. товарищ. А. И. Мамонтова. 16 д. л. 23 стр.

Избранныя стихотворенія А. Н. Плещеева. Изд. московскаго комитета грамотности при Императорскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. М. 1894. Съ портретомъ. Тип. тов. А. И. Мамонтова. 16 д. л. 39 стр. Содержаніе. I отд. Въ бурю.—Елка.—Бабушка и внучка.—Возвращеніе изъ школы.—На берегу.—Ожиданіе.—Солдатъ.—Сонъ.—«Всю-то, всю мою дорожку». II отд. «Всѣ люди-братья».—Молитва.—Туча.—Цвѣтокъ въ тюрьмѣ.—Нищіе.—Цвѣтокъ въ пустынѣ.—Двѣ дороги.—Дѣтство.—«Отдохну-ка, сяду».—Впередъ.

Дѣдушкины пѣсни. Стихотвореніе для дѣтей А. Н. Плещеева № 117 Москва. Тип. И. Д. Сытина и К°. 1891. 16 д. л. 52 стр. Съ портретомъ на обложкѣ. Оглавленіе: Весна. — Птичка. — Ожиданія. — Бабушка и внучка.—Весна.—«Напрасно, птички, васъ мое». — Ненастье. — Капля дождевая. Изъ Морица Гартмана.—«Передъ ветхою избенкой».—Тучи.—Мой садикъ.—Завтра.—Нищіе.—Цвѣтокъ.—Въ бурю.—Дѣти и птичка.—Зимній вечеръ. -Ребенку.—Дѣтство. - Легенда. (Съ англійскаго).

То же. Безъ перемѣнъ. Москва. 1894.

То же. Безъ перемѣнъ. Москва. 1896.

Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества А. Н. Плещеева. Спб. 1878. Тип. В. Лихачева и А. Суворина. 12 д. л. 117 и II стр.

Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества А. Н. Плещеева. Изданіе второе А. А. Плещеева. Спб. 1895. Тип. А. С. Суворина. 8 д. л. 117 и 2 нен.

Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества А. Н. Плещеева. Изданіе третье А. А. Плещеева. Спб. Тип. А. С. Суворина. 1897. 8 д. л. 117 и 3 нен.

«Ожиданія». Оттискъ безъ заглавнаго листа. Съ рисунками М. Микѣшина. Спб. 1870. Тип. Гогенфельдена. 8 д. л. 2 стр.

«О, сторожи, чтобъ сердце свято». Откр. листъ. 8 д. л. М. Тип. А. Гатцуга. Дозв. ценз. 28 февраля 1879. (Это переводъ изъ Фрейлиграта: «Люби, пока любить ты можешь» — съ выброшенной первой строфой).

«Пѣсни стараго друга». Стихотворенія А. Н. Плещеева. № 116. Съ портретомъ на обложкѣ. М. 1891. Тип. И. Д. Сытина и К°. 16 д. л. 34 стр. Содержаніе. «Я у матушки выросла въ холѣ».—Грѣшница (Изъ Геббеля).—«Я помню — во снѣ мнѣ явилась». (Изъ Гейне). — Былое.— «Онъ въ бѣломъ гробикѣ своемъ». — «И у меня былъ край родной». (Изъ Гейне). — Благотворитель. (Изъ Гейне). — Учитель. — Ученики.— Дѣти. — «Трудились, бѣдные, вы, отдыха не зная». — Двѣ дороги.— «Смотрю на нее и любуюсь».—«Когда мнѣ встрѣтится». — Лжеучителямъ.—Послѣ чтенія газетъ. — Поэту-пророку. — «О, нѣтъ, не всякому дано». — «Всю-то, всю мою дорожку». — «О, если бъ знали вы».— Молитва.—«Впередъ! безъ страха и сомнѣнья».—Въ новый годъ.- Другу.

То же. Изданіе 1895. Въ тип. т-ва И. Д. Сытина. Безъ перемѣнъ.

То же. Изданіе 1896. Въ тип. т-ва И. Д. Сытина. Безъ перемѣнъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

стр.

стр.

стр.

стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стихотворенія юношескаго періода (1844—1846).

Стихотворенія, изданныя въ 1858 г.

Шестидесятые годы (1859 — 1869).

Стихотворенія послѣдняго періода (1870—1891).

стр.

Стихотворенія для дѣтскаго возраста.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

ГЕТЕ.

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.

ФРИДРИХЪ ГЕББЕЛЬ.

I.-X. ЗЕДЛИЦЪ.

РОБЕРТЪ ГАМЕРЛИНГЪ.

ФЕРДИНАНДЪ ФРЕЙЛИГРАТЪ.

МОРИЦЪ ГАРТМАНЪ.

НИКОЛАЙ ЛЕНАУ.

стр.

ГЕОРГЪ ГЕРВЕГЪ.

РОБЕРТЪ ПРУТЦЪ.

АНАСТАСІЙ ГРЮНЪ.

І. фонъ-ЭЙХЕНДОРФЪ.

Баронъ ОСКАРЪ РЕДВИЦЪ.

КАРЛЪ БЕКЪ.

МАКСЪ ВАЛЬДАУ.

ФРИДРИХЪ БОДЕНШТЕДТЪ.

АДОЛЬФЪ ШУЛЬТСЪ.

ГЕРМАНЪ ЛИНГЪ.

стр.

ФЕЛИЦІЯ ГИМЕНСЪ.

ТОМАСЪ МУРЪ.

НЕИЗВѢСТНЫЕ АВТОРЫ.

Изъ итальянскихъ поэтовъ.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

Изъ французскихъ поэтовъ.

АНРИ БЛАЗЪ.

ОГЮСТЪ БАРБЬЕ.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

МАРКЪ МОННЬЕ.

СЮЛЛИ ПРЮДОМЪ.

